

Я. Г. Риер

СТРАНЫ АЗИИ, АФРИКИ И АМЕРИКИ в I – середине II тыс.

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2019

Я. Г. Риер
Страны Азии, Африки и Америки в I – середине II тыс.
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова.

ISBN 978-985-568-581-5

Курс лекций является существенно дополненным и переработанным вариантом издания 2001 г. При сохранении структуры прежнего варианта книги в новый внесены существенные дополнения, а местами и уточнения, основанные на накопленном за последние почти двадцать лет опыте преподавания, обобщении новейших исследований, а также на осознании необходимости отвечать на новые вопросы, появляющиеся у современного читателя.

Учитывая современное состояние глобального мира и роль стран условного «Востока», большое внимание в работе, наряду с изложением событий, уделяется выявлению движущих сил развития восточных обществ, объясняющих их специфику в прошлом и настоящем. С этих позиций наиболее существенно дополнены главы об исламе и мусульманских государствах. В отличие от предыдущего издания в него включена история государств Юго-Восточной Азии, которая обычно не рассматривается в общих курсах по средневековой. Но в данном случае учитываются и возрастающая роль этого региона в наше время, и новые данные в изучении истории региона, полученные прежде всего археологами.

Курс лекций предназначен для студентов и магистрантов исторических факультетов университетов. Также может рекомендоваться и для углубленного изучения всемирной истории в школах, лицеях и гимназиях.

УДК 94(100)"/.../01"(075.8)
ББК 63.3(0)3я73

ISBN 978-985-568-601-0

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый курс лекций представляет изложение истории стран Востока в широком восприятии этого понятия. Он включает не только регионы Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, но также Юго-Восточную Азию, Африку и Америку. Всех их объединяют близкие формы общественно-экономической организации, что и будет продемонстрировано в дальнейшем изложении.

При рассмотрении конкретной истории автор придерживается *цивилизационного подхода*, широко распространенного в современной историографии. Следует, однако, заметить, что понятие цивилизаций весьма многогранно, каковой, собственно, является сама человеческая история. Отсюда – неопределенность применяемого в литературе термина.

Автор исходит из того, что **цивилизации** – *это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавшихся условиями жизни людей. При таком подходе в равной степени сочетаются антропологические (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географическая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность, при изучении которых заранее нельзя устанавливать субординацию между ними. При этом каждую локальную цивилизацию характеризует общность территории и определенный период существования, то есть единство в пространстве и во времени. Как пример можно вспомнить Древнеегипетскую цивилизацию.*

Ныне существующие цивилизации зародились в большинстве своем, именно в средние века, что и определяет место данной эпохи в системе учебных курсов по всеобщей истории. Само понятие *средневековье* возникло в Европе, и его хронология определяется историей этого континента, прежде всего его западной части: от крушения Римской империи до эпохи Возрождения. Для остальных территорий Земли западноевропейская хронология средневековья – V–XVI вв. – весьма условна. Но она употребляется в качестве общепринятого хронологического маркера, хотя и не отражает традиции и ритмы жизни восточных обществ, весьма многоликих. Кстати, и само обобщающее название – *Восток* – тоже возникло в западноевропейской литературе, то есть является продуктом европоцентризма.

Таким же западноевропейским «изобретением» явилось и понятие *феодализм*. Определение средневековой эпохи как *феодальной* появилось в сочинениях французских просветителей во второй половине XVIII в. и первоначально предназначалось для объяснения именно западноевропейской истории. Уже в середине XIX в., при более детальном ознакомлении с историей восточных обществ сами европейцы поняли, что вне Западной Европы

средневековые и *феодализм* имеют иные хронологические рамки. Да и сам феодализм на Востоке иной.

Возникла проблема сущности феодализма и полемика о возможности его расширительного толкования, то есть перенесения за пределы Европы¹. Отметим, что феодализм возникал при формировании крупного землевладения в условиях разложения первобытного общества или вследствие преобразований, которые происходили во впадшем в кризис рабовладении. Последний вариант был характерен для Позднего Рима, когда в условиях кризиса рабовладельческой экономики труд рабов в поместьях стал заменяться трудом колонов. В отличие от рабов колоны имели определенные гарантии на земельные наделы и некоторую хозяйственную самостоятельность, что способствовало их заинтересованности в результатах своего труда.

Но в большей части средневековых обществ феодализм вырос из первобытности. В процессе развития крестьянских общин в них формировались зажиточные верхи, заинтересованные в сохранении своего положения. Одновременно происходила консолидация социальных верхушек общин, племен и их союзов. Из них выделялись правители со своим военным окружением. С ростом населения и консолидацией племен складывалось своеобразное разделение труда на производительный и военно-административный.

Производственная функция сделалась главным и решающим признаком простого люда, крестьян. Военно-управленческая функция сосредоточилась в руках формирующейся знати, основой благосостояния которой была земля. Господствующее положение позволяло ей не только накапливать у себя свободный земельный фонд, но и на правах правителей или от их имени прибирать к рукам контроль за всей землей данного сообщества, превращавшегося тем самым в раннее государство. Сбор дани, налогов, административная и судебная деятельность постепенно укрепляли земельные права господствовавшего слоя, и он подчинял своему контролю земли, на которых вело хозяйство рядовое сельское население. Так образуются разнообразные системы земельных владений, речь о которых пойдет впереди.

Итак, и при крушении рабовладения, и при распаде первобытного общества формируется, с одной стороны, слой земельных собственников разного ранга, с другой – намного более многочисленный слой крестьян, постепенно терявших свои права на землю и попадавших в зависимость от землевладельцев. Из этих слоев вырастали два основных сословия феодального общества – землевладельцы и крестьяне, которые разделялись не только правами на землю, но и общественными обязанностями. Крестьяне трудились на земле, а управленческие и военные функции сосредотачивались у землевладельцев.

¹ Подробно о полемике по поводу сущности феодализма см.: *Рьер Я. Г.* Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: истоки и особенности. Могилев, 2016. С. 27–39. См. также: *Рьер Я. Р.* Да сучаснага разумення паняцця “феадалізм”// Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 1. С. 5–13.

Правители, обладая правами на подконтрольные земли, раздавали их своим приближенным и нередко слугам на условиях несения ими службы, прежде всего военной. Крестьяне, проживавшие на этих землях, должны были обеспечивать новых владельцев. Земли, розданные на указанных условиях, в Западной Европе получили название *феоды*, а их владельцев стали называть феодалами¹. Отсюда и название строя, основанного на таком землевладении, – *феодализм*. Власть при этой системе была приватизирована крупными земельными собственниками и обеспечивалась личной зависимостью получавших у них землю служилых людей.

Иными словами, главное в феодализме – монопольные права на основную источник существования – землю. Именно эти права давали землевладельцам политическую власть, ибо иных способов жизнеобеспечения при тогдашней системе хозяйствования, уровне развития средств производства не было. Ремесла и торговля, даже на экономически более развитом Востоке (в раннем средневековье), играли вспомогательную роль. Когда же деятельность, не связанная с землей, стала развиваться и занимать все более значимое место в экономической и общественной жизни, феодализм как система начал приходить в упадок.

Итак, наиболее общим определением можно считать следующее: **феодализм – это общественное устройство, основанное на соединении в одном лице власти и собственности на землю.** Разные варианты такого устройства *власти-собственности* определяют локальные варианты – цивилизационные модели или *локальные цивилизации*².

Подчеркнем, что в условиях цивилизационного разнообразия феодализм был многолик. Но находить его в разных обществах, полагаем, можно по наличию крупного землевладения, сросшегося с политической властью. А в остальном он мог быть государственным, как на Востоке, и частновладельческим, как в Западной Европе. Надо также иметь в виду, что, как и любая социологическая абстракция, феодализм не охватывает всего многообразия жизни средневековых сообществ. Но он удобный инструмент для их изучения, выявления существенных черт в многообразии, для анализа динамики исторического развития, ибо во многих современных обществах существуют черты, которые удобнее называть именно феодальными, а не средневековыми. Поскольку средневековье – это хронологическое, нейтральное понятие, феодализм же ориентирует на определенные исторические структуры, к анализу которых в странах Востока мы и приступаем.

Выражаем надежду, что после прочтения предлагаемого издания у читателя не возникнет вопроса о правомерности включения в понятие «Восток» средневековых государств, расположенных к югу от нашего континента Африки и к западу – Америки.

¹ Термин «феод» (*фьеф* – по франц., *лен* – по нем.), означавший *поместье, владение*, появляется во французских документах в IX в. [См. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986].

² Термин «власть-собственность» ввел в русскоязычную историческую литературу востоковед Л. С. Васильев.

АРАБЫ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ. С древности арабы обитали на большом полуострове *Аравия*, расположенном в юго-западной части Азии и составлявшем по площади четверть Европы (около 2,9 млн кв. км). С трех сторон он окружен водами Персидского залива, Индийского океана и Красного моря. Обособленность Аравии усилена горными цепями, протянувшимися с севера на юго-восток и юго-запад.

Центральную часть полуострова арабы называли *Нежд* (высота). Это практически безводное пустынное плоскогорье, пригодное лишь для кочевого скотоводства. Северо-западная часть – *Хиджаз* (препона, неудобное для жизни место) – неширокая полоса, расположенная параллельно побережью Красного моря – место караванных дорог с оазисами. Юго-запад – *Йемен* (южный, счастливый) – самая плодородная часть полуострова с древним террасным земледелием.

Климат сухой и знойный. Температура днем обычно около +45°C, ночью резко снижается. В Йемене перепад температур менее существенный. Дожди выпадают зимой в виде ливней, летом – зной. На берегу Красного моря в течение двух летних месяцев не бывает совершенно никакого движения воздуха – создается своеобразный жаркий коридор с огромной влажностью от испарений, из-за которых при безоблачном небе одежда становится мокрой. При переменах времен года дует восточный ветер – *самум* (жгучий, иссушающий), превращающий пустыню в бурлящее море песчаных волн, грозящих гибелью путникам. Рек в Аравии нет. Лишь изредка по высохшим руслам – *вади* (араб. сухое русло) – катятся потоки дождевой воды, вскоре исчезающей в песках.

НАСЕЛЕНИЕ. Древнейшее население Аравии, вероятно, было негроидным (дравидским -?), ассимилированным семитами, известными там со времен Аккадского царства (III тыс. до н.э.). Собственно арабы принадлежат *афроазиатской* (раньше ее называли *семито-хамитской*) языковой группе. Прежнее название связано с ветхозаветными персонажами – сыновьями пережившего Потоп Ноя – Симом и Хамом. Но когда в середине XX в. выявилось многообразие африканских языков, не связанных с некоей общей основой (потомков Хама), возникло более нейтральное название языковой семьи – *афроазиатская* (*афроазиатская*).

Термин *семитский* образован, соответственно, от Шема (Сима). Однако это наименование не согласуется даже с фактами, приведенными в Библии. Например, в Библии древнееврейский язык *иврит* назван «языком Ханаана». Но жители Ханаана по Библии – потомки не Сима, а Хама. Следовательно, иврит должен считаться не *семитским*, а *хамитским* языком. В XIX в. под влиянием укрепления в Европе национальных государств и, соответственно, формирования представлений о единстве языка, нации и «почвы» лингвистический термин *семитский* стал обозначать иное – *расу*. Но предположение, что народы, гово-

рящие на семитском языке, относятся к единой расе, отвергается многими современными исследователями. Поэтому термин «афразийская группа» выглядит более этнически нейтральным, подразумевающим, что одна группа языков объединяет разные этносы.

Кстати, идея о том, что *евреи* и *арабы* являются «кузенами» через библейских братьев Исаака и Измаила – сыновей Авраама, не была традиционной ни среди евреев, ни среди арабов. Но, поскольку она постепенно стала безоговорочной в еврейской литературе, а также была введена создателем *ислама* Мухаммадом¹ в священную книгу мусульман – Коран, представление о близком родстве признавалось обоими народами. Однако теория о последовательных миграциях семитских народов из Аравийского полуострова (сначала – евреев, затем, спустя более чем тысячу лет, – арабов) является умозрительной. Ибо если арабская экспансия на Ближнем Востоке общеизвестна, то история появления там евреев еще в начале I тыс. до н.э. неясна². Есть предположение об их формировании примерно на рубеже II–I тыс. лет до н.э. в Месопотамии, откуда они переселились на средиземноморское побережье – в Ханаан (Палестину), что отделяет их происхождение от аравийских семитов – арабов. Но и эта концепция также является гипотетической.

Этноним **араб** (бродяга, кочевник), возникший у их соседей – евреев и ассирийцев, распространился с VII в. до н.э. Тогда арабов насчитывалось около 4 млн человек. Из них примерно 3 млн составляли **бедуины** (кочевники) полупустыни, известные там примерно с XI в. до н.э. Все их богатство – скот, не крупный, как в земледельческих районах, а мелкий, неприхотливый – козы, овцы – на мясо, молоко, одежду и верблюды – для передвижений. Аравийский верблюд в жару может обходиться без питья 4–5 суток, несет до 250 кг, проходит в сутки 120–130 км, а на короткое расстояние развивает скорость до 20 км/ч. Существовали одnogорбые верблюды – *драмадеры*. Они отличались музыкальным слухом и для скорости их погоняли с помощью особого ритма, стихами и пением. Желудок верблюда – естественный резервуар воды, а мясо использовали в пищу. Значение их в жизни бедуинов было столь велико, что название взрослого верблюда имело до 500 синонимов. Одомашнивание верблюдов где-то во второй половине II тыс. до н.э. позволило бедуинам возвыситься над другими племенами Аравии. Во II–III вв. н.э. было изобретено специальное верблюжье седло и появилась верблюжья кавалерия.

По мере того как стада поедали растительность, кочевники передвигались. Несколько раз в год совершались большие переходы: весной – туда, где раньше выростала трава (самое сытое время у бедуинов), летом – туда, где больше воды, зимой – в закрытые долины, где была растительность для топлива и укрытие для скота от буранов. Каждое племя обычно в течение года совершало круг и возвращалось на

¹ Хотя в европейской литературе его имя обычно воспроизводится как *Мухаммед* (устаревш. – *Магомет*), используемая в данном тексте форма ближе к арабскому (и тюркскому) произношению.

² *Гойтейн Ш. Д.* Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков. М., 2001. С. 26–27.

прежние места. Все имущество кочевников: шатер, шерсть, сундуки и мешки с необходимыми вещами легко снималось и грузилось на выючных животных. На верблюдах отправлялись и в походы, а на коней сажались только перед боем.

Потребности в растительной пище и ремесленных изделиях связывали бедуинов с **феллахами** (земледельцами) Йемена (около 300 тыс. жителей к середине I тыс. н.э.) и горожанами Хиджаза. Причем в догосударственное время эта связь выражалась в набегах, из которых кочевники чаще всего выходили победителями.

Йеменские земледельцы до VI в. отличались от живших севернее собственно арабов и считались отдельным народом, говорившем на особом диалекте. Как заметил российский арабист А. Коротаев, если арабский близок ивриту, то южно-аравийские языки имеют совсем другую фонетику¹. Уже во II–III вв. н.э. там возникли государственные образования. Причем в южной части Йемена – вполне развитые.

Среди городов, основанных на караванных путях из Йемена в Африку, Сирию, Месопотамию, Персию и Византию, в Хиджазе выделялась *Мекка*, основанная захватившим эти места в V в. племенем *курейш* (курайш²) и расположенная в ущелье, где в сезон дождей бурлили бурные потоки. К VII в. в Мекке жило уже 12 тыс. человек. Богатые купцы – курейшиты (курайшиты) создали союз под таким же названием для охраны торговли. Еще в V в. они соорудили в Мекке родовое святилище *Кааба* (от араб. *куб*), около которого сложился рынок, ставший ведущим в Хиджазе. Постепенно и само святилище становится культовым центром многих соседних племен (там находились их идолы, что способствовало превращению города в центр будущего мусульманства).

В первые века новой эры на полуострове усиливается самостоятельная роль кочевников, крепнет их контроль над оазисами и торговыми путями, они глубже проникают на территории оседлых районов. Заимствование седла с лукой позволило им быстро и далеко передвигаться на верблюдах. Племена «полных бедуинов» в поисках новых пастбищ и добычи перемещаются по всей Аравии. Усилилась борьба за передел пастбищ, за источники воды. Возникают недолговечные протогосударственные образования типа военных союзов (вожеств), в которые включается и оседлое население. Центры этих протогосударств находятся в городах и селениях, но главная роль принадлежит в них кочевым племенам и кочевнической знати, из которой выходят правители.

¹ См.: polit.ru/article/2011/06/14/yemen1/

² В современной литературе применяется такое прочтение термина. См.: *Алиев А. Курайшиты. Историко-генеалогический справочник. М., 2014.*

С подвижными бедуинскими племенами шире распространяется арабский язык, первые письменные памятники на котором датируются III–IV вв. Происходит некоторое сближение культур жителей Аравии из разных регионов: их языка, фольклорного творчества, авторской поэзии, религиозных представлений. IV–VI вв. в Аравии характеризуются дальнейшим усилением активности и роли кочевников. Бедуин становится одной из главных фигур в жизни любого уголка Аравии, растет сфера политического влияния кочевых племен, расширяются земли, служащие пастбищами их верблюдов. Общий процесс «бедуинизации» выразился в постоянном давлении кочевых племен и полугосударственных объединений Внутренней Аравии на северную границу Йемена, в нападениях на йеменские караваны.

ЙЕМЕН. Йеменские земледельцы, у которых государственность возникла, как отмечалось, раньше к середине V в., начали слабеть. Их государства постепенно распадались из-за, с одной стороны, усиления местной знати в ущерб правителям, а с другой – роста политического влияния в Йемене соседних стран. В возникавших внутренних конфликтах – усобицах их участники стали прибегать к помощи соседей, что в итоге приводило лишь к обострению этих конфликтов, а затем к эфиопскому (в начале VI в.) и персидскому (в конце VI в.) завоеваниям.

В отличие от всей остальной Аравии Йемен в древности, в средние века и поныне остается страной по преимуществу земледельческой. Южная Аравия входила в один из районов древнейшего распространения культурных злаков. Значительная часть йеменских земель, пригодных для обработки, около 80% (особенно в горных долинах и на равнинах нагорья), способна давать хороший урожай благодаря той влаге, которую приносят муссонные дожди и порождаемые ими паводковые воды в течение двух дождевых сезонов.

Каменные и насыпные, облицованные камнем плотины, дамбы, стенки для ослабления напора воды и изменения ее течения, водоразборники и водораспределители, шлюзы, магистральные и распределительные каналы отводили воду на поля. Размеры и уровень технического исполнения этих сооружений были весьма различны в условиях разных типов рельефа, в столичных районах и на периферии. Вода шла на террасные поля на горных склонах, на ровные площади полей на равнинах, на изолированные плантации пальм. Основным принципом орошения было разовое распределение всей воды паводкового потока.

Наряду с этим существовали и устройства для сбережения воды: высеченные в скалах и вырытые в земле цистерны-джабии, подземные водохранилища, иногда плотины. Вода в них сберегалась для дополнительного орошения, а также для бытовых и культовых нужд. Были сооружения, которые служили и для распределения одноразового потока, и для сбережения части воды, которую отводили на поля в случае нужды. Для добычи подпочвенных вод служили колодцы и подземные каналы.

Основными хозяйственными ячейками на протяжении всего раннего средневековья в Йемене были относительно автономные общины в изолированных долинах. Земледельцы работали на своих и арендованных землях, а также в поместьях знати, выплачивая долю урожая и налоги. В начале средневекового периода в Йемене существовал рабовладельческий уклад, сохранявшийся в виде домашнего рабства и содержания рабов-воинов на протяжении всего средневековья.

В V–VI вв. постепенно приходят в упадок характерные для древности крупные земледельческие хозяйства предгорной зоны, основанные на крупных ирригационных системах, функционирование которых поддерживалось централизованной властью. Часть этих земель превращается в пастбища кочевников и полукочевников. Однако страна оставалась преимущественно районом оседлого земледелия, основанного на простых системах ирригации, и оседлого скотоводства со значительной долей крупного рогатого скота.

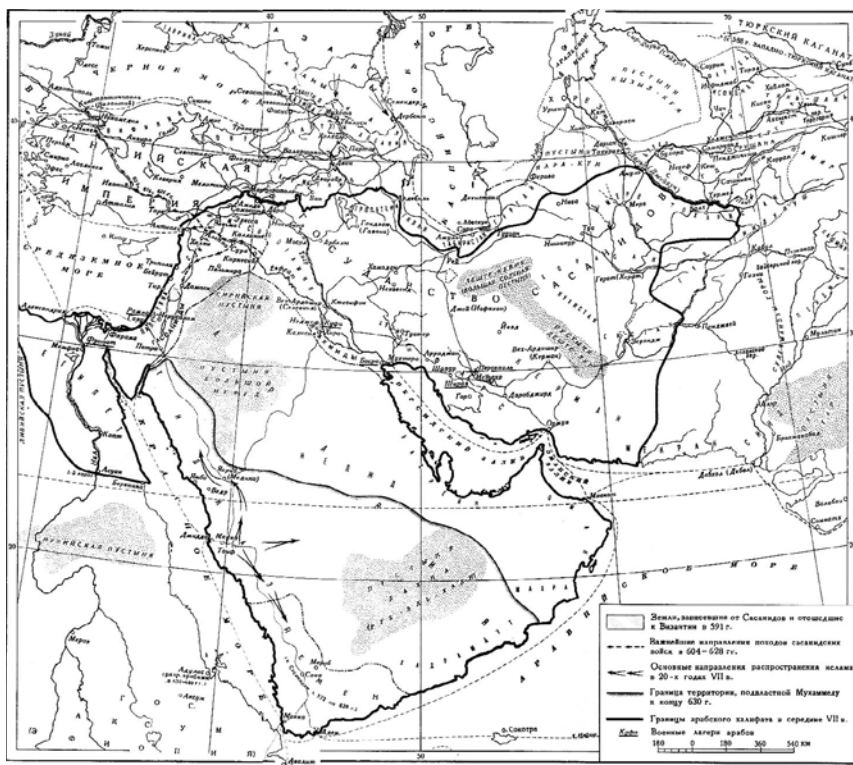
Упадок земледелия был вызван постепенным истощением активно эксплуатировавшихся земель в условиях усиления засушливости климата, наступившего в регионе в середине I тыс.

Традиционная для Южной Аравии транзитная торговля в V–VI вв. несколько ослабла из-за конкуренции византийских, египетских и персидских купцов. Бедуины становились подданными южноаравийских государств или вступали с ними в союзы, в которых занимали подчиненное положение.

Кочевые аравийцы жили у границ йеменских государств и в степях, считавшихся с IV в. йеменской территорией. Они служили йеменским правителям как наемники в специальных отрядах или в составе ополчений своих племен. Постепенно роль бедуинских отрядов росла, они появлялись в разных районах Йемена, часто далеко от своих родных кочевий. По мере распада централизованного государства в Йемене и разрушения оросительных систем бедуины продвигались на юг, в районы древней оседлой цивилизации. В VII в. мощные оросительные сооружения древности, орошавшие предгорную зону, постепенно приходят в упадок.

В начале VII в. раздробленный Йемен довольно быстро принял только что возникшую новую религию – ислам, нашедший там много сторонников и союзников. Страна стала одной из провинций расширяющегося мусульманского государства. Тогда же значительная часть йеменцев покинула Южную Аравию, переселившись на охваченные исламом земли.

Всего к VII в. во всей Аравии проживало примерно 4 млн земледельцев (феллахов) и 3 – кочевников (бедуинов).

Аравия в VI – первой половине VII в.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА. Кризис языческой религиозности раньше всего начался в развитом земледельческом Йемене, расположенном, к несчастью, на пути персидских походов в Восточную Африку. Упадок древней южноаравийской религии – одна из черт эпохи, наступившей в IV–V вв. Древние боги исчезают из надписей в храмах этих богов. Одно из божеств постепенно выделяется как главное. Возникает своеобразный монотеизм, несомненно, подвергшийся влиянию уже известного там иудаизма и христианства. Иудаизм был занесен евреями, переселившимися из Палестины после разгрома римлянами. Христианство распространилось преимущественно среди арабов, находившихся в подданстве Византии. От персов узнали зороастризм.

В VI в. широко распространившиеся иудаизм и христианство оттесняют йеменское единобожие, менее развитое по сравнению с указанными более древними религиями. Политические деятели в обстановке непрерывных распрей ищут помощи у внешних сил. Принятие той или

иной религии становится способом установления контактов с Византией или Ираном. В этих условиях разгорается борьба иудаизма и христианства, на короткое время иудаизм становится государственной религией Йемена.

В Южной Аравии иудаизм появился как религия общины пришлых иудеев, по крайней мере, в первые века новой эры. Уже в IV в. есть свидетельства обращения в иудаизм какой-то части йеменской знати, влияния иудеев при царском дворе. В VI в. правитель *Йусуф Ас'ар* (Зу Нувас), принимая иудаизм, делает его идейным знаменем борьбы против эфиопского засилья в стране, провозглашает его религией царя и государства. Поражение Йусуфа привело и к идейному поражению иудаизма. Знать иудейского вероисповедания исчезает с политической сцены, большинство, видимо, просто переходит в христианство.

Христианство тоже пришло в Йемен в первые века новой эры. Оно было принесено туда торговцами и с самого начала было связано с Византией, покровительствовавшей христианским купцам. В христианство обратилась часть родовой знати. В V в. усиливаются политические контакты этой знати с Византией и христианской Эфиопией; что было связано и с ролью, которую Йемен стал играть в борьбе великих держав – Византии и Ирана – на путях в Индию. В начале VI в. в уже христианском Наджране поселились изгнанные из Византии монофизиты.

Из эклектического смешения идей этих монотеистических религий в VI в., в условиях нанесенного персами военного разорения, в Йемене зародился *ханифизм*. **Ханифы** (пророки) выступали за всеобщее равенство перед единым божеством *Рахманом* (Милостивым). Это была религия угнетенных (как и раннее христианство). Переселение (порой бегство) многих йеменцев в более спокойный Хиджаз привело к появлению ханифов и в Мекке, где вокруг них стали объединяться низы общества, угнетенные местным купечеством – курейшитами. Последние были не восторге от ханифов еще и потому, что опасались, как бы их появление не уменьшило поток паломников, которые сходились от соседних племен к Каабе.

Среди сторонников ханифизма в Мекке оказался и выходец из обедневшей курейшитской семьи **Мухаммад**, родившийся ок. 570 г., оказавшийся из-за ранней смерти отца – Абдалаха – единственным ребенком у матери – Амины, тоже вскоре умершей¹. Рано осиротевший, он рос у дяди, в детстве был у него пастухом, затем – торговым агентом у богатой купчихи Хадиджи. Много ездил и повидал. Постепенно, несмотря на неграмотность, прибрал к рукам дела овдовевшей купчихи, а к 25 годам,

¹ Происходил он из рода *Бану Хашим* (род Хашима), от которого ведет свою родовую знаменитый среди арабов род *Хашимитов*, представители которого ныне правят в Иордании.

женившись на своей 40-летней хозяйке, обрел экономическую независимость¹. Надо заметить, что в исламской традиции есть и другие данные. По сообщению Аиши, третьей жены Мухаммада, при первом браке ему было 23 года, Хадидже – 28 лет, что вполне правдоподобно, ибо действительно, как она могла родить после 40 лет семерых детей? Саму Аишу Мухаммад взял в свой дом девятилетней, ему тогда было 58 лет².

Склонный к анализу, Мухаммад постепенно включается в тогдашнюю общественную жизнь Мекки. Под влиянием ханифов и собственного опыта в 609–610 гг. он стал выступать с проповедями, в которых, сообщая о посетивших его «видениях» и «голосах», сформулировал свое учение. Судя по описанным симптомам, он был подвержен эпилепсии³. Поэтому его проповеди поначалу не принимали всерьез даже родственники. Но постепенно к нему стали прислушиваться. К тому же, он, очевидно, отличался сильной волей и не только убеждал, но умел настаивать на своем, постепенно уверившись в своей непогрешимости.

Мухаммад был уверен, что сообщает переданные ему откровения Всевышнего. В них слушатели призывались к отказу от многобожия, распространенного среди арабов, и к вере в единого бога – Аллаха (главного бога курейшитов⁴), которого Мухаммад воспринимал как вселенского, космического бога. Себя он объявил «истинным пророком Аллаха» и потребовал беспрекословного подчинения, мотивируя это тем, что в одну из ночей месяца *рамадан* (*рамазан* – 9-й месяц лунного календаря) к нему явился архангел *Джебраил* (от христианского Гавриила), открыл содержание *Корана* (книги для чтения), которая хранится на небе, под престолом Аллаха, и повелел сообщить его волю соотечественникам. Все принявшие новую религию составили единый народ **мусульман** (преданных). Новая вера получила название **ислам** (покорность воле Божьей). В отличие от уже известных в арабском мире религий ислам был прост, доступен, в том числе и неграмотным бедуинам. Идея общности всех жителей Аравии также встречала отклик в условиях разложения родо-племенных отношений. К тому же Мухаммад не выступал против бытовых традиций арабов и даже освятил их, в том числе и многоженство⁵. Все это способствовало росту числа правоверных (мусульман).

¹ Стал отцом 3-х сыновей и 4-х дочерей, причем все дочери выжили, сыновья – нет.

² Форвард М. Мухаммад. М., 2002. С. 129–133.

³ Подобно шаманам, внезапно впадал в транс и с трясущимися руками, с пеной на губах выкрикивал рифмованные проклятия [Нефедов С. А. История средних веков. М., 1998. С. 19].

⁴ Сокращенная форма от араб. *аль-илах* – «бог».

⁵ Сам Мухаммад, после смерти Хадиджи, имел 9 жен, причем самой любимой была упоминавшаяся Аиша, на коленях которой, согласно преданию, он и умер, когда ей было 18 лет.

Будучи сиротой и, до женитьбы на Хадидже, практически бедняком, он обличал богатых, призывал к справедливости и состраданию, что раздражало состоятельных торговцев. К тому же он выступил тогда, когда частные интересы купцов из Мекки вступали во все большее противоречие с традиционными племенными интересами бедуинов. Но призывы купцов прекратить обличительные проповеди Мухаммад решительно отверг. Поначалу он был защищен от нападков недовольных благодаря поддержке своего клана; однако около 619 г. умерли его жена Хадиджа и дядя Абу Талиб. Второй дядя, ставший после Талиба во главе клана, по требованию курейцитов лишил Мухаммеда своего покровительства, и тот был вынужден покинуть Мекку.

К тому времени проповеди Мухаммада нашли сочувствие в расположенном около 300 км севернее городе *Ясриб* (Йасриб), где были многочисленны выходцы из Йемена и евреи, а ислам был близок тем, кто уже верил в единого Бога¹. Мухаммад даже заключил с жителями Ясриба (кстати, торгового конкурента Мекки) тайный союз. И когда в 622 г. курейшиты узнали об этом, Пророку со 150 сторонниками пришлось бежать туда из Мекки. Новая резиденция была переименована в *Медину* (иудейск. – город, у арабов *Медина аль-Наби* – город пророка). Год переселения (*хиджры*) был принят за начало мусульманского летоисчисления. Именно в Медине у дома Пророка открылась первая мечеть, там раздался первый клич муэдзина, верующие стали собираться на пятничную молитву.

Однако в Медине Мухаммад завоевал прочный авторитет лишь по прошествии нескольких лет – во многом благодаря успешно проведенным под его предводительством нападениям на купеческие караваны из Мекки. Вначале это были лишь мелкие стычки: в апреле 623 г. отряд из шестидесяти мусульман напал на торговый караван по пути из Сирии в Мекку и один из нападавших выпустил несколько стрел в сопровождавших караван охранников. В истории это был первый случай открытой исламской агрессии. В следующем году из Мекки против Мухаммеда выступил вооруженный отряд из 800 человек, однако он был разгромлен в сражении при Бадре, оставив на поле боя 45 человек убитыми, а еще 70 взятыми в плен. Эта победа существенно укрепила авторитет новоявленного пророка. Как считал сам Мухаммад, мусульмане победили благодаря божественной поддержке, и многих арабов, до тех пор сомневавшихся, – это событие заставило поверить в силу ислама. В это же время Мухаммад упрочил свои личные связи с мединскими арабами, взял в супруги нескольких женщин из местных племен².

Первоначально Мухаммад попытался объединиться с сильной иудейской общиной Ясриба, но не получил поддержку последней – его не признали пророком и уличили в слабом знании Библии. Но еще долго

¹ И мать Мухаммада – Амина – родом оттуда.

² Рид П. П. Тамплиеры. М., 2005. С. 60–61.

иудеев и христиан мусульмане не называли неверными, а считали более близкими себе «людьми Писания». Можно заметить, что к иудеям в средние века мусульмане относились благосклоннее, чем христиане, обвинявшие первых в убийстве Христа. Но в Медине Мухаммад жестоко расправился с непринявшей его учение иудейской общиной.

В январе 630 г. некий мекканец убил мусульманина, сводя, вероятно, личные счеты. Мухаммад истолковал это как нарушение договора о ненападении, существовавшего между двумя городами, и началась война, закончившаяся победой Мухаммада, пошедшего, однако, на компромисс. Он признал мекканскую Каабу главным святилищем мусульман и предписал каждому верующему хоть раз в своей жизни совершить к ней паломничество. Но и Медина осталась исламским центром, куда Мухаммад вернулся после завершения конфликта.

В религиозных представлениях ислама причудливо переплетаются элементы иудаизма, христианства и зороастризма. Божья воля передавалась через пророков Адама, Нуха (Ноя), Ибрагима (Авраама), Мусы (Моисея), Иссy (Иисуса) и последнего – самого Мухаммада¹. Воззрения Мухаммада не противоречили основным традициям арабского общества, обряды были очень просты и доступны кочевникам, которых с помощью пророков и военной силы приобщали к «правоверным».

Согласно Корану Исса (Иисус) был настоящим пророком Израиля, который впервые раскрыл Израилю истинный смысл учения Торы. Евреи же отвергли это понимание вместе с отвержением и убийством Иисуса. В итоге избранничество у евреев было отнято по причине их сознательного неверия и передано христианам. Но и христиане, со своей стороны, тяжко согрешили. Уже апостолы присвоили Иисусу божественное достоинство, на которое он сам, собственно говоря, не притязал. Этим своим деянием христиане отступили от основных положений Торы, и они также отступники. Именно из-за их отступничества Бог избирает уверовавших в него арабов-мусульман². То есть новая вера – модернизированное, истинное понимание божественной воли.

Объединив арабов, Мухаммад задумал начать войну против Византии, но умер в 632 г. Эти планы, как и другие завоевания, осуществили его преемники.

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ХАЛИФАТА. Мухаммад умер, не оставив мужского потомства, и на должность **халифа** (преемника, заместителя) был избран сподвижник пророка, *муждахир*

¹ Среди менее значимых пророков: Давуд (Давид), Иакуб (Иаков), Йусуф (Иосиф), Айюб (Иов). В отличие от христианства Иисус – не сын божий, а его вестник – пророк. А творец вселенной – не Бог, а некий суперразум. Познание Вселенной – за пределами человеческих возможностей, поэтому не надо стремиться к познанию Бога, к совершенству, как в христианстве, а надо жить по установленным им правилам, быть покорным его воле.

² См.: polit.ru/article/2013/03/21/islam/

(участник хиджры) **Абу Бекр (Бакр, Абубакар)**¹. Он, ровестник Мухаммада, происходил из богатой торговой семьи в Мекке, был отцом одной из жен Пророка, как-то руководил молитвой в отсутствие Мухаммада и для этого его избирали после смерти Пророка. Как глава мусульманской общины, он совмещал обязанности *имам*а (религиозного вождя) и *эмира* (светского правителя). При халифах Абу Бекре (632-634 гг.) и **Омаре (Умаре)** (634-644 гг.) было завершено объединение Аравии и обращение ее населения в ислам. Затем наступила пора внешних завоеваний, о которой мечтал Мухаммад.

Нужно отметить, что арабы с давних пор начали переселяться за пределы Аравии. Уже с IX в. до н. э. некоторые арабские племена принимали активное участие в борьбе ближневосточных государств между собой. К началу новой эры значительные массы арабов переселились в Месопотамию, заселили Южную Палестину и Синайский полуостров. Проникали арабы и в Египет, хотя в меньшем количестве, чем в Сирию, Месопотамию и Палестину.

В своем объединительном движении мусульмане должны были рано или поздно прийти в столкновение с Византией, подчинившей своему влиянию северо-запад Аравийского полуострова. Это и случилось в 629 г., когда Мухаммад отправил посла к арабскому правителю в Заиорданье. В пути посол был задержан и убит другим арабским правителем, находившимся, однако, на службе у византийцев. В ответ на это убийство Мухаммед отправил трехтысячный отряд под командой своего приемного сына Зейда-ибн-Харисы, который был наголову разбит объединенным войском византийцев и союзных им арабов в сражении при Муте к востоку от Мертвого моря в сентябре 629 г. Зейд и два других военачальника погибли, и лишь небольшая часть мусульман сумела спастись бегством.

Так плачевно для мусульман окончилось их первое военное столкновение с Византией. Вряд ли Мухаммад, по крайней мере в первое время после сражения при Муте, думал о новых набегах на византийские владения, тем более, что тогда объединение Аравии далеко еще не было завершено. Но в этот момент византийское правительство совершило крупную политическую ошибку. Считая, что после сражения при Муте арабы никогда уже больше не осмелятся напасть на империю, и испытывая финансовые затруднения, Византия прекратила выплату жалованья арабам, состоявшим у них на службе и охранявшим погранич-

¹ Позже иногда к его имени добавляли «Абдаллах», что означает «раб Аллаха», или ас-Сиддик, буквально – «отец целомудрия». Ибо, в соответствии с учением Пророка, он роздал почти все свое имущество. Он также хорошо знал историю своего племени и умел ее рассказывать, а также искусно толковал сны. Последняя, как считают, самая любимая жена Мухаммада – Аиша, была его дочерью. Именно она сообщила своему отцу, что Мухаммад долго спит (обмороки с ним случались). Оказалось, Пророк умер, и Абу-Бакр первым известил об этом общину.

ную территорию на краю пустыни, причем сделано это было в весьма грубой форме. Когда арабы-пограничники пришли к чиновнику-евнуху, распределявшему воинское жалование, он прогнал их, назвав при этом псами, чем нанес гордым сынам пустыни сильное оскорбление. В ответ арабы начали покидать пределы империи и переходить к своим соплеменникам, принимая и их веру.

События 630–631 г. показали Мухаммаду, что позиции империи на арабской границе не так прочны, как казалось вначале. Он стал вынашивать планы завоевания византийских областей. Вероятно, арабы, служившие Византии, информировали Мухаммада о тяжелом внутреннем положении империи, в результате чего тот поверил в возможность успешной войны с ней.

Летом 632 г., когда объединение Аравии было в основном завершено, Мухаммад снарядил отряд под командой Усамы, сына погибшего при Муте Зейда-ибн-Харисы, который должен был опустошить пограничную ромейскую территорию. Никаких других задач перед ним поставлено не было. Вероятно, экспедиция Усамы должна была лишь проверить на прочность состояние византийской обороны. Эта своеобразная разведка боем была произведена уже после смерти Мухаммеда, последовавшей в том же году. Отряд Усамы опустошил пограничную территорию ал-Балка и благополучно возвратился в Медину.

Но последовавшие в это время на Аравийском полуострове события временно приостановили дальнейшую арабскую экспансию. Большинство арабских племен после смерти Мухаммеда отпало от ислама, и первому халифу Абу-Бекру пришлось более года потратить на борьбу с восставшими. После подавления антиисламских выступлений мусульмане во главе с Абу-Бекром приступили к реализации широких завоевательных планов. К этому толкало обострение внутренних противоречий внутри самого арабского общества. Бедуины были недовольны привилегированным положением мусульманской верхушки в Медине и Мекке, в пользу которой племена, принявшие ислам, должны были платить особый налог – *садакат* (официально считалось, что он идет на благотворительные цели).

Антиисламские восстания (т.н. войны ридды, т.е. отступничества) показали, что за религиозными лозунгами восставших скрывались причины социально-экономического характера. Антианалоговые требования были у них ведущими. Известную роль в качестве причины восстаний сыграл также межплеменной сепаратизм. В 633 г. Абу-Бекру с большим трудом удалось подавить восстания, но положение продолжало оставаться напряженным. Внутренние противоречия не были устранены. В любой момент могло вспыхнуть новое восстание. Избежать его мекканско-мекканская верхушка могла, лишь направив энергию воинствен-

ных бедуинов в другое русло. Именно поэтому сразу же вслед за подавлением антиисламских восстаний Абу-Бекр начал внешние завоевания.

Старая родоплеменная и новая (выдвинувшаяся из среды сподвижников Мухаммада) арабская знать стремилась к захвату новых земель, богатств и торговых путей. Рядовые бедуины также надеялись поправить свое материальное положение в завоеванных странах. Немаловажную роль играла надежда на богатую военную добычу. В то же время для многих арабов уход на войну являлся также средством избавиться от налогового бремени. Некоторые из них сами просили Абу-Бекра заменить им уплату садаката личным участием в походах. Халиф обычно удовлетворял такие просьбы.

Интерес к завоеваниям объяснялся стадией развития арабского общества, соответствовавшей уровню европейских варваров эпохи создания ранних королевств на территории Западной Римской империи. К тому же в Аравии в VII в. возникло относительное переселение. А в новой религии сложилось представление о том, что каждый воин, погибший в борьбе с неверными, попадает в рай¹. Пропагандировалась не только воинская доблесть. Существовала поговорка: *«Храбрый воин убьет десятерых, хитрый уничтожит все войско»*. Богатство, но и слабость соседних Византии и Персии были арабам известны.

Все эти факторы способствовали временному сплочению всего арабского общества в создаваемом исламском государстве и сделали его грозным противником для северных соседей – Византии и державы Сасанидов, ослабленных недавней войной. Внутренние противоречия в момент начала завоеваний у арабов на время отступили на задний план.

Способствовала успехам арабов и позиция иудейского населения Византии, встречавшего их как освободителей. Дело в том, что евреи, в течение веков испытывавшие в Византийской империи этнический и религиозный гнет, во время кризиса, разразившегося в конце VI – начале VII в., усилили освободительную борьбу. Во время войны Византии с Персией они переходили на сторону персов, когда же последние потерпели поражение, обратили свои взоры в сторону Аравии. После того как там было создано мусульманское государство, среди части иудеев распространилось мнение, что Мухаммад и есть ожидаемый ими Мессия. Этому способствовало, вероятно, некоторое сходство религиозных предписаний ислама и иудаизма (неупотребление в пищу свинины, запрещение священных изображений и т. д.). Кроме того, согласно Библии, евреи и северные арабы произошли от одного предка Авраама (араб. Ибрахим). Таким образом, иудеи могли

¹ Рай в исламе представлялся тенистым садом с журчащими ручьями и изысканными яствами, подносимыми вечно юными гуриями. Такой образ рая имеет своим источником скорее не христианство, а зороастризм. В нем – образ телесного удовольствия. Напоминает он и скандинавскую валгаллу, где доблестные воины проводят время в поединках и удовольствиях с девами-валькириями [Максимов Ю. Религия креста и религия полумесяца. Христианство и ислам. М., 2004. С. 12–17]. Очевидна связь всех этих воззрений с первобытными представлениями.

рассматривать арабов как своих «родственников». Впрочем, вскоре завоеватели своими грабежами и убийствами мирного населения, во время которых не отличали иудеев от христиан, несколько умерили их восторг, однако в целом иудеи продолжали относиться к арабам благожелательнее, нежели к ромеям. А в Палестине в начале VII в. евреев было 10-25 % от всего населения¹.

Но при всех благоприятных факторах минусом арабского войска являлось неумение на первых порах штурмовать города. Это задержало на некоторое время полное завоевание сирийско-палестинского региона.

Однако в целом нужно отметить сплоченность арабов, мобильность и высокие боевые качества их войска. Арабы владели искусством устраивать засады, нападать на противника врасплох, укреплять воинские лагеря и выбирать удобные позиции. Нередко женщины сражались бок о бок с мужчинами. Столь активная роль женщин в арабском обществе той эпохи объясняется еще не полностью изжитыми традициями первобытности с ролью женщин в родовых общинах. В ходе войн арабы перенимали у своих противников положительный военный опыт. Если искусством осады городов они овладевали довольно медленно, то опыт ведения полевых сражений ими воспринимался довольно быстро. Так, они переняли у византийцев построение войска когортами (араб. кардус), около 1000 человек в каждой. Во время боя арабские полководцы расставляли эти кардусы рассредоточено, чтобы создать у врагов иллюзию относительно большой численности своих войск. Такое построение впервые было применено в битве при Ярмук в 634 г.

Конечно, военное искусство ромеев находилось на высоком уровне. В отличие от арабов оно имело давние традиции, уходящие своими корнями в античные времена. Тщательно разрабатывались вопросы стратегии и тактики. Была развита теория военного дела, о чем свидетельствуют многочисленные военные трактаты, дошедшие до нас. Однако задержка выплаты жалованья воинам, как мы уже указывали, отрицательно сказывалась на боевых качествах византийского войска, состоявшего большей частью из наемников. Хотя в ряде сражений византийские воины проявляли стойкость и мужество, во многих случаях они сражались без особого воодушевления. Большая часть городов сдавалась именно потому, что ромеи не приходили к ним на выручку. Что касается вспомогательных войск, состоявших из местных сирийско-палестинских ополченцев, то они были плохо обучены и не имели достаточного военного опыта. Впоследствии арабы научились противостоять и «греческому огню», навешивая на борта кораблей выше ватерлинии свинцовые листы. А с VIII в. и сами начали его применять².

¹ Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник еврейского университета в Москве. М. 1994. № 1 (15). С. 4–34.

² Кривов М. В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2002.

Завоевательным успехам арабов способствовало отсутствие на начальных этапах у большинства из них – простых бедуинов и феллахов – тяги к богатству. Роскошь еще не стала смыслом жизни даже у возникавшей знати. Особенно это относилось к религиозным иерархам. К тому же мусульмане были готовы умереть за Аллаха, в то время как персы и византийцы умирать не хотели.

Первые халифы отличались демонстративной бедностью. После смерти Абу-Бекра в его камере не нашли ни одной монетки. Все его состояние составляла поношенная одежда и верблюд. Следующий халиф, Омар (Умар), также считал бедность добродетелью, спал на ступеньках мечети и безжалостно отбирал у военачальников и наместников появлявшиеся у них накопления. Но уже третий халиф, Осман, не препятствовал обогащению знати. Себе тоже построил богатый дом и раздавал своим сородичам земли и должности. Появившаяся знать стала проявлять интерес и к овладению сокровищами соседей. Рядовое население тоже рассчитывало на добычу.

После разгрома Византии в 636 г. при Генисаретском озере Палестина и Сирия стали арабскими. В иудейско-христианский Иерусалим прибыл халиф и приложил городу печать мусульманской святости – на Храмовой горе, где был когда-то храм Соломона, появилась мечеть, названная именем завоевателя – халифа Омара. Затем арабы захватили житницу Византии – Египет и покорили Иран, принесший завоевателям огромную добычу. Ее обычно делили на аукционах, в которых участвовали и местные жители, что свидетельствовало и о патриархальности арабов, и об отсутствии патриотизма среди завоеванного населения, бедная часть которого более отчужденно относилась к собственной знати, чем к завоевателям.

Сказывалась и слабая дифференциация арабского общества. Ориентированное на добычу, оно воевало, прежде всего, с богатыми – со знатью. Простой народ оставался в стороне и нередко был индифферентен к борьбе с завоевателями. К тому же кочевников-арабов не интересовали возделанные земли и даже богатые города, если они не оказывали сопротивления. Отсюда и отсутствие враждебности в отношении с широкими слоями местного населения. В Сирию и Палестину после завоевания первоначально переселилось не более 25 тысяч арабов, в Месопотамию (будущий Ирак) – около 15 тысяч.

К тому же в завоеванных странах арабы поначалу селились в особых лагерях, окружали их валами, привозили туда семьи и скот. Из таких лагерей возникали многие города (Басра, Каир, который первоначально назывался Фустат и др.). Местные жители обслуживали эти военные поселения и получали от этого прямую выгоду. В старых городах арабы вначале занимали отдельные кварталы. Отличались они тогда и веро-

терпимостью, сохраняли свободу религиозных культов в завоеванных землях. Не вмешивались и в местные обычаи, культуру, часто весьма древнюю. А христиане поначалу уважали мусульман за признание ими Христа и Марии.

Все это способствовало устойчивости созданного государства, протянувшегося к концу VII в. от Атлантики на западе, через Северную Африку и Ближний Восток до Инда почти на 10 тыс. км.

ДАМАССКИЙ ХАЛИФАТ ОМЕЙЯДОВ (661–750). При третьем халифе **Османи** (Усмани – 644–656 гг.) из знатного курейшитского рода *Омейи* начались усобицы.

Осман ибн Аффман происходил из семьи яростных язычников и непримиримых врагов Мухаммада. Но преемником его назначил перед смертью халиф Омар. Кстати, именно Осман в 653 г. собрал воедино все данные о пророке, упорядочил их и выпустил в виде канонического издания. Он заявил, что прежние издания должны быть изъяты и уничтожены. Из-за этого началось восстание в Египте и в провинции Куфа (совр. Ирак), где оказалось большое число сторонников прежней исламской демократии, которые посчитали себя обойденными новой властью. Возглавил восстание племянник Мухаммада – **Али ибн Абу Талиб**, который одновременно приходился и зятем Пророка, ибо был женат на любимой дочери Мухаммада – Фатиме.

Али был кандидатом на избрание еще первым халифом сразу после смерти Мухаммада. Но тогда избрали Абу Бакра, возможно, как более старшего по возрасту, следовательно, в патриархальном обществе – более мудрого. Возник конфликт. Фатима предъявила претензию на земельное владение отца. Абу Бакр, после избрания получивший право вынесения судебных решений, в иске отказал, заявив, что *«посланник Бога не мог иметь собственности»*, так что и наследовать нечего. Это положило начало вражды Фатимы, Али, то есть семьи Пророка со сторонниками выборности халифов, переросшей в вооруженную борьбу¹.

Итак, около 500 человек осадили резиденцию халифов – Медину. 17 июня 656 г. в ходе осады города Осман был предательски заколот кинжалом в спину.

Новым халифом стал Али, которому после смерти Османа была принесена присяга. К нему, кстати, бежали убийцы Османа, и он принял их в свое войско, ибо опирался на недовольных деятельностью убитого. Али подержала масса арабских племен, в которых сословная разобщенность еще не стала глубокой, а также ревнители ислама, считавшие, что преемником Пророка должен быть его родственник.

Али перенес столицу из Медины в Куфу (город на Евфрате, южнее Багдада), где было много его сторонников. Теперь халифат стал контро-

¹ См.: postnauka.ru/faq/60977

лироваться оттуда. Но власть Али отказался признать правитель Сирии **Муавийя ибн Абу Суфйян**. Он был военачальником при завоевании Палестины и назначен Омаром в 640 г. правителем (наместником) Сирии. Он известен и как создатель флота, которого до того у арабов, жителей пустыни, естественно, не было. Вопреки запрету халифа Османа, он не только построил флот, но и, победив византийцев, в 647 г., завоевал Кипр и стал даже подбираться к Константинополю. Но там в 751 г. потерпел поражение – его флот был сожжен, по-видимому, с помощью «греческого огня» (предположительно: смеси селитры, негашеной извести и нефти).

В отличие от Али, опиравшегося на широкие слои рядовых мусульман и традиции сподвижников Пророка – муджахиров, Муавийя принадлежал к слоям военных командиров, нажившихся на завоеваниях и превращавшихся в молодую арабскую аристократию, которая обзаводилась поместьями и почувствовала вкус к роскоши. Успешные завоевания сделали Муавийю очень богатым. Он построил себе великолепный дворец. Современники писали о его любви к роскоши, которая была еще непривычна большинству арабов. Источники сообщают, что он красил волосы, чтобы их чернота подчеркивала его белую кожу. Писали, что он подчеркнуто любил вкусно, роскошно поесть.

Итогом возникшего конфликта стала битва между восточными арабами Али и сирийскими арабами Муавийи на правом берегу Евфрата. Когда успех стал склоняться на сторону Али, полководец Муавийи *Амир* (Амр) приказал своим воинам поднять на концы копий свитки Корана. Эта процедура сопровождалась криками, что вражду должна рассудить священная книга. Али не смог ничего поделать и согласился на это. Третейский суд вынес решение низложить Али. Но он воспротивился этому и призвал свое войско уничтожить врага. Однако его воины отказались вести сражение, в результате этого замешательства Муавийя без труда смог захватить Египет, которым владела жена Али – Фатима.

Вскоре Али был убит в одном из сражений. Его ранил мечом в голову член радикальной исламской секты *хариджитов*, и спустя 2 дня Али умер. На Муавийю тоже покушались, но в момент нанесения удара он склонился в земном поклоне и вместо головы меч попал в его толстые ягодицы¹. Сын Али – 17-летний Хасан – отказался от верховной власти в пользу Муавийи. Победа последнего символизировала окончательное оформление арабской знати и формирование государственности. Это было закреплено установлением наследственности власти халифов вместо прежней их выборности. Так завершилось правление так называемых праведных халифов (первые четыре преемника пророка Мухаммеда) и начался *омейядский период* в истории халифата (661–750).

¹ *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 3. Между двух гражданских войн (656–696). М., 1998. С. 88.

Обособление правящей верхушки было закреплено и переносом столицы в Сирию, в Дамаск, где молодая аристократия уже обзаводилась земельными владениями с рабами и не испытывала давления со стороны еще мало дифференцированных аравийских бедуинов также сторонников первоначальных исламских демократических традиций. Омейяды создали блестящий двор наподобие византийского или персидского. Они уже не выступали с проповедями перед народом, окружили себя гвардией, в мечетях скрывались за решетками, покровительствовали музыке и пению. На важнейших должностях у них состояли сирийские христиане из византийской аристократии. В ортодоксальной Медине негодовали, демонстративно сжигали халифские плащ и чалму со словами: «*Так я проклинаю халифа*». В ответ Медина была захвачена и ограблена Омейядами, а около 5 тысяч ревнителей раннего ислама было убито. После этого Аравия потеряла значение в Халифате. Следует отметить, что Муавийя был наиболее нетерпим к тем арабам-язычникам, которые не принимали ислам; жестоко их преследовал и уничтожал. А к христианам он относился весьма лояльно.

Али был последним из прямых преемников Мухаммада. Муавийя, силой захвативший власть, нарушивший патриархальную традицию и, как отмечалось, ввел наследственность халифов. Но, по еще родовой традиции, чаще власть наследовал старший в роде. Передавать власть сыновьям стали позднее – при следующей династии Аббасидов. Некоторое время Муавийя подавлял восстания сторонников Али, особенно на востоке, в Иране, затем возобновил прерванные сменой власти завоевания.

На западе арабские войска двинулись вдоль морского побережья Африки, вступили в союз с местным населением – *берберами* (маврами или нумидийцами, как их называли римляне) и дошли до Атлантики. С тех пор север Африки называют *Магриб* (араб. – Запад).

В 710 г. военачальник, правивший в североафриканском Танжере – *Джебель аль Тарик* (Джабал Тарик ибн-Зияд, Тарик бин Зийад) высадился с несколькими сотнями человек на европейском берегу пролива, отделявшего Европу от Африки, на мысе, названном потом Гибралтар¹. Захваченные трофеи и слабая оборона вестготов привели к тому, что Тарик в 711 г. уже на свой страх и риск, без согласования с халифом из далекого Дамаска организовал новый поход. С войском в 12 тысяч человек, состоявшем в основном из недавно перешедших в ислам берберов и других африканцев, он вновь форсировал пролив. По легенде, были сожжены все лодки, на которых прибыли завоеватели. «*Мы пришли не для того, чтобы возвращаться. Либо мы завоюем это место и закрепимся здесь, либо погибнем*», – якобы сказал Тарик.

¹ Горный мыс у пролива, затем и сам пролив были названы именем Тарика – *Гибр-ал-Тара* (горы Тарика) – по-испански – *Гибралтар*. Сам военачальник происходил из принявших ислам североафриканских берберов.

Он легко разбил армию вестготского короля *Родриго*, погибшего в бою, и к 717 г. захватил почти весь полуостров, кроме Астурии на севере. Перейдя через Пиренеи, завоеватели вторглись на юг нынешней Франции. Хотя в 721 г. арабо-берберское войско потерпело поражение у Тулузы, но затем были захвачены Каркассон и Ним в Провансе, разграблен Бордо на западе, а на востоке мусульмане дошли до Бургундии. Лишь в 732 г. между Туром и Пуатье предводитель франков *Карл Мартелл* в союзе с лангобардами и саксами перекрыл дорогу арабам. В сражении был убит предводитель мусульман *Абд ар-Рахман* (Абдрахман, как писали европейцы), а их потери были столь велики, что битва близ Пуатье у склонных к поэзии арабов вошла в историю как «*сражение на дороге мучеников*». По некоторым данным, при Пуатье против 20 тысяч франков сражалось не менее 40 тысяч мусульман, хотя среди них многие не были военными. Мусульмане начали атаку кавалерией, вооруженной длинными копьями и мечами, но натолкнулись на стойкую пехоту, которую хронисты называли «глыбой льда». Отбив атаку, франки рассеяли мусульман. В контратаке был убит и Абд ар-Рахман. Под прикрытием ночи мусульмане покинули лагерь, оставляя палатки и 12 тысяч убитых товарищей. Отягощенные добычей, франки замешкались с преследованием, что предотвратило дальнейшее кровопролитие¹. И в 738 г. наместники *аль-Андалуса* (араб. название мусульманского эмирата, созданного в Испании) большую часть своего войска вернули за Пиренеи.

Как отмечал известный британский ученый второй половины XVIII в. Эдвард Гиббон, если бы не победа Карла, в Оксфорде вместо Библии учили бы Коран. Но современные историки считают, что поход Абд ар-Рахмана скорее был чисто грабительским, без завоевательных целей².

Тем не менее, в VIII–IX вв. арабы взяли под контроль все Западное Средиземноморье, превратив его в свое озеро. По замечанию арабского ученого XIV в. Ибн Хальдуна, в Средиземное море «*христиане не могли пустить плыть даже доску*»³.

Но в борьбе с Византией арабы не достигли желаемых результатов. Они трижды с моря и суши подвергали осаде и штурму Константинополь, но неудачно. Император Лев III Исавр сумел организовать оборону, привлечь на помощь болгар; греческий огонь уничтожил арабский флот, остатки которого были рассеяны бурей. Эти успехи Византии остановили мусульманские завоевания Юго-Восточной Европы на 600 лет, до появления на Балканах турок-османов.

Зато на Востоке Омейяды завоевали всю Среднюю Азию и дошли до границ Индии и афганских гор, основав на р. Инд колонию Мансура (Победа).

¹ inosmi.ru/social/20190120/244420568.

² inosmi.ru/social/20160313/235666089.

³ См.: academia.edu/37697481/Егор_Холмогоров._Отягощенные_Римом._Призвание_и_проклятие_древней_империи?email_work_card=thumbnail-desktop

Новый, шестой по счету, халиф – **Му'авийя** (в араб. произношении) – пришел к власти уже пожилым. Ему было под шестьдесят. Внешне неказист: коренаст, коротконог, с непропорционально большой головой; большие глаза навывкате придавали лицу грозное выражение, а любовь поесть добавила к этому большой живот и толстый зад. Но нрава был веселого, умел ценить острое слово и заразительно хохотал, трясясь всем телом и заваливаясь на спину¹.

В отличие от своих предшественников он пришел к высшей власти с богатым административным и политическим опытом, накопленным за 20 лет управления Сирией и Палестиной. Кроме того, прожив столько лет в одной из наиболее развитых областей Средиземноморья, он обладал значительно более широким культурным горизонтом по сравнению с предыдущими халифами, которые не покидали пределы Аравии.

Был он сыном врага Мухаммада, но отец искупил свою вину перед исламом, потеряв зрение в сражении. Его старший брат погиб, сражаясь против Мухаммада, но его сестра была одной из первых мусульманок и женой пророка. Му'авийя поздно принял ислам, но затем, по крайней мере, два года был секретарем Мухаммада и записывал его откровения, а впоследствии с его слов передавали хадисы (рассказы о жизни пророка), не подвергая сомнению их достоверность.

Следует отметить еще одну черту характера нового халифа – его веротерпимость. Предшествующие халифы тоже не воздвигали гонений на иноверцев в подвластных территориях (что не исключало жестокостей во время завоеваний), но у них не было возможности, сидя в Медине, лично соприкоснуться с христианским миром, в гуще которого 20 лет жил Му'авийя. Его доверенным секретарем, ведавшим всей канцелярией, был христианин Сарджун (Сергий). В Дамаске действовало 12 церквей, и в праздники по его улицам совершались крестные ходы. Халиф молился у христианских святынь Иерусалима, молился как мусульманин, но выказывал этим святыням почтение и, вероятно, имел представление о связанных с ними верованиях.

Христианство на Ближнем Востоке было в то время представлено шестью независимыми друг от друга церквями: мелькитской², тремя монофизитскими (коптской, яковитской и армянской), монофелитской (маронитской), компромиссной между мелькитской и монофизитскими, и несторианской, распространенной на территории бывших сасанидских владений. Каждая из этих церквей имела своего главу, патриарха или католикоса. Мусульмане в ту пору были еще далеки от религиозно-философских тонкостей, все споры вокруг халифской власти были чисто политическими, хотя и опирались на аргументы о чистоте веры и праве на власть того или иного претендента.

¹ *Большаков О. Г.* Ук. соч., С. 110.

² Мелькитская греко-католическая церковь — одна из восточнокатолических церквей, придерживающихся византийского обряда.

Жизнь Му'авии в стране с преобладающим немусульманским населением, принадлежавшим к более высокой культуре, не только сделала его более веротерпимым, но и внушила иные представления о функциях и статусе правителя задолго до того, как он стал духовным главой исламской общины. При всей доступности для рядовых арабов, он научился держать дистанцию между собой и подданными. Хариджитские покушения 661 г. показали, что такая дистанция крайне необходима для безопасности, и она приобрела вещественное выражение в сооружении в мечети специального огороженного места для халифа, исключавшего возможность неожиданного нападения. Многие новшества, приписываемые Му'авии, за которые его осуждали ревнители старины, относятся к годам его долгого правления, и о них речь пойдет позже. Здесь лишь важно отметить, что новый халиф во многом отличался от предшественников, рожденных в пустынной Мекке и возвысившихся в полусельской Медине.

Му'авия ввел обычай наследования, назначив преемником сына Йазида. Присяга Йазиду была воспринята мусульманским обществом без энтузиазма. Его образ жизни, увлечение охотой и пирами смущали, однако, не всех – сирийцы воспринимали такой образ жизни *амира* (эмира) как что-то естественное; смущала, однако, необычность присяги наследнику при живом эмире: получалось что-то вроде отступничества от первой присяги. Но как бы то ни было, начало образованию династии было положено.

Экономическая политика Му'авии и социальные отношения в халифате. В 680 г. новому государству исполнилось 45 лет с момента выхода за пределы первоначального расселения арабов, и почти половина этого срока, 19 лет, приходилась на правление Му'авии.

Заметные изменения, происходившие в Халифате в третьей четверти VII в. в системе управления и образе жизни мусульманского общества, связывались у современников и следующих поколений именно с личностью халифа. Мнения о нем были противоречивы, часто прямо противоположны. В памяти сирийцев он превратился в такого же образцового мудрого государя, каким для иранцев был сасанидский правитель Ануширван. С другой стороны, шииты и Аббасиды (о них речь пойдет далее) рисовали его чуть ли не нечестивцем.

«Му'авийа был первым в исламе, кто завел стражу (харас), и полицию, и привратников (баввабун), и опустил завесы, и стал использовать в качестве секретарей христиан, и перед кем шли с копьями. Он стал брать закат (налог) с жалованья и сидеть на троне, а люди – ниже его. Он строил и возводил постройки и заставлял людей работать на стройке без оплаты, до него никто не заставлял работать без платы. Он объявил бесхозной (истасфа) собственность мусульман и взял ее себе. Саид б. Мусаййаб говорил: “Пусть

Аллах как следует накажет Му'авию — ведь он первый превратил это дело [халифат] в царство". И говорил Му'авийа: "Я — первый из царей"»¹.

Таким образом, при Му'авии формировалась типичная восточная деспотия с обособлением власти от рядовых мусульман (в чем, собственно, и видели превращение халифа в царя) и сложением новой административно-фискальной практики. Но при этом хозяйственная жизнь 95% населения оставалась традиционной. Лишь в поместьях знати появлялись рабы.

Возникшие изменения, впрочем, были вполне обоснованы и отвечали тогдашним реалиям. Му'авийа, живя в стране, население которой вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности привыкло к высокому статусу правителя и определенным нормам его поведения, не мог вести себя так, как мединские халифы среди своих братьев и единоверцев. Он понимал, что снижение образа правителя ослабляет его авторитет и уважение к власти. Об этом он будто бы говорил еще Омару в ответ на его упреки в недопустимой роскоши и в том, что держит просителей перед запертыми дверями: *«Мы в стране, которая недалеко от наших врагов, и есть у них проникательные шпионы, и я хочу, чтобы они видели величие ислама»*.

Террористические акции хариджитов сделали личную охрану не только элементом престижа, но и жизненной необходимостью. Охрана, сопровождавшая халифа (и наместников) в общественных местах, в том числе и в мечети, где халиф должен был быть среди своих, отделила его от братьев по вере. Выросла и численность полиции, превратившейся в самостоятельную силу, инструмент подавления сепаратизма племен в больших городах. Несколько сотен стражей порядка создавали новое соотношение сил между наместником и своевольными племенными группировками.

Му'авийа стал первым халифом, который обзавелся дворцом и создал при себе двор. Первая его резиденция была очень скромной, сложенной из сырца, затем ее сменил кирпичный дворец. У византийских послов он вызывал насмешки, они обзывали его мышьиной норой или «скворечником», но он выполнял главную функцию — обособил халифа и его окружение от простонародья. На людях он появлялся теперь только в сопровождении эскорта, и к нему уже нельзя было подойти запросто и поговорить, как с Омаром или Османом, а халиф уже не наводил порядок собственноручно с помощью бича, как его предшественники — для этого был начальник полиции.

Стены дворца и многочисленные служители отделили халифа не только от простых мусульман, но даже верхушка, за исключением узкого круга лиц, не имела свободного доступа к персоне халифа; он являлся

¹ *Большаков О. Г. Ук. соч., С. 110.*

перед ними только на приемах, деловых или торжественных. Допуском к халифу ведал *хаджиб*, превратившийся из простого доверенного слуги в важную придворную фигуру. Хаджибы всегда подбирались из вольноотпущенников, которые стояли вне племенных пристрастий и были всецело преданы своему патрону. Перед хаджибом, несмотря на его рабское происхождение, заискивали даже знатные арабы, порой унижаясь до взяток.

Где двор, там и церемониал. За долгое время правления у Му'авии сложился определенный порядок дня, который подробно описан у известного позднее арабского историка аль-Мас'уди. Ежедневно, кроме пятниц, халиф принимал в мечети жалобщиков и просителей из простого народа. Закончив с ними, возвращался во дворец и принимал знатных просителей, подавших заранее записки с изложением дела, по ходу приема посетителям предлагалось угощение. В некоторые дни таких посетителей бывало до 40 человек. Затем халиф возвращался в свои покои и отдыхал до полуденной молитвы. После нее был второй прием для высших чинов. День заканчивался большим приемом после вечерней молитвы, на котором выступали поэты и рассказчики историй о делах давно минувших дней, о мудрости царей и полководцев.

Основной массив владений Му'авии в Медине и ее окрестности состоял из вновь освоенных земель на базе колодезного орошения. Проводились и более трудоемкие работы, например, упоминается «плотина Му'авии». В 20 милях (40 км) восточнее Медины, создавшая водохранилище в русле *вади*. Рабочей силой, проводившей эти работы, были многочисленные рабы и военнопленные. Кроме того, Му'авийа, располагавший огромными денежными средствами, не смущаясь ценами, скупал земли у нуждавшихся в деньгах мединцев. Все вместе взятое сделало его крупнейшим землевладельцем в районе Медины, хотя точные размеры его владений неизвестны.

Примеру Му'авии следовали многочисленные представители рода Омейядов (Умайядов) и сыновья предыдущих халифов, также тратившие десятки и сотни тысяч динаров и дирхемов на приобретение земель и водных источников, без которых земля была бы бесполезна. На них работали сотни, а то и тысячи рабов. Рядовые мединцы, участки которых были зажаты полями могущественных землевладельцев, вынуждены были терпеть.

Отмечается присутствие христиан в государственном аппарате. Это были не только местные мелкие чиновники, которые вели налоговые реестры на коптском, греческом, сирийском и среднеперсидском языках, а также люди, близкие к верховной власти по служебному положению или личным отношениям. Секретарем Му'авии, собиравшим налоги в Сирии и ведавшим его личными финансами, был, как отмечалось, христианин Сарджун (Сергий), отец знаменитого впоследствии христианского богослова Иоанна Дамаскина. Личным врачом халифа был христианин Абу Усал. И это было в порядке вещей; еще несколько сто-

летий медицина оставалась монополией христиан. Постоянным участником вечерних бесед Му'авии был поэт-христианин аль-Ахтал. Бывали на этих беседах и иудеи. Но это можно отнести лишь лично к Му'авии, очевидно, умному, и потому толерантному человеку. Однако в целом руководящие посты, дававшие власть и престиж, неверные не могли занимать¹.

О том, что Му'авийа не просто пользовался знаниями полезных ему христиан, а относился с уважением к христианской культуре, свидетельствует ремонт собора в Эдессе, пострадавшего от землетрясения 3 апреля 679 г., что особо отмечается многими христианскими историками. При этом отношение к зороастризму было более враждебным.

Вполне доброжелательно относились мусульмане и мусульманские власти к приезжающим иноверцам, совершающим паломничество к святым местам Палестины, о чем свидетельствуют записки монаха Аркульфа, посетившего Палестину и Египет около 670 г. и не нашедшего повода упрекнуть «неверных».

Атмосфера веротерпимости, которую питало сохранявшееся убеждение, что каждому народу посылается свой пророк с подобающим ему вероучением, в сочетании с умеренной налоговой политикой не принуждала христиан и иудеев к массовому переводу в ислам. Относительная терпимость и стабильность в отношении мусульман к представителям народов, находившихся под их властью, объясняется, в том числе и тем, что требование об этом содержится в Коране. Однако были и иные причины, повлиявшие на выработку системы взаимоотношений между мусульманами, с одной стороны, христианами и иудеями, с другой.

Одним из основных источников доходов мусульманского государства были налоги, которые платили христиане и иудеи. Экономические соображения диктовали обеспечение беспрепятственной экономической деятельности иноверцев. Мусульманские власти, в особенности на первом этапе, когда арабы-мусульмане являлись меньшинством на захваченных ими территориях, нуждались в помощи иудеев и христиан для управления обширными территориями. Со временем, когда между различными группировками мусульманской знати началась борьба за власть, они также широко использовали услуги лиц, находившихся под их покровительством. В особенности это касалось новых династий, например, позднее, египетских Фатимидов, у которых не было прочных корней в подвластных им странах и они были вынуждены прибегать к помощи местных иудеев и христиан для управления государством.

Правила, установленные исламом в отношении иудеев и христиан, отвечали интересам обеих сторон. Подданные мусульман были обязаны платить им налог, и на них были наложены определенные ограничения (которые, кстати, не всегда соблюдались). Однако при этом народы,

¹ Гойтейн Ш. Д. Ук. соч. С. 72–74.

находившиеся под властью мусульман, пользовались общинной и культурной автономией, а иудеи и свободой вероисповедания в значительно больших размерах, чем во времена византийского правления.

Поскольку во многих аспектах мусульманское завоевание привело к улучшению положения евреев по сравнению с византийской эпохой, ограничения, наложенные мусульманами на «неверных», не воспринимались евреями как новые притеснения или изменения к худшему. В противоположность им, христиане, и в особенности приверженцы греческой православной церкви, которая являлась официальной церковью Византии, столкнулись с совершенно новой для них ситуацией: сторонники господствующей веры внезапно оказались под властью представителей другой религии, что воспринималось ими, естественно, более драматично.

Исламизация неаравов шла главным образом за счет обращения многочисленных рабов. Для хозяина обращение раба было актом благочестия, для раба – шагом на пути к обретению свободы, так как принявший ислам скорее мог рассчитывать на освобождение. Обращению рабов способствовало и их близкое общение с хозяевами-мусульманами, помогавшее усвоению языка религии. Кроме доброй воли хозяина освободить раба в качестве вознаграждения за верную службу или особые заслуги, существовали обстоятельства, когда Коран предписывал освобождение раба в виде епитимьи: за нарушение клятвы (в том числе и о разводе) и за непреднамеренное убийство мусульманина. Добровольное освобождение раба не было слишком накладным для хозяина, поскольку бывший раб, становясь его «подопечным», (*мавла*), не порывал с ним, пополнял число челядинцев и союзников, сопровождая своего патрона в походах, был его помощником и младшим партнером в торговой или ремесленной деятельности, поддерживал его вместе с кровными родственниками в трудных ситуациях. Подобные отношения складывались и у выкупившегося раба, хотя в этом случае самостоятельность его была больше, в меру его богатства. Освобожденный раб, лишенный среди чужаков поддержки родственников, мог рассчитывать только на своего патрона – покровителя и поэтому был предан ему.

Чистокровные арабы, однако, относились к мусульманам-инородцам свысока, издевались над нечистым выговором, иными привычками в быту, избегали родниться с ними. Наиболее националистически настроенные арабы говорили: *«Молитву делают недействительной трое – осел, собака и мавла»*. Презрение арабов более всего касалось вольноотпущенников – мелких торговцев, ремесленников, крестьян, которые напрасно надеялись улучшить свое положение переходом в ислам. Особенно много их было в Ираке.

Препятствием на пути к утверждению равноценности всех мусульман были трудности освоения тонкостей арабского языка. Неспособность персов произнести некоторые характерные для него звуки, приводившая к смешным искажениям смысла, порой к неприличностям, потешала арабов и вызывала презрительное отношение к «инородцам».

Там, где это касалось Корана, такие языковые ошибки становились святотатством.

Освоение и безупречное владение арабским языком для утверждения своей полноценности и равноценности стало целью многих мавла-горожан. Арабы относились к этому стремлению различно. Абу-ль-Асваду ад-Дуали приписывают составление первой грамматики арабского языка для обучения неарабов. В то же время хадисовед и один из первых арабских историков Амир аш-Ша'би негодовал на то, что в мечети стало невозможно сидеть спокойно из-за инородцев, изучающих арабский язык и хадисы, и издевался над их учителями-арабами: *«Что там тебе рассказывают эти задницы-торгаши о сподвижниках пророка? Заучивай это!»*.

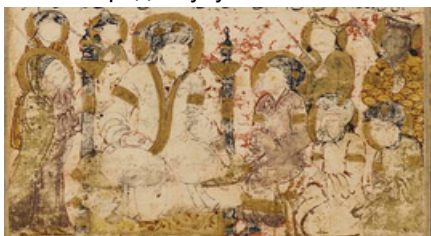
Невзирая на насмешки арабов, мавла уверенно входили в первые ряды знатоков Корана и мусульманского предания (*сунны*). В убеждении о равенстве всех мусульман мавла смыкались с исламскими сектантами хариджитами, противопоставлявшими равенство всех мусульман на заре ислама расколу и притеснениям, наступившими позднее.

На 21-й год своего правления восьмидесятилетний Му'авия, отличавшийся продуманностью решений, стал, однако, допускать промахи, вполне объяснимые возрастом. Чувствуя это, он во время визита басрийской делегации в 679 г. пожелал, что бы они подтвердили присягу сыну Йазиду. Весной 680 г. Му'авия занемог, стал терять силы и сильно похудел. Некоторые современники полагали, что он заразился лихорадкой от новой хорасанской невольницы, другие придумывали совершенно невероятные причины. Упоминание сильного отхаркивания скорее свидетельствует о воспалении легких. Под конец он настолько ослаб, что стал терять сознание, бредить и скончался в четверг 19 апреля 680 г.

Итак, **общественные порядки** в Дамасском халифате характеризовались сочетанием двух укладов: рабовладельческого и феодального. Рабовладение у арабов существовало еще до завоеваний. У самого Мухаммада к концу жизни было 15-20 рабов. Значительные остатки рабовладения сохранялись и в бывших византийских провинциях. Само завоевание увеличило их число, причем каждый пятый раб из пленных отдавался халифу. Но в захваченных землях, особенно в Иране, существовали и зависимые крестьяне, несшие повинности крупным землевладельцам (подробнее см. в теме об Иране).

Каждая завоеванная страна поначалу продолжала жить своей прежней жизнью, со старым правом, языком, чиновниками, монетами. С рубежа VII–VIII вв. начали появляться новая администрация, новые монеты, усиливалось применение арабского языка в делопроизводстве и быту. Но пока арабы еще оставались привилегированным народом, освобожденным от платежей, ассимиляция местного населения шла медленно. Однако налоговая политика была направлена на исламизацию – мусульмане платили невысокий налог, а вся тяжесть платежей ложилась на немусульманское население.

В Дамасском халифате происходило интенсивное формирование господствующего сословия из арабской знати. Она постепенно обзаводилась земельными владениями и поместьями, в которых работали рабы. Последних хватало в условиях войн. Но прекращение завоеваний в первой половине VIII в. уменьшило их приток. Усиливается нажим на местных крестьян, которые поначалу в бывших византийских землях и Иране получили некоторое облегчение. Начинаются восстания. На окраинах ситуацию стали использовать соперничавшие с Омейядами аристократические группировки. На востоке, в иранском Хорасане они воспользовались и сохранившимся недовольством дамасскими правителями среди мусульманских низов – сторонников Али.

Абу-Аббас (в центре)

В 749 г. Омейяды были разгромлены и новым халифом был избран **Абу-Аббас (Абу-ль-Аббас ас-Саффах** – потомок дяди Мухаммада)¹. Он отличался мстительностью, был страшен в гневе и получил прозвище *Кровавого* за беспощадное истребление рода Омейядов и их сторонников. Заманив родственников бывшего правителя на пир якобы для примирения, Абу-Аббас устроил там побоище, а трупы Омейядов были брошены на съедение собакам. Даже останки прежних халифов были извлечены из могил, сожжены и пепел их развеяли по ветру.

Спасся лишь один из принцев прежней династии – Абдеррахман (Абд ар-Рахман, 756–788), бежавший на Пиренеи, где с помощью североаравийских кочевников – берберов – основал отдельный Кордовский эмират, а не халифат, как часто пишут. Ибо, провозгласив себя халифом, он должен был по нормам того времени начать борьбу за руководство мусульманской уммой (всем сообществом), то есть вступить в открытую конфронтацию с новыми правителями Халифата. Но для борьбы с Аббасидами необходимыми для этого ресурсами Абд ар-Рахман I не располагал. Поэтому к оформлению своей власти он подошел весьма осторожно: объявил себя лишь *имамом*, т.е. главой мусульман Андалусии, но халифского титула не принял и продолжал именовать себя *эмиром*. Лишь укрепившись, спустя более полутора веков, в 929 г., его потомок Абд ар-Рахман III объявил себя халифом ². Но уже в конце XI в. местные

¹ Источник здесь и далее представленных портретов – Википедия и некоторые иные ресурсы Интернета. Заметим, что несмотря на исламскую традицию запрета изображения живых существ этот запрет, особенно в отношении высших лиц, часто игнорировался. Отдельные изображения, помещенные в тексте, принадлежат также кисти европейских живописцев, вообще, естественно, не связанных традициями ислама. При выборе портретов предпочтение отдавалось аутентичным, то есть написанным во времена этих правителей.

² Мишин Д. Е. Политическая власть в мусульманской Испании (период эмирата, халифата и раздробленности, 756 г. – конец XI в.) // Восток. 2005. № 5. С. 5–6.

халифы попали в зависимость от североафриканской альморавидской империи, которая в ходе испанской Реконксты к концу XV в. была вытеснена с Пиренеев¹.

БАГДАДСКИЙ ХАЛИФАТ АББАСИДОВ (750–1258). Переход власти к Аббасидам был не просто сменой династии. Не случайно некоторые исследователи и среди арабов, и в Европе называют его «Аббасидской революцией» – это был коренной поворот в истории исламского государства, вызванный радикальными социальными и этнокультурными переменами в быстро развивавшемся обществе, которые зарождались уже в недрах Омейядского халифата.

Аббасиды – потомки дяди Мухаммада – аль-Аббаса. Главным их аргументом в борьбе с Омейядами было то, что хотя те тоже были из курейшитов, но не принадлежали роду Пророка. Захватив власть, они столкнулись с конфликтами в своем лагере (потомки Али хотели посадить в халифы своего ставленника), и в дальнейшем не сумели сохранить контроль над всеми ранее завоеванными землями. Абу-ль-Аббас (749–754) умер сравнительно молодым, его сменил брат Абу Джа'фар, принявший имя «аль-Мансур» (Победоносный) (754–785). Относительно сильным и централизованным халифат оставался до начала IX в.

аль-Мансур

При Аббасидах установилась типичная восточная деспотия, унаследовавшая традиции разгромленного Ирана. Неустойчивое положение многих халифов вело к росту опоры на Коран, который стал считаться нерушимым законом, неподлежащим никакой критике. Надо заметить, что деспотической правление, постепенно распространившееся у мусульман, не имело корней у арабов, бедуины которых, жившие в условиях позднепервобытной демократии, не допустили бы такого перерождения власти. Именно таковыми были сторонники свергнутого Омейядами Али. Деспотизм, скорее всего, развился из традиций персов, на чьи земли и порядки опирались Аббасиды².

Столицей стал Багдад (Баадад – Богоугодный), основанный аль-Мансуром неподалеку от разрушенного иранского Ктесифона и построенный за 758–762 гг. При аль-Мансуре совершенствуется государственное управление. Поначалу халифы сами вникали в дела ведомств, затем стали поручать это *вазиру*³ (обычно пишут *визирь*). Большую роль стали играть иранские советники и секретари. Текущее управление переходит

¹ Подробно об этом: Мишин Д. Е. Халифат в мусульманской Испании (период альморавидов и альмохадов: конец XI – первая треть XIII в.) // Восток. 2005. № 6. С. 37–49.

² Кольб Г. Ф. История человеческой культуры. Киев. 1899.

³ Араб. – помощник халифа, от вазара – нести бремя, большую тяжесть.

в руки чиновников-визирей. Халифы все более отдаляются от населения. Характерно, что их охраняют уже не арабы, которым не доверяют, а далекие от местных интересов западноафриканские берберы; позднее, в конце истории халифата, их сменили турки. При слабых халифах начальники гвардии и визири фактически управляли государством.

Гарун-ар-Рашид

Наибольшую известность среди Аббасидов приобрели **аль-Мансур** и **Гарун-ар-Рашид** (Справедливый – 786–809), прославившийся разносторонней дипломатической деятельностью и покровительством культуре (о нем упоминается в «Сказках 1001 ночи»).

Происходит массовое обращение в ислам населения Средней Азии и Ирана. Расширяется сфера применения арабского языка, знание которого становится необходимым каждому правоверному для использования в ритуалах и молитвах. Но одновременно проводилась политика, направленная против исключительных привилегий арабов – происходила интеграция завоеванного населения в единое мусульманское общество.

Но, когда мусульмане превратились в большинство населения и создали четкий религиозный закон, для оказавшихся во владениях халифата христиан и иудеев было введено множество унижительных ограничений, причем некоторые были прямым возвратом к византийскому антиеврейскому законодательству.

Прежде всего, неверные должны были одеваться не так, как мусульмане. Этот запрет на протяжении столетий был источником потока законов, зачастую нелепых. Например, некоторые требовали, чтобы женщины из «неверных» носили туфли разного цвета – одну черную, другую белую. Желтая метка для иудеев в мусульманских странах получила известность на много столетий раньше того, как она была введена в христианской Европе. Существовали и другие ограничения, относительно правительственных должностей, высоты домов или использования верховых животных (сопоставимая с запретом иметь машину или передвигаться общественным транспортом, изобретенным для евреев в нацистской Германии)¹.

Другим дискриминационным законом, который ислам унаследовал от Восточной Римской Церкви, было правило, по которому «неверные» не могли занимать руководящие посты. За этим законом стояла идея, что государственные должности дают власть и престиж, которые не должны принадлежать немусульманам. По ряду причин – в основном из-за отсутствия подходящих кандидатов из мусульман – многие христиане и иудеи занимали государственные посты в мусульманских странах, иногда достигая даже самого высокого положения. Но часто это завершалось кровавой расправой или же чиновник-немусульманин был вынужден принять господствующую религию.

¹ Гойтейн Ш. Д., С. 72–73.

Особый случай, также повторяющий христианское законодательство, представляет запрещение мусульманам прибегать к услугам христианских или иудейских врачей и аптекарей. Из-за подозрения, что «неверные» могут использовать лекарства, вредные для жизни. Другой аргумент в пользу этого запрета: человек не должен доверять лекарю другой веры, потому что тот может получить контроль над его душой. Но в силу жизненных реалий, дискриминационный запрет на врачей-иноверцев соблюдался реже всех остальных¹.

Одним из последних завоеваний арабов, уже при Аббасидах, стал захват Сицилии в 827 г. тунисками. Исламское господство на этом острове продолжалось около 200 лет, пока в XI в. их не вытеснили оттуда норманны.

С прекращением завоеваний значительная часть бывших воинов-арабов сменила оружие на торговлю и ремесленную деятельность. Огромная держава предопределила развитие внутреннего рынка и внешнеторговые связи. Ирак с Багдадом сделался центром скрещения торговых путей из разных регионов. Торговля велась с Индией, Китаем, Африкой и Европой. Причем из последней на рынки Багдада, Басры, Куфа доставляли, в основном, рабов, а так же кожи и меха, из Африки – тоже рабов и слоновую кость, из Китая – фарфор, шелк, мускус.

Главным потребителем предметов роскоши был грандиозный двор. Халифы питали слабость к пышности и диковинкам. Около половины всего дохода тратилось на приобретение необычных и дорогих предметов: огромных золотых слонов, сада из золотых деревьев, золотых и серебряных монет, которых дождем высыпали на головы пораженных гостей, на огромный гарем, создание парков и т.д. В ответ на спрос в городах халифата большого развития достигло художественное ремесло. Показательно, что западные епископы одевались в парчу и атлас с надписями из Корана, вытканные на Ближнем Востоке. В IX в. в Багдаде было уже около 300 тысяч жителей (тогда как в Париже XII–XIII вв. – от 50 до 100 тысяч) и по площади он был больше Рима².

Специфическими были торговые порядки, сложившиеся у арабов под влиянием ислама. Несмотря на развитую торговлю, ростовщичество отвергалось. Получение незаработанного дохода, каковым, с точки зрения мусульман, является процент (риба), наносит ущерб обществу и его отдельным членам, а потому противоречит этическим представлениям ислама. При этом ислам, рассматривая ribu как грех и ставя ее вне закона, воспроизвел этические воззрения предшествующих учений – от Аристотеля до раннего христианства. Вместо этого предполагалось участие заимодавца в получении части прибыли заемщиком. Соответственно, если должник терпел убытки, кредитор их тоже нес – долг не возвращался.

¹ Там же, С. 74–75.

² Для сравнения: в Дамаске X–XII в. проживало 45–60 тысяч человек, в Иерусалиме – 25 тысяч.

Эта система была либеральнее, чем сложившаяся в христианской Европе, где кредитные операции, необходимые в торговле, разрешались, но только иноверцам. Но, как и у мусульман, ростовщик не пользовался уважением и ограничивался в правах.

Во время существования Багдадского халифата у арабов окончательно сложились **феодалные отношения**, но со своей спецификой. Привлечение рабов в хозяйство уменьшалось, хотя в VIII–IX вв. их ежегодно поступало в халифат до 10 тысяч, а в Багдаде в IX в. они составляли 15% населения. Но это – в столице. Вообще же рабы становились предметом роскоши. Основным трудящимся сословием были крестьяне. Они являлись собственниками скота, приусадебных садов, огородов, пальмовых рощ, а также участков, которые вводили в оборот своим трудом (выкапывали колодцы, орошали). Вопросы местного землепользования регулировались общинами. От прежнего времени еще сохранились большесемейные коллективы, но распространялись и малые семьи (с учетом многоженства).

Особенностью арабского феодализма, как и почти везде на Востоке, была государственная собственность на землю, а фактически – собственность халифа, что было связано с преобладанием в общинах коллективного распределения земли. На завоеванных территориях часть земель перешла в прямую собственность общины мусульман, а затем превратилась в государственную землю. Так происходило с некоторыми виноградниками, полями и пальмовыми рощами.

Мусульманские налоги, формально считавшиеся церковным сбором, а уплата их – одной из религиозных обязанностей верующих, стали важным инструментом сбора централизованной ренты. Собирали их наместники халифа, но часть налогов получали, а потом и собирали представители местной знати. Приезжие наместники и правители так же получали (приобретали или захватывали) земли.

Значительную долю своей власти над зависимыми людьми все категории правящего слоя получали через признание центральной властью их места в военно-административном аппарате. Не только пришлые администраторы, но также местные верхи и вожди формально считались представителями государственной или религиозной власти.

Постепенно происходил рост крупного землевладения. Большие участки земли принадлежали мусульманской знати. Различные группы местных элит захватывали земли с находившимися на них селениями, присваивая право сбора податей, суда над жителями и даже распоряжения их судьбами. Большие земельные участки принадлежали и богатым горожанам. Постепенно возникали и начальные формы передачи земельных наделов за службу.

Большинство крестьян свои основные земельные наделы держали на правах издольщиков у государства (халифа) и несли соответствующую

щую ренту-оброк. Вообще-то земля у мусульман считалась собственностью Аллаха, но распоряжался ею халиф как его наместник. Халиф раздавал государственную землю во временные держания – **икта** (типа бенефиция) своим слугам, в том числе воинам и чиновникам.

Икта (араб. – распределение) возникла из обычая распределять земельные участки в общинах. Крестьяне выплачивали держателям икты оброк, но оставались подданными государства и потому крепостного права не сложилось. После смерти держателя икта возвращалась халифу и от его желания зависело, даст он эти земли наследникам держателя или нет. Но благодаря обычаю наследования должностей со временем икта стала фактически передаваться по наследству.

Частное землевладение, хотя и медленно, но росло также за счет пожалований, которые постепенно становились наследственными – **мюльк** (мулк)¹. Это пожалования за особые заслуги. К X в. мюльки превращались в наследственные с правом продажи. Но при господстве государственной собственности на землю эта форма частного землевладения была подчиненной. Стремление землевладельцев к самостоятельности проявлялось и в появлении военных наделов – **мукта** – за службу, что и означало формирование собственно феодальных порядков у арабов, что отмечено с X в. С мюльков не платили в государственную казну. Не платили налогов и были неотчуждаемы церковные земли – **вакфы**.

К специфике арабского феодализма следует отнести отсутствие в поместьях барщины. Ибо в отличие от Европы владельцы пожалованных угодий в мусульманских странах жили в городах. Поэтому и не выделялось особых владений помещиков, обрабатывавшихся барщинным трудом. Непосредственной связи землевладельцев и держателей земли не было. Ренту, в основном денежную, собирали специальные сборщики, о произволе которых свидетельствуют средневековые историки. Если и было господское хозяйство, в нем работали рабы.

Особенности хозяйственной жизни. Заработок городского ремесленника в халифате составлял примерно 1–2 динара в месяц, черно-рабочего – 0,5 динара. Прожиточный минимум для семьи с двумя-тремя детьми составлял 1 динар в месяц². Эксплуатация немусульманского населения позволяла довольно долго поддерживать относительный достаток широких слоев мусульман. Особенно это относилось к городскому населению.

¹ Вообще **мюльк** у арабов – любая отданная во владение земельная собственность, с которой платили налог – **харадж**. С IX–X вв. сбор хараджа с определенных земель в пользу халифов уступается ими военачальникам и вельможам. Из этого и возникла **икта**, а **мюльками** с этого времени стали называть частные владения знати [Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М. 1994, С. 101].

² Некоторые цены: корова стоила 6 динаров, верблюд – 6–10 динаров, овца – 1 динар, простейшая одежда (рубаха, плащ, сандалии) – 0,5 динара.

Высокая производительность труда в тогдашнем сельском хозяйстве (с использованием достижений древнейшей земледельческой культуры Ближнего Востока) и концентрация прибавочного продукта в государственной казне при преобладании государственной земельной собственности позволяли правящему слою иметь большие доходы и без частновладельческих прав на землю. И этот слой предъявлял значительный спрос на различные вещи, что стимулировало ремесленное производство. Отсюда – развитие городского ремесла и торговли в халифате. То есть горожане жили за счет централизованного перераспределения доходов, за счет крестьян, у которых забирали по максимуму, что и создавало спрос на ремесленные изделия. Такая практика не способствовала заинтересованности ремесленников в совершенствовании техники и постепенно привела к застою производства. А огромные средства, которые государство и феодалы выкачивали из крестьян, уходили на непроизводительные траты, предметы роскоши, сокровища. Этим объясняется последующий экономический упадок Ближнего Востока и его ослабление перед внешними угрозами.

Кризис халифата. Постепенно сохранение верховных прав халифов на землю и их стремление оставить за собой право на получение доходов с раздаваемых земель входили в противоречие со стремлением держателей владений к самостоятельности. Это приводило к конфликтам, оказавшимся роковыми для единства халифата. К тому же добавилась высокая норма эксплуатации крестьян, испытывавших двойной нажим: государства и держателей земли, что постепенно, как отмечалось, вело к застою в сельском хозяйстве.

Подспудное расширение частнособственнических прав феодалами не смогло разрушить государственную монополию на землю. Зато было разрушено само единое исламское государство. Сепаратистские движения и восстания, начавшиеся в IX в., привели к постепенному отпадению от Багдада восточных и западных земель, на которых сформировались местные халифаты.

В середине X в. восточные провинции халифата Аббасидов с Ираком и Багдадом были завоеваны иранскими горцами – *Буидами* (Бувайхидами), обитавшими к юго-западу от Каспийского моря. В 945 г. они захватили Багдад. Аббасиды перешли под опеку и надзор бувайхидских эмиров. Арабская империя фактически прекратила свое существование. Халифы стали их марионетками. Это была чуждая арабам династия; завоевывая Багдад, буиды даже не знали арабского языка. Но потом они исправились, получили соответствующее образование. А в 1055 г. их без труда изгнали из Багдада кочевники-турки, пришедшие из Средней Азии. Их глава – Сельджук – получил титул **султана** (царя царей). А за

халифами сохранилась лишь духовная власть. Но 1258 г. и она была ликвидирована очередными завоевателями – монголами во главе с Хулагу-ханом, внуком Чингиз-хана. Так завершилась история Багдадского халифата.

Среди причин упадка халифата следует выделить географическую обусловленность арабской культуры. Как писал французский медиевист Фернан Бродель, арабский, а затем и мусульманский мир формировались пустыней, ее суровой аскетичностью, внутренне присущим ей мистицизмом, ее преданностью неумолимому солнцу, унитарному принципу мифологии и множеству других ощущений человека, затерянного в пространстве. Пустыня – это непрерывное движение по ее беспредельной глади, но и однородность. Напрасно вы будете искать различий, обусловленных расстоянием в полторы тысячи миль между ними, – климат их стран мало отличается, образ правления все тот же... Поэтому мусульмане разных стран и даже континентов так близки между собой.

И далее: ислам – это исторический шанс, который, начиная с VII в., использовался для объединения Старого Света. Он взял под свой контроль пути сообщения между густонаселенными территориями Европы в широком смысле, Черной Африки и Дальнего Востока, и это позволило ему с большой выгодой для себя выполнять посреднические функции.

Но ислам довольно скоро оказался в плену своих первых успехов, он упокоился, почувствовав себя повелителем мира, стал довольствоваться уже приобретенным, не желая лучшего. Обогнув побережье Черной Африки со стороны Атлантического и Индийского океанов, арабские мореплаватели предположили, что круг замыкается где-то в океане, и на этом остановились...¹.

Думаю, можно согласиться с востоковедом Ш. Д. Гойтейном, что, возможно, сам факт отсутствия серьезного сопротивления быстрому распространению власти арабов по Ближнему и Среднему Востоку, а также Северной Африке и на Пиренеях стал в итоге их несчастьем. Легкость распространения на огромной территории привела к утере контроля над ними. Возможно, продолжал Гойтейн, *«врожденные склонности больше располагали их к культурным аспектам цивилизации – литературе, искусству, науке и религии, чем к армии и государственному устройству...»*. В итоге менее чем через сто лет после завершения победоносных войн арабы растворились среди зависимого населения, не создав общества, *«способного себя защищать, способного к самоуправлению или контролю за своими экономическими и социальными проблемами. Таким образом, Ближний Восток остался незащищенным*

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. 1: Роль среды. М. 2002. С. 258–259.

и превратился в легкую добычу для нашествий варварских народов, а позднее, в XIII–XVIII вв., к власти там пришли жестокие кланы чужеземных воинов-невольников»¹.

В приведенных суждениях, думается, надо уточнить мысль о «растворении арабов среди зависимого населения». Скорее арабы, как наиболее активный (креативный) этнос того времени, включили в себя покоренные народы, обогатившись их культурой, а, отчасти, и генотипами. Лишь иранцы, евреи, а также отдельные анклавы древних египтян (копты) и христиан (киликийские армяне) сохранили свою особость; причем иранцы даже в рамках ислама, хотя и здесь обособились в ортодоксальном шиизме.

Можно добавить и экономико-географический фактор: огромные массивы засушливых земель требовали тщательного ухода. В мирное время там происходил хозяйственный, затем и культурный расцвет. Яркие примеры – первые столетия Халифата и мусульманская Испания (*Аль-Андалус*). В их тогдашнем динамичном развитии важную роль сыграло отсутствие налогов с мусульман, что способствовало хозяйственному подъему именно среди арабов, к которым потянулось и завоеванное население из-за открывавшихся с исламизацией экономических возможностей. Поначалу нужды завоевателей вполне обеспечивались военной добычей и налогом с иноверцев. Последующий застой в этой связи объясняется прекращением завоеваний и, соответственно, исчерпанием поступлений от, назовем прямо, грабежа иноверцев. Как, кстати, произошло и с Римом после его перехода к обороне. Массовая исламизация, к тому же, привела к существенному сокращению и налога с иноверцев – *джизи*. В итоге власти вынуждены были постепенно вводить налоги, вернее, восстановить то, что было на Ближнем Востоке до арабского завоевания.

Таким образом, исчерпание завоевательного потенциала, рост знати, переходившей к эксплуатации соплеменников – мусульман и, соответственно, возрождение налогов также существенно сократили обеспечение потребностей растущего населения. К тому же регулярные набеги соседних кочевников – сначала тюрок, затем монголов – также требовали дополнительных расходов на оборону, а затем и на восстановление после нападений. Все это разрушало и хозяйство, и общественно-политическую стабильность. В итоге – застой на многие столетия, охвативший не только земли, на которых сохранилась власть арабов, но и территории периодически восстанавливаемого и вновь захватываемого Ирана, а также образованного в Малой Азии нового турецкого государства.

К рассмотрению истории этих государств в средние века и перейдем.

¹ Гойтейн Ш. Д.. Ук соч. С. 106–220.

ИРАН

НАСЕЛЕНИЕ. Согласно широко распространенному мнению, иранский язык – восточная ветвь индоевропейских языков. Он существовал в оазисах Средней Азии и принадлежал арийской этноязыковой семье. В первой половине II тыс. до н.э. одна группа арийских племен расселилась в Индии, другая – в Иране, где смешалась с древнейшим местным населением. Так возникла страна *ариев* – *Ариана*, *Арьянам*, от которых – *Иран*. В Европе и Америке до 30-х годов XX в. страну обычно называли *Персия* – от древнегреческого наименования юго-восточной области – *Парс* (совр. – Фарс), где находился первоначальный центр древнего иранского государства¹. Но сами жители этой страны и их соседи всегда называли ее Иран, а в 1935 г. иранское правительство официально обратилось ко всем государствам с просьбой называть его страну именно так.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ страны весьма суровы. Горные хребты и плоскогорья, а также пустыни занимают около половины всей территории Ирана. Только треть его земель даже теперь пригодна для обработки. Это – долины нескольких рек (прежде всего Тигра на западе), которые входили в очаги древнейшего земледелия². Климат, за исключением узкой низины вдоль каспийского побережья на севере – засушливый. Поэтому на большей части страны земледелие возможно только при искусственном орошении, что сыграло существенную роль в истории Ирана.

СТАНОВЛЕНИЕ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА. В начале III в. н.э. распалось древнее Парфянское царство, существовавшее почти 500 лет. В 208 или 209 г. правитель одного из владений в Парсе – **Папак** из рода *Сасана* захватил верховную власть. Его сын **Ардешир (Арташир)** распространил свое влияние на некоторые соседние земли, а затем на большую часть Ирана и в 226 (227) г. короновался как **шахин-шах** (царь царей) Ирана в старой столице – Ктесифоне. Успех Сасанидов, постепенно объединивших персоязычные области в единое государство, был обусловлен тем, что Парс был издревле наиболее развитой областью Ирана и его население представляло единую народность, тогда как в соседних землях царяла этническая раздробленность.

Ардешир

¹ От древнеиранского Парса возникли слова *парс*, *фарс* (буква *ф* появилась под влиянием арабского произношения), *фарси* – новоперсидский язык.

² В Месопотамии – с IV тыс. до н.э.

В борьбе с Римом Сасаниды укрепились. Основные черты сасанидского общества сформировались к концу IV в. Престолонаследие было нечетким, но в шахиншахском роде оно чаще производилось по старой родовой традиции наследования – от брата к брату. Однако постепенно возобладал принцип малой семьи – от отца к сыну, особенно с V в.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ в III–V вв. Основная часть населения занималась земледелием. Горные области населяли скотоводы-кочевники. Значительные по размерам города, в том числе и столица, были расположены на западе. Городское население унаследовало древние традиции высокопрофессионального ремесла и торговли. Особо ценились за пределами страны иранские ткани, ковры, оружие. Через Иран проходили и древние торговые пути с Запада в Среднюю Азию, Индию и Китай.

Труд рабов довольно интенсивно применялся в дворцовых хозяйствах у потомков древних знатных родов и в ирригации, в том числе и в хозяйствах крестьянских общин. Но в самом земледелии он был невыгоден, ибо требовал высоких профессиональных навыков и личной заинтересованности в результатах, чего от рабов нельзя было ожидать. На государственных землях, то есть землях, управлявшихся шахской администрацией, а также в крупных владениях аристократии и жречества отмечено наделение рабов определенной хозяйственной самостоятельностью.

Основные хозяйственные изменения происходили в сельской общине. В ней еще долго сохранялись патриархальные крестьянские повинности: участие в ополчении, общественных работах, экстраординарные поборы в пользу властей. Общины состояли из больших семей, которые постепенно распадались на малые. Среди последних происходило расслоение. В течение III–V вв. из зажиточных крестьян, применявших труд рабов, сложились **дехкане** (деревенские господа). Те из них, кто мог выступить в поход в вооружении и на коне, составили слой **азадов** (свободных). Так постепенно сформировалось новое правящее военное сословие, представители которого нередко получали в управление (условную собственность) селения с крестьянами. Владельцами крестьян они не были, но непосредственно ими управляли – распределяли и контролировали их работу. Лишь в первой половине V в. новой знати удалось сформировать всеобъемлющую систему налогов: *хараг* – налог на земледельческую продукцию и *гезит* – подушная подать. Сохранялись и старые повинности, в основном натуральные. Так, при Сасанидах сложилась система государственной эксплуатации крестьян, которые оставались лично свободными и платили налоги государству.

Все свободное население стало делиться сначала на 3, затем на 4 сословия; первые три – господствующий слой (воины, духовенство, чиновники), четвертое – податное (крестьяне, ремесленники, купцы).

Переход из одного сословия в другое был практически невозможен. Положение ремесленников было весьма своеобразным. Они, как отмечалось, нередко славились своим ремеслом даже за пределами страны. Известны и ремесленные организации. Но сами ремесленники находились в угнетаемом положении и презиравшем положении. Их труд считался недостойным свободного человека. Вся их продукция поступала владельцу – обычно государству в лице его чиновников. Основная масса городских ремесленников и торговцев вообще не была иранцами, хотя в IV–V вв. в ходе расслоения общин стало увеличиваться и иранское городское население.

Основой власти Сасанидов стало крупное землевладение с государственной формой эксплуатации податного населения. Управление осуществлялось административным аппаратом без четко регламентированных функций. Провинциями управляли местные правители, покорившиеся Сасанидам и сохранявшие известную автономию. Но основные земли в стране управлялись через наместников из представителей высшей знати.

Особое место у Сасанидов занимала государственная религия – **зороастризм**. Он сложился еще в VI в. до н.э. и получил название по имени основного легендарного пророка **Заратустры (Зороастра)**, основы учения которого были записаны в *Авесте* – священной книге зороастрийцев. Основная идея учения – дуалистическое представление о наличии в мире двух начал: добра и зла, которые присутствуют во всем – и в духовной сфере, и в материальном мире. Но длительное время это учение было лишь одним из многих в древних государствах на территории Ирана. Именно при Сасанидах на смену парфянскому религиозному синкретизму пришло господство зороастризма. Уже первые шахиншахи распорядились собрать и отредактировать Авесту и она была превращена в энциклопедию тогдашних знаний. Поскольку древний язык Авесты был уже непонятен большинству, появился ее комментарий – *Зенд*. Для Сасанидов это религия стала как бы формой государственной консолидации.

Мир рассматривался зороастрийцами как арена борьбы добра и зла. В конце концов добро побеждает. Человек должен включиться в эту борьбу на стороне божества добра, участвуя в многочисленных обрядах, которые ограждают от зла, с которым он сталкивается в жизни. Это делалось в храмах, где жрецы сосредотачивали в своих руках все судопроизводство и просвещение. Они же контролировали вопросы наследования и вообще вмешивались в повседневную жизнь людей. За несоблюдение обрядов полагались штрафы. Естественно, такой тотальный контроль породил ряд выступлений, наиболее значительное из которых вылилось в движение, названное **манихейством**.

Основателем учения, которое легло в основу движения, был **Мани**, родившийся в 216 г. в парфянской семье. Но вырос он в Палестине, где его отец вступил в некую иудео-христианскую секту¹. Самого Мани в детстве и юности посещали какие-то галлюцинации. Позднее он много путешествовал по соседним землям с богатыми религиозными традициями и сформировал особую картину мира. В его учении догматы зороастризма (о двух началах мира, добром и злом) сочетались с верованиями христиан-гностиков². Себя Мани включал в число апостолов: он был последним, ему предшествовал Иисус³. Мани учил, что мирская жизнь и сами люди на земле – порождение злого начала, а спасение может состоять только в извлечении духа человека от всего земного, материального. Средство освобождения света от власти тьмы, то есть *добра от зла* – гибель существующего мира. Путь освобождения – отказ от удовольствий мира, вегетарианство, высоконравственная жизнь, безбрачие, то есть – аскетизм. Власть и богатство – тоже зло.

Мани

При этом манихейские священные тексты были едва ли не единственными религиозными сочинениями, которые не только поощряли торговлю, но и разрешали взимать ростовщический процент. Торговой деятельностью и развитием ее с другими народами занимались даже высокие церковные иерархи⁴.

Признание конечной гибели этого злого мира придавало манихейству безысходность, пессимизм. Но угнетенные слои этой идее гибели чуждого им мира сочувствовали. Поэтому после первоначально нейтрального отношения властей к Мани в 276 г. он был схвачен и казнен, а его последователи бежали за границы страны – в Армению и Византию, где способствовали появлению павликианства. Но в самом Иране движение было подавлено.

Надо заметить, что идеи манихейства – мир черно-белый, без оттенков, борьба между силами добра и зла идет без компромиссов, до полного уничтожения одной из сил – оказались популярными среди радикальных слоев в последующей человеческой истории вплоть до российского большевизма. Именно в манихействе упрекал большевиков один из первых российских марксистов – Г. В. Плеханов.

К особенностям религиозной политики Сасанидов можно отнести первоначальную поддержку ими христианства, пока с ним боролся Рим,

¹ Настоящее имя – Сураик, сын Фатака [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Мани_\(пророк\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мани_(пророк))].

² Гностики – раннехристианская секта, заимствовавшая многое как от зороастризма, так из древнеязыческих культов. Они полагали, что земля и телесный мир – воплощение злого начала и созданы не Богом, а Демииургом (творцом), хотя сам Демииург создан Богом.

³ Смагина Е. Б. Манихейская христология // Восток. 2010. № 2. С. 27–33.

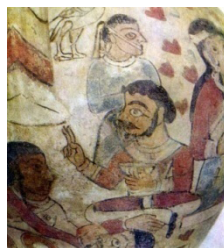
⁴ Кызласов Л. Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 3. С. 13.

основной противник персов на Западе. Но когда христианство стало у римлян господствовать, начались гонения на иранских христиан. Зато власти начали поддерживать христианские ереси. Так, в IV–V вв. в Иране легально существовали бежавшие из империи несториане и монофизиты (признававшие Христа только Богом).

САСАНИДЫ в VI–VII вв. В VI в. продолжалось развитие тенденций предыдущего времени. Сохранялись сельские общины с самоуправлением. Старейшины происходили обычно из ведущих родов или кланов. Сохранялась патриархальная семья, но наследство передавалось в малой семье¹.

Но усиление военно-служилого сословия способствовало укреплению зависимости крестьян от феодалов, что вызвало рост крестьянского сопротивления вплоть до восстания – движения **Маздакидов** в конце V в. Оно возникло из манихейства, но маздакиды считали, что добро может победить зло, причем уже здесь, на земле. Организатор движения – **Маздак** – происходил из рода персидских жрецов. Он призывал к общности имущества, за что в современной литературе назван одним из первых восточных социалистов. Его сторонники врывались в дома знати, грабили их, уводили многочисленных жен из гаремов. Они выступали за общность жен, в чем, вероятно, выражался своеобразный протест против всех социальных перегородок и стремление к перераспределению имущества, в том числе и женщин (при их нехватке, особенно для бедных из-за гаремов).

Пикантность ситуации заключалась в том, что поначалу движение маздакидов поддержал молодой шахиншах **Кавад**, который пытался с их помощью обуздать не в меру усилившуюся аристократию. В 488 г. он даже сделал Маздака своим советником. Но в 496 г. Каваду пришлось бежать. Лишь с помощью кочевников – эфталитов – он вернул престол и разгромил знать. После этого, в 499 г. он отошел от маздакидов, а их лидер был позднее казнен сыном Кавада, **Хосровом I Ануширваном** (531–579).

Маздак

Кавад

¹ В низших слоях Ирана преобладала моногамия, в высших – гаремы, то есть полигамия зависела от достатка. Глава семьи пользовался неограниченной властью. Нежелание отдавать имущество невесты в другой род вело к распространению эндогамных браков (внутри рода, что у персов встречается и теперь). В итоге распространились кровнородственные браки, особенно в среде знати для неделимости имущества.

Хосров I

Хосрову для противостояния оппозиции в правящем слое пришлось провести ряд реформ, усиливших среднее сословие (азавов, дехкан) в качестве противовеса знати. Главная из реформ – налоговая. Прежде налоги собирали с урожая, теперь – по кадастру: от площади земли, количества деревьев на ней, числа трудоспособных в семье, что уменьшало злоупотребления. Порядок наводился во всей финансовой сфере; стал ежегодно утверждаться бюджет. Азадам и дехканам начали выделяться ссуды, их снабжали оружием. Была проявлена заинтересованность и в стабильности крестьян: им, при условии уплаты налогов, передавались земли, конфискованные у мятежной знати. В ходе военной реформы было создано регулярное войско. Аристократов стали привлекать на государственную службу за жалование. Было реформировано и управление: установлен письменный контроль за выполнением приказов государя (копии приказов хранили в архиве).

Хосров вел активную внешнюю политику. Был захвачен Йемен в Аравии, на востоке персидские войска дошли до Аму-Дарьи. Лишь с Византией борьба велась с переменным успехом. В целом эпоха Хосрова – время последнего усиления Ирана при Сасанидах. Сам он – типичный представитель своего времени. В традиционных дворцовых конфликтах приказал убить двух своих братьев, других родственников, но пощадил сына, оказавшегося во главе христианского восстания. При этом он отличался образованностью, знал греческий язык, покровительствовал истории, литературе, основал медицинскую академию.

Но активные войны, которые вели Хосров и его преемники, истощали их опору – азадов и дехкан. Для поддержания своего престижа, шахиншахи тратили огромные средства на баснословную роскошь двора, пышность которого вошла в поговорки. Поддержание этого уровня разоряло податное сословие. К концу VI в. отмечен упадок ирригационных систем. Вновь начинаются крестьянские восстания и усиливается сепаратизм местной знати. К ней стали примыкать и представители старой аристократии, с которой боролись все Сасаниды, традиционно опиравшиеся на средний слой. В итоге ослабевшая центральная власть пала в середине VII в. под ударами арабов.

ИРАН В СОСТАВЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА (середина VII – начало X в.). Арабы застали в Иране уже сложившиеся восточно-феодальные институты: военно-служилое сословие и государственное крестьянство. Дополняли картину отдельные крупные владения старой аристократии и зависимое от властей городское население. Рабство было крайне незначительным.

Изменения системы управления, внесенные завоевателями, в крестьянской среде были мало ощутимы. Ибо крестьяне и раньше были обязаны податями, в том числе подушной. Новый налог на немусульман – *джизия* их, как и до того угнетенное сословие, не унижал. На новых земельных держаниях по мусульманскому праву – *мюльках*, *вакфах* и *икта* крестьяне несли прежние повинности и стимула для перехода в ислам у них не было.

Иное дело – феодалы. Часть их земель была захвачена арабами, хотя это и было против традиции. Знать была оттеснена от управления. *Джизия* унижала феодалов. Они начали массами принимать ислам и вливаться в новый правящий слой.

В иранских условиях несколько изменились вышеназванные арабские формы держаний. *Мюльк* стал любимым держанием с правом наследственной передачи или продажи. Небольшие *мюльки* были и у свободных крестьян, и у крупных землевладельцев и фактически приближались к формам частной собственности. Но мелкие крестьянские земельные держания не были прочными: растущее малоземелье толкало крестьян на аренду недостающей земли с кабальными условиями. Это разрушало общину и делало крестьян более зависимыми от местных феодалов.

Серьезные последствия арабского завоевания проявились и в культуре. Исламизация началась сверху. И уже в IX в. большинство населения стало мусульманами. Лишь в Фарсе до X в. были силен зороастризм. При этом, вопреки провозглашенному Мухаммадом принципу равенства всех в исламе, новообращенный неараб должен был примкнуть к какому-либо поселившемуся в Персии арабскому племени. Сами же персы оказались на своей земле неполноправными. И такая ситуация длилась почти 100 лет. Лишь со второй половины VIII в., в первую очередь благодаря успехам исламизации, положение стало меняться. Но противостояние персов арабам сохранилось. Тем более, что делопроизводство стало арабским и вообще этот язык превратился в государственный.

Восстания против арабов отмечены уже в конце VII в. А в первой половине VIII в. антиарабское движение использовали в своих интересах мусульманские сепаратисты в Месопотамии, которые в 749 г. свергли Омейядов. Пришедшие к власти Аббасиды, сохраняя свое господство, все же стали привлекать к власти представителей местной знати из покоренных земель, в том числе иранцев. Стала даже отчасти восстанавливаться местная культура: в IX в. вновь распространяется местный язык – так называемый новоперсидский, как язык литературы и науки (*фарси*).

Свойственной эпохе Аббасидов усиление местных группировок и ослабление центральной власти способствовало подъему антиарабского движения на территории Ирана. Воссоздалось религиозное движение

маздакидско-манихейского толка, объявлявшее халифат злым началом в мире. Жестокие репрессии привели к бегству участников движения в Византию и Среднюю Азию. Многие из них в противовес официальному мусульманству стали шиитами. Гонимые суннитской властью, шииты стали восприниматься как участники антиарабского движения. И постепенно шииты действительно возглавили борьбу против арабов¹.

В условиях последовавшего затем распада аббасидского государства на востоке Ирана появились независимые от арабов территории. Затем и на западе страны возвысилась местная шиитская династия **Буидов** (935–1055). В 945 г. Буиды даже захватили, как отмечалось в теме об арабах, Багдад, лишили халифа светской власти и стали править от его имени в качестве *эмира эмиров*. Тем самым после почти трехсотлетнего арабского господства фактически была восстановлена независимость Ирана.

ИРАН в X – начале XIII в. Независимое существование Ирана под управлением Буидов было, однако, недолгим. В середине XI в. в условиях роста местного сепаратизма, как и халифат Аббасидов, большая часть Ирана была завоевана *турками-сельджуками* (о которых – далее). Восточный Иран еще в X в. попал под власть таджикского государства *Саманидов*. Затем, с 999 г., он был завоеван *Махмудом Газни*, пришедшим из Афганистана. Но в начале XI в. газневиды увязли в борьбе за Индию и Восточный Иран тоже оказался в руках сельджуков, которые господствовали в стране до начала XIII в.

В хозяйстве Ирана X–XII вв. отмечены подъемом. Исключение составило лишь несколько десятилетий сельджукского завоевания во второй половине XI в. Кочевники – турки мало вмешивались в экономику и не изменили земельных отношений. Зато прекратился отток налогов из страны, что происходило при Аббасидах. Появились средства для усовершенствования ирригационных систем. Восстанавливали и строили плотины, водоподъемные системы, оросительные каналы. На казенных землях большую роль продолжали играть крестьянские общины, которые были как бы «юридическими лицами», отвечавшими за сбор налогов, налагавшимися на каждую общину в целом. Община также наблюдала и за сохранностью ирригационных сооружений и, тем самым, за организацией общественных работ на своей территории.

Верховная власть государства на землю не исключала мюльков, которые включали и крестьянские владения (дом и усадьбу). Но государство сохраняло право взимать с мюльков ренту. Мюльки могли покупать у разорявшихся мелких и средних землевладельцев другие, в том

¹ С тех пор и доныне шиизм занимает в Иране прочные позиции, является государственной религией. Соответственно, согласно шиитской доктрине, верховная власть в Иране принадлежит духовенству.

числе и купцы. В экстренных случаях мюльки могли быть конфискованы в пользу казны. То есть, хотя и происходило перераспределение земельной собственности и формировался слой новых землевладельцев, их положение было непрочным. Над всеми ими нависало государство.

Сохранилась раздача икта знатым и военным чинам. Это привело еще в IX–X вв. к сокращению казенных земель. В XI в. распространились вакуфные (церковные) владения. Нередко мелкие землевладельцы из-за опасения произвола властей отдавались как бы под покровительство мусульманским учреждениям, что вело к усилению духовенства в хозяйственной жизни. В XI–XIII вв. многие мюльки переходят в икта, то есть во временные владения. Но постепенно возобладала обратная тенденция – распространение на икта наследственных прав. При этом икта раздавались не только тюркским феодалам, но и местным, что стабилизировало обстановку.

В условиях постепенного усиления доли земель у разных групп правящего сословия уменьшалось число свободных крестьян. Если в X в. они еще были, то затем оказались в той или иной степени зависимости, чаще – в поземельной, ибо крепостного права в Иране, как и почти везде на Востоке, не фиксируется. Тем более, что нормы мусульманского права – *шариата* – не допускали юридического прикрепления крестьян и они оставались лично свободными.

В рассматриваемый период отмечено и развитие городов. Увеличивалось число ремесленных корпораций, зарождение которых отмечалось еще при Сасанидах. Крупные оптовые торговцы использовали из-за разбойников не деньги, а *чеки*¹. Часто оптовые закупки велись только на чеки – возникла столь распространенная теперь безналичная торговля, что свидетельствует об уровне тогдашней хозяйственной деятельности. Но руководящую роль в городах продолжали играть феодалы, которые теперь предпочитают городскую жизнь и сами участвуют в крупной оптовой торговле. Получаемую от крестьян ренту они отдавали в виде вкладов, а купцы за это в качестве прибыли снабжали феодалов товарами. Поэтому купечество здесь, как и везде на Востоке, в конфликтах между горожанами и феодалами было на стороне последних. Поэтому же местные ремесленные корпорации были слабее европейских цехов. Когда при Газневидах корпорация булочников попыталась установить новые цены на хлеб, султан **Махмуд Газни** приказал старшину корпорации бросить под ноги слону. Купцы поддер-

Махмуд Газни

¹ С перс. – расписки.

живали феодалов и против городского самоуправления, которое в итоге складывалось только в пределах кварталов и корпораций.

В городах жило по 20 тысяч жителей и более. К XIII в. известны и города с 300-тысячным населением. Но отличались города грязью, неровными стенами построек, плохими банями и караван-сараями, что отменяли привыкшие к роскоши арабские путешественники. Объяснялось это низким уровнем жизни большинства горожан и стремлением «не высовываться», что бы не спровоцировать дополнительное обложение.

Политическая обстановка при сельджуках характеризовалась соперничеством между военно-феодальной верхушкой пришлых тюркских племен и оседлой иранской аристократией. Эта борьба выражалась в мятежах, сепаратизме и распрях в борьбе за трон что, в конце концов, это привело к распаду и этого государства.

При сельджуках оживилась деятельность секты *шиитов-исмаилитов*, сыгравших определенную роль в политической жизни региона. Они выделились из шиитов в VIII в., выступив за право считать имамом (духовным лидером) брата сельджукского имама Алида Мусы Казима – *Исмаила*. Во второй половине IX в. они превратились в тайную организацию, охватившую территорию от Средней Азии до Хорасана (северо-восточный Иран). В восточной части халифата они были известны как *карматы*. Основная идея исмаилитов: Бог (Аллах) – это Абсолют, не имеющий ни определенного образа, ни свойств, ни качеств и не может быть воспринят человеческим разумом. Он выделяет из себя творческую субстанцию – «Мировой Разум», создающий мир идей и низшую субстанцию – «Мировую Душу», которая породила материю, планеты. Ад понимался как состояние невежества, а *рай* – как аллегория совершенного знания, доступного лишь членам секты. Исмаилиты толковали Коран аллегорически и отрицали значительную часть исламских обрядов. В Бахрейне в X-XII вв. карматы создали даже свое государство.

При сельджуках исмаилиты основали воинственную секту во главе с фанатиком и политическим авантюристом из Каира **Хасаном ас-Саббахом** (иначе – ибн-Саббахом). В 1081 г. он прибыл в иранский Исфахан и стал там проповедовать идеи исмаилитов. Причем призывал избавляться от власти сельджуков. В 1090 г. исмаилиты захватили крепость *Аламут* (Орлиное гнездо), затем – некоторые горные районы на севере Ирана, а также в Сирии и Ливане, среди крестоносных владений. В итоге было создано государство, расположенное чересполосно с государствами в Сирии и Иране. Прожил ас-Саббах долгую жизнь, умер в

Хасан ас-Саббах

1124 г. в возрасте около 80 или 90 лет. Происходил он из семьи, которая вела свое происхождение от доисламских правителей Йемена. Поддерживая реноме, отец Хасана, гордившийся очень древним происхождением, постарался обеспечить ему хорошее образование. Учился Хасан в известном в Иране медресе, примкнул к одной из шиитских сект, некоторое время жил в Египте. Аламут захватил, когда ему было около 30 лет.

На идеологию исмаилитов повлияли идеи маздакидов о равенстве. Но реального имущественного равенства в их государстве не было. Лишь военная добыча делилась поровну. В течение 35 лет правления Хасана ас-Саббаха никто в Аламуте открыто не пил вина и не хранил его. За нарушение этого запрета ас-Саббах велел казнить даже собственного сына. Музыка и танцы тоже были запрещены. Аскетизм был столь силен, что даже человек, игравший на флейте, был навсегда изгнан¹.

Не имея больших сил, опираясь, прежде всего, на эксплуатируемые низы, в ответ на преследование сельджуков исмаилиты развернули террор. У них появились специальные убийцы – *федаи* (*фидаи*, жертвующие собой) из ремесленников, крестьян, городской бедноты, заинтересованные в истреблении знати. Они воспитывались в духе фанатизма и обычно закалывали свои жертвы кинжалами публично, для большего политического эффекта. Перед нападением их опаивали гашишем. Отсюда – *хашишины* (араб. – потребители или курильщики гашиша) в европейской транскрипции стали называться *ассасинами*. Так же называли последователей Хасана ибн-Саббаха (более известного как *Горный Старец*) мусульмане Передней Азии. Название *ассасины* закрепилось за фedayми в веках: слишком велика была «слава» этих безжалостных наркоманов-убийц. И по сию пору во французском языке слово *ассасин* означает «убийца»². В фedayях (ассасинах) можно также видеть, с точки зрения их представлений, спасателей от сатаны, также, как теперь в это, очевидно, верят *шахиды*.

Не исключено, что аскетические идеалы исмаилитов тоже ужесточали нравы. Ведь от аскетизма – воздержание, которое, как доказано психологами, усиливает агрессивность, особенно молодых мужчин, которым после совершения их актов обещался рай с 70-ю гуриями на каждого. Среди жертв фedayев были и политические деятели, в том числе 2 халифа. Всего, по подсчетам, было убито до 160 человек, из них за 42 года правления ас-Саббаха, по подсчетам Л. В. Строевой – 49 человек³. Соответственно, выявленных исмаилитов сжигали заживо, чему способствовало и мусульманское духовенство.

Можно констатировать, что на территориях исмаилитского государства была сделана попытка осуществить на практике вековую мечту низов о со-

¹ Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране. М., 1978.

² Доманин А. Крестовые походы. М., 2003. С. 53. Кстати, по персидски (фарси) *hassassin* означает острый кинжал [Лобе М. Трагедия ордена тамплиеров. СПб., 2003. С. 54].

³ Рассматривая террор исмаилитов, российский историк Н. И. Басовская напоминает, что в Испании XV в. инквизитор *Торквемада*, подписал 18 или 20 тысяч приговоров к сожжению еретиков [См.: echo.msk.ru/programs/vsetak/1669496-echo/].

циальном равенстве. Но со временем, как это бывало и в других аналогичных ситуациях, первоначальные порядки стали разрушаться: правящие слои обзавелись участками вокруг захваченных крепостей с обязанностью живших там крестьян обрабатывать эти земли. Даже горожан они заставляли служить себе. К концу XII в. первоначальное равенство исчезло. В начале XIII в. уравнилительные порядки в Аламутском государстве были восстановлены, но вновь ненадолго, и затем все вернулось «на круги своя».

В условиях, когда в одном государстве существовали территории с совершенно иными порядками, сельджукская власть постепенно слабела. В 1185 г. земли сельджуков стали постепенно завоевывать войска *хорезмшаха*, а в 1194 г. они захватили почти весь Иран. Но в 1219 г. на Среднюю Азию напали монголы и ситуация резко изменилась.

ИРАН В XIII–XV вв. Создание монгольского государства ильханов. В 1220 г. полководцы Чингизхана **Джэбэ** и **Субэтэй** прошли через Северный и Центральный Иран, затем – в Закавказье, через Дербент – в Северный Кавказ, далее – в Причерноморье, разгромили древнерусских князей на р.Калке в 1223 г. и вернулись в Среднюю Азию, где соединились с основными силами Чингиза. В это время другие отряды монголов завоевывали северо-восток Ирана.

Как видно, это нашествие происходило в русле того разведывательного набега, который докатился и до восточных славян. В Иране военачальники Чингизхана оказались, в общем-то, случайно, в поисках бежавшего туда *хорезмшаха*, который умер на пустынном острове в Каспийском море. Ну, а полководцы, походя, прошли по стране. Что интересно, в этих походах монголы использовали в качестве шпионов и проводников мусульманских купцов (вспомним, с каким презрением относились к купцам в иранском обществе). Среди добычи монголов – огромный гарем *хорезмшаха*, увезенный в Монголию.

Иран серьезно сопротивлялся, ибо это было нападение не только иного этноса, но и носителя совершенно иной культурой и быта (в отличие от более близких соседей – арабов и тюрок). Монголы отличались враждебностью к исламу, в верованиях были ближе язычникам, лояльно относились и к христианам-несторианам. Seriously укрепленные базы исмаилитов монголы обходили, как и отдельные города; другие, захватив, разрушили. Но покорение Ирана затянулось до 1256 г., когда монголы взяли центр исмаилитов Аламут, и разгромили их государство¹.

¹ Но само религиозное движение не исчезло. Изменив доктрину, они отказались от вооруженной борьбы и, как это бывало не раз в истории с потерпевшими военное поражение сектами, перешли к просветительству и воспитанию. В результате движение сохранилось и в начале XXI в. исмаилизм низаритского толка исповедуют более 20 млн человек в 25 странах мира [Емельянова Н. М. Фархад Дафтари. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины // Восток. 2004. № 3. С. 196–201].

Это совершил внук Чингизхана **Хулагу-хан**. В 1258 г. он же завоевал Багдад и окончательно ликвидировал халифат Аббасидов. В 1261 г. он принял титул **ильхана** (хана племени) и возглавил **улус** (удел), протянувшийся с запада на восток от Трапезунда до Афганистана, включая и Закавказье. Часто этот улус называют **государством Хулагидов** или **ильханов**¹.

Хулагу-хан

Положение в стране, естественно, резко ухудшилось. Была уничтожена и уведена в рабство масса людей, надолго разрушена оросительная система. Во многих областях Ирана при ограниченности земельных угодий из-за климата, к концу XIII в. обрабатывалось лишь 10% ранее возделывавшихся земель. Захватчики специально опустошали земли и уничтожали местное население. Ибо у монголов было всего около 200 тысяч воинов – явно недостаточно для контроля над огромной территорией. Такая тактика – в традициях Чингизхана, против которой выступали даже его сыновья Джучи и Угэдэй. Но большинство военачальников поддержало Чингиза, так как они были заинтересованы в грабежах, а не в хозяйственной деятельности на новых для них землях – обычная тактика кочевников.

Ухудшила положение и неудачная деятельность последнего хорезмшаха **Джелал-ад-Дина** (1220–1231). Он поначалу сумел объединить силы и даже несколько раз побеждал монголов. Но после ухода их основных войск, сам занялся завоевательными походами на Кавказе (взял, например, Тбилиси), проявлял мусульманский фанатизм по отношению к завоеванным иноверцам. В итоге лишился союзников, был разгромлен монголами и умер один, всеми покинутый.

Джелал-ад-Дин

Как отмечалось, монгольское завоевание сопровождалось массовым обращением местных жителей в рабство. Это привело к деградации не только земледелия, но и ремесла. Монголы ввели жестокую систему нефиксированного налогообложения, подушный налог, которым обложили и мусульман. В господствующую прослойку вошла, кроме монголов, тюркская и курдская кочевая знать, которая присоединилась к монголам в ходе завоеваний. Этот кочевой слой, привыкший иметь постоянный источник доходов от военной добычи, внес свою лепту в разорение хозяйства Ирана.

¹ Термин *иль-хан* означал владыку тех земель, где заходит солнце и небо становится звездным, т.е. самых дальних западных земель империи. Для Монголии таким «Дальним Западом» и была Передняя Азия, а Средиземное море – «Последним морем». Так что *иль-хан* – не более, чем «владыка Запада» в монгольской империи [Доманин. Ук. соч. С. 351].

Но постепенно завоеватели оказались вынужденными передавать управление в руки местной иранской гражданской бюрократии, хотя и под контролем своих представителей (*баскаков*). В итоге постепенно положение местных феодалов стало восстанавливаться. Сохранялось и положение церковного землевладения (*вакфов*). Ибо монголы-шаманисты оказались, в итоге, веротерпимыми и предпочли использовать авторитет исламского духовенства для стабилизации положения (как, кстати, и православие на Руси).

Социально-экономическое положение. Во второй половине XIII в. земля была распределена между государственными владениями (земли казны), землями ильхана и его семьи, частными владениями монголов и местных феодалов (*мюльки*), *вакфами*. Часть государственных земель раздавалась в *икту*.

С крестьян собиралось 15–30 видов поборов и повинностей. Они были беззащитны перед полным произволом чиновников, которые могли по 2–3 раза собирать подати, в том числе и с помощью пыток. За церковные недоимки семьи обращались в рабство. Власти также ввели *бераты* – грамоты, которые давали право на получение жалования с определенной области или селения, причем вне зависимости от того, платили ли там подати. Население также было обязано поставками продовольствия и фуража для государственных нужд, лошадей и ослов для почты, гонцов, военных, строить и ремонтировать дороги, принимать на постой государевых людей. Крестьяне поэтому старались держать свои дома полуразрушенными, чтобы к ним не вваливались постояльцы. Это было временем наиболее бесправного положения крестьян во всей истории Ирана. Если шариат не признавал крепостного права, монголы его ввели¹.

На менее многочисленных частных землях положение крестьян было лучше из-за заинтересованности в них землевладельцев. В итоге началось бегство крестьян с государственных земель.

В городах был введен неизвестный ранее налог – *тамга*. Ремесленники и купцы также, как и крестьяне, были обязаны продавать товары по цене, ниже рыночной, а платить за продовольствие горожане были вынуждены в 4–5 раз дороже цен рынка.

В конце концов разорение народа стало настолько очевидным, что седьмой ильхан **Газан-хан** (1295–1304) был вынужден начать перемены. Он снизил ряд налогов. Чтобы сблизиться с местной знатью, принял ислам и вернул ему статус государственной религии. Он даже распорядился разрушить построенные при первых ильханах христианские

¹ Это соответствовало собственно монгольским традициям. При Чингизхане рядовой монгол считался крепостным своего командира, и это передавалось по наследству. Теперь такая система была распространена и на покоренные земли.

Газан-хан

церкви. Но затем, нуждаясь и в христианских феодалах (в Грузии и Армении), Газан-хан стал проводить политику веротерпимости. Однако гонения на буддистов предотвратить не сумел, ибо все другие конфессии считали их идолопоклонниками.

Вообще, Газан-хан был личностью выдающейся. Будучи монгольским патриотом (если так можно говорить о том времени), он познал и высоко оценил культуру Ирана. Интересовался медициной и естественными науками, во время охоты собирал гербарии. Установил, что и в Иране растут многие целебные травы и растения, ввозимые из соседних земель. Знал немного персидский, хинди, тюркский, арабский, кашмирский, китайский языки и даже французский. Вникал в документы, правил их.

Во внутренних реформах ильхана большую роль сыграл его визирь из иранской элиты **Рашид-ад-Дин Фазмуллах Хамадини** – финансовый чиновник, врач, ученый-энциклопедист, в том числе историк и богослов. Организовав опалу и казнь прежнего визиря, он занял его место. Сближение с иранскими феодалами и иранскими государственными традициями – его идея. Именно с помощью иранской формы управления он рассчитывал бороться с сепаратизмом монгольской знати и попытаться восстановить иранскую экономику. Для этого был введен твердый налог-рента. В итоге появились фиксированные налоги в деньгах и долях урожая, было запрещено требовать с населения сверх установленного. Запрещалось также всем, в том числе и детям ильхана, посылать гонцов кроме как по государственным делам. Отменили постоянную повинность, грамоты-бераты и другие произвольные поборы. На все деньги и ценности вводились описи. Монгольским воинам теперь раздавали земли в икта с разрешением передавать по наследству, но без права продажи и отбирали их при плохом несении службы. Было подтверждено, однако, закрепощение крестьян. Сохранялись и рабы, кооторые обрабатывали земли феодалов. Были введены льготы за ввод в оборот запустевших земель. Сохранились, естественно, вакфы.

Изменения коснулись и городов. Прежде власть опиралась только на крупных купцов-откупщиков. А вся тяжесть налогов ложилась на основную и не самую богатую часть горожан, которых вынуждали залезать

Рашид-ад-Дин
Фазмуллах Хамадини

в долговую кабалу к ростовщикам, что приняло угрожающие размеры. Газан-хан запретил ссуды и освободил должников от выплаты процентов и даже от долгов. Стали часто отменять или уменьшать налоги. Были введены единая монетная система (вместо многих монет, чеканившихся в разных областях), единая система мер и весов. Рабов-ремесленников переводили на оброк.

Строилась и украшалась столица – Тебриз (в иранском Азербайджане). В предместье хан построил мавзолей для себя с самым высоким тогда куполом в мусульманском мире, а рядом – 2 медресе, больницу, обсерваторию, библиотеку, бани, архив. Караван-сарай и бани появились у всех городских ворот.

В итоге казна увеличилась на 25%. Но домонгольский уровень в хозяйстве не был достигнут – не хватило времени. Ибо, как это часто в истории бывало, реформы не намного превысили эпоху правления самого реформатора и дожили только до его внука, ставшего ханом в 12 лет, в 1316 г.

Упадок государства ильханов. Вновь усиливается роль монгольской знати, и реформы сошли на нет. В условиях усиления внешних врагов растет сепаратизм, обостряются конфликты с укрепившимися за годы реформ иранскими землевладельцами и чиновниками. Увеличивается роль икта, раздававшейся монгольской кочевой знати, особенно в первой половине XIV в. Тогда же стали расти и мюльк, и вакф. Все это происходило за счет государственного земельного фонда, что вело, естественно, к ослаблению центральной власти, для укрепления которой и вводил реформы Газан-хан. Одновременно происходила концентрация земель у крупных феодалов за счет изъятия мелких мюльков (насилием, а также по суду, если во время смут и войн гибли документы). Это приводило и к расширению круга закрепощенных крестьян (государственные крестьяне были лично свободными). Прежняя сельская община, сохранявшаяся в основном на государственных землях, в первой половине XIV в. распадалась.

Таким образом, централизаторская политика Газан-хана не нашла прочной опоры в тенденциях общественного развития, характерного конгломератом разных стран, этносов, культур. В экономике вновь усилились отрицательные тенденции. Росла натурализация хозяйства, что, естественно, способствовало сепаратизму. С 1336 г. отделяется Западный Иран, затем – на востоке – Хорасан, Южный Иран, на западе – Ирак.

В этих условиях в западной части Хорасана в 1337 г. вспыхнуло антимонгольское восстание под лозунгами мусульманского сектанства. Оно началось из-за насилия монгольского гонца в селении около города Сабзевар, на юго-восточном побережье Каспийского моря. Там была

община дервишей шиитского толка, которые создали тайную антимонгольскую организацию среди ремесленников, городской бедноты и крестьян. После убийства главы дервишей его ученик *Хасан Джури* поднял восстание против монголов. Восставшие легко овладели городом, разгромили ополчение хорасанских эмиров, а себя стали называть **сарбердарами** (обреченными на виселицу - ?). В 1378 г. лидер сарбердаров **Масуд** получил титул султана. Он заявил: *«Чтобы впредь ни один турк [кочевник] до страшного суда не смел разбивать шатра в Иране»*. Затем сарбердары разделились на умеренных (землевладельцев) и радикальных (ремесленников и крестьян). Но внешне все они сохранили отрицание богатств. Даже сарбердарская знать стремилась одеваться просто, ладить с дервишами. В доме правителя ежедневно организовывалась общая трапеза для всякого прохожего. Эксплуатация смягчалась: крестьяне платили только 3/10 урожая.

Постепенно территория нового государства расширялась за счет областей, контролировавшихся монголами. В 1353 г. монгольский хан пригласил сарбердарского эмира *Яхья Кераби* для заключения мирного договора (возможно, рассчитывая его убить). Но эмир пришел с 300 (или 1000) воинами и через 3 дня пира сам организовал убийство хана. Так было ликвидировано монгольское государство.

Но затем, как водится, в среде самих сарбердаров возник конфликт между умеренными и радикалами. В 1364 г. победили умеренные, но лишились поддержки низов и ряда территорий. И когда в 1378 г. радикалы восстали, правитель сарбердарского государства был вынужден обратиться за помощью к возвысившемуся в Средней Азии монгольскому завоевателю Тимуру. Тот в 1383 г. разгромил сарбердаров и 2000 из них замуровал живыми, а вскоре покорил весь Северный Иран.

Иран в XV в. После смерти Тимура в 1405 г. и распада его государства весь XV в. в Иране царила раздробленность. Существовало несколько недолговечных тюркских и монгольских государств. Нередки были восстания, чаще под руководством различных исламских сект. Непрочность государств обуславливалась господством в них кочевой знати. Отсюда – слабость экономических связей и вообще – новый хозяйственный упадок. История послемонгольского Ирана, писал известный востоковед И. М. Дьяконов, *«представляет собой все ту же закономерную тошнотворную парадигму воюющих и сменяющих друг друга неустойчивых государств с неопределенными границами, по большей части с тюркскими династиями»*¹.

Во второй четверти XV в. в Южном Азербайджане усилилось влияние наследственных духовных феодалов – тюрок-шиитов из рода

¹ Дьяконов И. М. Пути истории, С. 117.

Сефевидов, от главы суфийского ордена *Сефи ад-Дина*¹. «Святое происхождение» и отсюда ореол божественности облегчил притязания Сефевидов на шахский трон. Их поддержали многие тюркские кочевые племена Малой Азии, Армении и Сирии, исповедовавшие шиизм. Их называли *кызылбаши*². В 1499 г. кызылбаши объявили своим главой юного **Исмаила Сефевид**, подчинившего Азербайджан. Затем, в 1502 г. Исмаил занял Тебриз и провозгласил себя шахиншахом Ирана, а шиизм стал там государственной религией. Так появилось **государство Сефевидов**, просуществовавшее до 1736 г.

Шиизм в этом государстве стал способом дистанцирования от османского султана, который в 1517 г., после захвата Мекки, объявил себя халифом. Султан Селим I стал лидером всех верующих и обладал влиянием на всех суннитов. Однако шииты не признавали как его, так и всех «узурпаторов» титула халифа, который по их убеждению должен был перейти потомкам Али. Похожим образом, в XVI в. дворяне юго-западной Франции приняли протестантизм (гугеноты), чтобы освободиться от королевской власти³. Так же и в Боснии XIII в. для обособления от Сербии была создана своя особая боснийская церковь.

Как видно, рассмотренная история Ирана изобиловала войнами, драматическими завоеваниями и длившимся веками иноземным господством, оставлявшим мало ресурсов для развития этой древней страны.

Сефи ад-Дин

Исмаил Сефевид

¹ Шиизм, зародившийся еще в преддверие халифата Омейядов, в борьбе сирийских мусульман со сторонниками Али, распространился затем на юге современного Ирака среди местного, иранского населения, в значительной степени для противостояния власти Дамаскских халифов – суннитов.

² Красноголовые – из-за чалмы с 12 красными полосами в честь почитаемых ими 12 имамов.

³ См.: inosmi.ru/asia/20130916/213011801.html

ТУРЦИЯ

СЕЛЬДЖУКСКИЙ СУЛТАНАТ. Заселение турками Малой Азии.

Первый очаг турецкого государства был создан на завоеванных у Армении и Византии землях Малой Азии тюркскими кочевыми племенами, пришедшими из туркменских степей во второй половине XI в. Что же позволило пришельцам – кочевникам-тюркам осесть и создать государственность на земле, где человеческая цивилизация возникла еще более чем за 3 тысячи лет до рассматриваемых событий?¹

В первой половине I тыс. н.э. Западная Анатолия (западная часть Малой Азии) была эллинизирована, а в Восточной Анатолии проживало население, близкое картлийской (грузинской) языковой группе. В VII–VIII вв. после арабских завоеваний на востоке Малой Азии оказались *курды*, относящиеся к индоевропейской языковой группе². На юге, на средиземноморском побережье – в Киликии – жили армяне, ассирийцы, греки, в меньшем числе – евреи и арабы. Тюрки в Малой Азии впервые появились в IV в., но были ассимилированы разношерстным местным населением. Более значительное проникновение тюрков (из северо-восточного Ирана – Хорасана и Средней Азии) относится к VIII–X вв. Уже в VIII в. эти тюрки приняли ислам и от них началась тюркизация Малой Азии. С XI в. на Анатолию накатывается новая мощная волна тюрков – **сельджуков**, которые и завершили ассимиляцию значительной части местного населения. Кто же такие сельджуки?

С древности различные тюркские скотоводческие племена кочевали от устья Дуная на западе и до Алтайских гор на востоке³. Во второй половине X в. у тюрков степных районов Средней Азии происходило разложение первобытных порядков и появилась кочевая военизированная знать. Стали создаваться различные предгосударственные объединения (племенные союзы, вожества). Одно из таких объединений, называвшееся **огузами** (позднее – **туркменами**)⁴, возглавлялось семейством *Сельджука* (из племени *кинык*). Впоследствии имя данного семейства распространилось и на все объединенные огузами племена.

¹ Здесь, в Малой Азии, иначе – Анатолии – был один из основных очагов возникновения земледелия, и, по многим данным, около VII тыс. до н.э. зародились индоевропейские языки.

² *Курдский язык* относится к западноиранским диалектам. Оказавшись между крупными древними этнокультурными массивами – греческим на западе и персидским на востоке – *курды* не сумели консолидироваться в единое государство и на всю последующую свою историю остались политически разобщенными: частично – в северо-западном Иране, частично, в современных Сирии и Ираке, но большей частью – в Турции. В VII–VIII вв. во время арабских завоеваний они обратились в ислам. В средневековом исламском мире они играли существенную роль. Курдом был отвоевавший у крестоносцев Иерусалим Салах-уд-дин, известный в Европе как Саладин.

³ Среди них были и протоболгары, и, позднее, печенегы, половцы. Арабы называли *тюрками* все кочевое население Средней и Центральной Азии. Первоначально тюрки были близки монголам, но длительное время находясь среди восточной ветви индоевропейских народов, восприняли некоторые их черты, сохранившиеся и поныне.

⁴ *Туркмены*, тюрк. – благородные тюрки.

Движение сельджуков из туркменских степей в Малую Азию было стихийным. Европейские историки считают главной целью их продвижения на запад – грабеж, а не поиск благодатных земель для создания государства. Лишь победа над византийцами при Манцикерте (на востоке Анатолии) в 1071 г. создала им ощущение безопасности, и возвращение в Среднюю Азию потеряло смысл. Турецкие историки с такой трактовкой не согласны и сравнивают сельджукское завоевание с арабским. И успехи тюрок объясняют теми же причинами, что были у арабов. Тем более, что в обоих случаях инициатива захватов исходила от знати. В процессе завоеваний сельджуки, а, вслед за ними и остальные турки приняли ислам суннитского толка, допускавший верховенство светской власти над религиозной. Последовавшие завоевания за пределами распространения ислама – на Балканах – стали уже рассматриваться как борьба с неверными – *джихад*¹.

Образование государства и его устройство. Итак, в 1071 г. сельджуки разгромили византийские войска, а в 1077 г. в Малой Азии было создано их государство во главе с султаном **Сулейманом**². С 1081 г. столицей султаната стал г. Никея (по-турецки – Изник). Дойдя в 1085 г. до западного побережья Малой Азии, сельджуки стали угрожать Константинополю. Но их дальнейшее продвижение на запад было остановлено крестовыми походами. В первом же из них в 1097 г. крестоносцы отбросили сельджуков в Центральную Анатолию, чем, возможно, предотвратили их вторжение на Балканы. И затем в течение почти 100 лет сельджуки ограничивались лишь небольшой территорией в Центральной части Малой Азии.

Но крестоносцы своим поведением – насилием и грабежами – вызвали такое недовольство местного населения – византийцев и армян, что, забыв о противоречиях между ними и тюрками-мусульманами, они объединяется с сельджуками против крестоносцев. С ослаблением последних, в 70-е гг. XII в. турки возобновили наступление на запад. Пользуясь слабостью также и Византии, они добиваются успехов. В начале XIII в. Сельджукский султанат включал в себя почти всю Малую Азию.

В процессе завоеваний турки заселяли Малоазийский полуостров. В XI в. их там насчитывалось до 500–700 тысяч, а к XIII в. – уже до 1 млн человек. Местное население подверглось ассимиляции пришельцами, и на этой основе постепенно складывалась турецкая народность. В ходе освоения завоеванных земель у сельджуков усилился процесс распада родо-племенных отношений. Под влиянием среднеазиатских, иранских, общемусульманских и византийских экономических, политических и культурных традиций стали формироваться феодальные по-

¹ При многозначности термина, о чем будет идти речь далее – наиболее общее его значение – *усердие на пути Аллаха*.

² Термин *султан* появился в том же XI в.

рядки на базе земледелия. Активный переход сельджуков к оседлости происходил в XI–XII вв. Земля, что типично для Востока, считалась государственной собственностью. Так как государство олицетворял султан, он был фактическим собственником земли и раздавал ее, прежде всего, в виде права на сбор налогов своим приближенным и рядовым воинам за службу, то есть – в *икта*. Но уже в XI в. земли, с которых собирались налоги, стали передаваться в наследственные владения.

В политическом отношении султанат был феодальной монархией с сильным влиянием племенных пережитков. Стоявший во главе государства султан находился в зависимости от родовитых («древних») богатых представителей знати – *беев*, которые избирали султана на своем съезде – *курултае*. Опорой султана была гвардия из рабов и наемников. Существовали также феодальное и племенное ополчения. Феодальное ополчение состояло из владельцев *икта* с зависимыми от них людьми. Племенное войско, характерное для окраинных и восточных земель, приводили с собой *беи* как преемники старых родовых и племенных старейшин и вождей. Всего султанат мог собрать до 250 тыс. воинов. Управление страной было сосредоточено в руках визирей, ведавших различными отраслями государственных дел. Окончательное оформление этих порядков приходится на начало XIII в. На окраинные кочевые племена распространяется государственная власть, скотоводов заставляют платить налоги, выполнять трудовую повинность.

Гибель султаната и его значение. В 1243 г. сельджуки были разгромлены монголами и султанат попал в зависимость от завоевателей. Ослабление султанской власти способствовало росту усобиц, а с середины XIII в. основная часть земель султаната перешла под непосредственное управление монголов. В конце XIII в. султанат распался на 10 (по другим данным – 16) независимых княжеств (эмиратов или *бейликов*)¹. В 1307 г. монголами был задушен последний сельджукский султан *Гияседдин Месуд III* и это событие считается концом Сельджукского султаната.

230 лет существования султаната имели большое значение в истории турецкого народа: турецкий этнос стал в Малой Азии ведущим, основная часть населения перешла к оседлому земледелию, были заложены основы государственности и культуры, началось формирование турецкой народности, хотя окончательно турецкий народ сложился значительно позднее². Однако уже во второй половине XIII в., в ответ на

¹ *Бейлик* – турецкий эквивалент арабского *эмирата* (княжества).

² Западноевропейские авторы термин *Турция* ввели уже с конца XII в., но местное население так называло только кочевников, а горожан – мусульманами (они вообще оказались вне турецкого этноса). Термин *тюрок* еще долго, до XVII–XVIII вв. соответствовал смыслу *мужик, плебей*, что свидетельствует о медленном формировании этнического единства в государстве.

монгольские притеснения, стала распространяться область применения турецкого (народного) языка даже в литературе. На него стали переводиться произведения с других языков. Но еще широко использовался арабский и персидский языки, особенно в аристократической среде, где была модной персидская поэзия.

На темпах социально-экономического развития сельджуков благотворно сказалось влияние покоренного населения, которое по уровню хозяйственному и культурному уровню превосходило завоевателей.

Гнет монголов затормозил естественное развитие Сельджукского государства. Но связи населения с уже освоенной территорией были настолько прочными, что при благоприятных внешних условиях на развалинах султаната возникло новое – **Османское государство**, которое со временем превратилось в одну из сильнейших империй средневековья. Предки османов турки-огузы бежали под давлением монголов в XIII в. из Ирана.

ОБРАЗОВАНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. Среди бейликов, на которые распался Сельджукский султанат было несколько крупных. Но ядром нового турецкого государства стал небольшой, окраинный **Османский бейлик**, расположенный в северо-восточной части Малой Азии, на границе с Византией и со столицей в г. Сёгют. Среди причин, возвысивших именно этот бейлик, было его географическое положение: близость Византии, удаленность и фактическая независимость от монгольских правителей. Все это способствовало массовому наплыву в бейлик тюркских кочевников извне.

История создания бейлика такова. Во время нашествия Чингизхана на Среднюю Азию в 1219–1221 гг. небольшое туркменское племя *кайя*, состоявшее всего из 400 кибиток (семей), во главе с **Эртогрул-беем**, двинулось на запад и в 30-х гг. XIII в. оказалось в Малой Азии. По преданию, Эртогрул получил от сельджукского султана в качестве *икта* северо-западную область и за это обязался нести охрану границ. Это была обычная практика тюркских правителей – отправлять беспокойное племя на запад, в пограничные области, где шла «борьба за веру» с Византией. В 1281 г. Эртогрул-бей умер и во главе племени стал его сын **Осман** (прозванный *Гази* – борец за веру, умер в 1326 г.), от имени которого и произошло название бейлика, основанного его отцом. Осман положил начало династии, представители которой бессменно правили турками вплоть до отмены султанской власти в ходе революции 1922 г. За это время сменилось 37 султанов.

Осман

Важной вехой в истории бейлика стал 1299 г., когда монгольский ставленник, сельджукский султан Гияседдин Месуд II был свергнут в ходе восстания и бежал. Осман воспользовался этим и стал править самостоятельно. Этот год принято считать началом существования независимого Османского государства. В то время оно напоминало европейские варварские королевства IV–VI вв., ибо тоже было основано на военной силе и грабежах.

Сын Османа – **Орхан** (ок.1324–1359) в течение первой половины XIV в. завладел обширными византийскими территориями в Малой Азии, в том числе восточным побережьем Дарданелл и Мраморного моря. При нем начали складываться органы государственного управления, начала чеканиться собственная монета. *Осман* – как стали называть турок, во главе которых стояли представители османской династии – были весьма малочисленны и смогли осуществить свои завоевания лишь благодаря притоку к ним тюркских кочевников из других бейликов и даже из других тюркских стран.

Орхан

Первоначально действуя по примеру сельджуков, османы разрушали сопротивлявшиеся им населенные пункты, уничтожали посевы, порабощали в рабство плененных жителей. То есть разгром монголами сельджуков отбросил турецкое общество на 200–250 лет назад и османы начали с того же, что и сельджуки в XI в. Но вскоре они преодолели «кочевнический синдром» и стали осуществлять более разумную политику – освоение захваченных земель. Для этого уже часть покоренного населения оставлялась на местах для обработки земли и уплаты налогов. К тому же очень часто в Малой Азии и затем, на Балканах, местное население подвластных Византии земель, особенно крестьянство, несмотря на иную веру, не оказывало туркам серьезного сопротивления. Нередки были даже случаи бегства к османам крестьян, спасавшихся от тяжелой эксплуатации в Византии.

ЗАВОЕВАНИЯ НА БАЛКАНАХ в XIV в. Завоевав северо-западную часть Малой Азии и видя богатство, но вместе с тем и слабость Византии, турки приступили к захвату Балкан. Завоевание началось в 1352 г., когда османы были призваны на помощь претендентом на византийский престол *Иоанном Кантакузином*. Во главе с сыном Османа **Сулейман-пашой** турки переправились через Дарданеллы и завладели крепостью *Цимпе*. А в 1354 г., воспользовавшись тем, что землетрясением были разрушены стены г. Галлиполи, захватили и его. Затем, в 1362 г., османы овладели Андрианополем, переименовали в *Эдирне* и сделали своей

столицей. Так турки оказались в глубоком тылу у Византии. Ее император с 1370 г. стал вассалом турецкого султана, платил ему дань и должен был принимать участие во всех военных походах османов. В такое же положение попали и болгары после захвата турками г. Филиппополь (Пловдив).

В 60-х гг. XIV в. турки вторглись в Сербию и после победы на *Косовом поле* в 1389 г. поставили и ее в вассальную зависимость. Затем, в 1395 г., захватив последний крупный болгарский город Видин, османы превратили Болгарию в турецкую провинцию. Успеху турецких завоеваний на Балканах во многом способствовали междоусобицы в Византии, а также конфликты между другими балканскими государствами. Вместо объединения перед грозной опасностью, они продолжали мелочную вражду, да еще часто призывали на помощь турок.

Для закрепления на завоевываемых землях османские султаны начали практиковать переселение на Балканы турок из Малой Азии, одновременно избавляясь от беспокойных кочевых племен у себя в тылу, на востоке. Окончательно укрепили свое положение на Балканах турки после победы над крестоносцами под Никополем (1396 г.), в которой 60–100 тысяч рыцарей столкнулись с примерно 200 тысячами турок. Примечательно, что 15-тысячное войско сербского деспота *Стефана Лазаревича*, как вассала султана, сражалось на турецкой стороне и во многом решило битву в их пользу.

В последние десятилетия XIV в. османские султаны покорили в Малой Азии еще сохранявшие самостоятельность бейликов. Но долгое время объединение этих бейликов с Османским государством не было прочным.

Столь успешные завоевания за относительно короткий промежуток времени объясняются не только разобщенностью балканских государств. Сказалась и внутренняя сила османов, позволившая им воспользоваться выгодной для них ситуацией на Балканах. В чем же она состояла?

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. В нем восстановились те же аграрные порядки, которые сформировались еще при сельджуках. Но они были дополнены специфическими отношениями, сложившимися в пограничном османском бейлике.

Постоянный приток туда новых переселенцев способствовал формированию полупрофессиональной армии: пешей – *яя* и конной – *мюселлем*. Записывали в нее турок-мусульман. Цель этой армии – война с неверными. В нее шли охотно, даже давали взятки записывавшим в нее *кадиям* (мусульманским судьям), ибо участие в армии оплачивалось, а в мирное время записанным давали для обеспечения участки земли,

которые освобождали от налогов¹. Такая политика способствовала оседанию тюрок на землю и приобщению их к крестьянскому труду. Традицию сочетания крестьянских занятий и военной службы османские правители явно позаимствовали у Византии (еще в X в. создавшей слой *стратиотов* – крестьян-воинов). Но для завоевательных целей такое воинство не годилось и появилось новое войско – *янычары*². Но и воины-крестьяне остались как вспомогательные силы.

Потом на землю начали сажать служилый люд и в XIV–XVI вв. стала формироваться специфическая для турецкого феодализма *тимарная система*. Она возникла под влиянием как византийских проний, так и мусульманского икта, но была ближе к последней. Тимарист мог распоряжаться не пожалованной землей, а только доходом с нее, зафиксированным в его *берате*. По отношению к крестьянам тимарист – рентополучатель и организатор-надсмотрщик, следивший за работами крестьян, своевременным сбором с них налогов, но не мог увеличить долю своего дохода. А над ним стояли его военачальники, налоговое ведомство и контроль с их стороны с годами все более усиливался. А сама налоговая система была взята османами от живших здесь византийцев. От Византии они заимствовали и наличие особого государственного законодательства, чего не было в других мусульманских странах, живших только по мусульманскому праву. Так сложилось, вероятно, потому, что те нормы, с которыми столкнулись на западе османы, нельзя было осмыслить с помощью шариата³. Именно на основе тимарной системы сложилась османская государственность.

Османское общество разделялось на две основные категории: *аскери* (люди меча) и *райя* (подданные). Положение последних резко отличалось от правового статуса аскери. Воинский статус обеспечивал не права личности, но определенные привилегии членов данной социальной общности. Лица, входившие в категорию аскери, были освобождены от уплаты налогов и имели право носить оружие. В эту группу могли быть зачислены люди разных рас и религий. Среди них были не только военные, но и лица духовного звания – мусульманские муфтии и *мюдеррисы* (преподаватели в медресе), митрополиты и архимандриты греко-православной церкви, главные раввины еврейских общин. Однако мусульмане, занимавшиеся земледелием, торговлей или ремеслом, равно как и не мусульманские крестьяне и ремесленники, принадлежали к категории райя. При этом они платили неодинаковые налоги, жили в различных кварталах и одевались по-разному.

¹ Кстати, *кадии* в мусульманских странах были и нотариусами, и хранителями вкладов, невестребованного наследства, руководили медресе и выполняли ряд других значимых функций.

² От турецк. – *ени чери*. Подробнее о янычарах – далее.

³ В этом – истоки современного светского государства в турецком мусульманском обществе.

Таким образом, прочность тогдашнего османского государства достигалась включением в привилегированную элиту верхов разных этносов, населявших султанат. Так, сумев использовать разный опыт общественной и государственной жизни, османы создали в XIV–XV вв. мощную империю и выработали структуру ее управления. Но арабский мир, войдя в османское государство, усилил в нем исламский элемент. Сохранение ранних черт в османской государственной структуре выразилось в длительном использовании системы *капыкулу*¹ и в нарастающем отрыве государственного управления от общества. В дальнейшем это привело к застою.

Государство у османов постепенно сложилось в некий надобщественный институт, заинтересованный лишь в самосохранении, но не способствовавший общественному развитию. Власть отстраняла те слои, которые могли проявлять самостоятельность (мелких и средних землевладельцев, пренебрежительно относилась к ремесленникам и купцам), и искала опору у маргиналов (у курдских, черкесских и албанских феодалов, еще и в XIX в. сохранявших элементы родоплеменных отношений со своими подопечными)².

Юридически рассмотренные порядки оформились в 60–70-х гг. XIV в. В 1368 г. было узаконено признание завоеванной земли государственной собственностью. В 1375 г. был принят закон о раздаче военных ленов: мелких – *тимахов* и крупных – *зеаметов*. Воин-всадник (*сипахи*) получал землю во владение на *условии* выступления в поход под знаменем своего ближайшего военачальника – *санджак-бея*³. Сипахи также был обязан привести с собой определенное число конников в соответствии с размером своего лена. Доход сипахи состоял из налога-ренты, который он собирал с крестьян. Таким образом, закон закреплял формирование феодального землевладения.

Мурад I

При Орхане началось формирование государственных учреждений. Появились визири, совещательный орган из представителей знати – *диван*. Усилилось влияние высшего духовенства – *улемов*. Страна была поделена на провинции и округа. При султанах **Мураде I** (1359–1389) появились первые законы (в том числе и указанные выше). До того жизнь турок регулировалась обычным правом – *тюре* и мусульманскими обычаями – *шариатом*.

¹ Буквально: рабы августейшего порога – из пленных-рабов и янычар.

² Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византизм между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 474–494.

³ *Санджак* – знамя.

Баязид

При Мураде I покоренные государства находились в вассальной зависимости. Его сын **Баязид** начал проводить политику централизации¹. Особое внимание в связи с этим было уделено армии. Основой военной силы стало конное ополчение сипахов, заменившее прежнее ополчение из всех мужчин. Еще при Мураде I, в 1361 (или 1363) г. был создан первый регулярный пехотный корпус из христианских военнопленных. Пехота особенно была необходима туркам при осаде крепостей. Корпус получил название янычарского. На первых порах он насчитывал 1-3 тыс. пехотинцев. Со временем их число увеличилось и был изменен способ набора. В 20-х гг. XV в. появилась так называемая система *девширме*: раз в 3, 5 или 7 лет (иногда чаще – по потребности) специальные вербовщики силой забирали христианских мальчиков и юношей (с 8 до 20 лет), из которых наиболее физически развитых после специальной подготовки направляли в янычарский корпус. Негодные к военной службе пополняли ряды рабов. Янычары воспитывались сначала в турецких семьях, затем в специальной школе в духе мусульманского фанатизма и слепой преданности султану, считаясь его рабами. По образцу янычар был создан небольшой корпус всадников, названных *сипахи* (не путать с сипахи-землевладельцами).

По некоторым данным формирование янычарского корпуса не везде и не всегда сопровождалось насилием. Например, как было установлено недавно канадским историком греческого происхождения, в Афинах малообеспеченная христианская молодежь стремилась вступать в это войско по экономическим причинам.

Янычары и сипахи находились в полном распоряжении султана, получали из казны денежное жалование, не женились, жили в казармах и служили до тех пор, пока могли держать оружие. Все сипахи и большая часть янычар находились в столице, а остальные – в крупных городах и использовались не только во внешних войнах, но и для борьбы с противниками султана внутри страны.

ОСМАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XV в. После захвата болгарской столицы Тырново, ликвидации Болгарского царства в 1393–1395 гг., а затем и разгрома крестоносцев под Никополем в 1396 г. уже упоминавшийся султан Баязид (1389–1403) основное внимание во внешнеполитической деятельности сосредоточил на захвате столицы вассальной

¹ Баязид – сын гречанки из Малой Азии, победитель сербов на Косовом поле (близ Приштины), за что был прозван *Йылдырым* – Молниеносный. В этой битве он и стал султаном после гибели отца. Пишут, что его первым распоряжением после провозглашения султаном, еще во время битвы, было – удушить брата посредством шнура, что было обычной практикой при наличии многочисленных братьев от других жен султанов.

Византии – Константинополя и даже блокировал город. Но совершенно неожиданно помощь Византии пришла с Востока – в Малую Азию вторгся Тимур.

Баязид, увлекшись завоеваниями на Балканах, мало внимания уделял положению в Малой Азии. Надо заметить, что ему понравилось в Европе. В его двор проникли европейские нравы – пиры с обильными возлияниями, сексуальные вольности (разврат – с точки зрения ортодоксальных мусульман). Он взял в свой гарем дочь погибшего в косовской битве сербского короля Лазаря. Говорили, что она стала его любимой женой, и, действительно, везде сопровождала его. Ко времени появления Тимура сорокалетний Баязид уже не был воином, обрюзг, предпочитал управлять из шатра.

А на востоке османского государства еще не была окончательно подавлена самостоятельность местных беев, тяготившихся все усиливавшейся властью османов. Этим и воспользовался при вторжении в Малую Азию Тимур¹. Имея крупные силы, он сумел склонить на свою сторону некоторых малоазийских беев, покоренных Баязидом. Решающее сражение произошло при *Ангоре* (Анкаре) 28 июля 1402 г. Обе армии отличались высокими боевыми качествами. Но у Тимура было примерно 140–160 тыс. воинов, у Баязида – лишь около 70 тыс. К тому же, в разгар битвы 18 тыс. ополченцев, набранных Баязидом в восточномалоазийских *бейликах* вдруг увидели своих беев на стороне Тимура и, изменив султану, перешли на сторону монголов, что и окончательно решило исход сражения. Турки были полностью разгромлены, а Баязид, несмотря на отчаянное сопротивление, и два его сына попали в плен. Весной 1403 г. султан, которого Тимур возил с собой (по некоторым сообщениям – в клетке), узнав о намерении победителя отвести его в Самарканд, отравился. Надо заметить, что, судя по переписке, которая предшествовала нападению монголов, Баязид провоцировал Тимура, не только похваляясь своими победами в Европе, но и унижал, угрожая насилием над его женой, что окончательно привело престарелого полководца в бешенство.

Тимур, как и в предыдущих своих походах, не собирался обосновываться в завоеванных землях. Удовлетворившись богатой добычей, он повернул назад и в 1405 г. умер при подготовке к походу в Китай².

Нашествие монголов имело для Турции тяжелые последствия. Чтобы ослабить османов, Тимур вернул покоренным азиатским бейликам самостоятельность, а другие турецкие земли разделил между четырьмя оставшимися сыновьями Баязида. Естественно, вскоре между братьями началась борьба за верховенство, закончившаяся победой в 1413 г. од-

¹ Кстати, византийские власти через Трапезундскую империю, осколок бывшей Византии в юго-восточном Причерноморье, в 1401 г. побуждали Тимура выступить против Баязида. Поэтому Тимур рассчитывал и на помощь европейцев против турок.

² После битвы при Ангоре испанский король отправил Тимуру посольство с благодарностью за разгром турок, но оно уже не застало завоевателя в живых.

ного из них – **Мехмеда I**, который затем сумел укрепить османскую государственность.

Мурад II

Завоевание Византии. При преемнике Мехмеда – **Мураде II** (1421–1451) Турция возобновила агрессивную внешнюю политику, направленную, прежде всего, против остатков Византии, которая, несмотря на дряхлость, все еще стояла на пути завоеваний османов на западе. Уже в 1422 г. Мурад II осадил Константинополь. Хотя осада оказалась безуспешной, спустя 2 года Византия, состоявшая к тому времени из отдельных и отдаленных друг от друга частей, не находившая помощь в христианском мире, возобновила выплату туркам дани. Крестовый поход против турок удалось организовать лишь через 20 лет. Возглавил его венгерский король Янош Хуньяди. Но он был разгромлен турками в 1444 г. под Варной, а в 1448 г. вновь потерпел поражение на памятном для балканских народов Косовом Поле.

Мехмед I

Эти победы укрепили турок и поставили Византию в критическое положение – всю империю можно было пройти за 3 часа. Последний император – Константин XI Палеолог, несмотря на кипучую энергию ничего не мог изменить. Трагическая для Византии развязка была ускорена тем, что на смену одряхлевшему Мураду II пришел его сын – энергичный и честолюбивый **Мехмед II** (1451–1481). Будучи сыном одной из наложниц султана, он начал с устранения конкурентов, причем не пощадил и своего двухлетнего брата (его утопили в ванне). Затем, во искупление этого преступления он выдал убийцу матери младенца (они были братьями только по отцу), которая в присутствии Мехмеда собственноручно вспоролла живот убийце, вырвала сердце и еще трепещущим бросила его на съедение псам¹.

Мехмед II

Современники также сообщали, что однажды Мехмед в поисках пропавшей из сада дыни приказал вспороть животы 14 рабам. Такие страшные рассказы дополняет и сообщение писавшего портрет султана итальянского художника Джентило Беллини. Он с ужасом вспоминал, как Мехмед во время позирования собственноручно отрубил голову прислуживавшему рабу для того, чтобы проде-

¹ *Монтень М.* Опыты. Кн. 3. М., 1979. С. 13. Но убийство братьев как возможных прецедентов на престол (чаще – удушение шнурком) было, как уже отмечалось, обычной практикой тогдашнего османского двора, а, значит, и как преступление в тогдашней среде не воспринималось.

монстрировать живописцу конвульсии шейных мышц. Рассказывали также, что незадолго до осады Константинополя тот бродил, переодетым в простого солдата, по улицам своей столицы – Андрианополя (Эдирне) – и если вдруг кто-то его узнавал и приветствовал, этого человека немедленно казнили.

Такое поведение Мехмеда неудивительно, если учитывать, в какой обстановке он рос. Родился он, как отмечалось, от наложницы Мурада II и был 4-м сыном в гареме отца. Вскоре после рождения он вместе с матерью был отослан в отдаленную провинцию. Но в 8 лет оставшегося единственным наследником (старшие братья умерли) Мехмеда вернули ко двору. И отец, человек весьма образованный, стал готовить сына к власти: нанятые учителя обучали его греческому, арабскому, латыни, древнееврейскому языкам. Отец даже хотел уйти на покой, оставив юного сына при власти. Но у насмотревшегося дворцовых интриг Мехмеда, еще подростка, оказался злобный, жестокий характер. Высокомерие и грубость вызвали неудовольствие даже в основной опоре султанов – военной элите. Отец, одержав победу в 1444 г. при Варне над крестоносцами, вернулся, а сына сослал. Тот, естественно, затаил злобу. За 2 года ссылки у Мурада родился от очередной жены еще сын. Но отец, думая о преемнике, вернул 16-летнего Мехмеда ко двору, ибо новый сын для роли наследника был, естественно, слишком мал. Так пройдя через две опалы, насмотревшись на нравы того времени, поучаствовав в нескольких жестоких битвах, Мехмед приобрел жестокий и вероломный характер.

Но при этом Мехмед II был высокообразован, интересовался точными науками, философией, читал в подлинниках Цезаря и Плутарха. Афины он называл городом мудрости. И этот человек поставил цель сделать Константинополь своей столицей. Весной 1453 г., собрав 150–200 тысяч воинов против 7 тысяч защитников города, в возрасте 21 года Мехмед осадил столицу Византии и 29 мая захватил ее. Тело погибшего в ходе штурма последнего византийского императора Константина XI было разыскано под городом трупов, обезглавлено, похоронено с почестями, а голова выставлена на показ, в соответствии с принципом Мехмеда: врага обязательно добить и, уничтоженного выставить на всеобщее обозрение: «Смотрите, вот он»¹. После традиционных трехдневных грабежей Мехмед торжественно въехал в свою новую столицу, названную **Стамбулом**². Затем он посетил резиденцию константинопольского патриарха, где, усевшись на патриарший трон, слушал от стоящего перед ним епископа Геннадия пояснения о христианской вере.

Переход в руки турок такого крупного военно-стратегического и торгового центра на пути из Европы в Азию сказался на всей Европе. Сильно пострадала европейская (особенно итальянская) торговля с Востоком. Османы, укрепившись на Балканах, не скрывали своих агрессив-

¹ Но, как заметила описавшая поведение Мехмеда II российская историк Н. И. Басовская, такое было свойственно не только Мехмеду II. Достаточно вспомнить о происходивших в те же годы событиях Войны Роз в Англии [См.: echo.msk.ru/programs/vsetak/982544-echo/].

² *Стамбул* – или от искаженного турками греческого выражения "Ис ин полин" (у города, в городе) – Истамбул – Стамбул, или от *Истамбол*, турецк. – «изобилие ислама».

ных планов в отношении Венгрии, Италии и других европейских стран. Константинополь перестал играть роль духовного и культурного центра для всех православных¹.

Турция во второй половине XV – начале XVI в. В течение 1459–1483 гг. османы покорили почти весь Балканский полуостров. В 1463 г. Мехмед II собственноручно отрубил голову последнему королю Боснии Стефану Томашевичу. В 1467 г. после смерти упорного борца против турок, талантливого полководца Георгия **Скандербега** потеряла независимость и Албания. В 1479 г. Турция почти полностью вытеснила Венецию с островов Эгейского моря, а в 1480 г. даже предприняла поход в Южную Италию, окончившийся, однако, неудачей. В 1475 г. османы завоевали Крым и стали полновластными хозяевами в Черном море.

К концу XV в. было завершено объединение в рамках османского государства и всей Малой Азии, где турки уже составляли подавляющее большинство населения. А в начале XVI в., в короткое правление султана **Селиме I Явуза** (Грозного, Злого, Свирепого, Жестокосердного – 1512–1520) территория Османской империи практически удвоилась, за счет присоединения части Ирана, Ирака, Армении, Сирии, Палестины, Египта. Ему подчинился Хиджаз с Меккой и Мединой. В результате создалась сильная агрессивная империя, наводившая страх не только на отдельные соседние страны, но и на целые коалиции европейских и азиатских государств. Считается, что характером Селим I пошел не в миролюбивого отца – Баязида II, а в деда, завоевателя Константинополя Мехмеда II. Престол он занял уже 40-летним, не дождавшись смерти своего отца – свергнув его, а затем расправившись, по примеру деда, с другими претендентами на трон – своими братьями и племянниками (задушили шнурком во дворце). Боясь придворных интриг, ограничил роль гарема. За 8 лет правления было обезглавлено 7 визирей². Показательно, что за религиозный фанатизм – он задумал истребить всех шиитов в государстве – от сторонников получил титул *Справедливый*. Постоянно ведя завоевания, укрепил армию, особенно артиллерию, задумал усилить флот, но не успел.

При сыне и преемнике Селима, султанине **Сулеймане I Великолепном** (1520–1566) наступил не очень долгий, но «золотой век» Османской империи – максимальный расцвет за всю ее историю.

Селим I

¹ Московские цари, считавшие себя наследниками древнеримских и византийских императоров, после падения Константинополя, переняли герб последней византийской династии – Палеологов – *двухглавого орла*, означавшего владение Западом и Востоком.

² Появилась поговорка: «*чтоб тебе быть визирем Селима*», что означало: желаю тебе смерти. Но сам умер внезапно, в 50 лет.

Сулейман I

Когда Сулейман в возрасте примерно 25 лет вззошел на трон, многие современники были убеждены, что он не сможет противостоять порокам двора, ибо к войнам был не склонен, предпочитая жить в сералях¹. Однако они ошиблись. Когда Сулейман спустя 46 лет умер у ворот одной венгерской крепости, он успел поучаствовать в 13 больших военных походах на трех континентах и во множестве более мелких экспедиций, возведя, в итоге, Османскую империю на вершину могущества. К моменту его смерти она простиралась от Алжира

на западе до границы с Ираном на востоке, и от Египта на юге почти до ворот Вены на севере.

На протяжении долгих лет Сулейман состоял в близких отношениях с русской рабыней Роксоланой, демонстрируя современникам удивительный пример «моногамной» любви, необычный даже для христиан. Умер он ранним утром во время подготовки к штурму одной из крепостей, вероятно, от дизентерии. Для предотвращения волнений среди его воинов, чтобы скрыть эту информацию, врачи, лечившие султана, были убиты. Гонимцы сообщили эту весть лишь наследнику престола Селиму. И только когда тот установил в столице свою власть, войску сообщили о смерти Сулеймана, и оно выплеснуло весь свой гнев на осажденную крепость.

Активные военные действия истощали казну. И после смерти Сулеймана османы больше не были в состоянии финансировать свою огромную армию в том же объеме, как во времена становления империи. Согласно некоторым подсчетам, содержание 200-тысячной армии – в том числе многочисленных отрядов янычар – обходилось в две трети всех расходов страны. И как только военные походы перестали быть победоносными и способствовать обогащению империи, а превратились лишь в демонстрацию силы перед соседями, государственный бюджет стал нести опасные потери. К этому добавлялись и огромные представительские расходы – не случайно Сулейман был прозван *Великолепным*.

Еще во второй половине XV в. сложились основные формы государственного строя, просуществовавшие почти до середины XIX в., а некоторые – и до свержения султанского режима в 1922 г. Во главе находился султан² – абсолютный светский и духовный властелин. Престол переходил от отца к сыну. Но так как престол был один, а сыновей (при наличии гарема) – много, воцарившийся султан, как отмечалось, обычно убивал своих братьев. Лишь в начале XVII в. был установлен порядок, по которому престол переходил к старшему по возрасту представителю

¹ Султанский дворец, гарем.

² В Турции его чаще называли *падишах*.

династии. Других возможных претендентов заключали во внутреннюю тюрьму. Вторым лицом в государстве был великий визирь, которому подчинялись остальные визири (подобие министров). Все визири составляли Высочайший совет.

Основой экономики оставалось земледелие и скотоводство. Города были разорены длительными войнами. Со второй половины XV в. власти, заинтересованные в ремесленниках и торговцах для обслуживания двора, знати и армии, стали переселять их в столицу из других завоеванных городов. Начали оживать и некоторые иные крупные центры. Но, в целом, турецкое господство отрицательно сказалось на городской жизни как в Малой Азии, так и на Балканах. Горожане долго оставались в турецком обществе инородным телом и рассматривались и властями, и землевладельцами как объект эксплуатации. До понимания значения городов для укрепления экономики там еще не поднялись, что впоследствии способствовало застою и ослаблению империи.

Но пока, до середины XVI в., благодаря богатствам завоеванных территорий, Османская империя оставалась грозной владелицей стратегически важных земель на оживленном стыке Европы, Азии и Африки и, во многом, определяла историю региона.

На Балканах османское господство затормозило этнокультурное и экономическое развитие местных народов. И, лишь освободившись от турецкого гнета и восстановив независимость к концу XIX в., они начали консолидироваться и формировать национальную идентичность, что другие народы Европы к тому времени уже завершили. Но нельзя не указать и на то, что внутри османского государства существовала определенная этническая и религиозная толерантность, в чем турки повторили опыт ранних арабских завоеваний. Такая политика в полиэтничном и многоконфессиональном государстве обеспечила, при слаборазвитой экономике, полутысячелетнее существование Османской империи на обширных пространствах Азии, Африки и Европы.

КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

РЕЛИГИЯ. Хотя в средневековую эпоху большинство народов региона пришли со своими древними культурными достижениями, специфическими верованиями и культами, все они в результате арабских завоеваний попали под воздействие ислама, в исторически короткое время превратившегося в третью, после христианства и буддизма, мировую религию. Мусульманство оказало решающее влияние на повседневную жизнь, культурный облик и дальнейшую историю региона вплоть до наших дней.

Выход носителей ислама за пределы традиционной территории их проживания, начавшийся в конце XX в., обратил пристальное внимание к этой религии у соседей, прежде всего, европейцев, к кому устремился основной поток мигрантов из мусульманских стран. Стали многочисленными попытки понять эту религию. Но это оказалось непросто в силу «встроенности» ислама в светскую, мирскую жизнь, что европейцы уже пережили в средние века, а затем преодолели. Поэтому стремление разобраться в исламе извне требует обращения к истории его появления и развития.

Начну с мнения религиозного деятеля, которому легче проникнуть в иррациональные корни иной веры, чем человеку светскому, рациональному. Известный российский православный богослов Александр Мень говорил на одной из лекций в 1989 г.: *«Ислам появился, с одной стороны, как глубинная реакция восточного начала в истории церкви, реакция того начала, которое не могло принять идеи богочеловечества. Есть сказание о Мухаммеде, согласно которому в видении или сне Бог предложил ему, ангел предложил ему вино, воду и молоко. Отвергнув терпкое вино – христианство, отвергнув воду – язычество, он принял молоко – молоко простейшей веры. Ислам – это Ветхий завет, таким, каким он должен был стать ко времени явления Христа на земле. Откровения Ветхого завета, религия Библии была запрограммирована на универсальную модель, на распространение по всему человечеству. И частично иудейская пропаганда религиозная последних веков перед нашей эрой эту миссию выполняла, но ислам создал более универсальную модель. Мухаммед опирался на Ветхий завет, недостаточно понятый им по-человечески. Христианство он знал плохо, он знал, что христиане враждуют между собой, что это какие-то группы сект и движений»*¹.

Но это взгляд со стороны. Сторонники ислама считают такую оценку упрощением. Конечно, исторически ислам во многом восходит к двум предшествующим религиям – иудаизму и христианству, использует те же понятия и первоначальные сюжеты. Откровение, ниспосланное Мухаммаду и переданное им человечеству, это то же самое откровение, на котором основаны иудаизм и христианство. При этом ислам рассматривается как новое понимание этого открове-

¹ См.: svoboda.org/a/24196252.html

ния, соответствующее новым временам, временам консолидации и возвышения арабов. Таков взгляд на соотношение этих религий изнутри ислама.

Глядя же извне, нельзя не видеть, заметил английский исламовед М. Форвард, что, казалось бы, используя многие христианские догматы и отсекая другие, на самом деле традиционный ислам создает совершенно самостоятельную, очень развитую и сложную концептуальную систему. Эта система мыслей, в итоге, оказалась ничуть не менее сложна, чем христианская. Достоинство, даже гордость ислама, как раз не в том, что он первый, а в том, что он – последний в ряду авраамистических религий.

Неповторимость ислама состоит в попытке создать идеал единого человеческого общества, где политические, общественные и хозяйственные нужды были скреплены воедино, как веление единого Бога человечеству¹. Ислам провозглашает равенство всех верующих перед Богом. В нем очень сильна идея эгалитаризма. Все мусульмане, по крайней мере по учению, составляют единую общину (*умму*). Это придает мусульманам значительную сплоченность в борьбе против любого общего врага. Единству мусульман не препятствует даже то, что они разделены на несколько толкований (сунниты, шииты и др.)².

В своей изначальной форме ислам проще, понятнее и лучше адаптирован к обществам, стоявшим на стадии перехода от первобытности к цивилизации. В нем не было мудрствований, сложных философских концепций предшествовавших монотеистических религий. Например, в исламе, как, впрочем, и в иудаизме, в отличие от христианства, нет сложного догмата о триединстве (Св. Троицы). Поэтому он получил быстрое распространение среди восточных народов, легко вытеснив другие верования. В мусульманстве имеется 6 основных заповедей:

1. Исповедование главного догмата – «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк его»³.

2. Необходимость молиться 5 раз в день (*сала́т* – араб., *намаз* – перс.). Первоначально при молитве обращались лицом к Иерусалиму, в чем и отразилось отношение Мухаммада к религиозным основам его учения. Лишь убедившись в неприятии ислама христианами и иудеями в Медине, после замирения с мекканцами, Пророк повелел обращаться в сторону Мекки.

3. В течение месяца *рамадан* (рамазан) соблюдать пост с утра до захода солнца в память о том, что в одну из ночей именно этого месяца Мухаммад услышал откровение ангела о Коране и о своей

¹ Форвард М. Мухаммад. М. 2002. С. 12.

² Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб. 2003. С. 94–95.

³ Уже в переводе этого догмата заложена сложность всех переводов Корана, ибо, собственно, *Аллах* – это и есть Бог. Причем в арабском языке в нем нет понятия числа (в русском: *Бог* и *боги*), нет рода (в русском – *Бог* и *Богиня*). В Коране также нет представления о том, что «мы все дети божьи». Для Корана человеческие существа – это служители Бога, которые связаны между собой, как дети Адама. Второй халиф Умар (Омар) говорил: «Ваша неспособность увидеть Бога и есть ваше видение Бога» [См.: inosmi.ru/world/20120726/195541595.html].

миссии пророка. Так как у мусульман был принят лунный календарь, в котором все месяцы насчитывают по 30 дней, каждый следующий год начинался на 10 дней раньше предыдущего и дата поста – плавающая (называется пост у арабов – *саум*, у иранцев – *рузе*, у тюркских народов – *ураза*).

4. Обязанность творить милостыню. На это направлен особый налог (*закят*), составляющий около 2,5% стоимости имущества мусульманина.

5. Желательно хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку.

6. Обязанность участвовать в священной войне с неверными (*джихад* – максимальное усилие, рвение). Эта заповедь появилась уже после смерти Пророка.

Мусульмане верят в страшный суд, воскрешение мертвых, ад, рай и чистилище. В основе религии лежит фатализм: путь человека определен Аллахом. Он установил рамки поведения¹. При этом в третьей суре Корана Аллах, обращаясь к мусульманам, как подчеркнул недавно российский востоковед Г.И. Мирский, называет их *«лучшей из общин, которые созданы для рода человеческого»*².

Все это содержится в главной книге мусульман – *Коране*³. Написан он на древнеарабском (теперь мертвый язык). По исламской традиции он существует вечно. Но доказано, что он был написан после смерти Мухаммада на основе оставшихся в памяти его сподвижников и записанных на листьях финиковой пальмы, камнях и костях высказываниях Пророка. Опасаясь, что эти изречения забудут, халиф Абу Бекр поручил бывшему секретарю Мухаммада собрать все варианты пророчеств учителя. При халифе Османе, в 651 г. текст был канонизирован, а иные его варианты – уничтожены.

По форме Коран – диалог Аллаха с иноверцами – делится на 114 *сур* (глав), каждая из которых содержит разное количество *аятов* (стихов). Примерно 2/3 текстов основаны на идеях Нового Завета⁴, но изложенной в конкретной среде общества, находившегося на стадии перехода от первобытности к предгосударственной организации, называемой либо *военной демократией*, либо, как теперь часто именуют – *вождеством* (племенным союзом с неустойчивой иерархией).

¹ В отличие от христианства в исламе нет установки на достижение совершенства, на стремление к постижению идеала. Наоборот, есть констатация неизменности.

² centrasia.ru/newsA.php?st=1416549240

³ От арабск. *кара'а* – читать. Другое толкование названия *Коран* – «Устные наставления». Возможно, это слово, как и многое в арабской культуре имеет сирийскую основу, ибо по сирийски слово керьяна означает «сборник для чтения» [См.: polit.ru/article/2012/11/20/ps_arabs_siria_wisdom/].

⁴ Кернс Э. Дорогами христианства. История церкви. М. 1992. С. 138.

Европейцы впервые узнали текст Корана из латинского пересказа XII в.¹ Полный перевод, сначала на французский, был сделан в XVII в. Но и доньше арабисты считают существующие переводы неточными. Сложность состоит в том, что в арабском языке слова часто имеют много смысловых оттенков, теряемых при переводах. Семантическое богатство арабского языка, на котором был написан Коран возникло еще в дописьменную эпоху, в условиях существования обособленных кочевых племен. Отсюда много неопределенных понятий и нюансов, которые трудно уловить иностранцам и, тем более, переводить. К тому же Коран первоначально записывался, как принято во многих древних ближневосточных языках без гласных, что еще больше осложняет понимание текста вне исторического и бытового контекста².

Как отметил недавно профессор Мюнхенского университета, философ Рейнгард Лаут, до Корана практически арабской письменности и, соответственно, литературы не было и его составитель сам изобрел язык, на котором эта книга была написана. *«Он сам [Мухаммад] выражается по разным, в основном, тактическим причинам нередко весьма неопределенно. Именно по причине уникальности этого языка арабские современники и последующие поколения оказались абсолютно не способны подобрать эквиваленты тезисам Корана, то есть просто удовлетворительно понять их. Ничего удивительного, что Коран рассматривается мусульманами как откровение, пришедшее непосредственно с небес»*³.

До X в. мусульманские экзегеты (толкователи) вели ожесточенные споры по поводу понимания, расшифровки и истолкования Корана. В конечном итоге они остановились на варианте, который больше никто не подвергает сомнению, за исключением нескольких малозначимых моментов. Но смысл некоторых положений, особенно сторонним наблюдателям, остается не всегда понятным⁴.

Помимо того что, в отличие от Библии – более или менее последовательного исторического повествования, в Коране сообщается лишь основная идея, общая формула существования, которая иллюстрируется рядом частных примеров, что вообще характерно для арабской средневековой литературы. Среди исторических сочинений в средневековой исламской философии выделялось более 40 тематических направлений⁵.

¹ Он был произведен около 1142 г. в монастыре Клуни. Помимо Корана, на латынь были также переведены ряд хадисов (рассказов), предания о пророках и другие канонические сочинения ислама. Все это происходило на фоне подготовки ко второму крестовому походу. Эти переводы были положены в основу опровержений мусульманского вероучения [Лаумулин М. Т. Развитие востоковедения во Франции и изучение Центральной Азии // Восток. 2000. № 3. С. 169].

² Диакритические значки, уточняющие звучание и смысл букв (ставятся обычно выше или ниже строчек), во времена Мухаммада еще не были введены. Их окончательно утвердили лишь век спустя после проповедей Пророка [См.: inosmi.ru/social/20180110/241151515.html].

³ См.: polit.ru/article/2013/03/21/islam/

⁴ Там же.

⁵ Например: История сумасшедших, тех, на кого навели порчу, лунатиков, людей умственно неполноценных и заколдованных; История попрошаек, нищих, вымаливающих по-

Уже в самых ранних переводах Корана появились искажения, которые множились в последующих текстах Корана на других языках. Например, фраза, с которой начинается каждая сура означает, как подчеркивает современный автор: «От имени Бога - Милостивого и Милосердного», то есть Мухаммад начинал читать Коран не от своего имени, а от имени Бога. Но переводят обычно «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного». То есть авторство сур, и соответственно всего Корана приписывается самому Пророку. Искажения обычно возникали из-за того, что обычно переводчиками были хотя и знатоки арабского, но ученые, мыслящие рационально, которым сложно было переносить на другие языки мистику религиозного текста. Для придания переводам логики, привычной европейскому читателю, порой и порядок аятов в сурах тоже менялся¹.

Непоследовательность, характерная для устной речи, в Коране закрепилась, что часто ставило в тупик и читателей, и переводчиков. Для примера приведу сравнение отрывков из двух вариантов современных переводов на русский язык²:

Перевод В. М. Пороховой

И жены, получившие развод, Пусть выйдут время трех регулов (2:228).

...Когда же истечет назначенный им срок, На вас греха не будет от той разumnости, С какой они сочтут собой распорядиться... (2:234).

Это – мой посох, – он сказал. – Я опираюсь на него И им фураж сбиваю для скота. В нем – польза мне и для других работ (20:18).

А тот, кто делает добро и (в Господа) уверил*, Не убоится ни обид, ни утеснения довольства (20:112).

Перевод В. Д. Ушакова

Самим же женам разведенным три срока наступленья регул необходимо выждать (2:228).

...Когда же срок сей завершится, тогда греха на вас не будет, если они собой распорядятся согласно общепринятым порядкам (2:234).

Ответил он: "То посох мой, – и опираюсь на него я, и листья им с деревьев я сбиваю, чтоб ими накормить овец своих, и назначенья есть другие у него" (20:18).

А тот, кто добрые деяния творит и [в Бога] верует при этом, он притеснений и лишений не страшится" (20:112).

Как текст, переданный непосредственно Богом, Коран должен пониматься буквально – толкования нежелательны и не одобряются. Хотя вышеотмеченная туманность самого текста, все-таки, позволяет его трактовать весьма разнообразно, в соответствии с мировоззрением и уровнем образованности верующих.

Поначалу, по мере распространения, в том числе среди окружавших арабов народов с древними культурами, ислам был более восприимчив к рациональным знаниям, философии и науке вообще, был и более веротерпим. При этом в нем не содержится разделение светской и

даяние...; История тех, кто умер [во время чтения] Корана, от любви, страха или просто внезапно [Кузнецов А. В. Жизнь до рождения: история в средневековой арабо-мусульманской системе знаний// Одиссей: Человек в истории. № 1. 2012. С.184–211].

¹ Кязимов А. П. О переводах Корана// Вопросы истории. 2003. № 1. С. 139.

² Ушаков В. Д. О переводе Корана: вопросы теории и практики (на основе опыта автора) // Восток. 2006. № 3. С. 114.

духовной сфер. Характерной чертой ислама было и то, что эта религия не предусматривала никаких посредников между Богом и Человеком.

В отличие от христианства, в исламе нет первородного греха. Добро в мусульманстве – в послушании Богу, но следовать помыслам Божиим, как в христианстве, нельзя. Бог недоступен, трансцендентен. Можно лишь следовать его закону. Без этого закона человек беспомощен. Мусульманство требует от верующих не бесконечного совершенства, а безусловной преданности, что легко, кстати, воспринималось многими народами³.

В отношении к поступкам людей в Коране сказывалось человекоподобие Аллаха. Его действия сходны с поведением капризного тирана. Вместо предупреждения дурного поступка (при всемогуществе Бога) – наказание за совершенный проступок. Хотя, с другой стороны, в этом проявляется определенная свобода воли: мусульманину предоставляется право на выбор и, соответственно, ответственность за результаты своих действий. Но, в свете современных реалий, основным принципом, регулирующим поведение людей, оказывается устрашение.

Как заметил современный иранский богослов Мусави Лари, *«Самая большая ошибка западной религии заключается в том, что она относится к вере как к индивидуальному, личному делу, не связанному с повседневной жизнью. Эта ошибочная теория отбрасывает свою тень на все стороны жизни западного общества»*⁴. Это подтверждает вывод о всеобъемлющей роли религии в исламском обществе с подчинением личности общим правилам и нормам, что наиболее полно проявляется у шиитов, господствующих в Иране. *«В исламе попечителем исполнения закона является глубоко укоренившаяся вера, и мусульманин должным образом исполняет свои обязанности, подчиняясь сим морали и веры, даже в случаях, когда его не видит никто, кроме одного Бога»*⁵. И далее: *«исламское право основано на Божественном Откровении. Его законодательство не есть человеческая уловка»*⁶.

Кроме религиозных в Коране, как отмечалось, есть судебные, бытовые и гигиенические предписания. В частности, там осуждает употребление вина, которое названо *«мерзостью сатаны»*, посредством которого он *«желает заронить вражду и ненависть»*⁷. Согласно повелению Мухаммада, умерший пьяным пребывает в аду. За появление пьяным в 3-й раз полагалось 80 ударов хлыста, в 4-й раз – смертная

³ Журавский А. В. Бог и человек в исламе и христианстве // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. М. 1992. С. 36.

⁴ Мусави Лари С. М. Западная цивилизация глазами мусульманина. Баку. 1994. По-английски книга была издана в 1977 г.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Сура 5, аяты 92–93.

казнь¹. Коран, однако, не запрещает употребление алкоголя в умеренных дозах (сура 4). Но верующие не должны приступать к молитве, если они настолько пьяны, что не понимают того, что говорят. Человек же выпивший немного мог допускаться и к молитве, и к чтению Корана. Ведь с «*полными чашами*», наполненными «*вином наилучшим*» Коран описывает обитателей Рая².

Исламский рай представлялся обителью плотских удовольствий, воплощением мечтаний патриархального кочевого общества: старцы с каждым прошедшим днем делаются все моложе, пока само понятие возраста не исчезает. Каждому разрешено иметь семьдесят гурий в дополнение к тем, которых избранный имел на земле³.

В сравнении с Библией – повествовательного текста, Коран, как отмечалось, весьма противоречив, ибо составлен на основе проповедей, при которых склонный к возбуждению и, возможно, галлюцинациям Мухаммад не очень четко воспринимал многое из того, что он ему слышалось, и тем более из того, что представлялось во сне, когда он, судя по всему, считал, что общается с посредником Аллаха. То есть, составленный из отдельных выступлений Мухаммада, в которых он утверждал, что передает послания Аллаха, Коран не предназначен для того, чтобы читать его как книгу, то есть последовательно, страницу за страницей. Эта нечеткость, иногда неясность, естественно, рождали различные идеи, порой противоречившие друг другу. Существует даже предание, что будто бы сам пророк еще при жизни, когда его упрекали в противоречиях, ссылался на то, что, коль скоро так, значит, сам Аллах сменил свою волю. Чтобы избежать разнотолков, специалисты договаривались считать те или иные аяты отмененными (мансукх), а другие, заменяющие их, отменяющими (насих). Число противоречий, по некоторым данным, достигает 225, а отмененные аяты имеются свыше, чем в 40 сурах Корана.

Старания специалистов должны были довести до минимума количество разночтений в Коране. Частично это удалось. Но далеко не всё. В итоге многие постулаты Корана остались недостаточно ясными, чем и пользуются в наши дни все те, кто хочет увидеть в тексте священной книги то, что ему больше по душе⁴.

К тому же составители Корана, исходя из интересов мусульманской общины середины VII в., нарушили хронологию сур, состоявших из высказываний Мухаммада: последние объемные, в основном законотворческие, поместили первыми, а первые, условно говоря, поэтические – последними. Изменение хронологии также привело к трудностям в восприятии Корана, рассчитанного на постепен-

¹ Известный этнолог Л. Н. Гумилев отмечал, что этот запрет связан с тем, что Мухаммаду, страдавшему эпилепсией, было запрещено пить вино (*Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период*. Л. 1990. С. 58). Но, возможно, отрицательное отношение к питейным традициям возникло у кочевников из стремления противостоять культуре и образу жизни соседнего оседлого населения.

² Кязимов. Ук соч, с. 140; Эрнст К. Суфизм. М. 2002. С. 71.

³ Али Т. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М. 2006. С. 108.

⁴ Васильев Л. Анатомия ислама // Новое время. 2005. № 27.

ное в него вхождение (часто услышишь: «Начал постигать Коран, споткнулся на первой же громоздкой для постижения суре «Корова» и бросил»; а сура эта – из последних!): нарушилась логика Пророка, что, в частности, привело и к искажению представления о тех, кого Коран называет неверными. Если учесть, что канонический Коран составлялся в пору резкого противостояния мусульман с иудеями и христианами, то станет ясно, почему исчезло из заглавия 44-й суры название *Моисей*. По тем же соображениям сура 47-я лишилась, возможно, своего названия *Иисус*¹.

Естественно, при переводах указанные противоречия усиливались трудностями переложения не только на иные языки, но на иное, более рациональное европейское мышление.

Отношение к женщине в исламе – патриархальное (как и в христианстве), но более жесткое, вероятно, от традиций кочевников². Многоженство – от первобытных обычаев кочевого мира³. Как правило, полигамия возникала в обществах с преобладанием женщин, что было обычно в кочевых обществах. Сохранилась традиция и временных браков – от нескольких часов до 99 лет, не создававшая прав наследования, что также было связано с изначальным кочевым бытом: нерегулярной семейной жизнью, постоянными войнами и насилием. Вполне справедливо утверждение современного шиитского богослова, что «половой инстинкт имеет глубочайшие корни в человеческой природе. Если ему как следует не угодать и не приспособляться к нему, он отомстит за себя». И далее, «в браке заключается конец одиночеству. Каждый пол нуждается в другом»⁴.

Безбрачие не поощрялось, Пророк не видел в нем доблести. По этому ислам был против монашества. Отсюда же – распространенность *гаремов* – особой части дома, в которых жили жены и куда никто, даже другие домашние, кроме мужа и его детей не имели доступа⁵. Окна гаремов не выходили на внешнюю сторону усадьбы. Обычно в богатых домах каждая жена имела обособленное помещение с отдельным входом. Оберегали гарем и следили там за общим порядком *евнухи*⁶. Вне

¹ Гусейнов Ч. Авраамистические наивности, или во исполнение внутреннего наказа // Вестник Европы. 2006. Т. XVII.

² Согласно распространенному хадису, Мухаммад говорил, что большинство женщин окажутся в аду. По халифу Омару, Пророк сказал: «О собрание женщин! Подавайте милостыню, просите о прощении, ибо я видел, что большинство из обитателей огня – это вы!» [Максимов Ю. Ук. соч., с. 111].

³ Было у арабов и многожурье, при котором мужчины по очереди посещали палатку жены. Но победили патриархальные традиции многоженства, тем более, что и Мухаммад в старости, как отмечалось, имел 9 жен.

⁴ Мусауи Лари С. М. Ук. соч. С. 91, 102.

⁵ Гарем (араб.) – неприкосновенный или святой терем.

⁶ Евнух (греч.) – блюститель ложа. Современная наука доказала, что они не могли иметь потомства, но были способны к половому акту. Некоторые мужья, догадывавшиеся об этом, требовали обрезать у евнухов все опасное. Гаремы, кстати, не искоренили проституции, которая даже провоцировалась возникшим из-за них дефицитом женщин. Хотя

гарема статус женщин был весьма ограниченным. Они должны были скрывать за *паранджой* от посторонних свое лицо. По Корану, как полагают некоторые богословы, лишь свободным женщинам Аллах повелевает носить чадру, чтобы они отличались от рабынь (сура 33). После отмены рабства отпала и необходимость в чадре¹. Хотя на практике, как известно, сложился иной обычай, основанный на патриархальной традиции подчинения женщин. Их семейные права были существенно ограничены. Для развода мужу было достаточно при уважаемых свидетелях трижды произнести формулу: «*Она мне не жена*». Упомянувшийся Мусави Лари признает, что развод по исламскому праву «*находится в руках мужчины*» и объясняет это повышенной чувствительностью и эмоциональностью женщин, в противоположность рассудительности, присущей мужчинам². Мужчина также был практически безнаказан за насилие по отношению и к жене, и к детям. По шариату, в соответствии с Кораном, жена и дети находятся в собственности мужа. Жена не имела права выхода из дома без разрешения супруга. Дети были в полной власти от отца (вплоть до освобождения от наказания за их убийство)³.

Хотя и для мужчин существуют определенные правила последовательности действий в браке. Прежде всего, муж может наказать жену только за серьезное неподчинение, а не за какой-то мелкий проступок. Сначала он должен постараться привести ее в чувство словами. Но если не получается, он может покинуть супружеское ложе, чтобы дать ей понять, что она переходит границы. Если слова не производят эффекта, он может ударить ее, но муж все же должен сдерживаться. Ему не дозволено покидать супружеское ложе по собственному усмотрению и бить жену без серьезной причины (с точки зрения ислама)⁴. Тем не менее многие мусульмане считали и считают теперь, что ограничения для женщин оберегают их от мужской агрессии вне дома.

Коснемся некоторых иных бытовых положений Корана. Мухаммад говорил, что мусульманин должен работать сам и кормить себя трудом своим. Он не должен ждать от кого-либо помощи. Запрет есть свинину – из-за того, чтобы при этом в кровь человека не попадала кровь сатаны, которая есть в этом животном. Это – от обычаев евреев, считавших свинью нечистым животным. Курение не запрещалось, но и не поощрялось, ибо, как и вино, одурманивает человека.

Коран и осуждал это явление, но сам Мухаммад не порицал мужское сладострастие, даже в пост. И в священной Мекке, как и в других крупных городах, известны были особые кварталы, где проститутки жили и трудились (См. *Блох И.* История проституции. СПб. 1994. С. 461–467).

¹ Кязимов. Ук. соч. С. 140.

² Мусави Лари С. М. Ук. соч. С. 102.

³ Впрочем, доисламские традиции были еще более жестокими. У бедуинов рождение девочек считалось несчастьем и их нередко живьем закапывали. Мухаммад же к этому не призывал [См.: svoboda.org/a/25668061.html].

⁴ См.: inosmi.ru/social/20180110/241151515.html. Замечу, что и средневековые европейские законники, как например, в XIII в. француз Байярд, соглашался с тем, что бить жену можно, причем для ее же блага, но только умеренно.

Полумесяц на мусульманской символике – от исламского летоисчисления, которое началось тогда, когда Луна на небе была в такой форме. В этом сказалось и становление ислама именно в городах, ибо земледельцы не применяли лунный календарь, который не совпадал со временами года. Поклонение Каабе, в которую вставлен «Лунный камень» – от космических, звездных божеств древних иудеев и финикийцев.

Помимо Корана у мусульман еще есть упоминавшаяся выше **Сунна** (Образ действий), состоящая из **хадисов** (преданий, устных сообщений) – рассказов о жизни, чудесах и поучениях Мухаммада и его подвижников. В хадисах есть заимствования из Библии, евангелий, древнееврейских, эллинистических, персидских и индийских трактатов, возникших из устного творчества. Свод десятков тысяч хадисов был составлен в X в. и затем стал одним из источников мусульманского права¹. Сторонники этой книги называют **суннитами**, их противников – **шиитами** (*ши'а*, араб. – группа).

Зародился шиизм при халифе Османе как партия, поддерживавшая Али и его потомков от дочери Мухаммада Фатимы. К XIII в. шиизм превратился в особое религиозное течение в исламе, противоположное суннизму. Шииты толковали и толкуют ислам не буквально, а аллегорически. Распространился шиизм на востоке мусульманского мира, в Ираке и Иране, где часто становился знаменем антиарабской борьбы. В основе его – тезис, что законными преемниками Мухаммада – имамами – могли быть только его потомки, а не избранные общиной халифы – узурпаторы. Шииты отрицают достоверность и святость Сунны. Они признавали и признают в Сунне только те хадисы, которые подтверждены шиитскими имамами. По вопросам культа расхождения шиитов и суннитов незначительны. Особенностью поведения шиитов является признание верховенства духовной власти над светской. В этом они, кстати, напоминают стремление средневекового католицизма установить в миру царство Божественного закона².

У шиитов и суннитов праздники могут не совпадать на 1 день. Шииты более склонны к демократии, ибо земная власть для них – не святая. Внешне они могут быть ей лояльны, но признают единственную власть – Божью. Отсюда у шиитов духовные лидеры стоят над светскими, как, например, в современном Иране. В общеполитическом плане основная идея шиитов – единство всего сущего.

В раннем исламе сложилась и секта **хариджитов** (вышедших). Они выражали традиции ранней арабской военной демократии³. Название

¹ Изначально *хадис* – это высказывание самого Мухаммада, не продиктованное Аллахом.

² Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 71.

³ *Военная демократия* – термин, сложившийся в марксистской литературе для обозначения обществ переходной стадии от первобытности к ранним государствам. Теперь он

возникло от того, что первоначально они, участвуя на стороне Али в борьбе с Муавией, вышли из войска Али в знак протеста против переговоров с Омейядами. Они – радикальнее шиитов и признавали только двух законных халифов: Абу Бекра и Омара. Согласно их учению, община верующих должна сама выбирать халифа на свободных выборах, причем кандидатура определялась не знатностью и богатством, а личными качествами претендента. Поэтому, считали хариджиты, халифом мог стать любой мусульманин, даже раб. Они отвергали Сунну, в которой писалось, что халифом мог стать только курейшит. Их отличала наибольшая в исламе строгость в оценке поведения верующих.

В начале XI в. из исмаилитов выделились *друзы*, признававшие переселение душ. Как и шииты, они существуют и теперь. В религиозной системе друзов причудливо сочетаются элементы зороастризма и христианства, ислама и доисламских верований. Среди главных пунктов – возможность воплощения Бога в человеке, вера в переселение душ. В отличие от ортодоксальных мусульман друзы не признают нормы шариата; не совершают обряд обрезания, употребляют алкогольные напитки. Община друзов очень замкнута, закрыта для посторонних, строго эндогамна (браки заключаются только между единоверцами).

В X в. в Северной Сирии возникла община *нусайритов*, названных от имени шиитского богослова IX века Мухаммеда ибн Нусайра. Более позднее их наименование – *алавиты* (от араб. «алавийун», «сторонники Али»). В религии нусайритов можно найти идеи и представления шиитов-исмаилитов, христианства, гностицизма, древневосточных астральных культов. Бог, по их учению, это единство трех ипостасей (Смысл, Имя, Врата), которые могут воплощаться в пророках. Они признают божественность Иисуса, почитают его учеников-апостолов и священные книги христианства, отмечают Рождество и Пасху. Однако в основе их Священного писания лежит текст Корана. При этом они отвергают обрядовые и моральные запреты ислама. Верят алавиты в переселение душ. В современной Сирии к ним относятся более двух третей арабов-шиитов (около 1,5 млн человек), в том числе клан президента страны Асада, многие чиновники высоких и высших рангов, офицеры, бизнесмены. Существуют в исламе и другие, более мелкие секты, возникшие, в основном, в первые века существования этой религии и сохранившиеся поныне.

Несмотря на отрицательное отношение Мухаммада к монашеству, аскеты, своего рода монахи, в исламе также появились. Это **суфии (суфиты)**¹. Возник суфизм в VIII в. в Ираке, Сирии и оттуда распространился. Его носителями были *дервиши*², не придававшие значение обрядности. Они не идентичны христианским монахам, ибо, например, не давали обета безбрачия, хотя и старались воздерживаться от создания

считается не совсем точным, идеализирующим порядки в таких обществах, которые предпочитают называть *вождествами*, ибо в них правители уже возвышаются над основным населением, которое постепенно устраняется от управления.

¹ Суф, араб. – ряса из верблюжьей шерсти.

² Персидский эквивалент арабск. *факир*.

семей. Обычно суфиты вели нищенствующий образ жизни. Будучи против чувственных удовольствий, рай они трактовали аллегорически. По взглядам они – мистики, считали, что божественная воля может проявляться в разных формах. Для этого течения характерны сложные философские концепции. Постепенно суфизм сложился как идеология средних и бедных горожан, недовольных официальной религией. Со временем суфийские братства стали владельцами земель, а главы их общин, несмотря на традиции бедности, превращались в крупных собственников-феодалов. С XI в. создаются суфийские организации более сложного порядка, похожие на христианские монашеские ордена.

Философия суфизма настаивала на том, что Аллах постоянно присутствует в природе и в повседневной жизни людей. Поэтому коллективное поклонение ему не было необходимым. Каждый верующий мог прийти к Аллаху своим собственным путем. Исламский философ-мистик Ибн-Араби (1165–1240) развил учение о единстве бытия, предвосхитив идеи нидерландского философа XVII в. Бенедикта Спинозы о единстве природы и Бога. Это, по сути – пантеизм – отождествление Бога с природой. Некоторые из последователей доводили теорию Ибн-Араби до мистической крайности, утверждая, что истинное познание Аллаха возможно лишь в момент, когда мужчины и женщины достигают высшего экстаза, который мог быть одновременно и сексуальным, и платоническим¹.

Основа практики суфиев – идея полной независимости от всех религиозных групп и ортодоксальных толкований Корана. Суфиты, отличавшиеся значительной свободой в обрядовой практике, проявляли непривычную для верующих веротерпимость, особенно к иудаизму и христианству. Некоторые из суфиев считали, что все религии в своей основе едины и сливаются в мистическом экстазе. Однако они же – ярые распространители ислама, в частности, принесли его в XVIII в. на Кавказ. Но в том же веке они стали излюбленной мишенью для нападков со стороны возникшего тогда учения *ваххабитов*, понимавших Коран буквально и отвергавших все возможные изменения в исламской практике.

Суфизм – это своеобразная личная религия, в противоположность официальной, и отношение к ней в исламе неоднозначное². Их часто преследовали (и преследуют в наши дни) мусульманские ортодоксы.

Кроме религиозных заповедей, мусульмане живут и по требованиям **шариата** – свода религиозно-этических и нравственных предписаний³. На основе шариата сложилось исламское право – *фикх*, за выполнением которого следят особые судьи – *казии*, в которых выбирали самых уважаемых людей. Их решение – окончательно, как приговор последней инстанции.

¹ Али Т. Ук. соч. С. 356–457.

² Эрнст К. Суфизм. М. 2002.

³ *Аш-шариа*, араб. – чистый, правильный путь. Предписания шариата близки известным Десяти заповедям из Нагорной проповеди Христа.

Спецификой ислама являлось то, что он, в отличие от большинства других вероучений, изначально был встроен в общественную жизнь, государственное управление, подчинял политику, был руководством в быту, то есть, как отмечалось, охватывал все стороны жизни мусульманина. Еще одной особенностью было то, что в противоположность большинству других проповедников, Мухаммад был не только вдохновенным создателем учения, но и к концу своей жизни воином, что оказало серьезное влияние на развитие ислама. И в дальнейшем ислам распространялся, по большей части, в ходе завоеваний и военных походов.

Так, в XI в. ислам распространился в Африке, Северной Индии, в XIV в. – в Золотой Орде, позднее – на Северном Кавказе и Западной Сибири. Среди редких примеров мирного распространения ислама можно назвать Индонезию, куда его занесли арабские купцы. А в завоеванных землях, где у арабов не было численного превосходства, они сумели удержаться не столько благодаря военной силе, сколько своей религии.

В отличие от христиан и буддистов, ставивших своим верующим тяжелые требования морального и этического характера, пропагандировавших идею, что только полное отрешение от мира и человеческих страстей может дать человеку спасение, бремя ислама было легче. Вместо, например, выучивания сложного христианского Credo (Верую), от мусульманина требовалось знать и повторять краткую формулу Первой заповеди (араб. *шахада*). Да и в быту, в противоположность христианскому подавлению полового инстинкта, ислам не только рекомендует множество жен, но и довольно снисходителен к мужским вольностям¹.

Уже отмечалось, что, в отличие от Библии и Евангелий, книг, изначально написанных людьми, Коран содержит заповеди Аллаха, не подлежащие обсуждению, им надлежит только повиноваться. Поэтому, если иудейские и христианские богословы могли и могут толковать Священное писание при всем уважении к нему, ибо оно – слово Божье, переданное людьми, то лишь очень немногие мусульмане позволяют себе анализировать Коран, то есть становиться над ним. Потому ислам более консервативен, замнут на изначальных догмах. Отсюда – бережное отношение к истокам и крайнее недоверие к новшествам, неосвященным Кораном, то есть – Всевышним, что привлекает к этой религии и в наше время тех, кто недоволен переменами².

Среди заповедей главная – священный долг каждого мусульманина – распространение ислама. За пределами *дар-уль-ислама* (дома ислама) лежит *дар-уль-харб* (дом войны). Каждый, павший в бою за святое дело, переселяется в райские кущи. Мусульманская община, по Корану, одна семья, каждый ее член – часть общего организма, сплоченного ве-

¹ Дьяконов И. М. Пути истории, С. 100.

² Форвард. Ук. соч. С. 167–168.

рой в истинного Бога. Последователи ислама обязаны поддерживать и спасать друг друга.

Но было бы ошибкой приписывать Корану проповедь безоглядной войны с «неверными», как подчеркивают многие современные исламские *улемы* (иначе – *алимы*, религиозные мудрецы, богословы). На деле положения Корана отличаются известной размытостью, позволяющей трактовать их ситуативно. Суры (главы) сгруппированы не по тематическому признаку, а по длине, чем ближе к началу – тем больше аятов (стихов) они содержат. Один и тот же сюжет затрагивается в разных местах; это в определенной степени отвлекает внимание верующего от того, что предписания Корана по одному и тому же вопросу неоднозначны, а порой и противоречивы.

Это в полной мере относится и к предписаниям священной книги мусульман в отношении «неверных». В способах осуществления джихада допускался широкий диапазон: с одной стороны, крайняя непримиримость (*«Да погибнет народ, который не верует [в аллаха]»*), с другой – гораздо неопределеннее звучат основополагающие аяты второй суры. В них провозглашается: *«И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте – поистине, Аллах не побит преступающих!»*. *«И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн – хуже, чем убийство! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!»*. *«И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды кроме как несправедливой!»* Приведенные выше цитаты взяты из аятов в переводе акад. И. Ю. Крачковского.

Анализом потаенного смысла приведенных положений занимается сонм исследователей, от правоверных мусульман до убежденных атеистов. Однако прямолинейное толкование приведенных выше изречений Мухаммеда (по Корану, напомним – наставлений Аллаха) как означающих абсолютное оправдание агрессии против «неверных» весьма затруднительно. И совсем примирительно звучат аяты: *«Кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует»* (сура 18); *«У вас – ваша вера, и у меня – моя вера!»* (сура 109). В Коране допускались различные способы джихада: от воинственно-непримиримых – до неопределенно-выжидательных¹.

В свете современных реалий для немусульман основной принцип Корана воспринимается, что уже отмечалось, как устрашение. Хотя и здесь не все однозначно. Среди современных трактовок есть и такая. В Ме-

¹ Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. М. 2001. С. 192; Асадуллин Ф. Каждому провозвестию – свой черед // Независимая газета. 21.12.2005.

дине Мухаммад объявил в то время «джихад» (то есть сражение во имя Аллаха) против сторонников многобожия из Мекки, которые препятствовали приверженцам единобожия посещать Каабу в период хаджа (паломничества), а также запрещали им входить в священную мечеть мусульман. То есть, в данном случае джихад объявлялся лишь против тех, кто запрещал исповедовать религию, соблюдать религиозные обряды и посещать мечети.

Подчеркнем, тем не менее, что насилие не пронизывает насквозь все учение Мухаммада. Ведь именно это учение дало толчок развитию арабской гуманистической мысли с опорой на терпимость, которая в средние века существовала в Аббасидской империи, Андалузии и даже Иране. О терпимости учения свидетельствует целый ряд хадисов в Сунне (приписываемых пророку изречений), например, о том, что *«чернила ученого священнее крови мученика»*. Следует здесь отметить и аяты Корана: *«Нет принуждения к Вере. Уже ясно отличился истинный путь от заблуждения»* (сура 2, аят 256). *«А если бы пожелал твой Господь, то непременно уверовали бы все, кто на земле, вместе. Неужели ты принудишь людей, чтобы они стали верующими?»* (сура 10, аят 99). *«Кто убьет душу не за душу или не за беспорядка на земле, тот как будто бы убил всех людей, а кто оставит жить ее, тот как будто бы оставил жить всех людей»* (сура 2, аят 256).

Но все же некоторые аяты, особенно из суры 9 Корана, звучат иначе: *«Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду»* (аят 5). Но это относится к язычникам. Однако далее: *«Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными»* (аят 29). *«Воистину, Аллах купил у верующих их души и имущество в обмен на Рай. Они сражаются на пути Аллаха, убивая и погибая. Таково Его обещание и обязательство в Таурате (Торе), Инджиле (Евангелии) и Коране»* (аят 111). *«О те, которые уверовали! Сражайтесь с неверующими, которые находятся вблизи вас. И пусть они убедятся в вашей суровости. И знайте, что Аллах – с богобоязненными»* (аят 123). Вся эта агрессия получает божественное благословление, как утверждает в суре 8: *«Не вы убили их, а Аллах убил их. Не ты бросил горсть песку, когда бросал, а Аллах бросил, дабы подвергнуть верующих прекрасному испытанию от Себя»* (аят 17)¹.

Однако, что означает *«сражайтесь с неверующими»*? Или *«сражайтесь с людьми Писания»*, *«пока они не станут собственноручно платить дань»*? Вне текстового анализа и исторического контекста сегодня эти аяты звучат угрожающе. Но, очевидно, их следует рассматривать в контексте военных столкновений времен создания ислама, когда лагеря определяли себя по религиозным критериям. Нельзя также не учитывать, что во времена формирования первых мусульманских об-

¹ inosmi.ru/world/20150928/230496209.html

ществ религиозному и общественному самосознанию еще отводилась ведущая роль, причем не только среди мусульман.

Ныне нельзя не учитывать и изменение исторических реалий, ведь со времени возникновения ислама прошло уже более 1200 лет! Большинство религиозных текстов, которые читаются сегодня в арабском мире, создавались в средние века и предназначались для тех, кого уже нет. То есть люди и времена, для которых эти тексты писались, полностью отличаются от людей, читающих их сегодня¹.

Автором первичной концепции **джихада** был сам Мухаммад. Ведь в его трактовке, когда архангел Джабраил (Гавриил) продиктовал ему в 610 г. первые стихи Корана, мусульмане считали себя носителями праведной истины, возвышающейся над всеми остальными как новое, самое совершенное понимание Бога и веры. В третьей суре Корана Аллах, обращаясь к мусульманам, называет их *«лучшей из общин, которые созданы для рода человеческого»*².

Отсюда – *«Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретили Аллах и его посланник, и не подчиняется религии истины – из тех, которым ниспослано Писание, пока они не дадут откупа своей рукой»*. При этом надо сказать, что идея джихада, как ее высказывает Мухаммед, сложна и многослойна. Основой его является борьба за веру внутри себя; внешняя война – вторична. Да и само острие этого «внешнего» джихада у Мухаммеда направлено против язычников-многобожников, а не «людей Писания» – христиан и иудеев. Ислам, например, категорически запрещает насильственное обращение в свою веру «людей Писания» – ведь они идут по верному пути, но лишь впали в заблуждение. Платят они *джизью* (откуп своей рукой) – и пусть заблуждаются дальше – все равно, рано или поздно, придут к правильной вере³. Известный современный сатирик Игорь Губерман категорично заметил: *«Недавно внимательно перечитал суры об убийстве – они не относятся ни к евреям, ни к христианам, Мухаммед писал, что убивать надо неверных. То есть, язычников»*⁴.

Полагаю, Губерман как писатель, способный за отдельными фактами видеть целостные образы, уловил присущую Мухаммаду иносказательность, характерную для проповедников вообще, а для восточных – тем более. Пророк многого не договаривал, очевидно, в силу своего иррационального видения мира, свойственного носителям неземных откровений. Рациональный реалист не придумал бы религию, охватившую за несколько столетий десятки миллионов людей и сохраняющую свою актуальность уже почти полтора тысячелетия.

При этом в реальной жизни Мухаммад вел себя вполне прагматично, принимая правила, царившие в его время, с усобицами, грабежами и убийствами, находя им оправдания и в проповедях, что сделало его религиозное учение весьма пластичным, что, впрочем, относится и к другим мировым религиям.

¹ inosmi.ru/social/20160130/235220190.html

² ng.ru/ideas/2014-11-21/5_chaos.html

³ Доманин. Ук. соч. С. 251.

⁴ delfi.lv/showtime/news/culturepark/local/ya-b-sprosil-u-putina-igor-guberman-pro-vre mena-besplodno-glagolyaschih-gladiatorov.d?id=49550711&all=true

До начала крестовых походов указанное понимание джихада было, в целом, господствующим. Стремление распространить ислам «до краев мира» – одна из основ мусульманского вероучения (джихад можно перевести и как *рвение*, и как *стремление*, и как *усилие*), но войны с христианами – это не борьба с врагами, а лишь желание наставить «заблудших» на путь истинный. Мусульмане часто воевали с христианами – так, знаменитый Гарун-ар-Рашид считал своим долгом раз в два года идти походом на Византию – но эти войны не отличались ни особой яростью, ни каким-то необыкновенным упорством. Первый крестовый поход серьезно изменил ситуацию, а концепция «священной войны», озвученная св. Бернаром и принятая на вооружение рыцарями-монахами, потребовала адекватного ответа от мусульман¹.

Когда в 1097 г. крестоносцы завоевали город Маарат, несмотря на обещания сохранить жизнь его обитателям, они устроили самую настоящую кровавую бойню, перебив все население, что подтверждают как мусульманские, так и христианские источники. Когда двумя годами позже крестоносцам удалось завоевать Иерусалим, то первым делом они устроили массовый грабёж и побоище, обезглавив почти всех жителей. Выживших иудеев заперли в синагогу и заживо сожгли внутри. Летописец Раймундо де Агилерс, ставший очевидцем этих событий, так описывает происходящее: *«На улицах и площадях виднелись груды отрезанных человеческих голов, рук и ног. В храме и Соломоновом портике наши ездили на лошадях в крови сарацинов, которая доходила им до колен. Справедливый и восхитительный Суд Божий, по воле которого в этом месте пролилась кровь тех, которые в течение столь долгого времени оскверняли его своим святотатством»*.

Как отметил современный испанский философ Хесус Мостерин, более уравновешенные и образованные тогдашние мусульмане были потрясены жестокостью крестоносцев. Эта жестокость христианского завоевания Иерусалима контрастировала с великодушием и сдержанностью **Саладина**, отвоевавшего Иерусалим 90 лет спустя. Показательно, что средневековые иудеи предпочитали находиться под властью ислама, чем терпеть фанатизм христиан².

Саладин

То есть джихад, особенно на ранних этапах исламской истории – не исключительно священная война, а ревностное распространение ислама, которое может происходить в разных сферах. Существует несколько степеней джихада: 1) джихад в себе, то есть изучение Корана, воспитание в себе истинной веры; 2) джихад в семье, то есть воспитание близких в исламском духе; 3) мирный джихад, то есть миссионерская

¹ Там же. С. 252. Именно фанатичный Бернар Клервосский разработал устав Ордена тамплиеров.

² inosmi.ru/asia/20120413/190417128.html

деятельность и 4) газават, то есть священная война, распространение ислама силой оружия¹.

Суть проблемы джихада в том, что, с одной стороны, Аллах – все-милостивейший и милосердный, но с другой, в ином контексте – он строгий и даже жестокий, особенно по отношению к неверным, ко всем тем, кто почему-либо не хочет стать мусульманином. Более того, в отдельных аятах текст изложен таким образом, что его – как уже упоминалось – можно толковать и так и этак. Разные переводы нередко излагают такие тексты по-разному, так что серьезный спор о сути джихада возможен лишь при оперировании арабским оригиналом. Но и анализ лингвистических тонкостей, как замечает российский востоковед Л. С. Васильев, не слишком меняет суть дела.

Иногда текст Корана совершенно дает ясно понять, что всем неверным грозят плохие последствия, иногда просто предлагает сражаться с ними, а в некоторых редких случаях указывает, что всех их следует поголовно уничтожать. Именно призывы в Коране к уничтожению неверных сегодня вызывают особенно горячие споры среди мусульманских богословов. Умеренные из их числа обычно настаивают на том, что джихад как понятие (религиозная война с неверными) имеет разные оттенки, поддается различным толкованиям и поэтому Коран не должен восприниматься только как призыв к уничтожению неверных. Но, тем не менее, в Коране действительно есть на что опереться радикальному исламу.

Ибо правоверные должны обращать неверных в истинную веру. Конечно, лучше сделать это миром. Но если не получается, можно применить и силу. Так поступал в свое время сам пророк. Но это отнюдь не означает, что все мусульмане всегда стремились уничтожить тех, кто не придерживался религии ислама. Наоборот, в том же Коране можно найти недвусмысленные указания на то, что к «людям Писания», т. е. к иудеям и христианам, от которых Мухаммед некогда многому научился, следует относиться дружелюбно, ибо они заслуживают большего уважения, чем, скажем, язычники. К ним же относятся и последователи зороастризма – *езиды*: «*Обращайтесь с ними, как с людьми Писания*» – слова Мухаммада, приведенные в одном из хадисов в Сунне². В завоеванных арабами странах, поэтому, всегда жило немало представителей иных конфессий.

И наоборот, бывают ситуации, когда подобного рода толерантность просто недопустима. И об этом тоже есть соответствующие высказывания в Коране. Полистав его, можно узнать, сколь гневно Аллах высказывался подчас против сторонников Мусы (Моисея), или других, которые не являлись мусульманами и уже по одной этой причине заслуживают сурового наказания, без учета, люди ли они Писания, или нет³.

Многие публицисты стараются доказать (с помощью цитирования первоисточников), что сама религия ислама изначально пробуждает в душах верующих агрессию и нетерпимость. Им обычно возражают другие,

¹ Кёнигсбергер. Ук. соч. с.192. *Газават* (араб.) – поход, набег.

² Напомним, что если Коран – текст от Аллаха, то в хадисах – рассказах, собранных в Сунне, приводятся слова Мухаммада [См.: inosmi.ru/world/20141115/224254936.html].

³ Васильев Л. Анатомия ислама // Новое время. 2005. № 27.

которые находят, что религиозные заповеди ислама искажены и ошибочно поняты современными проповедниками-радикалами. Но, цитируя источники тысячелетней давности, можно доказать все что угодно.

В письме в адрес нынешних радикальных исламистов, опубликованном в 2014 г., 120 исламских теологов указывали, что нельзя выдергивать отдельные фразы из Корана и слова Пророка из хадисов без анализа контекста. Ибо во многих случаях шла речь о конкретных ситуациях, конфликтах Мухаммада и его сторонников с еще не принявшими ислам соплеменниками, а не об общих воззрениях ислама. К тому же, утверждают авторы письма: *«Нельзя распространять какую-либо конкретную главу Корана на ситуацию, сложившуюся через 1400 лет после откровения»*¹. Но, очевидно, для большинства мусульман и сегодня значение имеет только народное понимание – не исторически реальный, а привычный, мифологизированный образ прошлого, оставшийся в памяти поколений.

Ранний ислам, в отличие от христианства, не столько стремился смирить варварский дух народа, сколько звал его на новые дерзания. Коран и Предание («Сунна») были записаны в годы становления арабов как единого этноса и вхождения его в исторический контекст всего Ближнего Востока и Средиземноморья – колыбели мировой цивилизации с богатейшей культурой населявших его древних народов. И это было далеко не мирное включение в тогдашний цивилизованный мир. Были и жестокие внутренние конфликты, то, что в ранней истории арабов получило название гражданских войн в халифате. И параллельно с ними – набеги на соседей, закончившиеся стремительным завоеванием огромной территории с многочисленным иноэтничным и иноверующим населением. И, одновременно, это был триумф молодого народа и его веры, которая в силу такого оглушительного успеха казалась действительно истинной. Ибо иначе, как не по воле Аллаха, откуда такой триумф? И это отложилось в исторической памяти мусульман.

Вполне вероятно, что нынешние агрессивные порывы мусульманских толп и милитаристская риторика части их мулл объясняются вовсе не исходными принципами, записанными в Коране («человек с улицы» едва ли в них вникает), а грандиозным военным успехом, с которого в VII в. началось господство в регионе еще недавно полудиких кочевников. Этот успех и внушил уверенность мусульманам в их превосходстве над всеми народами, в совершенстве их образа жизни.

Сложность стала проникать в исламскую культуру только от побежденных. От них же у мусульман появились ремесла, искусства и науки. Первоначальный мусульманин – это воин, чья жизнь без остатка

¹ inosmi.ru/world/20141115/224254936.html.

отдана войне за Веру. Этот идеальный образ (не важно, насколько он исторически достоверен) и сегодня вдохновляет на самопожертвование мусульманского подростка, который еще не ощутил вкуса к жизни, но уже ищет случая проявить себя.

Но чудесные победы начального периода ислама позднее сменились жестокими поражениями. Ислам проигрывал европейцам одну войну за другой, пока в начале XX в. турецкий лидер Кемаль Ататюрк со сторонниками не взялся за глубинную перестройку мусульманского сознания и приступил к преобразованиям, которые не завершены и по сей день. Суть этих преобразований – в выходе из религиозного догматизма, в модернизации общества на основе светской, европейской, по сути, культуре. Однако во всех мусульманских странах (в том числе и в Турции) и сегодня есть решительная молодежь, которой причины поражений ислама видятся в ином свете. Эта молодежь горит энтузиазмом, но ищет решения своих проблем на пути возврата ко времени побед, то есть к возвращению к раннему наступательному исламу: *«Они дряхлые, а мы молодые. Они плохие, а мы хорошие. Они трусливые, а нашей отваге нет предела. Они в Бога не веруют, а мы для Него на все готовы!»*¹.

Тут следует вспомнить, что хотя и Христу приписываются слова *«не мир я принес, но меч»*, однако при этом Иисус сам оружия в руках не держал. Его слова – аллегория. Так же и Будду нельзя представить вооруженным. Основатель же ислама сам лично водил воинов в походы, лично участвовал в сражениях и, возможно, в расправах над своими противниками.

Как заметил современный российский православный публицист, дьякон А. Кураев, *«в Коране можно найти призывы к миру, но есть и другие... И знаменитые говорят, что надо учесть период написания, есть суры мекканские, а есть мединские. Те суры, которые были написаны, когда Магомед был гоним, несут миролюбивые и толерантные призывы. Но когда он получил бразды племенной, государственной власти, интонация изменилась... Дело в том, что в идеологии ислама в принципе не заложена идея отделения духовной власти от религиозной. Там нет формулы: «Богу – богово, кесарю – кесарево». Зато есть изначальная установка на глобальный контроль всего и вся. Мир, не принимающий законы шариата, называется «территорией войны», и с ним возможно только временное ситуативное перемирие. Вот и получается, что успешный диалог с миром ислама может осуществляться только с помощью силы и быть принуждением к миру...»*².

Нельзя забывать, что после «хиджры» из Мекки, встретив нежелание иудеев в Ясрибе (будущей Медине) принять его учение, Мухаммад приказал, несмотря на уважение к «людям Писания» истребить почти всю еврейскую общину города. Обычно называют цифру в 900 человек. Оказалось, что проще проповедовать новую единобожную веру не «людям Писания» (иудеям и христианам), с их сложившимися монотеи-

¹ Воронель А. Эдипов комплекс исламизма // Новое время. 2005. № 29.

² polit.ru/article/2013/04/30/kuraev/

стическими понятиями и соответствующими институтами, а язычникам, какими изначально были арабы¹.

Жан Лафонтен – написавший книгу «Ислам во Франции (и Европе). Послание мира?» – недавно отметил, что особое отношение ислама к «людям Писания» заключалось в том, что они получали статус «зимми» (людей договора). Им сохраняли жизнь в обмен на подчинение мусульманской религиозной власти и выплату различных налогов в пользу мусульманской общины. Перед всеми остальными немусульманами ставится выбор: обращение в ислам или смерть. Выход из ислама также карался смертью: *«Если какой-либо мужчина вышел из Ислама, то вначале пригласите его в Ислам. Хорошо, если он вернется, но если он откажется, то снесите ему голову»*.

Указанный автор далее замечает, что известная фраза *«Нет принуждения в религии»* (сура 2, аят 256) – из ранних проповедей Пророка, когда тот пытался обратить иудеев в свою веру, перебравшись в Медину. Тогда он проявлял терпимость по чисто тактическим соображениям. Джихад положил конец терпимости в отношении всех немусульман. Фраза Корана *«Если неверующие отклонятся от войны и будут склоняться к миру, то склонись к миру и ты»* (сура 8, аят 61) трактуется одним из переводчиков (Абдуррахманом Бадави) как: *«Если они предлагают тебе мир при условии их обращения в ислам, то прими мир с ними на этом условии»*. Это перекликается с доктриной джихада о том, что мир с врагом может быть лишь следствием невозможности для мусульман одержать победу в текущих условиях. В целом же, непринятие ислама автоматически закрывает для человека милосердие: *«О вы, которые уверовали в Аллаха и Его посланника! Не поддерживайте дружественных связей с Моими врагами и вашими врагами, проявляя к ним искреннюю привязанность, несмотря на то, что они отрицают веру в Аллаха, в Его посланника и Его Писание»* (сура 60, аят 1)².

В арабской Испании – Аль-Андалусе – при совместной жизни на протяжении 800 лет мусульман, христиан и иудеев сложились определенные правила сосуществования этих общин. Но дискриминация немусульман была. Помимо подушной и поземельной подати с иноверцев им обычно запрещалось носить оружие, они не могли одеваться как мусульмане, они должны были вставать, если в комнату входил мусульманин, и пройти они могли от него только с левой стороны, считавшейся проклятой. Свидетельство христианина и мусульманина в суде имело разную ценность. Христиане не могли жениться на мусульманках, но если мусульманин женился на христианке, дети автоматически становились мусульманами, а имущество жены передавалось мужу. Христианин не мог сидеть на лошади в присутствии мусульманина, не мог иметь мусульманскую прислугу или рабов, раньше принадлежавших мусульманам, а дом христианина не мог быть выше, чем дом мусульманина. Такие же ограничения касались и многочисленных в халифате иудеев³.

Вспомним, что первыми методы политического терроризма стали широко использовать в годы крестовых походов именно мусульмане

¹ Рашковский Е. Б. Ислам: от племенных обществ – к постиндустриальной эпохе // Восток. 2001. № 1. С. 148.

² См.: inosmi.ru/religion/20160510/236458080.

³ inosmi.ru/history/20190118/244407774.

шиитского направления – исмаилиты, точнее их ответвление – секта низаритов. С XII в. эта секта создала в горах на севере Ирана, вблизи Южно-каспийского побережья вокруг замка Аламут своеобразное государство, близкое по типу к суфийским братствам с их строжайшей дисциплиной и полным подчинением всех обоготворенному предводителю-шейху. Из молодежи воспитывали фанатиков веры, фидаинов (фидаев), готовых идти на смерть по приказу шейха и во имя Аллаха. Внушая фидаинам, что смерть во имя Аллаха – прямая дорога в рай, шейхи время от времени стимулировали их рвение гашишем, после чего приводили в скрытно устроенный прекрасный сад, где их привечали красивые девушки. Отрезав и будучи уверенными, что они побывали в раю и имели дело с гуриями, фидайны были готовы на все. Чаще всего эти предшественники современных шахидов, пробирались в лагеря крестоносцев и убивали их предводителей, с готовностью принимая после этого смерть. Эти дерзкие убийства, длившиеся до уничтожения Аламута монгольским Хулагу-ханом лишь в 1256 г., настолько деморализовали крестоносцев, среди которых преобладали французы, что, как отмечалось, слово «гашашины», каким они именовали фидаинов, стало по-французски означать убийц, головорезов (assassins).

Интересно заметить при этом, что иерусалимские короли, с удивлением убедившиеся, что учение ассасинов во многом противоречило мусульманской религии, лелеяли надежду если не обратить исмаилитов в свою веру, то хотя бы сделать их союзниками. Поэтому они вели себя с ними осторожно. Со своей стороны, ассасины считали франков своими возможными союзниками в борьбе с мусульманскими врагами (суннитами)¹.

И, завершая об исламе, подчеркнем, что если в христианстве и римский папа, и православные патриархи могут лишиться сана, запретить служение или вообще отлучить от церкви, то в исламе просто нет такого «папы» или «патриарха» со сходными полномочиями. Никакой, самый авторитетный мусульманский духовный лидер не может представлять всех мусульман мира. Мусульманская Умма – это не то, что церковь Христова. В исламе вообще нет священноначалия и «церковной иерархии» в христианском смысле слова: нет пап, кардиналов, епископов, патриархов и митрополитов. Да и священников как посредников между Богом и верующим тоже нет. Это делает ислам удивительно гибким, позволяет ему быть одновременно общей религией всех и частным исповеданием каждого. Личный подвиг мусульманина делает его жизнь богоугодной: нет подвига, нет и благословения Бога².

Приведу слова бывшего мусульманина, ставшего затем христианским проповедником, родившегося в США в мусульманской семье выходцев из Пакистана, Набиля Куреши: *«Как мусульмане мы познаем ислам не напрямую из Корана. Мы впитываем его, находясь среди других мусульман. Христиане, желающие постичь своих соседей-мусульман, должны делать то же самое: быть вместе*

¹ Лобе М. Трагедия ордена тамплиеров. СПб. 2003. С. 55.

² Драгунский Д. Молитва побежденных // Новое время. 2006. № 39. С. 34.

с ними. Видеть мир их глазами. То время, которые они тратят, пробираясь по теологическим лабиринтам Корана, лучше посвятить общению и совместной жизни с мусульманами. Вместе проводить свободное время, вместе поститься, вместе веселиться, вместе жить»¹.

То есть ислам – не только религия, а всеобщий закон, подчиняющий человека Аллаху. Ислам включает в религию и политику, и право. Главное в исламе – не теология, а правовая практика, правильное поведение и управление внутри уммы². Но поскольку религиозность возвышается над светским обществом, как заметил российский исламовед профессор Л. Р. Сюкияйнен, *«в исламе действует принцип: разрешено только то, что прямо дозволено, прямо предписано, – а в мирской жизни действует презумпция дозволенности, разрешения всего того, что прямо не запрещено. Вместе с тем ислам, действительно, – религия государства. Поэтому очень важный тезис заключается в том, что ислам – это не только религия, а это и культура, образ жизни, иногда говорят – цивилизация»³.*

Возможно, именно такое соединение веры с повседневной жизнью людей оказалось созвучным потребностям не только арабов, но и соседних народов, что способствовало распространению ислама по обширным территориям Азии и Африки. Другие, более древние религии, существовавшие на этих землях – христианство, зороастризм, буддизм, иудаизм – со своими сложными философскими системами, утонченными обрядами, чье соблюдение контролировал сословно обособленный клир, очевидно, в значительной степени были отделены от широких народных масс. То же относилось и к языческим верованиям, особенно в Африке со своим статусным жречеством. Демократизм ислама оказался для них привлекательнее, а простота учения, соединенная с правилами поведения – доступнее.

Есть также точка зрения, что воинственность не была присуща изначальному исламу, а формировалась под влиянием отставания Востока от европейского Запада, особенно с Нового времени, как реакция на колониализм⁴.

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСКУССТВО, БЫТ. В раннее средневековье ислам еще не полностью подчинил духовную культуру арабов и их соседей. В интеллектуальной среде сохранялся дух свободомыслия и даже атеизма. Это объяснялось наследием древних цивилизаций. Но арабы, не только усваивали культурные ценности прошлого, но и раз-

¹ inosmi.ru/world/20131109/214621475.html. Сообщается, что автор приведенных строк знал наизусть Коран уже с 5-летнего возраста.

² inosmi.ru/world/20150226/226498223.html

³ polit.ru/article/2006/09/19/sjukijaynen/

⁴ Али Т. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М. 2006.

вивали их. Причины этого – в исторических условиях территорий, покоренных ими.

В состав халифата вошли земли, где античное наследие сохранилось в наиболее чистом, не нарушенном христианством, виде: бывшие эллинистический Египет, Сирия, Малая Азия. Вследствии гонений на языческую культуру в христианской Византии многие ученые, философы, литераторы бежали в Египет, Месопотамию и даже Иран. Здесь, на чужбине, в Багдаде и других центрах халифата правители с готовностью принимали этих беглецов, окружая их почетом и щедро одаряя подарками¹. В результате, в мусульманских странах появились многочисленные переводы греческих сочинений, на арабский, сирийский и персидский языки. До прихода арабов была развита наука и в Средней Азии, особенно астрономия, сложившаяся еще под влиянием древневавилонских астрономических методов. Ученые изучали и комментировали Аристотеля, который в значительной степени благодаря арабам стал известен в средневековой Западной Европе. Они изучали, комментировали и переводили геометрию Евклида, географию Птолемея, медицину Гипократа, Галена. Арабские завоеватели, как уже отмечалось, особенно на первых порах, проявили известную терпимость к религии и обычаям покоренных народов².

Характерен эпизод, рассказанный Аль Хомаиди, автором XI в., как набожный мусульманский теолог из Испании по имени Абу Омар посетил Багдад в конце X в. и, встречаясь впоследствии с знаменитым ученым Ибн Али Заидом, так ответил на его вопрос: побывал ли тот во время своего пребывания в Багдаде на заседаниях ученых?

– Я был там два раза, и это отбило у меня всякое желание вернуться туда еще раз.

– Почему же? – спросил Ибн Али Заид.

– Да посудите сами! – воскликнул Абу Омар. – На первом заседании, на котором я присутствовал, находились люди из всевозможных сект, как правоверные, так и нет. Мало того, там были и неверующие, огнепоклонники, материалисты, атеисты, иудеи, христиане, короче говоря, все неверные, какие только могут быть. У каждой секты был глава, должный защищать положения своего учения, и всякий раз, когда один из них входил в зал, все члены секты вставали

¹ Кстати, последовавший в раннем средневековье упадок наук в Европе многие исследователи прямо связывают с этой «утечкой» лучших ее умов в другие земли и страны. Ведь для того, чтобы обширнейшие территории пришли в деградацию и оскудение, не всегда нужны войны, эпидемии или иные стихийные бедствия. Достаточно изгнать (изгнать, уничтожить) всех самых талантливых, знающих и критически мыслящих людей.

² В современное арабской историографии в дополнение к приводившемуся выше высказыванию англичанина Э. Гиббона, существует мнение, что если бы в раннее средневековье арабы завоевали Западную Европу и в Париже вместо Нотр Дам были построены минареты, история бы не узнала ужасов инквизиции. Ведь в средневековом исламе не было таких жестких идеологических рамок, как в христианстве, и мусульмане, как и отмечалось выше, либеральнее относились к разным воззрениям.

в знак уважения, и никто из них не садился, пока не сядет глава. Зал вскоре был набит битком, и тогда один из неверных встал и произнес следующие слова. «Вы, мусульмане, не должны прибегать к аргументам, почерпнутым из вашей Книги или основанным на словах вашего пророка, так как мы не верим ни в то, ни в другое. Пусть каждый из нас ограничится аргументами здравого смысла». Эти слова были встречены всеобщими рукоплесканиями. Вы же понимаете, – продолжал Абу Омар, – что услышав такое, я не пришел больше на это собрание. Мне предложили посетить другое, но там было такое же непотребство.

Из возмущенных слов этого набожного теолога видно, какая терпимость царила в то время в Багдаде. А ведь это была эпоха расцвета Багдадского халифата¹.

Религиозный фанатизм, как отмечалось, не был характерной чертой ранних мусульман. Была, правда, небольшая группа фанатиков, так называемая *курра*, которые наизусть знали Коран и первыми устремлялись на бой с «неверными». Однако основная масса арабов была чужда всякого религиозного рвения и участвовала в завоеваниях не столько из желания попасть в рай после смерти на земле, сколько из надежды на богатую военную добычу. Надо иметь в виду, что после смерти Мухаммада большая часть арабов-бедуинов отпала от ислама и была возвращена к нему лишь силой оружия. Поэтому если в эпоху завоеваний арабские войска и уничтожили часть культурных ценностей своих противников, то делалось это в пылу битвы, по жестоким законам войны, а отнюдь не вследствие религиозного фанатизма. Планового уничтожения книг иноверцев в эпоху раннего ислама не наблюдалось. Победители были великодушны, особенно видя богатства и ухоженность многих завоеванных земель (по сравнению с их родной Аравией).

Впоследствии мусульманский фанатизм постепенно усиливался в течение нескольких веков, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в позднюю эпоху для оправдания более сурового обращения с «неверными», чем ранее, была сочинена легенда о распоряжении халифа Омара насчет александрийских книг. Халифу Осману приписываются такие слова: *«В этих книгах (захваченных у неверных. – Я.Р.) либо записано то, что присутствует в Коране, либо то, чего там нет. В первом случае они бесполезны, во втором – они вредоносны. Сжигать их надо обязательно»*². Фальшивые ссылки поздних мусульманских богословов и юристов для оправдания современной им практики на авторитетные имена раннего ислама часто встречаются в их сочинениях.

В действительности, в первое столетие ислама, когда собственно мусульманская богословская доктрина не была еще достаточно развита, многие руководящие деятели мусульманской общины, в том

¹ Каплан Ф. Толерантность и истина// Вестник Европы 2006 Т. XVII. С. 164–167.

² Поластрон Л. Книги в огне, история бесконечного уничтожения библиотек. М. 2007 (<https://www.e-reading.club/book.php?book=1037319>).

числе и сподвижники Мухаммада, часто обращались к авторитету священного предания иудеев и христиан для подкрепления положений своей религии. Халиф Омар и арабские эмиры, находясь в Сирии и Палестине, живо интересовались местными преданиями и легендами, расспрашивая о них христиан и евреев. Некоторые мусульмане проявляли интерес к различиям вероучений покоренных народов. Основатель династии Омейядов Муавия любил выступать в качестве арбитра во время споров между монофелитами и яковитами, иудеями и христианами. Столь тесное общение с представителями покоренного населения способствовало усвоению арабами элементов их культурных достижений.

Рано стали осуществляться переводы книг на арабский язык. Самая ранняя известная переводная арабская рукопись относится к 659 г. Это – алхимическое сочинение византийца Зосимы. Но также сохранилось свидетельство и о том, что патриарх сирийских яковитов Иоанн уже в 639 или 644 г. получил от одного эмира поручение перевести Евангелие с сирийского языка на арабский.

Впоследствии количество переводов неуклонно росло. Расцвет переводческой деятельности наступил после прихода к власти Аббасидов. Несмотря на то, что при них центр халифата переместился из Сирии в Месопотамию и преобладающим при дворе аббасидских халифов стало уже не византийское, а иранское влияние, большинство греческих сочинений было переведено на арабский язык именно при них. В Багдаде, ставшем центром халифата в 762–763 гг., было сосредоточено основное число переводчиков. Они группировались в основанном халифом Мамуном (Ма'амуном) в 837 г. особом ученом учреждении «*Бейт ал-хик-ма*» («Дом мудрости»), при котором имелись библиотека и обсерватория. Многие переводы выполнялись в IX–X вв.¹

Таким образом, арабские завоеватели, как уже отмечалось, на первых порах проявили известную терпимость к религиям и обычаям покоренных народов. Возникновение централизованного государства на месте разрозненных мелких стран, экономическое, языковое и религиозное объединение способствовало свободному обмену духовными ценностями. В итоге возникла своеобразная культура, которую принято называть мусульманской, расцвет которой приходится на IX–XIV вв. (наиболее интенсивным он был в IX–XII вв.).² В городах строились обсерватории, при дворцах, мечетях и *медресе* (духовные учебные заведения) создавались библиотеки.

¹ Кривов М. В. Ук. соч.

² Часто ее называют арабской, ибо основные сочинения писались на арабском языке. Но создавалась она представителями многих народов, населявших Халифат и потому термин *мусульманская культура* точнее.

Важное значение в процессе усвоения и передачи **научных знаний** имела активная международная торговля, которую вели арабы с Индией, Китаем, Византией и другими странами Средиземноморья. Арабские купцы поднимались вверх по Волге, достигали Балтийского моря, бывали в Центральной Европе, проникали в Центр Африки, плавали вдоль ее западного побережья, на Мадагаскар.

Ведущим научным центром стал Багдад. В конце VIII – начале IX в. в городе была создана крупная библиотека, в которую поступали рукописи научных трудов, в том числе даже из враждебной Византии. Были и более мелкие библиотеки. В первой половине IX в. под покровительством халифа аль-Мамуна в Багдаде возникает своеобразная академия наук, уже упомянутый «Дом мудрости» с обсерваторией. Помимо Багдада, крупными научными центрами в разное время были Каир, Дамаск, Бухара, Самарканд и другие города. Аббасиды, как и Омейяды в Аль-Андалусе, руководствовались принципом: *«Чернила ученых более святы, чем кровь мучеников»*.

Среди ученых, активно разрабатывавших наследие античных философов, были такие крупные мыслители средневековья, как аль-Фараби, ибн Сина, ибн Рушд и др.

Абу-Наср Мохаммед **аль-Фараби** (870–950) – знаток и комментатор философских сочинений Аристотеля и Платона, автор трудов по философии, психологии, логике, естественным наукам – был одним из первых ученых мусульманского мира, кто поднял ряд важных вопросов, относящихся и к философии, и к истории: о происхождении государства, причинах социальной дифференциации и несправедливости, возникновении и противоборстве различных социальных групп в современном ему обществе. Уделял он внимание вопросам морали и этики. Одно из известных его сочинений, «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», – социальная утопия, написанная под влиянием диалогов Платона «Государство», «Политика», «Законы».

аль-Фараби

Особую известность и на Востоке, и, позднее, в Европе, приобрел врач, физиолог, физик, поэт и философ **Абу Али ибн Сина** (около 980–1037), в Европе известный как **Авиценна** – таджик, писавший на арабском языке. Из более 160 написанных им книг наибольшей популярностью пользовался «Канон врачебной науки», еще в XII в. переведенный на латынь и использовавшийся европейскими врачами почти до XVI в. С изобретением книгопечатания он переиздавался в Европе более 30 раз. В этом трактате были обобщены достижения греческой, индийской иранской и арабской медицины.

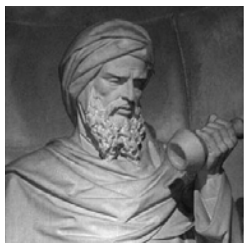
Родился ибн Сина близ Бухары, в семье сборщика налогов. К 18-ти годам, по собственному признанию, он освоил основы всех современных ему наук и приступил к написанию собственных научных и философских трактатов. С 16-ти лет начал медицинскую практику: исцелил государя из династии Саманидов и стал придворным лекарем. Привлекался к государственной деятельности, участвовал в походах. Но из-за своего независимого характера не раз попадал в немилость, многие годы провел в скитаниях и тюрьмах. Но даже в неволе продолжал писать книги.

ибн Сина

Тематика его произведений обширна: философия, в которой он развивал учение Аристотеля; поэзия и рассуждения о поэтическом творчестве, в том числе трактат о любви. В отличие от многих средневековых мыслителей, ибн Сина не был аскетом, не чурался застолий с друзьями и иных земных радостей, рекомендуя при этом всегда соблюдать умеренность. Обращался он и к педагогике: в одной из его книг есть специальный раздел «Обучение и воспитание детей в школе», в котором проводится идея всеобщего обучения, сочетания умственных занятий с физическими упражнениями. Все виды занятий он рекомендовал проводить только в коллективе, где дети *«начинают дружить и уважать друг друга..., перенимают друг от друга хорошие привычки»* под руководством учителя, которому надо отдавать ребенка с 6 лет. Но в вопросах семейного воспитания и вообще во взглядах на семью он — человек своего времени: главным в воспитании должен быть отец, ибо матери слишком мягкосердечны и лаской портят характер ребенка. Отец вправе применять и физические методы воздействия. Но женщина *«своим поведением должна удалять всякие неприятности из души своего мужа»*. Большое внимание ибн Сина предлагал уделять закаливанию и соблюдению режима умеренности питания ребенка с самого раннего детства. Он разработал целый комплекс физических упражнений для каждого органа и мышцы.

Касался ибн Сина и социальных вопросов. Иерархизированное общество, где социальное неравенство людей объяснялось естественными причинами, он изображал как идеальное. Он не оставил столь тщательно разработанного трактата о наилучшем социальном устройстве, как аль-Фараби, но отдельные вопросы социального бытия находились в сфере его интересов. Однако более оригинальные идеи были в естественнонаучных трудах ибн Сины.

ибн Рушд

Среди других крупных ученых того времени можно выделить земляка ибн Сины, астронома, географа, историка и математика **Аль-Хорезми** (IX в.), одного из основателей современной алгебры¹, математика и астронома **Аль-Бируни** (X–XI вв.), высказавшего идею о вращении Земли вокруг Солнца, философа **ибн Рушда** (XII в.), известного в Европе как **Аверроэс**. Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед ибн Мухаммед **ибн Рушд** (1126–1198) родился в Испании, в Кордове, в семье судьи, создал философское учение (аверроизм), в котором отстаивал идею о неумиротворимости материи, выступал за отделение науки от религии. Он подчеркивал, что доводы разума важнее веры, но полагал, что Бог – это образ гармонии, поэтому религия нужна для поддержания всеобщего порядка.

Как и его предшественники, в своем комментарии к «Государству» Платона ибн Рушд не разграничивал понятия «общество» и «государство», полагая, что последнее есть определенная система социальных отношений. Он верил в возможность гармонического развития государства как цельного социального организма с иерархической структурой, соответствующей общественному разделению труда. Для достижения идеала социальной гармонии ученый предлагал два метода – убеждение и принуждение. Второй метод не раз находил воплощение в джихаде как средстве решения политических задач. Он указывал на предпочтительность мирных решений, так как джихад, которому придавалось расширительное толкование, приносил бедствия самим мусульманам. Глава государства должен был избираться из воинского сословия и обладать многими из тех добродетелей, которые считал необходимыми для правителя и аль-Фараби. Наихудшей формой правления Ибн Рушд считал тиранию духовенства.

Прогрессивность социальной модели Ибн Рушда была ограничена опытом городской культуры арабо-мусульманского средневековья, в которой не было и не могло быть идеалов демократии. Горожане средневековых халифатов не осознавали себя, в отличие от европейских бюргеров, самостоятельной политической силой, способной и стремящейся к самоуправлению².

Последним крупным ученым мусульманского средневековья, продолжившим античную традицию естественнонаучного истолкования явлений общественной жизни, можно считать уроженца Туниса Абдуррах-

¹ От его имени образован термин *алгоритм*.

² Гойтейн Ш. Д.. Ук. соч. С. 12.

ибн Хальдун

мана Абу-Зейда **ибн Хальдуна** (1332–1406). Он не оставил картины идеального общества, но одним из первых сумел увидеть закономерности в цепи исторических события и фактов. Он обратил внимание на влияние географической среды в формировании культурных особенностей и психических черт жителей различных климатических зон, пытался объяснить также возникновение расовых отличий людей.

Одну из важнейших причин ослабления и крушения деспотических государств ибн Хальдун (Халдун) усматривал в возможностях централизованного аппарата покушаться на собственность поданных путем установления чрезмерных налогов и необоснованных конфискаций, что подрывало интерес к труду и рост его производительности. Столь же пагубными, по его мнению, были государственные монополии на некоторые виды ремесленного производства и торговли, что вело к разорению купцов и ремесленников¹.

Ибн Хальдун писал, что в начале всякой династии налоги низки, потому что нравы правителей просты. В результате хозяйство в стране успешно развивается, народ начинает богатеть, и нравы правителей становятся всё более взыскательными. По мере роста потребностей правителя, растут, естественно, и налоги. Рост налогов приводит к упадку хозяйства. Но так как аппетиты правителей по-прежнему остаются взыскательными, то налоги всё увеличиваются и увеличиваются. И хозяйство приходит во всё больший и больший упадок. И этот печальный цикл прерывается только тогда, когда с гор спускается новая династия завоевателей. Они варвары, нравы их просты, налоги невелики – экономика вновь начинает развиваться. И так по кругу. Касался ибн Хальдун и причин возвышения одних народов над другими. Его воззрения, если отвлечься от своеобразной лексики того времени, вполне современны и некоторые исследователи называют его первым в истории социологом.

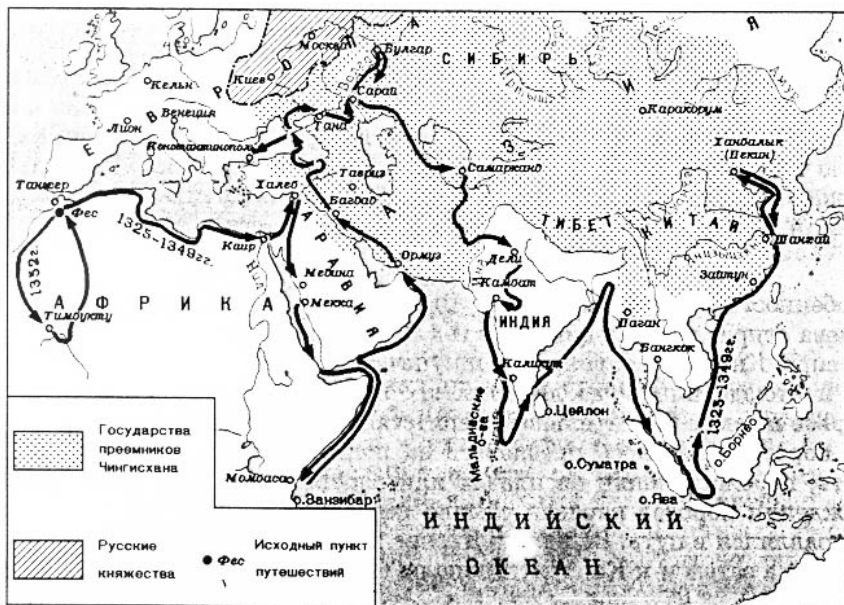
В математике арабы развили индийскую цифровую систему, введя в нее знак «0», что дало возможность изображать цифрами любые по величине числа². Эта система, по сути – индийская, стала известна в Европе через арабов, отчего и сами цифры называют *арабскими*.

Активная торговля способствовала развитию астрономии и географии. Как правило, мусульманские географы не были кабинетными учеными. Географ **Масуди**, например, писал, что для изучения стран и людей, он бывал и монахом, и проповедником, и переписчиком, и меди-

¹ *Фадеева И. Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М. 2001. С. 71–74.

² «0», по арабски – ас-сифр (пустой). Отсюда – цифры.

ком, и торговцем, и воином, и студентом, даже грабителем и еретиком. Описал он Иран, Египет, Индию, Китай, Цейлон, Мадагаскар, бывал и Западной Европе. Он знал, что Каспийское море – на самом деле – озеро, первым из арабов описал Аральское море.

Путешествия ибн Баттуты

Географ **аль-Идриси** составил для короля Роджера II Сицилийского географическую карту Европы, над которой работал 15 лет. **Ибн Баттута** во второй четверти XIV в. объездил земли от Испании и Сахары до Сибири и Китая. Побывал в Золотой Орде и Средней Азии, на Суматре (нынешняя Индонезия), а также прожил восемь лет в Индии. Рассказы путешественника были литературно обработаны придворным литератором марроканского султана с середины XIV в., неоднократно переписывались и сохранились в нескольких списках. **Ибн Хордадбе**, **ибн Даст** и **ибн Фадлан** оставили много ценных сведений о славянах VIII–X вв.

Среди историков выделялся **Табари** – перс, преподававший Сунну и проповедовавший в Багдаде, написавший подробную историю от «сотворения мира» до 915 г. В Иране, при монголах, был задуман обширный труд по истории всех народов, вошедших в монгольскую империю. Его частично выполнили под руководством принявшего ислам еврея **Рашид ад-Дина** два китайских буддийских отшельника, несколько персидских

ученых и францисканский монах¹. В целом, по мнению американского исследователя средневековой культуры Дж. Легмана, открытия известного английского ученого XII в. Роджера Бэкона, чьи познания далеко превышали тогдашний европейский уровень, были лишь крохами, упавшими со стола арабских толкователей греческой науки².

Такой расцвет науки был невозможен без налаженной **системы образования**. Коран высоко ценил знания, грамотность была возведена в религиозные добродетели: *«Кто едет ради науки, тот достоин»*. Мухаммаду приписывают изречение: *«Ищите знания, даже если вам придется для этого дойти до границ Китая»*. В Кордове 976 г., например, насчитывалось 27 бесплатных государственных школ. В многочисленных университетах царила веротерпимость. Среди преподавателей и студентов, помимо мусульман, были христиане и иудеи, проводились диспуты представителей разных религий. Кстати, именно через мусульманские научные центры в арабской Испании европейцы узнали, в переводах на средневековую латынь с арабского, многие произведения античных ученых.

Начальные школы – *мактабы* – открывались при мечетях и финансировались церковным приходом. Учителя, однако, жили только от нерегулярных подношений учеников. Становились учителями окончившие мактабы или школы средней ступени – *медресе*. Занятия велись индивидуально: каждому задавали текст и спрашивали его усвоение. Изучали обычно упрощенные части Корана. Сначала учились читать без понимания текста. В некоторых мактабах учили и письму. Девочек из состоятельных семей учили грамоте на дому жены имама или муллы. Но у них образцами для чтения были художественные тексты, стихи; Коран им читать запрещалось, писать не учили. Азбуку зубрили 1–2 года, Коран – 3–9 лет. В медресе изучали арабский язык, риторику, историю, чтение и толкование Корана, богословие, основы законовещения и юридической практики (о разделах имущества). Основными методами обучения были лекции и диспуты. В некоторых медресе преподавали и правители. Летом не учились. Принимали в медресе тех, кто окончил мактаб или самостоятельно научился читать и писать. Платили за учебу (всего – за 19–20 лет) сами ученики. Бедные, чтобы заработать, обслуживали богатых. Основная цель медресе – подготовка духовенства. Возникли эти заведения уже в VII в.

При всей консервативности и единообразии этой системы, сложившейся еще при раннем исламе и опиравшейся на догматы Корана, она развивалась и имела локальные варианты. Известным новатором в образовании был правивший позднее, в XV в., в Средней Азии внук сред-

¹ См. Бартольд В. В. Культура мусульман // Соч. Т. VI. М., 1966. С. 192.

² Легман Дж., Ли Г. Ч. История тамплиеров. М., 2002. С. 127.

неазиатского завоевателя Тимура *Улукбек*. Он ратовал за физическую подготовку и изучение точных наук. В созданном им медресе было строгое расписание, велся учет посещаемости. За счет сокращения времени на изучение религии была введена математика, медицина, история, география. Сроки обучения сократились с 20–25 лет в традиционных медресе до 8 лет. Ученикам платили стипендии. Плохо успевающим задавали на дом меньше. Для изучения какого-либо пособия формировали группы по 10–15 человек.

В отличие от европейской университетской практики в мусульманских учебных заведениях не было корпоративной ответственности за обучение. Прослушав курс у определенного учителя, арабский студент получал от него *иджаза* – свидетельство о квалификации. Чем известнее были учителя, тем больше у слушателя было шансов впоследствии проникнуть в научную мусульманскую элиту: стать преподавателем в религиозных школах, придворным врачом, астрологом или домашним учителем. Поэтому студенты переходили от одного учителя к другому и накапливали *иджазы*. Во времена расцвета арабской культуры (VIII–XII вв.) люди науки пользовались в обществе большим уважением. Ученый был окружен почетом, даже если происходил из бедных: *«Без четырех вещей не может обойтись человек даже из знати – нельзя не вставать перед своим отцом, нельзя не услужить гостю, нельзя не заботиться о своем коне и не почитать ученого»*. Ученый в средние века считался образцом для всех мусульман, ибо считалось, что он заботился обо всем мирском и очищал свои мысли от дурных помыслов.

Не следует, однако, преувеличивать «свободомыслие» в средневековом исламе. Традиционный суннизм во все времена с недоверием и даже с враждебностью относился ко всякой философии. Поэтому арабо-мусульманская философия зародилась и первоначально развивалась почти исключительно среди шиитов, в сектах, более свободных в IX–X вв. от догм и с более образованными людьми.

Высокого уровня достигла **литература**, особенно поэзия. Еще у древних аравийских бедуинов сложилась традиция слагать в устной, дописменной форме стихи – экспромты. Затем, уже при Аббасидах, у арабов стала складываться и собственно литература. Особенность арабского языка – многозначность смысловых значений слов (часто слова имели до нескольких десятков значений). Отсюда – внимание к слову, письменности. Популярными стали библиотеки, которые были не только в мечетях, но и во дворцах. Книги в библиотеках выдавали на дом (прежде всего – студентам, остальным – ограниченно), часто – под залог. В XII в. окончательно сложился знаменитый сборник «Тысяча и одна ночь» – собрание новелл, сказок, легенд всего мусульманского мира и даже, отчасти, древнеегипетских (времен Среднего царства). Особое

место в нем заняли иранские сказки, объединявшиеся в сборники с VI в. Первый вариант «Сказок...» относится к IX в. Первая арабская редакция появилась в городах Ирака в X в. С XII в. в собрание вливаются рассказы египетского происхождения. Новеллы этого цикла ярче более ранних, багдадских рассказов и повествуют о быте и нравах горожан XIV–XVI вв. Показательно, что в Египте были найдены отрывки из «Сказок...», записанных в X–XI вв. еврейскими буквами на арабском языке. То есть сборник был популярен и среди евреев¹.

Развивалась и литература на персидском языке. В X–XI вв. творил знаменитый **Фирдоуси**, написавший около 1000 г. ставшую очень популярной на Среднем Востоке поэму «Шах наме» (Книга царей), состоявшую из 60 тысяч стихов. В XI–XII вв. писал перс **Омар Хайям**, поэт и ученый, прославившийся философскими четверостишиями – *рубай*². В то время каждому уважающему себя философу полагалось написать какое-то количество таких стихов. При этом в тогдашней обстановке жанр рубаи приобрел статус вольнодумства. И знаменитые рубаи Хайяма, часто не вписываются в исламские установки. Например:

*Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о сердце мое!
И бояться не надо, о сердце мое!*

Центральная тема четверостиший Хайяма – воспевание вина. Но, как подчеркнула российский иранист Н. Ю. Чалисова, он опирался на иранскую традицию, сложившуюся задолго до прихода ислама. Потому что вино как реальный напиток, красное сухое с горьковато-сладким букетом имело очень высокий статус в культуре древнего и средневекового Ирана. И воспевание, и прославление, и т.н. спиритуализация вина, которое лечит тело и душу, принадлежат к центральным темам персидской классической поэзии и мусульманского периода. Потому, несмотря на неодобрительное отношение мусульман к алкогольным напиткам, иранцы с приходом ислама не отказались ни от самого вина, ни от его восхваления.

*Когда я пью вино – так не вино любя.
Не для, того, чтоб все в беспутстве спить в одно.
А чтоб хоть миг один дышать вовне себя,
Чтоб вне себя побыть – затем я пью вино.*

*Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – признак мудрости, а не порок совсем.*

¹ Кривов М. В. Ук. соч.

² Рубай – буквально «четверной», «состоящий из четырех». Первые две строки в четверостишии содержат некий тезис, третья призвана насторожить слушателя, а в четвертой дается некий вывод, разрешение.

Но не только об этом у Хайяма. У него есть и такие строки (хотя это двустишья – не рубаи):

*Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*

Или, весьма популярные:

*Чему быть суждено – обязательно будет,
Но не больше того, чему быть суждено.*

А также:

*Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.
И стоит ли жалеть, что я — кровавой слизи,
Костей и жил мешок — исчезну вдруг из глаз?*

В персидской культуре с доисламских времен сложился принцип «развлекать, наставляя». Как ученый, философ, Хайям писал в соответствии с этой традицией, подкрепляя свои серьезные мысли. Видимо, это сочетание остроумия с наставлением, замечает Чалисова, привлекает людей уже многие столетия, и добавим, не только на родине Хайяма¹.

Омар Хайям

Был Хайям также крупным астрономом и математиком. Будучи создателем и руководителем обсерватории в Исфахане (Иран), он разработал самый точный из известных солнечных календарей, в котором ошибка в один день набегала лишь за 4500 лет (в современном григорианском календаре такая ошибка накапливается за 3333 года). Но доработать и упростить его Хайям не успел.

Большого расцвета достигла **архитектура**, в которой сложился так называемый *арабский (мавританский) стиль*, характерный легкими, ажурными постройками. Наиболее полно этот стиль проявился в общественных зданиях – мечетях, банях, во дворцах, мавзолеях.

После завоевания в 638 г. Иерусалима, который мусульмане стали называть Аль-Кудс (священный город) и считают его третьим по значимости после Мекки и Медины, на горе Мория, где размещался разрушенный Первый иудейский храм на месте, где Авраам совершал жертвоприношение, мусульмане заложили мечеть *аль-Акса* (Отдаленная). Другая чрезвычайно важная исламская святыня – мечеть Куббат-аль-Сахрата была воздвигнута на горе Мория в период войн халифа Абд-аль-Малика (686–691) против христиан. Это здание в форме купола (Купол Скалы) должно было символизировать победу исла-

Мечеть Купол скалы

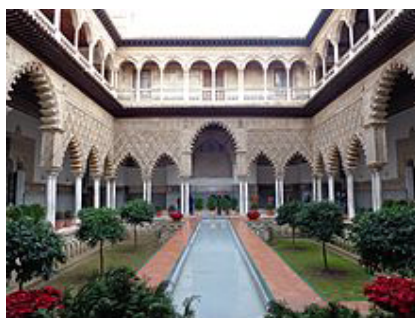
¹ polit.ru/article/2016/08/27/chalisova_lecture/

ма над христианством. Оно было построено на том месте, где, возможно, находился древнееврейский храм, разрушенный ок. 70 г. до н.э., в святом городе христиан. Таким образом, появление в этом месте мечети провозглашало новую веру в городе двух монотеистических религий¹.

Для обычных жилых построек были характерны дома с глухими наружными стенами, скрывавшие внутренние дворики. Первые значительные здания у арабов были просто подражаниями постройкам других народов, с которыми они знакомились в ходе завоеваний, особенно византийцев. Хотя воспоминания о пустыне постоянно проступали в арабском зодчестве. Подвижность и богатство воображения арабов привели к появлению разнообразных оригинальных форм, прежде всего – в украшении арок, в сводах, аркадах, которыми украшались многие мечети и светские здания. Вместо обычных полукруглых арок арабы возводили стрельчатые, подковообразные и ломанные, в виде лука своды. Сообразно климатическим и общественным условиям Востока, наружные стены зданий были обычно простыми и безыскусственными. Тем неожиданнее поражает роскошь их внутреннего убранства².

**Дворец Альгамбра
в арабской Испании**

Дворец Алькасар в Севилье

Планировка поселений была хаотичной, но многие путешественники подчеркивали, что при отсутствии растительности из-за жары и недостатка влаги причудливо извивавшиеся улицы и переулки располагались так, чтобы всегда на одной из их сторон была тень.

В **изобразительном искусстве** распространились, прежде всего, различные причудливые орнаменты (*арабески*), но станковая живопись почти не развивалась из-за запрета Корана изображать человека и животных (боязнь возрождения идолопоклонства). Наиболее строго этого запрета придерживались сунниты. Шииты допускали изображение жи-

¹ Лучицкая С. И. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // Одиссей. 2006. С. 319–322.

² Кольб Г. Ф. История человеческой культуры. Киев, 1899.

вотных и человека, особенно в книжных миниатюрах. Не допускалось трехмерное изображение, т.е. скульптура¹. Нашествие монголов на Иран способствовало распространению там с XIII в. китайской миниатюрной плоскостной живописи (тушью на бумаге).

Рисунок из иранской рукописи XVI в., изображающий вознесение пророка Мухаммеда в рай

Также Коран прямо не запрещает и изображения Пророка. Запрет возник на основе изучения хадисов – отдельных сказаний о жизни и высказываниях Мухаммеда, собранных после его смерти. Изображения, даже Мухаммеда, известны в XIV в., но предназначались только для личного употребления. Как отметила Кристина Грубер, профессор исламского искусства в университете штата Мичиган (США), *«Часто это были предметы роскоши, создававшиеся для состоятельных людей и хранившиеся в их библиотеках»*. Некоторые из иллюстраций представляют собой миниатюры с изображениями персонажей из Корана. Большая часть этих изображений относится к вознесению пророка в рай, когда Мухаммед изображается верхом на лошади. При этом лицо Пророка было нечетким².

В новое время в ответ на европейскую колонизацию многих мусульманских стран ислам отреагировал подчеркиванием своих отличий от христианства, которое всегда опиралось на традицию публичной иконографии. Изображения Мухаммеда стали исчезать из обращения, а имамы повели все более активную борьбу с идолопоклонством.

Но в остальном **художественное ремесло** достигло высокого уровня. Арабские и персидские ремесленники славились производством оружия и военного снаряжения. В Иране делали знаменитые на Востоке железные панцири, в Дамаске – стальные мечи. Высококачественное

¹ Кстати, у иудеев, в Ветхом Завете также содержался запрет на изображения и их почитание, который в христианстве был преодолен. При этом в тексте Корана нет четкого запрета на изображения, кроме Бога; Ветхий Завет намного более категоричен в этом запрете [Лучицкая С. И. Ук. соч. С. 323].

² bbc.co.uk/russian/society/2015/01/150116_muhammad_images_controversy_gch

оружие изготавливали также в Йемене и в Толедо. В Кордове уже в IX в. знали секрет хрусталя. Из изобретенной в Севилье *кыфары* появилась всем известная *гитара*. В мусульманских странах узнали китайский секрет изготовления бумаги из хлопка. Центром хлопчатобумажного производства стал среднеазиатский Самарканд. Ткани умели делать также из шелка и шерсти. Особое искусство было достигнуто в изготовлении парчи, украшенной арабесками и вплетенными в них изречениями из Корана. В высоком развитии художественного ремесла сказались восточные традиции красивой жизни, порождавшие необходимый спрос.

Значительными были **агрономические познания** арабов. Они завезли из Китая культуру хлопка, из Индии – рис, распространив его даже на Пиренеи, способствовали появлению в Европе льна, конопли, пальмы. В арабской Испании в IX в. сложилась традиция праздничных обедов, состоявших из супов, мясных блюд с гарниром и пряностями, сдобных печений. Оттуда она распространилась по Европе. Высокий уровень экономики и науки отразился в заимствованиях из арабского таких слов, как: *магазин, тариф, базар, алхимия, алкоголь, алгоритм, алгебра*¹ и др.

Очевидно, арабам нужен был только толчок – знакомство с греческой культурой (в омейядской Сирии), чтобы развилась их собственная. В халифате сложилась довольно разработанная **правовая система**. Было разработано уголовное, брачное, наследственное законодательство и даже зачатки вексельного права. В XI в. юристы высказали положение, правда редко применявшееся, что никто не должен быть подвергнут заключению по одному только подозрению и что ни от кого не должно добиваться сознания посредством насилия. Правило ведения боевых действий запрещало убивать женщин и детей: они могли обращаться в рабство, но запрещалось разлучать детей с матерями². Были и нормы, защищавшие собственность. Но, в условиях деспотической власти, присущей Востоку, эти нормы часто оставались сугубо декларативными.

Быт в значительной степени испытывал влияние кочевых традиций. Даже в городских домах почти не было мебели, ее заменяли многочисленные ковры, создававшие атмосферу уюта. На них сидели, на них, облокотясь на подушки, возлежали мужчины во время трапез. Среди развлечений были распространены нарды, шахматы, конное поло – игра в мяч верхом на лошадях. Известна популярность бань.

Богатый горожанин имел много слуг, в том числе и из невольников. Дети рабынь-наложниц и их хозяев обычно получали свободу, так же как

¹ От *ал-джабр* – «сокращение» (сведения сложных чисел к более простым символам) [Мусаев Лари С. М. Западная цивилизация глазами мусульманина. Баку, 1994. С. 61].

² Кольб Г. Ф. Ук. соч.

и сами рабыни после смерти их господ. Смешанные браки и внебрачные отношения рабовладельцев с их рабынями, возможно, объясняются слабым распространением расовых предрассудков в средневековом исламском обществе, да и сами халифы часто были плодами подобных связей.

Нельзя не отметить, что до XIX в. в исламском мире процветала живая эротическая культура, отражавшаяся в поэзии, рассказах и даже различных справочниках. *«Самое совершенное богопознание происходит во время полового акта»*, – писал мусульманский ученый из Андалусии в XIII в. При этом он исходил из самого Корана, в котором эротика и сексуальное наслаждение рассматриваются как нечто положительное. В Сунне есть множество преданий о Мухаммаде, в которых он давал советы о сексуальных отношениях, прежде всего, это касалось семейной жизни, которая в исламе рассматривалась как важная сфера, необходимая для продолжения рода. В одном из хадисов приводится высказывание Мухаммада: *«Кто из вас в состоянии жениться, тот пусть женится!»*. А в другом: *«Если к вам придет свататься тот, чьей религией и нравом вы довольны, то выдавайте за него замуж. Иначе на земле распространится смута и нечестие»*. Давал Пророк и советы своим последователям о том, как им и их женам насладиться сексуальными отношениями. Например, он делал акцент на важности предварительных ласк и велел своим соратникам лишь тогда завершать половой акт, когда и женщина испытала оргазм. Или: *«Пусть не бросается никто из вас на жену подобно животному. Да будет между ними посланец»*. Когда же его спросили о каком посланце он говорит, Пророк ответил: *«Поцелуи и слова»*¹.

Мусульманская традиция изобилует стихами о любви и эротике, повествующих о сексуальном желании в самом непринужденном ключе². Впрочем, патриархальность воззрений Пророка проявлялась и в таком его изречении: *«Женщина – это поле, на которое мужчина может всходить когда угодно и сколько угодно»*. Эти же традиции отразились и в вышеуказанной легкости расторжения мужчиной брака, и в гаремах.

Надо заметить, что европейские знания о восточных, исламских, традициях и обычаях весьма далеки от совершенства. Мусульманскую женщину чаще всего рисуют существом, полностью подчиненным воле и произволу мужчины, бесправным и безликим – в прямом смысле слова, а возможно и бездушным, и потому глубоко несчастным (кстати, именно с европейской точки зрения).

При непосредственном столкновении с жизнью поверхностность европейских представлений не раз отмечалась самими жителями Европы, оказывавшимися на Ближнем Востоке. Типичен в этом смысле рассказ французского путешественника XIX в. Жерара де Нерваля. Решив поселиться в

¹ inosmi.ru/social/20190103/244203165.

² zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-01/sexualitaet-islam-erotik-vormoderne-entwicklung

Каире и пожить жизнью туземцев, француз столкнулся с непредвиденными обстоятельствами. Шейх квартала, в котором накануне де Нерваль снял дом, от имени всех жителей квартала потребовал, чтобы тот женился или съехал. В результате француз, узнав о сложностях заключения брака с местными девушками, предпочел все-таки обойтись наложницей и купил рабыню. В какой-то момент, лишившись повара, француз отправил ее на кухню. Но, как он сам писал: *«мне трудно передать выражение поруганной чести или, скорее, оскорбленного достоинства, с которым она испепелила нас взглядом. Скажи [своему господину, ответила та слуге] что я кадина (госпожа), а не одалиска (служанка) и что я пожалуюсь паше, если он не обеспечит мне соответствующего положения»*. Возмущенный де Нерваль полагал, что купил рабыню, чтобы она служила ему и в случае необходимости *«выполняла и домашнюю работу, как все женщины на свете»*. Однако выяснилось, что любая рабыня имеет право обратиться к паше, чтобы ее снова продали на рынке, и таким образом сменить хозяина. Так что бесправие мусульманки (даже рабыни) было весьма относительным. Учитывая консерватизм исламского права, подобные порядки вполне можно отнести и к средневековью. Тем более, что о защищенности законом статуса женщины сообщают и христианские источники времен испанской реконкисты, наблюдавшие жизнь в остававшихся при отвоевании мусульманских кварталах. Ибо, по шариату, брак – не таинство, как в христианстве, а гражданское состояние, что позволяло женщине иметь определенные права. Шариат не препятствовал женщине выбирать мужа по своему вкусу¹.

Известные закрытые женские одежды, раздражающие теперь европейцев на эмигрантках-мусульманках, трактуются в исламском мире как защита женской чести².

Упадок с XIV в. Бурный расцвет мусульманской культуры, в котором связующим элементом стали арабы и их язык, был связан и со смешением разных этносов из-за легкости принятия ислама, много-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. 2001. С. 292.

² dw.com/ru/комментарий-либо-проститутка-либо-потенциальная-террористка/а-19508378

численных гаремов, в которых оказывались женщины из разных, часто весьма отдаленных мест. Продолжался этот расцвет, как отмечалось, до XIV–XV вв. Затем начался упадок, вызванный целым комплексом хозяйственных, природно-географических и политических причин, присущих всему азиатскому региону.

Нельзя не отметить, что в результате первых своих впечатляющих успехов мир ислама, который оказался наследником многих древних культур, включая и древнегреческую, создал свою мощную цивилизацию и сумел многого достичь в сфере культуры, включая поэзию, архитектуру и даже некоторые области науки, будь то медицина или астрономия, не говоря уже о различных сферах повседневной жизни. *«И если принять во внимание, что у истоков формирования и распространения ислама стояли в подавляющем большинстве ведомые Мухаммадом и его преемниками полуграмотные бедуины, либо (их было много меньше) малообразованные торговцы, это умение заимствовать все лучшее нельзя не оценить. Ведь достигнув Пиренеев и создав на территории Испании блестящий по своему уровню культуры Кордовский эмират, арабы оказались на голову выше своих европейских соседей периода раннего Средневековья. От арабов многое заимствовали первые европейские интеллектуалы и целые университеты. Этого нельзя не принимать во внимание. Правда, продолжалось это не слишком долго. Вскоре после достижения пика своего величия, где-то на рубеже I-II тысячелетий, Арабский халифат начал слабеть и распадаться на части»*¹.

Как уже отмечалось, блестящий период расцвета научного знания в странах Ближнего и Среднего Востока завершился в XIII–XIV вв. Но уже в XII в. вторгшиеся с территории Северной Африки в Аль-Андалус ортодоксальные мусульмане – *альмохады* сожгли большое количество книг. Они происходили из кочевников – берберов (из северных афразийских племен). Начались гонения на науку. Сожгли книги ученых из Кордовы, в том числе мусульманина Ибн Рушда (Аверроэса) и иудея Мусы ибн Маймуна (Маймонида). Они вынуждены были покинуть Иберийский полуостров, спасаясь от преследований со стороны берберских «приверженцев единого Бога». Маймонид избежал насильственного обращения в другую веру, бежав в Египет. Аверроэс, намеревавшийся дать исламу «науку в чистом и законченном виде» и переводивший труды Аристотеля на арабский язык, в преклонном возрасте вынужден был перебраться в Северную Африку, и умер в 1198 г. в Марракеше. Возможно, именно с его смертью и начинается тот самый упадок культуры.

Причиной этого во многих исследованиях называются вторжения кочевников – тюрок и монголов, опустошавших земли Халифата, а также

¹ Васильев Л. С. Ук. соч. С. 28–31.

рост влияния берберов на западе. Но дело не только в них. С утверждением ислама как единственной универсальной идеологии, с укреплением мусульманских теократий все меньшее место в этих обществах занимали поиски новых культурных концепций и ориентиров. Постепенно слабели и гасли эллинско-христианские традиции, питавшие истоки продуктивного периода мусульманской культуры.

В этих условиях и сказалось наследие кочевников. Как писал известный востоковед Л.И. Рейснер: *«Экономической и финансовой базой арабо-исламской цивилизации была налоговая и данническая эксплуатация немусульман мусульманами, земледельцев неземледельцами. оседлых этносов военно-кочевыми. Такого типа общество выглядит динамичным в фазе военно-политической экспансии и в процессе социокультурного синтеза, но сравнительно быстро подходит к порогу исчерпания внутренних ресурсов развития в фазе стабилизации».*

Упадок мусульманской науки немецкий исламовед Г.-Э. фон Грюнебаум объяснял *«непроницаемостью мусульманской цивилизации для определенных областей научного поиска».* *«Независимо от того, насколько значительный вклад смогли внести мусульманские ученые в развитие естественных наук и насколько глубок был интерес, с которым в определенные периоды ведущие классы и само правительство следили за исследованиями в этой области и поддерживали их. естественные науки (и их практическое применение) не вырастали из основных нужд и чаяний мусульманской цивилизации. Достижения исламской математической и медицинской мысли, которые продолжают вызывать наше восхищение, являлись продуктом тех мест и тех периодов, когда элита была готова выйти за рамки мусульманской ортодоксальной мысли и веры и даже пойти наперекор им»¹.*

Застой и даже упадок исламского общества в новое время сказались и на отмеченной выше сексуальной культуре раннего периода. Исчезли мусульманские ученые и поэты, свободно писавшие об эротике, чувственности, наслаждениях. Общий упадок региона, повлекший колониальное угнетение его населения западноевропейскими странами, вызвал рост консервативных тенденций общества. Тем более, что колониальные державы отесняли и частично разрушали классические образовательные структуры мусульманского мира. В результате многое из прежнего открытого отношения к эротике и сексуальности было утрачено. Эротическую традицию стали считать извращением. Соответственно, это отразилось на правах и свободах женщин, гарантированных, как отмечалось, в шариате и исламе. Изменение воззрений на сексуальные отношения и место женщин стало как бы маркером общего роста консервативных тенденций в исламском мире.

¹ *Фадеева И. Л.* Ук. соч. С. 75–76.

И в целом, как заметил недавно марокканский историк Абдалла Ла-руи, колонизация подразумевает, что сам народ к ней готов¹. То есть, поражения от европейцев были предопределены упадком самого исламского мира, прежде всего – в экономике, особенно в сравнении с Западной Европой.

Рассмотренные судьбы стран Ближнего и Среднего Востока свидетельствуют о формировании здесь во второй половине I тыс.н.э. особой цивилизации, называемой обычно мусульманской. Хотя большинство земель региона, за исключением Аравии, уже имели несколько тысячелетий истории цивилизованного развития, ведь именно здесь сложились почти все основные из древнейших очагов земледельческой культуры, но принесенный арабами ислам объединил в средние века все территории региона в единое культурное пространство, сохранившееся и доныне.

Прежние цивилизационные достижения оказались органически включенными в эту новую общность. Так произошло, думается, прежде всего благодаря единству природных условий, нивелировавших разный культурный уровень обитавших здесь с древности и пришедших извне народов, создававших предпосылки для формирования общего, единого для региона хозяйственного и социального уклада.

Вероятно, ислам лучше и полнее отразил специфические особенности региона и потому стал единым мировоззрением и общим жизненным укладом, вытеснив все предшествовавшие представления о мире и модели поведения в нем. Устойчивость и сохранение возникших связей в течении всего II тыс., несмотря на периодически возникавшие и возникающие этно-политические и социальные противоречия, «переваривание» кочевников, волнами накатывавшихся на регион, подтверждают вывод об устойчивости возникшей в средние века мусульманской цивилизации.

Общество ислама было задумано Мухаммадом и до некоторой степени осуществлено как твердый порядок, регламентированный Богом и его пророком. Однако жизнь развивалась и ее нельзя было втиснуть в жесткие предписания. То, что кое-как удавалось осуществить среди арабских бедуинов, не соответствовало ситуации, формировавшейся в процессе завоеваний на пределах Аравии. В больших городах Ближнего Востока возник диалог культуры пришельцев с культурами побежденных, расцветали новые формы поэзии, развивались философия, наука, хотя это и вызывало нарекания ортодоксов. Но их возражения веками оставались внутри государств ислама, лишь время от времени

¹ inosmi.ru/world/20140706/221474344.html

вызывая взрывы фанатизма. Ибн Хальдун, живший в XIV в., построил на этом всеобщую циклическую теорию цивилизаций. В Средние века мусульманский Восток был и цивилизованнее, и терпимее, чем Запад, во всяком случае до X в., отчасти и до XII. Что касается арабской энергии распространения, то она выдохлась еще до монголов¹.

Впад в застой с XIV в. в силу рассмотренных выше обстоятельств, со второй половины XX в. мусульманский мир Ближнего и Среднего Востока вступил в новый, весьма противоречивый этап своего развития. Формируя в наши дни новую идентичность, ислам, с одной стороны, в поисках своего места в мире, возродил экстремизм в духе средневековых фидаинов-ассасинов – нынешних шахидов. В этом прослеживается определенная хронологическая параллель: современному исламу примерно 1400 лет. Столько же лет в средние века было христианству, когда оно в латинской Европе переживало свои крайности – инквизицию и «охоту на ведьм». Затем фанатичная религиозность сменилась там терпимостью Просвещения. Не эти ли этапы проходит ислам? Вполне можно согласиться с современным российским экономистом, специалистом по исламскому Кавказу, И. Стародубской, что фундаментализм – это своеобразная «болезнь роста», которой болеет общество, переходя от традиции к современности².

Показательно, что в наше время трудности с демократическим и экономическим развитием возникли только в тех странах, которые после смерти пророка Мухаммада были завоеваны арабской армией. Те мусульманские страны, куда ислам проник мирным путем, в основном, через купцов – Малайзия, Индонезия, отчасти и Турция – демонстрируют теперь и экономические успехи, и более демократические порядки. Вероятно, в процессе военных захватов устанавливалась жесткая система управления: полное единовластие, теократия (власть духовенства), отсутствие конкуренции. Ремесленники и купцы воспринимались как чужаки, ибо, как горожане, они не были свойственны кочевому миру, в том числе и первоначально – арабам. При захватах купцов, как и знать, грабили прежде всего. В дальнейшем завоеванные представители местных правящих элит через ислам объединялись с верхушкой арабов в единое правящее сословие. Горожане же так и оставались чужими объектами эксплуатации. Вспомним, что в Турции их долгое время вообще не относили к турецкому этносу. А ведь именно в городах формировалась рыночные отношения и более демократичные формы правления, что наиболее ярко проявилось в средневековой Западной Европе. В последующие столетия традиции пренебрежения городом как экономическим и политическим центром в таких странах только укреплялись, что дает о себе знать и теперь.

¹ Померанц Г. Ислам Орианы Фаллачи и ислам Петера Боре// Вестник Европы. 2006. № 18.

² См.: polit.ru/article/2015/01/24/fundamentalism/

Соответственно, те государства, куда ислам пришел мирным путем, сохранили свою городскую культуру, которая уже в новейшее время способствовала их более динамичному развитию.

С другой стороны, в современном исламском мире начинают появляться ростки либерализма и толерантности. Наиболее наглядно это проявляется в начавшейся модернизации одной из самых консервативных мусульманских монархий – Саудовской Аравии. Ее нынешний фактический глава, наследный принц, 32-летний *Мухаммад бин Салман бин Абдулазиз Аль Сауд* – бывший военный летчик и даже астронавт – в 2017 г. не только вспомнил о толерантности раннего ислама, особенно к «людям Писания», но и начал проводить некоторые реформы. Не вдаваясь в подробности, отмечу их отдельные внешние проявления. Так, например, женщинам разрешили водить автомобили, а совсем недавно, в начале 2018 г. в стране были возрождены запрещенные 30 лет назад кинотеатры. Остается выразить надежду, что это – начало модернизации этой религии, приспособления к современности. Причем, что важно – через возвращение к раннему правлению Мухаммада, когда он только еще боролся за паству. Как заявил принц Салман, во времена Пророка существовали музыкальные театры, было смешанное общество из мужчин и женщин, в Аравии уважали христиан и евреев. *«Первым судьей по торговым делам в Медине была женщина!»* Поэтому, если Пророк все это принял, вопрошает принц: *«Выходит, Пророк не был мусульманином?»*¹. Хотя основная масса мусульманской уммы далека от таких идей, выдвигаемых одним из богатейших монархов современности, причем по политическим, прежде всего, мотивам². Впрочем, в своей политической деятельности, как свидетельствуют факты, этот принц сохранил ментальность восточного деспота, что характерно и для других молодых лидеров региона, получивших западное образование, но живущих в традиционном окружении³.

Тем не менее, как заметил британский дипломат Джерард Рассел, исторический опыт свидетельствует, что наибольших успехов и процветания исламский мир добивался тогда, когда считал собственное многообразие и сосуществование различных религий преимуществом, а не недостатком⁴.

¹ inosmi.ru/social/20171126/240851740.html

² Подробнее о возможностях модернизации традиционного ислама см. напр.: *Поме-ранц Г. Ук. соч.*

³ inosmi.ru/politic/20181023/243519658.html

⁴ inosmi.ru/world/20150206/226069342.html

ИНДИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Под Индией мы понимаем не государство под таким названием, ибо оно появилось лишь в середине XX в., а весь п-ов *Индостан*, на котором ныне, кроме собственно Индии, размещаются Пакистан и Бангладеш.

Население средневековой Индии состояло из двух этнических групп. Большую часть территории заселяли индоевропейцы – арии, заселившие Индостан на рубеже II–I тыс. до н.э. Они оттеснили на юг полуострова более древнее дравидское население, жившее здесь с III–II тыс. до н.э.

ПРОБЛЕМЫ ФЕОДАЛИЗАЦИИ. Индостан относится к территориям, где формировались старейшие земные цивилизации, в которых, как и в Китае, сохранились многие черты преемственности развития с древности. Развитие здесь было эволюционным, без резких скачков, наблюдавшихся в Европе и на Ближнем Востоке. Преемственность исторического развития не означала, однако, непосредственного сохранения древних государств, их континуитета. Сохранялись общие традиции в хозяйстве, культуре и общественных порядках, что позволяет видеть в истории Индостана с древности черты единой цивилизации.

Отсюда – сложность определения времени перехода от древности к средневековью. Европейские мерки: древность – рабовладение, средние века – феодализм – для Индии не подходят. Здесь, как и в Китае, рабовладельческий уклад и в древности не был ведущим. Он сосуществовал с традиционным мелкокрестьянским хозяйством в общинах. Да и рабы обычно были посажены на землю и больше напоминали средневековых крепостных (особенно российских XVIII в.)¹. Уже в древнюю эпоху складывалась система повинностей рядового свободного населения в пользу выделившегося правящего слоя. С крестьян через посредство общин взимался налог-рента. И это, по сути, было формой феодальной эксплуатации. Такое общественное устройство было связано, как почти и везде на Востоке, с преобладанием государственной собственности на землю.

Но особенностью Индии было невмешательство верховной власти в местные земледельческие дела. Вероятно, это вызывалось своеобразием природных условий страны: ирригационные работы здесь не требовали, в отличие от других земель Востока привлечения больших сил. Регулирование водного режима было под силу небольшим коллективам – общинам и даже семьям. Поэтому издревле община в Индии приобрела довольно значительный вес, который позволил ей сохра-

¹ Вообще *рабы* были особым классом только в античном мире. В остальных обществах так назывались разные категории зависимых. То есть во всемирной истории не было особой *рабовладельческой формации*, но были *рабовладельческие уклады* в разные исторические периоды [Очерки истории распространения исламской цивилизации. М., 2002. С. 385]. Раннеиндийские источники обычно называли *рабами* не имевших земли.

ниться чуть ли не до наших дней. А внутри общины тоже довольно рано сформировались стабильные крестьянские наделы с наследственными правами.

Но выделившийся в раннеиндийских государствах военный, затем военно-служилый слой в силу своего ведущего положения присвоил право распоряжаться получаемой рентой и перераспределять ее. Хотя формально эта рента и взималась для общегосударственного потребления, прежде всего на защиту земли от набегов кочевников. То есть, по сути, уже с древности в Индии сформировались порядки, напоминавшие раннефеодальные, но с большей централизацией, чем, например, в варварских королевствах Европы.

Поэтому среди многих исследователей в последнее время распространено мнение о необходимости объединения древней и средневековой Индии в единое докапиталистическое общество (Л. Б. Алаев, Л. С. Васильев, Е. Н. Медведев, В. Рубен, Р. Ш. Шарма), по сути – феодальное. С точки зрения современного цивилизационного подхода можно вести речь о наличии особой индийской докапиталистической цивилизации. По мнению индолога Л. Б. Алаева, началом перехода к средневековью в Индии вообще можно считать распространение буддизма и эпоху империи Маурья (III в. до н.э.), а завершение – VII в. – эпоха Харши¹.

Не все, однако, такой взгляд разделяют, оставаясь на формационных позициях, хотя и признают, что древние и средневековые эпохи в Индии имели много общего (К. З. Ашрафян, отчасти, Г. Ф. Ильин). В учебной литературе советского времени больше отражена именно эта точка зрения.

Но если не прикладывать европейскую формационную схему, а исходить из реальных фактов, считать государственное землевладение феодальным по сути, надо признать, что средневековые от древности в Индии отличалось не качественно, а количественно: труд рабов постепенно вытеснялся трудом свободных. Рабы превращались в посаженных на землю крестьян. Впрочем, и в древности, напомню, рабы не играли в хозяйстве Индии решающей роли.

Процесс формирования феодальных отношений в Индии растянулся во времени. Он начал складываться еще с середины I тыс. до н.э., когда уже большинство рабов сидели на земле и вели свое хозяйство, то есть напоминали спартанских илотов, а по сути – средневековых крепостных. Как и илотов, их – касту *шудров* – коллективно эксплуатировали общины, которые, в свою очередь, эксплуатировались государством выплатой ренты: или властям непосредственно, или по их поручению каким-либо частным лицом. И так было до XVIII в.

Формирование замкнутых общин с эксплуатацией сидевших на земле шудров относится уже к эпохе Ашоки (III в. до н.э.). И это – еще один

¹ Алаев Л. Б. Община в его жизни. М., 2000. С. 549, 551.

элемент в формировании феодальных порядков. С начала новой эры генезис феодализма стал более явственным – начался рост земельных пожалований за заслуги *брахманам*. Но наибольшее распространение дарение земель навечно приходилось на III–V вв., причем уже и светским владельцам. В связи с этим происходило понижение статуса сельских хозяев в общинах. Их начали воспринимать не вайшьями (как в древности), а как шудр, ибо они, по мнению Л.Б. Алаева, попадали в зависимость от частных лиц из числа получавших дарения.

Итак, первая половина I тыс. н.э., особенно III–V вв. стали временем интенсивного разрастания феодального уклада. В это время особенно с III в. государственная эксплуатация сменяется частной. Этот процесс окончательно завершился в VI–VII вв. созданием новых государств (Харши, Паллавов – о них – далее) с новой землевладельческой бюрократией. Это было время распространения феодализма «сверху» через дарения от имени властей¹.

Затем процесс пошел уже по внутренней логике – в условиях усиления прав крестьян на земли в общинах началось расслоение. С IX–X вв. в них начинает выделяться богатая верхушка. Это уже была феодализация «снизу». С VIII в. на земле оседают и иноэтничные воины-землевладельцы – **раджпуты** (царские дети – типа европейских бенефициариев)².

Так к концу I – началу II тыс. феодальные отношения победили.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. В IV–V вв. в речных долинах Индостана существовало много мелких государственных образований. В 320 г. правитель одного из них, расположенного у слияния рек Джамны и Ганга, **Чандрагупта**, овладел *Паталипутрой* – столицей древней Магадхи и сделал ее центром своих владений. Он был объявлен «царем царей» и объединил под своей властью обширную территорию в долине Ганга вплоть до Бенгальского залива. Его сын и внук во второй половине IV – начале V в. еще более расширили размеры государства, доведя его границы на западе до побережья Аравийского моря.

Начало V в. было периодом максимальной политической и военной мощи **державы Гуптов**. Для управления ею был создан большой бюрократический аппарат. При правителе существовал совет из высших представителей брахманской (жрецы) и кшатрийской (воины) аристо-

¹ Если, по западноевропейским меркам феодализмом считать только частное землевладение, тогда генезис индийского феодализма следует начинать именно с VI–VII вв., что и обозначено в учебниках советского времени. Но если, как и везде на Востоке, считать феодализмом и государственное землевладение с эксплуатацией свободного населения через ренту-налог, тогда его вызревание следует отнести к середине I тыс. до н.э.

² *Раджпуты* – царские дети, то есть дружинники. Первоначально они происходили из завоевателей (эфталитов или других захватчиков) в бурные VI–VII вв. Затем они индустрировались и в VIII–X вв. превратились в служилый слой – общинные верхи. Даже самым бедным из них запрещалось брать в руки плуг, и они сдавали свои земли в аренду.

кратии. Государство было разделено на области и округа во главе с наместниками, назначенными правителем и получавшими от него жалование. Низшей административно-налоговой единицей стала *грама* (село), возглавлявшееся *грамикой* (сельским старостой).

Против власти Гуптов неоднократно поднимались восстания. Однако оно оставалось устойчивым до второй половины V в., когда на северные его границы стали нападать гунны-эфталиты¹. Постепенно Гупты потеряли ряд северных земель. В начале VI в. вождь эфталитов *Мухиракула* нанес Гуптам страшное поражение и захватил значительную часть Северной Индии.

Нашествие эфталитов, которые вели полукочевой образ жизни и в культурном отношении находились значительно ниже индийцев, оставило в памяти последних весьма тяжелые воспоминания. Но власть гуннов оказалась в Индии непродолжительной. Наступила полная раздробленность: в V–VII вв. в Индии насчитывалось около 50 разного рода политических образований.

В конце VI в. в Северной Индии особенно усилились 2 государства: **Гауда** (совр. Западная Бенгалия) и **Тханесвар** (на севере долины р. Джамны, главного притока Ганга). Правителем Гауды был *Шашанка*, о котором известно лишь, что он был гонителем буддийских монахов.

В Тханесваре с середины VI в. правил род *Вардханов*. В конце VI в. правитель этого государства значительно расширил свои владения и присвоил себе императорский титул (*Махараджа-Адхираджа*). Особенно усилился Тханесвар во время правления **Харша Вардхана** (606–647). Он создал государство, простиравшееся от востока Пенджаба (в долине Ганга) до Бенгальского залива. Но в покоренных землях сохранилась власть прежних князей, которые лишь платили дань, а также в определенное время должны были являться ко двору и участвовать в походах. Но постоянно при дворе Харши должен был находиться кто-либо из членов семей каждого князя в качестве заложников. Харша присвоил себе также право верховного собственника во всех захваченных землях и раздавал надельные участки чиновникам за службу. В его многочисленной армии были пехотинцы, кавалерия, боевые колесницы и боевые слоны. Часть войска постоянно находилась в столице и состояла из профессиональных воинов. Империя Харши просуществовала 30 лет и распалась с его смертью. В Северной Индии вновь наступила раздробленность, просуществовавшая до середины XI в.

На юге Индостана, в Декане, в середине VII в. также царила раздробленность. Там насчитывалось несколько десятков государств, а часть внутренних районов вообще была населена первобытными охотничьими племенами. К концу VII в. в крупную политическую силу преврати-

¹ Первый их набег произошел в 458 г. и был следствием Великого переселения народов.

лось возникшее еще в III в. **государство Паллаво**. Но уже в VIII в. оно пришло в упадок из-за усиления соседних государств, среди которых выделилось **государство Чоло**, объединивших все земли живших на юге *тамил*. В начале XI в. Чолы, имея мощный флот, совершали походы в Бирму, на Мальдивские острова и Цейлон. При этом Чолы вели непрерывную борьбу с соседними южноиндийскими династиями.

В таких условиях при отсутствии крупных централизованных государств в Индии не складывалась типичная для Востока деспотия. В отличие от, например, Китая, правитель не обожествлялся и оценивался за заслуги перед подданными, за соответствие детально разработанным нормам поведения и морали, предписанным для государя. Считалось, что именно нарушение этих норм ведет к насилию¹.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. В общественных порядках докапиталистических обществ ведущую роль играли аграрные отношения. Формально еще в древнеиндийских государствах взимался поземельный налог. В первые века новой эры он стал постепенно переходить в руки крупных землевладельцев, которые таким образом, приобретали власть над крестьянами и начинали облагать их поборами в свою пользу. Уже в период Гуптов возникла практика дарения деревень и земель, что может рассматриваться как явление феодализации.

Возникшие в рассматриваемое время державы Харши, Паллаво, Чоло и другие были раннефеодальными монархиями. Покоренные местные правители (князья по славянски) были, по европейской терминологии, вассалами монархов, платили им дань, оказывали военную помощь, сохраняя при этом власть над своими подданными.

В государствах сложилась иерархическая структура феодального сословия: верховный правитель – правители из членов царской семьи – князья-вассалы – служилая знать и крупные землевладельцы – чиновники и, наконец, мелкие землевладельцы.

Характерной особенностью средневековой Индии было сохранение возникшего в древности деления всего населения на множество **каст**, каждая из которых занимала определенное место в иерархической структуре феодального общества. Принадлежность к касте, закрепленная традицией и законами, была наследственной с запретом перехода, в том числе и путем смешанных браков, которые были запрещены.

На самом верху кастовой иерархии были жреческие касты (*брахманов*) и военно-землевладельческого слоя (*кшатрии* и *раджпуты*). Ниже находились представители многочисленных купеческих и ростовщических каст, считавших себя единственными преемниками древних *вайшьев*. Ниже следовали касты *шудров*. В них из вайшьев опустились

¹ *Ванина Е. Ю.* Власть и народ: политические воззрения средневековых индийцев // Московское востоковедение. М., 1997. С. 124–145.

крестьяне, которые считались среди шудров наиболее привилегированными. А самыми низшими и обездоленными у шудров были общинные слуги и те, чьи профессии считались нечистыми, вроде кожевников, уборщиков нечистот, стиральщиков одежды. На их положении сказывалось прежнее рабское состояние.

В средние века несколько изменилось значение терминов, обозначающих разные касты. Среди брахманов уже были не только жрецы, но землевладельцы, чиновники, военачальники. Древние кшатрии, по существу, совершенно исчезли, уступив в Северной Индии место племенам, образовавшим различные раджпутские касты, в которые были включены не только воины, но и землевладельцы. Вайшьями считались лишь торговцы и богатые ремесленники. Термин «шудра» стали применять к лично свободным земледельцам и части ремесленников. Значительно расширилось число «неприкасаемых» каст, куда попадала беднейшая закабаленная часть сельского населения, а также покоренные отсталые племена.

Следует заметить, что при всей замкнутости каст бывали и исключения. Удачливый вайшья или шудра, ставший крупным землевладельцем или военачальником, а то и государем, мог рассчитывать на то, что его или его потомков брахманы объявят кшатриями. Целые группы преуспевающих шудр-торговцев в конце концов становились вайшьями. Даже неприкасаемые могли претендовать на положение шудр. Возможно было и движение вниз по социальной лестнице.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Земля считалась принадлежавшей государству и находилась в распоряжении правителей. Они взимали с крестьян, живших на этой земле, налог-ренту, раздавали участки в служебные держания государственным служащим, дарили ее в собственность храмам, монастырям, брахманам. В первые века новой эры жаловались только земли, свободные от обработки. Но с IV–VI вв. вместе с землей стали передавать обычно и крестьян, ее обрабатывавших. Все дарения были вечными, исходя из формулы: *«Пока существует солнце, луна, земля, море»*. Владелец освобождался от уплаты земельного налога и других поборов со стороны государства, а часто получал административный и, частично, судебный иммунитет. Кроме того, в большинстве грамот дарения указывалось, что жившие на земле крестьяне обязывались выполнять работы по требованию владельца в порядке трудовой повинности. В результате таких дарений крестьяне, бывшие до того государственными, оказывались в подчинении владельцев дарений. Часть земель принадлежала старой родо-племенной знати – *раджам*.

Крестьяне жили большими соседскими *общинами*, состоявшими из главного села и многих выселков, образованных выделившимися новыми семьями. Несмотря на раздачи, большая часть общин располагалась

на государственных землях и общинники эксплуатировались государством как верховным собственником. Они были обязаны налогом в виде доли урожая и различными трудовыми повинностями. Но юридически крестьяне были свободными. Однако эта свобода была относительной. Часто государи запрещали принимать в общины крестьян, уходивших с их земель. Кроме того, покидая общину, крестьянин лишался ее защиты и на новом месте превращался в бесправного держателя участка, которого владелец земли всегда мог прогнать.

В общине каждая семья имела свою долю пахотной земли, причем в одних общинах были приняты переделы участков, в других этого не было. Общины имели своих ремесленников, а также сторожей и других, обслуживавших общину людей. За свой труд они получали от общины натуральное содержание, а некоторые ремесленники и небольшие участки земли в наследственное пользование. В общинах были старосты, а также писари, жрецы, астрологи, составлявшие гороскопы и определявшие «счастливые дни» для начала тех или иных работ, учителя, обучавшие детей брахманов и других наиболее почтенных людей общины. Они также получали материальное содержание, причем большее, чем ремесленники и слуги. Кроме того, староста и писарь имели в наследственном владении крупные земельные наделы.

В отличие от того, что наблюдалось в Европе, индийская община в раннем средневековье объединяла зачастую от нескольких десятков до сотни деревень (особенно на юге). Крестьянин-общинник – не обязательно сам трудился на земле. Обычно это – хозяин, владелец земли, хотя и без права ее отчуждения. Такой крестьянин имел зависимых людей, арендаторов. Сочетание населения с разным имущественным и правовым статусом делало индийскую общину сложным социальным организмом. Она уже с I в. была многокастовой. Ее верхи в VIII–X вв. превратились в особый, привилегированный слой и были обычно брахманами, кшатриями-воинами и на земле, естественно, сами не работали. Арендаторы и мелкие крестьяне относились к вайшьям и сами часто имели зависимых работников – неполноправных (шудров). То есть свободные общинники тяготели к нетрудовым слоям. В принципе, они могли отчуждать свои наделы. Но реально это было очень сложно, ибо требовалось согласие всей большой семьи. А над семьей был и контроль общины. Существовало право первоочередной покупки отчуждаемого участка соседями, членами общины, сохранялось право обратного выкупа, запрещалось продавать землю посторонним, при продаже налагался большой налог в пользу общины.

Указанные порядки неукоснительно поддерживались привилегированными кастами. Однако в ходе колонизации, освоения новых земель, низшие касты пополнялись выходцами из отсталых племен. Бывало, что

и в низших кастах появлялись разбогатевшие, которые эксплуатировали своих собратьев. То же могло случаться и внутри привилегированных каст. Но чрезмерной дифференциации внутри касты не допускалось. Общинные старосты могли оставлять в свою пользу часть собираемых для государства налогов, что напоминает европейский налоговый иммунитет.

Так община вполне вписалась в феодальные отношения. Своеобразие состояло в том, что отсутствие частнособственнических прав на землю при наличии государственной ренты-налога делали формальным собственником государство. Но оно же, в лице правителей, как бы поручало контроль за землей общинной верхушке, то есть фактически феодально-служилому сословию из высших каст. В итоге община Индии приобрела автономию, устойчивость и просуществовала очень долго. Но с XII в. знать из нее стала выходить, а положение крестьян нивелировалось. И в такой форме община просуществовала до XIX в.

В литературе можно встретить утверждение, что до мусульманского завоевания Северной Индии в XIII в. настоящей государственной собственности там не было. Но и ее антипода – частной собственности в строгом юридическом понимании тоже не было. Существовал своеобразный симбиоз с переплетением собственнических прав между различными субъектами, что и характерно для феодализма. Но рассмотренное выше место общины – особенность средневековой индийской цивилизации.

ГОРОДА, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ. Падение державы Гуптов означало и упадок процветавших ранее городов, что особенно проявилось в VI–II вв. От некогда цветущей Паталипутры осталась только одна улица. Это означало, естественно, угасание ремесел и торговли, возрождение которых отмечается лишь в X–XI вв., когда появились и новые города. Они возникали на местах административных центров новых государств, вокруг резиденций крупных землевладельцев, особо почитаемых храмов, в портовых и перевалочных пунктах – как это было и в Европе XI–XII вв. В таких городах сосредотачивалась основная масса ремесленников, среди которых выделялись обслуживающие спрос знати производители дорогого оружия, посуды, ювелирных изделий, тонких нарядных тканей, ковров, благовоний и т.п.

И в городах, и в селах ремесленники были объединены в многочисленные профессиональные касты: ткачей, ювелиров и т.д. По мере дифференциации ремесла росло и число каст. Во главе каждой ремесленной касты, как и в деревенской общине, стоял староста (старейшина) и кастовый совет (*панчаят*). Спецификой индийских городских ремесленников была их зависимость от местных землевладельцев, решавших споры между кастами, наделявших их различными правами и привилегиями.

По мере развития обмена среди ремесленников увеличивалась имущественная дифференциация. Внутри каст появлялись зажиточные прослойки, которые стали заниматься сбытом продукции и впоследствии выделились в самостоятельные касты купцов. Кроме каст были и *шрени* (корпорации, гильдии), в которые объединялись представители одной или близких профессий из разных каст. Шрени имели право судить своих членов. По мере развития торговли и роста роли купцов особое значение приобретали купеческие шрени. Их главы приобретали существенную власть в городах.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА. В рассматриваемое время унаследованный от древности *буддизм* постепенно приходил в упадок. При Харше и в дальнейшем в средние века он был распространен, прежде всего, среди горожан, ибо в значительной степени не являлся религией, скорее буддизм можно считать способом воззрения на мир. Согласно преданию, сам Будда подчеркивал, что он не является Богом и к нему не следует относиться как к таковому. То есть восприятие буддизма требовало определенного культурного уровня. В сельской же местности буддизм стал сливаться с местными религиями. Возможно, этому способствовало вовлечение в орбиту тогдашних государств многих ранее отсталых племен со своими верованиями. В результате на Юге в VIII в., а на Севере к XII в. буддизм сменился **индуизмом**. Хотя, надо заметить, что в ряде других стран Азии буддизм, наоборот, поглотил местные верования и стал преобладающей религией.

Особенность буддизма – своеобразный мистицизм. На важнейшие вопросы, связанные с Богом бытием, душой, Будда отвечает «благостным молчанием». Это совсем не означает, что на эти вопросы нет ответов. Но эти ответы не могут быть сформулированы в вербальной (словесной) форме, а представляются в виде логической связи понятий: откровение не передается словами, а понимание не возникает вследствие предъявления доказательств¹. Не в этом ли причина распространения буддизма в тех соседних странах, где существовала богатая культурная традиция. И, наоборот, возникновение индуизма было связано с включением в индийские государства первобытных племен, населявших джунгли Индостана?

Понятие *индуизм* охватывает самые различные верования – от примитивных анимистических, возникших еще в первобытных обществах, до сложных религиозных систем последующего времени. Он возник, отчасти, как реакция на поведение развращенного буддийского клира. Отношения между индуистским духовенством и мирянами регулировались не религиозными уставами, которые не были выработаны, а кастовыми порядками. Профессиональным жрецом – брахманом – мог стать только тот, кто был рожден от брахмана и брахманки. Индуизм вписался в сложившиеся

¹ Аксенов И. Насколько реальность выше дискурса? // Независимая газета. 17.11.2005.

кастовые порядки не как религия, а как образ жизни, основанной на традициях древнего брахманизма, объяснявшего и защищавшего деление общества на 4 *варны* (брахманов, кшатриев, вайшьев и шудров)¹.

В индуистской догматике выделялись три учения: *дхарма* (о долге и правилах жизни, предписанных для каждой варны; следование кастовым правилам – высшая добродетель), *карма* (дело, деяние, о суммировании всего доброго и дурного в жизни, от чего зависела форма, в которой произойдет очередное рождение души), *акинса* (непричинение зла другому существу, даже если это необходимо для самозащиты).

Во главе индуистского пантеона находятся 3 бога: *Брахма* – сотворивший мир, *Вишну* – хранитель мира и *Шива* – олицетворение разрушительных и созидательных сил природы. В образах Вишну и Шивы сохранилось много от первобытного тотемизма, фетишизма и культа предков. Это особенно проявилось в почитании рек (в первую очередь – Ганга), в признании святости некоторых животных (коровы), растений (лотоса), в идолопоклонстве. Самостоятельное значение приобрел культ доарийского бога *Кришны*. Особо прочно сохранялся культ предков. Принесение жертвы за умершего отца составляло священную обязанность сына. Поэтому для верующего индуса не было больше горя, чем отсутствие мужского потомства.

Основным обрядом индуизма было принесение жертвы, причем в поклонении Шиве допускались кровавые жертвы. В отличие от буддизма, главным для которого было чувственное восприятие мира, в индуизме чувства подчинялись ритуалу, а изображение бога (статуя или камень) превращались в самого Бога. То есть индуизм был примитивнее буддизма и его распространение симптоматично для тогдашнего индийского общества. Но, несмотря на связь с язычеством, постепенно сложилась сложная и весьма своеобразная философия индуизма.

Признается, что Вселенная не имеет ни начала, ни конца, но вновь и вновь переходит от роста к равновесию, от равновесия к упадку, от упадка к распаду, от распада к росту и так до бесконечности. Все сущее существует как стадия для наказания или награды за прошлые деяния вечной души. Абсолют невыразим, как и бесконечность и его наилучшее познание достигается с помощью разума. Как видно, здесь произошло своеобразное соединение веры с рациональным мышлением, что, очевидно, делает привлекательным индуизм сегодня. Тем более, что в индуизме, в отличие от буддизма и других религий, все 3 главных бога равноправны. Отсюда – определенная веротерпимость адептов этой религии².

¹ *Варна* – на санскрите, древнеиндийском литературном языке, *каста* – португальский термин, возникший в XVI в.

² Одновременно с формированием индуизма, примерно с 400 г. н.э. возникло и учение о *йоге*.

Для изобразительного искусства рассматриваемого времени характерно увлечение грандиозными сооружениями из кирпича и камня, достигавшие до 100 м высоты (башня храма в Танджуре – XI в.).

Башня храма в Танджуре

Пещерные храмы в Эллуре

Показательными для раннего средневековья были пещерные храмы в Эллуре. С IX в. распространяются культовые постройки из тесаных камней, предназначенных исключительно для служителей культа. Они украшались изнутри богатой скульптурой и каменной резьбой, отражавшей деяния, которым был посвящен такой храм. Однако в дальнейшем монументальная скульптура внутри храмов приходит в упадок.

Развивалась художественная литература. Наиболее известен писатель V в. – Калидаса. Но она в основном писалась на уже мертвом тогда санскрите и носила салонный характер. Философы занимались комментированием древних учений. Более значительными были достижения в естествознании.

Была изобретена знаменитая цифровая система, применяющаяся теперь во всем мире. Уже в начале новой эры математикам были известны 8 математических действий, производимых над целыми числами и дробями, включая возведение в степень и извлечение корня. В астрономии использовались отдельные тригонометрические функции и была высказана смелая для того времени мысль, что видимое движение небесного свода и Солнца объясняется вращением Земли. В V в. ученые довольно точно вычислили число π и умели решать уравнения с двумя неизвестными. Стала применяться математическая символика. Особо развивалась медицина. Было создано до 200 медицинских инструментов, в том числе даже катетеры с зеркалами. От того времени осталось несколько медицинских трактатов и словарь лекарственных трав. Делались сложные операции: кесарево сечение, трепанации черепа.

Из особенностей повседневной жизни отметим, что в отличие от других народов в Индии положение женщин было более равноправным. Это в определенной степени связано с признанием равенства сексуальных отношений со всеми иными формами взаимоотношений между людьми. Поэтому половые контакты не требовали уединения, соверша-

лись в семье открыто, так же как и в особых храмах. Поэтому же в Индии не распространилось многоженство (кроме семей знати и при бесплодии жены). Семьи были большими, многодетными. Муж по обычаям должен был быть старше жены, чуть ли не в 3 раза.

Таковы были специфические черты индийской цивилизации, основные черты которой начали формироваться еще в I тыс. до н.э. и сложились в основном до начала II тыс. н.э. Все дальнейшие изменения и напластования уже не меняли ее коренных черт, заключавшихся в следующем:

- Государственная собственность была ведущей, но проявлялась в регламентации налогов, без вмешательства в земельные дела;
- Раннее появление крестьянских наследственных прав на землю, без общих переделов, в условиях “семейной” ирригации;
- Наличие прочной общины;
- Роль государства была большей, чем в Европе, но меньшей, чем в других странах Востока, то есть без всевластия в вопросах собственности;
- Чрезвычайно высокая (по европейским меркам) норма эксплуатации крестьян, ибо из-за благоприятных климатических условий расходы крестьян на жилье, топливо, одежду и даже пищу были минимальны. Впрочем, в других странах Востока норма эксплуатации бывала даже большей из-за более сильного вмешательства властей в повседневную экономическую жизнь;
- Вплоть до XIX в. в Индии оставались участки ничейной земли, что позволило сохранять рутинную агрикультуру и вело к застою в сельском хозяйстве;
- Крайняя неравномерность распределения, экономического и общественного развития из-за изолированности многих регионов джунглями, пустынями, реками. При этом на севере господствовали арийские языки, на юге – дравидские. Все это породило этническую, политическую и культурную разобщенность Индии в средние века;
- Создание двух крупных религиозно-этических систем – буддизма и индуизма, отразивших специфику индийского мировосприятия и оказавших влияние на соседние народы.

ИНДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II тыс.

ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ II тыс. Экономика. Ее основа – сельское хозяйство в Индии имело свои особенности. На значительной части территории, особенно в Декане, было много подпочвенных солей и глубокая вспашка не применялась¹. Но зато общеклиматические условия позволяли вспахивать землю лишь раз в 5-6 лет, или вообще ее не пахать до полного истощения лет через 20, а затем переходить на новый участок (свободной земли пока хватало)². При таких условиях паровой системы не было. На одном поле сеяли поочередно злаки и бобовые – для обогащения азотом. Перерывов в сельскохозяйственных работах также не было – трудились круглый год. Поэтому ремесленники рано отделились от земледелия и стали профессионалами. К XII в. наряду с уже существовавшими городами появляются новые административные и торгово-ремесленные центры, обслуживавшие, в основном ближайшие сельские округа и, прежде всего, проживавших в них крупных землевладельцев. Крестьяне обычно пользовались более дешевой продукцией общинных ремесленников.

Политически Индия была разделена на ряд враждовавших между собой феодальных княжеств. Во второй половине XII в. в эту борьбу стали вмешиваться северные соседи.

**Шихаб ад-Дин
Мухаммад Гури**

ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ. Образование государства. В 1175 г. правитель расположенного на территории современного Афганистана мусульманского государства Газневидов **Шихаб ад-Дин Мухаммад Гури** вторгся в Северную Индию. В конце XII в. эти завоевания продолжил оставленный им в Индии наместник, из рабов – **Кутб ад-Дин Айбак** (Кутб-уд-дин Айбек). На покоренных землях стали вводиться порядки, принятые в мусульманских странах. Прежние индийские княжества уничтожались или облагались данью. Значительная часть земель была отдана в условное военное держание (икта) многочисленным военачальникам-мусульманам.

В итоге на территории Северного Индостана возникла господствующая прослойка, чуждая коренному населению по языку, культуре, религии, состоявшая из тюрок, таджиков и афганцев.

В 1206 г., после убийства Мухаммада Гури, Кутб ад-Дин Айбак отказался признать нового правителя своим государем и объявил себя

¹ Использовалось орудие типа рала, не имевшее отвала и рыхлившее землю на глубину 8–13 см, тогда как европейский плуг пахал на глубину 10–25 см.

² Но подъем целины был труден, при ее освоении крестьянин на несколько лет освобождался от налогов.

султаном завоеванных в Индии владений. Так возникло самостоятельное государство, названное историками **Делийским султанатом** (1206–1526) во главе с сидевшим в отвоеванном от раджпутов Дели бывшим рабом.

Мусульманское завоевание Индии осуществлялось под лозунгом джихада со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя некоторые историки утверждают, что для военных кампаний правившего в Афганистане Мухаммада Гури религия не была определяющим фактором, а многие феодалы-индусы и после завоевания сохранили свои привилегии. Хроники содержат обширный материал о насильственных обращениях в ислам и об умерщвлении тех, кто отказывался изменить веру, о разрушении храмов, о статуях богов, распиленных на блоки и отданных либо для рубки мяса, либо для укладки в качестве плит во дворы строящихся мечетей, дабы правоверные попирали эти блоки ногами.

Захватив крепость Бехар (в Бенгалии), мусульмане обнаружили в ее стенах огромное книгохранилище. Возглавлявший войско Бахтияр Хилджи проявил интерес к этим книгам и приказал найти кого-либо, кто мог бы хоть что-то о них поведать, но тщетно: все брахманы в округе были уже истреблены. Однако этого военачальника хотя бы заинтересовали книги «неверных», а почти два века спустя в Кашмире мусульмане (в числе которых были и обращенные к тому времени в ислам брахманы) собрали все индусские книги и утопили их в озере, заложив в основание дамбы.

Необходимо отметить, что при всем этом первые делийские султаны, обладая достаточным здравым смыслом, понимали, что мусульман в Индии – ничтожное меньшинство, поэтому излишнее рвение в осуществлении джихада и «обращении неверных» может привести к плачевным результатам. Истребить или обратить силой миллионы «кяфиров» было физически невозможно, гораздо разумнее оказалось сделать их лояльными подданными, платящими джизью. Когда улемы (мусульманские ученые – толкователи веры) обратились к султану Илтутмышу с предложением предоставить индусам выбор «смерть или ислам», тот ответил отказом, хотя не испытывал к индусам никакой симпатии.

На индусов вторжение мусульман оказало противоречивое воздействие. Необходимость защищаться привела к определенной консолидации последователей индуизма – религии, отличающейся до того крайней аморфностью, отсутствием какой-либо организационной структуры и канонического единства. Само понятие *хинду*, т. е. *индус*, утвердилось лишь с приходом мусульман как обозначение некоей конфессиональной общности. В предшествующий период никому бы не пришло в голову рассматривать благородного кшатрия и низкокастового ремесленника как братьев по вере. Но в глазах мусульман эти люди составляли одно целое: для них и брахман, и шудра были одинаковыми врагами-кафирами.

Общая опасность заставила индусов если не пренебречь кастовыми различиями (что вообще невозможно), то хотя бы впервые осознать некоторое конфессиональное единство. Разумеется, состояние осажденной крепости активизировало в индуизме самые консервативные, ортодоксальные элементы.

Но в целом рассматриваемый период был временем становления Делийского султаната как государства, в котором исламскими являлись не только религиозная и культурная принадлежность господствовавшей элиты, но и принципы административного устройства, внутренней и внешней политики, военной системы, судопроизводства и т.д. Заимствованные из практики халифата и других мусульманских стран, эти принципы устанавливались на индийской почве и неизбежно адаптировались к местной специфике.

В этой связи следует обратить внимание на относительную легкость, с которой новое административно-политическое устройство, налоговая и особенно военно-ленная система исламского образца прижились в Индии на многие столетия. Дело в том, что хотя между индуизмом и исламом как религиозными системами было мало общего, но административно-политические основы государства, как оно сложилось в средневековой Индии и у пришедших мусульман, обнаружили определенное сходство.

И в том, и в другом случае предполагалось наличие, с одной стороны, правящего слоя – из мусульман или местных высших каст и подчиненного населения любых верований (и принявших ислам, и индусов, и даже язычников). И в индусском, и в мусульманском обществах предполагалось весьма ограниченное вмешательство государственной власти в жизнь подданных, которые платили налоги в казну махараджи или султана, но значительно больше зависели от касты, общины, племени, корпорации и местных элит, чем от монарха. Признав власть победителей мусульман, индусы откупались уплатой джизьи, других налогов или дани и продолжали жить так же, как жили до завоевания.

Иными словами, принесенная завоевателями в Индию модель государства не была для покоренного народа принципиально новой, что позволило мусульманской элите, с одной стороны, довольно легко встроиться в уже существовавшую систему, а с другой – найти в своих рядах место и для индусской знати. Это место было, разумеется подчиненным, что порождало конфликты, но все же многие феодалы-индусы смогли попасть в иерархию «столпов» султанского трона, принять в обмен на лояльность собственные земли в военный лен от новых владык¹.

Аграрные порядки. Мусульманские власти установили государственную собственность на землю. Пришедшая знать, как отмеча-

¹ Очерки истории распространения исламской цивилизации, С. 75–78.

лось, получала право на долю государственной ренты, получаемой с каждого обрабатываемого участка – икта – и несла за это службу. Владения получило и мусульманское духовенство. Индусская знать была поставлена в положение вассалов-данников или же сборщиков налога-ренты с тех земель, которыми она ранее владела. Такие сборщики (*заминдары*) имели право на часть собираемой ренты и могли оставлять себе все, полученное с крестьян сверх собранного налога. И если заминдары исправно выплачивали требуемый налог, в их внутренние дела власти не вмешивались, хотя могли отбирать их владения и отдавать другим.

Основой сельской жизни оставалась община. Мусульманское руководство не изменило ее характер, но сократило территориально вплоть до размеров одной деревни. Крестьянская семья владела наделом наследственно, а угодья были в распоряжении общины. Если владелец участка 3 года не вносил налоги, участок переходил к другому. Но сокращение размеров общин усилило их контроль за землепользованием – начались переделы пахотных участков, что уменьшило права на них крестьян.

Как и ранее, община контролировала право на преимущественную покупку участков, если кто-либо в общине его продавал. Обычно запрещалось продавать наделы чужаку. Мусульманин – держатель икта, или местный заминдар, собиравшие с общины налоги, не могли согнать крестьян с земли, даже в случае неуплаты. Эти проблемы регулировались самой общиной, которая, таким образом, имела внутреннюю автономию. Внутри общины сохранялись и неприкасаемые касты, членов которых эксплуатировали полноправные общинники. Но распространение икта привело к тому, что если раньше богатые землевладельцы обычно существовали внутри общин, то теперь они оказались за ее рамками.

Районы, примыкавшие к крупным городам и морскому побережью, участвовали в торговле, что вело к преодолению традиционной общинной замкнутости. Богатые общинники постепенно добивались продления сроков между переделами земель, что вело к дальнейшему имущественному расслоению и выделению в общине новой влиятельной верхушки.

Помимо указанного поземельного налога общинники были обязаны бесплатно выполнять для государства различные повинности, прежде всего строительные. Кроме того, немусульманское мужское население платило указанный выше особый подушный налог – *джизию*. Сверх собираемого обладатели икта и заминдары облагали общины дополнительными поборами в свою пользу. Такая эксплуатация, естественно, порождала многочисленные крестьянские восстания, подавляемые, однако, с чрезвычайной жестокостью мусульманской знатью.

Города. В XIII–XV вв. в Северной Индии отмечается дальнейший рост городов, что отражало развитие ремесел и торговли. Увеличивалось число ремесленников, количество специальностей. Помимо мелких частных мастерских появились и крупные государственные, обеспечивавшие потребности аристократии. В мастерских при султанском дворе работали десятки тысяч подневольных.

Столица султаната – Дели – превратилась в крупный центр. По сообщению путешественника XIV в., в городе не было домов менее двух этажей, имелось много учебных заведений, около 70 домов лечения (больниц), множество площадей и бань. Окружала Дели крепостная стена с 28 воротами.

Но росту богатства горожан мешала необеспеченность их прав. Любой знатный мог безнаказанно ограбить горожанина, и те вынуждены были скрывать свои богатства или же отдаваться под покровительство какому-либо местному землевладельцу. Часто под покровительство переходили целые кварталы ремесленников. Такие «покровители» обычно заставляли «своих» ремесленников отдавать им продукцию за бесценок или вынуждали работать в своих мастерских. Но тем не менее, города росли именно как ремесленные и торговые центры. Дворцы оказывались на окраинах. Городской землей могли владеть и представители низших каст, чего не было в деревне.

Политическое развитие Делийского султаната. После смерти Айбака (упал с лошади во время игры в конное поло) султаном стал один из его военачальников (гулямов), правитель тюркских владений в долине Ганга – **Шамс-уд-дин Илтутмыш** (1211–1236). Спустя 10 лет, в 1221 г., на северные земли султаната вторглись войска хорезмшаха, которого преследовали монголы. Илтутмыш отказался принять беглецов и спустя 3 года вытеснил их, а также и монголов. Но северные земли – Пенджаб и Синд – сильно пострадали.

Политическая обстановка способствовала укреплению власти Илтутмыша. Историк Зия-уд-дин Барани писал, что страх, порожденный кровопролитиями монголов, управляемых Чингис-ханом, заставил многих эмиров, знатных маликов и вазиров сплотиться вокруг его трона. Многолетние войны Шамс-уд-дина привели к некоторой консолидации Северной Индии и относительному усилению султанской власти. В 1229 г. Делийский султанат окреп и был признан багдадским халифом.

В султанате установилась деспотическая власть правителей Дели, которая поддерживалась методами жестокого подавления народного сопротивления и мятежей феодалов. Право решения всех важных государственных дел принадлежало султанам. Они произвольно смещали с должностей и казнили феодалов, конфисковали их

имущество, но сами, будучи ставленниками тех или иных группировок чужеземной знати, обретали или теряли престол в зависимости от исхода борьбы этих группировок.

Военная знать в первые десятилетия истории Делийского султаната принадлежала главным образом среднеазиатским тюркам, а чиновная и духовная – таджикам и персам (хорасанцам). Государственной религией был ислам в его суннитском толковании, а языком канцелярского делопроизводства, придворной историографии и поэзии – персидский (фарси).

После смерти Илтутмышы начались раздоры между его военачальниками – гулямами. В течение десяти лет, последовавших за смертью Шамс-уд-дина, делийский престол занимали четыре его преемника. Трое из них, в том числе его дочь, султанша Разийя, стали жертвами заговоров знати. Обстановка в государстве осложнялась новыми набегами монголов в 1241 и 1246 гг. Повсюду усиливались индийские феодалы – раджи и вожди племен.

В 1246 г. тюркская знать возвела на престол младшего сына Илтутмышы – **Насир-уд-дина Махмуда**, но вся полнота власти с 1246 по 1265 г. принадлежала одному из гулямов – **Гийяс-уд-дину Балбану**, впоследствии занявшему престол. Период регентства и правления Гийяс-уд-дина Балбана (1265–1287) прошел в борьбе за укрепление султанской власти и подчинение могущественных тюркских феодалов. После смерти этого султана борьба между феодальными группировками вновь обострилась.

Спустя 3 года победу одержали военачальники из тюркского племени *хилджи* во главе с **Джелал-уд-дином**. В 1290 г. он короновался султаном. Но в 1296 г. престарелый Джелал-уд-дин был убит в результате заговора знати, возглавленного зятем и племянником султана – Ала-уд-дином Хилджи.

В чередѣ правителей Делийского султаната **Ала-уд-дин** (1296–1316) отмечен как решительный администратор и способный военачальник. Перед ним стояли в основном те же задачи, что и перед его предшественниками: укрепление в Индии позиций тюркской феодальной знати и отражение нападений монголов. Однако в отличие от своих предшественников Ала-уд-дин считал необходимым захват новых земель и сокровищ, ибо в конце XIII – начале XIV в. только крупные грабительские предприятия, требовавшие определенной консолидации феодальных сил, способны были заинтересовать своевольных феодалов в поддержке центральной власти. Уже в самом начале XIV в. войска Ала-уд-дина взяв Гуджарат (**к югу от устья Инда**), захватили главные раджпутские княжества и крепости.

Решительные меры Ала-уд-дина по укреплению боеспособности войск позволили нанести несколько серьезных поражений монголам, постоянно вторгавшимся в пределы султаната. Прекращение опустошительных набегов монголов дало возможность Ала-уд-дину активизировать свои завоевания в Индии. Ограбление областей и городов Декана и Южной Индии, не затронутых до той поры завоевателями, сулило большие богатства, тем более, что там сложилось не-

сколько крупных государств, непрерывно воевавших друг с другом. В последнее десятилетие правления Ала-уд-дин и его военачальники совершили несколько походов на юг, в результате которых правители Декана и южноиндийских государств были поставлены в вассальную зависимость.

Однако стабильности в созданной Ала-уд-дином огромной империи, добиться не удалось. Несмотря на успешные завоевания, провинциальная знать и военачальники не успокоились. В Гуджарате, хотя и управлявшимся ставленниками султана, в последние годы его жизни происходили мятежи наместников. В Индостане сохранились и независимые владения. Власть Ала-уд-дина была реальной лишь в большей части Северной Индии.

Зарекомендовав себя удачливым военачальником, щедро рассыпающим золото и сокровища перед своими сторонниками, нетерпимый и жестокий Ала-уд-дин свирепо расправлялся с мятежными эмирами. Конфискации в пользу казны свободных от налогового обложения и наследственных земель частных лиц и духовенства, попытки ликвидации бенефициальной системы являлись основой его внутренней политики, что, собственно и было реакцией на мятежи. Но и сами мятежи, в свою очередь, провоцировалась жестокостью султана.

В итоге, несмотря на успехи Ала-уд-дина в укреплении государства, его политика восстановила против него различные слои населения, и «Александру Второму» («Искендер Сани»), как величали султана придворные льстецы, пришлось стать очевидцем крушения честолюбивых мечтаний и дела своей жизни. Происками влиятельного вазира Малика Кафура старший сын султана был заточен в крепость. В условиях постоянно вспыхивавших мятежей больной и оставленный друзьями, Ала-уд-дин умер в Дели в самом начале 1316 г.

После недолгой, но кровавой борьбы за престол султаном стал один из его сыновей под именем Кутб-уд-дина Мубарак-шаха (1316–1320). Чтобы удержаться на троне, ему пришлось отменить все реформы Ала-уд-дина, смерти которого, как писал историк Барани, радовались его подданные, так как были избавлены от его тирании и суровости.

Но в 1320 г. Мубарак-шах был убит заговорщиками во главе с **Хосроу-ханом**, объявившим себя новым султаном. Однако он продержался на престоле всего несколько месяцев. Тюркская знать, возглавляемая Маликом Гази, нанесла поражение войскам Хосроу-шаха, после чего узурпатор был схвачен и обезглавлен.

Став султаном под именем **Гийяс-уд-дина Туглака** (1320–1325), Малик Гази основал династию Туглаков, правившую до начала XV в. Новый султан продолжал активную внешнюю политику своих предшественников. Но во время встречи его после одного из успешных походов рухнул деревянный павильон, под обломками которого он и погиб. Араб-

ский историк ибн Баттута, прибывший в Индию в правление его сына, утверждал, что смерть султана была уготована принцем, короновавшимся затем под именем **Мухаммад-шаха Туглака** (1325–1351). Мухаммад-шах получил в наследство огромную империю. Но последние 15 лет его правления прошли в состоянии перманентной борьбы с мятежными феодалами и городами. За жестокие расправы он получил титул *Хуни* («Кровавый»). И умер от лихорадки во время преследования одного из мятежных эмиров.

Новым султаном стал двоюродный брат покойного – **Фируза** (1351–1388). В течение долгого, почти 40-летнего правления он был марионеткой в руках знати. Правильно оценивая свое положение, свою зависимость от окружения, он удерживался у власти постоянными уступками, что, в конечном счете, еще больше усиливало сепаратизм знати, независимость отдельных правителей и способствовало распаду султаната.

После смерти Фирузы-шаха борьба за делийский престол вновь обострилась. Отдельные группировки выдвигали своих ставленников, которых не признавали другие. И в этих условиях на султанат вновь напали монголы в главе с очередным завоевателем – Тимуром.

Нашествие Тимура и распад султаната. Причина нашествия – сведения о богатствах султаната, о которых монголы, неоднократно нападавшие в XIII в. при внуках Чингис-хана, но изгонявшиеся войсками султанов, не забывали. В 1398 г. Тимур перешел Инд и занялся обычным своим занятием – грабежами. Цветущая страна превращалась в пустыню. Армия султана была разбита. Около 100 тысяч пленных по приказу Тимура были убиты, и завоеватель записал в своей автобиографии: *«Я нашел, что это было согласно с правилами войны»*. Войска завоевателя дотла разграбили и сожгли Дели, перебив его жителей. Отобрав ремесленников для строительства в Самарканде, пленных в количестве до 20 человек на каждого воина, с огромным обозом награбленного, Тимур покинул разоренную страну. С его уходом в Северной Индии образовался ряд княжеств, как мусульманских, так и индусских. Власть делийского султана стала номинальной, зависимость от наследников Тимура была призрачной, лишь изредка им посылали дань. Индийские княжества вновь стали ареной усобиц, к которым прибавилась религиозная вражда между мусульманами и индусами.

Так продолжалось до начала XVI в., когда в Северной Индии воцарилась новая монгольская династия – **Великих Моголов**.

Особенности культуры. В народной среде и при мусульманах сохранялась старая индуистская культура, которая подпитывалась влияниями с юга, не охваченного мусульманским господством. В наибольшей степени традиционная индийская культура проявлялась в монументаль-

Храм в Конараке

ном искусстве – в храмовой архитектуре. В отличие от раннесредневековых скальных, пещерных храмов, распространялись сооружения на открытой местности, что свидетельствовало о прочности влияния этой религии в массах индийцев.

Одним из наиболее крупных и значимых был храм в **Конараке** (Южная Индия), сооруженный в XIII в. Рельефы его стен знамениты эротическими композициями, отличавшимися натурализмом, что было связано, вероятно, с искусством танцовщиц, которые считались при храме «невестами божьими» и одновременно обслуживали паломников. Кроме того, эти скульптуры, как и подобные сюжеты, известные в других буддийских и индуистских храмах Индии, отражали жизнь Будды в миру в его предыдущие рождения и выражали связь и равновесие всех сторон жизни индийца: чувственные удовольствия (кама), практическую пользу (артха), религиозные и светские обязанности (дхарма). В индуистских храмах эротика отражала и старинные народные верования.

Такая внешняя эротическая свобода, признание секса важным элементом жизни повышали статус женщин, чем Индия отличалась и от средневековой Европы, и от других стран Востока. Но и здесь господствовали патриархальные традиции. Интересы женщин замыкались только на семье и домашнем хозяйстве.

С проникновением в Индию ислама, особенно с созданием султаната, стало развиваться и мусульманское искусство, отразившееся на появлении мечетей с характерными минаретами, в распространении персидского языка (фарси) в качестве государственного, канцелярского. Но из-за мусульманской ортодоксии в Северной Индии наступил упадок живописи.

Мусульмане принесли в Индию совершенно новые для нее строительную технику, архитектурные формы и эстетические каноны. Строительство мавзолеев, мечетей и минаретов. Сооружение мощных крепостей и роскошных дворцов – все это началось после мусульманского завоевания. Использование бетона и известкового раствора, ранее практически неизвестных Индии, позволило сооружать более крупные и величественные постройки, чем прежде.

Мусульмане широко практиковали в строительстве арки и купола, до того не являвшиеся распространенным архитектурным приемом. Индусы применяли главным образом балочные перекрытия. На некоторое время эти два приема – балочные перекрытия и своды стали как бы профессиональными признаками сооружений (индусских или мусульман-

ских). Затем они стали взаимно переплетаться и сочетаться в одних и тех же зданиях.

Серьезно изменило вид зданий пристрастие мусульман к красоте чистых архитектурных форм и объемов с неприятием ими скульптурных элементов оформления зданий. В связи с этим наблюдается упадок скульптуры, которая ранее, как отмечалось, была непременным атрибутом культовых и официозных зданий.

Наконец, мусульмане принесли в архитектуру цвет. Употребление восковых красок, керамических плиток, изразцов, золочение, употребление камня разных цветов — все это делало здания красочными. Эти приемы также постепенно перенимались индусскими строителями.

В целом, мусульманское господство не изменило основные условия жизни индийского общества, сохранившего приверженность традиционным ценностям. Но с исламским миром индийскую цивилизацию сближала склонность к консерватизму, с представлениями о неизменности всего сущего. До прихода мусульман вообще не ощущалось движение времени, не фиксировалась хронология событий, не составлялось хроник. Это отразилось и в религии — в учении о переселении душ, предполагавшем, что и в следующих своих рожденьях человек окажется в том же, неизменном мире, в том же времени.

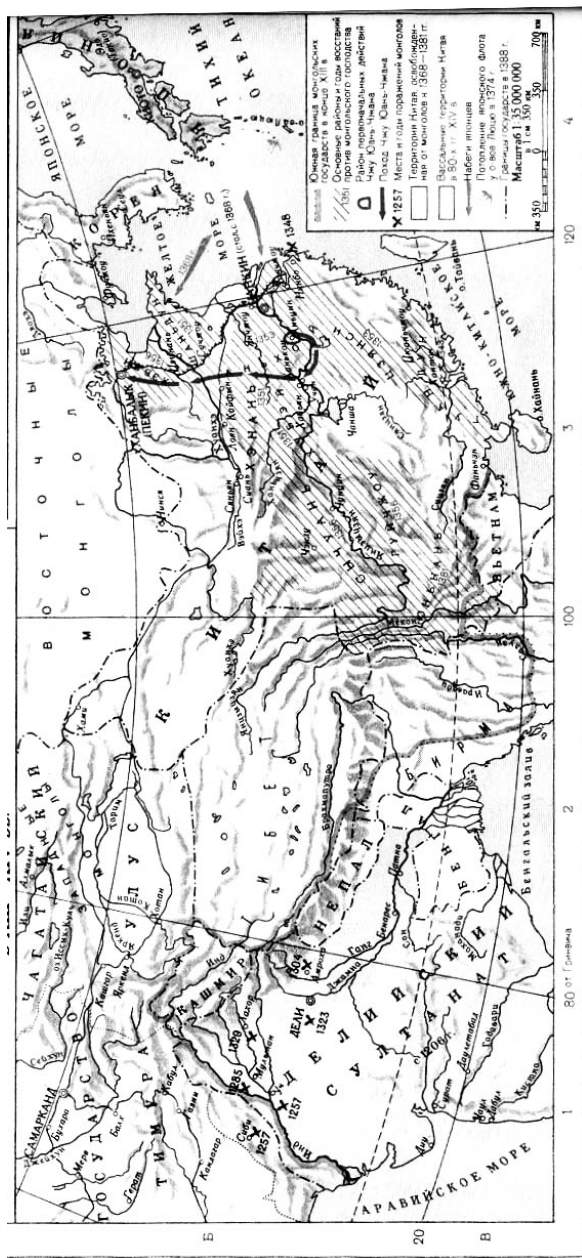
При мусульманах изменился характер власти. Индусские государства домусульманского периода можно назвать патримониальной деспотией, когда подданные рассматриваются как слуги, дети, младшие братья государя. Мусульманские государства представляли собой иной тип — военную деспотию, в которой подданные, в том числе и самые высокопоставленные, рассматриваются как рабы¹.

Однако индуизм сохранялся, и сложилось определенное сосуществование двух религий и двух культур. Помимо повседневного общения индусов и мусульман, существовали контакты между духовенством обеих конфессий: брахман и мулла могли встречаться на диспутах и распространенных среди образованных горожан поэтических вечерах.

Особенностью индийской культурной традиции (буддийской, индуистской) было пренебрежение прошлым. И в ученой, брахманской культуре, и в массовом сознании индусов существовало представление о том, что время практически стоит на месте². Упомянутый мусульманский ученый X–XI вв. Аль Бируни критиковал индийцев за то, что они относились легкомысленно к последовательности событий... были беспечны к хронологическому порядку правления своих царей. Такой подход к прошлому сильно затруднил, кстати, изучение индийской истории домусульманского периода.

¹ Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб. 2003. С. 128.

² Ванина Е. Ю. Индия: история в истории. М. 2014. С. 20.

КИТАЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА. Как и Индия, Китай вступил в средневековую эпоху с развитой материальной и духовной культурой, сложившейся государственностью.

О времени возникновения феодализма в Китае нет единого мнения. Если под феодализмом понимать только частновладельческие поземельные отношения (западноевропейская цивилизация), то феодальный уклад в Китае можно наблюдать с конца I тыс. до н.э. и особенно со II в. н.э., когда в империи Хань стало появляться крупное частное землевладение с зависимыми крестьянами¹. Такая трактовка китайского феодализма характерна для учебников, написанных в рамках формационного подхода.

Но если принять мнение об особенностях восточных обществ, то и оценки будут иными. Так, в Китае изначально, с формированием надплеменных (предгосударственных) объединений, уже во второй половине I тыс. до н.э. земля контролировалась властями и раздавалась в условные земельные держания. По мере укоренения новых – государственных – форм управления все население становилось государственными подданными и, соответственно, основной трудящийся слой – крестьяне – были государственными. Рабов было мало – как основной рабочий ресурс они были не нужны. Такое состояние характерно для того, что мы уже называли восточным феодализмом. То есть, главный признак феодальных порядков – наличие крупной земельной собственности, а не то, кто ею владеет: власть в целом (государство) или частные лица.

Отсюда, как и в Индии, феодальный уклад можно видеть уже в древности. А с рубежа новой эры появляется новый, частнособственнический вариант феодализма, с большей самостоятельностью землевладельцев. Но, что важно подчеркнуть, эти изменения не затронули особенностей китайского общества. Основная часть земель продолжала, как и прежде, обрабатываться крестьянами-общинниками на правах аренды у государства. Но тенденция к усилению частных прав дошла и до общин – усилились индивидуальные права крестьянских хозяйств. Однако крестьяне остались государственными подданными. Поэтому для обслуживания частных поместий привлекались в качестве

¹ Здесь, как и везде на Востоке, под частным землевладением понимается система наследственных владений, но в отличие от Западной Европы с правом государственно-го вмешательства во внутриэкономическую жизнь поместий, с сохранением контроля над проживавшими там крестьянами. Да и сами наследственные права на земельные владения обеспечивались, прежде всего, монаршей милостью и не закреплялись, как на Западе, в юридических нормах, обязательных для власти. То есть, частное землевладение на Востоке имело больше ограничений, было менее обеспечено, чем в Западной Европе. Оно, скорее, воспринималось властью как аренда, а не безусловная собственность.

слуг рабы, количество которых увеличивалось по сравнению с более древней эпохой. Таким образом, усиление частных прав на землю не отменило государственного контроля над сельским населением, то есть выделение крупных земельных владений не повлекло за собой, как в Западной Европе, иммунитетных прав у их обладателей.

Спецификой Китая на протяжении всей его истории являлось отсутствие юридических гарантий прав человека, в том числе имущественных. Низшим субъектом собственности была семья. Это относилось и к земле. Индивид ее никогда не имел в личном пользовании. Но и семьи, в том числе и богатые, имевшие зависимых людей, с наследственными правами и правом продажи не были полноправными владельцами. Господствовавшая в «глубинке» знать могла по своему произволу отобрать землю, если ее владелец не имел связей «наверху». Суды были коррумпированы и никогда не защищали тех, кто не имел протекции. Везде царил произвол бюрократии, над которой возвышался принцип верховной собственности государства (императорской власти) на всю землю¹.

В таких условиях, при сочетании государственного и частного землевладения, но при сохранении ведущей роли государства (если не в земледелии, то в контроле за трудовым населением) и формировался китайский феодализм, начало которого уходит в глубокую древность, а время его интенсивного становления приходится на первую половину I тыс.н.э., когда стали создаваться поместья. Особенно они распространились в III–VI вв. в условиях смут и раздробления.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ II–VI вв. Кризис и крушение империи Хань. Вспомним, что эта империя возникла в конце III в. до н.э. (династия была основана в 206 г.) и укрепилась в борьбе с северными кочевниками тюрко-монгольского происхождения – *гуннами*², которых она и разгромила. Она была первой династией, объединившей население Китая в единый народ. Прежнее наименование населения страны – *хуа-ся* (все *ся*) отражало этническое многообразие внутри китайского этноса. Новое наименование китайцев – *хань*, *ханьцы* – и произошло от объединившей все этнос династии Хань³.

Во II в. н.э. население Китая составляло около 60 млн человек⁴. Но в это время династия уже переживала кризис: упадок экономики, осла-

¹ Непомнин О. Е. Иерархия владельческих прав на землю в традиционном Китае // Частная собственность на Востоке. М., 1998. С. 454–458.

² *Хунну* (кит.) – злые рабы.

³ Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. 2012. № 3. С. 7–8.

⁴ Показательно, что примерно такая численность населения в Китае была преобладающей вплоть до XVIII в. Порой, при благоприятных условиях, она росла почти до 100 млн человек, но в периоды регулярных кризисов возвращалась к первоначальной цифре.

бление власти, военную слабость. Причина кризиса – отмеченное выше ускорение концентрации земли в частных руках и развитие крупного землевладения, что приводило к усилению эксплуатации мелких держателей наделов. Угроза разорения заставляла бедноту обрабатывать на условиях кабальной аренды земли богатых сообщинников, обычно своих родственников.

Особенностью китайской общины было преобладание в ней именно семейных, клановых уз над соседскими связями. Внутри кланов были общественные поля, обрабатывавшиеся совместно, а урожай с них отдавался бедным родственникам безвозмездно, в виде помощи. А верхи кланов, имевшие свободную землю, получали за это бесплатную рабочую силу и повиновение бедных сородичей в других общинных делах. В итоге бедняки попадали в кабалу к богатым в своем же клане. Но самостоятельность китайских общин ограничивалась государством через назначаемых его чиновниками старейшин, писцов, старост.

Часть рабов также сажалась на землю. Так происходило закабаление рядового сельскохозяйственного населения. Ухудшение в положении крестьян усугублялось нападениями соседей, что в сумме вело к сокращению обрабатываемых площадей и натурализации хозяйства в целом. Отсюда – и упадок городов.

Города в Китае, как и общины, имели свою специфику. Возникнув еще с начала I тыс. до н.э., они резко не отделились от сельского мира, как, например, в Европе или на Ближнем Востоке. В них жило много земледельцев, общины которых селились отдельными кварталами. Но в отличие от деревень в таких городах было больше жителей, располагались рынки и резиденции администрации. Однако отмеченная натурализация хозяйства привела к кризису городов в III в. н.э.

Ухудшение экономического положения обострило противоречия, и в правящей среде усилилась борьба за власть. Ибо Ханьское государство уже не могло обеспечивать защиту господ и повиновение низов.

Наиболее ярким выражением указанного кризиса стала крестьянская война конца II – начала III в., начавшаяся в 184 г. *восстанием «Желтых повязок»*. Оно заставило правящие слои консолидироваться и с помощью 400-тысячной армии разбить восставших. Но причины кризиса не были устранены, и династия продолжала слабеть.

Довершили крушение империи Хань «сильные дома», крупные чиновники и военачальники, окрепшие во время подавления восстания. В ходе развернувшейся борьбы за власть между этими силами вместо единой империи, окончательно павшей в 220 г., образовались 3 самостоятельные царства: **Вэй** – на севере, в бассейне реки Хуанхэ, **У** – на юго-западе, за рекой Янцзы и **Шу** (Хуань) – на юго-востоке, в низовьях Янцзы. Этот период получил в историографии название «*Троецарствие*».

Падение империи Хань в китайской традиции считается рубежом между древностью и средневековьем.

Сыма Янь

Эпоха империи Цзинь. Раздел прежде единой страны еще более ослабил экономику и положение знати, заинтересованной в укреплении прав собственности на землю, подчинении крестьян и отражении внешних опасностей (нападений племен хунну, цянов и сяньби). В ходе борьбы «сильных домов» в северном царстве Вэй постепенно возвысился род *Сыма*. В 265 г. полководец **Сыма Янь** низложил последнего правителя прежней династии и объявил себя императором, основав **династию Цзинь** (265–420). В 280 г. было завоевано царство У и вскоре Китай был вновь объединен.

В конце III–IV вв. начался рост экономики. В земледелии стали применять комбинированные одно-, двух- и трехзвонные тяжелые плуги с сеялками, сооружали водяные мельницы, водоподъемные машины для орошения полей. При производстве железа использовались воздуходувные кузнечные меха, приводимые в действие при помощи водяного колеса. Постепенно начали возрождаться и города. Происходили сдвиги и в социальной структуре: к концу III в. сложилась наследственная, так называемая титулованная знать и «служилые чины». Была оформлена система титулов как форма организации правящего слоя.

После покорения царства У, в 280 г. Сыма Янь издал указ, означавший попытку аграрных преобразований, известных как *«реформа Сыма Яня»*. Все земли объявлялись государственными и, следовательно, переходили под управление императора, а все население – и крестьяне и крупные землевладельцы объявлялись держателями государственных наделов, что соответствовало древнему принципу, согласно которому *«каждая пядь земли под небом принадлежит государю»*. Все тяглые полнонадельные крестьяне (трудоспособные мужчины от 16 до 60 лет) получали наделы в 120 му¹. Эти наделы делились на 2 части: 70 му крестьянин обрабатывал для себя и нес за это оброк продукцией домашнего ремесла (чаще тканью или пряжей) и 20 дней в году нес казенную трудовую повинность. Остальные 50 му обрабатывались крестьянином его инвентарем целиком в пользу казны. Пахотный надел подлежал возвращению в казну в случае смерти трудоспособного держателя земли или по достижению им преклонного возраста. Дополнительные участки давались владельцам рабочего скота в зависимости от числа голов. Если хозяин двора имел рабов, ему предоставлялись наделы и на рабов в половинном размере по сравнению с наделами свободных мужчин.

¹ 1 му = 6,6 га.

Такой порядок должен был материально заинтересовать земледельцев, удерживать крестьян на казенных землях и препятствовать их уходу к крупным землевладельцам. А государственная власть обеспечивала свои фискальные политические и военные интересы, а также нужды централизованной ирригации, строительных, дорожных и иных работ, требовавших крупных материальных и людских ресурсов. Работы же эти были крайне необходимы, ибо основная территория Китая в древности была болотистой, изобиловала мелкими озерами и равнинными реками с низкими берегами, оттого часто менявшими свои русла и при малейшем подъеме воды затоплявшие обширные площади¹.

Эта реформа была шагом на пути формирования феодальных порядков с китайской спецификой. Но она имела довольно ограниченные масштабы: охватывала только государственные (казенные) земли. Однако способствовала развитию сельского хозяйства: распашке пустошей, увеличению налогоплательщиков к концу III в. по сравнению с периодом «Троецарствия» более чем в 2 раза, с 7650 тыс. до 16164 тыс.

Так была создана своеобразная **надельная система**, опиравшаяся на общинные традиции: принцип распределения земли по числу работников, тенденцию нормирования крестьянского землепользования. Показательно, что эта система появилась на Севере, когда там катастрофически уменьшилось население и возник такой дефицит рабочих рук, что богатые землевладельцы стали похищать крестьян. Она органически включила в себя соседскую общину. Экономическим условием существования надельной системы было соединение ремесла и земледелия в рамках общины, что обуславливало натуральный характер хозяйства и относительно медленный рост имущественного неравенства среди сельского населения.

В целом постепенно видоизменяясь, надельная система просуществовала с III по IX в. Но широкого распространения эта реформа не получила. Знать сохранила свои владения в неприкосновенности. Большая часть этих владений принадлежала членам императорской семьи, крупным чиновникам, буддийским сообществам. Изменить ситуацию императорская власть не могла, ибо многие ее представители извлекали из своих особых прав личную пользу. Служилые чины получали от властей землю в виде особых должностных наделов с посаженными на них крестьянами – своеобразные бенефиции (от 15 дворов для чиновников 9 ранга до 1 двора – для чиновников 1 ранга). Эти наделы, однако, не передавались по наследству.

Вскоре обнаружилась внутренняя непрочность империи Цзинь. После смерти Сыма Яня началась 16-летняя борьба за престол, обострившая и социальные противоречия. С начала IV в. отмечены повсеместные восстания зависимых земледельцев и рабов. Одновременно

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 193.

усилился натиск кочевников с севера. И во второй половине IV в. Северный Китай был захвачен племенем *тоба*, создавшим так называемую империю **Северную Вэй** (386–534).

Разгром империи Цзинь в китайской историографии считается концом эпохи древних империй. С этого времени на несколько веков установился период нестабильности. Отсюда раннее средневековье в Китае датируют IV – серединой X в.¹

Южанам удалось отбиться от агрессоров и избежать опустошений. Туда бежало около 900 тыс. северян (примерно 1/3 всех жителей Северного Китая). Это была одна из самых грандиозных миграций в средневековом Китае. Беженцы принесли более совершенные земледельческие орудия и производственные навыки. IV–VI вв. – время дальнейшего хозяйственного подъема Юга.

Но бежавшая на юг знать усилила там долю частного землевладения в ущерб государственному (надельному). Большинство крестьян оказалось на поместных землях, что ослабило там влияние императорской власти. В итоге и государственный аппарат оказался в руках аристократии.

V – середина VI в. – новый период нестабильности. После падения династии Цзинь (420 г.) на юге за 160 лет сменилось 4 династии. Соперничество аристократических кланов не позволило вернуть захваченные северные земли. Но там под влиянием более многочисленного и высококультурного местного населения происходило постепенное разложение патриархальных порядков среди захвативших Север кочевников и их сближение с китайцами. В конце V в. стали поощряться браки пришлого населения с китайками (они появились даже в гаремах завоевателей), а в 483 г. официально были запрещены браки внутри племенного союза *тоба*. Также было запрещено ношение кочевнической одежды, употребление сяньбиньского языка². Этноним *тоба* был заменен на китайский – *юань*. Знатные роды стали принимать китайские имена, воспринимались китайские этикет и обрядность.

Во второй половине V в. начинается упадок в Северной Вэй, развившийся как в усилении борьбы внутри правящей верхушки, так и в росте числа крестьянских восстаний. В 534 г. государство Северное Вэй распалось. В сформировавшихся удельных княжествах ведущая роль вернулась к китайской знати и к концу V в. (в 485 г.) там восстановилась надельная система. Но при этом крестьяне оказались прикрепленным к той земле, которую обрабатывали. Однако и на севере, как ранее на юге, государственная земельная собственность не стала господствующей. Продолжали существовать индивидуальные владения знати и слу-

¹ Маляев В. В. Китайская цивилизация. М., 2002. С. 80.

² Сяньби – одно из племен, входившее в племенной союз *тоба*.

жилых людей. Формально они считались условными держаниями, но с рядом исключений. Так, владения аристократии, прежде всего из среды завоевателей, так называемые «титутельные наделы» фактически были частными. Существовали и «жалованные наделы» чиновников, полученные ими в бессрочное пользование.

В поместьях, помимо крестьян, были и рабы. Их стало меньше, чем в эпоху Северного Вэй, когда в рабство можно было обращать пленных китайцев. Но наличие рабов давало право их владельцам на дополнительные наделы, причем без увеличения повинностей и налогов. Будучи даровой рабочей силой, рабы укрепляли влияние знати. Длительное сохранение рабовладельческого уклада – специфика средневекового Китая.

Ян Цзянь

Объединение Китая во второй половине VI в. происходило в условиях стремления к этому всех слоев общества. И в 581 г. один из военачальников – **Ян Цзянь** из смешанной китайско-варварской северной знати захватил престол, основав династию **Суй** (581–618). В последующие 8 лет армия Ян Цзяня подавила мятежи и подчинила Южный Китай.

Достигнутое объединение было закреплено рядом административных мероприятий, проводившихся в соответствии с мудрым девизом, избранным новым императором: «Простота и надежность». Особое место заняли преобразования в государственном аппарате, во многом основанные на политических порядках империи Хань. Поскольку сложившаяся в итоге форма управления в основных чертах сохранилась на протяжении всего средневековья, рассмотрим ее подробнее.

Во главе государства находился император – «сын неба» – неограниченный повелитель. При нем существовали палаты – высшие правительственные организации. Руководители палат составляли как бы совещательный орган при императоре и управляли делами страны. Следующим звеном были 6 ведомств (подобие министерств): чинов, ритуалов, военное, налогово-финансовое, наказаний, общественных работ. Существовали должности первого министра – «левого», который считался более высоким по положению и «правого». «Левый» правил первыми тремя ведомствами, «правый» – остальными. Была также проведена административная реформа, направленная на укрепление централизации. Все провинциальные чиновники утверждались двором с ежегодной переаттестацией. Командование армией также было централизовано – перешло к императору; была создана дворцовая гвардия.

Объединение страны и усиление централизации способствовали укреплению и надельной системы. С конца VI в. она распространяется на юге и охватывает уже всю территорию Китая.

Для усиления власти новая династия привлекала на службу представителей провинциальной знати, из которой складывался бюрократический аппарат. Высокопоставленные чиновники, получавшие своеобразные бенефиции, были теснее привязаны к императору. Были также сделаны уступки трудовому люду: кое-где снижены подати, отменялись недоимки, государственная барщина уменьшилась с 30 дней в году до 12–20 дней и отбывали ее лица с 21 года до 50 лет (ранее с 18 до 60 лет). Отменялась соляная и винная монополия, вводилась единая монета.

Налоги стали взимать только деньгами, а не натурой. Но власти не справлялись с поставкой денег в достаточном количестве для обеспечения развивавшейся торговли и нередко девальвировали монеты. В результате развелось множество фальшивомонетчиков. Купцы объединялись в группы, чтобы кредитовать друг друга, что можно рассматривать как прототип банков. Эти группы выпускали особые сертификаты, которые входили в обращение как впоследствии банковские билеты.

Появилось также нечто вроде аккредитива – переводной вексель – *фэйцзянь* («летающие деньги»). Которым пользовались торговцы из южных провинций. Они получали в столице большие прибыли (от продажи чая и других южных товаров), в то время как провинциальные чиновники должны были вносить в центральную казну налоги, собранные на местах. Торговец передавал свою выручку в столице чиновнику из своей провинции; тот вносил ее в казну и выдавал торговцу расписку. Вернувшись, торговец предъявлял расписку местному чиновнику, который и выдавал деньги из собранных налогов. Таким образом, с деньгами стало можно не путешествовать, подвергаясь опасностям на дорогах.

В итоге сложились благоприятные условия для возрождения и подъема экономики. В конце VI – начале VII в. продолжилось строительство «Транспортной реки» (Великого канала), который достиг в длину 1 тыс. км и соединил крупнейшие реки Китая – Янцзы и Хуанхэ. Это позволило увеличить площадь обрабатываемых земель. Но роль городов, что было характерно для эпохи роста феодального уклада, упала. Хотя их количество тоже росло.

Однако со смертью Ян Цзяня первоначальный курс уступок сменился резким усилением эксплуатации народных масс и политического гнета, что взаимосвязано. Непомерно разросся чиновничий аппарат. *«На десять овец приходится девять пастухов»* – выразился один из современников.

В царствовании сына Ян Цзяня расточительность правящей верхушки, чрезмерная централизация и войны привели к резкому увеличению налогов. Увеличилась барщина, множество народа мобилизовыва-

лось в армию, на перевозку военных грузов. Внутренние ресурсы стали истощаться, что привело к военным поражениям. Разрозненные крестьянские восстания постепенно сливаются в новую крестьянскую войну. Воспользовавшись слабостью власти, отдельные военачальники поднимают мятежи. Один из них, **Ли Юань** в 618 г. провозгласил себя императором и основал новую династию **Тан** (618–907).

КИТАЙ В ЭПОХУ ДИНАСТИИ ТАН. До 628 г. происходило подавление противников новой династии, которой удалось, в конце концов, преодолеть 15-летний хаос.

В первой половине VII в. окончательно сформировались черты государственной организации, основанные на преобразованиях предыдущей династии. Основой новой империи стала строжайшая централизация управления. Страна делилась на провинции, области, уделы и сельские округа. Низшей административной единицей стала сельская община, состоявшая из пятидворок. Местный административный аппарат подчинялся центральным властям.

Эпоха Тан – период максимального соответствия институтов и форм политической идеологии экономике и социальной структуре империи. Конкретная обстановка и опыт V–VII вв. требовали укрепления центральной власти, что и осуществилось.

Сложились особые формы этики и норм поведения основы централизованного управления – *чиновничества*. Прежде всего, чтобы осуществлять свои функции, чиновник был обязан постоянно находиться на своем рабочем месте. Если он получал новое назначение, то должен был в определенный срок и с определенной скоростью переместиться к месту новой службы. Всем начальникам территориальных административных единиц запрещался не санкционированный свыше выезд за пределы своих единиц. За нарушение – наказание 100 ударами тяжелыми палками (даже за короткое отсутствие в ночное время, ибо ночь – время разбоя и заговоров).

Мздоимство рассматривалось как кража у самого себя (того, что тебе вверено в управление). Если полномочный или заведующий чиновник частным порядком брал во временное пользование казенных раба, рабыню или какое-либо казенное домашнее животное, равно как давал их во временное пользование кому-либо, он наказывался 50 ударами легкими палками.

Виновный чиновник, если он не извлек никакой реальной выгоды, получал наказание по щадящей, но все же приравнивающей его к вору шкале. И неважно, что он ничего не брал. Достаточно того, что он своим поведением, своей ошибкой или произволом на что-то посягнул.

Но были и льготы. В ситуациях, таких как «радость или горе»¹, чиновникам определенного ранга полагалось предоставлять от казны конное сопрово-

Ли Юань

¹ Под радостью имелись в виду совершеннолетие, женитьба или жертвоприношение в храме предков. Под горем – кончина, похороны, изъятие скорби.

ждение, а также жезлоносцев, знаменосцев и музыкантов, давать во временное пользование пологи, шатры, кошмы, покрывала и пр. В течение 10 дней после завершения соответствующей церемонии все это полагалось возвращать в казну. А тот, кто по прошествии 10 дней не возвращал полученное, наказывался 30 ударами легкими палками. За каждые последующие 10 дней наказание увеличивается на одну степень¹.

Для государственных служащих предусматривались выходные, праздничные нерабочие дни и даже отпуска. Конечно, в Китае были общие праздники для всех. Они издревле связывались с ключевыми пунктами сельскохозяйственного календаря. Но, пожалуй, лишь в Китае схема и система выходных была в столь значительной степени обусловлена подчеркнутой уважительностью к семейным ценностям. В их основе лежали религиозные представления – культ предков и конфуцианские традиции. Чиновникам в эти праздники предоставлялись особые дни отдыха. Также были отпуска для полевых работ, для обретения зимней одежды². А чтобы не возникло перебоев в работе государственных учреждений, служащих подразделяли на две смены, каждая отдыхала по 15 дней. Один раз в три года тем, у кого родители проживали в иных местностях, предоставлялся отпуск для проявления сыновней заботы длительностью в 30 дней (для того, чтобы «*по вечерам стелить родителям постель, а утром справляться у них о самочувствии*»). Особые отпуска представлялись по случаю совершеннолетия кого-либо из отпрысков (три дня) и для похорон. По случаю женитьбы выделялось девять дней отпуска, пять дней – при браке ближайших родственников. Особо оговаривалось, что время, отведенное на путь, не включалось в установленный срок отпуска. Таким образом, бережливое отношение к семейным связям, к святости семейного долга была строго гарантирована, как и обязанность их выполнения³.

В эпоху Тан сложилось четкое регулирование ответственности чиновников за их деятельность. Строго регламентировалось распоряжение государственным имуществом. Так, незаконным присвоением считалось неправомерное получение имущества служащим в процессе осуществления им своих обязанностей. Наиболее незначительные проступки в этой сфере наказывались 20 ударами легкими палками, более существенные – каторгой (от 1 года). При этом, даже если виновный в служебной халатности чиновник не совершив реально никакого хищения, он наказывался, пусть и с уменьшением, по нормам закона, предназначенного для тех, что лично чем-то поживился благодаря службе. Например, если в результате халатности чиновника, ответственного за состояние дамбы, ее провало и кто-то погиб, к нему применялось наказание как за убийство человека в драке, но уменьшенное на 3 степени. Так же при равной стоимости погибшего при наводнении имущества служебная халатность чиновника расценивалась на 5 степеней более легким нежелательным деянием, нежели прямая попытка воровства. То же касалось наказаний за кораблекрушения, пожары, в том числе и в жилищах, и т.п.

¹ Рыбаков В. М. Уголовные законы династии Тан о дисциплине чиновничества // Восток. 2009. № 1. С. 22–32.

² С XV в. такие выходные были отменены.

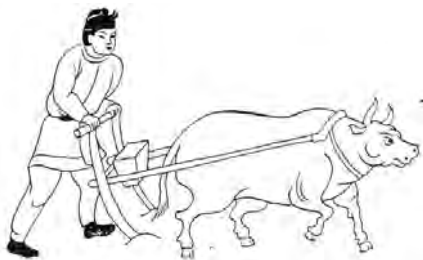
³ Рыбаков В. М. Предписывающие законы династии Тан об отпусках чиновничества // Восток. 2009. № 3. С. 27–34.

В вышеописанных случаях действовал принцип: даже если чиновник сам ничуть не разбогатев, сделал государство беднее на ту сумму, которую придется истратить на исправление его разрушительных действий, то он наказывался за то, что, не имея корысти, он отнял у страны стоимость восстановления разрушенного.

Общая шкала наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1.5, 2, 2.5 и 3 года работ); трех разновидностей наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* – ок. полукилометра); двух разновидностей наказания смертью (удавление и обезглавливание)¹.

То есть нормы поведения чиновничества, особенно имущественные, были детально, но крайне жестко урегулированы. Очевидно, что в созданной системе «вертикального» управления обширной территорий по-иному и быть не могло. Моральная сторона этого законодательства опиралась на конфуцианские принципы. Но такой скрупулезный контроль настолько сковывал инициативу на местах, что препятствовал общественному развитию и в последующем привел страну к застою и периодическим кризисам, что будет рассмотрено далее.

Социально-экономическое развитие. Надельная система охватила все казенные земли страны. Но из-за роста населения средний размер надела уменьшился со 120 до 100 му и сократился возраст тех, кому он полагался (трудоспособным мужчинам с 21–23 до 58 лет). Но от барщины можно было откупаться, то есть повысилась роль оброка и развязывало крестьянскую инициативу. Рабство еще сохранялось, но роль его падала.

Сеялка. С фрески 630 г.

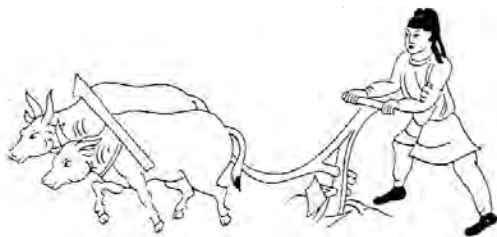
Отмечается совершенствование сельского хозяйства, появляются новые культуры². Расширяется производство чая. Начинает развиваться шелкопрядение. Развиваются другие ремесла и промыслы. Особенно возросла добыча соли, на которую существовала государственная монополия. В начале VIII в.

поступления от сбыта соли составляли половину государственных доходов и покрывали затраты на содержание императорского двора, армии и чиновного аппарата. Развитию торговли содействовало упорядочение денежной системы. С середины VIII в. вводятся фиксированные денежные оклады чиновникам.

¹ Рыбаков В. М. Танские законы о нанесении имущественного ущерба // Восток. 2015. № 2. С. 33–42.

² Примечательно, что пшеницу возделывали как огородную культуру, высаживая ее в лунки [Бродель Ф. Структуры повседневности М. 1996. С. 122]. Очевидно, это было связано с опытом рисосеяния.

Ремесленники и купцы еще со времен Суй создали своеобразные организации – *ханы* (ряды), близкие возникавшим с XII в. европейским цехам и гильдиям. В крупных городах число таких ханов превышало 100. Но гла-

Плуг. С фрески 630 г.

вы ханов не избирались, как и позднее в западноевропейских цехах и гильдиях, а назначались властями. Ибо эти ханы, как и корпорации по оказанию услуг, создавались не для защиты интересов входивших в них горожан, а в фискальных и надзорных целях со стороны государства. Самоуправления, как в Европе, китайские города никогда не имели. Размещаясь на государственной земле, они и подчинялись государству.

Но население городов росло. В VI–VIII вв. известны города с более 100 тыс. жителей. А в начале IX в. в столице – Чанани – проживало более 1 млн человек. Однако, несмотря на довольно интенсивное развитие городов, полное отделения ремесла от сельского хозяйства наступило лишь к концу I тыс. А до того сохранялось и сельское ремесло, и сельское население в городах.

Достигнутые успехи во многом основывались на развитии торговли. Если раньше она обслуживала только аристократию, теперь ее услугами стали пользоваться все слои населения. Образ преуспевающего торговца приобрел в обществе положительное значение. Удачливые купцы богатели, их дети могли разбираться в изящной словесности и канонах не хуже аристократии. Но все равно они оставались в общественном сознании второсортными людьми. Не случайно, будущий могильщик династии – Хуан Чао, разбогатевший на торговле солью, несколько раз проваливался на государственном экзамене и не мог получить государственную должность.

Внешняя политика. Танская империя стала одним из наиболее могущественных государств тогдашнего мира и крупнейшим в Восточной Азии. Экономический подъем сопровождался расширением внешнеторговых и культурных связей. Китайские купцы и путешественники посещали не только соседние земли, но бывали в Центральной Азии, Индии, Персидском заливе. В самом Китае обосновались колонии купцов, главным образом индийских и персидских.

С укреплением внутреннего положения династия приступила и к внешней экспансии. Первыми жертвами стали ближайшие северные и западные соседи: турки монгольских и восточнотуркестанских степей. Велись походы и далеко на запад, но поражение от арабов в Иране

положило им конец. Вмешивались китайцы и в борьбу царств в Корее. На юго-востоке Азии Танская держава временно присоединила к своим владениям северо-восточную часть Индокитая, для чего пришлось подавить упорное сопротивление вьетнамцев. В 679 г. на вьетнамских землях было создано наместничество Аннам. В ходе экспансии усилилось характерное с древности отрицательное отношение к некимтам, которые считались полулюдьми, неподдающимися цивилизации и не заслуживающими доверия. Так считали даже китайские дипломаты.

Упадок империи. С ростом населения, чему тоже способствовало хозяйственное оздоровление, надельная система из-за тенденции к сокращению крестьянских наделов стала тормозом экономического развития. Малые участки ухудшали положение крестьян, и они начали переходить на частные земли, что было выгодно и феодалам. В итоге владения последних стали расти и к середине VIII в. от надельной системы мало что осталось. Соответственно, уменьшение крестьянских наделов и самого количества казенных крестьян вело к сокращению доходов казны. А расходы государства росли из-за амбициозной внешней политики. Огромные средства уходили на содержание армии, которой ни в чем не отказывали. Милитаризация тяжелым бременем ложилась на страну.

Росли налоги. Этим воспользовались феодалы, которые для привлечения крестьян нередко взимали с них в своих владениях меньшие поборы, чем государство с казенных земледельцев. Началось массовое бегство крестьян в частные владения. Все это упрочивало положение крупных землевладельцев и привело к очередной вспышке сепаратизма. Начавшиеся мятежи знати еще больше сократили налоговые поступления, причем именно тогда, когда потребность в них увеличилась.

Для преодоления кризиса во второй половине VIII в. была проведена налоговая реформа. Вместо прежних налогов с тяглых наделов был установлен единый налог с имущества. Причем налогообложению подлежали все, кто имел земли, в том числе и владельцы поместий, чиновники, купцы. В таких условиях размеры наделов больше не интересовали государство. Была разрешена свободная купля-продажа государственных наделов, их размеры не ограничивались, ибо концентрация земель в руках более богатых лучше гарантировала сбор налогов. Это означало конец надельной системы. Ведущей формой землевладения становились поместья¹.

¹ Это означало, по мнению ряда исследователей, наступление в Китае зрелого, по западноевропейским меркам, феодализма. Подобное происходило в IX–X вв. в Византии, менее выражено – на Ближнем и Среднем Востоке в середине и второй половине I тыс. То есть, очевидно, тенденция усиления частной власти землевладельцев – характерная ступень феодальных порядков, наступавшая в разных цивилизациях в соответствии с внутренними ритмами их развития.

Положение крестьян в результате обозначенных процессов ухудшалось: росли поборы, у попадавших под частную власть менялся общественный статус. Начались бунты, которые, постепенно нарастая, к середине IX в. слились в единое движение, известное как *восстание под предводительством Хуан Чао*, бывшего солдата императорской гвардии, затем, как отмечалось выше – торговца. Движение охватило значительные территории и было не лишено элементов организованности. Восставшие захватили Центральный Китай, затем продвинулись на юг, где взяли крупнейший там город – Кантон. Армия Хуан Чао достигла 300 тыс. человек. Его социальная программа была элементарной: «Облагодетельствовать простой народ». Захватив в 881 г. императорскую столицу – Чанань, Хуан Чао провозгласил себя императором. Бежавший из столицы правитель из династии Тан призвал на помощь северо-западных кочевников – уйгуров, тангутов и других, которые и разгромили крестьянскую армию. В 884 г. Хуан Чао, по легенде, совершил самоубийство.

Но и сама династия после таких бурных событий просуществовала уже недолго. Новые восстания поднимали и крестьяне, и феодалы, некоторые окраинные районы отделялись, усилился нажим варваров на северные границы и в 907 г. империя Тан прекратила свое существование.

КУЛЬТУРА. Идеология. В III–IV вв. в Китае распространяется *буддизм*. Инициатива исходила от знати, среди которой «иностранный религия» становится своеобразной модой. Тем самым знать идеологически и культурно отделялась от основной массы населения, как бы возвышалась над ним. При этом внедрение буддизма происходило, как и большинство изменений в Китае, под жестким контролем власти, рассматривавшей новую религию в условиях кризиса государственности как очередное средство централизации. Усиленно строились монастыри, устанавливались нормы пострижения в монахи. На юге страны уже к середине IV в. было 1768 монастырей, а к началу VI в. – 2846¹. В начале VI в. слабая государственная власть на юге в стремлении найти себе опору, объявляет буддизм государственной религией. В VII в. буддисткой стала императрица У Цзэтянь.

У Цзэтянь

Введение буддизма, помимо идеологического и политического значения, приобщило Китай к культуре Индии и Центральной Азии.

Поскольку в традиционных китайских учениях – в конфуцианстве и даосизме – не было концепций будущего после смерти, буддизм, восполнил пустоты в мировидении. Буддисты пришли с готовой концепцией, где все было продумано, где была идея воздаяния, идея перерождения, которая, как оказалось, не конфликтовала с конфуцианством.

¹ Среди них – и знаменитый монастырь Шаолинь – родина борьбы *ушу*, которую, по преданию, придумал там индийский монах.

Но даже в пору своего наивысшего расцвета (VI–X вв.) буддизм не сумел завоевать в Китае монопольного положения в жизни общества. Ему противостояла собственно китайская религия – **даосизм**¹. Она возникла в первые века новой эры на основе анимистических верований первобытности и состояла из веры в чудеса, заклинаний, талисманов, специальных поз и дыхательных упражнений, предназначенных для продления жизни вплоть до достижения бессмертия. В даосизме считалось, что человеческая природа по причине своего несовершенства исказила некое идеальное прошлое, но исправлять его – только делать хуже. Поэтому даосы внесли в эту мудрость понятие «недеяние» – нужно стараться вмешиваться в происходящую жизнь самым минимальным образом, стараться услышать ритмы жизни и им подчиниться. Когда поступать подобным образом будут все, тогда, что называется, жизнь наладится.

Дао – это великий закон природы и первопричина всего сущего, неподдающееся определению движение мира, путь жизни. Дао не знает, как оно создает мир, так же как люди не знают, как создают свои умственные способности. Весь мир – един и нет абстрактных богов. Все в мире меняется, и понять это невозможно. Но все находится в равновесии: одно наступает, другое отступает. Счастье по дао – жить в гармонии с природой. Отсюда – интерес к ней, связь и с магией, и с медициной (лечить надо все тело). В I–II вв. именно связью с магией, с шаманством, язычеством даосизм приобрел популярность среди крестьян. Этому способствовало и то, что среди даосских лозунгов были призывы к равенству и осуждение богатств. После восстания «желтых повязок», в 215 г. возникло даже автономное даосское государство во главе с даосским «папой»². В условиях социальных потрясений, гибели империи Хань, даосизм давал опору в ощущении единства с природой, вечной и неизменной³.

С VII в. появляются даосские монахи, ощущается влияние буддизма, особенно в литургии и философии. Буддийские принципы становятся основой идеологии и в даосизме, в том числе идея переселения душ.

Как и все в Китае, даосизм практичен. Даосы с помощью схем, карт и компаса определяли, где и когда надо хоронить, кому и с кем вступать в брак, когда следует начинать важное дело.

Специфичной была даосская алхимия. В отличие от позднейших алхимиков в Европе даосы искали «эликсир бессмертия». Для достижения бессмертия рекомендовалось поститься, употреблять наделенные чудодейственными свойствами растения, лекарства и минеральные

¹ Дао – естественный путь.

² Он и теперь есть на Тайване. Всего с того времени сменилось 64 папы.

³ В даосской традиции, где сама биологическая данность жизни считалась высшей ценностью, а умение сполна прожить отведенный срок – знаком соответствия Дао, осуждались попытки подхода к природе с точки зрения полезности, с «отвесом и угольником».

вещества, овладеть практикой «правильного» дыхания, пить больше воды, прибегать к голоданию. Но все это должны были сопровождать добрые дела стремящегося к обретению бессмертия.

Однако в таких сферах, как государственное устройство, правовые воззрения, юридическая практика, образование, моральные воззрения, отношение к истории и обществу, в повседневной жизни сохраняло за собой ведущие позиции существовавшее уже с VI в. до н.э. *конфуцианство* – учение о почитании старших, уважении к традициям, порядку и власти, подчинении законам. В отличие от даосизма – синтетического учения о вселенском процессе, конфуцианство характерно конкретностью, стремлением к четкому определению человеческой природы, классификацией человеческих качеств. Конфуцианство давало исчерпывающие рекомендации и по управлению Поднебесной империей, и по самовоспитанию. По Конфуцию – жизнь – это дар. Человек существует как личность только постольку, поскольку другие признают его претензии. Различаются 3 формы долга человека: высший – по отношению к родственникам, средний – по отношению к общине, низший – по отношению к государству¹. У Конфуция приоритетны этические нормы, а формальные законы имеют подсобное значение.

Живучесть учения, которому уже в раннее средневековье было более 500 лет, объясняется его соответствием сложившимся в китайском обществе традициям: расчетливостью и практицизмом, опирающимся на житейскую мудрость при слабости воображения. Конфуцианство позволяло человеку знать, как поступать при определенных обстоятельствах. Отсюда – четко разработанный ритуал, заменявший и чувства, выполнение которого позволяло добиваться покоя, как в семье, так и в государстве. В основе учения – следование устоявшимся образцам прошлого, общинному укладу жизни, убежденность, что можно воздействовать на человеческую природу, «отесывать» человека под общий стандарт поведения и мыслей. В отличие, например, от христианства, признающего несовершенство земного мира, ориентированного на беспредельное духовное совершенство и стремление к небесному, конфуцианство исходит из возможности осуществить гармонию в потустороннем, земном мире через подчинение индивида распорядку. Актуальность конфуцианства в Китае уже более двух с половиной тысячелетий многое объясняет в специфике этой цивилизации.

В религиозном отношении конфуцианство узаконивало культ предков – своеобразную народную религию китайцев, веривших, что дух, расставшись с телом, продолжает жить на небе, в горах, реках, и оттуда управляет своими живыми родственниками. Поэтому духов задабривали жертвами. Похороны обставлялись с исключительной торжественно-

¹ Если, например, отец ворует, сын должен не донести на него, а убедить не красть.

стью. Бедняки даже продавали своих детей, лишь бы отправить с почетом в мир иной родителей¹. Поэтому же китаец знал своих предков из поколения в поколение до глубокой древности. Но кроме веры в духов предков особой религиозности и, особенно, фанатизма, у китайцев не было. Ведь конфуцианство *«требовало от человека «изучать себя», «спрашивать с себя», «искать в себе» или, если выразиться еще яснее, сторонники этой школы требуют от человека веры в себя, а не во что иное, требуют установить критерии суждения в своем разуме, а не в какой-то внешней силе. В этом их самое большое расхождение с религией»*². Персонифицированное божество и особая церковная организация в конфуцианстве отсутствовали.

Култ предков, кстати, поощрял многодетность. Причем желательны были именно сыновья, продолжавшие род и молившиеся духам усопших. Девочек же старались побыстрее сбыть, выдавая замуж, а в бедных семьях, не имевших возможности обеспечить приданое – и продавая в рабство.

В IV–V в. конфуцианство под влиянием даосизма и буддизма модернизировалось, оставаясь как бы внешней оболочкой для этих религий, а также и для возникшего еще в IV в. до н.э. в противоположность ему **легизма**³. К XI–XII вв. возникло неоконфуцианство, согласно которому, все население было обязано выполнять конфуцианские ритуалы, а исповедовать дао или буддизм мог любой как частное лицо.

Образование. С конфуцианством же было связано и широкое внедрение с VII в. системы *обязательных государственных экзаменов* для отбора кандидатов на чиновничьи должности⁴. Их массовое внедрение было связано также с ростом влияния в танском Китае помещиков, которые все настойчивее требовали предоставить им право участия в государственном управлении. В этих условиях и получила развитие система отбора на должности путем экзаменов, что способствовало распространению образования среди правящего слоя. Не допускались к экзаменам

¹ Поэтому лучшим подарком от детей родителям считался гроб.

² Ляо Шумин. В чем специфика китайской культуры? // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.

³ **Легизм** – учение о примате государственной силы, закона и наказания. Легисты утверждали, что государство – это хозяин, деспот. Ему, во имя обеспечения порядка все подчинены. Оно вводит суровый закон для народа и создает свободу произвола для правителей. *«Разуму народа можно доверять настолько же, насколько и разуму ребенка. Ребенок не понимает, что страдание от малого наказания – это средство получить большую пользу»*. Но постепенно в эти идеи проникла конфуцианская мораль, а закон стал рассматриваться как единый для всех в государстве. Такой симбиоз двух учений сложился в XII–XIII вв. в виде *неоконфуцианства*, в котором превыше всего была поставлена незыблемость порядка, обосновывалась абсолютность центральной власти и призвалось естественным делением людей на высших и низших..

⁴ Можно считать, что экзамены в системе образования были придуманы именно китайцами [Васильев Л. С. Административный стандарт: старый Китай и современная Россия // Независимая газета. 15.10.2008].

представители «низших» профессий и некитайцы. Для сдачи экзаменов требовалось владение стилистикой и каллиграфией, знание конфуцианских канонov, древних книг, умение слагать стихи и сочинения по установленным шаблонам. Хотя эти знания часто не имели никакого отношения к будущей государственной или научной должности, они требовали длительной и серьезной подготовки и были недоступны большинству населения. Но вместе с тем, а быть может именно поэтому такая система государственных экзаменов почти без изменений продержалась до XVI в. (а отдельные элементы – и до XIX в.).

Существовало три этапа экзаменов. После первого учащийся получал начальное звание, позволявшее ему занять самую низшую чиновничью должность, затем в столице провинции он сдавал следующий экзамен и получал право продвинуться по службе. Самые важные экзамены сдавались в столичном городе, где сдавший его становился «дюнза» (продвинутым мужем). Дюнза мог претендовать на самые высокие государственные посты, где в обязанности входило вести дела так, чтобы народ был доволен, применяя при этом как можно меньше насильственных методов. Если удавалось приблизиться к особе императора, он должен был давать советы, чтобы тот правил соответствующим образом.

Эта система позволяла состоятельным, но незнатным продвигаться вверх по должностной лестнице, иногда до самых высоких должностей. В этом, кстати, одна из причин устойчивости китайской бюрократической системы, которая возрождалась после любых потрясений. За бедного, но способного родственника платила вся многочисленная родня, рассчитывающая иметь своего человека у власти. На обучение юношей уходило до 30 лет. Но все же эта система была феодальной в основе, то есть социально ограниченной. Лишь 1/3 чиновничества проходила через нее. Остальные приглашались на должности за «заслуги», по рекомендации и протекции. Дело в том, что экзамены были очень трудными, проводились в закрытых помещениях с запретом пользоваться какими-либо материалами. Вот как подготовка к ним виделась современникам:

<i>«Он ехал в Дунлу, чтоб в Великой науке</i>	<i>Пишет тоненькой кисточкой мелкие знаки</i>
<i>Совершенного звания достичь.</i>	<i>И от чтения совсем занемог...</i>
<i>На экзамен отправился 20-летним,</i>	<i>Голова побелела, как снегом покрывалась</i>
<i>И еще не вернулся домой.</i>	<i>И глаза плохо видят в потьмах»»¹.</i>

Сдавшие экзамен, но не получившие должности, становились *шэнси* – учеными. Они были как бы резервом для чиновничества. В них же превращались отставные чиновники. Они были идеологами государства, но становились идейными вдохновителями восстаний, если власть нарушала установленный порядок. Цель и *шэнси*, и чиновничества – принять установленный порядок как порожденный небом и не пытаться его

¹ Островитянов Ю. Стеблова А. Социальный генотип Востока и перспективы национальных государств // Новый мир. 1972. № 12. С. 202.

улучшить. В итоге, при отсутствии сословий в социальном смысле – обособленных групп с особыми наследственными правами и обязанностями – сложилось элитарное *образованное сословие*, носитель высших достижений древних традиций. Эта элита, очевидно, и обеспечивала устойчивость китайской цивилизации.

Девочки получали домашнее образование, но только в аристократических семьях: их учили читать, писать, музицировать. Известны женщины-поэты, хотя и немногочисленные. Бывали образованные императорские наложницы. Судьба тех, кому император оказывал внимание какое-то время, а потом оставлял, и тех, которым он ни разу не уделил внимания, была печальной, потому что вернуться в свои семьи они не могли и доживали в отдаленных покоях, чем-то занимаясь. Известно несколько живописных свитков, на которых изображены эти дамы императорского дворца: одна читает, другая играет с какой-то собачкой – в общем, довольно тоскливая жизнь¹.

Литература. Из изложенного понятно, что образование в Китае было в большом почете. Высоко ценились красота стиля, четкость почерка². Последнее было тем более важно, что хотя слова китайского языка кратки и односложны, количество иероглифов уже в средние века доходило до 40–50 тыс.³ Естественно, изучить эту китайскую грамоту чрезвычайно трудно. Тем более, что литературный язык сильно отличался от разговорного.

В образованной среде литература была чрезвычайно популярна. Великие классики поэзии VII–IX вв. много раз переписывались. Классическими романами зачитывались. Профессионалы-рассказчики на улицах и площадях читали и пересказывали лучшие произведения классиков. Центрами литературного творчества стали не только императорский двор и дворы крупных вельмож в столице, но и многие другие города, дома ученых, торговцев, путешественников, монастыри и школы. С развитием городской жизни – к XI в. уже были города с миллионным населением – связано появление новелл, описывавших быт тогдашнего общества. Часто содержание новелл заимствовалось из индийских преданий.

По примеру своих предшественников эпохи Хань, образованные люди в танский период были заняты составлением научных трудов, требующих немалой эрудиции. Создаются книги по истории династий Севера и Юга, учебники по политическим наукам, предназначенные для императорских экзаменов, энциклопедии. Параллельно этим серьезным

¹ <http://polit.ru/article/2012/02/24/smironov/>

² Писали кисточкой и тушью.

³ По мере развития культуры их количество росло: во второй половине II тыс. до н.э. их насчитывалось примерно 5 тыс., около 100 г. н.э. – 10 тыс., в начале XVIII в. – 50 тыс., к концу XX в. – почти 90 тыс. В обиходе, однако, используется их несколько сотен, но образованному человеку надо знать, естественно, значительно больше. При этом произношение у китайцев не буквенное, как при алфавитном письме, а слоговое.

работам среда грамотных людей создает литературу для отдыха и приятного времяпрепровождения. Пользуются популярностью и поэзия, и проза, и такие жанры, как басня и сказка.

Весьма специфичной была литература, сложившаяся в Южном Китае в условиях потрясений середины I тыс. Сопровождавшееся массовыми жестокостями вторжение кочевников, захвативших в начале IV в. весь Север страны, сорвало с привычных мест огромные массы людей, в первую очередь состоятельных и образованных, менее привязанных к земле и более чувствительных к гнету невежественных, необразованных варваров (как называли кочевников китайцы). Они искали спасение на более спокойном Юге. Бывшие чиновники в новых условиях желали жить как частные лица (средства, очевидно, позволяли). Они обзаводились усадьбами, коллекциями старинных книг, а на официальные запросы явиться на службу отвечали отказами.

Здесь, на юге, после падения в 316 г. западно-цзиньской династии бежавшие с севера аристократы увидели совершенно иную природу, потрясавшую их воображение: *«Тысячи утесов соперничают в своем великолепии, бесчисленное множество потоков, споря друг с другом, стекают с гор...»*. Но созерцание красот природы рождало в душах не только безмолвное восхищение, но и чувство щемящей грусти о быстротечности человеческой жизни, отразившейся в поэзии.

В качестве примера пейзажной лирики приведу отрывок из сборника «Шишо синий», составленный в 30-е гг. V в. коллегией ученых под руководством племянника императора, известного в то время литератора Лю Ицина. В сборнике записаны «разговоры о пустыках», действие которых происходило в конце II – начале V в.

В одном из сюжетов приведен показательный диалог. Когда некий Ван Хуэйчжи служил у военачальника советником, его спросили:

«В каком подразделении служите?»

Не знаю, вижу иногда лошадей, похоже – в кавалерийском.

И сколько лошадей в вашем подразделении?

Лошадьми не интересуюсь. Откуда мне знать, сколько?

А сколько их пало за последнее время?

Если я не знаю, сколько у нас живых лошадей, откуда же мне знать, сколько дохлых?»

В этом – отношение к тягостной государственной службе. (Кстати, на Севере китайцы лошадей не разводили). Вообще, китайский чиновник не мог служить в родной земле, поэтому его всегда посылали в чуждые природные условия. Если он с севера, то его отправляли на юг, где тропики, а если южанин – то на север, где холод и ветер. Причина этого – борьба с коррупцией, распространенной из-за сильных клановых, семейных уз.

В другом рассказе выше упомянутого сборника – показательна бытовая зарисовка. *«Однажды, когда легендарный бражник Жуань Сянь навестил родных, вся семья собралась выпить. Причем пили не из обычных чарок, а из большого*

чана, рассевшись вокруг него и упивались до беспамятства. Однажды к чану пришел напиться выводок свиней. Они залезли прямо в чан и пили вместе с людьми»...

Наука, изобретения. С III в. отмечено интенсивное развитие научно-технических знаний: астрономии, математики, механики, медицины, географии и др. С VII в. прогресс этих наук стал более бурным. В первой половине VII в. в стране насчитывалось более 3250 ученых-математиков. В 624 г. император создал сообщество медиков во главе с великим мастером и его двумя помощниками. Это сообщество способствовало составлению больших медицинских энциклопедий и занималось обучением специалистов. Появились трактаты по фармакологии, офтальмологии и акупунктуре. Медики овладели техникой пломбирования зубов «серебряной пастой» и установки деревянных глазных протезов. В начале VIII в. астроном И Син попробовал измерить дугу меридиана и снарядил геодезическую экспедицию, прошедшую 2500 км по прямой от Индокитая до Монголии. На основе данных, собранных путешественниками, были составлены новые карты.

С конца VI в. при императорском дворце возобновилось собирание и хранение книг, и в VII в. дворцовая библиотека насчитывала около 90 тыс. свитков. Наряду с государственными существовало немало и частных книжных коллекций. Было установлено ставшее с тех пор традиционным деление литературы на 4 раздела: каноны, история, философия, смесь.

Уже в начале II в. в Китае изобрели способ делать бумагу из древесной коры. Высококачественная и прочная бумага применялась также для производства одежды, обуви и боевых доспехов. В VIII в. появились *бумажные деньги*. Тогда же возникла древнейшая Академия наук. В первой половине VIII в. началось издание первой *газеты*, печатавшейся с деревянного клише и называвшейся «Столичный вестник». В ней публиковались указы императора, доклады чиновников с мест, новости. В XI в. печатали уже с помощью передвижного шрифта, но он не распространился, ибо иероглифы легче было делать на резных досках. В IX–X вв. в Китае изобрели порох, компас. В эпоху Тан появился фарфор. А еще не позднее III в. н.э. китайцы догадались прикрепить к носилкам колесо вместо второго носильщика, что сделало их *тачкой* (в Европе до этого додумались в XII в.).

В историографии развивались традиции, заложенные еще древнекитайским ученым, автором первой истории Китая **Сыма Цянем** (146–86 гг. до н.э.)¹. По образцу его «Исторических записок» составлялись исторические своды, охватывавшие I–IV вв. Постепенно государство

¹ Его сочинение было основано на анализе различных источников, в том числе на опросах очевидцев событий недавнего прошлого.

Сыма Цянь

сосредоточило историописание в своих руках. При дворе существовала особая историографическая канцелярия. Естественно, что и сами историки пользовались большим почетом. На исторических примерах китайцы должны были учиться разумному управлению государством, хвалить правое дело и осуждать дурное. В эпоху Цзинь с VII в. восстанавливалась древняя традиция, согласно которой каждая последующая династия заботилась о составлении истории предшествовавшей. Это создало огромную историческую литературу, достигшую многих тысяч томов. Издавались многочисленные энциклопедии по различным отраслям знаний.

Общеизвестное внимание в Китае к историописанию и обилие исторических трудов объясняется тем, что история в китайской традиции рассматривалась как одно из средств, необходимых для поддержания совершенного управления страной, для насущных потребностей общества. Иначе говоря, история была в каком-то смысле «инструментом власти». Такой подход к истории возник довольно рано. История приобрела некий «государственный статус» и должна была обладать определенными качествами. Помимо показа происходивших событий и перемен, она строилась на определенной идеологической основе – конфуцианских догматах – и содержала своего рода наставления для действующей власти. Изображение исторических действующих лиц всегда имело четкий дидактический оттенок: «плохой» – «хороший»¹.

Искусство. III–V вв. стали новым этапом в развитии изобразительного искусства. Развивалась живопись (на бумаге и шелке). Главным считалось изображение человека, раскрытие его духовной жизни. Разрабатывалась теория живописи. В X в. при императорском дворе была создана Академия живописи.

Особенностью живописи было отсутствие писания с натуры. Возможно было только созерцать пейзаж, потом вспоминать о сходном пейзаже, написанном кем-то из предшественников и лишь затем работа с кистью и тушью, которая мгновенно высыхает (что очень важно), на шелке создается картина. Обучение живописи сводилось к изучению образцов, типов, примеров того, как надо рисовать разные природные объекты. Например, изучалось 100 типов камней: сидел ученик и тщательно учился рисовать эти камни. Потом он учился рисовать деревья: типы стволов (прямой, наклонный, корявый), затем корни и ветви. И когда на такого обученного художника снисходило вдохновение, он уже рисовал автоматически: когда он видел какой-то пейзаж и тот производил на него громадное впечатление, то он, вспомнив, как это изображали его великие предшественники, дальше начинал уже писать, не думая о технике. Ибо изображение и камней, и деревьев, и других деталей этого пейзажа уже было отработано. Эскизов, этюдов, стираний, переделок, известных в европейской живописной традиции, у китайцев не было.

¹ Бокщанин А. А. Общество и государство в Китае // Восток. 2004. № 4. С. 153.

Арочный мост в Хэбэе

В *зодчестве* сочетались местные традиции с архитектурой Ирана и Индии. Достижениями строительного искусства стали 37-метровый арочный мост в Хэбэе, сохранившийся до наших дней и мост в Шаньдуне длиной свыше 1 км (оба построены в VII в.), 15-этажная кирпичная пагода (523 г.) – самая древняя из сохранившихся подобных сооружений, а также «Большая пагода диких гусей» высотой 65 м (652 г.).

Повседневная жизнь определялась конфуцианством и даосизмом. Даосские идеи о мировом равновесии и единстве сводились к представлениям о соединении в едином целом двух частей: мужской (ян) и женской (инь). Считалось, что умственное развитие уводит с естественного пути. Надо развивать телесное, куда входят и сексуальные отношения. Если в христианстве секс греховен сам по себе, в Китае это – священный долг. В отличие от индийской культуры, секс и любовь не разделялись. Для мужчин считались полезными связи со многими женщинами, что вело к распространению гаремов. Нередко сыновей замечали в связи со скукающими женами и наложницами отцов. Соответственно, положение женщин опиралось и на конфуцианство, которое было против их участия в государственных делах.

Большая пагода диких гусей

Специфика социальных порядков. Отличительной чертой китайской жизни было *приниженное положение военных*. Их статус не был почетен: *«из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты»*. Многочисленная китайская армия состояла обычно из деклассированных элементов. Конфуцианство предпочитало грамотность, ценилась не сила, а образованность. Именно образованные составляли элиту.

Надо отметить, что «рыцарский путь» – далеко не единственная форма комплектования средневековых армий. В Китае, как и в большинстве стран Востока именно необеспеченность прав на землю делала невозможным появление рыцарства. Ибо боевой конь и комплект тяжелого вооружения были весьма дорогими. Поэтому рыцарство сложилось там, где профессиональные воины получали земли с определенной гарантией владения ими на условиях несения службы дарителю. Доход с этих земель шел на поддержание боеготовности и материального обеспечения их владельцев. Таковыми были западноевропейские бенефиции, затем феодалы. Наследники их владельцев

уже с детства готовились к воинской службе, повторяя путь отцов, формируя тем самым рыцарское сословие. В странах Востока, где отсутствовала такая система гарантированного землевладения, а земли отдавались правителями как бы в пользование, без четко оговоренных гарантий, профессиональное войско, сохранившееся за счет самих воинов, было невозможно.

Поэтому в большинстве стран Востока основой военных сил являлось ополчение, эффективность которого была низкой из-за невозможности регулярных военных тренировок у людей, занятых повседневными делами, ведь большинство их набиралось из крестьян. Необходимость в профессиональном войске обеспечивалась рекрутскими наборами или воинской повинностью. Но в таком случае костяк армии состоял не из состоятельных наследственных землевладельцев, составлявших особое, привилегированное воинское сословие – рыцарей, а тех, кого удавалось призывать на службу за счет казны. Собственниками имущества и прав, которые им гарантировались, такие рекруты не были. Служба у них была временной – на постоянное содержание такого воинства у государств обычно не хватало ресурсов. За исключением небольшого количества «гвардии», остальных набирали по необходимости. То есть, особым, причем привилегированным сословием они не являлись. Скорее, они для властей были равны обычным чиновникам на жаловании, набравшихся из разных социальных слоев.

Именно такая армия сложилась в Китае. В соответствии с конфуцианской традицией, подготовка таких войск сводилась к изучению классической литературы по военной стратегии и личной подготовке бойца. При этом такой мотивации, как у рыцаря, эти воины не имели. Ибо для них служба была не отражением наследственных традиций с кодексами воинской и семейной чести, а просто работой, причем не обязательно пожизненной, то есть не статусной.

С точки зрения структуры для армии Китая были характерны три вида войск: пограничная охрана, служившая в постоянных гарнизонах на границах с кочевниками; столичная армия, охраняющая престол и провинциальные войска. При этом существовала проблема профессионализма и контроля. Хорошо подготовленные отряды часто были недостаточно лояльны центральной власти. Обычно они представляли собой «частные армии» полководца или провинциального наместника, преданные лично ему, а не государству вообще. А войска, которые легко контролировались – обычно это были столичные гарнизоны, были не так хороши на поле битвы. Ибо, как отмечалось, их главной функцией была охрана престола, то есть, по сути, полицейская служба.

Комплектование армии на базе ополчения было распространено только в начальные периоды империй Хань и Тан, когда в условиях постоянных военных столкновений вооруженные силы играли ведущую

роль. Но с укреплением династий и, соответственно, с привлечением конфуцианской доктрины в качестве государственной идеологии, гражданское начало, традиционная китайская бюрократия брала верх над армией, которая, как и чиновная среда быстро коррумпировалась. В результате нежелающие служить откупались или же местное ополчение, попадавшее под власть провинциальных элит, превращалось в оплот сепаратизма. Центральные власти поэтому стремились ограничить провинциальные войска, особенно это проявилось с начала II тыс., со времени правления династии Сун.

Показательный пример – история известного полководца, героя Юэ Фэя. Его пришлось отозвать в столицу и казнить по сфабрикованному обвинению, ибо он не столько становился неуправляемым, сколько его походы истощали ресурсы страны и мало способствовали наступлению мира, как сформулировано в соответствующем сообщении¹. Вообще, великим полководцем считался не тот, кто выиграл сто сражений из ста, а тот, кто добился такого эффекта без единого сражения. Здесь превалирует гражданское начало, психология государственного чиновника, каковыми и являлись китайские военачальники, а не профессионального воина, как среди европейских рыцарей. Сказывалась и конфуцианское понимание гуманности, согласно которому, полководец, который ходит по бранному полю после битвы, оплакивая павших, не может быть назван в полной мере гуманным полководцем, ибо в его власти было не допустить эти смерти².

Периодически предпринимались попытки решить проблемы за счет создания военных поселений с тем, чтобы военные занимались также обработкой земли и обеспечивали себя сами. Но она не распространилась. Военная служба оставалась непрестижной. Появились наследственные солдаты, знать же предпочитала карьеру чиновников, а если и приходилось командовали войсками, то в качестве «гражданских назначенцев». Неудивительно, что именно в это время и появилась поговорка, уже приводившаяся выше в ином переводе «Хорошее железо не идет на гвозди, хороший человек не идет в солдаты».

Таким образом, замкнутых сословий, типа европейского дворянства в Китае не возникло. Каждый, пробившийся благодаря знаниям и административному умению, мог претендовать на почетное место в государстве. Дети чиновников, ученых, мелких и средних землевладельцев, богатых горожан должны были добиваться почетного места упорной учебой и трудом. То есть, в идеале, по Конфуцию, место человека в жизни определяла не сословная принадлежность, а личные заслуги. Хотя в реальной жизни близость к императору и крупные земельные владения все равно выделяли аристократов.

¹ Асмолов К. В. Рыцарство: реальность и воображаемое. Воинские сословия конфуцианского культурного региона // Одиссей. 2004. С. 132.

² Там же, С. 139.

Интересные сведения о быте содержит письмо аристократа середины VIII в.: В годы моей юности, писал он, молодые, чтя старших, каждый день вставали около 4 часов утра, умывались, причесывались и, дождавшись 6 утра шли к трапезе, соблюдая приличия. Нынче же молодежь спит до самого восхода и наперебой хватается все блюда.

Быт. Китайская кухня, с точки зрения европейцев, всегда была оригинальной. В рассматриваемое время она игнорировала молоко, сыры, коровье масло, куриные яйца. То есть преобладала растительная, пища, а не животная – скота было мало. Отсюда и традиционный (до недавнего времени) невысокий рост китайцев.

К бытовым особенностям, но уже со знаком плюс, можно отнести определенные достижения в гигиене. Китайцы уже с IX в. применяли туалетную бумагу, в чем, как и в изобретении пороха, компаса (впервые упомянут в 1119 г.), парусов, опередили остальное человечество.

КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II тыс.

ЭПОХА ИМПЕРИИ СУН. В 907 г. прекратилось существование танской династии и после полувекового периода смут была установлена власть новой династии **Сун** (960–1279). Несмотря на меньшую территорию, по сравнению с предыдущей эпохой, и меньшую политическую прочность, новая империя просуществовала 2 столетия.

Аграрные отношения. Во внутреннем устройстве сохранялись основные порядки, сложившиеся при прежней династии. Существовало 2 вида земельной собственности: государственная и частная, ставшая преобладающей к концу эпохи Тан. Крестьяне имели вечные наделы с правом продажи в определенных случаях. Но юридически владение землей не оформлялось, что вело к необеспеченности прав собственника, всеобщей зависимости от государственного управления, от правящей династии.

К концу танского государства мелкие крестьянские хозяйства уже себя исчерпали – началась концентрация земельной собственности. С эпохи Сун и до XVIII в. росла крупная земельная собственность. Но поскольку земельные права не были гарантированы даже для феодалов, их социальное превосходство обеспечивалось не столько землей, а всем имуществом, образовательным цензом, кровнородственными и патронажными связями.

Поместья обслуживались, по преимуществу, крестьянами-арендаторами. Юридически личной зависимости крестьян от землевладельцев не было, хотя реально крестьяне были привязаны и к земле, и к ее владельцам. Но при сложившейся в Китае форме земельной собственности крестьяне были как бы субарендаторами государственной земли у помещиков. Другие государственные земли давались чиновникам в качестве должностных наделов. Им власть по сути переступала сбор ренты. В итоге центральная власть фактически контролировала сбор всей ренты с крестьян и могла ее перераспределять в своих интересах. Но фактически над крестьянами было 2 хозяина: государство в лице центральной власти и непосредственные держатели или владельцы земли. В итоге норма эксплуатации, объем ренты были высокими, что не только замедляло темпы аграрного развития страны, но и обостряло напряженность в обществе.

Основная причина роста социальной напряженности – безудержный рост налогов, при помощи которых династия старалась решать возникавшие проблемы. Традиционно налоги в Китае собирались с государственных крестьян. Но за время смут в позднюю эпоху Тан и после ее распада чиновники и землевладельцы расхитили значительную часть государственных земель. Это уменьшало количество налогообла-

тельщиков и вело к усилению эксплуатации крестьян, остававшихся на государственных землях. Назрела необходимость в реформах. И они проводились в 1069–1074 гг., получив по имени их автора название **реформы Ван Аньши** (1021–1086).

Реформатор происходил из провинциальных чиновников и хорошо знал обстановку на местах. Одной из главных целей реформы было облегчение положения крестьян в целях улучшения собираемости налогов: *«Если производство продуктов слабо, народ беден. Если народ беден, государство тоже бедно»*. Став первым министром, Ван Аньши предложил довольно радикальные меры: обложение налогом служилой знати; проведение земельной переписи для упорядочения сбора налогов; замена барщины государственных крестьян денежным налогом; взимание земельной ренты частью продуктами, частью – деньгами; создание государственных хлебных амбаров на случай голодовок; создание крестьянского банка, который бы давал крестьянам ссуды под невысокие проценты; реорганизация армии по принципу народного ополчения – каждые 3 двора должны поставлять одного пехотинца, каждые 10 – одного всадника. Предложенные преобразования затрагивали также культуру и просвещение: учреждались новые учебные заведения, на государственных экзаменах стали требовать практические знания¹.

Реформы проводились в интересах сельской верхушки – мелких и средних помещиков, зажиточных крестьян, за счет которых реформаторы рассчитывали расширить социальную базу центральной власти. Но так как принятые законы затронули интересы высших слоев, они вызвали их яростное сопротивление. Консервативно настроенные чиновники саботировали реформы, искажали их. Дважды Ван Аньши был вынужден уходить с поста первого министра и после его окончательной отставки реформы постепенно сошли на нет.

Город. В эпоху Сун доля несельскохозяйственного населения, возможно, достигла 40%², что для средневековья было уникальным. Ведь рассматриваемая эпоха была характерна господством аграрного мира. Города играли значительно меньшую роль, даже по сравнению с I тыс. Сохранялся приниженный статус горожан. Общество было целиком ориентировано на деревню и города подчинялись землевладельцам. Так было, собственно, почти везде в средние века. Но в Китае города полностью управлялись и центральными властями, главный интерес которых

¹ На выработку этих реформ повлияли взгляды Ли Гоу, изложенные в сочинении «План обогащения государства, план усиления армии, план успокоения народа», представленный в 1041 г. на столичный экзамен. Но экзамен сдан не был по причине «худосочного» происхождения соискателя.

² Кульпин Э. С. Человек и природа на Дальнем Востоке // Серия Социоестественная история. Вып. XII. М., 1998. С. 155.

– сбор налогов на потребу огромного государственного аппарата и армии. И реформы Ван Аньши тоже были направлены на подавление нарождавшейся самостоятельности горожан путем ужесточения контроля над городским хозяйством.

Основанное на конфуцианстве противопоставление руководителя и руководимого вело к отнесению представителей торгового сословия в разряд низших слоев. Однако богатство торговцев сближало их с властью, и они все чаще вступали в контакт с образованным чиновничеством. Сильнее всего эта перемена отразилась на крупных городах. Они развивались стремительными темпами. Например, население Ханчжоу, в котором в 1170 г. насчитывалось 500 тыс. жителей, к 1275 г. выросло до 1 млн. Вокруг старого административного центра строились новые рынки, дома купцов и увеселительные заведения. В то же время купечество никогда не претендовало на самостоятельность, в отличие от итальянских или фламандских буржуа, которые в тот же период организовали собственные «коммуны».

Объединения городских ремесленников – *ханы*, существовавшие с VI–VII вв., превращались в исключительно фискальные организации, участие в них ремесленников с XI в. стало обязательным. И так было до XVI–XVII вв. В итоге на ханы налагались трудовые повинности, разные налоги, государственные закупки по низким ценам. Не было в городах и гарантий прав собственности. Городские власти часто требовали регистрации лавок и мастерских, регулировали рыночные цены, заработную плату. Были даже установлены регламенты для формы одежды членов каждого хана. Внутри ханов существовала круговая порука за налоги. Индивидуальной экономической ответственности производителей не было. То есть хан превратился в городскую копию крестьянской общины. Существовало в городе и казенное ремесло, находившееся в государственной собственности. Все это затрудняло развитие городской экономики и способствовало постепенному упадку империи Сун.

Ослабление и гибель династии. X–XIII вв. были отмечены невиданным до тех пор натиском на границы империи со стороны соседних народов. Эта непрерывная борьба еще более усугубляла внутренние трудности.

XI в. прошел под знаком борьбы с северными кочевниками – *киданими*¹. В XII в. шла упорная борьба с другими представителями тунгусской группы – *чжурджэнями*, отторгнувшими от империи не только Маньчжурию и Монголию, но также Северный Китай и даже бассейн р. Янцзы, и основавшими на завоеванных землях государство **Цзинь**. Но попытки кочевников отвоевать юг Китая, где сохранилась власть династии Сун, окончились неудачей, как из-за нападений на чжурджэней других монголов, так и благодаря начавшейся всенародной борьбе с захватчиками. Но страна с населением 70–79 млн человек была разорена.

¹ Кочевниками тунгусской группы (из монголов).

В этих тяжелых условиях в 1211 г. в Китай вторгся **Чингис-хан** и захватил северную его часть, разгромив государство Цзинь. Затем монголы продвинулись на юг и сокрушили сунскую династию. Борьба, однако, продолжалась еще несколько десятилетий и только в 1271 г. внук Чингис-хана **Хубилай** утвердил на всей территории страны монгольскую династию, известную под китайским названием **Юань**¹, ставшую вассальной по отношению к монгольским ханам.

КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ (1271–1368)². Завоевателям удалось утвердиться не только с помощью своих войск. Монголы использовали китайских чиновников и ученых. Необходимость этого хорошо определил один из сподвижников Хубилая Елюй Чуцай: *«Хотя мы империю получили, сидя на лошади, но управлять ею, сидя на лошади, невозможно»*.

Монголы разделили страну на 10 дорог (областей), во главе которых были поставлены их военачальники. Сельское население было подразделено на соседские общины по 50 семейств, старейшины должны были обеспечивать регулярный сбор налогов. Для поддержания порядка по всей стране были размещены монгольские гарнизоны, создавались также военные поселения. Крупные землевладения сохранялись, но арендаторы-крестьяне были прикреплены к наделам и стали бесправными, приравненными к рабам.

Хан Хубилай (Ши-цзю).
С рисунка XIII в.

Наибольшего могущества империя Юань достигла при ее основателе – **Хубилае**, во второй половине XIII в., когда она вступает в оживленные торговые и дипломатические отношения со многими странами. В Китай приезжают индийские, персидские, хорезмские купцы и путешественники. Появляются и европейцы: христианские миссионеры и купцы³. Среди последних наиболее известен венецианец **Марко Поло**, дважды посетивший Китай в течение 1271–1291 гг., причем во второй свой приезд он прожил там 17 лет, даже побывав в должности губернатора одной из южных областей⁴.

¹ Китайск. – «первоначальное творение мира».

² Русск. этноним *монголы* – от их китайского наименования – *мэнгу*.

³ Европейцы, в поисках союзников против мусульман, еще в середине XIII в. посылают посольства к монгольским властям Китая: от французского короля Людовика IX в 1263 г. и от папы Иннокентия III в 1271–1291 гг.

⁴ Кстати, считается, что именно Марко Поло способствовал распространению в Европе названия страны *Китай* (от северных соседей – *киданей*, которых называли *китаи*). Собственное название страны *Чжунго* — «срединное государство», а нынешнее западное название – *China* – от маньчжурской династии *Цин* (середина XVII – начало XX в.), при которой в Китай активно проникали европейцы.

Хубилай, получивший, благодаря стараниям матери, хорошее образование, в том числе знания о христианстве, буддизме, конфуцианстве, отличался государственными способностями, умел привлекать в свою администрацию нужных людей вне зависимости от их происхождения. Помимо упоминавшегося Марко Поло, министром финансов ему служил узбек Ахмед, ставший вторым человеком по силе власти после самого императора. В отличие от отца и деда Хубилай был не чужд городской культуре. При нем широко распространились уже существовавшие в Китае ранее бумажные деньги. Хубилаю, как знатоку Китая, Великий монгольский хан *Мункэ* поручил провести диспут между буддистами и даосами. Последние проиграли, ибо «Знатор Китая» поддержал буддистов. Хотя, в целом, отличался не то религиозной толерантностью, не то вообще безразличием к вере. В войне со слабеющей империей Сун не расправился, по обычаю монголов, с последним императором этой династии – еще ребенком, а через переговоры с его матерью-регентшей формально получил права на императорский престол Китая, по древней китайской традиции создал при себе совет из ученых.

В конце XIII в. монголы силами прежде всего китайцев, совершили две военные экспедиции против Японии. Но обе оказались неудачными и нападавшие понесли большие потери. Во время второго похода умерла любимая жена Хубилая, с которой он прожил 41 год. А вскоре умер и его сын – наследник. Трон унаследовал его внук.

В старости Хубилаю плохо стало с ногами, ибо он часто, уже смолodu, напивался, хотя дед (Чингиз) требовал не напиваться более трех раз в месяц. Обильные возлияния в старости стали фатальными, хотя смерть Хубилая в 80 лет едва ли даже в наши дни может считаться ранней.

Первая половина XIV в. проходит под знаком распада монгольской державы в Китае из-за: во-первых, сепаратизма отдельных ханов, начальников областей, крупных землевладельцев, во-вторых, благодаря непрекращающейся борьбе китайцев против захватчиков, вылившейся к середине XIV в. во всеобщее вооруженное восстание. Господство иноземцев оскорбляло национальные чувства китайцев. Им запрещалось передвигаться по ночам, собираться группами, изучать иностранные языки и военное искусство. Их заставляли носить монгольские прически, монгольский костюм, что для китайцев с их древней высокой культурой было оскорбительно.

Многие китайцы были обращены в рабство. Даже традиционно лояльное любой верховной власти китайское чиновничество выступило против монголов, которые покусились на их традиционное положение в обществе, отменив экзамены и запретив занимать иные государственные должности, кроме советников. Произвол монголов, растущие налоги из-за их агрессивной внешней политики, продолжающийся захват крестьянских пахотных земель под пастбища привели к тому, что раз-

Чжу Юаньчжан.
С портрета XIV в.

рознённые крестьянские выступления поддержали широкие слои горожан в центральных и южных провинциях. Во главе восстания оказался сын мелкого крестьянина-арендатора, осиротевший в 17 лет из-за эпидемии и ставший послушником буддийского монастыря **Чжу Юаньчжан**. В обедневшем монастыре он был уборщиком и собирал подаяние. Но там же научился грамоте. Выступления против монголов в 1352 г. вылились в восстание «Красных повязок». В 1367 г. борьба с монголами завершилась их изгнанием из Южного и Центрального Китая¹.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XV вв. В 1368 г. Чжу Юаньчжан принимает титул императора и основывает китайскую династию **Мин** со столицей в Нанкине, просуществовавшую до 1644 г.² Первые шаги Чжу Юаньчжана были логичными и встретили всеобщую поддержку. Он запретил носить насильно навязанные монгольскую одежду и причёски. Были восстановлены китайские имена и фамилии.

Но довольно быстро новый император превратился в деспота, отличился непривычной для Китая жестокостью к подчинённым: если раньше чиновник во время дворцовой аудиенции обращался к императору стоя или даже сидя, то теперь – на коленях. Стали привычными частые порки царедворцев, массовые казни подозреваемых в измене. Был создан специальный отряд императорской гвардии (типа придворной тайной полиции), имевший право арестовывать и пытать любого в обход всех законов. Даже в стихах император искал крамолу и если находил, карал сочинителей. Даже из конфуцианского канона было вымарано более 80 пассажей, бросавших тень на императорскую власть. Чтобы предотвратить узурпацию власти родственниками императорских жен, правитель обязал наследных принцев жениться на девушках из семей простых воинов.

Подражая мифологическим правителям древности, основатель новой династии, помня свое происхождение и не доверяя знати, на втором году цар-

Чжу Юаньчжан

¹ В современном китайском школьном курсе истории эпоха монгольского господства представлена как очередное восстание этнических меньшинств, проживающих на территории Китая [filolingvia.com/publ/336-1-0-4383].

² С 1421 г. столица находилась в Пекине, основанном в 1121 г. до н.э. Первоначальное название города – *Бэйпин* – северная столица. Название династии – от *Да Мин* (Великое Светлое).

ствования лично возделывал землю и приказал императрице вместе с знатными женщинами, подобно своим мифическим предшественницам, заняться разведением шелковичных червей, производством одежды.

Нарушал он и дворцовые традиции. Теоретически свобода выбора наследника императором не была оговорена. Но обычно предпочтение отдавалось старшему сыну государя от его главной жены (хотя при наличии у императора многих второстепенных жен были возможны интриги). Чжу Юаньчжан из-за козней многочисленных детей отстранил от наследования первоначально назначенного первенца и назначил своим преемником внука от другого сына, который затем все 3 года своего правления воевал со своим дядей – сыном Чжу Юаньчжана.

Ликвидировав многие придворные должности, он все управление замкнул на себя, отменил существовавший еще с эпохи Сун институт «увещавателей императора» – советников из числа ученых, имевших право подсказывать правителю, как надо править мудро. Зато увеличил тайную полицию. Происходя из низов, не доверяя своему окружению, в течение своего долгого, 30-летнего правления стал проявлять признаки паранойи, что собственно, типично для таких тиранов. Распространились массовые казни, причем целых семей тех, кто вызывал подозрения. А семьи в Китае – это кланы. Одна из таких казней коснулась около 800 человек. Почти одновременно было казнено большинство его бывших соратников по изгнанию монголов. Из его предписаний конца правления: *«В прежние времена сановники могли идти с государем одним путем. Ныне сановники не таковы. Они затуманивают государю разум, вызывают государев гнев. Группировки с коварными замыслами действуют без перерыва одна за другой... Императоры и правители уделов должны жить в безопасности, постоянно беспокоясь о мерах предосторожности. Днем наблюдать за тем, что люди говорят и делают. Ночью самым тщательным образом ходить дозором и соблюдать запреты, чтобы коварные люди не смогли проникнуть во дворец. Даже стражи не должны приближаться к особе императора ближе, чем на расстояние 10 чжанов (30 метров)».*

Но, очевидно, в силу своего крестьянского происхождения, Чжу Юаньчжан закрепил земли за теми, кто их обрабатывает. Собственно, в условиях борьбы с монголами и во время становления империи Мин крестьяне явочным порядком освобождались от многих повинностей. Частично они получили земли изгнанных магнатов. Крупное землевладение сократилось. Однако оставалось и много пустошей. Был принят закон о наказании за необработку 1/5 и более пахотной земли и садово-огородных участков. По 20-80 ударов плетью (максимально возможное наказание плетью – 100 ударов) получали и владелец земли, и староста деревни, и низовые чиновники вплоть до главы уезда.

Выдворение чужеземцев, не только унижавших, но и живших за счет китайцев, прекращение войн, указанная аграрная реформа, все это укрепило страну. В первое столетие своего существования династия достигает значительных успехов в хозяйстве, а также во внешней политике. Китайцы оттесняют далее на север монголов, наносят поражения японским пиратам. Это время активной внешней экспансии, основанной на

тезисе: земля, где побывали китайские солдаты, чиновники, сборщики ясака, купцы или путешественники, является частью китайского государства. В конце XIV в. были детально разработаны правила и регламенты взаимоотношений с соседями, условия их вассалитета по отношению к китайскому императору. Наиболее интенсивным было продвижение в Юго-Восточную Азию, где было создано много торговых факторий. Но попытки присоединить эти земли оказались неудачными. В дальнейшем внешнеполитическая активность династии ослабевает.

Кратковременный подъем Китая объясняется тем, что война против иноземцев сплотила широкие слои города и деревни. Однако присущие феодализму процессы: обезземеливание крестьян и сепаратизм крупных феодалов неумолимо развивались и привели к ослаблению центральной власти.

Уже Чжу Юаньчжан в конце XIV в. стремясь укрепить новую династию и распространить контроль двора на места, создал многочисленные *уделы*. Четких границ они не имели. Владельцы уделов получали второй после императорского титул «*ван*» и контролировали местные власти, имели право им приказывать. Ваны располагали штатом до 19 тысяч чиновников и войска (но армию могло изымать центральное правительство). Властители уделов, обычно дети императоров, содержались местной казной, могли судить представителей местной администрации, а сами были подсудны лишь императорам. Однако вскоре начал проявляться неизбежный при такой системе сепаратизм ванов. Одновременно рос и бюрократический аппарат. Если в 1371 г. первый Мин имел на государственной службе лишь 5488 *мандаринов* (крупных чиновников), то в XVI в. их было уже 20400.

Начиная с XVI в. династия Мин слабеет, Китай вновь становится добычей соседних завоевателей: его западные границы закрывают от остального мира монголы, восточное побережье контролируется японскими пиратами, с севера традиционно атакуют кочевники.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В XIII–XV вв. Нашествия завоевателей в XII–XIII вв. сильно затормозили развитие экономики и культуры Китая. Страна была разорена, ирригационная сеть и многие города разрушены, народ обеднел. С изгнанием захватчиков начинается возрождение страны. По переписи, проведенной по распоряжению Чжу Юаньчжана в 1370 г. его солдатами, в Китае проживало 60 млн человек.

С XIV в. усиливается процесс превращения государственной земельной собственности в частную. Земля по-прежнему расхищается феодалами, чиновниками, ростовщиками, сельскими богатеями. Крестьяне, работавшие на земле помещика, отдавали ему часть урожая и продукты домашнего производства, вносили денежную ренту и были обязаны разного рода отработками. Кроме того, они платили и налог

государству. Все это означало дальнейшее увеличение нормы эксплуатации крестьян.

Впрочем, в XIV в. Мины стараются сохранить и государственных крестьян, расширяют, как отмечалось, самостоятельность их хозяйств, но и, уже после основателя династии, усиливают прикрепление к земле. То есть, можно констатировать, что в аграрной сфере сохраняются все основные атрибуты феодального строя, причем в обеих его вариантах: государственном и частновладельческом. Последний, как уже отмечалось, носил ограниченный и подчиненный характер. Например, для ограничения роста частной собственности военные поселенцы были лишены права распоряжаться наделами, которые они обрабатывали.

С XV в. усиленно развиваются города. Сохраняются *ханы* (цехи), уставы которых известны с XIV в. Появляются частные и государственные мануфактуры. Они специализировались преимущественно на производстве вооружения, шелка, фарфора, бумаги и т.п. Основанные на труде зависимых работников, они обслуживали рынок, двор, казну. Но в социальном отношении особых прав горожане при Минах не получили.

Вместе с тем продолжает играть большую роль домашнее ремесло, которое в деревне сочеталось с сельскохозяйственными занятиями. Это вызывалось недостатком земли, что вынуждало крестьян искать дополнительные источники существования, а их бедность ограничивала возможности покупки необходимых изделий, произведенных профессиональными ремесленниками. Избыток трудового населения сохранял выгодность ручного труда и в городском ремесле – было проще и выгоднее нанимать дополнительных работников за минимальную плату, чем тратиться на технические новинки. Поскольку же основными покупателями были феодалы, двор и состоятельные горожане, развивалось производство предметов роскоши. Это предопределило общий застой в китайской экономике, но способствовало развитию традиции высококачественной ручной работы, особенно в изготовлении дорогих изделий (шелковые ткани, фарфоровые и керамические изделия).

Китайский корабль начала XV в.

Большого развития достигла торговля. Купцы были организованы в компании, обслуживали внутренний и внешние рынки. Вскоре, однако, налаженные торговые связи со странами бассейнов Тихого и Индийского океанов нарушаются появлением там европейцев. Впрочем, и власти Мин сами запретили самостоятельную внешнюю торговлю своим купцам. С 30-х гг. XV в.

при дворе побеждает группировка, стоявшая за свертывание внешних связей. В 1436 г. из Пекина отослали на родину послов из 11 стран. Это было вызвано победой традиционалистов – конфуцианских ученых над дворцовыми евнухами, поощрявшими в собственных интересах коммерцию, в том числе и океанские плавания, очень распространенные, особенно в начале XV в. Тогда до Африки плавали флоты, насчитывавшие до 300 судов, с 28 тыс. экипажа. В числе капитанов были даже мусульмане. Но в 1500 г. за строительство судна более двух мачт стала полагаться казнь, а в 1525 г. все океанские суда были вообще уничтожены. В итоге Китай пошел по пути, который на долгие столетия обрек его на изоляцию и упадок.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА В X–XV вв. Большинство институтов и структур Минской эпохи дожили до XX в. Одной из целей власти, поставленной Чжу Юаньчжанем, было воспитание народа, прежде всего, через церемонии, что соответствовало, кстати, конфуцианским традициям. Каждый в стране должен был знать свое место и обязанности. Регламентировался быт: простолюдин мог иметь не более чем трехкомнатный дом. В одежде определялись для всех слоев общества ткани и цвета, вводилась особая одежда для церемоний. Были восстановлены экзамены для чиновников.

Спецификой истории Китая является поразительная устойчивость территории, государственности и культуры. Каждая новая династия за последние 2 тысячи лет сохраняла единую сущность, что отражает цикличность развития. Китай раньше соседей освоил весь доступный природный и сельскохозяйственный ареал. В процессе этого освоения возникло самое многочисленное население в средние века, что привело к нехватке земли. Многолюдность снижала ценность рабочей силы и повышала стоимость земли, что породило незаинтересованность в экономии трудовых ресурсов, при усиленном внимании к агрикультуре: качеству рассады, обработке посевов. К техническим усовершенствованиям, как отмечалось, не стремились. Нехватка пастбищ не способствовала развитию скотоводства, что привело к преобладанию у китайцев растительной пищи. Избыток рабочих рук приводил к крайне низкой плате за труд, приблизительно равнявшейся расходам на содержание скота. Излишек работников стимулировал выполнение грандиозных проектов: строительство многокилометровых каналов, Великой Китайской стены. Порой оплата труда была столь минимальной, что выгоднее было вообще не работать. Крестьяне зимой нередко, чтобы сберечь силы, как бы впадали в спячку – ели 1 раз в день¹. Государство регулировало торгов-

¹ *Мурузин А. С.* Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986. С. 11–44.

лю сельскохозяйственной продукцией, борясь со спекуляцией. Но дефицит продовольствия при избытке населения рождал нищету. В условиях нехватки питания ремесло считалось подсобным и нежелательным, ибо оттягивало из деревни рабочую силу.

Рост населения «съедал» все усовершенствования в агрикультуре и за последние 2 тыс. лет количество продуктов на одного человека оставалось в Китае постоянным. Традиционная деспотическая власть тоже консервировала систему, ибо подавляла частную инициативу. Все это порождало цивилизационное постоянство, но и общий застой.

Особенности мировоззрения. Для китайского общества, причем не только в рассматриваемую эпоху, было характерно отличное от Европы мировосприятие. Если у европейцев долгое время господствовала богоцентричная философия, а затем, с эпохи гуманистов, постепенно усиливалось внимание к индивиду, человеку как личности, то в Китае традиционно и мировосприятие, и общественная жизнь опирались на сумму личностей – на коллектив.

Поведение людей в китайском понимании определялось внешними силами, но не небом, а коллективом, социальными процессами. Отсюда интерес к социально-политическим проблемам. При этом не было стремления к выработке всеобъемлющей, универсальной картины мира. Наоборот, стремились не к абстракциям, а к конкретным примерам. Особенно это относится к этике, нормам поведения. Поэтому, например, в классических романах, весьма популярных в Китае, важным был не столько сюжет, сколько детали, нюансы поведения¹. Образы и символика имели однозначное значение. В образованности ценились знания гуманитарных истин. Невнимание к философским обобщениям вело к косности, следованию уже однажды познанным истинам. Складывался определенный набор необходимых для жизни знаний, а более – не нужно, в отличие даже от европейских схоластов, в поисках истины не знавших границ (хотя и в общих философско-религиозных рамках). В итоге китайское мировоззрение было консервативным, малоподвижным. При всех коллизиях китайские интеллектуалы искали древние аналогии (но поэтому всегда хорошо знали свою историю).

С другой стороны, конфуцианская идея добиться достойного существования на земле делала китайцев весьма прагматичными в жизни: все обряды (в культе предков) – рациональны, театрализованные религиозные действия отсутствовали. А сложные, но непонятные иностранцам ритуалы были призваны отбросить личное, растворить человека в коллективе.

¹ Для европейца китайские романы кажутся перегруженными ненужными деталями. Так же и в сказках: не «в некотором царстве...», а в конкретном месте, не «Баба Яга», а конкретный человек из определенного, точно названного пункта.

Коллективистская психология делала невозможным эгоцентризм¹. Общественная единица – семья, клан. Каждый зависит от благополучия всего этого коллектива. Но наследство делили на всех, и каждый должен был своим трудом идти к счастью. Долг был превыше чувств. В отличие от европейских гуманистов с их идеей всесторонне развитой личности, в Китае определяющим было соответствие конкретной личности месту, которое она занимала в коллективе².

Чжу Юаньчжан пришел к власти на гребне освободительной войны китайского народа против монгольских завоевателей. Поэтому он и его преемники охотно подчеркивали свою роль хранителей почти двухтысячелетней политической мудрости китайской империи и вообще всего исконно китайского. Как узурпатор, новый император стремился всячески подчеркнуть свою *легитимность*. Естественно, он находил ее в культе традиций. Жизни двора был придан архаический антураж, напоминавший о «золотом веке» древних царей. Получили законченную форму вызревавшие в течение многих столетий политические и общественные институты императорского Китая, среди них – главное достижение китайской цивилизации в общественной жизни – система конкурсных экзаменов для желающих занять государственную должность: Будущих чиновников экзаменовали на знание основных конфуцианских канонов. Так правителям империи удалось решить задачу создания однородной в идеологическом и культурном отношениях правящей элиты.

Государство в Китае могло выглядеть «деспотическим», но оно не могло разрушить замкнутость деревенского мира. Причины этого – прежде всего технологические. Господство ручного труда ставило жесткие пределы развитию и техники, и городского уклада. Природа для подданных Поднебесной империи так и не стала отвлеченным «объектом для воздействия»; она была, скорее, истоком самой жизни, принципом творчества. Человеку следовало не покорять природу, но содействовать ее творческим метаморфозам, пользоваться ее законами, следуя естественной жизни, по возможности улучшая ее, но ни в коем случае не создавая ей помех. «Когда человек осуществит свой путь, путь Неба осуществится сам собой», – гласит старинная китайская поговорка. Одним словом, природа была союзником людей; мудрому, по китайским понятиям, полагалось быть «другом Неба и Земли».

В культуре Китая люди и мир природы жили *наравне* друг с другом и по единым законам: людские деяния могли быть столь же грандиозны, как и свершения природы, а общественный порядок должен был воспроизводить природную жизнь. Идеальным жизненным укладом, в представлении китайцев, была простая и безыскусная жизнь на лоне природы, в уединенном селении, где нельзя услышать ни ляга оружия, ни шума толпы, ни стука телег, и до слуха случайно забредшего прохожего доносится лишь мирный «крик петухов и лай собак». В древнейшей даосской книге говорилось о благословенных временах, когда на

¹ И теперь в Китае, на западные упреки в нарушении прав человека отвечают: а как же с правами коллектива?

² Отсюда такая известная и теперь сплоченность китайских общин за границей [Васильев Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 52–82].

реках не было лодок, а на дорогах – повозок, люди *«слышали лай собак и крик петухов в соседней деревне, но не имели желания отправиться туда»*. Для громадного большинства жителей Срединной Империи немного изменилось с тех времен.

Сама природа людей, их характер, темперамент, нравы, привычки, мнения традиционно считались в Китае точным слепком качества мировой энергии, «дыхания земли» в той местности, где они живут¹.

Религия. Буддизм с этикой всеобщего равенства сыграл объединительную роль в китайском обществе. В сельской местности при Сун возникли малые храмы с 1-3 монахами, обслуживавшими определенные деревни. Народная религия – даосизм – не имела ни четкого мировоззрения, ни строгой обрядности. Вышедший из народных верований, даосизм унаследовал их аморфность, связанность со всеми аспектами быта и духовной культуры китайцев. В подражание буддизму даосизм ввел институт монашества и тоже создал монастыри. На 1019 г. в сунской империи при наличии 231 тысяч буддийских монахов насчитывалось и 7 тысяч даосских. С III в. распространилось манихейство. В VI в. в Китай был занесен зороастризм. Тогда же появилось и христианство несторианского толка.

В VIII в. в Китае появились арабские торговцы и среди них первые проповедники ислама. Они нашли среди китайского населения немало сторонников, а затем и последователей. Во времена династии Сун в Китай приезжало более 20 арабских посольств. Китайские правители быстро оценили все выгоды дружбы с арабскими странами – богатые дары и военная мощь Арабского Халифата сыграли в этом далеко не последнюю роль. В ответ китайские правители назначали мусульманских посланцев на официальные посты и жаловали их высокими, хотя нередко и формальными, титулами.

Центром ислама в Китае стал южный порт Гуанчжоу. Туда съезжалась основная масса арабских купцов и здесь на их деньги возводились мечети. Однако именно Гуанчжоу стал местом основных антимусульманских конфликтов. Во многом столкновения с последователями ислама были стимулированы рядом нападений арабских и иранских пиратов на Гуанчжоу и постоянным разграблением торговых складов, что нарушало исторически сложившуюся активную торговлю в этом районе. В качестве ответной меры в 760 г. начинается колоссальное по своим масштабам избиение мусульман в этом районе, которое с трудом умирляют местные власти. Однако все эти события практически не влияли на рост мусульманских общин вокруг города. Здесь постепенно складываются самое многочисленное мусульманское население, в основном состоявшие из арабских и персидских купцов. Вообще, уже в VII в. в Гуанчжоу обитало более 200 тысяч иностранцев – арабы, персы, малайцы, индийцы, африканцы.

¹ *Малявин В. В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М. 2000. С. 7–16.

А в 798 г. в тогдашнюю столицу Китая город Чанъань прибывает специальное посольство от халифа Гарун ар-Рашида (766–809). Именно эту дату можно считать моментом установления дипломатических отношений.

Мусульмане были выгодны Китаю – и это прекрасно понимали китайские правители. Ислам ассоциировался не столько с некой новой религией (Китай вообще был достаточно толерантен по отношению к новым учениям, если они не представляли угрозу власти), сколько с новыми торговыми связями. Практицизм китайского сознания, готовый в угоду своим экономическим интересам воспринять любое новое веяние, оказал немалую услугу исламу – торговцев-мусульман, как отмечалось, привечали при дворах местных правителей и высокопоставленных чиновников.

Ислам стал первой централизованной и жестко структурированной религией на территории Китая. Другие духовные течения в Китае заметно отличались и отличаются по сей день своей аморфностью и ориентацией не столько на конкретную доктрину, сколько на учителя или местного религиозного лидера. Даже буддизм с его разработанными ритуалами и логикой, системой построения проповедей и монастырским общежитием в действительности распадался на десятки разрозненных направлений и сотни не связанных между собой локальных школ. Структура даосизма еще более аморфна, а даосская проповедь нередко отличалась прямо противоположными трактовками.

Ислам распространялся в Китае вдоль караванных путей и торговых центров, поэтому неудивительно, что первыми носителями ислама становились в основном простые торговцы, что сказалось и на самом характере нового для Китая вероучения – он первоначально воспринимался как учение простолюдинов. Могучая конфуцианская идеология просто не обращала внимания на ислам, нередко расценивая его как еще одно еретическое учение, не приветствуя, но долгое время и не противодействуя ему.

Здесь следует отметить несколько особенностей регулирования религиозной деятельности в Китае, которые проявились уже на самых ранних этапах китайской государственности. Дело в том, что в Китае никогда не существовало собственно самостоятельной религии. И буддизм, и даосизм всегда регулировались государством. Например, императорскими эдиктами назначались настоятели крупнейших буддийских монастырей, именно государство выделяло средства на строительство и реконструкцию монашеских обителей, а местные чиновники проводили ритуалы посвящения в монахи, тем самым как бы заимствуя духовную власть у монахов.

Государство также контролировало и строительство различных культовых сооружений, и буддийских монастырей, и мечетей. Разрешение на строительство мечети давал обычно уездный цензор или даже сам император. Вероятно, для строительства этих сооружений выделялись и некоторые средства, поскольку именно так государство поступало и при строительстве даосских обителей.

Началось это еще в эпоху Тан, когда Китай в период своего наибольшего культурного и политического расцвета широко открывал себя для внешнего мира. При танском дворе, где собирался самый разный люд, от ученых-книжников до даосских алхимиков и знатоков боевых искусств, всегда обитали знатоки арабской астрономии и медицины.

Но не все было гладко с распространением ислама в средневековом Китае. Мусульмане практически целиком монополизировали торговлю в южнокитайских портах и, прежде всего, в Гуанчжоу. Предприимчивые, умеющие легко договариваться с торговцами из других стран, они выставляли на своих лотках товары из Индии, Центральной Азии, Парфии, отправляли грузы «за моря». Беднейшие китайцы считали себя обделенными, обманутыми и во всем винили пришлых торговцев (хотя в реальности часть мусульман была представлена коренными китайцами).

Особенно очевидно эта неприязнь стала проявляться в крупных торговых городах, где мусульманские поселения слыли особенно богатыми и влиятельными, что, разумеется, вызывало немалое раздражение среди китайцев. В IX в. прокатывается целая волна избиений китайцев-мусульман, а вместе с ними и других иноверцев – иудеев и христиан. Последние чаще упоминаются в XIII–XIV вв., во время правления монгольской династии Юань.

Так что в реальной жизни многообразие верований в Китае не исключало эксцессов в отношении представителей религиозных меньшинств, особенно иностранцев.

Научно-технические знания. Образование. Исходя из изложенного, научно-техническое развитие средневекового Китая было нацелено не на познание общих истин, а на конкретные знания и изобретения, нужные людям. Отсюда высокий уровень медицинских, географических, геологических, ботанических знаний. Рано были выработаны стандарты в архитектуре и строительстве. Уже с VII–VIII вв. в городах вводилась четкая планировка: улицы ориентировались по сторонам света, в центре располагался дворец. В начале XII в. был издан свод стандартных строительных деталей, позволявший из строго определенного набора элементов сооружать разные здания (по принципу детского конструктора).

Период Сун считается «золотым веком» ученого сословия. Экзаменационная система стала массовой. Ежегодно в столице выдерживало государственный экзамен до 1 тыс. человек, а на одно чиновничье место претендовало до 100 человек. Причем среди сдавших экзамен до 56–58% составляли выходцы из неслужилых семей. Династия создавала условия для расширения своей социальной опоры.

Серьезными были **технические достижения**. Уже с VIII в. в Китае, как отмечалось, начали печатать с деревянных досок, вырезая на них иероглифы. Фарфоровый *разборный шрифт*, появившийся в XI в., не привился. Но в XIII в. в Корее на основе этого неудавшегося опыта придумали отливать бронзовые литеры. Распространение книгопечатания способствовало увеличению числа образованных людей, особенно в городах.

Овладение разнообразными гидротехническими приемами позволило осуществлять осушение и ирригацию на обширных площадях. Применяя сложные шлюзы и систему насосов, китайцы могли контролировать расход воды и предотвращать затопление. Согласно некоторым оценкам в X–XV вв. число гидротехнических сооружений в Китае увеличилось семикратно, в то время как население в лучшем случае удвоилось. Распространение заливных полей на более засушливом юге позволило резко расширить разведение риса в Южном Китае.

В эпоху Сун и Юань появились рядовая сеялка, грабли и борона с большими зубьями. Китайские земледельцы осваивали новые удобрения, в том числе такие, как городские нечистоты, грязь, известь, конопляные стебли, зола и речной ил. В 1313 г. появился фундаментальный «Трактат о сельском хозяйстве» Ван Чэня, в котором содержится 300 очень подробных иллюстраций, дающих возможность реконструировать изображенные на них приспособления. А еще много раньше, в анналах династии Суй (581–617 гг.) упоминается существование восьми трактатов по ветеринарной медицине.

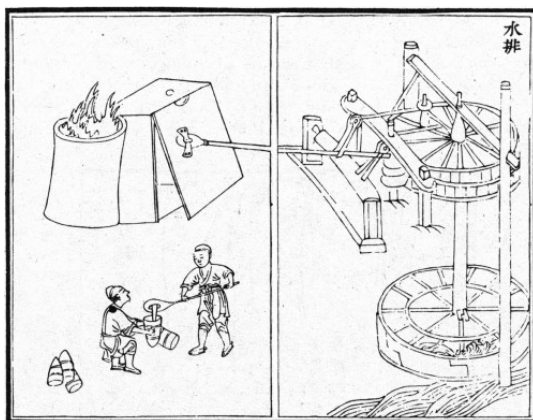
Об уровне *металлургии* свидетельствует рисунок в трактате 1313 г. медеплавильной печи с приводом подачи воздуха от водяного колеса.

Удобрение рисовых посевов.
Рисунок 1145 г.

Китайская рядовая сеялка
для сева зерновых

Воздуходувка для плавильной печи, XIV в.

Больших успехов достигла **живопись**. Уже с VIII в. стало проявляться умение изображать объемное пространство. В наставлениях писалось, что расположенное ближе надо изображать в нижней части рисунка и большим, в то, что дальше – меньше и выше. К XI в. законы перспективы уже широко применялись и были теоретически объяснены. Катаклизмы монгольского нашествия отразились в живописи уходом в интимный мир человека, которого обычно изображали в одиночестве и слитым с могучей и все поглощающей природой.

Потоки и горы под свежим снегом. Картина конца XII – начала XIII в.

Городская жизнь. Города Китая, не имевшие, в отличие от Западной Европы, самоуправления, были, однако, средоточием официальной жизни страны. В них жили чиновники и ученые. В городах же предпочитали находиться и крупные землевладельцы, которые устраивали там свои карьеры.

Рядом с чиновниками наверху социальной лестницы находились купцы. Формально они оставались бесправными, но в реальности обладали огромным весом и влиянием, нередко добиваясь даже свержения неугодных городских правителей. Именно богатое купечество определяло торговый дух городов. Перенимая образ жизни и манеры чиновной знати, обладавшие большими средствами купцы создавали атмосферу расточительности и снобизма в городах. Купеческие сынки представляли собой золотую молодежь. Но они же посылали своих сыновей в школы, которые открывались во всех главных центрах, и эти сыновья становились

Слушая ветер в соснах. Картина XIII в.

ревностными читателями печатных книг, которые распространялись все активнее. Для подобной публики создавались новые литературные жанры, чаще всего они были на разговорном языке, так как торговцы были не сильны в классических языках. Подражая властям, торговцы занимались благотворительностью.

Купцы воспроизводили образ жизни чиновников в быту. Их жилища также были разделены на две половины. В передней – зале, предназначенной для публичной жизни, хозяин встречался с клиентами и принимал друзей, а в задней располагались частные апартаменты, где жили женщины (полигамия была распространена у всех богатых китайцев). Строения стояли в садах, разбивая которые, владельцы усадеб словно бы пытались создать свою маленькую вселенную: на искусственных холмах и вокруг тихих прудов устанавливали камни причудливых форм, высаживали декоративные деревья, цветы, устраивали зверинцы. Ценитель природы мог вдоволь медитировать в своем микрокосме, каждый уголок которого давал пищу мечтам.

Среди горожан много также было мелких лавочников и ремесленников, часто совмещавших оба эти занятия в одном лице. Ремесленники, особенно казенные, занимали приниженное положение и в социальной жизни города особой роли не играли. Была и масса мелких бродячих торговцев. Налогов они не платили, но жестокая конкуренция постоянно висела над ними дамокловым мечом разорения. Не последнюю роль в городах играли монахи. Много было в городах слуг, среди которых: учителя словесности, музыки и пения, художники, садовники, архитекторы, портные, лакеи, управляющие хозяйством, поденщики, красивые женщины, особенно умеющие петь. Много было также проституток, очень богатых, обслуживавших высший свет и бедных. Наличествовала и мужская проституция. Была масса грабителей, причем особую опасность представляли шайки, грабившие всех подряд среди бела дня. Банды имели свои названия, а их вожаки именовались «дедами». Были в городах и массы нищих.

Нищие

Бумажная ассигнация
XIV в.

Городская торговля тщательно регламентировалась. Работали рынки световой день и после захода солнца закрывались. Раз в 10 дней власти танского Китая устанавливали единые для страны цены. Уличенных в мошенничестве

или спекуляции били палками. При этом в городах, не являвшихся административными центрами, рынки не разрешались. Но существовали и сельские рынки, не контролировавшиеся властями. Были и ночные рынки. Существовала также уличная мелкая торговля. Особенно она распространилась после краха танской системы регулируемого рынка, в X–XI вв. В торговле и ростовщичестве широко участвовали и буддийские монастыри. На рынках каждый торговый ряд (хан) имел своего старшину и подчинялся круговой поруке. Главной функцией ханов у ремесленников являлась охрана монопольных прав на изготовление и продажу определенного вида товара и фиксация цен, а также совместное отправление членами каждого хана религиозных обрядов и, кроме того, помощь и услужение властям. Но рабочее время ремесленников в отличие от уставов европейских цехов не ограничивалось ни днем, ни ночью.

Отличительная особенность средневековых городов Китая – высокий уровень быта и повседневных жизненных удобств. С начала II тыс. в городах распространялись бани, аптеки, меняльные конторы, увеселительные заведения, часты были водяные часы, в быту применяли масляные свечи, фонари. По улицам ходили водоносы и предлагали теплую кипяченую воду. С XII в. в городах перестали запирают на ночь дома.

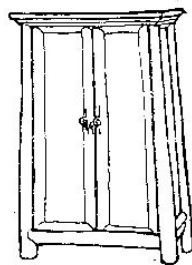
Время с древности определяли по водяным часам, установленным при чиновничьих управах. Но абстрактное восприятие времени в Китае до знакомства с западной культурой не сложилось. Ночь делилась на 5 частей, отмеряемых стражей ударами гонга или барабана. Днем о времени в официальном порядке не сообщали. Просыпался город рано. Работа в государственных учреждениях и даже императорские аудиенции начинались с восходом, в 5–6 часов утра. Опоздавших били палками. Ночью же танский город замирал. Каждый ночной путник рисковал получить от патруля по 70 ударов палками. В сунскую эпоху город бурлил и ночью – работали ресторанчики, чайные, ночные рынки. К середине XI в. уже не били по ночам в барабаны, исчезли и патрули. Из-за плотной деревянной застройки и опасности пожаров была создана государственная пожарная служба. В сунской столице – в Кайфыне – на каждые 500 дворов приходилось караульное помещение с командой из 5 человек. На возвышенностях были сооружены кирпичные наблюдательные вышки с военными командами и необходимым оборудованием.

Личная **гигиена** была на высоком уровне. С древности было популярно купание, бани. Еще в ханскую эпоху чиновники и воины каждые 5 дней получали «день для мытья и отдыха», в который отправлялись домой и принимали ванну. В средние века такой отпуск представлялся ежедекадно. На Востоке и Юге страны мылись чаще, чем в северных и западных областях. В качестве мыла с V в. использовали «моющие бобы» – жидкую смесь гороха с травами. Богатые имели ванны. Популярным был прием ванн в

горячих источниках. С XII в. умывались, обтираясь смоченным в тазу и отжатым полотенцем. С XIV в. отмечен обычай ежедневного мытья ног в специальном ведре. В городах сунского Китая было много аптек, в то время, как сельские жители, особенно на Юге, не признавали медицины и предпочитали обращаться к шаманам. В XV в. придумали *зубную щетку*, состоявшую из бамбуковой или костяной ручки и прикрепленной к ней щетины, снятой исключительно с шеи сибирского вепря. Из Китая ее завезли и в Европу.

Скученность городского населения в сунскую способствовала распространению **сферы быстрого обслуживания**, привычек готового питания в закусных или покупки готовой еды на улице. Сотни харчевен, винных лавок, ресторанов, часто с фирменными блюдами были разбросаны по разным кварталам буквально каждого города. В солидных заведениях официанты записывали на карточках подробные заказы богатых посетителей и передавали их на кухню, а если хоть раз перепутывали – теряли место. Специальные конторы организовывали банкеты, выделяли поваров, музыкантов, знатоков чая и вина, овощей, фруктов, сладостей, сервировки столов и освещения залов, уборщиков, распорядителей, руководивших застольем и одновременно певцов, рассказчиков. Лишь в Южном Китае иметь таких распорядителей было не принято. В городах были многочисленные сберегательные кассы и пункты проката разных вещей (от повозок до свадебного и похоронного реквизита). Был распространен наем разного рода слуг, секретарей и даже монахов. Много винных лавок, прокатных контор и увеселительных заведений содержало государство.

Развлечения в городах, в отличие от деревенских, были проникнуты духом публичности и массовости. В эпоху Сун сложилась индустрия развлечений – появились целые комплексы – скопления многочисленных балаганов. В Ханчжоу XIII в., например, существовало более 20 таких центров, в которых были сцены, окруженные скамейками или площадками, вмещавшими по несколько тысяч человек. Представления обычно продолжались весь день. Власти контролировали артистов целым штатом чиновников. Актеры, в зависимости от специальности, носили одежду определенного цвета и покроя. Среди номеров: дрессированные рыбы (по звуку гонга рыба в тазике всплывала, на нее одевали шапочку и рыба начинала кружиться в подобию танца, а затем уходила на дно и хозяин вызывал другую рыбу), были дрессированные черепахи (по знаку дрессировщика 7 черепах заползали друг другу на спины и получалась пирамида, напоминавшая пагоду). Развлечения организовывались и в публичных домах, обозначенных красными фонарями у входа; в них также бывали и рестораны.

Шкаф XVI в.

Девиды обычно приписывались к государственным увеселительным заведениям. Иностранцы, например, Марко Поло, восхищались ими. Существовали и специальные игорные заведения, где играли на деньги или заменяющие их жетоны. Формально они должны были работать по праздникам, но функционировали постоянно. Можно было также сходиться на состязания по боксу, посещать многочисленные чайные салоны, где посетители беседовали и играли в шахматы.

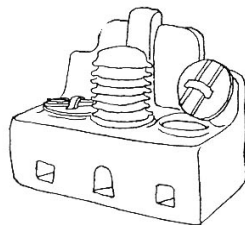

Модель усадьбы XVI в.

В эпоху Тан-Сун сформировались основные специфические черты традиционного китайского **жилища**, заключающаяся, прежде всего, в наличии особого комплекса строений – усадьбы. Обычно постройки сооружали из бамбука. Окна, каркасы, стены обмазывали глиной, на крыши часто клали циновки, закрепленные на шестах. Циновки и щиты из плетеного бамбука часто использовали в качестве заборов.

Отапливали жилые помещения лежанками, которые в ходе похолодания (после VII в.) проникли и на юг страны. Еще в III–IV вв. в конторах, на официальных приемах появились раскладные стулья, однако дома предпочитали сидеть на полу. Но уже к X в. стулья, кресла, столы на ножках распространились и в быту. Это была настоящая революция в повседневных традициях. Раньше пол считался «чистой поверхностью» и потому перед входом в жилище обувь снимали. С появлением стула «чистыми» стали стул, а также постель, а по полу можно ходить в обуви. Но в глуши и в XIII–XIV вв. еще сидели на полу, поджав ноги, на циновках, что сохранилось в деревнях и теперь.

Питание. Вероятно, в танское время китайцы познакомились с сахаром, появились специи. У состоятельных семей в эпоху Тан-Сун, распространилось молоко. Вообще же в танский период существовали все современные виды приготовления пищи. В рассматриваемую эпоху были особо популярными жаренные блюда. С VI–VII вв. в кухню проникают металлические предметы (бронза, чугун), чаще использовали глубокие сковородки (вытеснявшие прежние котлы), на которых жарили лепешки, мясо и овощи, варили зерна. Чай – отвар из листьев чайного дерева – на юге вошел в обиход в III–VI вв., а в VII–XIII вв. распространился по всему Китаю. В IX в. чай стал не менее важен, чем соль или рис, и по-

Кухонная плита XVI в.

явилась государственная монополия на чай. Тогда же возникла особая чайная посуда, особенно фарфоровая. Распространение мясной пищи связано с монгольским влиянием – с XIII–XIV вв. В XV в. появились печи с несколькими отверстиями для котлов.

До новой эры особенностью китайской **одежды** было отсутствие принципиальных различий ее у мужчин и женщин. Отличия возникают с танской эпохи. В VII–XII вв. появляются варварские элементы – куртки, высокие сапоги, широкие пояса, халаты с широкими отворотами. Для традиционно китайской одежды характерны рубахи с широкими рукавами и часто ассиметричным воротом. Длинные одежды носили верхи, короткие – бедняки.

Обувь. Высокие кожаные сапоги – от варваров (в них было удобно ходить по траве). Модными были черные сапоги до колена. Они распространились одновременно со стульями. До IX–X вв. мужская обувь почти не отличалась от женской. Но с этого времени возник обычай бинтовать женские ноги, особенно в аристократической среде.

Средства передвижения. В пределах всей Евразии седло и стрелы впервые появились примерно в конце III – начале IV в. в Манчжурии и Северной Корее. В Ханьском Китае было принято ездить в экипажах. В VII–XIII вв. и мужчины, и женщины стали ездить верхом и престиж экипажа падает, он превратился в обычную закрытую повозку с дверцей спереди или сзади. При монголах особо распространилась верховая езда в среде чиновников, которые таким образом добирались на службу, а так как многие не могли влезать на коня, применялись специальные табуретки, которые подносили слуги.

Игры. Было известно *поло*, в котором сидя на конях, гоняли клюшками мяч, команда на команду. Игра распространилась во многих странах Азии и Европы, но изобретена, кажется, в Тибете. С VII в. в Китае появилась *игра в ножной мяч*¹. *Играли командами и мужчины, и женщины – это была наиболее распространенная в средневековом Китае простонародная игра.*

Семья. В основе семейных норм – конфуцианская мораль. Как уже отмечалось, Китай – государство, составленное из семей. На человека

Чиновники. С картины XIV в.

¹ Мяч был кожаный. Набивали его сначала шерстью, потом стали надувать воздухом, кожу специально вымачивали и сшивали из кусков.

там смотрят как на принадлежащего к определенной семье, в противоположность Европе, где в средние века человека рассматривали как представителя определенной конфессии, сословия и подданства (феодалу, государю).

Семейный квартет. Фреска XIII в.

гой или между друзьями, имели своим критерием то, что было принято для семьи и родных, их сравнивали с отношениями старшего и младшего братьев или отца с сыном. Тем большую роль в китайском обществе играли человеческие, личные привязанности»¹.

В приведенном отрывке, написанном китайским автором, заметна идеализация китайского общества и слишком обобщенная, поверхностная оценка европейцев. Но такие представления показательны и подчеркивают особенности китайской культуры.

Традиционная китайская семья была патриархальной. Молодая жена входила в дом мужа и полностью ему подчинялась. Поводами для развода были непочтительность молодой жены к старшим, особенно к свекрови, сварливости, ревность и растрата семейного состояния. Девическую невинность строго оберегали, опозорившую свой дом безжалостно выбрасывали на улицу. Обычай кочевников лишать невинности до замужества китайцы воспринимали с ужасом. В состоятельных семьях держали наложниц, но передача им права хозяйки после смерти законной жены считалась предосудительной. Однако традиции кочевой аристократии, в среде которой женщины имели больше свобод, повлияли на усиление прав знатных женщин и у средневековых китайцев. Среди простого народа, где женщины играли большую роль в хозяйстве, они имели и больше прав: разводы осуществлялись по взаимному согласию («если муж и жена живут как мышь и кот в одной норе»).

¹ Лян Шумин. Ук. соч., С. 138.

«Для китайцев семейные отношения и родственные привязанности – самое главное. Все они как правило, любят своих родственников, уважают старших, заботятся о младших и ожидают друг от друга помощи, а не отчуждения. Это совсем не похоже на нравы западного общества. В жизни китайцев важнейшее место занимали семья и род; родные и односельчане тоже были очень важны. Все другие отношения, например, между учителем и учеником, хозяином и слугой»

Слуги. Статуэтки, XIII в.

Особенности сексуальных отношений. Императоры имели гаремы, что демонстрировало их потенцию¹. Парадоксально, но при внимании к невинности в быту можно было предлагать дочь гостю. Также и пребывание девушки в борделях не являлось препятствием к замужеству. Очевидно, это касалось бедняков. Но и в дао провозглашалась вообще свобода половых отношений. Искусству секса обучали через популярную литературу. В сексе активной была роль женщины. При существовавшей полигамии она должна была привлекать мужчину. Следствие роли эротики в среде знати – распространение гомосексуализма.

По Конфуцию, жена в семье – хозяйка и воспитательница, а муж должен не поддаваться чувству и относиться к женщине рационально. Девушки должны были вести себя скромно, не выходить к гостям без разрешения. В итоге любовь и секс как бы разграничивались: развратом считался не секс, а любовь между мужчиной и женщиной. Секс в саду, на качелях, с помощью слуг – допускался, а касания рукой супругов, объятия на людях, поцелуи – считались развратом. Поэтому китайцы считали неприличными изображения мадонн, кормящих женщин, сидение мужчин и женщин рядом в храмах. К эстетическим особенностям можно отнести то, что в фигурах женщин главным считалась грациозность, миниатюрность, поэтому бинтовали не только ноги, но и грудь.

От детей в бедных семьях, при нужде родителей, часто избавлялись; в больших городах их обычно оставляли на улицах, в деревнях чаще – топили. В XII в. было издано много эдиктов с запретами детоубийств и с запрещением оставлять их без присмотра. Власти начали создавать детские приюты и специальные продовольственные фонды для малоимущих семей. Но традиционное равнодушие чиновников сводило эти меры к нулю.

Трудовой люд. С картины XIV в.

¹ Максимально – до нескольких тысяч жен. При Мин были 3 старшие жены, 9 – второго ранга, 81 – наложниц. Связь с женами – 1 раз в месяц, с наложницами – неограниченно. Расписания встреч с женами и наложницами составляли специальные секретари, следившие поэтому за месячными и беременностями во вверенном им коллективе.

Популярным в средневековом Китае было празднование дней рождения¹.

Погребениям придавалось большое значение, часто их откладывали на длительное время для лучшей подготовки. Знатных полагалось хоронить не ранее 2–3-х месяцев после смерти. Часто трудно было найти подходящие места для могилы, ибо удачный выбор, считалось, благоприятно влиял на покойника. Для подбора места погребения существовали специальные геоманты. На время поисков места тело помещали на временном кладбище или в буддийском храме. Дороговизна погребений – главная причина распространения с X в. кремации (варварского обычая, по мнению аристократов). За кладбищами смотрели специальные монахи, состоявшие на государственном жаловании.

В эпоху Тан сложились основные черты социально-политической структуры китайского средневекового общества. Господствующие слои здесь не были обязаны нести военную службу и не получали под нее экономического обеспечения. Армию содержало государство, что укрепляло централизацию и усиливало налоги. Поэтому, хотя и сложились две формы земельной собственности – государственная и частная, усилившаяся к концу I тыс. н.э., юридически последняя не оформлялась, что делало права собственника неопределенными, держало их как бы в «подвешенном» состоянии. Социальное превосходство правящих слоев в таких условиях обеспечивалось, во-первых, размером имущества, во-вторых, образовательным цензом, в-третьих, кровнородственными (кланово-семейными) связями, в-четвертых, патронажными отношениями, покровительством (отдаленно напоминавшим западноевропейские отношения: сеньор-вассал, но без договорных начал).

Поэтому сословное деление в Китае было нечетким, что создавало условия необеспеченности личных и имущественных прав землевладельцев перед вышестоящей властью. Иммунитетов у частных землевладельцев тоже не было. Государственная служба – единственный способ обеспечить льготы и преимущества. Но эта служба не была наследственной, что требовало от чиновников постоянной демонстрации преданности вышестоящим властям.

Преобладающей формой эксплуатации крестьян в раннем средневековье были налоги и государственные повинности, позднее – издольная аренда. Юридически оформленной личной зависимости не было. Но реально эта зависимость была, как и прикрепление крестьян к земле. Отсутствие четко очерченных норм и само по себе, и из-за неустойчивости владельческих прав способствовало высокой норме эксплуатации

¹ Вероятно, не без влияния буддизма с его праздником дня рождения Будды.

крестьян, у которых формально был один хозяин – государственная власть. В результате у крестьян оставалось слишком мало ресурсов для совершенствования своего хозяйства. В фискальных целях сохранялась и община. Но именно она гарантировала коллективное пользование угодьями, неприкосновенность земельных участков и иной собственности¹.

Отсутствие фиксированных прав в обществе сказывалось и на городской жизни. Города не имели, как отмечалось, внутреннего самоуправления. Все городские корпорации (ремесленные, купеческие, обслуживающие) руководились и контролировались государственными чиновниками.

Иными словами, жизнь всех слоев общества в тогдашнем Китае была пронизана неусыпным и не связанным законами государственным контролем. Это порождало всевластие и произвол огромной армии чиновников, проедавших значительную часть общественного продукта. Не требует объяснений и наличие при такой системе массовых злоупотреблений, контролировать которые могли все те же чиновники (а кто же еще?). В VIII в. в стране насчитывался один управляющий на двадцать дворов.

В итоге, как и в других странах Востока, в Китае без пользы проедалась значительная часть создаваемых богатств; общество была обречено на застой, что и было ярким признаком средневекового китайского общества. Впрочем, в этом оно мало отличалось от древнекитайского. Возможно, действительно надо вести речь о единой доиндустриальной китайской цивилизации. Но длительное историческое развитие именно в рамках централизованных государств, защищавших общество от почти постоянных внешних угроз, помогло создать самобытную, и, как было показано, высокую культуру, во многом превосходившую тогдашние культуры других народов. И в этом тоже специфика Китая.

Китайская цивилизация характеризуется не просто сосуществованием множества локальных форм, но и наличием определенного иерархического порядка, который позволял примирять и согласовывать между собой разные культурные типы. В основе такого порядка – центральное понятие – *ритуала (ли)*. Для китайцев ритуал – не просто обряд или чисто формальная «китайская церемония». Ритуал в китайском понимании есть правильное и должное поведение, в котором непосредственно воплощаются принципы мироздания, сама правда жизни.

Далеко не все могли соблюсти в полном объеме нормы поведения и правила хорошего тона, предписывавшиеся ритуалом. Но каждый китаец имел возможность претворить сам принцип жизни в согласии с ритуалом, который, по Конфуцию, состоял в том, чтобы неустанно «превозмогать себя», то есть преодолевать в себе эгоистические желания, создавая тем самым некое единое для всех пространство «межчеловеческого бытия», поддерживая вечные

¹ *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М. 2000. С. 152.

и всеобщие устои общественной жизни. В этом пункте общественное мнение не знало снисхождения. В любой китайской деревне крестьянин, пренебрегший требованиями ритуала, терял не только доброе имя, но и – согласно постулатам классической китайской мысли – самое право называться человеком. То же самое было и на высшем уровне имперской организации: даже не наследственные права, а, прежде всего – «*выполнение ритуала*». Со времен Конфуция ритуал стал и моральной нормой¹.

Специфика Китая определялась тем, что он на протяжении почти всей своей истории (кроме современной) являлся, по сути, островом. От остального мира его надежно изолировали обширные участки непроходимой местности и пустошей. К северу простираются монгольские степи и Сибирь – малонаселенные, суровые и труднопроходимые края. На юго-западе тянутся неприступные Гималаи. Южная граница с Индокитаем пролегает по гористой местности, густо покрытой джунглями, а на востоке страну омывает океан. Людские массы могут пересечь китайскую границу лишь на ее западном участке, где страна соседствует с нынешним Казахстаном, но даже там для этого потребуется немало усилий, и в истории не так часто находились веские причины, способные побудить кого-то к вторжению в Китай с запада, через горные системы Тянь-Шаня, Тибета и пустыню Гоби. Показательны китайские названия страны: *Чжун-го* – *Срединное государство* и *Тянь-ся* – *Поднебесная*².

Подавляющее большинство населения и теперь живет на востоке страны, в пределах до 1500 км от побережья, занимая лишь треть территории страны, а остальные две трети всегда были заселены очень слабо.

Полностью завоевывали Китай только один раз в истории – монголы в XII в. Китай, в свою очередь, крайне редко устанавливал собственные порядки за пределами нынешних границ. На протяжении всей своей истории страна не была склонна к агрессии и лишь изредка вступала во взаимодействие с остальными государствами. Активные наступательные войны, как отмечалось, Поднебесная вела лишь во второй половине I тыс. н.э. против Вьетнама, но ничего в итоге не добилась. Китайцы не проявляли также особой заинтересованности и в ведении внешней торговли, периодически «запирая» границы и избегая общения с чужеземцами.

Иными словами, можно констатировать самодостаточность китайской цивилизации, что, однако, в новое время привело к отставанию страны, особенно от бурно развивавшейся Западной Европы. Примерно в то время, к которому относится начало европейского Ренессанса,

¹ *Малаявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2000. С. 597–598.

² Эти термины упоминаются в текстах древней эпохи Чжоу, примерно в середине I тыс. до н.э.

технический прогресс в Китае замедлился, а затем совершенно прекратился. Более того, многие изобретения предшествовавшего времени были забыты.

Например, уже во второй половине XI в. в Китае были известны водяные часы с механическим регулятором хода. Знаменитые часы Су Суна, созданные в 1086 г. достигая в высоту 12 м и не только показывая время, но и отображая самые разные астрономические явления, такие как положение луны и планет. Но иезуиты, прибывшие в Китай в 1580-х гг., сообщали, что китайцы знают лишь самые примитивные способы измерения времени, и ловко пользовались часами как приманкой для китайских чиновников, чтобы получить разрешение на въезд в страну.

Модель часов, построенных Су Суном в 1086 г.

Также и в военной технике. Уже в X в. китайцы использовали порох в ракетах и бомбах. В качестве оружия ближнего боя начали использоваться «огневые пики» (бамбуковые трубки с пороховым зарядом – прообраз будущих ракет и пушек). Но в основном порох применяли для фейерверков. И, несмотря на опыт обращения со взрывчаткой и превосходство в металлургии, когда Китая в 1514 г. достигли португальцы, они поразили местных жителей своими мушкетами. О происшедшем с флотом писалось выше.

Почему это произошло? Самый общий ответ – наличие авторитарной власти, от которой зависела любая частная инициатива, в том числе распространение изобретений. Пока власти поддерживали новации – они развивались. Почему многие столетия китайская бюрократия играла столь активную роль в техническом прогрессе? Ряд исследователей связывает это с зависимостью сельского хозяйства от общественных гидротехнических работ, которая, по знаменитому выражению немецкого ученого XX в. К. Виттфогеля, привела к «гидродеспотизму»¹ требовавшему проведения масштабных и сложных ирригационных работ. Столетия выполнения таких проектов создали традицию уважения к изобретателям и вообще к ученым людям. В этом русле была и практика экзаменов, и развитие учености чиновников, и подготовка *шэнси*.

Но поскольку большинству устоявшихся бюрократий свойственна сильная неприязнь к изменениям, которые могут отразиться на ее статусе, технический прогресс прекращался тогда, когда власть утрачивала к нему интерес. Это происходило на пике успехов каждой династии. Однако их периодическая смена с кризисами, захватами и разорением требовала восстановления хозяйства и, значит, возвращения поддержки ученого слоя. Но когда в очередной раз, при династии Мин, в XV в. стра-

¹ Wittfogel K. A. Oriental Despotism. Yale university Press. Massachusetts. 1957. P. 22–59.

на была восстановлена после изгнания монголов, положение власти и элит стабилизировалось, новое начало пугать и страна «закрылась». А поскольку многие изобретения и раньше были эксклюзивными – широко не использовались, о них стали вообще забывать.

В отсутствии интереса к изобретениям отрицательную роль играла избыточность населения, характерная уже для средних веков. Когда было много дешевых рабочих рук, зачем повышать производительность труда новыми приспособлениями? Сказалась и замкнутость Китая, которая до и после монголов ограничивала военные притязания элит, а, следовательно, совершенствование вооружения. До прихода монголов, например, китайцы не думали о применении пороха в военном деле. А ведь, как свидетельствует история вплоть до наших дней, совершенствование оружия активно влияет на общий технический прогресс. Иначе, как и произошло в средневековом Китае, многие изобретения оставались игрушками, для развлечений.

Таким образом, наиболее общей, основной и парадоксальной причиной замедления прогресса в Китае можно считать традиции жесткой централизации в Китае. Администрация не только контролировала, но и сдерживала личную инициативу. В Китае не было вольных городов, все находилось под властью местного мандарина, представителя императора. Не последнюю роль сыграла система наследования, которая, в отличие от западноевропейского майората (основное имущество – старшему сыну), перераспределяла наследство между всеми детьми и таким образом распыляла состояние. Зависимость городов от центральной и провинциальной власти и, соответственно, землевладельческой знати не дала развиваться подлинному отделению ремесленной деятельности от аграрной, что также препятствовало внедрению изобретений в массовое производство.

С выходом на историческую арену европейцев, с ролью у них частной инициативы и креативности, отставание Китая, вернее технический застой в нем стал еще заметнее. Позднее, уже в начале XX в. часть китайской элиты причины отставания страны видела и в рассмотренных выше особенностях образования, обращенного в культуру прошлого, оторванного от повседневных жизненных реалий.

Надо подчеркнуть, что «закрытие страны» в конце XV в. произошло и потому, что власти Мин неслучайно сделали выбор в пользу ограничения внешней торговли. Неконтролируемый государством процесс обмена способствует внедрению элементов иной системы ценностей, где главным является не государство, но личность, что противоречило основным нормам и правилам традиционного Китая, включавшим и конфуцианские представления, и идеи легизма. Но это уже будет рассмотрено в курсе Новой истории.

КОРЕЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Корейский полуостров издревле отличался благоприятными для жизни природными условиями: умеренным и мягким климатом, плодородными землями, разнообразным растительным и животным миром. Все это способствовало раннему заселению полуострова и развитию сельского хозяйства, а также ремесел и промыслов (рыболовства, охоты).

Полуостров заселялся как с прилегающих территорий азиатского материка, так и с тихоокеанских островов. В результате на формирование этнического облика корейского народа наибольшее влияние оказали как северные тунгусо-монгольские племена, так выходцы с тихоокеанских островов – полинезийцы.

К рубежу новой эры население полуострова разводило домашних животных, занималось охотой, рыбной ловлей и морскими промыслами, но главным его занятием было земледелие. Культивировали, прежде всего, так называемые «пять хлебов»: просо, ячмень, бобы, рис и коноплю. Среди ремесел выделялось прядение и ткачество, окраска ткани, выделка мехов и кож, оружейное дело.

Первые государства. Активизация процессов общественного развития, приведших к разложению первобытнообщинных отношений, была связана с освоением техники изготовления железных предметов, хотя они далеко не сразу вытеснили каменные орудия. Но использование железа стимулировало общий прогресс в хозяйстве, способствовало росту населения и накоплению ресурсов, что активизировало межплеменные контакты и содействовало совершенствованию общественной организации населения. Усиливаются конфликты за земли и ресурсы, что делает необходимым выделение из общей массы жителей военно-административного слоя, содержать который позволял возросший уровень производства средств существования. В итоге появляется знать, а с ней – и раннегосударственные образования.

Вопрос о времени возникновения первых государств в Корее и их социально-экономической сущности остается в исторической науке дискуссионным. Но в отличие от основного континентального соседа – Китая они, бесспорно, появились лишь в начале новой эры из консолидировавшихся племенных союзов – вождеств.

В источниках имеются сообщения о районах расселения различных племен или племенных групп по территории Корейского полуострова. На севере жили племена *когурё*, *емэк*, *окчо*, а южную часть (к югу от р. Ханган) населяли племена *хан*, подразделявшиеся на три ветви: *махан* (или просто хан), *чинхан*, *пёнхан*.

Более динамично развивалось северокорейское население, объединенное в племенной союз *когурё*. Здесь раньше, чем у южных соседей, сформировалась знать, выделявшая из своей среды **вана** (во-

енного вождя, правителя, позднее – монарха). В итоге племена окчо и емэк, попали в зависимость от когурё и платили им дань зерном, холстом, соболями и рыбой, поставляли рабынь, становившихся наложницами представителей когурёской аристократии. Знать, по китайскому образцу, стала подразделяться на 12 разрядов, соответствовавших занимаемому положению в администрации. Рядовые общинники, оттесняемые знатью, вместе с покоренными племенами стали относиться к «низшим дворам». Из ранних корейских источников известно о создании законов, защищавших собственность: за воровство устанавливалось двенадцатикратное возмещение украденного, а в случае нанесения вреда чужому скоту виновного даже превращали в раба. Эти процессы происходили в III–IV вв., с которых и можно начинать историю корейской государственности. В V в. **государство Когурё** занимало территорию всего севера Корейского полуострова, а также прилегающие земли Ляодунского полуострова (часть Южной Манчжурии). С 427 г. ее столицей был Пхеньян.

На юго-западе Корейского полуострова самые ранние межплеменные образования (протогосударства) упоминаются в китайских источниках III–IV вв. Здесь выделилось **государство Пэкче**. В отличие от поликультурного хозяйства на севере, в Когурё, на юго-западе полуострова преобладало поливное рисосеяние, распространившееся отсюда на соседние земли, а позднее, и в Японию.

Также в III–IV вв. на юго-востоке полуострова сложилось **государство Силла**. И в нем был создан особый аппарат чиновников, подразделявшихся на 17 рангов. Здесь также основной отраслью хозяйства было земледелие, особенно выращивание риса.

Социально-экономические порядки в этих государствах можно характеризовать как протофеодальные. Сложившаяся знать (из правящей общины – родственников правителя и глав присоединявшихся общин) обязывала целые крестьянские общины, прежде всего из покоренных племен, в качестве подданных государства-завоевателя платить налоги и выполнять отработочные повинности на общественных работах (особенно военные и трудовые: по строительству дворцов, дорог, крепостей и т. д.). Эти повинности выполнялись или для формировавшегося правящего сословия как представителя государства – верховного собственника земли, или даже для отдельных чиновников, когда последние за несение определенной службы получали «кормовые округа» или иные пожалования от государя. Последний считался верховным собственником земли в каждом государстве¹. И в Когурё, и в Силла ши-

¹ Пока число административных должностей было небольшим, все они замещались представителями родовой аристократии и понятия аристократия и чиновничество совпадали. Однако по мере усложнения административного аппарата возникло чиновничество как самостоятельный социальный слой, частично включавший в себя и родовую аристократию.

роко распространилась система «кормлений», столь характерная для раннего феодализма на Востоке (как, кстати, и на Руси).

Рабы, видимо, не играли в хозяйстве особой роли. Так, в начале VI в. в государстве Силла был отменен обычай, по которому при похоронах монарха убивали до 10 рабов. Любопытно и сообщение о том, что в 558 г. после покорения общин племени *кая* силланский военачальник, получивший в награду 200 пленных, не превратил их в рабов, а отпустил «на волю» в качестве обычных земледельцев и тем заслужил одобрение людей.

Для укрепления своего господства складывавшееся правящее сословие заимствовало из соседнего Китая не только форму государственной организации, но и идеологию. Правителям корейских государств импонировало конфуцианство с его требованием о беспрекословном повиновении младших старшим, в том числе и подданных – правителю. Подготовка чиновников для государственной службы происходила в специальных конфуцианских государственных учебных заведениях; об истории правления составлялись на конфуцианский манер исторические сочинения.

Из Китая проник в корейские государства и буддизм, со своей организацией сыгравший важную роль в формировании государственности. Первые буддийские монахи появились в Когурё в 372 г. Близ Пхеньяна были построены два буддийских монастыря. В 384 г. по просьбе монарха Пэкче и в его столицу прибыли буддийские монахи из Южного Китая. Правители Пэкче, активно содействуя распространению буддизма, жаловали духовенству крупные земельные владения.

В государство Силла буддизм проник из Когурё и получил распространение с первой половины VI в., когда в основном завершался процесс оформления государственной организации. К этому времени и правитель Силла принял заимствованный из Китая титул **вана** (монарха), было установлено административное деление страны на области и уезды, куда в качестве наместников назначались представители столичной аристократии. Столица государства – Кымсон (современный Кёнджу на юго-восточном побережье) – превратилась в крупный центр. Для регулярной связи ее со всеми частями страны была организована служба почтовых станций на больших дорогах и пристаней на важнейших водных путях.

Образование государств с очерченными границами положило начало борьбе за верховенство на полуострове. Все три государства часто воевали между собой или с соседями, также претендовавшими на корейские земли.

Уже с середины III в. государство Когурё неоднократно отражало нападения из Китая. В союзе с соседними племенами, ценой многих жертв и даже временной потери своей столицы в середине IV в. Когурё уда-

лось не только отразить нападения и изгнать захватчиков, но и занять всю территорию Ляодунского полуострова, а также и бывших китайских округов на Корейском полуострове. В конце IV – начале V в., в правление вана **Квангэтхо** территория Когурё значительно выросла. Расширение территории Когурё в южном направлении привело к военным столкновениям с государством Пэкче, часть земель которого также была присоединена к Когурё.

Параллельно этим событиям между корейскими государствами и Китаем наладились также культурные и экономические связи. В условиях борьбы с северными династиями Китая корейские государства старались поддерживать связи с его южными династиями. Благодаря этим связям в Пэкче появились известные всему полуострову гончары, ткачи, оружейники, плотники, судостроители. Из Южного Китая были заимствованы религиозные и политические идеи. В частности приглашали буддийских проповедников и конфуцианских ученых, которые участвовали в организации государственных учреждений и во внедрении новой культуры. Корейские государства также нередко приглашали искусных мастеров-ремесленников из Китая. В Корею распространялись китайская литература и, главное, письменность, на основе которой возникли собственно корейское письмо и литература.

По-разному складывались отношения корейских государств с японцами, у которых еще сохранялись первобытные порядки. Первоначальные контакты с ними установили юго-восточные племена, населявшие наиболее приближенное к Японским островам нижнее течение р. Нактонган. Они продавали японцам железо, золото, серебро, ткани и зерно. Возможно, там временами возникали и поселения японцев, которые те пытались превратить в опорные базы для военного разбоя. Но эти набеги японцев вызвали организованный отпор со стороны государства Силла, которое в союзе с Когурё не только вытеснило японцев, но во второй половине VI в. присоединило к своим владениям земли крайнего юго-востока полуострова. Однако иногда, в ходе этой борьбы правители Силла, чтобы предотвратить пиратские набеги японцев, заключали с ними соглашения (посылая в Японию заложников), одаривали японских вождей и т. д. При этом правители корейских государств (прежде всего юго-западные – Пэкче) прибегали к помощи отрядов японских наемников в борьбе против своих соседей.

Объединение Кореи в единое государство. В конце VI в. правители Китая, считая Когурё опасным противником, развязали очередную войну против этого государства. В 598 г. основатель династии Суй направил для завоевания Когурё огромную армию и флот, но потерпел неудачу. Последующие поражения китайцев в начале VII в. привели к гибели и саму династию Суй.

В VII в. продолжились межкорейские усобицы за политическую гегемонию. Создавались временные военные союзы, которые в своих интересах пытались использовать Китай. В середине века Когурё в союзе с Пэкче возобновило военные действия против государства Силла, которое обратилось за помощью к новой китайской династии – Тан, получившей таким образом возможность прямого вмешательства в корейские дела. В 645 г. танские войска под предводительством императора вторглись в Когурё, но вновь потерпели поражение и отступили. После этого возобновились нападения Когурё и Пэкче на государство Силла, которое вновь стало настойчиво добиваться помощи

Корея в VII в.

Танской империи. В 660 г. на Пэкче напали 50-тысячная армия государства Силла и прибывшие морем войска танского Китая, насчитывавшие более 130 тыс. человек. В решающем сражении объединенные войска разгромили армию Пэкче. После неудачного восстания против захватчиков в 663 г. вся территория Пэкче (юго-запад полуострова) с населением в 700 тыс. жителей стала провинцией Танской империи. Разделив ее на пять областей, танские правители разместили в них свои войска.

После этого, в 668 г., силы Танской империи и государства Силла разгромили Когурё, взяв его столицу – Пхеньян. Территория и этого государства с населением в 690 тыс. человек оказалась под китайским протекторатом. В столице был оставлен военный губернатор с 20-тысячным китайским гарнизоном.

Но правление чужеземных властителей очень скоро во всех бывших землях Пэкче и Когурё вызвало повсеместные народные восстания, которые получили поддержку государства Силла, ставшим носителем независимости жителей полуострова. Ибо, призвав китайцев на помощь в борьбе с соседями, правители Силла старалось не допустить китайского господства на полуострове. Так как население Когурё и Пэкче тяготело к близкому по языку, обычаям и культуре государству Силла, последнее смогло выступить в роли объединителя земель трех государств. Это, естественно, привело к конфликту с Танской династией. В 670–676 гг.

развернулись бои между танскими и силланскими войсками. В результате практически вся территория Корейского полуострова (к югу от р. Тэ-донган) вошла в состав государства Силла, с чем, в конце концов, согласилась и Танская империя, но на условиях формального признания государством Силла вассалом Китая.

Объединение населения полуострова государством Силла, прекращение междоусобных войн и установление мирных отношений с соседним Китаем стало важным этапом и в общественно-экономическом развитии Кореи. Силланский ван **Мунму**, возглавлявший войны за объединение, не без гордости написал в завещании 681 г., что он *«вернул простому народу мир и долголетие, переплавив в сельскохозяйственные орудия, солдатские копья, сократил и облегчил налоги и повинности, чтобы в домах люди увидели достаток, вернул народу спокойствие и установил порядок по всей стране, сложил высокие, как горы, запасы зерна...»*. Укрепившиеся власти организовывали строительство новых ирригационных сооружений, что повысило урожаи и обогатило казну.

Общественные порядки в государстве Силла. В Корею, как и почти везде на Востоке, аграрные отношения складывались на основе государственной собственности на землю. В государстве Силла существовала наделная система землепользования. Государство закрепляло за крестьянами определенные подушные наделы, за что те выплачивали поземельный натуральный налог зерном, подворный налог изделиями домашнего хозяйства и несли отработочные повинности.

Большую часть земельного фонда страны составляли мелкие наделы, иногда их называли «солдатскими полями», ибо за владение ими надо было нести и военные повинности. Официальное установление наделных полей произошло в 722 г., когда все крестьянские земли были объявлены государственной собственностью. Наделная система, созданная, очевидно, не без китайского влияния, являлась формой прикрепления крестьян к земле и эксплуатации их с помощью централизованного государственного аппарата. Но пока существовала эта система, крестьянские земли в какой-то мере были гарантированы от захватов крупными землевладельцами.

Надо заметить, что в традициях тогдашних корейских государств была помощь населению при частых стихийных бедствиях, состоявшая не только в моральной поддержке (выражение сочувствия, молитвы), но и в реальных действиях. Нередко сановники сами выезжали в места наводнений и землетрясений и организовывали помощь, например в восстановлении жилищ самым обездоленным, в том числе пожилым людям, не имевшим возможности отстроиться самостоятельно. *«За весь период существования Когурё известен единственный эпизод, когда правящий ван не только отказался оказать помощь пострадавшим, но и продолжал привлекать значительную часть подданных на строительство своего нового дворца, что вызвало всеобщее*

осуждение и стало предлогом для заговора приближенных, который привел к его устранению с престола и гибели»¹.

Однако по мере усиления крупных землевладельцев создавалась угроза самому существованию наделов свободных крестьян на государственной земле, так как в рамках государственной собственности постепенно возникали и расширялись феодальные владения в форме земельных пожалований гражданским и военным чинам, или выделением «кормовых округов» с правом сбора ренты-налога с определенной территории, или определенного количества дворов. «Кормовые наделы» были введены указом 757 г. Приближенные правителя получали их в наследственную собственность, служилое чиновничество – во временное пользование. Довольно много земель попало в распоряжение буддийского духовенства.

И если в VII в. известны неоднократные запреты на земельные раздачи чиновникам, ослаблявшие центральную власть (например, в 685 г.), они все равно возобновлялись, ибо были единственной формой содержания административного аппарата и обеспечением его лояльности правителям. В перспективе эти раздачи порождали крупное землевладение, нередко превращавшееся в фактическую собственность, что и привело к прекращению правления Силла в X в.

Но в VIII в. государственная собственность на землю была еще крепкой. Для обеспечения регулярного поступления ренты со всех земель и принуждения крестьян к выполнению государственных повинностей существовал централизованный военно-административный аппарат управления страной. В середине VIII в. было установлено по китайскому образцу административное деление территории на девять провинций (по три в каждом из бывших государств) и пять наместничеств (или «малых столиц»), а также деление на округа и уезды. Местную администрацию возглавляли назначенные из столицы управители. В целях подготовки чиновников была создана государственная высшая школа, а для занятия должностей ввели государственные экзамены.

Столица государства, где обитала привилегированная служилая аристократия, стала богатейшим городом, насчитывавшим, по сведениям средневековых хронистов, до 170 тыс. дворов. Дома богачей отличались роскошью и великолепием. Даже их черепичные крыши украшались золотом. В столице трудились искусные ремесленники, обслуживавшие господ. Судя по многочисленным ремесленным ведомствам в столице, преобладающей формой ремесла было казенное, основанное на труде мастеров, приписанных к государственным учреждениям.

¹ Худяков Ю. С. Стихийные бедствия, вызванные аномальными климатическими явлениями, происходившими на территории государства Когурё в древности и раннем средневековье // История и современность. 2014. № 1. С. 149.

С подъемом земледелия и ремесел стало возможным развитие торговли. Изделия силланских ремесленников и разнообразные продукты крестьянских промыслов находили сбыт далеко за пределами страны. Особенно оживленную торговлю вели силланские купцы с Китаем и Японией.

Но период успешного развития объединенного государства на полуострове был недолгим. С конца VIII в. начались усобицы. Власть переходит к боковым ветвям правящего рода. Сказалось типичное для раннефеодальных монархий укрепление землевладельческой аристократии, стремившейся к самостоятельности. Результатом стало общее ослабление государственной власти.

Вторая половина IX в. была временем полного упадка государства, когда оно, сотрясаемое мятежами и заговорами, теряло и отдельные территории. В 935 г. государство Силла завершило свое существование.

Корейская культура раннего средневековья. В период существования трех государств развивались основы общекорейской средневековой культуры. В идеологии того времени сохранились остатки первобытных верований и представлений – поклонение природным стихиям, духам предков, т.е. то, что включается в понятие *шаманизм*. Он подразумевает совокупность представлений о злых и добрых духах, которые могут оказывать человеку помощь, а могут, наоборот, причинять ему вред. Шаман, как считалось, был в состоянии добиться расположения духов. Подавляющее большинство шаманов в Корее были женщинами, и эта ситуация сохраняется до сих пор (хотя есть и шаманы-мужчины). До появления в Корее современной медицины шаманки занимались врачеванием, изгоняли злых духов из домов, совершали обряды, которые должны были обеспечить урожай или предотвратить засуху. Шаманские обряды сохранились и в наши дни. Сейчас шаманизм все чаще рассматривают как составной элемент традиционного корейского наследия, а некоторые представители местной левой интеллигенции даже заявляют, что он, дескать, является «отражением протеста угнетенных классов». А многие корейцы воспринимают шаманизм как единственную «исконную» религиозную систему страны, которая противопоставляется китайскому конфуцианству, индийско-китайскому буддизму, европейскому христианству. Наиболее знаменитым шаманкам власти сейчас присваивают почетное звание «человек – национальное достояние», которого в Корее удостоиваются лучшие мастера традиционных искусств и ремесел¹.

Буддизм появился в Корее, как отмечалось, во второй половине IV в. Проникая из Китая, он распространялся до начала VI в. довольно медленно, но затем началось непрерывное и быстрое его усиление, причиной которого послужило принятие буддизма в качестве официальной религии ваном Силла *Попхином* в 527 г. В Когурё, однако, в середине VII в. буддизм был вытеснен даосизмом, который с 40-х годов VII в. усиленно распространялся правителей страны. В Силла же не отмечалось

¹ *Никитин Д. М.* Камлание у Триумфальной арки // Независимая газета. 15 июля 2009.

открытых конфликтов между конфуцианством, буддизмом и даосизмом, которые постепенно вошли в качестве составных частей в государственную идеологию этого государства.

Проникновение на Корейский п-ов новых форм идеологий, в частности, конфуцианства, привели к запрету древней практики человеческих жертвоприношений. Как сообщалось в корейской хронике «Самкук саги» («Исторические записи трех государств»), составленной в 1145 г. и включившей в себя более ранние источники: *«В третьем году (502 г.). Весной, в третьем месяце, был издан указ, запрещающий при похоронах человеческие жертвоприношения. Если раньше умирал правитель государства, то убивали по пять мужчин и женщин для захоронения [вместе с ним], но отныне это [категорически] воспрещено»*. Археологические находки позволяют утверждать, что чаще всего жертвами становились женщины или дети, но и принесение в жертву мужчины также встречалось в гробницах царства Силла, в том числе в женских могилах.

С распространением конфуцианства и утверждением буддизма на развитие культуры стали оказывать определенное влияние китайская письменность и литература. Возникли школы для подготовки чиновников, на китайском языке создавались первые исторические произведения. Экзамены на чин, введенные в 788 г., заключались в проверке знаний китайской классической литературы. В стране пользовались китайской письменностью. В конце VII в. ученый Соль Чхон создал *письмо иду*, в котором корейские слова записывались с помощью китайских иероглифов в соответствии с фонетикой и грамматическим строем корейского языка. При этом иероглифы использовались как буквы слогового алфавита. Корейскими конфуцианскими учеными создавались значительные произведения биографического и исторического характера на китайском языке. С формированием общенародного языка был сделан первый шаг к закреплению его в литературе.

Развивались и естественные науки, особенно математика и астрономия. Одно из столичных учреждений специально занималось вопросами астрономических наблюдений и составлением календаря. Первая «Башня для наблюдения за звездами» (*Чхонсондэ*) – прототип обсерватории – была построена в столице Силла – городе Кёнджу (на юго-восточном побережье, позднее – Кымсон) в середине VII в. Она считается древнейшей в Восточной Азии. А в середине VIII в. была учреждена должность придворного астронома. Развитию географических знаний в значительной мере способствовали буддийские монахи, совершавшие частые поездки в Китай, Японию и даже паломни-

**Раннесредневековая
астрономическая башня**

чества в Индию. При дворе в конце VII в. появилась медицинская школа. С VIII в. известны первые солнечные и водяные часы.

Поэзия в Объединенном Силла находилась под сильным влиянием буддизма. Авторами многих песен были буддийские монахи. В 888 г. была составлена антология корейской поэзии, включавшая более тысячи произведений. Значительным было воздействие буддизма на музыку и изобразительное искусство.

Гробницы Когурё

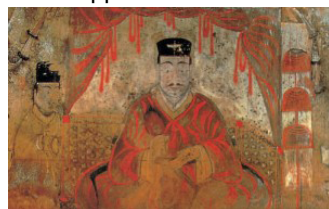
(изображения духов, фантастических животных и птиц) на стенах и потолках гробниц. В период Объединенного Силла строились грандиозные монастыри, храмы и пагоды, создавались каменные и бронзовые скульптуры божеств буддийского пантеона. В центре столице – Кёнджу – был

Вскрытая гробница Когурё

погребение, сохранность которого позволила восстановить облик погребенной женщины. Ей было 35–39 лет, рост – 155 см., питалась преимущественно рисом и почти не ела мяса. Череп ее, вероятно, в младенчестве был подвергнут искусственной деформации при помощи дощечек и тугой повязки.

Об уровне развития архитектуры и изобразительного искусства в Когурё свидетельствуют сохранившиеся в Северной Корее (в Кансо, Анаке и др.) гробницы когурёской знати, где под высокими курганами скрыты сводчатые комнаты с изящными колоннами, напоминающие об их прототипах в земной жизни. Замечательна фресковая живопись

Фрагмент росписи в гробницах Когурё

выстроен «Лунный замок» – главный дворец, окруженный многочисленными малыми дворцами, павильонами и беседками. Во дворе главного дворца и находилась упомянутая обсерватория.

Там же, в погребениях недавно археологам удалось обнаружить

Реконструкция лица погребенной женщины

Уже в раннесредневековой Корее отмечаются многие достижения в *ремеслах*. Так, в V в. практиковалась система отопления дома при помощи ходов под полом, в которые от печи шел нагретый воздух и дым.

Славились *корейские луки*, возможно, для того времени одни из лучших во всей Азии. Стреляли с них даже в ближнем бою, предпочитая их рукопашным схваткам (в отличие, например, от Японии). Лишь в XIII в, во время монгольского господства, мастерство лучников стало снижаться. А еще позднее, в XVII в. в ответ на просьбу маньчжурского императора продемонстрировать мастерство лучников, корейский правитель ответил, что мы, корейцы, «*грамотеи, а не стрелки*»¹.

К выдающимся памятникам силланского искусства (которое достигло наибольшего расцвета после объединения страны под главенством государства Силла) относятся изваяния Будды в искусственном гроте Соккурам (воспроизводящем пещерный храм) и каменная пагода Таботхап из храма Пульгукса. Бронзовый колокол из храма Пондокса служит свидетельством высокого уровня бронзового литья. Поверхность колокола была покрыта рельефными изображениями, воспроизводящими картины праздной жизни и роскошь силланской аристократии.

О художественных ремеслах государства Силла можно судить по археологическим памятникам из окрестностей Кёнджу. Среди них наиболее знамениты изящно отделанная корона из чистого золота, золотые брошки, кольца, браслеты, куски шелка, оружие и другие предметы из «Кургана золотой короны», относящегося к V в. н.э.²

**Колокол
из храма Пондокса**

Общность средневековой идеологии (на основе конфуцианства и буддизма) способствовала поддержанию тесных культурных связей между государством Силла и Танской империей в Китае. В качестве преподавателей в высшую государственную школу приглашали китайских ученых. Многие представители силланской аристократии для пополнения своего образования выезжали в столицу Танской империи (Чанъань).

В целом период Объединенного Силла представляет собой важнейший этап в истории Кореи, когда впервые было создано единое централизованное государство на всей территории полуострова. Принципы его социальной и административной организации, земельной системы в огромной степени определили всю последующую историю страны.

¹ Асмолов К. В. Рыцарство: реальность и воображаемое // Одиссей. 2004. С. 129.

² historic.ru/news/item/f00/s27/n0002734/index.shtml

КОРЕЯ В X–XV вв.

Создание государства Корё. К концу IX в. территория прежде обширного государства Силла распалась на уделы, которыми управляли практически независимые местные правители. Раздача государственной земли чиновникам и духовенству, а также возникновение самостоятельных феодальных земельных владений (чанвон) привели к постепенному ослаблению центральной власти. Полной самостоятельностью пользовались и буддийские монастыри, владевшие дарованными землями. Местные землевладельцы (ёнчжу), господствовавшие на значительных территориях, обзаводились собственными вооруженными дружинами для борьбы друг против друга, подчинения крестьян и открыто противопоставляли себя верховному правителю. В общем, происходило то, что обычно называется феодальной раздробленностью.

В таких условиях, естественно, положение крестьян, как имевших наделы у местных землевладельцев, так и оставшихся на государственных землях, становилось все хуже. С начала IX в. начались крестьянские выступления, принявшие значительный размах к концу столетия. В 890 г. на юго-западе Корейского полуострова вспыхнуло крестьянское восстание под руководством сына крестьянина **Кен Хвона** (Чин Хвона). Непосредственным поводом к восстанию послужили непомерные поборы властей и посылка королевских чиновников для сбора налогов и недоимок. Повстанцы носили красные штаны, поэтому их называли «*красноштанниками*». Кен Хвон объединил разрозненные отряды крестьян и захватил владения бывшего государства Пэкче. Войдя в контакт с местными феодалами-сепаратистами, в 900 г. он основал новое государство, назвав его *Пёзднее Пэкче* (Ху Пэкче).

В 897 г. новое крестьянское восстание вспыхнуло на северо-востоке Корейского полуострова. Оно также слилось с сепаратистскими выступлениями местных феодалов, которые его и возглавили — во главе встал **Кун Ё**, сын наложницы монарха. После ряда сражений ему удалось захватить бывшую территорию государства Когурё и основать государство *Позднее Когурё* (Ху Когурё), или Тхэбон. Столица была установлена в Кэгёне (современный Кэсон – вблизи западного побережья). Владения Силла уже ограничивались небольшим столичным районом на восточном побережье.

Во главе нового государства в 918 г. Кун Ё поставил **Ван Гона**, происходившего из старинного рода правителей Когурё. Придя к власти на волне крестьянского восстания, Ван Гон пошел на уступки крестьянам: издал закон об освобождении их от недоимок за прежние годы и от уплаты налогов в течение трех лет.

В соседних землях многие феодалы добровольно выразили покорность Ван Гону, как наиболее могущественному среди них. Так произо-

шло и с последними правителями Силла. В 920 г. Ван Гон официально получает титул *монарха Когурё*, или *Корё* (сокр. от Когурё) и начинает проводить самостоятельную внешнюю политику: отправил посольство в Китай, установил дипломатические отношения с северными племенами мохэ и киданями. Правитель государства Силла выразил покорность Ван Гону и передал ему свои монаршие регалии.

В 935 г. государство Силла перестало существовать. Вся страна была объединена под властью Корё (от названия этого государства и происходит название страны, ставшее известным в Европе)¹. В 936 г. Ван Гон разгромил Позднее Пэкче и, таким образом, стал признанным правителем всей Кореи.

Однако в правление Ван Гона и его ближайших преемников раздробленность не была еще полностью преодолена, так как признававшие верховную власть корёского правителя местные феодалы фактически оставались полными хозяевами в своих уделах. Лишь к концу X в. сложилось централизованное государство, материальной основой которого была все та же верховная собственность на землю, восстановленная законом 976 г. о наделении чиновников полями и пустошами.

Этот закон предусматривал занесение всех земель в общегосударственный кадастр для обложения налогами, а также порядок наделения всех чиновников и военных слуг монарха участками пахотных и пустующих земель в соответствии с присвоенными им рангами. Надел давался пожизненно. По наследству передавались лишь земли, полученные в награду за выдающиеся заслуги перед верховной властью. Однако закон не предусматривал перераспределения земельных владений, поэтому все держатели таких наделов сохраняли свои земли в качестве владельцев государственной земли с правом присвоения феодальной ренты. Так формировалось служилое сословие. Но центральная власть, как верховный собственник, имела право на часть ренты в виде налогов и отработок, исполнявшихся крестьянами.

Внутреннее устройство. Основной формой крестьянского землевладения оставалась, как и в государстве Силла, наделная система: крестьяне получали от государства во временное владение определенные участки земли. Только небольшая часть зажиточных крестьян могла держать землю на правах непосредственной собственности, передаваемой по наследству.

В деревне существовала система круговой поруки, при которой крестьянин обязан был в любом случае уплатить налог, заняв недостающее зерно даже в соседней деревне, уезде или провинции; при неурожае или после стихийных бедствий за ним оставалась задолженность на следующий год. Помимо основного налога за землю крестья-

¹ По-корейски – *Хангук*.

нин платил налог различными изделиями домашнего ремесла. Наряду с этим устанавливались всякого рода дополнительные отработки. Так, например, ван Ван Хён согнал множество крестьян на рытье пруда и дворцовое строительство. В годы стихийных бедствий и неурожаев крестьяне вынуждены были брать зерно у ростовщиков под высокий ссудный процент. Существовали государственные склады для раздачи ссуды зерном в столичных городах Кэгёне и Согёне, а также 15 складов в различных округах и уездах страны. Хотя среднегодовой ссудный процент был установлен законом в размере 33, но практически проценты по кабальной ссуде доходили до 200–300 и долг переходил после смерти взявшего ссуду к его потомкам. Часто крестьяне брали в долг у феодалов и буддийских монастырей и храмов.

Феодалы в своих владениях прибегали к различным физическим наказаниям: битью по кистям рук, надеванию колодок на ноги, поркам и т.д. Под предлогом, что шелк и другие богатства являются излишествами, у населения нередко отбирали весь шелк и табак; требовали отрезания кос у женщин за неуплату налогов.

Происходившие реформы во многом воспроизводили китайские порядки. Не случайно Ван Гон в своем завещании особо отметил важность изучения культуры Китая.

На этих основах сложилась и структура централизованного государственного аппарата. При Ване **Сонджоне** (982–997) были созданы главные центральные правительственные учреждения по шести основным отраслям управления: ведомства чинов, обрядов, финансов, военного, наказаний и общественных работ; установлено административное деление всей страны на 12 областей и 10 провинций (с XI в. – на 6 провинций), с выделением в областях округов и уездов. Сеть почтовых станций и портовых служб должна была обеспечить исправный подвоз поступлений в государственные «закрома». Ведущими государственными повинностями были сдача и перевозка риса в государственные склады. Была введена новая денежная единица – медная монета, новые судебные правила и т. д.

Внешне корёская система местного управления кажется всеобъемлющей – административные единицы разного уровня покрывали всю территорию страны. На самом деле административные возможности династии были ограничены. Из приблизительно 500 округов и уездов правители – главным образом по финансовым соображениям – посылались примерно в 100 самых крупных. Соседние округа и уезды поменьше (их называли *соккун* или *сок-х'ён* – «подчиненный округ» или «подчиненный уезд») управлялись чиновниками крупных административных единиц «по совместительству». Ясно, что один присылаемый из центра наместник, даже с заместителем (*пхангван*) и несколькими помощниками (*соккван*), вряд ли мог успешно

справиться с делами 5-6 округов и уездов в малознакомой местности. В реальности эффективно исполнять свои обязанности посланец центра мог лишь при помощи «местных чиновников» (*хянни*) – мелких и средних землевладельцев, получавших от центральной власти «местную должность» (*хян-джик*) и права на чиновничий земельный надел. Положения о «наделах» для «местных чиновников» легализовывали их земельные владения, восходящие еще к смутным временам Позднего Силла.

Основную роль в местном управлении, особенно там, куда центральные чиновники не посылались, играли представители местных «сильных домов» в должностях *ходжан* («начальник над дворами») и *пуходжан* («заместитель начальника над дворами»). Практика передачи этих должностей по наследству означала признание центральной властью привилегированного статуса того или иного клана в соответствующем районе. «Местным чиновникам» давалось право на официальный общегосударственный символ привилегированного положения – особый чиновничий костюм. Стремясь упрочить связь между местной и центральной элитой, власть поощряла сдачу «местными чиновниками» государственных экзаменов и их продвижение в ряды центральной бюрократии.

Столицей нового государства стал Кэгён. Города Пхеньян (на северо-западе, переименованный в Согён) и Кёнчжу (на юго-восточном побережье), хотя и не считались формально столичными, также сохранили это название. В XI в. на р. Ханган был построен город-крепость Намгён (современный Сеул).

Правящее сословие четко подразделялось на гражданских и военных чиновников, отчего и произошло его корейское название – *янбан* (два деления). Основу военной организации составила всеобщая повинность государственных крестьян (сословия *янин* – добрых людей), считавшихся военнообязанными в возрасте от 16 до 60 лет. Воинская повинность фактически была разновидностью повинности феодальной, ибо мобилизованные крестьяне использовались как для военных целей, так и для всевозможных работ по строительству дворцов, крепостей, дорог, каналов и пр. Крестьян, находившихся в армии, содержали их односельчане. Обычно 4–5 дворов выделяли одного воина для непосредственной военной службы, а остальные военнообязанные должны были содержать воина и его семью. Но сохранялись и в дальнейшем даже укреплялись крупные земельные владения чиновной знати и буддийского духовенства, что делало централизацию страны непрочной.

Буддийское духовенство заняло господствующее положение, а буддизм признавался государственной религией до конца XIV в. Сами монархи всячески поощряли распространение буддизма в Корее, раздавали буддийским монастырям крупные владения и тратили огромные средства на постройку буддийских храмов и школ.

Кто же мог стать чиновником в Корё? С 958 г. чиновничество набиралось через государственную экзаменационную систему, хотя допущение к службе «за заслуги предков» для выходцев из семей чиновников высших 5 рангов по-прежнему оставалось нормой. Всего через экзамены в X в. было взято на службу примерно 34% тех корёских чиновников, о которых сохранились биографические данные в источниках. Это несколько меньше, чем в Китае времен династии Сун, где через экзамены рекрутировалось до половины всех государственных служащих. Это неудивительно – бюрократизация корёского общества была сопряжена с немалыми трудностями.

Традиционный взгляд на государственную службу как продолжение системы личных отношений в «высшем обществе» давал о себе знать и в самой процедуре экзаменов. В случае успеха экзаменуемый, по корёскому обычаю, становился «учеником» экзаменатора (*чигонго*) и обязан был звать последнего *чваджу* («хозяин места») и «*почитать подобно родному отцу*» (что в конфуцианском обществе отнюдь не было пустым звуком). Группа «учеников» одного экзаменатора образовывала обычно «общество одногодков» (*пгоннёнхвё*). Учитывая официальное положение их членов, подобные общества часто играли серьезную роль во внутренней политике.

Самым верным путем к удаче на экзаменах была учеба в Государственной высшей школе («Школа сынов отечества», *Кукчагам*), продолжившей традиции силлаской Высшей государственной школы (воссозданной в 992 г., неоднократно затем переименовывавшейся). Принималось туда до 300 человек, и еще 300 студентов могло поступать в Высшую Школу (*Тхэхак*) – столичное образовательное учреждение более низкого ранга. Как правило, на основные курсы, связанные с изучением конфуцианских классиков и дававшие право сдавать экзамен первой ступени по классам словесности и конфуцианских канонов (что и вело в итоге к службе в центральном аппарате), принимались лишь выходцы из семей чиновников 1–3-го рангов (в Государственном Университете) или 1–5-го рангов (в Высшей Школе). Были, конечно, исключения, но в целом допуск к высшему образованию (и, соответственно, к чиновничьей службе) определялся принципом наследования. Впрочем, преимущественный прием в высшие учебные заведения для выходцев из чиновных семей был нормой и в сунском Китае. В этом смысле образовательная и экзаменационная системы были не только генераторами социальной мобильности (каковым они и должны были быть в теории), но и заслоном на пути проникновения в правящее сословие выходцев из неслуживых слоев.

Кроме указанных высших школ, в корёской столице, по сунскому образцу, была основана «Школа четырех ворот» (*Самунхак*), в которую брали, как и в Китае, детей чиновников средних рангов (до седьмого вклю-

чительно) и, в некоторых случаях, талантливых простолюдинов. Конкуренцию трем вышеупомянутым государственным учебным заведениям составляли частные школы, прежде всего знаменитые тогда «девять курсов» (*куджэ*), основанные в столице министром и конфуцианским ученым Чхве Чхуном (984–1068), который и сам несколько раз назначался экзаменатором (*чигонго*). Считалось, что почти все чиновники, успешно сдавшие экзамены в первой половине XI в., принадлежали к знати.

Внешнеполитическое положение Корё в X–XI вв. Объединение страны и усиление центральной власти сказались на укреплении дипломатических и торговых связей Кореи с соседними племенами и государствами, прежде всего с Китаем. В 939 г. северокитайская династия – Поздняя Цзинь – официально признала государство Корё. Дружественные отношения были в интересах обеих стран, так как помогали сдерживать захватнические устремления империи Ляо, созданной северными кочевниками-киданами. Новая корейская династия поощряла развитие торговли с Китаем, поддерживала купцов.

Но кидани, хотя в 939 г. и признали новое корейское государство, неоднократно вторгались в пределы полуострова. Так, например, произошло в 993 г., когда многотысячная армия киданей напала на Корё, но встретила упорное сопротивление и была вынуждена отступить.

Однако на этом киданьские нашествия не прекратились. Воспользовавшись междоусобной борьбой в Корё, в начале XI в. кидани дважды вторгались на полуостров. Но даже, несмотря на временный захват столицы Корё, в 1019 г. их 200-тысячная армия была разгромлена. Помог корейцам их союз с другими кочевниками – чжурджэнями. Река Амноккан с XI в. стала границей корейского государства на севере. Тем не менее, чтобы обезопасить себя от новых нападений, по заключенному миру Корё все же вынуждена была признать формальную зависимость от киданьской империи Ляо.

После стабилизации отношений с киданями авторитет Корё вырос, что отразилось в прибытии посольства из Японии с целью установления связи между японским и корейским буддизмом. Собственно, в Японию буддизм и проникал, в основном, через Корею.

Наибольшего расцвета Корё достигло в XI в., особенно при ване **Мун Джоне** (1047–1082). Именно он создал ту административную систему, которая просуществовала почти два с половиной столетия. Это было время торжества принципов централизации и государственной собственности на землю (которая с созданием Корё, как отмечалось, была восстановлена).

Однако уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки сокращения государственного земельного фонда и ослабления государства. Но разрастание чиновничьего аппарата было естественным следствием

принятой системы управления, основанной на государственной земельной собственности. Однако материальное благосостояние и статус основной массы чиновничества начали падать.

В то же время много земель было передано в награду «заслуженным сановникам», пожаловано или захвачено родственниками ванов, не выполнявшими реальных функций в сфере управления. В результате чрезвычайно усилились имущественные различия между основной массой чиновничества, непосредственно занятой делами службы, и высшей знатью, что приводило к острым противоречиям внутри правящего сословия. Обострились также противоречия между военным (менее привилегированным) и гражданским чиновничеством, между столичной и провинциальной знатью.

Положение усугублялось произволом крупных землевладельцев в отношении крестьян, чьи наделы они захватывали (равно как и служебные земли мелких чиновников). Усилившийся налоговый гнет (в немалой степени за счет произвольных требований собиравших налоги чиновников) и утяжелявшаяся трудовая повинность приводили к разорению крестьян – держателей государственных наделов. Результатом стало участвовавшее бегство земледельцев. Но оно еще более ухудшало положение оставшихся, связанных с ними круговой порукой. В конечном счете, все это приводило к сокращению доходов государства.

Одновременно появились могущественные семьи, происходившие не из правящего рода. Захватывая государственные земли вместе с сидевшими на них крестьянами, они не только сосредоточивали в своих руках большие богатства, но и получали определенный политический вес. Немало земель принадлежало монастырям. В целом XI–XII вв. отмечены ростом крупного частного землевладения. Многие богатые землевладельцы содержали вооруженные отряды.

Хозяйственная жизнь в X–XI вв. После успешного завершения войн с киданями в Корее наступил довольно длительный мир, благоприятно сказавшийся на развитии экономики. Восстанавливалось сельское хозяйство, государство предоставляло льготы по распашке заброшенных полей, выдавало ссуды районам, пострадавшим во время нашествия, постепенно расширялись посевные площади. Китайский путешественник начала XII в. констатировал существование террасных поливных рисовых полей даже на склонах гор.

Ремесло в значительной степени еще было сосредоточено в деревнях. Но существовали и ремесленники, работавших на удовлетворение нужд государства. Это было т. наз. «казенное ремесло». В столице и крупных городах были государственные ремесленные мастерские (с довольно развитым разделением труда), где работали прикрепленные к ним государственные крепостные. Свои производственные навыки и

сословное положение ремесленники передавали по наследству. Существовали и мастерские, не принадлежавшие казне (как зачаток свободного ремесла).

Крупнейшим торговым центром была столица Кэгён, где существовали большие торговые ряды, занимаемые купеческими гильдиями, и многочисленные лавки. В некоторых провинциальных городах существовали местные рынки и торговые ряды. В связи с развитием торговли в X–XI вв. была сделана попытка пустить в обращение металлические деньги (железные и серебряные), но они не прижились, а роль денег по-прежнему выполняли ходовые товары (зерно и ткани).

Все это свидетельствует о незначительности объема торгового оборота в условиях господства натурального хозяйства. Несмотря на развитие ремесел (казенных) и торговли, города оставались по преимуществу административными центрами средневекового государства. При этом вся торговля и иная деятельность в городах строго контролировались правительственными учреждениями.

Казенные ремесленники обязаны были бесплатно поставлять свою продукцию ко двору монарха. Они обеспечивали производство бумаги, фарфора, тканей, металлических и других изделий, которые также вывозились – прежде всего в сунский Китай, но и к северным соседям (кидаям и чжурчженям), в Японию, Иран и даже к арабам.

Главное место во внешней торговле Корё занимал сунский Китай. Из него ввозились всевозможные сорта шелка, фарфор, музыкальные инструменты, книги, картины. Из Корё вывозились меха, золото, серебро, белая корейская бумага, женьшень. Персидские купцы привозили ртуть, благовония и краски, а взамен получали шелка, лекарства, посуду и т. д. Внешняя торговля, при этом, жестко контролировалась властями.

Обострение социальных противоречий и крестьянские выступления в XII в. Неизбежный в условиях существования знати и чиновников-землевладельцев постепенный рост земельных наделов аристократии, а также монастырей приводил к фактическому подрыву принципа государственной собственности на землю и к сокращению доходов центрального правительства.

Основной причиной этого были захваты государственных земель и сидевших на них крестьян высшей феодальной знатью (преимущественно родственниками монарха), буддийскими монастырями и крупными чиновниками. Сокращение государственного земельного фонда даже заставило правительство во второй половине XI в. отказаться от пожалования чиновникам служебных наделов. Но раздача земель за всевозможные заслуги представителям высшей знати не прекращалась.

Признаки ослабления централизованной власти появились уже в первой половине XII в. Прежде всего, уменьшилось число государственных

крестьян, они становились частновладельческими крепостными – *ноби* (чхонины – «низший люд»). Сокращался фонд государственных земель – росли владения правящей семьи, родственников монарха по мужской и женской линии, крупное частное землевладение, земли, даваемые в награду и передававшиеся по наследству, монастырские земли. Возникали неизбежные конфликты между феодальными группировками, приводившие к вооруженным мятежам.

Владельцы крупных феодальных уделов стали создавать свои вооруженные отряды. Буддийские монастыри формировали свои отряды из вооруженных монахов. Борьба внутри правящего сословия за власть, за влияние на королевское правительство и земельные владения вылилась в конфликты между столичной и провинциальной знатью, между духовными и светскими феодалами, между чиновным и военным дворянством.

В 1126 г. в столице – Кэгён – вспыхнул мятеж одного из ближайших родственников вана Инчжона – Ли Чжа Гёма. Он занимал пост главного советника, владел обширными поместьями по всей стране. Ему удалось убрать с пути многих сановников, сжечь монарший дворец, ограничить свободу правителя, которого он собирался убить. Однако Ли Чжа Гём не успел осуществить этот замысел, так как сам был убит одним из своих вассалов.

В 1135 г. в Согёне вспыхнул мятеж, возглавленный буддийским монахом Мё Чхоном. Это была междоусобная борьба за власть между кэгёнской и согёнской феодальной знатью, в которой приняли участие и крестьянские массы, боровшиеся против правительственных войск и чиновничества. Согёнские мятежники прервали связи со столицей и, собрав военные силы, провозгласили создание «государства великих деяний». Но центральные правительственные войска подавили этот мятеж.

Резко обострилась борьба между гражданским и военным чиновничеством. В 1170 г. поднял восстание военачальник Чон Бон Чун. Восставшие перебили придворную знать монарха Ыджона, захватили важные государственные должности, сместив гражданских чиновников.

В борьбе за власть принимали участие и буддийские монастыри. Известно нападение большого отряда вооруженных монахов на столицу Кэгён в 1174 г.

Нарастание усобиц, сопровождавшееся ростом нажима на крестьян, способствовало и усилению их сопротивления. В 1176 г. вспыхнуло восстание государственных крепостных (чхонинов) на юге страны. Крестьяне захватили административный центр Кончжу, разбили трехтысячный отряд правительственных войск. Тогда власти издали указ о переводе крестьян из группы чхонин в янин (государственных), но повстанцы продолжали держать Кончжу в своих руках. Лишь спустя год восстание было подавлено.

В разгар борьбы в южных провинциях в 1177 г. подняли восстание крестьяне северо-западных районов. Власти трижды посылали войска против повстанцев. Лишь после казни одного из их лидеров и подкупа других чиновничьими должностями, восставшие ушли в горы.

Однако весной восстание вспыхнуло с новой силой. Организовавшись в три крупных отряда и создав единое командование, повстанцы заняли значительные территории. Пятитысячное правительственное войско вынуждено было отступить. Восставшие разгромили несколько буддийских храмов. Успеху восстания на первых порах способствовала сплоченность крестьянских общин и военных поселений, земли которых постепенно захватывали буддийские храмы. Но в 1179 г. правительство, воспользовавшись недостатком оружия и продовольствия у восставших и подкупив руководителей, подавило восстание. Волна крестьянского движения пошла на убыль, хотя известно еще несколько выступлений, подавленных в более короткое время.

Борьба с монголами в XIII–XIV вв. и падение государства Корё.

В условиях усобиц и восстаний центральная власть теряла контроль над страной – государство Корё слабело. И в такой обстановке в начале XIII в. стране пришлось отбиваться от монгольского нашествия.

Впервые монгольские войска появились в Корё в 1218 г. Они потребовали от корёского правительства выплаты столь тяжелой дани, что вызвали всеобщее возмущение. Последовавшее в 1225 г. убийство монгольского посла, возвращавшегося из Кореи, привело к разрыву отношений между монголами и корёским правительством. Инцидент был использован монголами для организации похода на Коре.

Летом 1231 г., когда в Корё происходила очередное столкновение одной из группировок военно-феодалной знати с буддийскими монахами, в страну вторглись монгольские войска. Поначалу они встретили ожесточенное сопротивление. Защитники небольшой крепости Куджу (современный Кусон) 30 дней отбивали атаки монгольской армии, применявшей разнообразные сооружения для штурма крепостей. Так же упорно оборонялись и жители других северокорейских городов. Однако когда нависла угроза над столицей, правящая феодальная группировка вступила в переговоры с завоевателями и заключила мир на продиктованных монголами условиях: уплатить большую дань одеждой, тканями, мехами, лошадьми.

В начале 1232 г. основная часть монгольских войск, захватив большую добычу (золото, серебро, меха), вернулась в Монголию, а в Корё остались 70 монгольских наместников, стремившихся подчинить своему контролю всю жизнь страны. Недовольные произволом монголов, тяжелой данью, а особенно требованием о передаче монголам двух тысяч юношей и девушек из знатных семей, правители Корё истребили монгольских наместников и укрылись на неприступном для монголов о. Кандо (Канхва). Бегство феодальной знати и уход на остров корейских войск ослабили борьбу против монгольских захватчиков. Правда, из своего безопасного убежища корейские правители призывали народ

к сопротивлению, но также требовали, чтобы население исправно платило им налоги и выполняло трудовые повинности, в том числе по строительству новой столицы на о. Кандо.

В ответ крестьяне в 1232 г. подняли восстание против предавшей народ аристократии. Это и последовавшие за ним аналогичные выступления подавлялись правительственными войсками, которые в борьбе с монголами активности не проявляли. В такой обстановке в ответ на убийство монгольских наместников и бегство корёских аристократов на Кандо монголы в конце 1232 г. снова направили в Корею свои войска и учинили страшные опустошения.

К монголам было направлено посольство с богатыми дарами, во главе которого стоял наследный принц. Посольство задержали при монгольском дворе, и оно вернулось в Коре лишь после смерти монарха. Две тысячи придворных было отправлено в захваченный монголами Китай как заложники. Страна была обложена тяжелыми поборами, города и села разорены, население угонялось в рабство к монголам. Корё стало вассалом империи Юань. Монголы потребовали огромную дань: в год – миллион комплектов одежды, 20 тыс. лошадей, 10 тыс. кусков шелковой ткани, 10 тыс. бобровых шкур и т. д.

В последующие 20 лет произошло еще пять не менее опустошительных нашествий монгольских армий. Страна была обескровлена и разорена. В 1253 г. один из чиновников доносил монарху о том, что *«в народе из каждых десяти в живых остались два или три человека...»*. В результате нового нашествия 1254 г. в плен было угнано 207 тыс. человек.

Южные провинции почти три десятилетия (1231–1258) сдерживали напор монголов. Но постоянные вторжения агрессоров в южные районы лишали правителей и аристократию, спрятавшихся на Кандо, источников снабжения. В итоге в 1258 г. правительство возвратилось в Кэгён и капитулировало перед монголами. Снова водворились монгольские наместники, а возле столицы и у южного побережья разместились монгольские военные поселения. Сопротивление продолжилось лишь на отдельных островах.

Усилившиеся поборы в крайне разоренной стране вызвали новый взрыв возмущения. В такой обстановке вспыхнуло восстание войск «трех особых корпусов», набранных из государственных крестьян и крепостных. Войска представляли собой регулярное формирование, созданное правителями для обороны Кандо. Когда в 1270 г. в связи с переездом двора в Кэгён монголы предложили скрыть все укрепления на острове и уйти на материк, войска не подчинились приказу. Восставшие объявили монархом одного из представителей царствующего рода и развернули антимонгольскую борьбу. На тысяче мелких кораблей они нападали на правительственные силы и поддерживали антимонгольские народные восстания на полуострове. Три года продолжалась упорная борьба. Но при активной помощи монголов правительству Корё удалось разгромить восставших.

Лишь с усмирением этого выступления господство монголов утвердилось во всей стране.

Подавив основное сопротивление, монголы с помощью правителей Корё начали готовиться к походам в Японию. Монгольский император Хубилай пытался превратить Корею в базу для завоевания Японии.

Корейцев обязали построить транспортный флот, заготовить провиант для монгольской армии, обучить солдат для участия в экспедиции, обеспечить курьерскую службу. Для покрытия расходов на войну ввели дополнительные налоги, десятки тысяч крестьян согнали на вырубку леса и строительство кораблей. Система орошения была запущена, неурожаи порождали голод и эпидемии. Мелкие и средние феодалы также подвергались притеснениям монголов и буддийского духовенства, на которое опирались завоеватели. При этом на южные провинции продолжались частые набеги японских пиратов.

И в 1274 г. началось новое восстание. Первыми выступили корейские солдаты на о. Чечжудо (к югу от полуострова), подготовленные для отправки в Японию. Их поддержали крестьяне южных провинций. Монголы жестоко подавили восстание.

В походе 1274 г. на Японию участвовали 8000 корёских пехотинцев и 6700 моряков. Во время второго похода (1281 г.) монголы потребовали поставки 900 кораблей и огромного количества продовольствия. Недовольство и нежелание корёских войск участвовать в военной экспедиции монголов сыграли свою роль в ее провале.

Но в самой Корее монгольский гнет усиливался. Иногда только на корм лошадям монгольской конницы собирали до 150 тыс. мешков зерна. У корейского населения отбирали скот, инвентарь и семена для снабжения монгольских военных поселений. Кроме обычной дани зерном монголы требовали регулярных или чрезвычайных поставок золота, меди и других металлов, строительных материалов, вывозили в Монголию мастеров-ремесленников.

Особенно унижительны были поставки женщин и девушек для пополнения гаремов монгольских правителей. По деревням рыскали поставщики рабынь. В докладе одного монгольского чиновника отмечается: *«Родители и родственники отобранных женщин плачут день и ночь напролет, и в день разлуки со слезами на глазах преграждают им путь; от горя и возбуждения они кончают с собой или падают в обморок...»*. Чтобы парализовать сопротивление корейского народа, монгольские правители даже запретили производство луков и стрел.

В XIV в. политическая ситуация продолжала обостряться. Некоторые монархи женились на монгольских принцессах и долгое время жили в Китае. Существовавшие налоги повышались и вводились новые. В частности, в 30–40-х гг. XIV в. из-за нехватки средств был введен высокий должностной налог на провинциальных чиновников, что ухудшило их и без

того пошатнувшееся положение в государстве. Нарастало недовольство не только господством монголов, но и, прежде всего, правившей корейской династией.

К этому добавились начавшиеся в первой половине XIV в. набеги японских пиратов на Корейский полуостров. Пираты опустошали прибрежные районы, население которых вынуждено было покидать плодородные долины и уходить в горы. В 1356 г. японские пираты захватили о. Кёдон (в устье р. Есонган) и стали угрожать столице – Кэгёну. Мелкие и средние феодалы, которые не только не могли защитить свои владения от внешних врагов, но и постоянно страдали от произвола крупных феодалов, отбиравших у них землю и крестьян, выступали за скорейшее свержение монгольского господства и ограничение власти крупных землевладельцев.

В соседнем Китае положение монгольской династии ослаблялось растущим сопротивлением против империи Юань. Естественно, это движение находило широкую поддержку и в Корее. В придворных кругах Кореи возникли две группы: сторонников династии Юань и сторонников китайской династии Мин. Между ними началась борьба, в которой победили противники монголов. В 1356 г. при всенародной поддержке войска нового правителя **Конмина** (1352–1374) изгнали основные силы монголов со всей территории Кореи, за исключением южного о. Чечжудо, освобожденного в 1374 г.

В ходе борьбы с монгольской династией Юань ее китайские противники вторгались и на территорию Корё, ибо правители последней поначалу не решались столь решительно, как китайцы, порвать с завоевателями. Это привело в нескольким вторжениям в Корею китайских повстанцев (в Корё их прозвали красноголовыми). Впервые они вторглись в Корё осенью 1359 г. и после нескольких битв с переменным успехом захватили столицу. Лишь в начале 1362 г. восставленная корейская армия освободила Кэгён и окончательно изгнала «красноголовых» из Корё.

С установлением новой династии – Мин – Китай потребовал, чтобы Корея признала себя ее вассалом. Отношения между минским Китаем и Кореей ухудшились. В 1388 г. корейский монарх с остатками монголов выступил против Минов, послав войска во главе с **Ли Сон Гё**. Но к этому времени укрепившиеся в Китае Мины могли оказать действительную помощь антимонгольским силам в Корее и Ли Сон Гё, выразивший интересы мелких и средних землевладельцев, воспользовавшись недовольством народа в собственных целях, повернул войска на столицу. Он захватил Кэгён, объявил себя высшим военным правителем страны и сосредоточил в своих руках всю власть. Это был, по сути, государственный переворот.

Ли Сон Гё и его сторонники приступили к ликвидации всех поземельных привилегий крупной феодальной знати и в 1391 г. издали за-

кон о чиновных наделах, по которому восстанавливалась верховная государственная собственность на землю. По этому закону вся земля поступала в распоряжение центрального правительства, которое одно могло определять право на владение ею. Таким образом, была создана основа для ликвидации власти удельных князей и нового политического объединения страны.

Государство как собственник земли имело право собирать со всех земель налог в размере $\frac{1}{10}$ урожая. Главным источником доходов казны стали налоги с государственных крестьян, которые вместе с тем были обязаны нести различные повинности. Но государственная собственность вовсе не исключала частного землевладения крупных феодалов. Правда, для ограничения сепаратистских тенденций новый закон допускал наделение служилых феодалов землей лишь в пределах столичной области.

Земельные наделы гражданских и военных чиновников определялись в соответствии с присвоенными им 18-ю рангами. Но чиновники получали лишь право присвоения полагавшегося государству ренты-налога с данного надела. По этому же закону мелкие наделы, освобожденные от государственного обложения, давались людям низших сословий за несение военной службы, за содержание почтовых станций и пристаней, а равно и ремесленникам, занятым производством изделий для государства.

Поскольку закон о земельных наделах привел к перемещению земельной собственности из рук знати к служилому дворянству, поддерживавшему власть Ли Сон Гё, старая династия утратила свою опору. В 1392 г., сослав последнего из представителей Корё, малолетнего вана на о. Канхвадо (у южного побережья), **Ли Сон Гё** объявил себя монархом (ваном или королем, как часто пишут в учебной литературе). Он основал

Корея в XIII–XIV вв.

новую династию, при которой государство стало называться *Чосон*, а столица была перенесена в Ханьян (современный Сеул).

Спустя шесть лет, в 1398 г. новую династию, названную **Ли** (она правила в Корее до 1910 г.), признал Китай. Возобновились ежегодные обмены посольствами между минским Китаем и новым корейским государством, расширились торговые и культурные связи. В целом же Корея проводила независимый курс, как во внутренней, так и во внешней политике.

Укрепление монархии Ли. В качестве образца для государственного устройства нового государства была взята организация Минской империи. При этом корейский правитель при вступлении на престол получал право на управление страной от китайского императора. В таких случаях в Китай отправлялось посольство с данью в виде богатых даров, а пекинский двор направлял в Сеул ответное посольство. Корейский монарх получал от китайского императора титул «вана Чосон». Все это означало формальную вассальную зависимость нового государства от своего великого соседа.

При этом власть монарха ничем не ограничивалась, а личность его считалась священной. Такое государственное устройство Кореи почти без изменений просуществовало до середины XIX в.

Высшим государственным органом в Корее стал Верховный государственный совет (Ыйчжонбу) – административный орган, который состоял из трех высших чиновников: председателя и двух его заместителей. Членами совета являлись ближайшие советники вана. Должности эти считались пожизненными. Делопроездом совета ведали два секретаря и два их помощника; его члены одновременно состояли министрами правительства.

Государственный правительственный аппарат состоял из шести палат: чинов (личжо), податной (хочжо), обрядов и этикета (ёчжо), уголовной (хёнчжо), военной (пёнчжо), общественных работ и кустарных промыслов (кончжо). Помимо палат существовала тайная королевская инспекция, наблюдавшая за настроением народа и провинциальных чиновников. Власть инспекторов во время поездок по стране была огромной. Они имели право наказывать всех чиновников, кроме губернаторов, против которых могли лишь возбудить судебное дело в Сеуле. В поездках по стране тайных инспекторов сопровождали судебные служители.

Учитывая предшествующий опыт, первые монархи из династии Ли приняли меры к ослаблению позиций крупных аристократов. С этой целью они разделили страну на восемь провинций, во главе которых стояли назначенные из центра губернаторы, подчинявшиеся лишь *вану* (монарху). Провинции, как и прежде, делились на области, области – на уезды.

Получить должность губернатора, областного или уездного начальника мог только обладатель ученой степени. Ежегодно в уездном или провинциальном городе происходили государственные экзамены на низшую ученую степень и один раз в два года в столице – на высшую.

В ведении губернатора, имевшего широкие полномочия, находилась гражданская администрация, финансы, суд, войско.

Все феодалы делились на три сословия. К высшему относилась, как и прежде, гражданская и военная аристократия – янбани. В эпоху Ли преобладала гражданская знать. Янбани обладали особыми привилегиями: они назначались на высшие государственные должности, освобождались от повинностей и податей, получали право владеть поместьями и держать ноби (крепостных), которые вместе со свободными крестьянами обрабатывали их землю, и т. д.

В конце XIV в. появилось «среднее сословие», что было связано с политикой Ли Сон Гё, опиравшегося на новое чиновное дворянство. Это сословие пользовалось привилегиями: освобождалось от податей, от военной службы, носило дворянский головной убор. Впоследствии из него выходили представители «третьего сословия» – астрономы, ученые, врачи, переводчики и т. д.

Основную массу населения средневековой Кореи составляло сословие «простолюдинов», охватывавшее, прежде всего, крестьян, а также ремесленников и купцов.

К низшему сословию принадлежали крепостные – ноби, которые делились на государственных и частных. Сюда же входили люди так называемых презираемых профессий: экзекуторы, гадалщики, колдуны, корзинщики, мясники, сапожники. Они не пользовались никакими правами, жили в особых кварталах и не имели права вступать в брак с представителями других сословий.

Развитие государства в XV в. Первые почти 200 лет правления династии Ли Корея не вела войн, что способствовало ее развитию. Правила новой династии приняли меры к упорядочению хозяйственной жизни страны. Крестьяне получили возможность увеличивать посевные площади за счет освоения новых земель, занятых ранее племенами киданей и чжурчжэней и много раз подвергавшихся набегам японских пиратов. Принимались меры против укрепления могущества буддийских монастырей. Был восстановлен закон об уничтожении наследственного рабства и об освобождении рабов в третьем поколении, что сократило число эксплуатируемых монастырями приписанных к ним многочисленных рабов.

Сразу же после свержения династии Корё, как отмечалось, былработан новый земельный закон, по которому все частные земли передавались в собственность государства. Служебные наделы были поставлены под контроль центрального правительства.

Реформы, начатые Ли Сон Гё, продолжил его сын – **Тхэчжон** (1400–1418). Он отобрал у монастырей многие земли для передачи населению, которому раздавались для обработки и обширные земельные участки, служившие монархам прежней династии для охоты.

Заметные сдвиги в области внутренней политики произошли в годы правления вана **Сечжона** (1419–1450). Особое значение придавалось развитию земледелия, улучшению агротехники, введению зерновых культур, улучшению ирригационной системы.

По указам 1401 и 1420 гг. значительная часть наследственных земель крупных феодалов и буддийских монастырей конфисковалась. Изъятые земли были распределены между служилыми дворянами в соответствии с их рангами. Хотя в этих указах и оговаривалось, что земля может быть пожалована только во временное пользование лицам, находящимся на государственной службе, но фактически она часто оставалась в их руках и после окончания срока службы. Такая система распределения земельной собственности просуществовала до середины XV в.

Поскольку сильным оплотом сепаратистских тенденций оставалась буддийская церковь, в ходе проводившихся реформ правительство династии Ли несколько раз (в 1392, 1402 и 1424 гг.) произвело крупные конфискации земель и крепостных, принадлежавших церкви. Десятки тысяч участков плодородных земель, изъятых у буддийских монастырей и храмов, стали государственной собственностью. Буддизм в связи с этим утратил былое идеологическое и политическое значение, а официальной идеологией при династии Ли стало неоконфуцианство (учение Чжу Си – *чжусианство*), призванное укреплять централизованное государство.

Политика первых правителей династии Ли преследовала цель несколько смягчить социальные противоречия, достигшие крайней остроты в последние годы существования Корё. Именно для этого были освобождены от крепостного состояния многие крестьяне, принадлежавшие буддийским монастырям и старой корёской знати. А превращение их в государственных крестьян было важно и для укрепления централизованного государства в экономическом и военном отношениях.

В 1466 г. прежнюю систему раздачи государственных земель по рангам заменили новой: земля давалась лишь за службу и на время службы. Тем не менее, число частнособственнических наделов росло за счет незаконного присвоения государственных земель.

Закон 1470 г. зафиксировал и подтвердил наличие уже существовавших частных владений, хотя земля по-прежнему признавалась собственностью государства. По новому закону все земли подразделялись на государственные и народные (или крестьянские). Государственные угодья делились на 13 разрядов: участки правительственных учреждений, провинциальных учреждений, буддийских храмов и монастырей, раздаваемые в счет жалования чиновникам, предназначенные на содержание почтовых станций, военных поселений¹, принадлежащие королевской семье и родственникам монар-

¹ Рекрутский набор был введен в 1398 г., и крестьяне, взятые на военную службу, в мирное время занимались сельским хозяйством.

ха, отведенные для содержания королевских гробниц, колодцев, парков и т.д., предназначенные для обеспечения религиозных празднеств, на содержание конфуцианских учебных заведений и т.д.

Мероприятия правящей династии объективно вели к некоторому подъему экономики, о чем свидетельствует рост посевных площадей. Опустошенные во время войн XIII–XIV вв. северо-восточные районы страны вновь заселялись, в них стало интенсивно развиваться сельское хозяйство.

Правительство уделяло большое внимание восстановлению и строительству ирригационной системы, способствовало развитию шелководства и садоводства. Поощрялась распашка заброшенных земель. В итоге увеличивалось количество продовольственного зерна в государственных складах. В 1410–1411 гг. в каждом уезде большинства провинций были отстроены новые склады. Осваивались новые сельскохозяйственные культуры, такие, как хлопок, новые сорта проса, совершенствовались способы высадки риса (высаживанием рисовой рассады). Выращивание зеленых удобрений, крупносортовой озимой пшеницы, различных сортов бобовых, распространение технических культур (конопля, бумажное дерево, рами, тутовое дерево) способствовали общему подъему сельскохозяйственного производства. Для поощрения скотоводства на некоторых островах западного и южного побережья и в степных районах страны были созданы государственные и частные пастбища для быков и лошадей. В сельском хозяйстве широко применялись новые агрономические методы.

Под давлением крестьянства при ване Сечжоне была несколько смягчена налоговая политика. Крестьяне были избавлены от поборов чиновников средних инстанций, освобождались от уплаты налогов в годы стихийных бедствий. Вместе с тем податная система определялась не на основе установленного законом бюджета, а зависела от произвола властей; финансы государства не разграничивались законом с финансами двора.

В XIV–XV вв. динамично развивались **ремесла**, что было связано с общим подъемом экономики. Это благотворно воздействовало на развитие внутренней и внешней **торговли**, в чем было заинтересовано государство, хотя само занятие торговлей оставалось наименее уважаемым делом.

Большое количество «сидячих» торговцев в городах и бродячих торговцев, разносивших на своих плечах или переправлявших по рекам на лодках мелкие ходовые товары, обеспечивали розничную торговлю. Таким торговцам запрещался доступ только в пограничные провинции. Власти контролировали бродячих торговцев через выдачу подорожных и сбор налога. Из их среды порой вырастали и богатые «частные купцы». Расширение торговых связей породило местные рынки, которые

первоначально имелись только в Сеуле, Кэсоне (так именовалась после 1394 г. бывшая столица Кэгён) и Пхеньяне (с 1369 г. Согён), а к концу XV в. появились в ряде уездов южных провинций. Средствами обмена по-прежнему являлись зерно и холст. В XV в. вновь была сделана неудачная попытка внедрить металлические монеты; ввели и бумажные деньги, также не нашедшие применения.

Ремесленники делились на две категории: приписанные к 30 главным государственным управлениям, возглавляемым палатой общественных работ (так называемые столичные мастера) и приписанные к провинциальным управлениям (так называемые внешние мастера). Среди столичных были мастера 130 специальностей (кузнецы, медники, каменщики, мастера по изготовлению фарфора, текстильщики, башмачники, оружейники и т.д.), провинциальные же занимались, кроме того, производством изделий, свойственных данной местности. По своему социальному положению все они принадлежали к сословию простолюдинов, фактически находились на положении государственных крепостных. Центральные власти осуществляли строгий надзор над производством и качеством ремесленных изделий. Общее число ремесленников превышало 6 тыс.¹

Благодаря развитию ремесел и сельского хозяйства расширялась внутренняя торговля. При этом государство обладало правом торговой монополии. Корейским купцам был запрещен выезд за границу, поэтому большую роль во внешней торговле играли переводчики, сопровождавшие государственные торговые миссии. Они служили посредниками в осуществлении торговых операций.

Хозяйственное оздоровление способствовало быстрому увеличению численности населения Кореи; в середине XV в. оно составляло 1 млн 855,7 тыс., а к 1516 г. – 3,7 млн человек.

Укрепление государства Ли усилило ее внешнеполитическое положение. Были воссозданы флот и армия, построены многочисленные крепости и военные гавани на границах. Уже в первой половине XV в. морской флот Кореи состоял из 800 кораблей (50 тыс. матросов). В трех южных провинциях насчитывалось 50 военных гаваней.

Культура Кореи в X–XV вв. Ведущей *религией* эпохи Корё оставался буддизм (особенно в период монгольского нашествия). Крупнейшим буддийским ученым считался Ый Чхон (1055–1142), отстаивавший концепцию «весь мир в человеческих мыслях», что относится к субъективно-идеалистическим воззрениям.

Образование, наука. Создание госаппарата по китайскому образцу предопределило организацию системы государственных экзаменов (известных с 958 г.), а, позднее, в 992 г., открытие конфуцианских школ. Эти школы поддерживались и финансировались центральной властью.

¹ Эти данные свидетельствуют о строгом централизованном учете купечества в стране.

Видные конфуцианские ученые пользовались поддержкой некоторых монархов. Из указанных школ выходили не только государственные чиновники. Те, кто ими не становились, как и в Китае, пополняли слой ученых. Одним из воспитанников такой школы был корейский ученый Ким Бу Сик (1075–1151), создавший большой исторический труд «История трех государств».

Конфуцианство оставалось основным этическим учением и в последующее время. С XIII в. начало распространяться упоминавшееся выше *чжусианство* – от имени создателя этого учения – *Чжу Си*, приспособившего конфуцианские идеи к условиям Кореи. В основе чжусианства лежало конфуцианское учение о пяти нормах человеческих отношений, предустановленных волею неба. В XIV в. учение Чжу Си стало господствующей идеологией в стране. Чжусианство по своей сущности было средством поддержания сложившихся государственных и социальных устоев: оправдания сословной иерархии и незыблемости власти монарха. Как философская система чжусианство представляло собой объективно-идеалистическое учение о первичности духа (ли) и вторичности материи (ки).

Но среди корейских философов отмечались и иные воззрения. Живший в XV в. философ *Ким Си Сын* (1435–1493) в противоположность ортодоксальным чжусианцам считал, что материя и дух взаимосвязаны. Дух является закономерностью движения и изменения материи. Концентрация материи приводит к появлению человека, считал он, ее рассеивание – к смерти. С нею исчезает и его душа, что являлось отрицанием потустороннего мира и признанием, по сути первичности материи. Философ так же утверждал, что последовательные этапы в истории общества связаны с понятием прогресса. Материалистические воззрения на мир высказывал и философ *Со Кен Док* (1489–1546), считавший источником мира материальное начало.

В XIV–XV вв. широкое распространение получили естественнонаучные знания. Наиболее развитыми были астрономия, география и медицина.

При ване Сечжоне было создано или реконструировано 15 астрономических приборов, наиболее известными являлись водяные часы. С развитием астрономии был установлен более точный календарь, определялись годовой путь солнца и точное время.

В географии наиболее развитой отраслью науки стала картография. К середине XV в. относится деятельность выдающегося ученого Лян Сон Чжи, который основательно изучил географию Кореи и внес много ценного в развитие картографии. В эту эпоху была составлена общая карта восьми провинций Кореи и карты отдельных провинций, вошедшие в сборник карт Кореи, появившийся в конце XV в. Таким об-

разом, географические карты Кореи имеют более чем пятисотлетнюю давность.

Потребности экономики вызвали изобретение дождемеров (1448 г.), приспособлений для измерения глубины рек (1441 г.) и расстояний на местности (1467 г.). Еще во второй половине XIV в. Чхво Мусой налаждал выработку пороха, а затем его сын Чхво Хэсан – изготовление огнестрельного оружия, которое в XV в. получило распространение, хотя и не вытеснило лук и стрелы.

В годы правления Сечжона поощрялось развитие медицины и оказание помощи населению лекарственными травами, составление трудов по фармакологии. При его дворе была организована академия – «Павильон собрания мудрецов», в которой объединялись наиболее образованные представители столичного дворянства и чиновников. В первую очередь они разрабатывали вопросы этики и юриспруденции на основе конфуцианства. Именно в ней была составлена «История Корё».

Книжное дело и литература. Еще в конце X в. в Корею возникло печатное дело и началось распространение книг. В 991 г. в Согёне правительство учредило Сусэвон — государственное учреждение, где редактировались книги. С этого времени стали печататься краткие изложения по истории Кореи. С 1032 г. началось развитие ксилографии. О высоком уровне развития печатного дела свидетельствует печатание металлическим шрифтом, начало которому было положено в 1232 г.

Стремление широких слоев корейского общества к овладению научными знаниями вызвало необходимость создания своей письменности. В 1443 г. при правительстве было образовано «Алфавитное бюро». Монарх Сечжон направил ученых в Маньчжурию, Китай, Японию и, по-видимому, в Индокитай для изучения алфавитов и письменности. В 1444 г. был создан, как отмечалось, корейский фонетический алфавит (*онмун*) из 28 букв, точно передававший звуки корейского языка и легко усвоенный народом. Многие книги, написанные на китайском языке, были переведены на корейский. Расширился круг грамотных людей. При этом были использованы иероглифы, но обозначали они буквы. Считается, что хотя разработчики этого письма хорошо знали о существовании алфавитных систем и изучали их, но оставили иероглифы из эстетических соображений. Они считали, что писать надо по правилам китайской каллиграфии, чтобы все было красиво¹.

Но языком официальных бумаг, научных и литературных сочинений до XIX в. оставался древнекитайский (сложившийся еще в V в. до н.э.) с недоступным для широких масс иероглифическим письмом. Этому способствовали и конфуцианские советники монархов, указывавшие на то, что распространение «простонародного письма» мешает развитию

¹ См.: polit.ru/article/2010/03/16/lankov/.

«подлинной» образованности, возможной, по их мнению, только на китайском языке и с китайской иероглифической системой.

С созданием корейской письменности техника книгопечатания получила дальнейшее развитие. В середине XV в. при дворце была открыта «словолитня», больших успехов достигло наборное дело. В 1452 г. наряду с усовершенствованием старых шрифтов буквы стали отливать из олова и других металлов, а с 1519 г. — из бронзы.

Развитие печатного дела привело к увеличению тиражей печатных книг. С середины XVI в. стали издаваться и газеты. С 1577 г. выходила газета «Чобо» («Королевские ведомости»), в которой печатались указы монархов, официальные извещения. Вскоре, однако, она была запрещена, якобы потому, что разглашала государственные тайны.

Широкое развитие получили корейский литературный язык и литература как художественная, так и историческая. Первым литературным памятником на онмуне явилась «Ода летящему дракону» (1445 г.), прославлявшая династию Ли. Поэзия воспевала утверждение мира в стране и преобразования новой династии. В XV в. развивался жанр прозаических новелл на китайском языке, в которых отражались непосредственные события того времени. Были созданы историографические труды: «История Корё» и «История династии Ли». Агрономические методы были обобщены в сочинении «Непосредственные рассуждения о сельском хозяйстве (1429 г.).

Искусство. Прежде всего следует отметить прикладное искусство. Высокого уровня достигли изделия краснодеревщиков. Для выделки мебели обычно выбиралась прочная красивая древесина. Из кусков различной формы складывалась красочная мозаика и наносились надписи с пожеланиями счастья и долголетия. Производилась высококачественная мебель с перламутровой инкрустацией. На блестящем фоне черного и красного лака переливались инкрустированные перламутром пейзажи и причудливые орнаменты. Славилась в Корее изделия из ткани, соломы, кожи, художественная вышивка, чеканка по металлу и, особенно, корейская бумага.

К шедеврам можно причислить головной убор «кат» (шляпа), сделанный из тонких волокон бамбука и покрытый лаком. Корейские складные веера из бамбука, разных сортов бумаги и шелка славилась на всем Востоке. Художественной отделкой и тонким мастерством отличались корейское оружие, золотые изделия, бронзовая и фарфоровая посуда. Для периода Корё характерен лазурный фарфор, отличавшийся необыкновенной прозрачностью и голубиной цвета. Мастера фарфора изображали на своих изделиях цветы, деревья, птиц. Различными способами чрезвычайно рельефно они исполняли узоры: лепили, вырезали, инкрустировали черной или белой глиной. Обычно фарфор периода Корё называют «облако и цапля», так как множе-

ство фарфоровых изделий было украшено рисунком цапли на фоне облаков. В период Ли создан новый вид фарфора – белый.

Далеко за пределами страны были известны корейские художники XV–XVI вв. Характерной особенностью средневековой корейской архитектуры было то, что храмы, монастыри, дворцы и сады представляли собой ансамбли, вписанные в пейзаж. По всей стране были построены каменные пагоды, в большинстве своем пятиэтажные. Из деревянных пагод сохранилась лишь одна, выстроенная в XV в. и послужившая образцом для многих пагод Японии. Архитектура того периода характерна также монументальными крепостными укреплениями со стенами из громадных высеченных камней. Мощные полуциркульные арки ворот завершают деревянные павильоны с загнутыми к краям черепичными крышами.

Период Корё оставил богатое музыкальное наследие. Известно, что уже в эту эпоху устраивались концерты с участием 250 музыкантов; в оркестрах насчитывалось более ста музыкальных инструментов. Оркестр сопровождал хоровое пение и танцы.

Танцы в масках, зародившиеся еще в раннем средневековье, получили свое дальнейшее развитие и приняли форму театральных представлений. Корейская музыка эпохи Корё заняла видное место в музыке народов Восточной Азии. К годам правления Сечжона относятся преобразования в музыке. Широкую известность получил музыкант Пак Ён (Пак Ран, 1378–1458). Он известен также как композитор, музыкальный критик, дирижер, изготовитель инструментов и исполнитель, а также теоретик музыки, написавший монографическое исследование о классической музыке. Он развивал народную музыку и танцы: им создано десять народных танцев, он же является автором корейских опер – чангык.

Примерно с конца XIV в. в Корее возникли театры масок и марионеток, для которых безымянные авторы создавали произведения преимущественно сатирического характера, исполнявшиеся бродячими актерами.

Как видно, культура полуострова еще в средние века достигла высокого уровня. Следует отметить, что и многие образцы японской культуры возникли под корейским влиянием. К тому же Корея как бы транслировала в Японию достижения культуры Индии и Китая.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что современные технические достижения, прославившие Южную Корею по всему миру, основаны на традициях прошлого, когда была создана высокая самобытная культура (одно лишь появление книгопечатания почти на полтысячелетия раньше, чем в Европе чего стоит!). Очевидно, без такой

культурной традиции была бы невозможна адаптация современных технологий и их динамичное развитие.

Большую роль сыграла, как и в Китае, конфуцианская этика, в том числе и в отношении к государству. В отличие от Европы, особенно Восточной, здесь государство для рядового человека – не паразит. Ведь оно, особенно из-за необходимой при рисосеянии консолидации для коллективных ирригационных работ, необходимо как организатор и защитник. Чиновник – представитель государства здесь почитается как носитель необходимых функций. Но в Китае из-за огромных пространств контроль над администрацией был не столь всеохватным, как в Корее и, что указывалось выше, правителям здесь нередко удавалось надолго стабилизировать ситуацию в интересах основной массы крестьян, поддерживать традиционную общинную уравнивательность. Конечно, государственному чиновнику было чуть получше, но тоже не слишком-то хорошо¹.

Но очевидно и то, что, имея такое богатое культурное прошлое, Корея, как Китай, Индия и другие государства Востока, в новое время катастрофически отстала от Западной Европы. Причины этого отставания следует искать в социальных порядках восточных обществ, основанных на деспотических традициях, опиравшихся, в свою очередь, на отсутствие четких индивидуальных хозяйственных прав, сковывавших естественную инициативу трудового народа, о чем уже шла речь в теме о Китае. Здесь же обратим внимание на то, что гипертрофия государственных прав в современной тоталитарной Северной Корее (КНДР) привела ее к полной деградации. Очевидно, в КНДР традиционные, конфуцианские нормы, свойственные Дальнему Востоку, оказались соединенными с древнекитайскими идеями легизма², с их приматом прав личности правителя. Это демонстрирует тупиковость выбранного ею пути, что наглядно проявляется в сопоставлении с достижениями Южной Кореи, в которой удалось, как и в Японии, дополнить традиционность общественных порядков гарантиями прав собственности, что связало личную инициативу³.

¹ polit.ru/science/2010/04/13/lankov

² Императору Цинь Шихуанди приписываются слова: «Все дела – большие и маленькие – решаются императором».

³ Подробнее об этом см.: Рюер Я. Г. Локальные цивилизации средневековья: генезис и особенности. Могилев, 2016. С. 135–154.

ЯПОНИЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

СЛОЖЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. В отличие от вышерассмотренных цивилизаций Востока, японская много моложе; она ровесница средневековых обществ Европы. Распад первобытности и переход к сословно-государственным структурам на Японских островах происходил в III–VII вв. н.э.

Современные японцы (ямато) относятся к народам малайско-полинезийской группы. Их предки первоначально обитали где-то на островах в районе современной Индонезии и тихоокеанской Полинезии. На рубеже новой эры они начали осваивать северные острова, ставшие их новой родиной, вытеснили коренное (с неолита) население архипелага – айнов (эбису)¹. На японский этнос оказали влияние и корейцы, проникавшие на острова в последние столетия до н.э. На таких этнических основах и формировалась японская цивилизация.

По-японски страна называется «Ниппон» или «Нихон» – «источник солнца». Название Япония возникло от Марко Поло, который привез в Европу китайское наименование страны «Источник солнца», записанное им как *Cipangu*. В английском оно транскрибировалось в *Japan*.

Первоначально население японских островов занималось собирательством, охотой, рыболовством. Затем – примитивным земледелием; возделывался завезенный из южной Кореи рис. В III–IV вв. с прогрессом в земледелии начинается разложение родового строя: развивается социальная и имущественная дифференциация. Одновременно разворачивается борьба между отдельными кланами (родами), что приводит к частичному истреблению и покорению части родов, становившихся данниками победителей. В кланы включаются полусвободные (бэ) и рабы (яцуко). Так складывается своеобразная клановая система догосударственной эпохи.

В IV–V вв. образуются союзы племен. Во главе оказывается род Ямато. В японских текстах появляется «император»², который до середины VII в. был главой самого сильного рода, а затем – вождем, жрецом и судьей ведущего племенного союза.

В VI–VII вв. кровнородственные общины превращаются в соседские. Возникает понятие «мое» и «чужое» поле. Появляются и «царские поля» – собственные земли глав племенных союзов и их семей, которые обрабатывали обедневшие общинники. Но угодья еще оставались в коллективном пользовании общин.

При поливном земледелии, которое применялось в Японии, требовалось большое количество рабочих рук. Это цементировало общины и

¹ Завершилось освоение архипелага японцами лишь к IX в. и тогда же началась ассимиляция ими айнов, которых сейчас в Японии осталось около 20 тысяч.

² Яп. – *микадо*.

удерживало их от полного распада (по типу германской марки). Но уже с VIII в., со складыванием государственных структур перестают собираться общинные собрания, должности наследственно занимает местная знать. Сходит на нет и военная роль общин: крестьянам запрещается иметь оружие, ополчение преобразуется в набор рекрутов. Наконец, и верховная собственность на землю переходит от общин к сформировавшейся государственной власти.

В VII–VIII вв. происходит обособление малых семей. Каждая живет в отдельном жилище, но в общем дворе с родителями и другими родственными семьями. То есть самостоятельные хозяйства малые семьи еще не ведут. Единой хозяйственной и социальной ячейкой остается большая семья с общим двором (патронимия).

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. Указанные процессы происходили на фоне упорной борьбы родов за главенство в племенных союзах. В соперничестве за верховенство, обострившемся в VII в., и оформилось государство. На заключительном этапе этой борьбы между родами **Сога** и **Сумэраги**, в начале VII в. была предпринята попытка реорганизовать племенное управление и создать сильную централизованную организацию во главе с «сыном неба» – монархом. Один из наиболее образованных на тогдашних островах, наследный принц из рода Сога – **Сётоку-Тайси** (572–621), принявший буддизм, учившийся в Китае и знакомый с конфуцианством, разработал по китайскому образцу «*Табель 12 рангов*», а в 604 г. издал «*Закон из 17 статей*», пронизанный идеями буддизма и конфуцианства о централизованном государстве и неограниченном суверенитете монарха, о необходимости подчинения низших высшим. В этом тексте – своеобразной конституции – была любопытная статья: «*У каждого человека есть сердце. А у каждого сердца есть свои наклонности. Он считает это хорошим, я – дурным. Я считаю это хорошим, он – дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец, а он не обязательно глупец. Оба мы только обыкновенные люди...*»¹. В этом отразилось своеобразное, поэтическое видение мира, свойственное японской элите уже с того времени. Возможно, авторами закона были ученые-конфуцианцы, приглашенные принцем. Так готовились политические основы государственности.

Но сформировалось японское государство несколько позднее, при других правителях, в ходе так называемого «**переворота Тайка**» (буквально: «великие перемены») – серии реформ середины VII – начала VIII в., когда род Сога был отстранен от власти и почти весь истреблен. Были ликвидированы прежние наследственные звания родо-племенной знати, ее права владения землей. Основная идея заключалась в том, что, по китайскому образцу, государству принадлежало все – и земли и люди на них.

¹ Андреева А. И. Океан пустоты // Новое время. 2003. № 33.

Вся земля объявлялась государственной собственностью в лице императора. Предусматривалось распределение земельных участков между отдельными семьями каждые 6 лет по системе, заимствованной у танского Китая¹. Тем самым, основой японского общества становилась государственная собственность на землю, а население страны превращалось в держателей государственных наделов. Все прежние налоги и поборы заменялись единым поземельным обложением, вносимым в зависимости от плодородия почвы. Периодически производились переписи населения и земельного фонда. Сохранялась также подать изделиями домашнего ремесла (пеньковой одеждой и шелковой материей). Вводилась отработочная повинность (барщина), обязательная для всех трудоспособных мужчин; ее, однако, можно было заменить каким-либо продуктом ремесла. Оставались императорские и храмовые земли. Но прежняя родоплеменная знать преобразовалась во владельцев владений, дававшихся за службу (типа западноевропейских бенефициев), то есть становилась феодалами. Крестьяне не имели права покидать наделы, данные им в держание.

Рабовладение в складывавшейся системе не получило развития. Возможно, сказалась изолированность страны, что не способствовало притоку рабов из вне. А основа земледелия – выращивание риса – требовала тщательного индивидуального ухода за землей и посевами, на что рабы были неспособны. Хотя отдельные элементы рабства, как и везде на Востоке, сохранялись долго.

Была изменена административная система. Вместо прежних племенных образований создавались провинции и уделы, во главе которых находились назначаемые центральным правительством губернаторы и уездные начальники из числа прежней родоплеменной знати, бывших старейшин и военачальников. Главной их функцией был контроль за проведением переделов полей, исполнением барщины, переписью населения и сбором налогов. Вместо родовых дружин вводилась обязательная воинская повинность: каждые 50 дворов поставляли и содержали по одному рекруту.

Формировался аппарат складывавшегося государства. Функции центрального правительства стал выполнять государственный совет во главе с первым министром. Ему подчинялись 8 исполнительных департаментов. Главными из них были военный, юстиции и финансов (ведомство сокровищ). Обычно все ведущие должности прибирал к рукам какой-либо род (дом). Наибольшим влиянием длительное время обладал дом **Фудзивара**, постепенно оттеснивший императора и с середины XI в. фактически управлявший страной.

¹ Крестьянам старше 5 лет давалось в среднем 2 *тана* (21 ар), женщинам 2/3 мужского надела. Площадь выделяемого участка зависела и от качества земли.

Первой столицей тогдашней Японии стала *Ясука*, с 710 г. – *Хэйдзё* («Столичный град мира»), позднее известный как *Нара* (равнина). В начале VIII в. в нем проживало до 200 тысяч жителей¹. В конце VIII в. столица переместилась в *Нагаока*, затем – *Хэйан* («Столица мира и покоя», совр. Киото), где двор и правительство находились до 1192 г. Такие перемещения были связаны с традицией, по которой каждый новый государь должен был основывать свой двор на новом месте, ибо прежнее после смерти предыдущего монарха становилось нечистым.

Таким образом, переворот и реформы Тайка оформили первое в истории Японии централизованное бюрократическое государство – сословную монархию с наследственной властью императора и господством знати. Эти реформы проводились по китайскому образцу, что отразилось даже на облике столиц: Нара и Хэйан сооружались по примеру китайских столичных городов Чаньяня и Лояна.

Но заимствованная из Китая надельная система и государственная собственность на землю не привились. В первой половине X в. переделы полей прекратились, ибо были невыгодны при рисоводстве. Ведь рисовые посевы требуют больших и длительных затрат индивидуально-го труда на подготовку участка. Крестьяне поэтому не были заинтересованы периодически меняться наделами. Сказалось и наличие практики купли-продажи земли. Знать так же не была заинтересована в государственном контроле над своими землями. Да и сами власти периодически жаловали земли, как отмечалось, своим служилым людям в подобие бенефициев. В таких условиях слабел основной гарант надельной системы – центральная власть и к концу I тыс. н.э. нарастала раздробленность. Громоздкая китайская административная система была заменена более простой и эффективной в японских условиях.

Все это происходило на фоне интенсивного роста населения, численность которого в X в. достигала уже 10 млн человек.

РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ ПОРЯДКОВ. К середине X в. преобладающей формой землевладения становятся средние по размерам частные поместья (*сёэн*), впервые отмеченные уже с VIII в. Они представляли собой замкнутые, практически натуральные хозяйства. Основой поместий были «именные поля» – наследственные владения, носившие имя хозяина. Размер их колебался от нескольких десятков до нескольких сот гектаров. Важнейшими источниками образования поместий были целинные земли, угодья, пожалованные императором и правительством, захваченные у крестьян за неуплату долгов, невозвращение ссуд и т.п., а также земли айнов, оттесняемых на север. Владельцами *сёэн* становились и разбогатевшие крестьяне, которые выходили из общин и эксплуатирова-

¹ Всего в тогдашней Японии жило около 6 млн человек.

ли обедневших соседей. Развитие этой системы было связано с начавшимися в VIII в. расчистками пустошей, инициированными властями.

Поместья обладали определенными привилегиями: изымались из подчинения центральным властям, освобождались от уплаты налогов и несения повинностей, то есть на них распространялись иммунитеты (со второй половины X–XI в.). Хотя в принципе частное землевладение еще запрещалось, но с 902 г. разрешалось признавать в качестве сёэн наследственные владения, если они не мешали административному управлению. А, по сути, государственная власть не могла вмешиваться во все земельные дела. Крестьяне, обслуживавшие поместья, освобождались от государственных повинностей. С XI в. владельцы сёэн стали занимать места уездных и деревенских администраторов (старост, других начальников). Они осваивали целину, втягивали в свое влияние крестьянские земли. Но в XI в. сёэн охватывали лишь 20% всех земель, остальные оставались государственными.

Развитие поместной системы, которое вело к превращению крестьян – держателей наделов в поземельно зависимых людей (с последующим закрепощением) вызывало, естественно, сопротивление. Широко распространялись уходы, побеги. Этому способствовала политическая разобщенность Японии, наличие еще свободных, невозделанных земель, различия уровня и форм эксплуатации в разных районах страны. Другой формой протеста были крестьянские жалобы на чиновников из-за жестокого обращения, злоупотреблений, обычно подаваемые местным (уездным) властям, реже – центральному правительству. Нередки были и вооруженные выступления, нападения на чиновников. Особенно усилилось крестьянское сопротивление в IX–XI вв., когда отряды крестьян нападали даже на столицу. Эти выступления вызывали тревогу у центральной власти, не располагавшей серьезным военным потенциалом и она время от времени шла на уступки: снижение ссудного процента, а иногда и полную ликвидацию задолженности. Но эти выступления оставались локальными и не влияли на становление специфической для Японии поместной системы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ X–XII вв. Эти века стали временем усиления сепаратистских тенденций, раздробленности, вызывавшихся ростом самостоятельности крупных поместий, основанных на натуральном хозяйстве. К концу XII в. они уже занимали до 90 % всего земельного фонда страны. Важное значение имела и концентрация в руках крупных землевладельцев военных дружин. В этих условиях феодалы уже не нуждались в центральной власти. Крах наделной системы тоже способствовал усилению сепаратизма.

С середины XII в. развернулась острая борьба между самыми могущественными в то время домами – **Тайра** и **Минамото**, в которой верх одер-

жали последние, опиравшиеся на большее число вассалов, проживавших компактнее, чем разбросанные по разным территориям ленники Тайра. Во время этой борьбы завершился процесс отделения военного дела от земледельческого труда, начавшийся с образования сёэн, в которых создавались дружины для борьбы с подвластными крестьянами и, при необходимости, против других феодалов. Постепенно развился своеобразный культ меча и формировалось особое военно-феодальное сословие **самураев**¹. В X–XI вв. они становятся профессиональными воинами, вассалами крупных землевладельцев. В их среде складывается и специфический кодекс поведения – *бусидо*², включавший каноны буддизма и конфуцианства, из которого, в частности был заимствован догмат верности и беспрекословного подчинения старшему: отцу, господину, государю, от которых самурай получал земельный участок или рисовый паек. Любое нарушение бусидо и бесчестное поведение влекло за собой самоубийство самурая, совершаемое по определенному ритуалу путем *харакири* (вспарывание живота). К числу основных принципов самурайского кодекса относится признание военного дела единственно почетным занятием самурая, презрение к производительному труду, деньгам и торговцам³.

КУЛЬТУРА. С V в. начинают складываться оживленные связи японцев с материковыми народами – корейцами и китайцами. Именно тогда проникла в Японию через Корею китайская иероглифическая письменность, а вместе с нею распространилась китайская культура и китайский язык, ставший для японцев литературным и официально-государственным, как латынь в средневековой Европе. С VIII–IX в. создается своя японская слоговая азбука на основе упрощенных китайских иероглифов. В разные исторические периоды существовало 47, 48 или 50 знаков⁴. В 700 г. начинается японское книгопечатание. Появляются историко-мифологические хроники и художественные произведения в подражание китайским.

Возникновение письменности и книгопечатания сопровождалось созданием средних и высших школ для придворной и провинциальной аристократии (начальное обучение у знати было домашним). В центральной столичной школе в VIII в. было 450 учащихся, в провинциальных школах по 20–50 учеников, которые изучали конфуцианство, право и китайскую литературу. При наличии свободных мест в школы могли принимать и простолюдинов. Учащиеся, за исключением детей знати,

¹ От служить, прислуживать, стоять на стороне кого-либо. То есть первоначально, *самурай* – слуга, но с IX в. – более привилегированный, от яп. *сабурау* – собирать, служить.

² Путь воина, от *буси* – средний и высший феодал.

³ В самурайской среде зародилось *дзюдо* (искусство самозащиты) – оборона без оружия, в которой главным была не сила, а ловкость и знание приемов, в том числе и боевых, что, кстати, требовало разбираться в человеческой анатомии. А так как приемы дзюдо держались в секрете, крестьяне выработали свою самозащиту без оружия – *каратэ-дзюцу*.

⁴ Сейчас – 50 знаков.

получавшей должности по наследству, должны были сдавать экзамены. Об их сложности свидетельствует то, что к каждому готовились по 5–6, иногда до 10 лет. Принимала экзамены государственная комиссия, состоявшая из высших чиновников. Лишь малое число выпускников допускалось к написанию трактата (типа современной диссертации).

Пропагандировались научные знания, в особенности естественные. Специально созданное ведомство занималось выращиванием чайных кустов, лекарственных растений и приготовлением из них лекарств. Оно же способствовало распространению в Японии сведений о медицине, поощряя переводы книг, ввозимых из Китая. В начале X в. была издана первая энциклопедия естественнонаучных знаний. Прогресс земледелия стимулировал развитие астрономических и метеорологических знаний. В начале VIII в. появилась первая карта Японии, составленная буддийским монахом.

Древнейшей японской религией был **синтоизм** (путь богов), состоявший из поклонения природе, анимистических верований, веры в духов предков и магию. Первоначально жрецами синто были родовые старейшины, которые после смерти превращались в родовые божества. Позднее обожествление старейшин перешло на особу императора.

Синтоизм породил специфику верховной власти в Японии. Она имела религиозную основу, император – не военный предводитель, а прежде всего верховный жрец, его основная функция – обеспечение плодородия. В первые столетия существования императорской власти (VII–X вв.) император отвечал за предсказание стихийных бедствий и их преодоление. Он – единственный, кто в состоянии восстановить природный баланс. Но для этого ему нужно постоянно держать себя «в ритуальной форме». Ибо, если в правлении допускаются ошибки, Небо и Земля посылают «предупредительные дурные знамения». Иногда император возлагал ответственность за природную или политическую нестабильность на «виноват не он, а негодный чиновничий аппарат». Надо заметить, что желание государя заслужить одобрение Неба заставляло императора проявлять заботу о подданных, то есть делало раннее японское государство в значительной степени социально ориентированным¹.

В быту синтоизм был прост, не требовал ежедневных молитв. Достаточно было лишь присутствовать на храмовых праздниках и приношений за исполнение обрядов. Поскольку в синто грязь отождествлялась со злом, исповедующие синтоизм тщательно следили за чистотой. У каждого божества синто были земные потомки, покровительствовавшие конкретным местностям. Они назывались ландшафтными. Каждая река, гора и т.д. имела своего бога, которому посвящался специальный храм в «его» местности.

В целом, синтоизм – это, прежде всего, *«преклонение перед природой во всей ее мощи и красоте, система ее почитания... Настоя-*

¹ Мещеряков А. Н. Государь и контроль над природными процессами в древней Японии // Восток. 2015. № 1. С. 14–24.

ящий синтоистский алтарь – это природа, нетронутая или восстановленная»¹.

В середине VI в. в Японию из Кореи проник **буддизм**. В 594 г. был принят официальный эдикт о введении буддизма. Поначалу он был религией двора и знати. Началось интенсивное строительство буддийских храмов и монастырей. Уже к 624 г. в стране их насчитывалось 46, а к концу уже стало 545. В 741 г. был издан указ, обязывавший строить буддийские храмы в каждой провинции. Постепенно буддизм оттеснил синтоизм, ибо более подходил условиям становления государственности. Активны были и буддийские монахи. Они ходили по деревням, помогали крестьянам строить дороги, мосты, ирригационные сооружения. Большое значение придавалось храмам. Они были призваны произвести впечатление на японцев, привыкших к простым, незатейливым сооружениям, напоминавшим шалаши. Поэтому храмы, особенно ранние, строили величественных размеров. Тот же гигантизм преобладал и в интерьерах. В VIII в. была изготовлена гигантская статуя Будды, высотой 16,2 м². Эту статую отливали из бронзы 10 лет, что, кстати, опустошило казну.

В начале XII в. стала формироваться дуалистическая религия синто-буддизма. Тем более, что буддизм охватывал и социальные отношения, а синто – магию, связь с природой. Постепенно синтоистские боги попали в буддийский пантеон и стали как бы охранять храмы.

Почти одновременно с буддизмом в Японию из Китая проникло и конфуцианство.

С распространением буддизма получила развитие архитектура. До того, как отмечалось, японцы строили лишь примитивные жилища. С новой религией и ее адептами с континента (китайцами и корейцами) пришли и новые веяния в строительстве, в частности, в дворцовом и храмовом. Ощущалось влияние танского Китая. Но постепенно вырабатывался и собственно японский стиль: комплекс продолговатых домов, соединенных коридорами, с садом и прудом.

Основная столица раннесредневековой Японии – Хэйан – напоминала китайский Чаньань. Центральный проспект, протяженностью 3,9 км, имел ширину 85 м. Был закрытый центр, в котором находился и особый привилегированный рынок, где продавали китайские предметы роскоши (только их и привозили из-за границы). Доступ к императору в Хэйане был ограничен узким кругом чиновников особого ранга.

Феодалные усадьбы строились по определенному плану: жилой (спальный) дом площадью около 300 кв.м, пруд с мостиком на искус-

¹ Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация. Екатеринбург. 2006. С. 231.

² Длина лица составляла 4,8 м, уха – 2,6 м диаметр каждого глаза – 1,2 м. Такой, непривычный для Японии гигантизм, был, однако, типичен для буддийских сооружений в Юго-Восточной Азии.

ственный остров, лодки. Были дома для прислуги, вассалов, хозяйственные постройки. Крестьянские жилища в VIII в. представляли собой землянки или полуземлянки на одну малую семью. Так же поначалу жила и обслуга в столице. Но уже в начале VIII в. власти, озабоченные внешним видом императорского города, потребовали строить только наемные дома.

Время, называемое в японской историографии эпохой Хэйан (794–1185 гг.), было эпохой сложения и существования уникальной аристократической культуры, в которой эстетика определяла все иные стороны жизни. В указах властей перечислялись гармонические оттенки парадных одеяний. Чиновникам предписывалось исполнять перед начальством официальные танцы. Цветение ирисов считалось государственным праздником. От военачальников требовалось умение слагать стихи. Красота брала верх над пользой и благоразумием. В соответствии с этим министерского интенданта назначили на доходный пост за элегантность манер. Как заметила японская писательница XI в. Сэй-Сёнагон: *«Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга»*.

Это был мир, в котором аристократия жила совершенно обособленно. Как заметил современный британский историк А. Моррис, самовлюбленных японских красавиц того времени *«мысли крестьян занимали так же мало, как нас – грезы коров и лошадей»*. Сложилась элита, совершенно изолированная от окружающего ее варварства.

Замкнутые исключительно в своем кругу, эти люди разговаривали на понятном только им языке, в основном – стихами. Любой разговор состоял из обмена литературными намеками, не опознать которые считалось позором. Поскольку в Хэйане презирали военных, то идеалом мужчины был не суровый боец, в котором видели лишь неотесанного мужлана, а ухоженный, женоподобный юнец с круглым лицом и жидкой бородкой. Также, как и в Китае, образцом мужской красоты служил студент, а не солдат. В центре всей жизни была природа. Умение ею любоваться (например, отражением луны на белом песке сада) было так же необходимо, замечает Моррис, как западному дворянину умение сидеть в седле.

Из японской песни («танка») середины IX в.:

*Под дождем я промок,
Но сорвал цветущую ветку
Памятуя о том,
Что весна окончится скоро,
Что цветенье недолговечно.*

Другим повсеместным занятием аристократов, и мужчин, и женщин, было приготовление духов с ароматом, отражающим личность составителя. Романы тогдашних придворных дам Мурасаки и упомянутой Сэй-Сёнагон, написанные в XI в., до сих пор популярны как образцы изящной прозы.

В аристократической среде эпохи Хэйан существовала почти неограниченная свобода нравов. Ветренность считалась правилом, верность – исключением, ревность – болезнью. Невинность казалась рискованным с точки зрения злых духов состоянием, от которого торопились избавиться. В семейной жизни господ-

ствовала полигамия. И наслаждались ею не только мужчины. Общественное мнение осуждало изъяны в туалетах дам куда строже, чем легкость их поведения. Времена самураев еще не наступили, поэтому мало кто умел ездить верхом и обращаться с оружием. Лишенные важных дел придворные предавались удовольствиям, заменившим им иные цели жизни.

Соответственно, и секс был церемониальной игрой, главную роль в которой играла, естественно, женщина. Но в ней ценилось то, что отличало от обыкновенного человека. С черными зубами (краситель делался из раствора железа в уксусе или чая с чернильными орешками) и бровями, нарисованными посреди лба, японская аристократка лицом напоминала театральную маску. Лучшим украшением хэй-анской дамы были ее безукоризненно черные волосы, достигавшие ступней. При этом на одну придворную даму приходилось 12 полупрозрачных одеяний, просвечивающих друг сквозь друга безукоризненно подобранными цветами¹.

Такое стало возможно благодаря тому, что сложившаяся государственность при отсутствии внешних нападений способствовала упорядочению жизни и подъему экономики. Это позволило в возникшей элите аккумулировать для своего потребления значительные ресурсы. В истории Японии, и не только ее, это было уникальным явлением.

Таким образом, становление японского средневекового общества из первобытного напоминало бессинтезные регионы Европы. Отсюда – медленность, размытость процессов. Сложность в подборе аналогов из иных регионов вызвала разные подходы к периодизации японского феодализма. Ибо в названных условиях традиционное для феодализма служилое сословие формировалось здесь очень медленно.

Первые поместья – сёэн – были отмечены, как указывалось, в VIII в. Тогда же появились и первые самураи². Но массовыми и сёэн, и самураи становятся лишь после исчезновения надельной системы – в течение X–XII вв.³. При этом в условиях царившей с X–XI вв. раздробленности самураи обслуживали интересы представителей аристократических кланов или вообще никому не служили и жили сами по себе на небольших наделах. И в общественном сознании они до XV в. не рассматривались как ветвь господствующего сословия. Лишь тогда произошла консолидация разных групп землевладельцев.

Также специфичными были и поместья – сёэн, которые не являлись феодальными в европейском понимании. За них не надо было нести

¹ Генис А. Японская утопия // Новая газета. 2018. № 107.

² В литературе принято китайское название, по-японски же – сабурай.

³ В 1180 г. было учреждено особое «ведомство самураев».

службу. Земля была в наследственном владении, а должность давалась как признание заслуг хранителя порядка в данной местности. То есть иммунитет – не право на выполнение функций государственной власти, а наоборот – констатация того, что эти функции уже успешно выполняются. Отсюда, в отличие от Западной Европы, где феодальное землевладение создавалось за счет королевских пожалований воинам и администраторам, в Японии права на землю существовали с древности, со времени раннего выделения владений знати из общин.

Но и западноевропейский, и японский путь в феодализм – от слабости общин, от раннего их распада на мелкие хозяйства. В Западной Европе это – аллоды, в Японии – ранние, с VIII в., сёэн. Отличие японского общества от других цивилизаций Востока – древняя традиция родоплеменной знати приватизировать свои земельные владения при слабости центральной власти. Особенно это стало заметно с IX в. Поэтому с укреплением поместной системы властимущие опирались не на чиновников, а на лично им преданных, зависимых от них военных слуг – самураев. А это еще более укрепляло феодалов.

В отличие от Китая не сложилось господство столичной аристократии, которая пополнялась учеными из провинции. Таких ученых-чиновников, чье место в обществе гарантировалось стабильностью государственной власти (по Конфуцию), в Японии не появилось – не было соответствующей традиции. То есть в Японии власть проистекала от владения землей, а не от приближенности к монархам.

Такие отличия, вероятно, имели и природно-географические причины. Если китайское общество изначально складывалось как «ирригационное»: потребность в организации обширных гидротехнических работ вела к консолидации ресурсов и власти, то в Японии такой необходимости не было. Также Японские острова почти не подвергались массированным набегам кочевников, как это регулярно происходило с Китаем, что также не способствовало консолидации власти на островах. Этим Япония отличалась от почти всех цивилизаций Востока.

Как видно, процессы феодализации в Японии протекали самобытно. Были вехи: VII–VIII вв. – начало феодальных преобразований; X–XII вв. – развитие мелкого господского землевладения (сёэн); XIV–XV вв. – консолидация землевладельцев и превращение самураев в сословие. Если в VII/VIII–X/XII вв. еще сосуществовали владельческий и мелкокрестьянский (от первобытности) уклады, то в XII–XIV вв. почти все крестьяне уже были зависимыми. И в этом смысле феодализм уже сложился. То, что феодальное сословие формировалось столь медленно – особенность развития японской цивилизации, где, как и везде на Востоке, традиции изживались крайне медленно.

ЯПОНИЯ В XIII–XV вв.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОРЯДКИ. В X–XII вв. в Японии получила, как отмечалось, широкое распространение система поместий – *сёэн*, то есть основой хозяйства и социальных структур стало крупное и среднее землевладение. К этому же времени и сложилась система *сёгюнов*¹. В итоге, к XIII в. в Японии азиатская модель феодализма сменилась порядками, близкими западноевропейским². Определенным этапом в развитии этой модели стал конец XVI в., когда в Японии сложились, наконец, основы единого государства. За этот период население страны выросло с 10 млн в XII в. до 16–17 млн в XVI в.

Аграрные отношения. В рассматриваемую эпоху в Японии преобладали крупные земельные владения. Для мелких землевладельцев – самураев – единственным почетным делом и основой материального обеспечения являлась военная служба в войсках императора, *сёгуна* или в дружинах крупных феодалов. Изменялась и форма эксплуатации крестьян: наряду с отработочной рентой (барщиной) усиливалась роль ренты продуктами (натурального оброка), взимавшейся, главным образом, рисом³. Собирались и разные налоги. Кроме того, крестьян заставляли нести военную службу во время усобиц, что, однако, позволяло им иметь оружие, в отличие от крестьян в других странах. Деревни для уплаты ренты и несения повинностей разбивались на пятидворки с круговой порукой.

Спецификой японских аграрных порядков было то, что в XII–XIII вв., в период завершения формирования самурайства, зажиточные крестьяне, имевшие возможности поднимать целину, становились наследственными собственниками таких целинных участков и превращались в дружинников феодала. Это открывало им путь в самураи.

В течение XIII–XIV вв. *сёэн* превратились в прочные частные землевладения, внутри которых существовали мелкие крестьянские хозяйства. Вотчинники, а тем более центральная власть в хозяйственную деятельность крестьян не вмешивались и только получали подати. Система *сёэн* укрепилась и тем, что их имели воины, в отличие от Китая, где землевладение не было связано с военной службой. Поэтому японские землевладельцы имели больше сил для отстаивания своих прав и могли активно противостоять императорам, что и вызывало с победой помещной системы децентрализацию страны.

Но крестьянские права, с европейской точки зрения, обеспечивались своеобразно. Правовые гарантии касались только земельных на-

¹ Сёгун – китаизированное сочетание, дословно: «предводитель войск, военачальник, воевода, командующий армией».

² Толстогузов А. А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. М., 1995.

³ 30–80% урожая, чаще – 40%.

делов. Но личность и имущество проживавших на территории поместий крестьян не передавались под контроль владельцев сёэн. Поэтому крестьяне могли подвергаться произволу столичных чиновников и местные феодалы не имели прав их защищать.

К концу XVI в. наблюдался повсеместный переход к оброчной форме эксплуатации крестьян, что было обусловлено тем, что феодалы, даже мелкие, почти не вели своего хозяйства. Крестьяне в своих наделах были довольно самостоятельными, снимали по 2 урожая в год, выращивали до 100 сортов риса, 12 – пшеницы.

Города начали появляться с XI–XII вв. До того городами считались лишь императорские резиденции – столицы. Но фактически городами они не являлись, ибо среди их постоянного населения не было ремесленников и торговцев. Рост неаграрной экономики особенно заметен с XIII в. и города с этого времени начинают играть все более существенную роль в жизни страны. Во многих из них развивалось производство хлопчатобумажных и шелковых тканей¹. Получило развитие фарфоровое и керамическое производство, а также, в связи с массовым изготовлением самурайских мечей, горнорудное дело. Мечи эти были не хуже дамасских, состояли из многих слоев стали разных марок и изготавливались до 10 лет.

Отмечается появление ремесленных и купеческих организаций. Развитие ремесла, внутренней и внешней торговли охватило, главным образом, районы Южной и Юго-Западной Японии, ставшие экономически ведущими в стране. Происходит рост роли денег. С начала XV в. в обращении находились, главным образом, китайские медные монеты. С увеличением денежного обращения развилось ростовщичество, от которого страдали крестьяне, вынужденные залезать в долги вследствие перевода их на денежный оброк. Страдали от ростовщиков, естественно, и самураи, которым из-за нужды в деньгах приходилось закладывать свои земли.

Социальные движения. Естественно, развитие товарно-денежных отношений, сопровождавшееся увеличением нормы эксплуатации крестьян, вызывали рост антифеодального движения. Восстания также часто были направлены против ростовщиков. В условиях раздробленности крестьянам иногда удавалось добиваться успеха и тогда они брали в свои руки местное управление. Так случилось, например, в конце XV в. в южной провинции Ямасиро. В течение 1485–1493 гг. крестьяне установили свои провинциальные органы власти, снизили продуктовую ренту в 2 раза, доведя ее до 40% урожая, заботились о недопущении произвола чиновников, о системе орошения, благоустройстве дорог, о расширении торговли.

¹ Хлопок производился, главным образом, в Корее, откуда распространился и в Японию.

ФЕОДАЛЬНЫЕ СМУТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. Экономическое развитие и, прежде всего, расширение торговли требовало ликвидации существовавшей политической раздробленности, которая в Японии консервировалась спецификой сложившегося государственного устройства – двойственностью управления. С одной стороны существовал авторитет божественного императора (микадо), с другой – правительство, возглавляемое Великим полководцем (своего рода первым министром) – сёгуном из наиболее знатного феодального рода. Такой порядок был оформлен с 1192 г. – с захватом власти домом **Минамото**.

Под предлогом того, что император – лицо божественное и ему не пристало заниматься мирскими, земными делами, сёгуны сосредоточили в своих руках реальную власть. Так началось господство военного сословия, при котором за императорами оставались сакральные (культурные, обрядовые) функции, за сёгунами – военно-политические. При такой раскладке политических сил в стране образовывались 2 центра, оппозиционные друг другу – недовольные всесилием сёгуна группировались вокруг императора.

Примечательно, что фамилия японского императорского рода, как это ни парадоксально, нам неизвестна. На протяжении всей писаной японской истории императорский род всегда был просто императорским родом – с определенным артиклем. Ибо он был одним-единственным за всю известную нам историю. Других фамилий, которые бы претендовали на то, что они ведут свою родословную от главной богини синтоистского пантеона – богини солнца Аматаэрасу, — не находилось. Даже когда все нити практического правления страной сосредотачивалась в руках всемогущих сёгунов, они не покушались на императорские регалии – священное зеркало, меч и яшму. Даже если японские императоры, отодвинутые от принятия касающихся судьбы всей страны решений, проживали во дворце с протекавшей крышей, никому не приходило в голову узурпировать их полномочия – настолько велик был авторитет правящего рода, глава которого (император) считался первосвященником синтоизма, «ответственным» за общение с богами. Так что про Японию можно сказать: *«При императоре таком-то»*; сказать же: *«При правящей династии такой-то»* — не имеет никакого смысла. Единственная попытка свержения правящего рода наблюдалась лишь в VIII в. Она произвела на современников и их потомков столь незабываемое впечатление, что впредь никто не смел покуситься на наследственные привилегии императорского рода.

Поскольку в соседних с Японией странах – Корее, Китае, Индии – происходили многочисленные смены династий, сопровождавшиеся беспорядками и бунтами, то эти страны ни в коем случае не могли послужить примером для подражания. Богоизбранность же Японии, как отме-

чал японский мыслитель XIV в., заключается в непрерывности линии наследования, начиная от первых божеств и до нынешних императоров. При первом знакомстве с европейской историей, случившемся в XVI в. в результате проникновения в Японию христианских миссионеров (португальцев, испанцев, итальянцев, позднее – голландцев), реакция японцев была совершенно однозначной: как смеют проповедники навязываемого японцам христианства настаивать на истинности своего вероучения, если оно не в состоянии предотвратить многочисленные смены династий в их христианских странах.

Наличие двух центров власти в стране стало возможным и могло существовать в условиях отсутствия внешних опасностей, что обеспечивалось островным положением Японии. Но во второй половине XIII в. над страной нависла серьезная угроза вторжения монголов. Тогдашний правитель Китая, Хубилай направил в Японию миссию, потребовавшую признания этой страной вассальной зависимости от монголов. Сёгунское правительство отвергло домогательства и стало готовиться к обороне.

В 1274 г. монгольская армия, подкреплённая китайцами и корейцами, вторглась в Японию. На 900 судах к японским берегам было доставлено до 40 тысяч воинов с инвентарем для строительства военных поселений. Японию защищало 6–10 тысяч вооружённых людей без опыта ведения войны с иностранцами. Ведь внутри страны преобладали лишь поединки между тяжеловооружёнными самураями. У монголов же были мощные луки, длинные копья, что могло помешать японцам вступать в привычные им рукопашные схватки. Но, встретив растущее сопротивление, вопреки советам союзников-корейцев, монголы вскоре повернули назад. Возможно, такой мощный десант был лишь разведкой боем перед решающим набегом, что соответствовало монгольской военной тактике¹. Да и Китай еще не был окончательно замирен².

В 1281 г. Хубилай направил в Японию еще более крупные силы – на 4400 судах и лодках было отправлено 40 тыс. монголов и до 100 тыс. китайцев. Теперь монголы учли советы своих вассалов, привлекли китайских военачальников. Но и японцы готовились. На местах возможной высадки были построены валы длиной 20 км, высотой 2 м и шириной 1,5–3 м, на которых по очереди несли охрану, кроме воинов, поместные чиновники и монахи. Строили валы окрестные феодалы. Японцы были настроены решительно. Присланный Хубилаем перед нападением посол с угрозами был казнен, что отрезало путь к переговорам. Впрочем,

¹ Вспомним набег на Киевскую Русь и битву на Калке в 1223 г., поход в Центральную Европу в 1241 г., в которых монголы как бы прощупывали силу оборонявшихся.

² Сообщения о морской буре, ставшей причиной ухода монгольского флота, многими японскими исследователями подвергаются сомнению, ибо осенью, когда произошла битва у о. Кюсю, тайфунов там не бывает.

Хубилай требовал только подчинения. Японцы упорно сопротивлялись. Но роковым для нападавших оказался мощный тайфун, пронесшийся над местом боевых действий. Был потоплен почти весь флот, а людские потери составили до 100 тыс. человек. Осталось лишь 200 судов, на которых остатки армии вторжения вернулись на материк. Отмечается и плохое управление войсками захватчиков, и плохое качество небрежно построенных китайских судов. Но главным все же считается спасительный для оборонявшихся тайфун, получивший в японской литературе название *камикадзе* – божественный ветер.

Отражение монгольской агрессии вызвало подъем патриотического духа и сплочение японцев. Воины – победители гордились своей победой. «В этой всеобщей победной эйфории возникла привычка считать Японию непобедимой страной богов»¹. Отсюда берет начало и распространившийся в XIX–XX вв. японский национализм, ярко проявившийся во Второй мировой войне на Дальнем Востоке. Для отражения агрессии воины вооружались за свой счет, но не получили от властей компенсации и посчитали себя обманутыми. Правящий сёгун, не вознаградивший защитников за их верность, считался по японским традициям опозоренным, потерявшим авторитет. Конфликты возникли и между разными ветвями императорской семьи. Так ликвидация внешней угрозы возродила уособицы, в которых оказавшиеся не у дел воины приняли активное участие.

С этого времени усиливается роль крупных княжеств, которые поглощают мелкие и даже средние владения. С этим процессом и было связано окончательное формирование в особую общественную группу самураев. Ибо прежде воины после сражения обычно возвращались в свои типично крестьянские хозяйства. Но теперь самураи превратились в профессиональную постоянную военную дружину. В отличие от западного дворянства, самураями чаще становились не по наследству, а за военные заслуги. Они безжалостно выбрасывали из своей среды разорившихся, лишавшихся покровителя и пополнялись из «выбившихся в люди» во время уособиц.

XIV–XV вв. были самыми жестокими в истории страны. В середине XIV в. некоторое время даже было два императора. В XV в. обостряется борьба феодальных домов и к началу XVI в. и император, и сёгун потеряли всякую реальную власть в стране. Лишь с середины этого столетия начинается процесс объединения, который возглавил могущественный феодал **Ода Набунага** (1534–1582). В течение 7 лет, с целью достижения единоличной власти, он планомерно уничтожал всех своих сородичей. Этот

Ода Набунага

¹ Елисеефф В., Елисеефф Д. Ук соч.. С. 74.

честолюбец был среднего роста, вел аскетический образ жизни: с марта по сентябрь купался в реке, вина не пил, был умерен в еде, прост в поведении, владел всеми видами оружия, в том числе огнестрельным, ни во что не верил, считая, что нет ни Бога, ни души, ни потустороннего мира. Был жестоким до свирепости, не знал снисхождения к людям, за малую провинность мог убить любого, особенно, если тот возражал. Рассказывали, что наблюдая за ремонтом своего замка, рабочему, который вызвал его неудовольствие, тут же мечом снес голову.

В своих многочисленных войнах Ода Набунага широко применял шпионаж, использовал в войсках эмблемы и знамена противников. Борясь с буддийским духом, использовал и появившихся христиан. Первым среди японских феодалов создал массовую регулярную армию из самураев. Едва ли в своей борьбе он имел цель объединения страны. Скорее им двигало личное честолюбие. Но объективно его деятельность вела именно к объединению.

Постепенно власть Набунаги распространилась на половину территории страны. С сёгунами он обращался, как с марионетками, а с 1573 г. правил вообще без сёгуна. Погиб он в 48 лет, когда под угрозой пленения изменившим ему военачальником сделал себе харакири.

После смерти Набунаги процесс консолидации власти в стране продолжил его бывший слуга, выросший до полководца – **Тоётоми Хидзёси** (1536–1598) – личность не менее колоритная, чем его хозяин. Такой же беспринципный и ни во что не веривший, был и внешне уродлив: маленький, сухой, почти темнокожий. Сохранился анекдот. Хидзёси спросил: *«Действительно ли я похож на обезьяну?»* – *Нет*, – *отвечают*, – *это она похожа на Вас*. Даже друзья называли его обезьянкой, а враги – чёрной обезьяной, злобной обезьяной.

Отец его был крестьянином, участвовал в усобицах как рядовой пехотинец, был ранен. Он умер, когда Тоётоми было 8 лет. С отчимом отношения не сложились и он отправился бродяжничать, перебивался случайными заработками, возможно, побывал и в разбойниках, в 15 лет попал в слуги к знатному господину, потом – к Набунаге, у которого начинал с носителя сандалий, но за 27 лет службы вырос до полководца. Выиграл много битв и при Набунаге, и потом, в качестве правителя. Был новатором и в строительстве фортификационных сооружений, и в военных действиях. Впервые в Японии масштабно применил огнестрельное оружие. Из увлечений – любовь к театру, в котором он продолжал играть, уже будучи правителем, также писал стихи, что в Японии весьма почиталось.

**Тоётоми
Хидзёси**

В силу своего крестьянского происхождения он не мог назваться сёгуном. И в 1585 г. он объявил себя регентом (великим министром) при безвластном императоре. И хотя, вопреки традиции, Хидэёси добивается того, что император нанес ему визит, но феодалы славят при этом императора, а Тоётоми Хидэёси делает императору ценные подарки, в том числе дворцы, то есть соблюдал традиции. Пришел он к власти в 48 лет и правил еще 13 лет. Придя к власти, стравливает сыновей своего покойного благодетеля, Набунаги, и объявляет наследником его трёхлетнего внука, которым можно было манипулировать.

После Хидэёси к власти приходит **Иэясу Токугава**, основавший династию, правившую до середины XIX в. Иэясу происходил из знатного рода, был сподвижником Ода Набунаги и после его смерти тоже претендовал на место преемника. Но Тоётоми его опередил. Так, к началу XVII в. в Японии наконец установилась прочная центральная власть. И на более чем 200 лет страна избавилась от войн, как внутренних, так и внешних.

КУЛЬТУРА. Рассмотренный период, отличавшийся, как отмечалось, раздробленностью и сопровождавшимися ее усобицами, был самым жестоким в японской истории. Культ войны, оружия определял **повседневную жизнь и нравы**. До XVII в. господствовал самурайский дух, ярко отраженный в разных трактатах, посвященный *бусидо*, идеал которого – достижение сочетания боевого духа с ученостью, что, как утверждалось, рождало в самурае уверенность. Известно изречение: *«Невежество воина в эпоху войн еще можно извинить. Но в мирное время невежество и безграмотность непозволительны для воина»*. Хотя далеко не все самураи умели читать.

Характерны наставления из самурайских кодексов:

- *Помня о смерти, наполняешь жизнь смыслом.*
- *Не забывай о готовности к битве.*
- *В мирное время воину необходимо Учение.*
- *Будь предан родителям, даже плохим.*
- *Чувство стыда – вот опора справедливости.*
- *Самурай не имеет права сплетничать и дерзить.*
- *Никогда не поворачивай ноги в сторону своего господина.*
- *Превосходить других.*
- *Путь самурая – это смерть.*
- *Ученость и изучение искусств могут принести большой вред.*
- *Не смешивай личные чувства с долгом.*
- *Не смей клеветать на бывшего господина.*
- *Бережливость – необходимое качество воина.*
- *Великолепный вход и скромные жилые комнаты.*
- *Иметь друзей-игроков нет необходимости.*
- *Нельзя не знать историю своего клана.*
- *Перечить и лстить – значит не знать долга.*
- *Никого не ценят так высоко, как воина.*

- Не забывай о сострадании к чужой беде.
- Самурай, который бьет свою жену – просто трус.
- Выполняй свои обязанности каждый день, но ни на мгновение не опережай события.
- Самурай обязан защищать ремесленников и торговцев.
- Почитай герб своего господина.
- Избегай обязанностей, связанных с деньгами.
- Не принимай необдуманных обещаний – это приведет тебя к гибели.
- Не забывай о желаниях и мыслях подчиненных.
- Самурай низкого ранга не может позволить себе иметь жену и детей.
- Всегда стремись к тому, чтобы совершить подвиг.
- Верность – значит долголетие.
- Красть жалование – преступление.
- Никогда не жалуйся, даже если тебе уменьшили содержание.
- Спокойно относись к трудным поручениям.
- Никогда не возражай господину, даже если тот ошибается.
- Выполняя поручения, в первую очередь помни о безопасности.
- Не забывай о вооружении слуг.
- Жаловаться на то, что тебя не оценили – значит забывать о преданности господину.

В кодексах приводились и примеры поведения самурая. «Что делать, если господин убивает в твоём присутствии одного из вассалов?... В таком случае самурай должен схватить поверженного и сказать: ... Он вот-вот умрет, позвольте мне прикончить его. Если господин подойдет и скажет: Отпусти его, я хочу сам справиться с ним, самурай должен ответить: Как я могу отпустить этого разбойника? Убейте меня вместе с ним! Если же господин продолжает настаивать, ответьте так: Он ослабел от удара вашего меча. Позвольте мне прикончить его. И быстро нанеси смертельный удар...».

Широко известным самурайским обрядом стал *харакири* (сэппуку). Происхождение ритуала вспарывания живота остается неясным. Отдельные случаи этого зафиксированы в Китае и других странах. Любопытно, что самый ранний сохранившийся до нашего времени документ, описывающий вспарывание живота, приписывает его совершение женскому божееству. Текст, составленный в начале VIII в., говорит, что «*богиня Оми, преследуя своего мужа, добралась до этого места, но вспыхнула гневом и злостью, разрезала мечом живот и бросилась в болото*».

Знали самураи, что первый подобный ритуал совершило женское божество, или нет, но к XI в. обычай уже вошел в практику и должен был служить либо способом проявления отваги, либо способом избежания бесчестия от рук врагов. В XIV в. ритуал широко распространился. Живот также вспарывали, чтобы последовать за господином после его смерти. В XVII в. при Токугава к вспарыванию живота стали приговаривать самурая, совершившего позорный поступок – так он мог восстановить свою честь.

Вскрытие живота не приводило к немедленной смерти, гибель могла оказаться мучительной, грязной и долгой. Одно время существовало правило, пред-

писывавшее вскрывать живот вначале горизонтально, затем вертикально, затем должен был следовать смертельный удар – в спину или в шею. Говорят, что генерал Ноги Марэсуке (1849—1912), покончивший с собой в день похорон императора Мэйдзи (1852—1912), исполнил именно эту процедуру.

Пройти все три этапа – это требует невероятной силы духа. Поэтому нередко при самоубийстве присутствовал помощник, который и должен был отрубить голову подвергающему себя харакири¹.

Многие исследователи считают, что представление о распространённости харакири преувеличены. А в XVIII в. самоубийство самураев в случае смерти господина вообще было запрещено. Но культ смерти среди воинов и как цель, и как спасение от бесчестия действительно был распространён. Ибо, исходя из буддизма, человек, веривший в реинкарнацию, в малой степени боялся потерять ЭТУ жизнь и не страшился вечных посмертных мук. Более того, достойное поведение в смерти воспринимается как задел для лучшей следующей жизни. Важно было и мнение окружающих, ибо в Японии, как и в Китае, личность не воспринималась как самостоятельная единица, а лишь как часть социума. Вследствие этого – то, что о человеке думают другие, для носителя дальневосточной культуры гораздо более важно².

Особое место в средневековой Японии занимала аристократия. С самого рождения японские аристократы получали так называемые теневые ранги (по известному принципу «*аристократ спит, а ранги идут*»), так что к достижению совершеннолетия (наступало с 21 года) молодой человек мог претендовать на высокую должность при дворе. И конкурсные экзамены на занятие чиновничьего поста, позаимствованные из Китая, играли здесь весьма ограниченную роль. Намного важнее было появиться на свет в высокородной семье. Ведь наиболее могущественные аристократические роды того времени выводили свое происхождение от «небесных (т.е. наиболее древних и могущественных) божеств» местной религии – *синто*. Другим же приходилось довольствоваться лишь ролью зрителей, которые следили за разворачивающимися событиями на недоступных для их вмешательства высотах.

Архитектура и искусство продолжали находиться под сильным китайским влиянием. Но постепенно усиливались и специфические японские черты, особенно проявлявшиеся в декоративном искусстве и формах, имитирующих природу: *бонсаи* (маленькие деревья), своеобразные *ландшафтные сады*. Интерес к воспроизводству природного окружения в жилищах и вокруг них – от анимистических традиций синтоизма. Они повлияли на аристократические вкусы, из которых и выросла своеобраз-

¹ Сато Хироаки. Самураи. История и легенды. СПб., 1999. С. 18.

² Асмолов К. В. Рыцарство: реальность и воображаемое. Воинские сословия конфуцианского культурного региона // Одиссей. 2004.

ная дворцово-паковая архитектура Японии. Дело в том, что с X в. аристократы были обязаны селиться в столицах. Не имея возможности жить среди привычных сельских ландшафтов, они стали приближать природу к себе, благо средства позволяли.

Японский сад – «сад камней», или «океан пустоты», как его еще называют – не равен простой сумме некоторого количества гальки, мхов и карликовых растений, расположенных в определенном порядке. Это – особое место для релаксации. Часто они устраивались в монастырях. Предполагалось, что человеку незачем перенапрягаться постоянной работой над собой, к просветлению можно прийти интуитивно, в минуты самозабвенного общения с природой.

Искусствовед А.И. Андреева писала. «Представьте себе, что вы стоите на веранде старого императорского дворца в Киото... За долгие размеренные годы существования его облик остался прежним. Веранда примерно метров двадцать в длину – через каждые три метра столбики. Засыпанный гравием церемониальный двор – квадрат 25 на 25 метров, по которому не ходят. Слева от вас – мандариновое дерево. Справа – сакура. Перед вами – сад камней... Расстояние позволяет видеть как картину в целом, так и детали: шершавость неоднородных валунов, текучесть гальки, нежность мягких оттенков мха...».

Сад камней с чайным домиком

«Японский сад «карэ сансуй» («сухой пейзаж») глубоко символичен. Необъятная пространственность природы спрессована в замкнутые рамки. Вселенная уменьшена в сотни тысяч раз и стянута в небольшую площадку. Пропорции создают иллюзию бесконечности. Две неперменные вещи в саду камней – черное и белое, отрицательное и

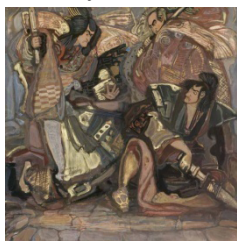
положительное, женское и мужское, вода и камни. Одно не существует без другого. Камни – всегда настоящие. Воду может изображать песок или галька. Остальные «персонажи» – мхи, деревья могут быть, но не обязательны. Согласно принципу неопределенности и относительности ни одна из воображаемых линий, соединяющих два предмета в саду, не должна быть равной другой в длину или параллельной. В триаде не может быть двух камней одного размера или одинаковой формы. Как и в самой природе, в японском саду царствует асимметрия»¹.

¹ Андреева А. И. Ук. соч.

Надо заметить, что в японской культуре сакральным был не только «мир природы», но и «рукотворный мир», в том числе и произведения искусства, поскольку все они воспринимались как единое целое. Постепенно в японской культуре сформировалось внимание к тому, что можно охватить взглядом, то есть к ближайшему: к деталям, интерьеру, к тому, что окружает человека. Географические особенности не позволяли знати покорять внешние пространства¹. Не было с кем вести и межкультурный диалог. Отсюда – успехи в освоении ближнего пространства. Не поэтому ли, кстати, и к централизации японцы пришли лишь к концу XVI в.?

Самурай

Самурай

Жестокая действительность рассматриваемой эпохи приучила японцев и к релаксации – умению на время уходить от реальности, расслабляться. К такому умению относится возникшая в XV в. традиция особой **чайной церемонии**. Она включала в себя устройство специального чайного домика, в который вела узкая тропинка через сад и узкая дверь, в которую можно было войти лишь пригнувшись и без оружия, то есть отрекаясь от всего внешнего. В домике была особая обстановка и посуда, которую должны были оценивать гости. Затем хозяин заваривал зеленый чай, разливал в одну чашку, из которой все пили по очереди, после чего должна была возникать тихая беседа, лучше всего – «немая», когда вместе с чашкой друг другу передавались и мысли. В XVI в. чайную процедуру регламентировал монах Рикю. Он говорил: *«Кипятите воду, заваривайте чай, добивайтесь нужного вкуса, не забудьте о цветах [в чайном домике. – Я.Р.], они должны выглядеть, как живые, летом создавайте прохладу, зимой – приятную теплоту. Вот и все...»*. Но к этому надо, естественно, добавить тот трепетный дух, с которым все это действие сопровождалось.

Быт. Питание, как в императорском дворце, так и у феодалов, было двухразовым (в 10 и 16 часов) и достаточно скромным: основу его составлял рис. Но знать в отличие от крестьян имела на столе мясо, птицу, рыбу, овощи, фрукты. Впрочем, в то время кухня в Японии только зарождалась, и блюда были довольно простыми².

Одежда феодалов была сложной и неудобной, сковывавшей движения. Главную роль в ней играла красота и показатель статусности, того места, которое человек занимал в обществе. Защита от холода

¹ В попытках завоевания ближайшей Кореи в VI–VII и XVI вв. Японии постигла неудача, кстати, как и во Второй мировой войне.

² Современная специфическая японская кухня начала формироваться лишь в XV–XVII вв.

была второстепенной. Поощрялся китайский стиль. Мужской гардероб разделялся на парадный, повседневный и домашний. Повседневная одежда отличалась меньшим количеством элементов. Женская одежда была ярче и намного сложнее. Число носимых одновременно рубашек, юбок и шаровар достигало 20. В особо торжественных случаях аристократки украшали волосы, которые предпочитали носить длиннее тела.

Только самураям дозволялись шелковые одежды, только они имели право на ношение меча и кинжала. Даже в бане самурай не должен был расставаться с мечом. Элита обладала рангами, каждый ранг маркировался специфической одеждой, ее цветом и аксессуарами, прической, головными уборами. И ее одежды существенно не менялись в течение столетий, что символизировало неизменность порядков, в том числе и в повседневности, включая одежду.

Статусная одежда подменяла индивидуальность. В средневековой литературе описания внешности персонажей редки, встречающиеся в ней портреты высокопоставленных людей лишены, как правило, индивидуализирующих черт, они больше похожи на маски, чем на реальных, неповторимых и уникальных людей. Японский портрет характеризуется тем, что лицо как бы «смазано», глаза почти что закрыты или же только намечены. Чем выше был статус изображаемого человека, тем меньше в нем было «портретного» сходства. Считалось, что душа японца, особенно имевшего высокий статус, находилась не столько в лице, сколько в одежде, аксессуарах и прическе.

В результате лицо не воспринималось в качестве отражения душевного состояния человека. Воспитанному и благородному самураю и, тем более, знатному мужу и даме приличествовало всегда сохранять невозмутимое, непроницаемое выражение лица. Согласно представлениям самурайской культуры, громкий голос, смех и плач, чрезмерное проявление гнева, печали и радости выдавали «подлое» происхождение или же свидетельствовали о недостойной слабости. На произведениях японских художников с открытым ртом мог изображаться только отрицательный персонаж.

Люди высокого статуса, причем не только женщины, но и мужчины, покрывали лицо толстым слоем грима, соответствующим их положению, который нес и дополнительную защиту от злых духов, чужих глаз и порчи. Этой же цели служили и внушительные зонты, которые вне зависимости от погоды несли слуги над знатными людьми во время их выходов за пределы дома. Император вообще никогда не появлялся перед своими подданными, а изображение его лица запрещалось. Но если он отображался, то представлялась лишь нижняя часть тела, а верхняя была скрыта облаками (одним из обозначений императора был термин «сокрытый в облаках»).

Красота представителей высших слоев была заключена, прежде всего, в одежде и церемониальном поведении. Поэтому выявление индивидуализирующих особенностей внешности могло происходить только при описании «простонародья»¹.

¹ Мещеряков А. Тело обнаженное и тело одетое: японский вариант // Теория моды. Одежда. Тело. Культура». 2010. Вып. 17 (polit.ru/research/2011/01/13/mescheryakov).

Семейные отношения. Как и вообще на Дальнем Востоке, брак не освящался религиозными институтами и не считался таинством, в отличие от средневековой Европы. В среде знати X в. был распространен дислокальный брак, характерный для родового строя и состоявший в раздельном проживании супругов. Мужчина выбирал жену, руководствуясь личным вкусом, и навещал ее дом. Дети жили и воспитывались в доме жены. В ее же доме находился и семейный очаг, хранительницей которого была, следовательно, жена. Брачные отношения прекращались, если муж переставал ходить к жене или начинал ходить к другой женщине. Признаком развода являлось возвращение женщине написанных ею писем, но можно было и не возвращать. Покинутая жена могла тут же вновь вступить в брак, но воспитание детей от всех браков было ее правом и обязанностью.

В X в. стал преобладать существовавший и раньше матрилокальный брак. В этом случае жениха для дочери выбирали ее родители, а муж после заключения брака переселялся в дом жены. Ее родители брали на себя полную заботу о зяте. В дальнейшем на эволюцию брака существенное влияние оказывала поместная система. Наследуя должность отца, сын наследовал и его владельческие права, что вело к усилению роли мужчин в семейных отношениях. С XI–XII вв. развился патрилокальный брак. Постепенно к этому времени утверждается обычай, по которому женщина оставалась в доме взапери. Ее передвижение ограничивалось, посторонним она не должна была показывать лицо (это считалось вульгарным).

Однако в аристократической среде и императорском дворце царила довольно значительная свобода в отношениях полов. Нередко столичный аристократ фактически был многоженцем. Это было связано с браками по расчету, без учета личных симпатий. Не считались зазорными и связи с куртизанками. Позднее в средние века были широко распространены цветные гравюры, изображавшие проституток и их клиентов в самых нескромных позах. Назывались они «сюнга» – «весенние картинки». При этом на «весенних картинках» практически никогда не изображался секс между супругами. Семья предназначалась совсем для другого.

Однако браки заключались поговору родителей, идеальные семейные отношения представлялись как поле для проявления долга и должной церемониальности. Любовь квалифицировалась как неконтролируемая холодным разумом страсть и, как и всякое другое проявление эмоциональности, подлежала осуждению. Такая любовь расценивалась как разновидность безумия, приводящего к убийствам, самоубийствам, растратам, распаду семьи. Возможность вовлечения в любовный процесс замужней женщины или же брак «по любви» казались вопиющей безнравственностью. И целовать можно было только проститутку, а не порядочную женщину. К тому же поцелуй квалифицировался как верх негигиеничности¹.

¹ Там же.

Повседневным обычаем аристократок было пользование *косметикой* – особенно румянами и белилами, в том числе и чтобы скрывать следы весьма распространенной тогда оспы. В белилах, однако, широко использовался свинец, о вреде которого тогда не знали. Вплоть до XX в. существовал обычай окрашивать зубы в черный цвет. Первоначально это было, как отмечалось, аристократической модой, с конца XI в. этому стали следовать самураи, затем – крестьяне. В XIV–XVI вв. черные зубы были признаком взрослой девушки (с 9 лет), а с XVII в. – замужней женщины.

Особенность японской семьи – и до нашего времени – ее закрытость от чужаков, с которыми не принято обсуждать свои проблемы. Даже о смерти близких надо сообщать с улыбкой, чтобы не расстраивать посторонних.

Медицина. Важнейшим средством исцеления болезней считалась молитва, но применяли и то, что считалось лекарствами (некоторые действительно помогали). Аристократы в качестве лекарств применяли молоко. Но широко молоко и молочные продукты в Японии стали употреблять лишь после Второй мировой войны.

В **религии**, в отношении к которой японцы, как и их материковые соседи, не были фанатиками, как отмечалось, уже с раннего средневековья царил толерантный между синтоизмом и буддизмом. К XII в. сложилось несколько школ, в том числе и синтезировавших обе религии. В XVI в. европейские мореплаватели и миссионеры занесли в страну христианство. И в условиях религиозной терпимости к концу XVII в. среди японцев насчитывалось уже около 300 тысяч христиан.

Так, в условиях островной изолированности развивалось средневековое японское общество. Географические условия не способствовали сложению в нем характерного для Востока государственного феодализма. Наоборот, в стране в течение первой половины II тыс. укоренилось частное землевладение знати и в этом японские порядки стали напоминать западноевропейские. Многочисленные заимствования из Китая японцы перерабатывали в соответствии со своими традициями, что породило образное определение Японии как *«Европы, причаленной к берегам Китая»*¹. Вероятно, именно такие порядки позволили Японии в дальнейшем опередить в своем развитии другие страны Востока и в наше время находиться в числе мировых лидеров.

¹ Кульпин Э. С. Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке) // Серия. Социально-историческая история. Вып. XII. М., 1998. С. 199.

МОНГОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Предыстория средневекового монгольского государства. Почти всю территорию Монголии составляют сухие степи и горные пастбища. Обычно засушливая осень и почти бесснежная зима дают возможность пользоваться пастбищами круглый год: травы, которыми богаты степи, осенью подсыхают и остаются на корню зимой, обеспечивая дешевым питательным кормом все виды скота, что и обусловило преимущественное развитие кочевого скотоводства.

Первое надплеменное образование на территории Монголии появилось в III в. до н. э. Это была держава гуннов. После ее разгрома в монгольских степях последовательно сменили друг друга: государство сяньби (I–III вв.), Жужаньский каганат (IV–VI вв.), Тюркский каганат (VI–VIII вв.), Уйгурский каганат (745–840 гг.), государство Бохай (VII–IX вв.), киданская империя Ляо (X–XI вв.).

Надо заметить, что, строго говоря, называть все перечисленные образования *государствами* с точки зрения современных теорий государственности – нельзя. Ибо помимо непрочности и территориальной аморфности в них отсутствовали многие черты подлинной государственности: устойчивая система передачи власти, сбора налогов и правовых норм, еще не выходивших за рамки обычного права, а также четкое социальное расслоение. Хотя складывались такие государственные формы, как культ вождей, иерархия власти, социальное расслоение, отстранение народа от управления. В современной исторической антропологии такие образования переходного типа (от племенных объединений к ранним государствам), как отмечалось, обычно называют *вождествами*. Ибо их правители более походили своими властными функциями на вождей, чем на позднейших монархов. Такие вождества часто вообще не превращались в государства и исчезали с исторической арены, что видно на судьбах вышеназванных держав, каганатов и империй. Но в литературе, даже научной, термин *государство* традиционно применяют весьма расширительно. Это относится и к указанным сообществам. Тем более, что при ограниченности источников установить грань между вождествами и раннегосударственными объединениями часто и невозможно.

На протяжении всего I тыс. н.э. ведущим в хозяйстве населения рассматриваемых территорий оставалось кочевое скотоводство. Но было известно земледелие, развивались некоторые виды ремесел и торговли, постепенно появлялись поселения городского типа. Неоднороден был и этнический состав населения, в котором можно выделить монголоязычные, тюркоязычные и тунгусоманьчжурские племена. Вообще, следует заметить, монгольские степи явились очагом, где зародились и получили свое развитие современные нам тюркоязычные и монголоязычные народы Азии.

Процесс поочередного возвышения ранних кочевых предгосударственных образований на территории Монголии продолжался до выхода на историческую арену предков современных монголов.

Ранние монголы. В X–XII вв. монгольские племена расселялись на территории от Великой китайской стены на юге до верховьев р. Селенги (основной южный приток Байкала) на севере. Помимо общей территории они имели единую хозяйственную основу в виде кочевого скотоводства. У них также был, в основном, общий язык, развивалась единая система религиозно-философских воззрений — *шаманизм*. Но политически они еще не были объединены и делились на множество мелких, средних и крупных племенных и межплеменных образований, носивших свои собственные названия.

Основное богатство монгольских скотоводческих племен составляли овцы, козы, крупный рогатый скот и лошади. В некоторых хозяйствах было и небольшое количество верблюдов. Стада снабжали монголов продуктами питания, шерстью (из нее делали войлок — основной строительный материал для юрт), шкурами и кожевенным сырьем для изготовления одежды, обуви и предметов домашнего обихода. Скот служил и в качестве основного товара для обмена с соседними Китаем и Средней Азией.

Жили монголы в разборных войлочных юртах и кочевали по степи в поисках пастбищ, богатых травой и водой. При этом места кочевий каждого племени были, как правило, точно определены.

Монгольское общество XI–XII вв. характеризовалось разложением общинно-родовых институтов и все более усиливавшимся социальным расслоением. Племенные объединения Монголии к указанному времени представляли собой уже не столько этнические, сколько политические общности, в которых под эгидой одного племени или даже рода могли быть объединены различные этнические группы.

Каждое из этих объединений имело своего предводителя — *хана*. Как правило, ханы в указанное время являлись уже наследственными правителями, хотя кое-где еще продолжала существовать выборная система эпохи военной демократии, при которой хана как военного вождя выбирали представители родоплеменной аристократии.

Центральная и Восточная Азия в XII в. В конце XII в. в Центральной и Восточной Азии существовали оседлые земледельческие и кочевые скотоводческие государственные образования разного уровня развития. Китай был разделен на южную (собственно китайскую) империю *Сун* и северную империю *Цзинь*, основанную тунгусским племенем *чжурчженей*, завоевавшим бассейн р.Хуанхэ. Между верховьями Хуанхэ и Монголией (к югу от пустыни Гоби) сформировалось *тангутское* царство (*Си Ся*). К западу от него (в восточных предгорьях Тянь-Шаня) жили *уйгуры* — занимавшиеся земледелием и торговлей, с буддийской и несторианской (христианской) культурой. В Семиречье (к югу от оз.Балхаш) к 1137 г. укрепились *каракитаи* — один из монгольских народов, культура которого была принесена им с Дальнего Востока.

Средняя Азия и Иран принадлежали *тюнкам*, которых возглавляли *хорезм-шахи*, воспринявшие мусульманство и арабо-персидскую культуру.

Степи от устья Дуная на западе до низовьев Сыр-Дарьи на востоке населяли язычники-*кыпчаки*, которых в Древней Руси называли *половцами*, а греки и западноевропейцы — *куманами*. Половцы находились на стадии родо-племенного строя. Они составляли отдельные кочевья, управлявшиеся ханами из числа родовых старейшин. Население Половецкой степи до середины XIII в. оставалось децентрализованным, неспособным отстоять свою самостоятельность от более организованных восточных кочевников, умеющих преодолевать степные пространства.

К востоку от Алтая располагались ханства, находившиеся на стадии военной демократии. На склонах Алтайских гор жили *найманы* — монгольский народ, перемешанный с местными тюрками. В культуре найманов переплетались несторианские, буддистские и шаманистские традиции. Сильное влияние на этот народ оказали его южные соседи — *уйгуры*, от которых найманы заимствовали письменность. В Саяно-Алтае и на верхнем Енисее жили лесные охотники *ойраты* и земледельцы *кыргызы*. В XII в. в военном и политическом отношении они серьезной силы не представляли.

Соперником найманов в борьбе за политическое господство было *кераитское ханство* в Центральной Монголии. В 1009 г. кераиты были крещены в несторианство, организованы ханом **Маргузом** (Марк) и отстаивали свою гегемонию в степи против чжурчженей и найманов. Севернее кераитов — в низовьях Селенги и на берегах Байкала — жили *меркиты*. Они были очень воинственны, управлялись племенными вождями; их хозяйство было примитивнее, чем у кераитов и найманов. Жили меркиты кочевым скотоводством, облавной охотой и рыболовством. Они презирали своих южных соседей за то, что те продают свободу за шелковые тряпки (так они называли сношения с Китаем) и подчиняются ханам. Высшим благом они считали свою дику (полную) свободу и мужественно ее отстаивали.

Монголы и татары в XII в. Северо-восточную часть Монголии и примыкающие к ней области степного Забайкалья в то время делили между собой *татары* (к югу от р. Керулен) и *монголы*¹ (к северу от нее).

В 1139 г., когда чжурчженские войска перешли р. Янцзы и громили китайскую империю Сун, монголы разбили чжурчженей и после 12-летней войны добились уступки им прав на земли севернее р. Керулен (се-

¹ О возникновении племенного названия *монгол* существуют два мнения. Древнее племя *мэн-гу* жило в низовьях Амура. Кроме того, так назывался один из родов *татар*, обитавший в Восточном Забайкалье. Чингис-хан происходил из забайкальских мэн-гу и, следовательно, принадлежал к числу татар. Название же «монгол», вошедшее в употребление только в XIII в., произошло от китайских иероглифов «мэн-гу», означающих «получать древнее». Эта гипотеза принадлежит акад. В. П. Васильеву. Существует и другая точка зрения. Племенное название «мэн-гу» — «монгол» очень древнего происхождения, но встречается в источниках крайне редко, хотя отнюдь не смешивается с названием «да-дань» — «татары». В XII в. монголы выступили как самостоятельный народ. Это мнение высказано Г. Е. Грумм-Гржимайло. Постепенно в русском языке *татарами* стали называть тюркское население Орды, затем — средневековой Руси [svoboda.org/a/24515135.html].

верная Монголия), а также уплаты ежегодной дани скотом и зерном. Воздем, монголов в это время был **Хабул-хан**, прадед Темучина.

Между монголами и татарами часто возникали войны. В середине XII в., благодаря победам Хабул-хана, монголы добились перевеса.

Здесь следует заметить, что в Центральной Азии этническое название имело двойной смысл: непосредственное наименование этнической группы (племени или народа) и собирательное – для группы или союза племен, составлявших определенный культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена были разного происхождения.

До XII в. гегемония среди племен Восточной Монголии принадлежала татарам, и поэтому китайские историки рассматривали монголов как часть татар в собирательном смысле термина. В XIII в. татар стали рассматривать как часть монголов в том же широком смысле, причем название «татар» в Центральной Азии исчезло, зато так стали называть себя поволжские тюрки, подданные Золотой Орды. В начале XIII в. названия «монгол» и «татар» были синонимами, потому что, во-первых, этноним «татар» был привычен и общеизвестен, а слово «монгол» ново, а во-вторых, потому что многочисленные татары (в узком смысле слова) составляли передовые отряды монгольского войска.

Средневековые историки делили восточные кочевые народы на три ветви: «белые», «черные» и «дикие» татары (в собирательном значении термина «татар»). «Белыми» татарами назывались кочевники, жившие южнее пустыни Гоби и несшие в чжурчжэньской империи Цзинь пограничную службу. Большую часть их составляли тюркоязычные онгуты и монголоязычные кидани. «Черные» татары, в том числе кераиты и найманы, жили в степи вдали от городов Китая и Восточного Туркестана. Кочевое скотоводство обеспечивало им достаток, а верность «своим ханам» – племенную независимость. Непрекращавшиеся войны в степи вынуждали роды «черных» татар жить кучно, огораживаясь на ночь кольцом из телег (курень), вокруг которых выставлялась стража. «Дикие» татары Южной Сибири (меркиты, ойраты, урянхай и др.) промышляли охотой и рыбной ловлей; они не знали ханской власти и управлялись старейшинами, власть которых была основана на авторитете, т.е. пребывали в типичном первобытном обществе.

Общественные отношения у монголов XII в. были характерны разложением первобытнообщинных порядков. Во главе родов стояла аристократия. Представители ее носили почетные звания: *баатур* (тюрск. – бахадур)¹, *нойон* (господин), *сецен* (мудрый) и *тайши* (член царского рода). Главным занятием бахадуров и нойонов было добывание пастбищ и рабов для ухода за скотом и юртами. В роды также входили: *нухур* (дружинники) и *харачу* (черная кость) – люди низшего происхождения. Рабы (*богол*) стояли вне рода. Роды, покоренные некогда более сильными родами или примкнувшие к ним добровольно (унаган богол), не лишались личной свободы и по существу мало отличались в правовом отношении от своих господ.

¹ Отсюда русск. – богатырь.

Специфика кочевого скотоводства порождала общий низкий уровень хозяйства. Торговля была лишь меновой, да и та слабо распространялась. Такая экономика не давала возможности использовать подневольный труд. Рабы использовались в качестве домашней прислуги.

Сохранялись основы родового строя. В компетенцию рода входили: совместное владение угодьями, жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с ней межплеменные войны. У монголов были очень прочны представления о родовом коллективе как основе социальной жизни, о родовой (коллективной) ответственности за судьбу любого рода и об обязательной взаимовыручке. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и постоянно был готов выполнять обязанности, налагаемые на него сородичами. Обычно родовой коллектив кочевал сообща, на стоянках размещался по кругу вокруг юрты родового старейшины и состоял из примерно тысячи кибиток (семей).

Но постепенно внутри родовой общины возрастала роль патриархальной семьи – *айла*, в ее собственность стал переходить скот. На этой основе зародилось и стало расти имущественное неравенство. Родовая община начала разлагаться. В ней появились богатые семьи – собственники крупных стад, и малоимущие сородичи. Рамки куреня становились тесными для богачей, они стремились пасти свой скот обособленно, у них появились слуги, рабы.

В конце XII в. преимущественной формой кочевания стала *аильная* (семейная), хотя пастбищные угодья еще какое-то время продолжали оставаться в общинной собственности. Но по мере укрепления экономических и политических позиций знатных семей, обладавших многочисленными стадами и табунами, родовые общины постепенно отстранялись от управления пастбищными территориями, полностью утрачивая право собственности на них. В условиях кочевого скотоводства собственность на землю находила свое выражение в том, что знатные семьи все настойчивее закрепляли за собой монопольное право регулировать перекочевки и распределять пастбища.

Для ведения крупного скотоводческого хозяйства его владельцы нуждались в рабочей силе. Первоначально ее набирали из многочисленных военнопленных. В «Сокровенном сказании»¹, например, один из героев говорил, обращаясь к своим братьям: *«Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут – все равны: нет у них ни мужиков, ни господ, ни головы, ни копыта. Ни-чтожный народ. Давайте-ка мы их захватим... Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне»*.

Разбитое, ослабленное племя переходило в полную зависимость от племени-победителя, превращаясь в вышеуказанных *«унаган-боголов»*

¹ «Сокровенное сказание» – самый ранний источник по истории монголов, записанный в 1240 г. неизвестным монгольским автором китайскими иероглифами.

(раб рода, наследственный слуга). Они должны были кочевать вместе со своими владельцами, обеспечивая своим трудом производственный цикл крупного кочевого скотоводческого хозяйства.

Но и внутри родовых коллективов нарастали противоречия. Все больше появлялось людей, которых тяготила дисциплина родовой общины, где фактическая власть принадлежала старейшим. Прочие, не смотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. А в условиях кочевого быта и постоянных военных столкновений всегда было место личной инициативе и храбрости. В итоге те, кто не желал покоряться родовой дисциплине, выходили из общин, покидали свои роды и становились *«людьми длинной воли»* или *«свободного состояния»*, в китайской передаче «белотелые» (байшэнь), т. е. «белая кость».

Судьба этих людей часто была трагична: лишенные общественной поддержки, они были принуждены добывать себе пропитание трудоемкой лесной охотой, которая в отличие от степной, облавной была менее эффективной. К тому же монголы не едят перелетных птиц (уток, гусей), считая их мясо противным, и лишь в крайнем случае употребляют в пищу рыбу. Для того чтобы добыть себе конину и баранину, изгнанникам приходилось систематически заниматься разбоем, но их ловили и убивали. С течением времени они стали создавать отдельные отряды, чтобы сопротивляться своим организованным соплеменникам и искать вождей для борьбы с родовыми объединениями. Число их неуклонно росло, и, наконец, в их среде оказался сын погибшего племенного вождя, потерявший состояние и общественное положение, член знатного рода Борджигинов, **Темучин**, впоследствии ставший **Чингис-ханом**.

Возвышение Темучина. Дата рождения Темучина, сына *Есугей-бахадура*, в разных источниках указывается по-разному, в пределах 1156–1162 гг. Происходил Темучин из знатного и богатого рода. Его прадед, уже упоминавшийся Хабул-хан возглавлял так называемый «Всеомонгольский улус» – объединения племен, в котором уже явственно проступали отдельные черты раннего государства, характеризуемого глубоким имущественным неравенством, обострением социальной дифференциации, поощряемой и укрепляемой самодержавной властью хана.

Есугей-бахадур возглавлял одно из наиболее активных монгольских племенных объединений — *тайджиутов*. Ему удалось остановить татарское наступление на монголов и захватить в плен богатыря Темучина, именем которого Есугей впоследствии назвал своего новорожденного сына.

Когда последнему исполнилось лет девять-десять, его молодой отец умер, возможно отравленный своими врагами. Большинство роди-

чей и подчиненных Есугей-бахадура отвернулось от его семьи, и Темучин, его мать Оэлун и братья вынуждены были жить охотой и рыбной ловлей. В обстановке постоянных изменений, насилия и убийств Темучин, очевидно, проникся жестокостью даже к близким людям.

Со смертью Есугея его улус распался, большая часть подданных хана откочевала, подстрекаемая к этому новыми претендентами на место главного предводителя. Таким образом, молодому Темучину с ранних лет пришлось включиться в борьбу сначала за существование, а потом – за приведение в покорность откочевавших нукеров и подданных.

В результате этой борьбы Темучин сумел не только вернуть себе улус отца, но и привлечь на свою сторону большинство соседних племен. В 1190 г. при поддержке нукеров и нойонства (знати) он стал ханом Всеомонгольского улуса. Возвысившись таким образом, Темучин продолжал борьбу, целью которой было уже объединение под его властью всех племен, кочевавших в монгольских степях. Путем пожалований и разного рода наград он добивался дальнейшего объединения и сплочения вокруг себя все большего числа нукеров и нойонов. Наиболее преданных из них он ставил во главе основных военно-организационных подразделений: тысяч, сотен и десятков. Поддерживая богатых и зажиточных скотоводов, именуемых в источниках «людьми свободной воли», Темучин учредил привилегированное сословие, которое источники называют «дархан». Дарханы освобождались от податей и повинностей, не делились с другими добычей в военных походах, имели свободный доступ к хану, не наказывались за первые девять проступков или нарушений закона.

Темучин учредил также привилегированный отряд своих телохранителей, из которых потом выросла своеобразная гвардия — «кэшик». Первоначально кэшик состоял из 80 человек ночной охраны и 70 человек дневной стражи. В кэшик отбирались прежде всего сыновья нойонов, тысячников, сотников, десятских. Это были молодые искатели приключений, дети соратников его отца и богатыри, отколовшиеся от своих родов. Так Темучин превратился в вождя небольшой орды, составившейся не из племен, а из «людей длинной воли».

Вступив в борьбу за объединение всех монгольских племен, Темучин успешно использовал межплеменные противоречия, направляя военную силу одного племени против другого и, в конце концов, подчинял себе обоих. На это ушло более 15 лет бурной жизни этого человека: с 1190 по 1206 г. За это время Темучин разбил татар и кэрэитов, покорил меркитов, найманов и другие племенные группы и союзы.

Великий курултай (создание империи). На курултае, состоявшемся в 1206 г. на р. Онон (северо-восточная Монголия и российское Забайкалье), где собрались все войска Темучина, монгольское нойонство

провозгласило Темучина великим ханом с титулом «**Чингис-хан**»¹ (1206–1227). Так завершился процесс преобразования сложного вожества в монгольское государство во главе с единодержавным правителем.

Начальники сотен, тысяч, полков получили награды соответственно заслугам, а не по праву рождения. Воинов разверстали по десяткам, сотням и тысячам и обязали служить треть жизни, поочередно сменяясь. Самовольный переход из части в часть был запрещен. Для наблюдения за порядком, кроме 100-тысячной армии на курултае была создана 10-тысячная гвардия, несшая службу по охране ханской юрты.

Создав новую структуру управления, Чингис-хан разделил всю Монголию на две части: левое крыло и правое крыло, а также выделил территорию своего собственного кочевья в бассейне трехречья – Керулена, Онона и Толы (Центральная Монголия). Традиция деления кочевьев на левое и правое крылья восходит ко времени гуннов и других племенных объединений – предков монголов. Их опыт во многом оказал влияние на процесс организации Монгольской империи.

В основу военно-административного устройства государства Чингисхан положил традиционную десятичную систему. Крылья состояли из *тумэнов*. Тумэн (тьма) состояла из десяти тысяч человек, тысяча – из десяти сотен, сотня – из десяти десятков. Таким образом, низшей военно-административной единицей в Монголии была группа семей, обязанная выставлять десять воинов, а самой крупной – владение, дававшее хану возможность мобилизовать 10 тыс. человек.

Создание «тысяч», «сотен» и т. д. отражало процесс замены былых кровнородственных отношений административно-территориальными связями, а члены прежних родовых коллективов превратились в зависимых от военачальников темников, тысячников, сотников и т. д. – вассалов великого хана (хагана). Земли родоплеменных объединений переходили в распоряжение нойонов, становясь их условными владениями и оставаясь более или менее в собственности великого хагана.

Так установилась новая система владения *нутугами* (кочевьями) со стороны темников, тысячников и др. По сравнению с представителями «золотого рода» и иными степными аристократами нойоны-тысячники стояли существенно ниже на иерархической лестнице. Должности нойонов-темников и тысячников были наследственными, но правом собственности на кочевье и кочующее на данной земле население они не располагали (не могли разделить его по своему усмотрению, передавать или продавать).

В обязанности нойонов входило осуществление административной власти над подданными, входящими в тьмы, тысячи и т. д., выделение

¹ Возможно, от монг. *тенгис* – море, ибо океаны и озера являлись предметом особого поклонения у монголов, или от *тенгер* – небеса или небо, т.е. «Владыка вселенной», «Всемирный хан» [Мэн Д. Чингисхан. М. 2006. С. 121; Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 11].

определенного числа воинов на службу по требованию хагана, сбор податей с подчиненных для государственной казны и контроль за исполнением ими других повинностей.

В отличие от нойонов-тысячников родственники и наиболее близкие сподвижники Чингисхана получали в личное пользование уделы и подданных. Подданные членов «золотого рода» и других отмеченных этим пожалованием нойонов не входили в «тысячи», они исполняли обязанности только в пользу своих господ. Именно эта часть степной знати положила начало правящему сословию. Не имея права собственности на пастбищные угодья и лично-зависимых людей, нойоны-тысячники составили верхи традиционного служилого сословия средневекового общества, т.е. феодалов, получавших ресурсы для жизни службой дарителям этих ресурсов.

С целью прикрепления простых *аратов-скотоводов* к земле Чингис-хан издал закон о запрещении самовольного перехода из одного десятка в другой, из одной сотни в другую. Самовольные перекочевки запрещались также аратам, пожалованным в личное пользование членам «золотого рода» и сподвижникам Чингис-хана. В соответствии с этими преобразованиями араты оказались разделенными на две группы. Одна – скотоводы, подчиненные государству, другая – закрепленные за родственниками Чингис-хана или его особо приближенными¹.

Основными обязанностями государственных аратов были несение военной и караульной службы, почтовая повинность и своевременное внесение государственных податей. Вторая группа аратов несла все налоги и повинности в пользу своих владельцев.

В основу законодательства на курултае был положен воинский устав, составленный Чингис-ханом: наказаниями за преступления (убийство, воровство, неподчинение воинскому начальству, измена) были смертная казнь, ссылка, разжалование в рядовые, пеня и порка. Отличительной чертой этого установления было введение кары за не оказание помощи в беде боевому товарищу. Эти законы назывались *Яса*, «хранителем» их был назначен второй сын Чингис-хана, *Чагатай*.

Таким образом, новорожденное образование возникло из-за войн, во время войн и только для войн, поводов для которых оставалось еще немало. К нему вполне подходит наименование *империя*. «И завоевание

¹ Термин *государство* по отношению к образованию, созданному Чингис-ханом, признается не всеми историками из-за того, что все властные структуры были привязаны к хану и его прямым потомкам. Только они могли быть правителями, что свойственно позднелегальным объединениям – вождествам. Государственной организации присуща более широкая социальная база за счет привлечения к управлению представителей других родов, что делало такие объединения более устойчивыми. У монголов, как будет показано далее, такое расширение правящего слоя не произошло. Поэтому понятие государственности в державе, созданной Чингис-ханом – условное.

было всем, так как это общество не знало денежной экономики. Войскам можно было платить только натурой»¹.

Объединение Великой степи. В 1207 г. монголы во главе со старшим сыном Чингиса, Джучи совершили поход в Сибирь и подчинили себе все «лесные народы» от Байкала до Енисея.

В 1208 г. полководец *Субутай* настиг и вынудил к битве найманов и меркитов в долине Иртыша². Вождь меркитов Токто пал в бою, его дети бежали к кыпчакам, а наследник правителя Кучлук со своими соплеменниками ушел в Семиречье.

В 1209 г. монгольскому хану покорилась Уйгурия, за что уйгурские купцы получили ряд торговых привилегий и стали служить чиновниками при хане. В 1210 г. монголы начали военные действия против чжурчженей и вскоре опустошили чжурчжэньскую империю Цзинь в северной части Китая. В 1215 г. монголы взяли Пекин и заключили с чжурчжэнями перемирие, развязав себе руки для войны на западе.

Поход в Северный Китай познакомил монголов с китайскими тяжелыми камнеметными и стенобитными орудиями. Оценив по достоинству их значение, монголы вывезли из Китая специалистов и с их помощью наладили собственное производство этих орудий войны, а в свое по преимуществу конное войско они включили камнеметчиков и стенобитчиков. Последние с помощью китайских метательных орудий выбрасывали сосуды, начиненные изобретенным в Китае порохом или горючей жидкостью.

Войско монголов отличалось исключительной подвижностью. Арабский историк Ибн-аль-Асир, современник описываемых событий, сообщал о тогдашней монгольской армии: *«Они не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем не питаются, кроме как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, разрезают землю своими копытами и едят корни растений, не зная ячменя».*

Надо заметить, что грабительские нашествия кочевников на различные страны Азии почти всегда были опустошительны. Но монгольские нашествия отличались введенными Чингис-ханом и его полководцами приемами организованного разорения культурных земель, массового истребления способных к сопротивлению элементов населения, террором и запугиванием мирных жителей.

Одним из главных методов завоевателей, стремившихся в кратчайшие сроки парализовать волю и сопротивление противников, был террор. При осаде городов пощада населению давалась только в случае немедленной сдачи. Если город оказывал сопротивление, то после его

¹ Мэн Д. Ук. соч., С. 124–125.

² Субутай (Субэдэй) про которого известно, что он не проиграл ни одной битвы и, что жил долго, ходил в походы и с внуком Чингис-хана – Батыем (Бату).

захвата полководцы Чингис-хана прежде всего выгоняли всех жителей в поле, чтобы завоевателям удобнее было разграбить город и вывезти все ценное. Затем всех плененных воинов убивали, а ремесленников с семьями, так же как и молодых женщин и девушек, уводили в рабство. Здорových юношей брали в обоз и для осадных работ.

Нередко полководцы Чингисхана поголовно истребляли не только жителей городов, но и население прилегающих сельских районов. Это делалось в тех случаях, когда завоеватели опасались возможности восстания в этой местности. Если для этой резни не хватало воинов, в ней заставляли участвовать рабов, следовавших за войском. После подобной «всеобщей резни» в городе Мерве (Средняя Азия), взятом монголами в 1221 г., подсчет убитых продолжался 13 дней.

Эта террористическая система применялась только при Чингис-хане и его ближайших преемниках. Войны монголов второй половины XIII и XIV в. уже ничем не отличались от обычных феодальных войн того времени, которые вели азиатские государства: завоеванное население не уничтожалось, а облагалось большими поборами

Правящее сословие Монголии подкупало рядовых воинов – каждый имел право на долю награбленной добычи. Некоторые источники сообщают, что овладение Ургенчем, например, дало каждому монгольскому воину по 24 раба. Можно допустить, что этот прием в определенной мере и до известной поры способствовал успеху завоевательной политики монгольских феодалов. Однако решающей причиной военных успехов монголов были относительная слабость и внутренние противоречия среди поработаемых народов, а также хорошо организованная монгольская конница и применение сравнительно передовой для того времени военной техники. К этому следует добавить также незаурядные способности в военном деле, проявленные Чингис-ханом и его военачальниками.

С такими силами в 1216 г. отборные монгольские войска под командой Джучи выступили против напавших в очередной раз на них с Алтая меркитов, разгромленных до того в 1208 г. В решающей битве на р.Иргиз монголы истребили меркитов до последнего человека. После этого меркиты как народ перестали существовать.

В 1218 г. на Алтае (к югу от оз.Балхаш) были разгромлены и каракитаи.

После 1218 г. врагами монголов в степи оставались только половцы. Война с ними затянулась до 1229 г., когда монголы взяли г.Саксин в нижнем течении Волги. Половецкое население прикаспийских и приаральских степей частью бежало на запад, частью подчинилось монголам и умножило их войска. Восточные половцы были причислены к монгольской армии и составили вспомогательные отряды, использованные монголами во время похода на Европу в 1236–1241 гг.

Объединение кочевников Центральной Азии имело и положительные, и отрицательные последствия. Выиграли купцы, водившие караваны между Дальним и Ближним Востоком, и монгольские нойоны,

покупавшие предметы роскоши (в частности, шелковые ткани для своих жен). Проиграло бедное население степей, так как за время внешних войн снизилось поголовье скота, степь обеднела, покупательная способность населения (и без того небольшая) снизилась. Но поскольку сформированное 110-тысячное войско надо было кормить, а степь была разорена, то приходилось постоянно вести войны в Китае, где воины находили себе пропитание и добычу сами.

Проживавшие на границах Китая чжурчжэни оправились после первых поражений и оказывали монголам ожесточенное сопротивление, так что война с ними затянулась до 1234 г. Удачное для монголов завершение ее в некоторой степени объясняется тем, что Южная Сунская (собственно китайская) империя ударила по тылам чжурчжэней и сковала те силы, которые были нужны им для отражения монголов. Кроме того, часть чжурчжэней, живших у себя на родине, в Маньчжурии, подчинилась Чингис-хану еще в 1215 г. и была, подобно караки-таям, включена в состав монгольского войска. Прочие же чжурчжэни, продолжавшие сопротивление в крепостях южнее р. Хуанхэ, большей частью погибли.

В те же годы в ответ на избиение и ограбление правителем г. Отрара на Сыр-Дарье каравана, пришедшего из Монголии, Чингис-хан объявил войну и хорезмшаху. Он был хорошо осведомлен о военных силах последнего и о положении дел в его государстве, ибо среди среднеазиатских купцов, торговавших с Китаем, было немало тайных агентов Чингис-хана. Напротив, хорезмшах не имел представления о степени организованности и боевых качествах войска Чингис-хана и о нем самом как о правителе. Не доверяя своим вассалам, хорезмшах не решился соединить их многочисленные ополчения в один большой кулак (как это сделал Чингис-хан с монголо-татарскими племенами), а вместо того рассредоточил свои военные силы в качестве гарнизонов по городам. В результате гарнизоны, которые могли только обороняться, были побеждены и истреблены монголами порознь. Осенью 1219 г. монголы осадили и взяли Отрар, а в феврале и марте 1220 г. завоевали Бухару и Самарканд. В обоих городах феодальная знать, высшее мусульманское духовенство и крупное купечество, боясь за свои земли и богатства, и не доверяя городским низам, желавшим дать отпор монголам, открыли ворота Чингис-хану. Города были ограблены и разорены. К лету 1220 г. в руках монголов была уже вся Средняя Азия, кроме Хорезма, который был заво-
еван ими к концу 1221 г.

Чингис-хан

Тогда же Чингис-хан перешел Аму-Дарью и вторгся в Хорасан. Армия хорезмийцев была частич-

но восстановлена *Джелал ад-Дином*, сыном разгромленного хорезмшаха Мухаммеда. Но вместо того чтобы объединить силы мусульманских государей Ближнего Востока для борьбы против монгольского вторжения, Джелал ад-Дин растратил время и силы на войну с ними, а также с Грузией, что позволило монголам закрепиться в Средней Азии и в Восточном Иране. При этом Джелал ад-Дин проявил себя не менее жестоким завоевателем, чем Чингис-хан. Известно, что при захвате Тбилиси, его люди разрушили все церкви в городе. На занятых территориях он вводил новые произвольные подати, которые являлись, по сути, грабежом. Когда отряд Хорезмшаха приходил в поселение, местным жителям объявлялась сумма, которую они должны выдать, после чего производилась насильственная конфискация. Растратив силы такой агрессивной политикой, Джелал ад-Дин проиграл монголам и погиб.

Удачные войны, позволявшие монголам кормить свою армию, не спасали, однако, саму Монголию от экономического кризиса. Ведь при огромных расходах и плохих средствах сообщения большая часть добычи пропадала по дороге. Монгольскому населению грозил голод. И Чингис-хан ухватился за возможность начать войну с Тангутским царством. Последнее отказало

Памятник Чингис-хану
в Улан-Баторе

ему в военной помощи против Хорезма, которую должно было оказать по договору 1211 г. Закончив в начале 1227 г. среднеазиатский поход, Чингис-хан с освободившимися войсками напал на тангутов и осадил их центр – Эцзинай (где ныне находятся развалины города Харахото, в левобережье р. Хуанхэ). Во время осады города, в августе 1227 г., Чингис-хан умер, но нойоны скрыли его смерть, принудили город к сдаче и жестоко расправились с населением. Огромная добыча – скот, особенно верблюды – спасла монголов от последствий жестокого кризиса.

Эта победа обеспечила господство монголов в Центральной Азии, где у них не осталось соперников, потому что тибетцы, подобно уйгурам, выразили желание примкнуть к монгольской империи, предложив в качестве дани ученых лам.

Всего за 25 лет своего правления Чингис-хан завоевал более обширную территорию, чем Римская империя за 400 лет. Предполагается, что сегодня около 16 миллионов человек является его потомками по мужской линии, что установлено по группе хромосом, принадлежащих Чингис-хану и его наследникам. Таким образом, как заметил один из современных исследователей, Чингисхан был не только крупным полководцем прошлого, но и сексуальным завоевателем.

Монгольская держава после Чингис-хана. Начало завоеваний за пределами Великой степи. У Чингис-хана было четыре сына-наследника (от первой, законной жены). Старший – Джучи, не ладивший с отцом, пытался оказывать милость побежденным (например, принять капитуляцию Гурганджа) и в начале 1227 г. был убит подосланными отцом убийцами¹. Дети Джучи, Орда и Бату, получили скромные уделы на бесплодной северо-западной окраине империи: Орда – безводные степи Южной Сибири, а Бату – урало-каспийскую степь с разоренным Хорезмом в придачу.

Чингис-хан и Джучи-хан.
Фрагмент китайской миниатюры XIV в.

Второй сын Чингис-хана, Чагатай, бывший «хранителем Ясы» – законов Чингис-хана, получил в удел Среднюю Азию. Он был настолько крут, строг и бездушен, что Чингис-хан перед смертью рекомендовал избрать на престол великого хана не его, а третьего сына — Угэдэя, получившего в удел Западную Монголию и Джунгарию.

Угэдэй был слабохарактерен, склонен к запою и не казался опасным монгольской военной знати, страшившейся ханского произвола.

Четвертый сын, Тулуй, получивший, по монгольскому обычаю, в удел земли своего отца, был одним из самых способных среди монгольских полководцев и энергичных правителей. Он был женат на дочери кераитского хана, христианке Суюркуктени-бики, и через нее связан с несторианским духовенством, влиятельным в Центральной Азии. Его сыновья — Монке (Мунке), Хубилай, Хулагу и Арик-бука — были воспитаны в христианских традициях, хотя и не крещены. Поскольку согласно монгольскому праву ханов избирал курултай, то до созыва его, на что требовалось время, было учреждено регентство, и главой монголов стал Тулуй.

¹ Дело в том, что Джучи родился после возвращения жены Чингис-хана (тогда еще Темучина) – Бортэ, из плена, в котором захватившие ее меркиты отдали в жены одному из своих батыров. Союзникам Темучина – кераитам – удалось отбить Бортэ и вернуть ее домой, после чего и родился их первенец. Темучин признал Джучи своим, заявив, что в момент пленения Бортэ уже была беременна, но всегда относился к нему холодно. В отличие от младших братьев, Джучи помнил отца не всемогущим императором, а рядовым племенным вождем, и был единственным в окружении Чингис-хана, кто открыто ему перечил. И вообще, Джучи отличался строптивым нравом. В результате он получил самые удаленные и бедные земли. Впрочем, о его гибели есть версия, что он умер, упав с коня во время соколиной охоты [Ундасынов И. Н. Джучи-хан // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 29–39].

Угэдэй

Курултай, на котором великим ханом был избран **Угэдэй** (1229–1241), состоялся в 1229 г. За то время, что монгольские войска были оттянуты из Китая и Ирана, чжурчжэни и мусульмане успели оправиться и потеснить монгольские заслоны. Поэтому на курултае были наметены основные направления новых захватов – в Передней Азии и Китае.

С 1230 г. монголы опять перешли в наступление и в 1231 г. ворвались в Переднюю Азию, где постепенно подчинили себе всех мусульманских владетелей, исключая багдадского халифа. В том же 1231 г. монголы начали воевать с чжурджэнями за Северный Китай. В 1234 г. государство чжурджэней перестало существовать. Таким образом, завоевание Северного Китая было завершено.

В 1235 г., после победы над чжурчжэнями, в построенной Чингисханом монгольской столице *Каракоруме* (южнее Байкала, в землях кераитов), сооруженном согнанными со всех завоеванных земель ремесленниками, был собран курултай, постановивший довести до конца войну с половцами, волжскими болгарами и поддержавшими их древнерусскими княжествами. В «западный поход» были направлены войска от всех четырех улусов Монгольской империи. Высшее командование принадлежало Бату-хану¹, а для фактического руководства операцией ему был придан лучший из монгольских полководцев – Субутай. Отдельными корпусами командовали: сын Угэдэя — Гуюк, сын Чагатая — Бури и сын Тулуя — Монке (Мунке). К основным регулярным войскам были присоединены отряды среднеазиатских тюрок.

Бату-хан

В 1236 г. монгольские войска переправились через Волгу и взяли Великий Булгар (около Казани). Затем Монке напал на половцев в низовьях Волги и разбил их. В 1237–1240 гг. монголы завершили завоевание большей части Северной Руси (кроме Новгородской земли).

В 1239–1240 гг. монголы вступили в Южную Русь и взяли Чернигов и Киев, пострадавший особенно сильно. Оттуда монголы через Волынь и Галицию проникли в Польшу и в 1241 г. при *Легнице* наголову разбили польско-немецкое рыцарское ополчение.

Разношерстное войско силезского герцога Генриха Благочестивого, куда входили местные рыцари, тамплиеры, госпитальеры и тевтонцы, шло на соединение с чешским войском и неожиданно напоролось на монголов, которых

¹ На Руси он остался в памяти свирепым завоевателем, но свои прозвали его Саин-хан («Добродушный»), ибо слыл он любителем роскоши и лентяем, на войну собрался лишь под давлением родственников.

они превосходили только числом. Но рыцари отличались от дисциплинированных монголов не только тяжелыми латами, неповоротливыми конями, но и пререкающимися между собой командами. Кочевники использовали свой обычный трюк – подожгли камыши, чтобы создать дымовую завесу, словно в замешательстве заматались туда-сюда и сделали вид, будто спасаются бегством. Польская конница бросилась за ними в погоню, но вдруг всадники исчезли, а на поляков с флангов обрушилась туча стрел. Герцог Генрих повернул назад, упал, заковывая в своем панцире, его схватили, сдернули латы, отрубили голову и потом на пике возили вокруг стен осажденной Легницы, чтобы навести на жителей ужас. В письме магистра тамплиеров королю Карлу Девятому сообщалось, что только тамплиеры потеряли 500 человек. Погибло около 40 тысяч европейцев. 50 тысяч чехов, находившихся от места сражения в дне пути, повернуло назад, оставив всю Южную Польшу монголам¹.

Тем временем другое монгольское войско проникло в Венгрию через проходы в Карпатах и разгромило венгерскую армию при р.Шаяве. Вслед за тем монголы взяли Пешт и, преследуя венгерского монарха, дошли до Адриатического моря. Однако в Моравии чехи нанесли монголам поражение под Оломоуцем и заставили одну из монгольских армий отступить в Венгрию, на соединение с главными силами. Здесь Бату получил известие о смерти хана Угэдэя. Все военные действия в Центральной Европе были спешно свернуты и монголы через половецкие степи вернулись в свои земли, ибо предстоял дележ власти, что требовало от Бату всех наличных ресурсов. В завоеванных землях монголы резали всех подряд в соответствии со своей тактикой устрашения. В Венгрии монголы даже организовали какое-то управление, отчеканили монеты и убедили крестьян засеять поля. Но после сбора урожая тех же крестьян перерезали за ненадобностью.

Уходу монголов из Среднего Подунавья, как считают некоторые современные исследователи, могла способствовать холодная зима 1242 г. и последующее бурное таяние снега, превратившее паннонскую степь в огромное болото. Столкнувшись со сложностями передвижения и нехваткой пастбищ, монголы отступили на относительно сухие возвышенности, а затем вернулись на Русь в поисках травы для коней. Хотя климат не был основным фактором, заставившим монголов уйти, игнорировать его влияние нельзя².

Междоусобицы в монгольском обществе. Монгольское войско включило в свои ряды такое большое число воинов из покоренных народов, что последние стали представлять собой немалую силу. С их интересами пришлось считаться.

Основной проблемой, ставшей уже перед Чингис-ханом накануне его смерти, было отношение к побежденным. Одна тенденция, основанная на монгольской традиции и представленная ветеранами, соратниками Чингиса, заключалась в стремлении удерживать побежденных в по-

¹ Мэн Д. Ук. соч., С. 302.

² inosmi.ru/social/20160622/236935287

корности исключительно силой. Но сын Чингиза – Джучи и внук – Бату – проявляли гибкость и рассчитывали сохранять лояльность покоренных проявлением к ним милости. Джучи за такое отступление от традиций монгольского кочевого быта, как отмечалось, вероятно заплатил жизнью. Бату также встретил сопротивление.

Уже в 1240–1241 гг. Бату рассорился со своими двоюродными братьями Гуюком и Бури, выслал их из армии и пожаловался на них их отцам. Хан и «хранитель Ясы» наказали опалой своих сыновей. Но после смерти Угэдэя, когда регентшей стала его вдова Туракина, мать Гуюка, возник вопрос о том, кто станет великим ханом, а кто будет казнен. Оба соперника, Гуюк и Бату, стали искать опору, причем дети Чагатай присоединились к Гуюку, а сыновья Тулуя — к Бату. Но подлинная власть в стране принадлежала уже не ханам и царевичам, а чиновнику Елюю Чуцаю, назначенному еще Угэдэем «начальником великого императорского секретариата», т. е. главой гражданской администрации.

Елюй Чуцай (Янь Люй Чу Цзай) происходил из правящего рода у киданей, разгромленных чжурчжэнями. Как образованного, усвоившего конфуцианские философские идеи, чжурчжэни приняли его в свою правящую элиту. После разгрома последних монголами, Елюй Чуцай стал одним из ближайших советников Чингис-хана, испытывавшего нужду в образованных людях. Отличался он, судя по источникам, и внешностью – был до 2-х метров ростом, с бородой до пояса и обладал прекрасным звучным голосом, был поэтом, считался знатоком буддийской литературы¹.

Постепенно Елюй Чуцай приобрел влияние и среди монгольских верхов. Когда в конце правления Чингис-хана на курултае решали, как поступить с населением покоренного Северного Китая, которое, страшась монголов, разбегалось по горам и лесам, создавая банды, и собирать налоги стало невозможно, монгольские воеводы предложили перебить всех китайцев, а земли их обратить в пастбища. Но Елюй Чуцай с цифрами в руках показал, какие налоги можно собрать, если предоставить право китайскому народу жить и работать. Деньги соблазнили хана, и китайское население пощадили.

Угэдэй всецело подчинился влиянию такого грамотного министра и позволил ему провести в 1229 г. реформы, которые должны были превратить военную монархию в бюрократическую. Были приняты меры к нормализации сбора податей и выполнения повинностей подвластным населением. Изданный Угэдэем закон ввел подушную подать с совершеннолетних мужчин. С кочевников брали по одной овце с каждой сотни. Эта система должна была заменить ту анархию и произвол, которые господствовали в империи, когда каждый населенный пункт вместе с его жителями отдавался во власть кому-либо из монгольских

¹ *Мэн Д.* Ук. соч., С. 181.

нойонов. Указ хана устанавливал, какие сборы должны поступить в казну великого хана, а какие оставаться в распоряжении местных правителей. Была проведена перепись населения. Все жители оказались приписанными к определенным административным районам. Завоеванные страны и области отдавались в управление местным феодалам, а специально поставленный над ними монгольский нойон отвечал за поступление дани. Наряду с этим практиковалась отдача сбора дани на откуп богатым купцам.

Судебная реформа установила судопроизводство, ограничив тем самым произвол монгольских командиров над гражданским населением. Финансовая реформа ввела обложение самих монголов однопроцентным налогом. В 1230 г. Елюй Чуцай сказал Угэдэю: *«Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно»*. Великий хан выслушал это благосклонно и назначил в 1231 г. Елюя Чуцай *чжуншулином* (главой секретариата), позволив ему проводить свою политическую линию. Она увенчалась успехом. Налоги дали доход, который поверг хана в изумление. Была также создана так нужная огромной империи почтовая служба. Елюй Чуцай завоевал полное доверие хана и, совместив в своих руках финансовую, судебную и административную власть, превратился в руководителя всей внутренней политики. И даже мог противодействовать возникшему сопротивлению его реформам в армии.

Первое столкновение с интересами военачальников и монгольскими воинскими традициями произошло еще в 1233 г. После долгой и тяжелой осады Субутай взял чжурчжэньскую столицу Бяньцзин (Кайфын). Согласно монгольскому закону в городе, не сдавшемся до того, как были пущены в ход осадные орудия, население должно быть вырезано до последнего человека. Эта судьба ожидала и жителей Бяньцзина, но Елюй Чуцай доказал, что истребление горожан нанесет ущерб казне, и представил цифру дохода, который можно получить, пощадив их. Угэдэй согласился. На деньги, полученные с населения Бяньцзина, Елюй Чуцай достроил Каракорум, столицу Монгольской империи, заложенную еще Чингис-ханом в 1220 г. Для хана был сооружен роскошный дворец, хотя Угэдэй предпочел жить в юрте.

В 1234 г. оказалось, что для продолжения завоевательной политики людских ресурсов Монголии недостаточно. Возник проект набрать мусульманские войска и использовать их в Китае, а китайские — на западе. Елюй Чуцай добился отмены этого проекта, аргументируя тем, что в чужих и непривычных условиях эти войска принесут мало пользы при огромных потерях, а переброски будут слишком затруднительны. И в этом случае Елюй Чуцай защищал интересы покоренных народов, а не монгольского войска.

После завоевания Китая Угэдэй обещал своим военачальникам распределить между ними покоренные земли. Елюй Чуцай предложил вознаградить их не уделами, что наносило ущерб центральной власти, а деньгами, шелками и драгоценностями. Хотя это и восстановило против него многих нойонов, тысячников и сотников, но было принято все же компромиссное решение: наряду с монгольскими правителями областей назначены фискальные чиновники хана.

Не менее остро встал вопрос о налогах и системе обложения. Как уже было отмечено, еще в 1229 г. Елюй Чуцай обязал монголов платить прямой однопроцентный налог. В 1236 г. были введены налоги на привозимые товары ($\frac{1}{30}$ их стоимости) и на вино как предмет роскоши ($\frac{1}{10}$ стоимости). Это задевало интересы перешедших на сторону монголов уйгурских и мусульманских купцов, занимавшихся посреднической торговлей и желавших сохранить рынок исключительно для себя и монгольской военной аристократии – потребителя привозных товаров.

Но еще больше возмутило монголов, что Елюй Чуцай восстановил в Китае прежнюю систему обложения – с огня или жилища, тогда как монголы и мусульмане платили более тяжелую подушную подать. Елюй Чуцай доказал, что от слишком тяжелых налогов население разбежится и казна потерпит ущерб. Его мнение восторжествовало.

Стремясь к подъему культуры, Елюй Чуцай в 1236 г. учредил Историческое общество, спустя год добился разрешения принимать на государственную службу образованных китайцев. Для проверки их знаний были организованы экзаменационные коллегии. Экзаменоваться могли и рабы; их хозяева не должны были препятствовать этому под угрозой смертной казни. В результате явилось 4030 грамотеев, четвертая часть которых освободилась из рабства.

Однако превращение военной монархии в бюрократическую не могло не встретить отпора в тех слоях монгольского общества, которые были принуждены уступать первое место, принадлежавшее им, как они считали, по праву, так как было завоевано кровью.

После того, как 11 декабря 1241 г. Угэдэй после очередного пьяного кутежа умер, до выборов нового хана власть оказалась, как отмечалось, в руках вдовы Угэдэя Туракины. Смерть всевластного покровителя развязала руки врагам Елюя Чуцай. Власть захватили придворные интриганы, во главе с Фатимой-ханум, наперсницей ханши. Интриги и произвол привели, естественно, к опале Елюя Чуцай. Он умер в 1244 г., видя крушение дела, которому он отдал свою жизнь («от разбитого сердца», как тогда говорили).

В августе 1246 г. на курултае великим ханом был избран **Гуюк** (1246–1248). Но Бату отказался признать его верховенство и стал готовиться к войне. Однако Бату имел только 4 тыс. верных монгольских

воинов, которых было явно недостаточно, чтобы силой удерживать в покорности Восточную Европу. За Гуюком же было 100-тысячное войско, в значительной части состоящее из несториан. Кроме того, Гуюк пытался добиться популярности, бесплатно распределяя среди воинов шелковые ткани (расход покрывался за счет налогов с оседлого населения). Он искал поддержки также у православной церкви и русских князей, располагавших большими людскими и денежными ресурсами. Но, к несчастью для Гуюка, великий князь Ярослав, приехавший в ставку хана для переговоров, был отравлен Туракиной по доносу одного из бояр из свиты князя. Сыновья погибшего, Александр Невский и Андрей, отошли от Гуюка и поддержали Бату, который в 1248 г. получил возможность выступить походом на восток против великого хана. Гуюк двинулся ему навстречу, но по дороге умер.

О характере Гуюка сообщает посланник папы римского Иоанн де Плано Карпини, встречавшийся с ханом после его коронации: *«Самому же императору, возможно, было сорок или сорок пять лет или чуть больше; роста он был среднего; чрезвычайно рассудительный, невероятно хитрый с очень тяжелым и суровым характером. Никто никогда не видит его непринужденно смеющимся либо совершающим легкомысленный поступок»*. Как и его отец Угедей, Гуюк отличался склонностью к пьянству и разврату, и умер 43 лет от роду¹.

Снова наступило междоусобице; регентшей стала вдова Гуюка, Огуль-Гаймыш. На курултае 1251 г. большинство получили Бату и его друг **Мунке** (1251–1259), сын Толуя (младшего сына Чингис-хана), которого и избрали великим ханом, а Бату признали «старейшим в роде». Расправа над сторонниками Гуюка была жестокой. Сразу же после избрания нового хана потомкам Угэдя и Чагатая было предъявлено обвинение в заговоре с целью убить Мунке. 77 представителей обоих родов были казнены; остальных взрослых потомков Угедея и Чагатая отправили в отдаленные области. Формально улусы Чагатая и Угэдя не были уничтожены, и там продолжали управлять представители этих родов, но в действительности вся власть в империи монголов перешла к потомкам Тулуя и Джучи.

Внешние успехи Монгольской державы во второй половине XIII в. Во время усобиц положение на границах империи обострилось. Бату, как отмечалось, вывел свои войска из Польши, Венгрии и Балкан, оставив за собой только Русь, молдавские земли и половецкие степи.

Южнокитайская империя Сун, которая помогла монголам победить чжурчжэней, чтобы присоединить к себе земли Северного Китая, начала военные действия, перебив монгольское посольство. Монголы бросили в Китай большие силы, одержав несколько побед, но война затянулась.

В Переднюю Азию для укрепления власти монголов было направлено 30 тыс. отборных войск во главе с братом хана, Хулагу. Он уничтожил крепости исмаилитов, в 1258 г. взял Багдад, ликвидировал халифат,

¹ Султанов Т. М. Ук. соч., С. 45.

и вторгся в Сирию. Здесь монголы встретили сопротивление египетских мамлюков и в 1260 г. потерпели поражение.

Это было одно из немногих поражений монголов. Но оно остановило их продвижение вдоль африканского побережья на запад. А вскоре они ушли и из Сирии. Кто же такие мамлюки, которым удалось успешно противостоять наводившим на всех страх монголам?

Изначально мамлюки происходили из степей Средней Азии. Это были молодые тюркские рабы, которых в IX в. начали скупать багдадские халифы на границах степей. Их обращали в ислам и делали воинами. Из них комплектовалась гвардия, более надежная, чем ополчения из многочисленных племен, составлявших большую часть мусульманских армий. Но при ослаблении халифата Аббасидов мамлюки захватили власть в Египте, а их предводители стали там султанами. При этом у мамлюков сохранилась традиция рекрутировать в свою армию молодых людей из Азии.

Войско мамлюков, как и монгольское, также состояло преимущественно из всадников, но было намного более профессионально подготовлено, чем монгольские ополченцы. Лошадей у них было меньше, чем у монголов, но их животные были крупнее и выносливее. Они также имели оружие, приспособленное к борьбе с крестоносцами – то есть оружие ближнего боя, чем превосходили монголов, которые полагались лишь на свою ловкость и подвижность своих лошадей. В итоге «степным туркам» удалось то, чего не смогли добиться многочисленные мусульманские правители в Средней Азии: они победили монголов и заставили тех обратиться в бегство.

После такой победы авторитет мамлюков сильно укрепился и к концу XIII в. они также окончательно изгнали из Палестины и Сирии крестоносцев.

Однако победить монголов мамлюкам удалось не только благодаря своей мощи. Историкам известно письмо монгольского предводителя Хулагу французскому королю Людовику IX, в котором монгол писал, что сирийские пастбища «*истощены*», в связи с чем дальнейшее снабжение войск было невозможно¹.

Но в Иране монголы укрепились и создали самостоятельное государство, лишь номинально подчиненное великому хану. Хулагу принял титул «*ильхан*» – хан улуса (удела). Обособился и улус Бату, умершего в 1255 г. Ханом здесь стал его брат Берке, принявший ислам, но продолжавший дружить с Александром Невским. Когда на Русь явились посланцы великого хана, чтобы переписать население, обложить его налогом, Берке позволил русскому князю организовать их убийство, после чего прекратил отсылать деньги в Монголию. Это означало фактический разрыв с коренным юртом.

Отпадение западных областей Мунке компенсировал завоеванием богатых территорий в Южном Китае, где удачно действовал его брат

¹ inosmi.ru/social/20170210/238705700.html

Хубилай, оказавшийся во главе большой армии, укомплектованной не столько монголами, сколько наемниками из всех покоренных народов. Мунке умер в 1259 г., оставив монгольское ханство на вершине военной мощи, хотя и с углублявшимися противоречиями среди потомков Чингис-хана. Но Мунке оказался и последним повелителем, признанным всеми монгольскими нойонами (знатью). Он, как и многие другие потомки Чигис-хана, был любителем вина и женщин. Умер он во время похода в Китай не то от болезни, не то от ранения. После его смерти монгольская империя распалась.

Распад империи. Созданное огромными усилиями и жертвами монгольское ханство, занявшее территорию от земель Руси на западе до тихоокеанского побережья Китая на востоке, от Малой Азии и Ирана на юге и до Забайкалья на севере вошло в неизбежную полосу феодальной раздробленности, при которой правители отдельных областей стали играть в собственные политические игры, больше учитывая местные интересы, чем общемонгольские. Собственно, с учетом огромной территории с разнородным в этническом и социальном отношении населением целостность созданной империи и не могла сохраняться надолго.

После смерти Мунке на престол великого хана претендовали два его брата: старший – Хубилай и младший – Арик-бука (Ариг-буга). Опорой Хубилая была разноплеменная армия, содержавшаяся на средства, полученные при завоевании Китая, дисциплинированная, с богатым боевым опытом и преданная своему полководцу. Опорой Арик-буки было население западномонгольских степей, состоявшее из потомков кeraitов, кайманов, ойратов и других племен, вошедших в Монгольскую империю в период ее создания (1200–1206). Часть этих кочевников была христианами-несторианами, и сам Арик-бука определенно выражал свои симпатии к несторианству.

В 1260 г. сторонники **Хубилая** собрали курултай в Чахаре (север Китая, близ юго-восточной границы Монголии) и провозгласили своего вождя ханом (1260–1294). В ответ на это монголы, постоянно жившие в собственно Монголии, собрали курултай в Каракоруме и избрали на престол Арик-буку. Хубилай двинул на север свою обученную армию и разбил ополчение, поддерживавшее его соперника. На следующий год Арик-бука взял Каракорум и попытался ударить в тыл Хубилаю, но был отброшен на север. Хубилай, прекратив подвоз продовольствия в Монголию из Китая, заставил Арик-буку очистить Каракорум и вернуться в Западную Монголию.

В 1262 г. все монгольские ханы включились в распрю. Союзниками Хубилая оказались ханы улусов Ирана и Средней Азии, а на стороне Арик-буки выступил хан Золотой Орды, который вторжением в Закавказье связал силы монголов Ирана, но не смог оказать помощь самому Арик-буке. В 1264 г. Хубилай выделил сильный корпус, который занял

Каракорум и вступил в Западную Монголию. Арик-бука сдался и был препровожден в Китай на пожизненное заключение, а его сторонников казнили.

Хубилай, одержав победу над собственным народом при помощи разноплеменного войска и населения Северного Китая, в 1264 г. перенес столицу из Каракорума в Пекин (по-монгольски Ханбалык), а в 1271 г. объявил себя императором Китая, дав своей династии китайское название – *Юань*¹. По существу он продолжил политику Елюя Чуцая – опору на оседлое население и бюрократический аппарат. Разрыв с кочевыми традициями, наметившийся еще в 30-х годах XIII в., произошел.

Однако монголы, оставшиеся в степи, отказались признать ханом того, кто пошел на сговор с китайцами. Сопротивление Хубилаю возглавил внук Угэдэя — *Хайду*. Вокруг Хайду объединились все уцелевшие сторонники Арик-буки, и с 1275 г. война против пекинского властителя возобновилась. На сторону Хайду встала несторианская церковь. Но Хубилай пошел с ней на конфликт, порвал с традицией своей семьи и принял буддизм, одновременно оказывая покровительство католическому монаху Джованни Монте Корвино, позднее назначенному архиепископом Китая, потому что последний, обращая в католицизм несторианских князей, вносил раскол в ряды противников Хубилая.

В таких условиях была возобновлена война с империей Сун. Она закончилась лишь только в 1280 г. полным разгромом империи и покорением Южного Китая.

Хубилай

Хубилай был личностью весьма колоритной. Впрочем, большинство властителей, правивших долго и небезуспешно, были людьми небесталанными, в том числе и предшествующие ему чингизиды (напомню, что Хубилай был у монголов пятым ханом).

Родился Хубилай в 1215 г., кстати, в год появления в Англии Великой Хартии вольностей. Мать Хубилая была весьма для своей среды образованной, исповедовала христианство несторианского толка. Пригласила учителей, преподававших ее сыновьям основы буддизма, несторианства, конфу-

¹ В переводе с китайского – *Первоначальное творение мира*, что символизировало не только появление новой династии, но внешней для Китая – монгольской.

цианства. Отсюда, вероятно, у Хубилая проявлялась то ли религиозная толерантность, то ли отсутствие фанатизма, либо даже просто безразличие к вере. Для него был, скорее, характерен другой фанатизм – этнический – монгольская идентичность. При этом любимая жена Хубилая и его постоянная советница, с которой он прожил 40 лет, со временем стала истовой буддисткой.

Деятельность Хубилая, избравшего Китай основой своей империи, была противоречивой. Укрепляя свою власть и роль монголов, он, тем не менее, исходя из экономической целесообразности, предпринимал меры, полезные для восстановления хозяйства Китая. Заинтересованность в поступлении в монгольские земли китайского продовольствия способствовала началу реконструкции системы Великого Китайского канала, соединявшего реки Янцзы и Хуанхэ, пришедшей в упадок во время войн.

Почти не выпуская металлических монет, Хубилай стремился перевести все денежное обращение на бумажные деньги. Ограничивая печатание и выпуск таких денег, он добился их превращения в довольно устойчивую валюту. Это, наряду с поддержанием созданной еще при Чингис-хане разветвленной дорожной сети, способствовало активному перемещению купцов со всего Востока. Правда, в самой Монголии они почти не задерживались – хозяйство внутренней Монголии оставалось слишком неразвитым, чтобы заинтересовать купцов как с Ближнего и Среднего Востока, так и из Китая. Но торговые связи Китая с развитыми западными соседями были активными.

Хубилай перенимал и некоторые китайские культурные традиции. Он создал вокруг себя совет из ученых. Ибо уже с древности в Китае считалось, что если при правителе нет ученых, с которыми он советуется – это дурное правление. Но все источники сообщают и о пристрастии Хубилая к неумеренным возлияниям, причем уже смолоду, в чем его упрекал и дед – Чингис-хан. Впрочем, пьянство было присуще, что отмечалось, многим чингизидам.

Хубилай умер в 1294 г., оставив в наследство своему внуку Тэмүру неоконченную войну с западными монголами. Война продолжалась до смерти Хайду в 1301 г. и кончилась миром 1303 г., по которому **Тэмур** был признан верховным правителем всех областей, находившихся в руках монголов. Однако это признание было фиктивным, и власть пекинского хана не простиралась западнее Восточной Джунгарии (в Синьцзяне – северо-западный Китай), а после смерти Тэмүра в 1307 г. исчезла даже эта тень монгольского единства. Ханы западных улусов – Золотой Орды, Ирана и Средней Азии – приняли ислам.

В Золотой Орде, раздираемой внутренними противоречиями с 1360 по 1380 г. власть менялась более 20 раз. На Западе московские князья

Золотая Орда в XIV в.

[Тюндешев Г. А. Великий хан Батый – основатель Российской государственности. Минусинск. 2013]

а в 1370 г. сын последнего императора династии Юань, Тогон-Тэмур – Биликту – отступил с остатками своих войск в Каракорум. Монголы лишились Китая. Империя, созданная Чингис-ханом, перестала существовать.

Культура средневековых монголов. В XII–XIII вв. у монголов, несмотря на отсутствие у них письменности, архитектуры и земледелия, уже сложилась оригинальная культура, отличавшаяся от соседних оседлых народов.

История представлялась монголам как знание родословной и событий, связанных с подвигами их предков. Основателями своего народа они считали волка и лань, что являлось отражением древних тотемов племен, некогда населявших Монголию. Знание биографий предков было обязательным для подрастающих поколений, которые тем самым ощущали себя родственниками, чем обеспечивалось сознание этнического единства.

Литературу в отсутствии письменности заменял фольклор. Для удобства запоминания монгольские сказители излагали свои произведения ритмической прозой. Одно из таких произведений сохранилось, будучи записано китайскими иероглифами. Это знаменитое «Сокровенное сказание» (или, точнее, «Тайная история» Чингис-хана), составленное около 1240 г. Оно включает в себя описание событий возвышения Чингис-хана и является основным источником для истории монголов XII–XIII вв. Официальная история Монголии этого времени – «Золотая книга» – не сохранилась, но видимо, легла в основу персидского «Собрания летописей» Рашид ад-Дина и «Юаньши» – китайской хроники монгольской династии в этой стране.

Образование обширной империи вызвало потребность в письменности. В 1204 г. Чингис-хан принял на службу уйгура *Тата-монга*, бывшего

отказались от выплаты дани. На востоке потомки Хубилая «оки-таились». Но среди китайцев не прекращалось сопротивление завоевателям, которое по мере ослабления правителей вылилось в широкое антимонгольское движение. В 1368 г. объединенная армия восставших во главе с Чжу Юань-чжанем, взяла Пекин,

хранителя печати найманского хана. Этот последний приспособил к монгольскому языку уйгурскую письменность и обучил грамоте нескольких монгольских юношей. Уйгурский язык оставался официальным языком в империи вплоть до правления Хубилая, который в 1269 г. поручил тибетскому ученому, буддийскому монаху *Пагба-ламе* составить монгольский алфавит на основе тибетской письменности. Это было «квадратное письмо». Оно, однако, не привилось у монголов, не выдержав соперничества с уйгурским алфавитом. Следует заметить, что дошедшие до нас памятники монгольской письменности XIII в. немногочисленны, потому что записывались на коже и бумаге, легко подверженных тлению.

Собственная религия монголов была основана на почитании «Вечного неба», которое считали «Отцом», и «Черной земли», называвшейся «Матерью». Однако это было единое божество, проявлявшееся в двух ипостасях (лицах). Монголы верили в бессмертие души и как вместилище для душ умерших делали *онгоны* – куклы, которые они весьма бережно хранили в юртах. К иноверцам они относились довольно терпимо. Ханы покровительствовали всем верованиям, существовавшим в их разноплеменной империи, и постепенно монголы почти целиком перешли в иные религии. В степи среди монголов распространились несторианское христианство, в Средней Азии, Иране и на Волге – ислам, в Китае – буддизм, который в среде самих китайцев в то время был религией меньшинства. Одну из буддийских сект – сакия (красношапочники), распространившуюся в Тибете, поддерживал Хубилай. Главой этой секты и советником Хубилая был создатель монгольского алфавита, вышеупомянутый Пагба. В XIV в буддизм вытеснил среди монголов несторианство.

В период расцвета Монгольская империя привлекла к себе внимание Западной Европы, особенно со стороны папства. Очевидно, это было связано с тем, что монголы воевали как с мусульманами, так и с православными. В середине XIII в. к Бату, Гуюку и Мункэ направлялись послы: от папы – Джованни дель Плано Карпини и от французского короля Людовика IX – Гийом (Вильгельм) де Рубрук. Реальной пользы от этих посольств не было, но европейцы познакомились с экзотической историей монголов. Изданные этими послами воспоминания о своих путешествиях при неразвитости собственно монгольской письменности стали важными источниками по истории монголов.

Следующая попытка установить связь с монголами была предпринята папой Бонифацием VIII, направившим к ним монаха Джованни Монте Корвино, который прибыл в Яньцзин в 1294 г. Хубилай разрешил ему жить в столице и даже построить там католическую церковь. Корвино перевел на монгольский язык Новый Завет и остался в Китае до конца своей жизни.

И монголы, в свою очередь, также делали попытки установить отношения с папством. Наиболее известным было посольство 1287–1288 гг. Раббан Саумы, несторианского монаха, по происхождению уйгура, направленного ильханом (ханом улуса) Аргуном к римскому папе. Целью посольства была подготовка союза западных христианских стран для совместных действий в Сирии и Палестине против мамлюков Египта, сопротивление которых остановило, как отмечалось, завоевательное движение монголов в Северной Африке. Саума побывал не только в Риме, но также в Генуе и во Франции. Результаты посольства Саумы не принесло, но описание этого путешествия послужило на Востоке источником сведений о странах и народах далекого Запада.

Стремительный взлет и расцвет монгольской державы и столь же быстрый ее распад были обусловлены кочевой природой монгольского общества. Ведь кочевой уклад жизни не предполагал развития иных видов хозяйства, кроме пастушества. Все, что требовалось для жизни сверх продуктов животноводства – растительная пища и фураж, ремесленные изделия – кочевники сами не создавали и предпочитали захватывать у соседей. Для иного, более цивилизованного способа получения необходимого – торговли – не хватало достаточного для равноправного обмена эквивалента. Ибо земледельческие общества не особо нуждались в единственном богатстве кочевников – скоте. При этом военная организация кочевников и их подвижный быт почти всегда позволяли им одерживать верх над земледельцами и агрессия с целью, прежде всего, грабежа, была чуть ли не стилем их жизни.

Жестокие войны, принесшие так много разрушений для завоеванных монголами стран, были не менее губительны и для самого монгольского народа. Три поколения монгольских юношей гибли за пределами своей страны или возвращались истощенными. Скотоводческое хозяйство не могло выдержать тяжести постоянных войн и распрей, и расшаталось настолько, что уже в середине XIII в. Монголия жила за счет продуктов, привозимых из Китая. Одновременно среди покоренных народов росла ненависть к монгольской знати, жившей за их счет. Сказалась и недальновидная хозяйственная политика потомков Чингис-хана.

В первые годы управления Монголией Чингис-хан уделял серьезное внимание строительству городов, развитию ремесла, прежде всего изготовлению оружия и военного снаряжения, а также земледелия, продукты которого необходимы для снабжения растущей армии. В 1220 г. Чингис-хан основал в центральной Монголии Каракорум – столицу своего государства на берегу р. Орхон, на месте древнего города с таким же названием¹. Строительство Каракорума было закончено уже после его смерти,

¹ От названия окрестных гор, в переводе с монг. – *черные камни вулкана*.

в 1235 г. При Мункэ-хане продолжались расширение и перестройка столицы. По сообщениям многочисленных источников, в монгольских городах, и прежде всего в Каракоруме, широкое развитие получили ремесла и торговля, туда собирались купцы многих стран мира. При Чингис-хане было начато хлебопашество в казенных земледельческих поселениях.

Но по мере завоевания монголами стран с более высоким хозяйственным и культурным уровнем и образования громадной империи в коренных монгольских землях консервировалось отставание. Монгольские ханы и нойоны обосновались в захваченных землях, присваивали продукты иноземного ремесла и земледелия, а «священную» монгольскую территорию все более рассматривали как основную базу скотоводства, как пастбищную зону для разведения и выпаса скота хана и знати. В результате такой недальновидной политики ремесла и градостроительство в самой Монголии стали приходить в упадок. Ханы и нойоны стремились увеличивать богатства за счет ограбления чужих стран, а не за счет внутреннего развития производительных сил.

Упадок в земледельческих частях империи был обусловлен и экологическими причинами. В XIII в. распространившийся в степях Средней Азии влажный и теплый климат мог стать причиной стремительного роста могущества и распространения влияния монгольской орды. Считается, что для участия в набегах орды и для обеспечения себя провиантом одному монгольскому воину требовалось 10 лошадей и еще дополнительный скот. Повышение влажности в степи способствовало буйному росту трав и другой растительности, что обеспечивало обильным кормом все виды животных. После того, как в середине века климат стал более засушливым и холодным, Монгольская империя распалась, и ее вожди перенесли столицу из степи в те места, где сегодня находится Пекин.

А в Поволжских степях Золотой Орды после прекращения завоеваний пришедшие кочевники под влиянием соседних восточнославянских крестьян в XIV в. перешли к оседлому земледелию. Но они, как и приходившие на эти земли русские крестьяне не имели опыта пользования степными землями, страдавшими от дефицита влаги. Распространенный у них мелкий рогатый скот – козы, овцы – при кочевом быте постоянно перемещался. Но в условиях оседлости эти животные не только выедали всю растительность до мельчайших травинок, но и утрамбовывали почву, что при нехватке влаги препятствовало восстановлению травяного покрова. В итоге не только возникли проблемы с кормами для скота, но при севообороте такие земли оказывались малопригодными и для земледелия, что породило трудности с продовольствием в Золотой Орде, наложившиеся на социально-политические проблемы¹.

Все указанное выше обусловило распад Монгольской империи в XIV в. и последующий упадок монгольского народа. Устройство этой им-

¹ Кульпин Э. С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., 2007. С. 65–96.

перии ставит под сомнение возможность называть ее государством. Ибо она существовала исключительно под властью одного рода. Чингизиды составляли замкнутое высшее аристократическое сословие и своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения страны, где они представляли правящую династию. Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за представителями «золотого рода» (прямых потомков Чингиза), для которых это право в силу его наследственности превратилось как бы в естественно присущий им атрибут. Это препятствовало расширению социальной базы власти за счет привлечения в ее состав представителей других знатных семейств. Ослабление династии при детях и, особенно, при внуках Чингис-хана привело к распаду этого образования, которое скорее можно отнести к *суперсложным вожествам*. «Использование термина государство невозможно»¹.

Но в историю монголы вошли не только завоеваниями. Современные монгольские историки доказывают, что в период своего господства (XIII–XIV вв.) монголы создали универсальную идеологию *тенгризма* (поклонения Небу как единому Богу, создателю всех видимых и невидимых существ, счастья и страданий в мире), призванную обосновать и оправдать создание самой большой в мире Монгольской империи. Согласно этой идеологии, хан был абсолютным воплощением верховной силы на земле, через которого всесильный Тенгри управлял происходящим в этом мире. Универсальная теория тенгризма была наглядным выражением мирового порядка, возникшего в результате создания Монгольской империи. Но недолговечность империи обрекла на неудачу это учение.

Среди монголов, особенно на западе, там, где они покорили земли тюрок, в том числе и в Золотой Орде, пока в XIV в. не приняли ислам, было распространено и возникшее еще в III в. *манихейство*, которое после разгрома в Иране проникло в тюркские земли Средней Азии².

Взгляды самого Чингис-хана на устройство империи были довольно эклектичны. Он считал, что его потомки вместе с монгольской знатью и всеми монголами должны вечно жить в условиях кочевого быта, потому что кочевникам легче и привольнее существовать и властвовать над оседлым населением, хан рассматривал как вечных рабов своей империи, обязанных трудиться для того, чтобы лучше и привольнее жилось их кочевым господам³.

¹ *Скрынникова Т. Д.* Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 354–355; Подробнее: *Скрынникова Т. Д.* Монгольское кочевое общество периода империи // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград. 2006. С. 512–522.

² *Кызласов Л. Р.* Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия) // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 2004. № 3. С. 18–19.

³ *Горненский И.* Тайны империи Чингисхана. М., Вече. 2004. С. 79.

На устойчивости созданной империи сказывалась и полигамия среди элиты кочевников. У Чингизхана, например, было около 500 жен и наложниц, и, соответственно, множество сыновей от них. У Джучи было 114 сыновей, у Хубилая – около 50. Один из чингизидов за то, что имел более 100 сыновей, был прозван скотником. При таких обстоятельствах уже через 60–70 лет конкуренция за наследство должна была привести к усобицам, гражданской войне и, в итоге, распаду улуса¹. Что и случилось.

При оценке феномена Чингис-хана неоднозначно оценивается и место кочевого сообщества в истории. Большинство ведущих теоретиков цивилизационного подхода как правило, не выделяют особую кочевую цивилизацию. Однако многие современные исследователи, в частности, большинство монгольских обществоведов исходят из положения, что кочевая цивилизация и ее отдельные разновидности существовали и существуют. Но кочевые и оседлые общества – это все-таки две различные системы, которые имеют общую стратегическую цель – удовлетворение потребностей человека, но при этом каждая из них имеет свои закономерности, особенности и логику развития, свои ценности. По мнению, например, французского исследователя Ж. Легра-на, принципиальное отличие между этими двумя типами общества состоит, прежде всего, в том, что если все оседлые общества были созданы и получили развитие на основе принципа накопления, то кочевые – на основе принципа мобильности, подвижности. Поэтому теории и концепции, обычно применяемые для анализа оседлых обществ, не могут быть механически использованы для кочевников².

Объединения кочевников, добавим, без эксплуатации земледельцев не способны к самостоятельному развитию. В отличие от аграрных обществ, которые могли накапливать разнообразные имущества и хранить их, достояние номадов состояло лишь из скота, которому были необходимы обширные территории-пастбища. Власть в таких сообществах нельзя было концентрировать в едином центре. По этой же причине надплеменной правитель не мог содержать постоянную армию, которая была бы в его полном распоряжении³.

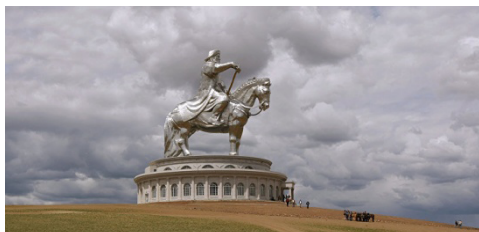
Нельзя не отметить, что в последние десятилетия отмечается взлет интереса к Чингис-хану и истории средневековых монголов. Как заметил востоковед Н.Н.Крадин, внимание к личности Чингисхана обусловлено конъюнктурными факторами (800-летие создания монгольской империи, экзотика восточного туризма). Если в XVII–XIX вв. Чингис-хан воспринимался исключительно как кровавый завоеватель и жестокий восточный деспот, то с течением времени представления о нем и его деяниях изменяются⁴. Впрочем, у

¹ Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград. 2006. С. 507.

² Грайворонский В. В., Яскина Г. С. Диалог цивилизаций: взаимодействие кочевой и других культур Центральной Азии // Восток. 2002. № 1. С. 150–156.

³ Крадин Н. Н. Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 9–24.

⁴ Там же, С. 19.

Памятник Чингис-хану в Улан-Баторе

европейцев отрицательное отношение к восточным завоевателям было связано и с психологией превосходства белого человека, сложившейся в период колониальных захватов Нового времени. Монголы же всегда почитали своего знаменитого предка.

Но могут ли достижения завоевателя перекрыть цену, заплаченную и его собственным народом, и, особенно теми, кто подвергся его завоеваниям. Величие на крови – сомнительно. Нельзя, конечно, игнорировать важное правило историка: оценивать поступки людей, как бы они не шокировали потомков, по меркам того времени, когда они жили. В описываемую эпоху жестокости монголов были типичны и для других народов. Но и оставлять подобные нравы без комментариев тоже нельзя, хотя бы в воспитательных целях. Полагаю, моральная оценка прошлого столь же необходима историку, как и точность в его изучении¹.

¹ Подробнее см.: *Риер Я. Г.* Полководцы и тираны в истории: герои или изверги? // Религия и общество – 6. Могилев, 2011. С. 72–74.

ВТОРАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

При рассмотрении истории стран Ближнего Востока, Средней Азии и Индии не раз упоминалось государство Тимура, оставившего, несмотря на свое недолгое существование, кровавый след, точнее, рубец на истории всего региона во второй половине XIV в. Рассмотрим это государство подробнее.

К середине XIV в. децентрализация являлась характерной формой существования многочисленных осколков империи Чингис-хана, скрепленных, однако, монгольским этнокультурным стереотипом. Особенно это относится к кочевому менталитету военно-феодального сословия. Привычка жить за счет военной добычи предопределила агрессивность правителей, постоянные интриги, войны, гибель одних непрочных образований и появление других, часто основанных случайно, без связи с географическими, хозяйственными и этнокультурными особенностями тех или иных территорий. Сказалось, как заметил Л. Н. Гумилев, древнее генетическое родство монголов с тюрками, их западными соседями и тоже кочевниками. Фактически все бурные события азиатской истории XIII–XV в. были связаны с тюрко-монгольской активностью. В XIV в. наиболее заметную роль на тогдашнем Среднем Востоке сыграло, как отмечалось, государство, созданное **Тимуром** (1336–1405).

Родился Тимур близ Самарканда в семье знатного, но обедневшего бека (феодала) из монгольского, но сильно тюркизированного племени *барлас*. Его родным языком был тюркский (узбекский, близкий турецкому), говорил он и на таджикском (родственном персидскому). Был неграмотен, но любил слушать чтение писцов и сам диктовал рассказы о своих походах.

Юношей Тимур был определен на службу к везиру, по своему произволу возводившему на престол султанов и свергавшему их, пока и его не постигла месть соперника. Все это происходило на глазах юноши, впечатлительного и высокомерного, который позднее сообщал в автобиографии «Зафар-наме» (Книга Побед): *«С 12-летнего возраста я находил в себе признаки мудрости и величия... На 18-м году моей жизни я был высокого мнения о моей ловкости в военных упражнениях и в охотничьем деле; я проводил время в чтении священных книг, в игре в шахматы и в упражнении владеть оружием всякого рода»*.

В возрасте 23-х лет Тимур получил в управление Среднюю Азию. Однако местный хан, опасаясь честолюбивого помощника, вскоре устранил его от управления и Тимур, опасаясь за свою жизнь, бежал в горы с отрядом своих сторонников. 4 года он скитался по горам, долинам и пустыням, занимаясь разбоем, пока не захватил власть в некоторых провинциях Афганистана и Ирана.

Высокий ростом, обаятельный и атлетически сложенный, Тимур, по словам современника, отличался физической силой и отчаянной смелостью; в боях шел напролом. В свои 26 лет, в одном из столкновений (или в попытке угнать овец), в 1362 г. он стал калекой. В результате полученных ранений его правая рука с изуродованными двумя пальцами перестала сгибаться в локте, хотя не утратила подвижности в плечевом суставе, а правая нога не могла быть выпрямленной и по длине стала заметно короче левой. Оставшись на всю жизнь

Тимур

хромым, он впоследствии получил прозвище **Тимур-ленг**¹, из которого возникло его европейское имя – **Тамерлан**. Когда была вскрыта его могила и изучен скелет, оказалось, что он был очень высок для того времени – 172 см, тогда как в XIV в. средний рост монголов составлял 158 см.

Вероломно захватив власть в Самарканде и продолжая завоевания, к 1369 г. 34-летний Тимур овладел всей Средней Азией. Но, не будучи потомком Чингис-хана, он не мог стать ханом и для соблюдения формы посадил на трон марионеточного чингизида, а сам удовлетворился титулом великого эмира, под которым правил с 1370 по 1405 г.

Своей социальной опорой Тимур избрал знать и мусульманское духовенство. Обладая талантами военачальника и дипломата, имея опору в церкви, которую щедро одарял, Тимур неизменно одерживал победы над своими противниками. Тем более, что в Средней Азии тогда царили усобицы.

Укрепившись, он сделал своей столицей Самарканд и приступил к завоеваниям по всем направлениям. Он создал армию, состоявшую из пехоты, осадных подразделений и кавалерии. Первый удар был нанесен по кыпчакскому хану Токтамышу, принадлежавшему к роду тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингис-хана. То есть был представителем правящей в Золотой Орде династии, но одной из младших ее ветвей. Его отец – правитель Мангышлака, был убит Урус-ханом около 1364 г. Около 1375 г. Токтамыш бежал из Орды ко двору Тимура. Тот поддержал Чингизида. С помощью Тимура он вернул себе ханство и даже совершил набег на Москву в 1382 г. в отместку за поражение на Куликовом поле. Но затем Токтамыш рассорился со своим покровителем. Тимур совершает походы в Поволжье и Крым, разрушает цветущие золотоордынские города Сарай Берке, Астрахань и Азов.

Токтамыш, проведя всю жизнь в войнах, оказался бездарным полководцем. Тем не менее, ему удалось более тридцати лет играть главные роли в системе управления Ордынским государством. Надо полагать, что Токтамыш собрал вокруг себя не только грамотных политиков, но и полководцев, которые могли не

¹ В переводе с таджикского – *Железный Хромец* (Тимур по тюркски – железо).

только выигрывать кампании и войны, приводить к покорности Московское княжество, но и противостоять одному из величайших полководцев своего времени – Тимуру. Бурная жизнь, наполненная борьбой за власть, битвами и погонями, вероятно, не давала возможность Токтамышу уделять должное внимание семье. Показателем этого может быть казнь ханом собственной жены (по всей видимости, за супружескую измену). Рассорившись с Тимуром и разгромленный им, Токтамыш бежал в Сибирь, где и был убит. Его наследники не смогли удержать власть и восстановить единство Золотой Орды. Поэтому Токтамыш считается последним ханом этого улуса¹.

Еще ранее Тимур завоевал Азербайджан, а с 1380 г. он начинает также завоевание Афганистана и Ирана. В 1398 г., в возрасте уже 65 лет, он совершает опустошительный поход в Индию и возвращается в Самарканд с толпами рабов и обозами награбленного. В 1400 г. Тимур произвел успешный поход против турок в Малую Азию и под конец своей жизни направился в Китай, решив за что-то наказать правившую там монгольскую династию. Но по дороге, простудившись в Гималаях, умер. Впрочем, прямых указаний, что Тимур направлялся именно в Китай – нет.

Известие о смерти жестокого правителя вызвало убоицы и восстания по всей обширной империи. При преемниках Тимура созданная им держава распалась.

Военные успехи Тимура опирались, помимо его личных способностей, и на проведенные им некоторые преобразования. Одной из его новаций в военной тактике было введение в бой первыми пехотинцев; конница вступала в битву после того, как нарушались боевые порядки противника. В ополчение он привлекал не только кочевников, как обычно поступали монгольские правители, но и местных земледельцев, что не только численно увеличивало армию за счет среднеазиатских тюрок и таджиков, но и делало их заинтересованными в завоеваниях. Тимур также оперативно применял технические новшества: помимо разнообразной техники для штурма крепостей, впервые на Востоке его войсками было применено огнестрельное оружие. *«Тимур готовился к походам так же дотошно, как и Чингис-хан, но монгол [Чингис-хан. – Я.Р.] оставался непревзойденным стратегом. Он умел избегать трудностей, с которыми сталкивался и боролся Тимур. Монгол никогда бы не поскакал с несколькими сотнями воинов впереди армии, как это делал Тимур во время осады Багдада. Не стал бы Чингис-хан и карабкаться один на стену крепости, как поступал Тимур»*². Походы Тимура носили истребительный характер, отличались крайней жестокостью по отношению к побежденным.

Культурные ценности завоеванных народов, их ученые, врачи и ремесленники вывозились в любимую Тимуром столицу. Так в Самар-

¹ См.: Селезнёв Ю. В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2, С. 122–131.

² Лэмб Г. Тамерлан. Правитель и полководец. М. 2003. С. 303.

канде и соседних городах возникли известные и теперь архитектурные шедевры, соединившие в себе традиции и достижения разных культур тогдашнего Востока (от Малой Азии и Сирии до Индии и Китая). Огромные средства, награбленные в походах, позволили не только украсить, но и благоустроить многие среднеазиатские города, особенно Самарканд, в котором появились выложенные камнем и мозаикой улицы, новые дворцы, сады, зверинцы. Большие средства централизованно вкладывались в орошение. В городах возникли мануфактуры. В Самарканде с помощью китайских специалистов была создана мануфактура по производству бумаги.

Надо учесть, что завоевательная деятельность Тимура была своеобразной. Собственные владения он окружил поясом вассальных территорий. В некоторых случаях он оставлял у власти побежденных правителей, делая их своими вассалами, другие земли раздавал своим сыновьям или приближенным военачальникам. За пределами этих территорий вел войны с двойной целью: ради добычи и чтобы не дать усилиться сопернику – но не для присоединения новых земель. Ставя марионеточных правителей из чингизидов, Тимур в реальности очистил от них власть в Средней Азии, основав собственную династию тимуридов и рассадив своих потомков по крупным владениям края.

Но постоянные походы истощали людские ресурсы, от которых благосостояние зависело не меньше, чем от захваченных богатств. На содержание оросительной системы стало не хватать рабочих рук (невольники для этого не подходили). Захваченные земли часто не имели между собой прочных хозяйственных и культурных связей и подчинялись только авторитету силы Тимура. Местная знать, которой иногда тоже что-то перепало от завоевателя (он часто воевал руками тех, на кого нападал, натравливая их друг на друга), его просто боялась. Тем более, что, в отличие от своего знаменитого и тоже жестокого предшественника, Тимур для достижения своих целей не щадил и собственных воинов, осуществляя стремительные переходы с целью нападать неожиданно. Во время дальних походов по его приказу совершались такие зверства, о которых не забыли и по сей день. В Дели он казнил 100 тыс. пленных, а в Исфахане (Иран), восставшем после капитуляции, воздвиг холм из 70 тыс. черепов.

Смерть тирана, естественно, освободила покоренных от пут страха, и грубо сколоченная держава развалилась.

Из потомков Тимура наиболее известен его внук – **Улукбек** (Улугбек, 1394–1449) – правитель Маверанахра – области вокруг Самарканда. Он не интересовался военными делами и прославился как ученый, создав обсерваторию. Известны его слова: *«Мы живем, чтобы позна-*

вать мир, найти его секреты, заставить служить людям»¹. Большое внимание Улукбек уделял обучению, утверждая, что *«учит не только учитель, но и правитель»*. Он много сделал для развития образования в своем государстве. В медресе, построенной Улугбеком, училось около ста студентов. Иногда и сам Улугбек вел занятия, руководил дискуссиями, которые сам устраивал. Так что оставить след в истории можно не только пролитием крови. Кстати, об образовании самого Улугбека позаботился дед – Тимур, подобравший внуку воспитателем с 3 до 7 лет поэта, сказителя и ученого по имени Азари.

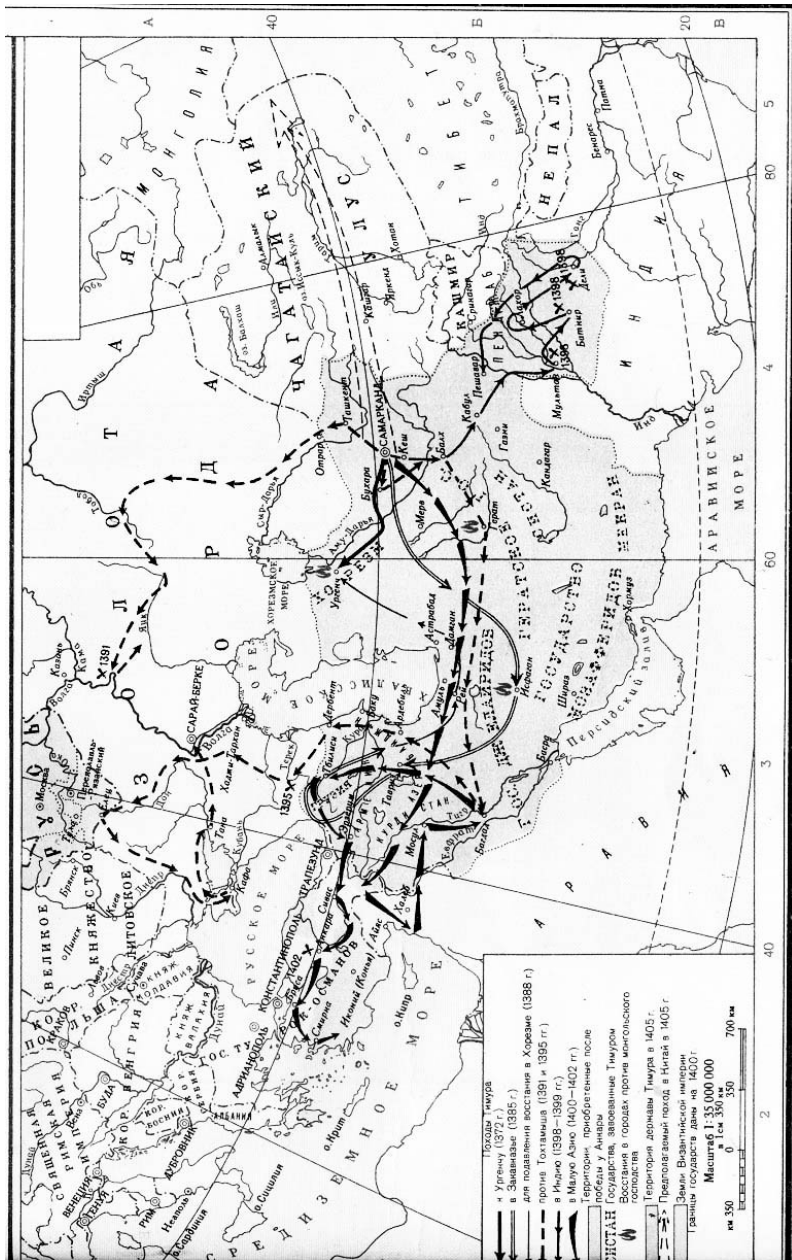
Улукбек

Но духовенство Улукбека ненавидело, возможно, именно за его просветительство. И кончил он трагично – был обезглавлен соперниками. Его литературное наследие спас от уничтожения преданный ученик. Такова была судьба одного из самых миролюбивых правителей в истории региона.

¹ Такие слова вполне могли принадлежать европейскому гуманисту, но для жителей Востока мысль об использовании окружающего мира в интересах людей – редкость, ибо в основе миропонимания практических всех восточных учений лежали принципы гармонии с природой, даже подчинения ей, а не наоборот.

Территории монгольских государств (улусов) XIII в. и походы монгольских войск до 1236 г.
 (составлена на основании карты И. А. Голубцова)

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ в I тысячелетии н.э.

Особенности региона. Юго-Восточная Азия – место пересечения многих мировых путей, миграционных потоков, культурных влияний. Она же оказалась и одним из немногих регионов нашей планеты, где происходил процесс антропогенеза. Именно здесь еще в XIX в. были обнаружены следы архантропов (яванский питекантроп), а в середине XX в. было сделано и множество других аналогичных открытий. Здесь же археологи нашли следы раннеземледельческих культур, причем едва ли не более древние, чем ближневосточные, из которых выросли известные древнейшие человеческие цивилизации. Однако, в отличие от Ближнего Востока, земледелие в Юго-Восточной Азии было представлено выращиванием не зерновых культур, а корнеплодных (особенно таро и ямса).

Казалось бы, разница не столь уж велика. Но она оказалась роковой по результатам: возделывание зерновых привело в свое время ближневосточный регион к накоплению избыточного продукта, которое сделало возможным возникновение первичных очагов цивилизации и государственности, тогда как возделывание клубней с их менее полезными свойствами к этому не привело. К тому же корнеплоды, в отличие от зерна, долго не хранятся, особенно в жарком и влажном климате, да и пища, приготовленная из них, во многом уступает продуктам, приготовленным из зерна¹.

Впрочем, еще в IV тысячелетии до н.э., возможно, не без воздействия извне, юго-восточные азиатские народы все же перешли к возделыванию зерновых, в частности риса. Но первые протогосударственные образования в здесь стали возникать лишь незадолго до наступления новой эры. Возможно, причиной такой задержки социального развития региона, по сравнению с соседними индийскими и китайскими землями, стали сложные природные условия. Жаркий тропический климат, преобладание гористых районов с узкими и замкнутыми долинами, а также отделенными друг от друга островами не благоприятствовали политической консолидации племен. Тем более, что с севера на Индокитай постоянно накатывались миграционные потоки горных народов, разрушавшие одни объединения и создававшие иные, часто с другими этносами.

С начала новой эры регион находился под сильным культурным влиянием соседей с более древней культурой. Вначале преобладало индийское влияние (брахманизм, касты, буддизм, затем индуизм в форме шиваизма и вишнуизма). Оно определяло социальное и политическое развитие протогосударств и ранних государств всей Юго-Восточной

¹ Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М. 2001, С. 414–416.

Азии, как ее полуостровной части (Индокитай), так и островной. Воздействие индийской культуры было самым непосредственным: многие представители правящих домов в регионе возводили свой род к выходцам из Индии и весьма этим гордились. Но со временем влияние со стороны Индии ослабевало.

Зато усилилось влияние Китая. Восточные районы Индокитая и особенно Вьетнам были зоной китайских интересов уже со времен династии Цинь, когда первые вьетнамские протогосударства были подчинены циньской армией и затем на долгие века, несмотря на порой героическое сопротивление вьетнамцев, оставались под властью Китая. Да и после обретения Вьетнамом независимости китайское влияние в регионе не ослабло. Даже наоборот, усилилось.

Ближе к концу I тыс. в регионе появился и третий поток культурного воздействия – мусульманский, который стал вытеснять индийское влияние там, где оно еще сохранялось.

Таким образом, страны и народы Юго-Восточной Азии в раннем средневековье оказались под воздействием трех великих восточных цивилизаций. Обратимся теперь к истории основных стран и народов Индокитая.

ВЬЕТНАМ. ВЬЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В I тыс. н.э.

Вьетнамцы – наиболее многочисленные из современных народов Индокитая. Их государственность восходит к III в. до н.э. Во II в. до н.э. северные земли *вьетов* были завоеваны китайцами и оставались под их властью вплоть до X в. н.э. Сюда из Китая пришли даосизм и конфуцианство с его системой образования и китайским письмом (иероглификой), а с VI в. – буддизм. Северный Вьетнам на протяжении первых двенадцати веков своего существования был теснейшим образом связан с Китаем и целиком зависел от него в политическом и культурном плане. Это была в некотором смысле отдаленная периферия китайских империй, почти не имевшая автономии, хотя и отличавшаяся этническим составом местного населения и, естественно, некоторыми местными особенностями, своими традициями в образе жизни и т.п.

Первые государства. Южно-вьетнамское протогосударство *Тьям-па* (Чампа), возникшее примерно во II в. н.э., являло собой совершенно иное образование. Прежде всего, оно, как и весь остальной Индокитай того времени, было под заметным воздействием индийской культуры. Находившиеся в зоне индо-буддийского влияния *тьямы* (лаквьеты) вели соответственно и иной образ жизни, что наиболее заметно проявлялось в сфере культуры и религии. Здесь процветал и фактически господствовал буддизм, хотя затем немалую роль играл и индуизм. В целом буддийские и индуистские монастыри и храмы в Тьямпе процветали. В V в. здесь (естественно, в монастырях) появилась и местная письменность на южно-индийской графической основе.

Отношения с севером, т.е. с китайскими правителями Северного Вьетнама, складывались у Тьямпы сложно и далеко не в пользу тьямов. Есть даже указания на то, что в V в. Тьямпа формально признала суверенитет Китая, что еще более усилило нажим на нее с севера. В X–XI вв. северные земли Тьямпы были захвачены вьетнамскими правителями, освободившимися от власти Китая и ведшими ожесточенную междоусобную войну друг с другом.

Хозяйственное развитие в середине и второй половине I тыс. В раннее средневековье вьетское государство занимало территорию современного Северного и частично Центрального Вьетнама, граничило на севере с Китаем, на юге – с кхмерской империей Камбуджадеша и государством Тьямпа в современном Центральном Вьетнаме. Основным аграрным районом была дельта Красной Реки.

Вьеты были древним земледельческим народом; они выращивали рис, бобовые культуры, овощи, разводили буйволов и быков, занимались шелководством и производством шелковых тканей. Широкое развитие получили рыболовство и добыча жемчуга, как для внутреннего

потребления, так и для вывоза. Различные благовония, лекарственные травы и перья редких птиц пользовались широким спросом в Китае. В горах Северного Вьетнама добывали медь, железо, олово, цинк, свинец, золото. Значительные доходы приносила торговля слоновой костью, рогом носорога. Ремесленники обрабатывали железо и занимались художественным литьем из бронзы. Высокоразвитыми были гончарное производство, ткачество, изготовление известных на всем Дальнем Востоке вьетских плетеных изделий. Изделия ремесла продавались не только внутри страны, велась внешняя торговля с Индией, Китаем и даже Средиземноморьем. Многие города были крупными культурными центрами.

В VIII–IX вв. в долинах рек и у морского побережья выросли новые города. Высокого уровня достигло ремесленное производство, особенно металлообработка и изготовление керамических изделий. Производились необходимые металлические предметы. Вьетские строители сооружали крупные многоэтажные здания и крепости, города имели регулярную планировку, были застроены в центре кирпичными и кирпично-(каменно)-деревянными зданиями.

Вьетское общество в V–IX вв. Древнее вьетское общество состояло из членов малых сельских общин крестьян-рисоводов, крупных землевладельцев и служилого слоя. В период «северной зависимости» – времени правления китайских империй в стране вьетов (I в. до н.э. – конец IX в. н.э.) – вьетское общество развивалась по своим законам. Культурное влияние завоевателей было слабым как в силу отдаленности собственно китайских провинций, так и малочисленности китайцев в стране.

В VI–IX вв. н. э. в стране вьетов существовали отношения раннефеодального типа. На протяжении указанных столетий контроль китайских губернаторов постепенно ослабевал, усиливалась вьетская земельная аристократия, постепенно приобретая на местах и административную власть. В периоды восстановления независимости ей принадлежала и политическая власть в стране. А после 905 г. эта социальная группа окончательно укоренилась во власти. К тому времени ей принадлежала значительная часть земель, а после 905 г. ей же досталась большая часть владений высших китайских чиновников.

Владения вьетской аристократии состояли из общин (са), населенных свободными крестьянами, платившими оброк. Число лично-зависимых (гостей) доходило до нескольких тысяч. Количество присваиваемого риса было таково, что требовало наличия у некоторых землевладельцев более сотни рисовых амбаров. Основой социальной организации крупных землевладельцев были роды (хо), высшие из них считались аристократией; из поколения в поколение они собирали налоги с определенной группы общин.

В большинстве случаев выдвижение вьетов-землевладельцев шло «естественным порядком» (о некоторых из крупных землевладельцев

известно, что они вышли из богатых крестьян). В число аристократии могли входить и жрецы древней вьетской религии – культа предков. Этнически в подавляющем большинстве это были потомки лаквьетов (предков вьетнамцев) и родственных им намвьетов, пришедших сюда из более северных вьетских земель, заселявшихся китайцами. Небольшая часть из них была потомками чиновников китайской администрации. Многие имели собственные дружины, систематически осуществляя внеэкономическое принуждение в своих областях.

Борьба вьетов за независимость во второй половине I тыс.

В середине VI в. вьетский народ на время сумел освободиться от власти Китая. Произошло это в ходе всенародных выступлений в ответ на попытку китайских властей укрепить свое господство. В 541 г. восстание закончилось объявлением независимости. Предводитель восстания, крупный чиновник **Ли Бон**, был провозглашен императором, положив начало *династии Ранних Ли* (541–603).

Добившись укрепления своего положения, Ли Бон занялся устройством государства, названного *Империей Вансуан* («Империя десяти тысяч весен» или «Империя Бесчисленных весен»). Был сформирован новый государственный аппарат, который возглавили ближайшие сподвижники нового правителя. Ли Бон завел пышный двор, начал строительство дворцов. В укреплении новой династии большую роль играл буддизм.

Но уже в 545 г. военные действия с Китаем возобновились. Ли Бон потерпел поражение и с небольшим отрядом ушел в горы на северо-западе, рассчитывая найти там поддержку у местных племен. С китайскими армиями остался сражаться вьетский военачальник Чиеу Куанг Фук, ставший после смерти Ли Бона фактическим правителем страны. В 551 г. китайские войска, потерпев поражение, ушли из Вансуана.

Но в 602 г. новая китайская империя Суй начала очередную войну против империи Вансуан. В 603 г. вьетские войска были разбиты, и Вансуан был вынужден признать власть Китая. Последнего императора династии Ранних Ли увезли в плен. Была восстановлена китайская административная система. Вансуан стал называться в китайских источниках «Умиротворенный Юг» (Аньнань, Аннам). В наиболее важных стратегических пунктах были оставлены китайские гарнизоны, но на местах по-прежнему правили вьеты. Часты были восстания против иноземного ига. Так прошло несколько столетий.

Хозяйственное и политическое положение в стране вьетов в X – начале XI в. Начало X в. ознаменовалось выходом на политическую арену независимого государства, получившего позднее название *Дайковьет*. Крестьянская война в Китае IX в., походы восставших на юг, ослабление Танской империи – все это благоприятствовало восста-

новлению независимости вьетов, официально провозглашенной в 939 г. Так завершилась почти тысячелетняя борьба вьетов с политической властью «Севера».

Во главе нового государства оказалась группа крупных землевладельцев. Она осуществила реформу системы налогообложения, ликвидировавшую, по-видимому, остатки китайской налоговой системы в деревне, произвела смену бюрократического аппарата сверху донизу. Было введено новое административное деление, по которому самой крупной единицей в стране становилась провинция, она состояла из уездов, которые, в свою очередь, делились на районы и общины.

Крупные землевладельцы составили верхушку господствующего сословия. К середине X в. главы 12 крупнейших аристократических родов превратились в политически независимых правителей (сы-куанов) отдельных частей страны. Во владении каждого из них насчитывалось, несколько десятков общин свободных (*зан*) и зависимых крестьян. Власть сы-куанов была наследственной, все они имели большое число вассалов, имущество которых составляли подаренные им сюзереном рисовые поля. Во главе своих дружин сы-куаны вели войны между собой, с монархом или против непокорных общинников. Против внешних врагов они обычно выступали вместе с правителем страны (*вуа*), в своих же владениях обладали всей полнотой власти.

В таких условиях первые династии освободившегося Вьетнама: **Кхук** (906–923), затем **Нго** (939–965) не сумели укрепиться. Раздробленность как следствие усиления земельной аристократии, грозила разложением крестьянству. Междоусобные войны феодалов вызывали волнения в деревне.

Но если крупные землевладельцы не желали усиления центральной власти, то другая часть господствующего сословия – чиновничество, заинтересованное в получении доходов от государственной службы, поддерживала усилия по централизации власти. В этих условиях видный чиновник и военачальник **Динь Бо Линь**, узнав об опасности нового китайского вторжения, возглавил борьбу за объединение страны. Он стал фактическим властителем и был провозглашен правителем (*вуа*) новой *династии Динь* (968–980) и дал стране наименование *Дайковьет* («Великий древний Вьет»).

В 70-х годах X в. центральная власть значительно укрепилась, что выразилось в создании регулярной армии, расширении аппарата гражданского чиновничества, возрождении роли двора. Большое внимание уделялось восстановлению древних вьетских традиций.

Новые правители страны пытались опираться на средних землевладельцев, каждый из которых собирал оброк всего с нескольких общин. Когда *вуа* санкционировал их права на налоговые сборы с общинников,

владения подобных феодалов получили название «округ жалования-кормления». Основной опорой новой династии были «государевы слуги», чиновники дворца, они также получили в кормление деревни или группы деревень, составлявшие еще одну разновидность «округа жалования-кормления». Внушительной силой в то время оставались ополчения свободных крестьян одной или нескольких общин, порой длительное время сражавшихся даже с армией вуй.

Императоры начали решительную борьбу с сы-куанами, лишали владений или дробили их. Новое деление территории страны имело целью уничтожить крупные владения богатых родов: границы новых административных единиц не совпадали с территорией владений сы-куанов. Проводя реформы с целью усиления единства государства, новый правитель страны опирался и на свои собственные владения, отстроив там укрепленные пункты. Государственный и военный аппарат был значительно реформирован, на все важнейшие должности попали сторонники и вассалы семьи Динь.

Но чтобы развязать себе руки внутри страны, император должен был как-то обеспечить спокойствие границ с Китаем. С этой целью в 971 г. он направил посольство к сунскому двору, а в 972 г. согласился на номинальное признание китайского сюзеренитета и периодическую уплату символической дани. Эти обязательства, ни в чем его не связывая, временно позволили обезопасить Дайковьет от внешних осложнений в отношениях с империей Сун.

После этого была усилена борьба с непокорными феодалами. Император вместо феодальных дружин создал регулярную армию, разделенную на 10 корпусов. Однако крупным феодалам удалось подготовить и осуществить дворцовый переворот. После гибели Динь Бо Линя в стране вновь начались усобицы, чем попытались воспользоваться китайские феодалы.

Однако угроза нападения извне, необходимость организации обороны требовали твердой власти, и часть знати провозгласила императором главнокомандующего Ле Хоана. В 981 г. новый император (известен под именем **Ле Дай Хань**) разгромил вторгшуюся в страну китайскую армию.

В период правления *династии ранних Ле* (981–1009) происходило постепенное усиление государства Дайковьет, к которому была присоединена и часть южных земель, где жили тьямы.

Культура раннесредневекового вьетского общества. Складывание независимого вьетского государства в VI в. способствовало утверждению местных традиций в архитектуре и изобразительном искусстве. В конце VIII в. возник смешанный архитектурный стиль, известный под названием *стиля Дайла*, по названию города, где этот стиль впервые стал господствующим. Для архитектуры этого стиля характерны стройные

многоэтажные кирпичные башни; надмогильные храмы, квадратные в плане. Этажи башен были невысокими, каждый имел ниши, в которых стояли статуи Будды. Характерной особенностью этих зданий были вогнутые крыши. Творцы наиболее известных памятников вьетской каменной скульптуры, относящихся к середине IX в., испытывали значительное индийское влияние.

Чрезвычайно разнообразна была керамика стиля Дайла. Кирпичи, черепица, поливная посуда, терракоты покрывались рельефными украшениями. Они орнаментировались местными мотивами, хотя на узорах отчасти сказывались индийские и китайские влияния.

Ведущей формой религиозных верований оставался вьетский культ предков. Главным следствием «северной зависимости» было, как и в Японии, Корее и ряде других государств средневекового Дальнего Востока, использование китайского языка и китайской письменности в официальной переписке и в литературе.

Большую роль в культурной и политической жизни страны сыграл и буддизм. Он завоевал прочные позиции еще в VI в. При этом в стране почти безраздельно господствовала одна из его школ – «тхиен» (дхьяна – медитация). Ее основная доктрина гласила, что *«человек познает в своем собственном сердце истинное сердце Будды»*, т. е. человек от природы чист, свободен от заблуждений, достижение им нирваны – прежде всего результат его собственных усилий. Среди различных школ буддизма школа тхиен была одной из самых индивидуалистических, но в своей вьетнамской форме она надолго стала государственной религией, хотя и достаточно аристократической.

ВЬЕТНАМ

в первой половине II тысячелетия

Вьетское государство в XI в. Как отмечалось выше, успешный полководец **Ле Хоан** (официальное имя – Ле Дай Хань), в 981 г. отбив очередное нападение китайских войск, основал *Первую династию Ле* (Ранние Ле – 981–1009). Вскоре и южный сосед – Тьямпа – была принуждена выплачивать дань.

Задача укрепления государства и центральной власти встала также перед династией *Поздних Ли* (1010–1225). При них была основана новая столица – Тханглонг (современный Ханой), а в 1069 г. изменено название страны на *Дайвьет* («Великий Вьет»). При этой династии государственная власть значительно укрепилась. Степень централизации в XI–XIII вв. была даже выше, чем, например, в XVI–XVIII вв. Верховным собственником-распорядителем земли было государство, которое олицетворял правитель – вуа. Он имел право на доходы со всех земель, но отнимать общинные земли не мог. При этом наряду с общинными существовали и частные земли. Их имели как крупные землевладельцы (родственники правителя и знать), так и часть крестьян. Такие владения у последних возникали при освоении целины; при этом сохранялся и общинный надел.

Чиновниче-бюрократическая система управления государством была скопирована с китайского образца. Все чиновники, как гражданские, так и военные, подразделялись на девять степеней. Они были обязаны руководствоваться приказами, поступавшими из военной и гражданской палат.

Низшей хозяйственной и административной организацией средневекового Дайвьета была сельская община. В нее входили полноправные свободные крестьяне – мужчины старше 18 лет, внесенные в реестровые списки (т. наз. «желтые», позднее к ним относились мужчины 20–60 лет). Они имели право пользования участком земли, платили поземельный натуральный налог, несли воинскую и трудовые повинности. Пришлые элементы, не включенные в списки общин, считались неполноправными. В лучшем случае им позволяли арендовать у общин клочок земли, но обычно они находились на положении батраков у всего коллектива, выполняя самые тяжелые работы, несли охранную службу в деревне и прислуживали старейшинам.

Пахотные земли, как правило, были разделены на три категории по плодородию и обычно перераспределялись через три-пять лет. Если участок не обрабатывался владельцем в течение года, тот утрачивал права на него. В каждой общине находился государственный чиновник, осуществлявший контроль за всей внутренней жизнью коллектива и следивший, прежде всего, за правильным и своевременным поступлением

в казну налоговых платежей, часть из которых обычно переуступалась ему за службу.

Рассмотренная общинная организация сохранялась до XVII в.

Особенности феодальных порядков. В условиях существования государственной собственности на землю в Дайвьете, как и почти везде на Востоке не сложились такие институты, как вассалитет и сюзеренитет, не было феодалов (сеньйоров). Практика земельных пожалований «заслуженным лицам», начавшаяся со времени правления династии Ли, не привела к образованию и крупной частной собственности. Ибо крупные и средние землевладельцы были объединены в роды и их земли включались в общие «поля рода». Купля-продажа или иное отчуждение земель в период средневековья строго карались государственными законами, разработанными в кодексе 1042 г. Но, очевидно, тенденция к отчуждению земель в частные владения, в том числе и через скупку, существовала, иначе бы не вводились столь строгие запреты. То есть, несмотря на традиции, стремление обладанию собственным имуществом – было.

Большие земельные массивы скапливались у буддийских монастырей. Нередко они были разбросаны отдельными участками по разным деревням. В меньших объемах оставались земли и у храмов древнего вьетского культа предков.

Прекращение междоусобиц X в. благотворно сказалось на развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли. В начале XI в. развернулось строительство ирригационных сооружений, которые положили начало созданию государственной водной системы. На возделывании пустошей и целинных земель кроме общинников работали воины, осужденные преступники и военнопленные с юга – тьямы.

Ремесло постепенно отделялось от земледелия, на местах крупных сельских рынков и военных поселений возникают городские центры, появляются портовые города. На севере, в горах, были открыты и стали разрабатываться месторождения меди и серебра. Появились государственные ремесленные мастерские по производству оружия и военного снаряжения, была налажена чеканка монет. Значительное внимание власти Дайвьета уделяли строительству дорог, которые прокладывали как вдоль побережья, так и в отдаленные горные районы страны, что, несомненно, способствовало еще большей консолидации вьетской народности. Наряду с развитием внутренней торговли оживленные торговые отношения Дайвьет поддерживал с Китаем, Сиамом и Явой.

Для укрепления своей власти правящий слой использовал буддизм, проникший из Китая еще во II в. н.э., а с XII в. – и конфуцианство с его культом подчинения старшим и общему порядку. Распространение буддизма имело следствием широкое строительство храмов и пагод. Возрос объем медеплавильных работ для изготовления культовой утвари.

Стремясь обезопасить свой тыл перед неизбежными столкновениями с Китаем, военачальники Дайвьета предприняли ряд походов против Тьямпы (Чампы) и в середине XI в. присоединили несколько областей, постепенно заселенных крестьянами из более многочисленных северных земель. Успехи на юге позволили вьетской знати организовать в 1075 г. поход и против сунского Китая.

Немногочисленное в XI в. ханьское население юга Китая укрылось в двух крупных городах: Гуанчжоу и Инчжоу. Вскоре Инчжоу был взят войсками Дайвьета в результате общего штурма. Но спустя год Суны послали на юг огромную армию. С захваченных южнокитайских земель вьетские войска ушли, но на своей земле боролись упорно и заставили китайцев повернуть назад. В итоге, за исключением нескольких мало-значимых приобретений, столкновения с северным соседом не стоили понесенных при этом обоюдных потерь.

Попытки распространить центральную власть на горные области встречали упорное противодействие местных племен. Вьетские чиновники, посланные для управления племенами, захватывали их земли, облагали население непосильными налогами, препятствовали товарообмену с жителями равнин. Начиная с 1013 г., когда вспыхнул первый мятеж против династии Ли, почти на всем протяжении ее правления на севере Дайвьета и в южных, бывших тьямских областях Хоан и Ай восстания племен следовали одно за другим. Наиболее мощным было освободительное движение нунгов, которое продолжалось с 1038 по 1048 г. Повстанцы создали даже свое независимое государство, но были разгромлены совместными карательными экспедициями вьетско-китайских войск.

Дайвьет в XII – начале XIII в. Приход к власти династии Чан. XII в. в целом был временем стабилизации и укрепления феодально-бюрократического государства Дайвьет. Оно с успехом отразило многочисленные нападения с запада кхмерской империи Камбуджадеша. Правители Поздних Ли, постепенно прекратив дарения крупным светским и духовным феодалам, дали им возможность скупать крестьянские участки, освоенные последними рядом с общинными землями.

Но это вело к обеднению крестьян, которые были вынуждены отдавать земли в заклад, переходить под покровительство крупных землевладельцев. Поэтому с середины XII в. власти не позволяли разрушать существовавшие крестьянские хозяйства и закабалять общинников, уже занесенных в списки налогоплательщиков. То есть власти выступили за сохранение мелкого крестьянского землевладения в общинах, как и общинного землепользования в целом, ибо общины оставались основными налогоплательщиками, а также исполнителями ирригационных работ; силами общинников застраивались и города. Особым указом было запрещено «семьям, наделенным властью»; т. е. крупным чиновникам и титулованной знати, самовольно «принимать» в свои владения «людей из народа».

Но во второй половине XII в. началось ослабление центральной власти и усиление позиций крупных феодалов. Это было вызвано возникшими экономическими трудностями из-за расточительного дворцового строительства (во многом в подражание соседям – кхмерам и тьямам). Была прекращена борьба правителей с крупными землевладельцами за тягловых общинников, и в течение 20 лет светские и духовные феодалы могли спокойно накапливать земли и зависимых крестьян.

Усиление налогового гнета и ухудшение положения крестьян вызвали восстания. В 1181 г. в стране разразился голод, умерла «почти половина населения». В 1188 г. голодные крестьяне подняли восстание, которое длилось четыре года. Вскоре началось второе восстание, через несколько лет был «большой мор». К началу XIII в. «народ дошел до крайней нужды». Одновременно ухудшилось внешнеполитическое положение Дайвьета.

Ослабление власти вуа привело к появлению на политической арене крупных провинциальных землевладельцев, сформировавшихся в XII в., но еще не вошедших в состав титулованной знати или служилой верхушки. Они были достаточно сильны, обладая и землями, и зависимыми от них крестьянами, а ослабление аппарата государственной власти вынуждало их для защиты своего имущества создавать специальные дружины. Эти вооруженные отряды местной знати вошли в историю под описательным названием «люди (из области) Хонг», «люди Кхоай» и др. «Люди» и их вожди не стремились, как не раз делали восставшие крестьяне, захватить центральную власть, они поддерживали ту или иную группировку в столице и полноправно хозяйничали в своем уезде. Многие вожди «людей» позднее стали титулованными аристократами.

Восстания ширились, крестьяне, насильно согнанные на строительные работы, разбегались и «разбойничали». С 1205 г. источники пестрят такими сообщениями, как «грабителей развелось, как пчел», «в стране была смута», «на дорогах стало опасно», «продолжался голод», «умершие лежали грудami». В 1207 г. в Дайвьете зафиксировано несколько крестьянских восстаний, некоторые – близ столицы.

Так в условиях широкого укрепления земельных прав местной знати и служилого сословия наступила типичная феодальная раздробленность.

По 1220 г. весь Дайвьет был ареной крестьянских восстаний и боевых отрядов «людей», выступавших вначале в основном в поддержку вуа против его же полководцев, а потом – в защиту своих округов и уездов от кого бы то ни было. Но постепенно войны стали стихать. Значительная часть вождей «людей» влилась в государственный аппарат и в состав класса феодалов, получив титулы. Вуа пришлось санкционировать создание частных армий своими сторонниками, что позволило легали-

зоваться дружинам «людей» и официально оформить провинциальную власть нового типа.

Но удержаться у власти таким способом Поздним Ли не удалось. В 1225 г. произошел государственный переворот, организованный вождями рода Чан, подготовленный их соглашением с большинством вождей «людей» и захватом власти в провинциях. Феодалы дома Чан воспользовались и массовыми крестьянскими волнениями. Так к власти пришла новая династия **Чан** (1225–1400).

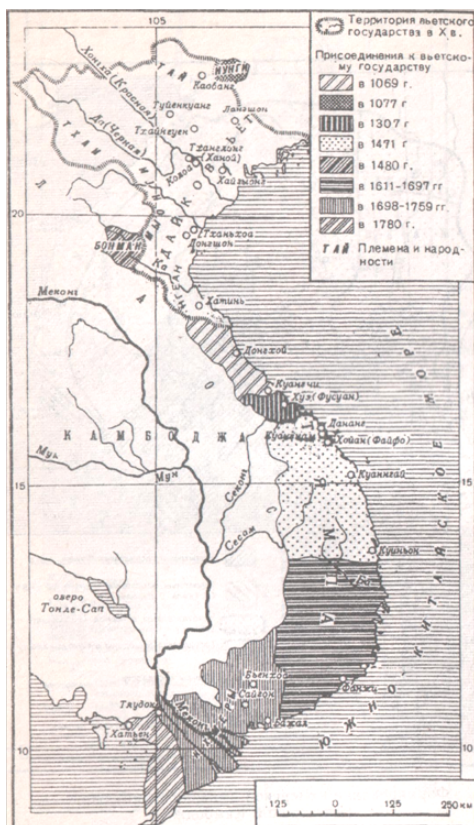
Первые правители из этой династии провели реорганизацию территориально-административного управления, разделив страну на 12 провинций; к чиновничьим должностям допускались лишь сдавшие специальные конкурсные экзамены. Для выявления государственных земельных фондов и упорядочения налогообложения были составлены новые реестры пахотных земель, разделенных на четыре категории: королевские, чиновничьи, общинные и подворные, т. е. приусадебные земли крестьян. На основе всеобщей переписи населения был введен подушный налог, исчислявшийся в зависимости от размеров земельного участка. От этого налога были освобождены только те, кто владел участком площадью менее *мау*¹. Была создана сильная армия и боевой флот, основано первое военное учебное заведение, что в немалой степени помогло в дальнейшем защищать страну от нашествия монголо-китайских войск.

Дайвьет под управлением династии Чан (XIII–XIV вв). Социальные отношения. Это была эпоха дальнейшего развития бюрократического государства со стремлением к усилению централизации по китайским образцам.

Крупные саяны продолжали получать за службу казенные земли, но в их владениях теперь существовали зафиксированные государством общины, которые не могли быть разделены. Назывался этот новый тип владения вначале «зависимый округ», позднее, в XIV в., – «пожалованный округ». Общины, оказавшиеся на землях «зависимых округов», платили основную часть поземельного налога владельцу, а подушный и часть поземельного – государству. Тем самым зависимость их жителей от владельцев не была полной. «Зависимые округа» и «пожалованные округа» – это наследственное землевладение членов семьи *вуа*, многие из которых не служили.

В первые десятилетия правления новой династии особое внимание уделялось ирригационному строительству, были обвалованы опасные участки всех крупных долин рек Северного Вьетнама. Это привело к увеличению посевных площадей, более устойчивыми стали урожаи. Кризис начала века в значительной степени был преодолен также за счет временного уменьшения двойного гнета чиновников и землевла-

¹ 1 *мау* = 0,36 га.

Вьетское государство в XI — середине XV в.

насчитывалось более 60), так и в деревнях. В сельской местности ремесленники занимались и сельским хозяйством, хотя были цехи, члены которых сдавали землю в аренду соседям. Цехи и их выборное руководство ведали не только производством, но и продажей изделий. Ремесленники в городах, а также ремесленники в сельских общинах производили все, необходимое деревне, а также порой и товары для экспорта. Но в политической жизни страны организации купцов и ремесленников не играли существенной роли.

В XIII–XV вв. в связи с расширением внутренней торговли металлическими изделиями, солью, скотом, рисом, плетеными вещами, тканями быстро росли города, особенно приморские и приречные. Основные транспортные пути пролегли по рекам или по морю вдоль побережья. Внешнюю торговлю Дайвьет вел как предметами местного производства

дельцев после утраты земель родственниками правителей прежней династии – Ли. Определенную роль в улучшении экономического положения страны в это время играло «налоговое освоение» южных провинций.

Но постепенно и родственники Чанов стали относительно многочисленной прослойкой, образовав верхи феодального общества. Почти все они жили в сельских владениях, выезжая в столицу лишь на аудиенции или на срок занятия высших должностей. Из своих «зависимых округов» они отправлялись на войну во главе своих дружин и крестьянских ополчений. По-прежнему разрешалась купля-продажа частных земель. Борьба с частным землевладением практически не велась.

Хозяйство. Ремесло было сосредоточено как в городских цехах (их в столице – Тханглаунге, например, в конце XIV в.

(изделия из лака, металла, фарфора), так и транзитную – через его порты проходил основной путь из Индии на восток. В тямских торговых городах, вошедших в состав Дайвьета в XV в., были многочисленные колонии иноземных купцов – арабских, индийских и из других стран.

Как показатель высокого уровня развития товарно-денежных отношений в конце XIV – начале XV в. на четверть столетия установилось бумажное денежное обращение, но во второй четверти XV в. власти отменили бумажные деньги.

Борьба с монгольским нашествием. Дайвьет столкнулся с монгольской агрессией в 1257 г., когда монгольский военачальник Уриянгадай подошел к границе Дайвьета и потребовал пропустить его войска для обхода армии Сунской империи с юга. Получив отказ, монголы в этом же году вторглись в Дайвьет и овладели столицей, предав ее огню. Но в этом походе, проведенном без должной подготовки, монголы страдали от тропической жары и недостатка продовольствия. Вьеты, сохранившие свои основные боевые силы, нанесли агрессорам тяжелые удары. Упорное сопротивление монголам оказал весь вьетнамский народ; повсеместно возникали партизанские отряды, упорно сражалась армия виа. Изнуренные непрерывными боями и тропическим климатом, монгольские войска оставили пепелища нескольких захваченных ими городов и отступили из Дайвьета.

Но когда монголы полностью овладели Китаем и основали династию Юань, они вновь попытались завоевать Дайвьет. На этот раз, в конце 1284 г., монголо-китайские войска напали на Дайвьет с двух сторон – с севера и с юга, высадившись на территории Тямпы.

Дайвьет тщательно готовился к неизбежной войне. Полумиллионная армия Юаней встретила не только 200-тысячную регулярную армию виа, но и многочисленные партизанские отряды, организованные как самими крестьянами, так и местными чиновниками. Чтобы сдержать продвижение неприятеля, были предприняты чрезвычайные меры: в зажиточных семьях реквизировали рис для нужд войск, во всех деревнях были развешены призывы сражаться до последнего человека, а в случае необходимости укрываться в лесах.

Верховный главнокомандующий *Чан Хынг Дао* стал народным героем Вьетнама, почитаемым доныне. Он опирался на патриотический подъем всего населения, поддержку которого считал одним из необходимых условий победы. Его новый военный устав, основанный на анализе военной тактики монголов, на опыте войны с ними в Тямпе и на специфике природных условий Вьетнама, позволил максимально эффективно использовать военный потенциал Дайвьета.

Война, приняв общенародный характер, в значительной степени, велась силами партизан, чьи действия координировались штабом Чан Хынг Дао. Ре-

гулярная армия при этом сохранялась для решающих боев и для удержания баз в горах и в предгорьях. Чан Хынг Дао исходил из того, что главное – сохранить армию. Двор и казну заблаговременно укрыли в горах, а столица была сдана без крупных боев. Монголы встречали выжженную обезлюдившую землю. Разбросанные по стране монгольские гарнизоны едва поддерживали связь между собой; снаряжение и припасы им с огромным трудом доставляли из Китая. Захватчики так и не дошли до южных провинций Дайвьета и не смогли соединиться с остатками армии, ранее высадившейся в Тьямпе. Но и дайвьетская армия понесла значительные потери (полностью погиб флот, его пришлось строить заново). В этих условиях часть титулованной знати перешла на сторону монголов и эти предатели были объявлены правителями Дайвьета.

Монголы вскоре прекратили попытки удержаться в Тьямпе и с остатками войск погрузились на корабли, чтобы плыть морем. Когда их корабли появились в дельте Красной Реки, дайвьетская регулярная армия перешла в наступление и полностью разгромила неприятеля в битве при Тэйкете (1285 г.), а затем в предгорьях к северу от Красной Реки. Были захвачены тысячи пленных. В июне 1285 г. страна была полностью очищена от монгольских войск.

Упорное сопротивление вьетнамского государства заставило Хубилая изменить военные планы: собранные для похода на Японию войска были брошены в третий поход на юг, и 300-тысячная армия снова перешла границу. Вьетны встретили шедшую морем часть монгольской армии, которая сопровождала суда с продовольствием и припасами, и уничтожили ее в дельте Красной Реки. Монгольские сухопутные силы, ведя непрерывные бои с партизанами, лишенные продовольствия и резервов, ослабленные болезнями, быстро теряли боеспособность. На специально построенных заграждениях погиб оставшийся монгольский флот. В 1288 г. было уничтожено до 400 судов. Сухопутное войско было почти полностью уничтожено в горных проходах.

Три неудачных похода заставили монгольскую династию Юань прекратить нападения, и в 1289 г. был заключен мир. Юани (как и до начала походов) остались номинально сюзеренами Дайвьета, но фактически Дайвьет, как и до войны, был независимым.

Рост крупного землевладения. Реформы Хо Кюй Ли. Непродолжительные, но тяжелые и крайне опустошительные войны с монголо-китайскими захватчиками тяжело отразились на экономике Дайвьета. В деревнях не хватало рабочих рук, многие участки рисовых полей были заброшены, ирригационная система запущена. Это усугубляло последствия часто постигавших страну в конце XIII в. стихийных бедствий.

Итогом этих войн были также и заметное ослабление государственного аппарата. Пострадало, в первую очередь, гражданское чиновничество и его условное землевладение, а выиграли крупные провинциальные наследственные землевладельцы – родственники виа (монархов). Еще после первого нападения монголов, в 1266 г., когда стала ясна важная роль собираемых знатью на свои средства дружин; крупные землевладельцы получили, наконец, право для передачи своих обширных

владений по наследству. Они получили статус «вотчин» (чанг). Продолжалось и, возможно, расширились монаршие дарения частных полей за конкретные заслуги; на такие поля выдавались специальные документы, которые, однако, могли быть отобраны. Особенно много документов хранили буддийские храмы. Дарения им, в том числе и со стороны светских владельцев частных земель, не прекращались и во время войны.

Когда после 1266 г. крупным феодальным владельцам разрешили создавать на целинных землях вотчины-чанги, поднялась ценность рабочих рук. Причина распространения чангов – нехватка казенных земель для дарения знати и продолжающийся рост малоземелья. Один очевидец писал, что население густое, обрабатываемой земли не хватает. Это и считалось причиной строительства дамб на реках и создания чангов, что позволило «влиятельным домам», (титулованной знати) *«сохранить мир с населением»*, т. е. не прибегать к отъему земель у свободных крестьян в больших масштабах. За счет чангов был освоен предпоследний земельный резерв в дельте Красной Реки.

В конце XIII – начале XIV в. ухудшился правовой статус свободных крестьян как владельцев, приближаясь к статусу арендатора. Владельцы чангов постоянно давили на соседние общины, отток в чанги обедневших крестьян ухудшал положение оставшихся, плативших некоторое время налоги за всех.

Войны с монголами, особенно две последние, привели к массовому запустению земель, разрушению ирригационных сооружений, гибели людей. Но правительство виа само начало новую серию безрезультатных войн на западе. Очевидная их цель – решить накопившиеся проблемы путем захватов, но такие действия способствовали укреплению позиций крупных феодалов, имевших собственные дружины. Крестьяне же разорялись налогами и мобилизациями.

В итоге, в 1290 г. начался массовый голод, крестьяне бросали свои земли или продавали их (а часто и своих родственников) владельцам частных земель. Раздача казной хлебных запасов не помогала, так как ресурсы государства были истощены войнами. Тем не менее виа Чан Ань Тонг продолжал борьбу за расширение территории Дайвьета на юге за счет Тьямпы.

Но и войска тьямских правителей неоднократно добивались побед, а в 1369 г. тьямы даже захватили и разграбили столицу Дайвьета. Армия виа к этому времени была деморализована, крупные феодалы не поддерживали правителя, казна была пуста. Однако тьямы не могли освоить и заселить захваченные районы, где уже имелось многочисленное вьетнамское население, этнически и экономически связанное с Дайвьетом, а без этого их победы были безрезультатными.

В годы правления короля **Чан Зу Тона** (1341–1369) власть в стране оказалась в руках коррумпированных чиновников, грабивших разорен-

ных крестьян. Растущие противоречия между богатыми землевладельцами и бедневшим крестьянством привели к новым восстаниям, охватившим обширные районы страны. В обстановке экономического и политического кризиса фактическое управление Дайвьетом в начале 70-х годов XIV в. перешло к представителю крупной знати *Хо Куй Ли*, который попытался путем реформ укрепить центральную власть и восстановить былую мощь вьетского государства.

Для начала в 1372 г. была проведена чистка административного аппарата и перепись населения. Прежде чем обнародовать новые аграрные постановления, Хо Куй Ли постарался укрепить финансовое положение страны. Вследствие более чем 30-летних войн с Тямпой, начавшихся в 1360 г., запасы золота и серебра, а также металлической монеты значительно сократились. Для пополнения казны в 1396 г. были выпущены бумажные боны, на которые население под страхом смертной казни было обязано обменивать прежние деньги.

Опираясь на мелких и средних служилых феодалов, Хо Куй Ли начал борьбу с крупными светскими и духовными землевладельцами и придворной верхушкой. Первое крупное столкновение произошло в связи с новой войной против Тямпы. В 1377 г. тямья вновь захватили южный Дайвьет, а затем и столицу, грабя прилегающие области. В этих тяжелых условиях Хо Куй Ли не только собрал новую армию, но и одержал две победы над тямьями. Победа укрепила его положение, и он смог провести ряд мер по укреплению армии, повысив налоги и мобилизовав в войска буддийских монахов, что было открытым вызовом духовным феодалам – монастырям. Одновременно Хо Куй Ли смещал с государственных постов крупных феодалов и заменял их сторонниками реформ из незнатных представителей бюрократии.

Борьба феодальных группировок протекала на фоне все усиливавшихся крестьянских восстаний, что, видимо, ускорило принятие реформ. Подавив мятежных феодалов, Хо Куй Ли пресек заговоры при дворе, и началась массовая смена чиновников. Реформированный государственный аппарат стал надежным орудием Хо Куй Ли в проведении широкой программы социальных реформ, направленных на восстановление (с некоторыми изменениями) системы эксплуатации, основанной на сборе ренты-налога с общин при помощи феодально-бюрократического аппарата.

Удар был нанесен и по буддийскому духовенству – основную массу монахов «вернули в мир», а вскоре годных забрали в армию. Вопрос об огромных владениях вьетнамской церкви был этим предрешен, и в начале XV в. она перестала быть крупным землевладельцем; тем более что в годы реформ буддизм потерял статус государственной религии, потесненный неоконфуцианством.

В том же году металлические деньги были заменены бумажными, что укрепило финансовое положение государства. За этим последовал отказ от тщательного контроля государства за делами общин. Была введена раздача полей для школ и учителей, начал складываться постоянный фонд земель, выделяемых внутри общины для нужд государства.

Самый главный удар по крупному частному землевладению был нанесен в 1397 г., когда все эти земли, в том числе чанги (кроме чангов старших принцев и принцесс), были превращены в «казенные», а имевшиеся там общины – в свободные. Владельцам – членам семьи правителя – оставляли всего 10 мау. Целью реформы была объявлена *«помощь бедным и слабым»*.

Для практического проведения указа в жизнь в 1398 г. власти провели труднейшее, мероприятие – обмер всех частных земель и изъятие излишков. При этом население казенных земель становилось свободным, для его включения в списки свободных налогоплательщиков было проведено последнее крупное мероприятие реформаторов – всеобщая перепись 1401 г.

Неизвестно, сколько земель было реквизировано, но число свободных увеличилось вдвое. Если учесть, что сюда вошли некоторые новые группы и возвращавшиеся беглые, количество зависимых до реформы можно определить в одну треть трудоспособного населения страны. Чтобы не позволить числу зависимых снова вырасти, в том же году их количество в оставшихся чангах было резко ограничено.

На земли средних и мелких феодальных владельцев и на частные земли крестьян реформаторы не посягали, реформы проводились для служилых и их руками. Крестьян затронула лишь часть программы Хо Кюи Ли, касавшаяся ослабления малоземелья в дельте за счет переселения части безземельных в южные районы (север Центрального Вьетнама), куда им потом привозили жен и детей.

С 1401 г. в каждой провинции были учреждены общественные страховые амбары, из которых в неурожайные годы голодающему населению раздавали рис.

Число домашних рабов было сокращено; их переводили в разряд государственных; также была увеличена численность армии и улучшена ее организация.

Реформы, естественно, встретили резкую оппозицию крупных феодалов и придворных. Противники реформатора, воспользовавшись тем, что в 1400 г. он провозгласил себя императором и основал *новую династию Хо* (1400–1407), обратились в Китай за помощью против «узурпатора». Хотя Мины раньше признали Хо, это обращение было удобным предлогом для реализации их захватнических планов на юге.

Династия Хо начала готовиться к отпору; столица была перенесена на юг, строились мощные укрепления, усиленно обучались войска. Одновременно продолжались реформы: был отменен ряд чрезвычайных налогов времени последних Чанов, проведена новая перепись населения, было несколько уменьшено налоговое бремя, подверглось переработке уложение о наказаниях.

Но в таких условиях в 1402 г. Дайвьет начал новую войну против Тьямпы. В ходе этой войны Тьямпа заключила союз с Минами, чей флот уже начал движение в Южные моря. Вскоре Мины потребовали от Дайвьета территориальных уступок, и Хо Кюй Ли вынужден был отдать небольшие территории на севере. В 1406 г. в страну вторглась огромная минская армия. Армия Хо в 1407 г. была разбита, он сам и его ближайшие соратники попали в плен.

Но народ Дайвьета продолжал борьбу. Сторонники Хо, отдельные члены династии Чан, а чаще всего сами крестьяне организовывали отряды и вели непрерывную борьбу с врагом. С 1418 г. патриоты объединились вокруг вождя одного из отрядов, *Ле Лоя*, в 1428 г. возглавившего изгнание китайского войска.

Укрепление феодально-бюрократической системы при «Нижних» Поздних Ле (Ле Шо). В 1428 г. было объявлено о приходе к власти династии **Ле (1428–1788)**; первым монархом стал **Ле Лой** под именем *Ле Тхай То*. Это была новая, так называемая *Последующая династия Ле*.

Перед основателем новой династии и его ближайшими преемниками стояла задача восстановления экономики, и, прежде всего общинного хозяйства, разоренного войной. Крупные феодалы, уже ослабленные реформами Хо, не смогли за годы войны восстановить свое могущество. Сам Ле Лой располагал сильной армией, его авторитет полководца был очень высок, в его окружении было немало бывших чиновников – носителей реформаторских традиций.

Обладавший огромным авторитетом и государственными способностями, Ле Лой, воспользовавшись тем, что страна была ослаблена, предпринял попытку аграрного переворота, по масштабам равного реформам Хо. Поскольку крупные феодалы скомпрометировали себя фактом сотрудничества с захватчиками, то их владения были объявлены казенными.

Ле Лой, основной силой армии которого было крестьянство, сразу после победы произвел всеобщий учет и передел казенных земель в соответствии с числом крестьян. Все пустующие казенные общинные земли были переданы тем, кто их не имел, в том числе переселенным крестьянам из других общин. Запрещались продажа и захват казенных общинных земель. Примечательно, что захват казенных земель карался строже, чем частных. Свободно можно было занимать только необрабо-

танные земли. Были отменены налоги за два года. Это преобразование не затрагивало частные земли. Общины же были больше, чем ранее, подчинены государственной власти.

Земли получили и титулованная знать, и чиновники; вскоре появились и крупные частные владения с многочисленными зависимыми крестьянами, но не они определяли аграрную ситуацию. В целом реформы увенчались успехом и заложили основы экономического развития и внешнеполитических успехов Дайвьета в XV в.

Власти активно побуждали крестьян к обработке новых земель, казенных и частных, при условии уплаты налогов. Но не все крестьяне в разоренной стране могли наладить собственное хозяйство, документы того времени часто упоминают арендаторов казенных и частных земель. Некоторые бедняки готовы были идти и в зависимые, но это строго запрещалось. Одновременно государство боролось с распространением чангов, где сосредотачивались зависимые крестьяне. Запрещалось продавать или дарить земли, полученные за службу в условное владение или объявлять «своими» крестьян, сидящих на таких землях.

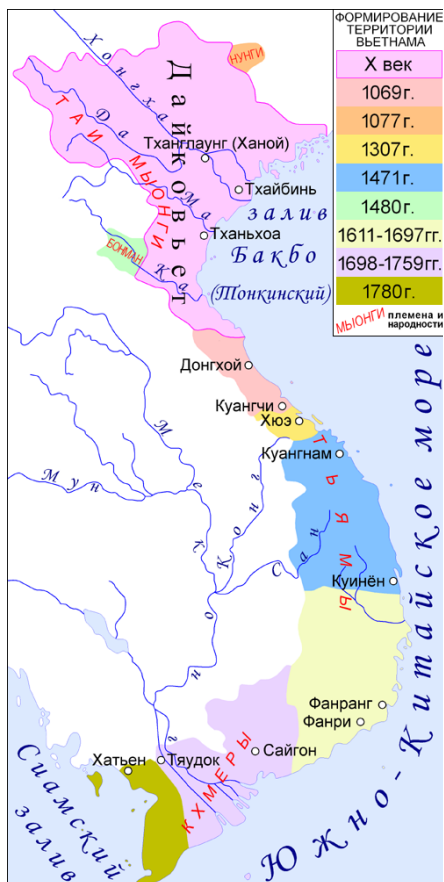
Последующие указы, уже вua **Ле Нян Тона** (1442–1454), были посвящены защите частного землевладения малых семей от распыления внутри большой семьи и от распродажи таких земель в интересах не ближайших родственников.

В целом к концу 50-х годов формы землевладения стабилизировались. Преобладали казенные, средние и мелкие частные земли. Были зафиксированы и виды налогов: поземельный и подушный. Но эта стабилизация осуществилась лишь в основных землях тогдашнего Дайвьета – дельте Красной Реки.

Большой размах, особенно с середины XV в., приняли работы по восстановлению и строительству новых дамб, плотин и каналов. В освоении затопляемых земель и пустошей кроме крестьян участвовала большая часть сотысячной армии.

Рост производства сельскохозяйственных продуктов стимулировал развитие ремесел и торговли. В государственных мастерских, известных под названием «Сто совместных производств», были сосредоточены ремесленники, специализировавшиеся на изготовлении вооружения и амуниции, одежды и утвари, предметов роскоши для двора и аристократии. Целые деревни, не порывая связи с земледелием, занимались выпуском шелковых и хлопчатобумажных тканей, гончарством, производством бумаги, вырезыванием печатных досок и другими кустарными промыслами. Продукция вьетских мастеров пользовалась спросом, как на внутреннем рынке, так и в других странах, особенно в Китае.

Но с конца XV в. прирост населения здесь уже не обеспечивался разработкой новых земель. Население поодиночке или малыми семьями частично переселялось на юг, но в целом Дельта стала областью растущего перенаселения. Земли на душу населения становилось все

меньше, что вынуждало государство признавать переход части крестьянских земель в категорию частных, облагаемых меньшей ставкой налога.

Иными словами, вышеописанная реформа, основанная на государственной централизации земельного фонда, была успешной лишь при демографической стабильности или наличии свободных земель. Но и того, и другого уже не было.

Реформы Ле были дополнены и отчасти закреплены созданием юридического кодекса («Хонг-дык»), отразившего формирование централизованной монархии и господство феодальной бюрократии. Этот свод законов, в котором нашло отражение вьетское гражданское право, был принят при правителе **Ле Тхань Тоне** (1460–1497).

Ле Тхань Тон был одним из наиболее образованных вуа, покровительствовал искусствам и наукам, тратил большие средства на образование. При нем была создана придворная «Академия двадцати восьми звезд».

Расцвет переживала национальная поэзия на вьетнамском языке и вьетнамским письмом. Складывались многочисленные труды по различным отраслям знаний.

Во многих статьях свода законов «Хонг-дык» были подробно разработаны меры наказаний за правонарушения, вопросы наследования, владения, торговых сделок и т. д. Было установлено правило, по которому крестьяне не могли покидать земли служилых чиновников не-возделанными. Армия и государственный аппарат получили стройную организацию, четко дифференцированную и централизованную: была проведена новая административная реформа, унифицировавшая административное деление страны, сложилась система учебных заведений и

конкурсных экзаменов, при помощи которых комплектовались гражданские и военные чины. Не менее важны были денежная реформа и налоговые преобразования, которые укрепили экономическое положение центральной власти.

Основной заботой центральной власти стало обеспечение резерва земель для поддержания чиновничества в условиях обострявшегося малоземелья из-за перенаселенности на Севере. И делалось это за счет все большего государственного контроля над общинными землями.

Но трудности, связанные с растущим малоземельем, усугублялись. Резко поднялись цены на рис, увеличилось число недоимщиков. В конце XV в. правители начали экономить на содержании аппарата; спешно строили рисовые склады и создавали запасы, одновременно активизировали переселенческую политику, что расширяло площадь казенных земель на юге; прекратили выдачу земель неслужилым группам феодалов, из деревень стали брать на военную службу только безземельных. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться.

Внешняя политика. Во второй половине XV в. Дайвьет, несмотря на внутренние трудности, вел успешные внешние войны, в результате которых территория государства была расширена и, главное, была решена судьба его основного соперника – некогда мощной Тямпы на юге. Прошло немногим более полувека, и Тямпа как единое государство перестала существовать. С разгромом воинственного южного соседа Дайвьет достиг вершины своего могущества в средние века, в том числе и решал проблему избыточного населения на севере.

КУЛЬТУРА ВЬЕТНАМА X—XV вв. Более чем тысячелетнее господство Китая (II в. до н.э. – XI в. н.э.) не могло не отразиться на развитии вьетской культуры. К X в. в стране была распространена китайская письменность и система образования, насаждались буддизм, конфуцианство и даосизм. С созданием государства Дайковьет началось постепенное вытеснения китайского влияния. Вьетскими учеными была изобретена собственная иероглифическая письменность, расширились масштабы ксилографического книгопечатания.

В литературных произведениях этого времени господствовала поэзия, которая отражала буддийское мирозерцание с воспеванием природы и праздного времяпрепровождения. Значительное место занимает также патриотическая тематика. Появились записи легенд и сказаний. В частности, труд Ли Те Сюена «Собрание таинств земли Вьет». Особое место в литературе того времени занимает Нгуен Чай (1380–1442), в творчестве которого заметно осуждение аристократов и творимого ими зла. В целом же поэты копировали по форме танскую поэзию, которая была далека от широких масс.

В 1272 г. был завершен первый исторический труд Ле Ван Хью «История Дайвьета», охватывавший период истории Вьетнама с III в. до н.э.

по XIII в. н.э. Спустя 60 лет Ле Так составил «Записки об Аннаме», где в одной из глав изложил сведения о древних городах, храмах и других архитектурных сооружениях Вьетнама. Кроме этих работ, к концу XV в. появилось еще несколько исторических сочинений: «Краткая история Вьет», «Текст и комментарии истории Вьет». С появлением «Полного свода анналов Великого Вьета» (1480 г.), автором которого был Нго Ши Льен, наметился новый период во вьетнамской историографии. Отныне историю страны ученые стали делить на две части: до конца китайского владычества (так называемая внешняя история) и период самостоятельного развития (основная история).

После освобождения страны, с XI в., в строительстве и архитектуре возобладал национальный стиль, характерный возведением малэтажных зданий из кирпича и дерева в сочетании с бассейнами и парковыми ансамблями, расположенными вдоль одной оси. Выдающимися памятниками вьетнамской архитектуры развитого средневековья являются пагода Мот Кот («Храм одного столба»), построенная на огромном пне дерева (1049 г.)¹, храм литературы в честь Конфуция («Ванмьеу», 1070 г.) – высшее учебное заведение для детей аристократии и высших сановников и комплекс императорских гробниц в Лангшоне (XV в.).

Храм одного столба

Значительные позиции в культурной и политической жизни страны занимало местное толкование буддизма – «тхиен», господствовавшее в X–XIII вв. Но в конце XIV–XV в., по мере роста бюрократического аппарата, значительные позиции во Вьетнаме приобрели неоконфуцианцы, чьи воззрения постепенно становились официальной философией

Храм литературы

чиновников и двора. К концу XIV в. буддизм «тхиен» окончательно перестал быть государственной религией. Шла массовая ликвидация буддистских монастырских владений. Но при этом в XV в. буддизм оставался наиболее массовой религией. Возможно, вытеснение буддизма было связано свыше описанными проблемами нехватки земли, которой у буддийских монастырей было много.

¹ В 1954 г. армия французских колонизаторов при отступлении уничтожила пагоду. Позднее она была восстановлена в первоначальном виде.

Таким образом, пройдя через серии войн и завоеваний, Вьетнам в средние века сумел создать и отстоять самостоятельное государство. Причем к середине II тыс. присоединим к нему и южного соседа с иным, этносом – Тьямпу, с которой с переменным успехом воевал длительное время. При этом агрессивность проявлялась обеими сторонами. Попытки же решать свои проблемы, прежде всего связанные с перенаселенностью, за счет западных и северных соседей успехов не принесли.

Следует также обратить внимание на то, что в условиях перманентной нехватки земель многие правители старались проводить сбалансированную социальную политику, не допуская разорения широких крестьянских масс, что в те времена было довольно редким явлением.

МЬЯНМА (БИРМА). ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БИРМЫ.

Население. Древнее название страны – **Мьянма** – означает «быстрый», «сильный». До 1989 г. страна официально называлась **Бирма**, под которым она была известна в зарубежной, в том числе и в русскоязычной литературе. Но оно произошло от английского обозначения Мьянмы после ее захвата англичанами в XIX в. и у населения было не популярным, ибо после восстановления независимости напоминало о колониальном прошлом.

Уже в эпоху бронзы население Мьянмы освоило земледелие, в основном – рисосеяние. С культурой риса было знакомо уже автохтонное *веддо-австралоидное население* Бирмы, которое затем было частично ассимилировано, но, по большей части, оттеснено к южному морскому побережью миграционными потоками северных *мон-кхмерских* и, несколько позднее, *тибето-бирманских* народов из Юго-Западного Китая. По-видимому, первые волны нового населения Бирмы появились на ее территории еще до эпохи бронзы. Ко II тыс. до н.э. там расселились предки всех ее современных народов; а с I тыс. до н.э. у них начался процесс перехода к раннегосударственным объединениям.

Тибето-бирманские племена, стоявшие наряду с монами у истоков рисоводства в Юго-Восточной Азии, и в Мьянме создали земледельческий рисоводческий комплекс достаточно рано¹. Однако переход к государственности произошел в регионе значительно позже, чем, например, в долинах Хуанхэ и Инда. Некоторые историки (Д. В. Деопик) связывают это отставание, прежде всего, с невозможностью первобытных коллективов региона перейти к строительству крупномасштабной системы ирригации, в том числе из-за демографического фактора – слабой заселенности территории вплоть до начала новой эры.

Медленная инфильтрация племен из Юго-Западного Китая на территорию Бирмы продолжалась почти два тысячелетия. В последние века до новой эры экспансия китайской Ханьской державы вызвала очередную значительную миграционную волну тибето-бирманских племен, которые достигли речных долин Центральной Бирмы.

Первые государства на территории Мьянмы отмечены в начале новой эры в условиях роста численности разнородного населения и усиления конфликтов между различными племенными группами за территории. Такая ситуация и стимулировала протогосударственные образования. Они создавались наиболее крупными этнолингвистическими

¹ И после официального переименования Бирмы в Мьянму народ этой страны в зарубежной литературе продолжают именовать *бирманцами* из-за удобства написания в разных грамматических формах.

Аракан

дукта. Сыграло свою роль развитие международного морского торгового судоходства, позволившее, в частности, ближе познакомиться с индийской государственностью и культурой.

Особо выделился географическим положением *Аракан*, протянувшийся узкой полосой вдоль восточного побережья Бенгальского залива и отделенного от Бирмы Чинскими горами. Он оказался в большей степени связан с Индией, чем с основной территорией страны. Не без влияния индийской цивилизации в Аракане появились и первые государственные образования. Традиция относит их существование к первым векам новой эры. Но известно о них крайне мало. Установлено, что первоначально в них распространились буддизм и брахманизм. В 788 г. столицей здесь стал г. Вейшали и оставался ею до конца XI в., так что и само *средневековое араканское государство* в историографии называют *Вейшали*. В дальнейшем население этой территории еще более отделилось от остального населения Мьянмы, а с X в. в Аракане распространился ислам.

Наиболее крупное из ранних государственных образований на территории остальной Мьянмы – *Шрикшетра* – существовало в IV–IX вв. и занимало большую часть территории страны. Оно было создано племенами *пью* и граничило на западе с араканским государством и с *монами* на востоке. Основная территория располагалась в долине р. Иравади. Таким образом, правители этого государства контролировали главную водную артерию страны и традиционный центр сельскохозяйственного производства (поливного рисоводства). Кроме риса в Шрикшетре выращивались просо и соя, хлопчатник и сахарный тростник («толщиной в человеческую ногу»), различные овощи.

группами. Переходу ряда племенных объединений Мьянмы от первобытнообщинного строя к цивилизации способствовало и создание новой технологии орошения риса в долинах крупных рек, что способствовало росту населения, освоению больших территорий и накоплению прибавочного про-

Шрикшетра

Интенсивность сельскохозяйственного производства в Шрикшетре основывалась на искусственном поливе полей с помощью многочисленных плотин, дамб и отводных каналов от основного русла реки в широкой долине полноводной Иравади. Народ пью научился использовать высокий ежегодный паводок реки, удерживать воду земляными валами и регулировать ее подачу для полива полей уже после спада паводковых вод. Коллективные работы общин, хотя и необходимые при рассадке риса и сборе урожая, были здесь менее необходимы, чем при строительстве крупных ирригационных сооружений в сухой зоне центра государства и в узких речных долинах севера. Домохозяйства своими силами могли справиться с поддержанием дамб и каналов.

Новая технология регулирования избыточных вод позволила освоить под культуру риса новые территории, способствуя переходу к соседским общинам и созданию государства. Ирригационные системы, созданные народом пью, впоследствии использовали бирманцы, создатели государства Паган (о нем – позднее).

Внимание китайских очевидцев привлекали и огромные размеры городов пью, их овальная в плане форма, двойное кольцо стен, облицованных керамической плиткой, выложенные кирпичом рвы и пр. Внутри городских стен наряду с жилыми кварталами и храмами находились рисовые поля, сады, огороды, водоемы. В китайских источниках, подтверждаемых археологическими данными,

Развалины храма

говорится о широком употреблении в стране металлов: золота – для ювелирных изделий и покрытия куполов храмов, серебра (скульптура, сосуды, чеканная монета, украшения), цинка и олова (для крыш зданий), железа (скобы для скрепления деревянных конструкций), бронзы и меди. Пью были искусными резчиками и камнетесами, гончарами и ювелирами, создателями первого храмового буддийского комплекса на территории Бирмы.

О государственном и социальном устройстве первого протобирманского государства известно немного. Китайские источники сообщают, что пью управляются царями, которые носят индийский титул *махараджа*. Найденные погребальные каменные урны царской династии, носившей тронное имя **Викрама**, и дешифровка выбитых на них надписей (алфавитом пью) позволили определить причину введения так называемой бирманской эры – летосчисления, принятого в Бирме и по сей день и

начинающегося в 638 г. н.э. Это был год восшествия на престол первого царя династии Викрама в Шрикшетре.

Погребения

Социальная дифференциация в Шрикшетре была уже значительной, и китайские источники подчеркивают ее описанием пышности и богатства, окружающих царя и его приближенных. Царь жил во дворце, украшенном золотом, серебром, коврами, выезжал в паланкине или на слоне, обладал сокровищами и гаремом; свитой окружала себя и знать. В отличие от простолюдинов, небольшие

погребальные урны которых делались из глины, царей хоронили в огромных каменных кувшинах на высоких кирпичных постаментах. Это подтверждают и археологические находки.

Возвеличивание и обожествление персоны царя – одна из причин принятия правящим сословием нарождающегося государства, в котором еще не было своих политических концепций, индийских религий. В целом, однако, среди земледельческого населения буддизм еще был распространен слабо. Анимизм, вера в духов, культ предков еще оставались неотъемлемой частью народной духовной традиции.

На северо-восточных границах Бирмы было создано *государство Наньчжао*. В VIII в. Наньчжао усилилось и в 755 г. нанесло поражение Китаю. Продолжая политику расширения государства, правитель Наньчжао, **Колофен**, отвоевал у Шрикшетры в 757 и 763 гг. верховья р. Иравади и заставил признать свой сюзеренитет.

В 832 г. войска Наньчжао захватили столицу Шрикшетры – город Халинджи, сровняли его с землей, а оставшихся в живых жителей угнали в плен. Постепенно упоминания о народе *пью* исчезли из исторических материалов, но первый опыт государственности в Центральной Бирме оказал самое непосредственное воздействие на дальнейшее развитие бирманских политико-административных и социально-экономических структур.

Ранние государственные образования *монских племен* возникли на южном побережье Мьянмы, как и в других ее частях, в первые века нашей эры. Однако центр монской государственности и культуры, к которому тяготели и моны Бирмы, лежал за ее пределами – в долине р. Менам (совр. Кампучия). Созданное здесь государство *Дваравати* не только контролировало в VII в. монские центры на бирманском побережье, но и оказывало воздействие на их государственное развитие.

Наиболее известными протогосударствами монов были прибрежные ранние территориальные объединения, которые вели активную

международную морскую торговлю и получили название *нагары*. Нагары состояли из собственно города, как правило, небольшого, но хорошо укрепленного и небольшой сельской территории. Крестьянство в основном занималось орошаемым рисоводством (обычно на болотистых участках аллювиальной дельты, расчищенных от джунглей и осушенных с помощью разветвленной сети каналов). Широкое распространение получило и рыболовство. Однако если в аграрном обществе отдаленного от побережья государства

Дваравати

Шрикшетра основным источником доходов являлась рента-налог с крестьянства, то в прибрежных нагарах материальной базой были богатства, накопленные в результате торговли, пиратства, обложения налогами иностранного купечества, монополий на ввоз и вывоз определенных товаров. Поэтому, несомненно, главным толчком к процессу создания государственности у монов было их включение в международную морскую торговлю в Индийском океане. То есть сложилась система приморских городов – государств, что напоминало Древнюю Грецию.

Нагары возглавляли правители, носившие индийские титулы и имена. Были восприняты и социальные нормы древней Индии – прежде всего деление на варны, что способствовало закреплению привилегированного положения правящего слоя.

Знать и простонародье в нагарах были разделены более резко, чем в «ирригационных» обществах. Здесь же большее развитие получил институт если не рабовладения, то работорговли, причем владеть рабами могла только знать. Несмотря на более высокий уровень развития товарно-денежных отношений в нагарах по сравнению с континентальными общественными порядками, скудость их аграрного сектора приводила к постоянной борьбе между ними за обладание человеческими и материальными ресурсами. К ней прибавлялись и войны с соседними государствами и племенами.

В VII–VIII вв. территория монских городов-государств расширялась за счет присоединения дельты р. Иравади, территории бывшей Шрикшетры.

В IX–X вв. моны уже освоили долину р. Чаусхе – главную рисовую житницу страны. Это позволило им создать экономический потенциал для объединенного государства в XI в. Однако монское государство не было столь централизованным, как аграрная Шрикшетра. Эпиграфиче-

ские памятники X–XI вв. свидетельствуют о расцвете нового монского центра — *Пеу*, основанного в 825 г. Сведения о нем есть в описаниях арабских географов и путешественников. По-видимому, объединенная монская держава, которую индийцы и кхмеры называли *Раманнадесой*, представляла собой не аграрную империю с выходом на морские торговые пути, а союз городов-государств, в которой главной функцией была морская (прямая и транзитная) торговля на международных путях. Внутренние, сельскохозяйственные районы оставались подчас в чисто формальной или даннической зависимости, сохраняя и свои центры.

Таким образом, в становлении государственности в Мьянме прослеживается дихотомия Север-Юг, основывающаяся на различных (природно-географическом (долина – побережье), экономическом (земледелие – торговля), этническом (бирманцы – моны)) факторах.

С III в. н.э. началось образование политических союзов, подчинение одних родов другими и среди других племен *монов*, а также родственных им *кхмеров*. Память об остром соперничестве между вождями, многочисленных случаях «узурпации власти» сохранили китайские источники. Однако в процессе этой борьбы местные общества вырабатывали механизм преодоления розни: им стали браки между представителями соперничающих родов. Подчинившиеся сильному роду не лишались прав на ношение оружия, но выступали как подчиненная военная сила. Могущество рода – военного гегемона, получавшего почетное наименование *кшатриев*, определялось не количеством земли, а его властью над другими родами, его социальными связями.

К V в. у монов и кхмеров возникают устойчивые общеплеменные центры: священные места паломничества, где складывается общий культ, и места межобластной торговли. Появляются ремесленные центры. Развитые земледельческие общины и торгово-ремесленные центры образуют города-государства, на их основе создается региональная экономика монов. Базой экономических общемонских связей было развитие металлообрабатывающих ремесел. Ремесленники владели плавкой и литьем (хотяковка не была развита), строительным делом. Железная руда, видимо, привозилась из западных районов Индокитая.

VI в. датируется появление у монов новых городов-государств. В VII в. их насчитывалось около двадцати; они тянулись полосой по долинам небольших рек от границ нынешнего Баттамбанга (Западная Кампучия) до северной части Малаккского полуострова.

Объединение монских городов-государств в VII в. происходило вокруг *Пра Патомы* с его знаменитым храмом Пра Мен – символом горы Меру. В прошлом это был общеплеменной центр – средоточие местных

Храм Пра Мен

культов. Наряду с буддизмом в обществах монов долины Менама распространялся индуизм. С VII в. устанавливается господство буддийского культа.

Новое государство получило название *Дваравати*. Оно не было централизованным: не обладало ни единой оросительной системой, ни общей казной или хранилищем риса,

на основании чего можно было бы сделать вывод о существовании государственного контроля над землей. Формирование аристократического правящего слоя шло через родство и браки.

Население в монских областях возрастало за счет пришлых, которые, однако, не становились равноправными исконным земледельческим жителям общин. Подчинение пришлого населения, а также рабов было источником силы как царского рода, так и знати монов, укрепляло социальные позиции знатных семейств, присваивавших привилегии на ношение золотых украшений, одежды из шелка, конного выезда, использование слонов.

В VI–VII вв. рост населения превысил критическую точку. Выход был найден в выводе части жителей с юга на север, где переселенцы, руководимые правительницей Камадеви, приступили к колонизации новых земель. Здесь возникло новое монское *государство Харипунджая*.

МЬЯНМА (БИРМА) В XI – СЕРЕДИНЕ XVI в.

В IX–XII вв. в долине Иравади формируется бирманская народность из переселенцев с севера – тибетской языковой общности. В XI в. создается крупное бирманское государство – **Паганская империя**.

Государство Паган (XI–XIII вв.). При первом правителе Паганской империи, **Анируде (Аноратхе)**, 1044–1077) было достигнуто объединение всех бирманцев вокруг Пагана (города в центральной части долины Иравади¹) и захвачено монское государство Татон в Нижней Мьянме (1057 г.). От моноов бирманцы переняли буддизм, ставший государственной религией, а также их хозяйственные достижения и международные связи монских родов.

Паган

Основатель государства – Аноратха – личность легендарная. При нем, как свидетельствуют предания, были заложены основы бирманского письма на базе графики *пали* и монского алфавита, получили развитие литература, различные искусства, прежде всего в их индианизированной мифологической форме. Видимо, определенное влияние на культуру Пагана оказал и Китай.

Сохранилось мало сведений о внутренней социально-экономической структуре тогдашнего паганского общества. Но то, что известно, вполне вписывается в привычные параметры восточного феодализма. В стране господствовала власть-собственность (верховная собственность) правителя на землю, существовали вассальные владения крупной знати, аппарат чиновников, а также крестьяне-общинники, которые платили ренту-налог в казну, либо поставленному над ними казной владельцу земли, аристократу и чиновнику.

Своего расцвета Паганское государство достигло при **Чанзитте (Тилуин Мана – 1084–1112)** и **Алаунситу (Кансу I – 1112–1167)**. Происходит «мо-

¹ От города *Паган*, основанного в 850 г. (тогда поселение было обнесено крепостными стенами).

низация» Пагана, ибо бирманцы в то время составляли меньшинство и воспринимались монами как варвары и грабители. Чисто бирманской оставалась, пожалуй, лишь армия. Моны же занимают ключевые посты в администрации, их язык становится равноправным с бирманским. Такая политика позволила на рубеже XI–XII вв. достичь в Пагане внутреннего мира. В эти столетия в долине Иравади были распаханы новые земли. В Верхней Бирме была создана сложная ирригационная система.

Но в дальнейшем, с усилением собственно бирманской знати такая политика стала вызывать протест со стороны ее представителей. Ситуация обострилась со смертью миротворца Тилуин Мана. В областях компактного проживания монов начались мятежи. Новый монарх – **Кансу I** – резко уменьшил влияние монов на жизнь государства. Они превратились из равноправных союзников в покоренный народ. В будущем это будет способствовать упадку Пагана, но на протяжении еще ста с лишним лет господство бирманцев было неоспоримым.

Развитие феодальных отношений привело к укреплению экономических и политических позиций светских и духовных феодалов, в особенности буддийской церкви. Попытки паганских правителей ограничить рост ее могущества закончились неудачей. Окрепшие землевладельцы вскоре перестали нуждаться в сильном правителе. Во второй половине XII в. обострилась борьба различных феодальных групп за власть, участились выступления покоренных народов. Паганское государство слабло.

В середине XIII в. над Бирмой нависла угроза монгольского нашествия. Ослабление экономической базы центральной власти и усиление феодальных усадеб в стране фактически открыли дорогу иноземному вторжению. В 1287 г. монгольские отряды заняли Паган.

Период раздробленности (конец XIII – начало XVI в.). Занятие монголами Пагана и части Верхней Бирмы ускорило распад Паганского государства. Стали независимыми отдельные из ранее завоеванных областей. На юге восставшие туземцы – моны – создали независимое государство *Пегу*; первым его правителем стал **Варефу** (1287–1296).

В Верхней Бирме усилились *шанские* племена. Они постепенно спускались с Шанского нагорья в долину Иравади и устанавливали свой контроль над рисовой житницей страны. В 1299 г. шаны заняли Паган, а в следующем году отразили наступление монгольской армии. Вскоре монголы должны были вывести свои войска из Бирмы. Но разгорается борьба между княжествами шанов и бирманским княжеством Таунгу за власть в Верхней Бирме. В 1365 г. наследник одного из правителей разгромленного княжества Сагаин основал город *Деа*, ставший столицей одноименного бирманского государства.

Но на юге моны остановили продвижение шанов. В правление Вареру был составлен первый из известных нам в Бирме кодексов законов – «Свод законов Вареру».

XIV – начало XVI в. были периодом типичной феодальной раздробленности. В Бирме образовалось большое число государств: Пегу, Ава, Таунгу, Аракан, Мохньюн и др. Моны были вынуждены отбивать нападения тайского государства Аюттия. Но *государство Пегу* в начале XV в. сохранило независимость и свою территорию. К XV в. относится его расцвет. Выросли города-порты, крупные торговые центры – Сам город Пегу и др. Государство Пегу поддерживало торговые и дипломатические отношения с Индией, Малаккой, Китаем. В 1435 г. в Пегу четыре месяца провел первый посетивший Бирму европеец – венецианец Николо ди Конти. В начале XVI в. в стране монов появились португальцы – послы, торговцы, солдаты-наемники. В 1519 г. в Мартабане была основана португальская фактория.

Социально-экономические отношения и государственное устройство средневековой Мьянмы. В эпоху Пагана начали складываться такие черты бирманского феодализма, как государственная земельная собственность, возникшая в процессе узурпации правителями земельных владений племенной знати, а также крупное землевладение храмов. Правящее сословие формировалось из родственников правящей семьи, бирманских наследственных владельцев, настоятелей монастырей, глав буддийских общин, правителей зависимых территорий, чиновников.

Но административный аппарат еще только создавался. Так, согласно преданиям, Высший совет государства появился в начале XIII в. К концу XII в. относится первое упоминание в бирманских летописях о постоянном войске – гвардии монарха. В бирманской деревне сохранялась община, выбиравшая своих старейшин и периодически перераспределявшая между своими членами общинные земли.

Культура Бирмы. В эпоху Пагана была создана бирманская письменность. Наиболее ранний ее образец – надпись, высеченная на камне в пагоде Мьязеди (1112 г.). В надписи восхваляются деяния правителя. Текст написан на четырех языках – пали, монском, пью и бирманском. Появились первые книги; они были написаны заостренной металлической палочкой (стило) на пальмовых листьях. Это были религиозные трактаты, придворные хроники, произведения на сюжеты на темы буддизма.

Правители Пагана стремились использовать единую религию – буддизм – в качестве идейного оружия при покорении и объединении различных по своему социально-экономическому и культурному уровню народов и племен Бирмы. Они старались превратить Паган в важнейший центр буддизма. Здесь возводились многочисленные пагоды, здания

для хранения священных буддийских реликвий и книг. В Пагане на территории около 40 кв. км было построено свыше 5 тыс. пагод; многие из них воссоздают – в специфическом бирманском стиле – наиболее знаменитые буддийские храмы Индии и других стран.

Бирманский архитектурный стиль и декоративное оформление сложились уже в XI в. Типичный бирманский храм был квадратным, его прорезывали концентрически расположенные коридоры. Над центральным массивом поднимались убывающие вверх террасы, заканчивавшиеся шпилем. Внизу и в центре храма помещалась статуя Будды. Широко известны храмы Пагана: Ананда, Швезандо, Швезигоун, Табынню (высота последнего более 60 м). Самым богатым из них по декоративному оформлению является храм Ананда. Каменные скульптуры этого храма изображают Будду в различные моменты его жизни. На терракотовых плитах-изразцах даны рельефные сцены на буддийские сюжеты. На верхних террасах размещены фигуры Будды и фантастических львов. Гребни крыш, карнизы, окна украшены лепным орнаментом; в стенах храма имеются ряды пилястр. Эпоха Пагана – яркий период в развитии бирманской культуры.

Храм Ананда

КАМБОДЖА

Этногенез кхмеров (камбоджийцев). Кхмерская народность сложилась в начале новой эры из древнего населения Южного Индокитая, испытавшего этническое влияние южных соседей – индонезийских племен и культурное влияние более развитых западных соседей – населения Индии. Но это влияние испытали лишь равнинные кхмеры. Их горные соплеменники, обитавшие в труднодоступных местностях, остались изолированными, что сказывалось на дальнейшей истории всего региона. Территория расселения – нижнее течение р. Меконг.

Место Камбоджи
в Юго-Восточной Азии

Ранние государства. Самым ранним государственным образованием у кхмеров на указанной территории считается Фунань (Фухань), упоминавшийся в китайских источниках во II в. н.э. По описаниям китайских путешественников, его жители – невысокие, темнокожие, курчавоволосые – занимались поливным мотыжным земледелием и рыболовством на многочисленных протоках Меконга. Важнейшей культурой у них был рис. Жили в небольших деревнях, но существовали у них и городские центры. Дома, зачастую довольно крупные, сооружались из камня и сырцового кирпича. Основное население – крестьяне были организованы в общины.

Первые надплеменные образования располагались в южные районах современной Кампучии. Создали их, вероятно, местные вожди. Но в III в. отмечена активизация индийского влияния. Выходцы из Индии составили правящий слой. По преданию, брахман Каундинья, основавший первую царскую династию в Фунани, женился на местной красавице Лю-е. Хотя индусы из брахманов и кшатриев не могли брать себе в жены женщин из низших каст, но вдали от Индии

эти законы нарушались. В Фунани индусы из высших каст легко шли на браки с местным населением, что привело к постепенной утрате кастовых различий и ассимиляции индусов кхмерами. Более того, в брахманские общины различными окольными путями проникла местная знать, что в будущем вообще привело к разрушению деления на касты. Тем более, что местное население было чуждо кастовым представлениям.

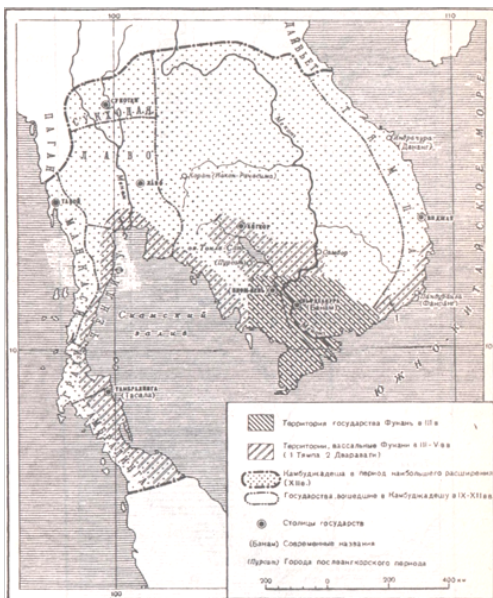
При индийской династии Фунань не только поддерживал тесные связи с Индией, но, через купцов, установил дипломатические отношения с Китаем. Торговые контакты прослежены и с более отдаленным Ираном, и даже Римом. III–IV вв. считается периодом расцвета экономики и культуры Фунани. Возводится столица. Заметно усиливается влияние Индии вводится индийская система летосчисления, индийская титулатура, на базе южноиндийских алфавитов создается местная письменность. Влияние Фунани распространилось и на территории современных Лаоса, Таиланда и Бирму. Но к V в. Фунань слабеет. Исследователи связывают упадок этого образования с изменением торговых путей: купцы стали плавать из Индии в Китай не вдоль берегов Фунани, а напрямую через Южно-Китайское море, что привело к упадку приморских обществ в низовьях р. Меконг. Отказ от захода в порты Фунани уменьшил доходы правителей, которые для их возмещения стали усиливать налогообложение населения, что привело к его перемещению в более северные земли, где они были подчинены кхмерскими народами, обитавшими на территории Северной Камбоджи и частично Таиланда. Китайцы называли эту территорию *Ченла Воды*. С VI в. это образование сливается с соседней восточной территорией, называемой *Ченла Земли* и возникает государство с новым названием *Срок-Кхмер*. Но и Фунань какое-то время продолжает существовать: последнее его упоминание в китайских источниках относится к VII в.

Раннее государство кхмеров было простым социальным организмом: правящий слой, знакомый с индийской культурой, вводил почитание индуистских божеств и сосредоточивался в общинных центрах. Земледельческое население кхмерских земель объединялось в общины: домовые – патронимии, и территориально-родовые. Родственные связи придавали этим коллективам особую прочность. Человек входил одновременно в несколько социальных общностей. Последние также включали несвободных – *даса*, подвергавшихся эксплуатации.

Общинные верхи, используя родоплеменные обычаи, одаривали вождей, присваивая в этих целях общинную и родовую собственность. Так общины становились данниками удачливых военных предводителей. Последние выступали от лица благородных родов – *кшатриев*. Имущество этих родов, называвшееся *ишвара* и заключавшееся в землях, оросительных сооружениях, деревнях, *даса*, наследовалось по женской линии. Рабство имело ограниченный характер, а эксплуатация свободных была эпизодической.

Камбоджа в VI–VIII вв. Объединение кхмерских земель – *пура* – военной силой началось кшатрийскими родами из долины р. Меконг. **Бхававарман I** (ок. 550 – ок. 600) и его брат **Читрасена** (после посвящения в правители – *Махендраварман* – (ок. 600 – ок. 612) подчинили ряд кхмерских земель. Так появилось государство *Ишанапуры*.

При сыне Читрасены, **Ишановармане I** (ок. 612–628), по данным китайской династийной хроники Суй, население Ишанапуры состояло из

**Формирование хмекерской империи
Камбуджадеша**

за его военные успехи и называют «господином земли», императором. Доблесть вождя импонировала воинственному населению: по данным китайских источников, оружие носил весь народ. Реформированная и усиленная армия Камбуджи начала наступление вдоль Меконга, дойдя до районов, где тогда жило родственное хмекерам население. На объединение военной силой хмекерских земель Джаяварман I потратил 20 лет, но после его смерти тотчас наступили «смутные времена».

Период возникновения ряда новых государств в VI–VII вв. отмечен значительными социально-экономическими сдвигами в хмекерском обществе, связанными с процессом феодализации. С этого времени ускоренными темпами развивалось крупное храмовое и светское землевладение. Монархи и аристократы щедро дарили храмам также зависимых людей, не имевших семей и земельных участков (*кньомов*), чей социальный статус был близок к положению раба. Земельные дарения были особенно распространены на севере, где монархи и крупные землевладельцы располагали обширными фондами земли.

В VII–VIII вв. оформляется и укрепляется новая социальная организация хмекерского общества. Объектом извлечения ренты-налога стали юридически свободные члены сельских общин (*анаки*). Они не только выплачивали государству подати, но и отбывали трудовую повин-

двадцати тысяч семей (ок. 100 тыс. человек). В конце VII в. в составе государства было тридцать городов, каждый управлялся наместником из местной знати. Область плотного заселения – военный «центр» – окружали периферийные «страны» – *виджайя*, сохранявшие значительную автономию. В них продолжали править местные хмекерские династии.

При правителе **Бхавармане II** (635–655) происходит объединение династий и возникает *династия Камбуджи (Ченлы)*. Появившегося затем правителя **Джаявармана I** (655–681) сохранившиеся надписи из разных районов воспевают

ность или государственную барщину, служили в армии. Их труд использовали для расширения площадей для посева, расчистки полей, строительства ирригационных систем. Однако часто возделанные их руками поля государство передавало частным владельцам, чем способствовало развитию крупной земельной собственности. Правда, такая практика имела и некоторые ограничения. Так, для передачи нови требовалось согласие *анак*ов соседних деревень. Деревня-община могла судиться по этому вопросу даже с храмами.

Среди светских землевладельцев стали выделяться хозяева больших обрабатываемых площадей, где использовался труд *кньом*ов. Последние постепенно приближались к статусу феодально-зависимых крестьян, они могли уже обзаводиться семьями, но и в VII–VIII вв. их еще продолжали продавать и дарить как в одиночку, так и семьями.

Кадры низших чиновников набирались из деревенских верхов, которые постепенно обособлялись от массы свободных общинников. Чиновников более высоких уровней набирали из числа мелких землевладельцев; а верхушка управляющего аппарата пополнялась за счет более крупных землевладельцев. На вершине общественной пирамиды находилась светская и духовная знать, обладатели высших титулов «людей священной государственности». В этом отождествлении божественного и государственного уже в VII в. были заложены основы культа бога-царя. Служители ведомства духовных имуществ составляли важную категорию чиновников государственного аппарата.

Помимо держаний светских феодалов, существовали владения духовных лиц, вишнуйских и шиваитских храмов, и буддийских монастырей. Их земли также обрабатывали *кньом*ы, поселенные маленькими группами рядом с полями. Нередко светский феодал часть своих земель посвящал построенному им же храму и тем самым становился совладельцем доходов с храмовой земли.

Крупные феодалы, вероятно, сами не занимались хозяйством. Если на севере, где шел интенсивный процесс поднятия нови, были в обычае дарения, то в центре страны, на старых землях, чаще прибегали к купле-продаже как полей, так садов и огородов. Все операции с землями утверждались монархом. Он же предоставлял различные иммунитеты землевладельцам. Кроме того, продажа давно освоенных земель в центре страны предполагала согласие и правителей городов. Новые их владельцы принимали на себя все обязанности старых хозяев перед государством. В целом же необщинное землевладение могло достигать трети обрабатываемых земель.

Основным объектом феодального владения была не деревня, а рисовое поле; кхмерский феодал мог иметь много полей в разных местах. Деревня же сохраняла свою общинную структуру, повинности и налоги крестьян (*анак*ов) определялись площадью обрабатываемой земли, а не размером урожая, что направляло их усилия на более интенсивную обработку существующих площадей. Расширять же размеры обрабатываемых земель было невыгодно.

Храм Прасат Краван. X в.

Во главе аппарата власти были поставлены пять министров. Страна оказалась разделенной на 30 областей. Однако некоторые аристократические роды сохранили наследственную власть над отдельными районами Камбуджи. И уже в 80-е годы VII в. стала все сильнее ощущаться борьба двух центров тогдашней кхмерской госу-

дарственности: центрального и южно-приморского. В начале VIII в. выступления правителей различных областей существенно ослабили центральную власть и, в конечном итоге, привели к распаду страны на несколько княжеств. На их основе затем сложились два государственных объединения, известные как *Камбуджа Земли* и *Камбуджа Воды*. Основой первого был бассейн р. Мун и прилегающие долинные районы среднего течения Меконга, второе охватывало районы к югу от р. Сап и дельту Меконга.

Ни одно, ни другое государство не могло стать центром объединения кхмерских земель. *Камбуджа Земли* охватывала обширную территорию, но там не было объективных возможностей для создания обширной ирригационной системы и возникновения на этой основе мощной экономической базы. *Камбуджа Воды*, хотя и более компактная, состояла из нескольких княжеств и практически никогда не была единым государством. В силу этих обстоятельств она также не могла выступить в роли «собирателя» кхмерских земель.

Перемены, происшедшие в кхмерском обществе в VII–VIII вв., оказали большое влияние на развитие культуры. Именно с этого времени специалисты отмечают появление специфических черт в местной архитектуре, где кирпичные башни-храмы начали группироваться в ансамбли. Эпиграфические памятники свидетельствуют о широком распространении кхмерской письменности. Синкретизирующие тенденции в религиозной жизни привели к распространению культа Шивы-Вишну.

Так постепенно, на фоне хозяйственного развития происходила консолидация племен, выделение знати и создания надплеменных форм правления – возникала государственность. Ее особенностью в регионе была непрочность крупных объединений, обусловленная, очевидно сложными природно-географическими условиями, затруднявшими централизацию и, в этих условиях, проявлялась сила местной знати. С другой стороны, незначительность прибавочного продукта не позволяла знати резко отделяться от рядового населения, что замедляло социальную дифференциацию и, следовательно, само государственное развитие.

АНГКОРСКАЯ КАМБОДЖА (КАМБУДЖАДЕША)

В средневековой истории Центрального Индокитая выделяется полиэтническая империя *Камбуджадеша*, возникшая в VIII в. После периода становления, длившегося до начала X в., выделяется время расцвета этого государства – X – начало XIII в. Затем наступил период угасания – XIII – середина XIV в.

Ранний период истории империи. Она возникла в процессе окончательной консолидации кхмерских земель в дельте Меконга и прилегающих районах.

В конце VIII – начале IX в. правитель одного из кхмерских княжеств на левом берегу Меконга **Джаяварман II** сумел путем завоеваний объединить разрозненные княжества. На захваченных землях он основал город, позднее названный Анг Нокор или *Ангкор*, от которого произошло и второе название создававшегося обширного государства.

Официально провозглашенный монархом в 802 г., Джаяварман II правил до 854 г. Он организовал широкие лесные расчистки и строительство городов к северу от Большого озера, где до этого не было крупных центров государственности. При нем начались широкие раздачи земель общин своим служилым людям – светским и духовным владельцам, которые, таким образом, становились феодалами. Они же и по собственной инициативе организовывали освоение нови.

Следует заметить, что рост крупного землевладения в это время шел еще не за счет разорения мелких и средних свободных землевладельцев, а из свободного земельного фонда. Для чего и велись расчистки, а также строительство каналов и водоемов. С IX в. представители деревень были обязательными свидетелями при сделках с землей.

В первой половине IX в. произошло оформление специфики кхмерского общества, в котором все более сливались светская и духовная власть. Приобрел законченный вид культ бога-царя (девараджи). Теперь кхмерское государство представляло собой неограниченную теократическую деспотию: всевластный монарх одновременно являлся и верховным богом.

В правление **Джаявармана III** (854–877) продолжалось экономическое и социальное укрепление созданного его отцом ядра империи. Он подготовил новую полосу объединительных и завоевательных войн в правление **Индравармана I** (877–889) и **Яшовармана I** (889 – между 900 и 912). Шли процессы объединения кхмерских земель и создания полиэтнической империи. При Индравармане I династический брак включил в государство старинные земли Бапнома, области вдоль Меконга и бассейн р. Мун. Объединение земель бывшей Камбуджи (Ченлы) было завершено.

Основой укрепления государства были мощный государственный аппарат, политико-религиозное единство народа, обширный слой сво-

бодных землевладельцев-общинников и индивидуальных владельцев земли. Индраварман I объявил себя сюзереном «Джавы» (малайское государство Шривиджайя), Чампы (Тьямпы), расположенной восточнее, и даже Танской империи в Китае, что, конечно же, свидетельствовало не о реальных владениях, а об имперских амбициях.

Опираясь на еще значительный фонд свободных земель к северу от Большого озера, ведя там силами крестьян большое ирригационное строительство и прибегая к щедрой раздаче освоенных земель, Индраварман I создал мощную экономическую базу для феодалов-чиновников, не подрывая в то же время крестьянского землевладения в старых землях долины Меконга. Отождествление бога и царя было в этот период реализовано в массовой пропаганде средствами архитектуры и изобразительного искусства, был воздвигнут первый из известных нам храмов правителей (Баконг).

Храм Баконг

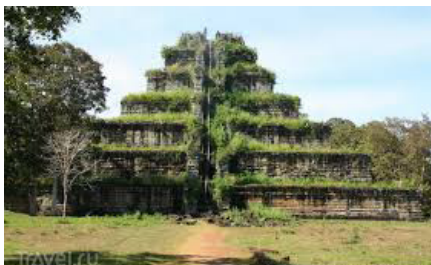
В конце IX – начале X в. продолжалось интенсивное освоение земель на северо-западе. Крупные ирригационные системы сооружались государством, а малые ирригационные системы и поля создавались и осваивались как светскими и духовными феодалами, так и общинами. Одновременно росли светские феодальные владения, располагавшиеся ближе к столице. Ее область превратилась в густонаселенный и в основном распаханный район. Здесь были простроены гигантские искусственные озера и 800 других резервуаров, а также целый ряд самоточных каналов. Столица быстро стала огромным, хорошо спланированным городом, который постепенно переходил в аграрные пригороды; дальше шли владения сановников и храмов, деревни свободных крестьян – анаков.

Храмы Ангкора

В середине X в. были возобновлены завоевательные походы. Была разгромлена и превращена в вассала Тьямпа – восточный сосед и постоянный соперник.

Период расцвета империи. Уже **Джаяварман IV** (921/927–948), перенесший столицу в Чхок Гаргьяр, к северо-востоку от Большого озера, видимо, пытался подавить сопротивление крупных придворных сановников и высшего духовенства усилению центральной власти. После 928 г. единственной столицей стал его новый город; перенесение столицы всегда знаменовало в Юго-Восточной Азии отказ от политики предшественников.

Остатки Чхок Гаргьяра

После победы над племянниками Джаяварман IV все усилия сосредоточил на укреплении центральной власти, проводя раздачу земель вокруг новой столицы империи.

Смерть Джаявармана IV почти немедленно повлекла за собой выступление против его наследника группы вельмож из прежней столицы – Яшодхарапуры, выдвинувших претендентом на престол малолетнего **Раджендравармана II** (944–968). К 944 г. эта группа одержала победу, столица вернулась в Яшодхарапуру.

Годы правления Раджендравармана II и его сына **Джаявармана V** (968–1001) были временем начала расцвета империи. Но при этом продолжались процессы размывания слоя зажиточных землевладельцев: свободные крестьяне и мелкие землевладельцы беднели. Среди свободных возросла роль чиновников, их условные владения начинают превращаться в наследственные вместе с должностями. Но в таких случаях права наследника должны были быть обязательно подтверждены монархом.

Основной формой увеличения земельных массивов духовных феодалов стала скупка земель. Распространяются оброчные хозяйства. Такие крупные социально-экономические изменения сопровождались ожесточенной политической и идеологической борьбой, которой начинается XI в.

В 1006 г. новый правитель – **Сурьяварман I** захватил столицу, и период усобиц был окончен. С 1011 г. были возобновлены завоевательные походы. На западе было полностью покорено государство *Лаво*. В распоряжении империи на длительный период оказался район, по богатству не уступавший рисовым очагам собственно кхмерских земель. Но другие земли на севере завоевать не удалось.

В последующие века расходы на удержание окраин все менее компенсировались доходами от них, но в XI в. расширение владений давало экономический эффект. В центральной, столичной области были сооружены второй гигантский резервуар и сложная система водоемов, водопроводов и каналов. Эта система была чрезвычайно сложна и стоила дорого. Большие средства были потрачены и на дальнейшую пропаганду культа дева-раджи. Одновременно увеличивалась доля расходов на строительство царских резиденций и различных городских светских сооружений.

Преемники Сурьявармана I в основном закрепляли уже достигнутое, хотя их религиозная политика была иной. **Удаядитьяварман II** (1050–1067), в отличие от отца был сторонником шиваизма. Его политика встретила вооруженное сопротивление. Укрепление позиций шиваистского духовенства и связанных с ним чиновников-священнослужителей, возможно, послужило причиной конфликта правителя с крупными военачальниками. Но императорской армии удалось подавить восстания.

Однако в 1067 г. власть перешла к другому монарху, **Харшаварману III** (1067–1080), продолжавшему укреплять позиции шиваистской знати. При нем развернулась война на востоке, где кхмерское наступление было отбито со значительными потерями и постоянные соперники – тьямы дошли до берегов Меконга. В 1080 г. началась новая война с Тьямпой и кхмеры были разбиты.

В такой обстановке в империи образовались сразу два политических центра и между ними началась длительная вооруженная борьба за власть. Это была борьба между столичной и периферийной знатью, продолжавшаяся до 1107 г. В результате к власти пришел **Сурьяварман II** (1113–1150).

К этому времени произошли важные изменения в аграрных отношениях, социальной структуре и политике феодального государства. Сложилась система эксплуатации в общегосударственном масштабе, не требовавшая личной постоянной экономической зависимости от конкретного феодала или мелкого землевладельца. Формируется единый слой государственного и в меньшей мере частнозависимого крестьянства. Вмешательство в деятельность крестьянина практически исчезает – получателя интересуют только объем оброка.

XII в. ознаменовался и некоторым укреплением феодалов – наследственных землевладельцев. Что касается положения общины, то

ее представители, раньше неперенные участники земельных сделок, с XI в. исчезают из документов в этом качестве; во всех земельных операциях упоминаются только государственные чиновники.

Сурьяварману II удалось, как отмечалось, завоевать Тямпу, но эта война была упорной и дорогостоящей, как и последующее удержание Тямпы в подчинении. Войны с северным соседом Тямпы – Дайвьетом – больших побед и каких-либо территориальных приращений не дали.

Но в целом империя при Сурьявармане II сильно разрослась и может быть даже сравнима с Сунской империей в Китае. Она контролировала почти весь Индокитай: на юге ее владения доходили до перешейка Кра (на Малакке), с запада на восток простирались от границ Пагана до побережья современного Южного Вьетнама. Ее населяли кроме кхмеров родственные им тьямы, моны, таи, малайцы, многочисленные горные народности. Поддержание контроля над этими землями стоило огромных средств, но пока западный очаг (район Яшодхарапуры) мог поставлять людские кадры и был экономически силен, империя также была прочной.

Религиозная политика Сурьявармана сохраняла курс на сосуществование религий. Сам Сурьяварман II был вишнуитом, что способствова-

ло религиозной толерантности, свойственной этому течению. При нем была сделана попытка шире распространить элитарный культ дэвараджи за счет увеличения религиозного строительства. Но, поскольку храмы, строительство которых стало более массовым, оставалось пышными, как того требовал культ бога-царя, они становилось все более дорогостоящими.

Во второй половине XII в. после серии внутренних кризисов (крестьянское восстание, дворцовый переворот) при **Джаявармане VII** (1181—около 1200), к 1186 г. владения империи расширились до современного Вьетнама. Все правление этого монарха было временем успешных войн и ограбления завоеванных территорий.

Империя в период расцвета

Он устранил соперничество двух кхмерских династий, объединив их в своем лице. Им же была введена система прямого управления в ряде ранее вассальных владений; продолжалось насаждение кхмерских феодалов-чиновников и духовенства на окраинных территориях.

Наиболее важной мерой была религиозная реформа, укрепившая «демократические» формы буддизма. Необходимость усиления новой государственной религии вызвала к жизни небывалую строительную активность: перед строителями и архитекторами явно была поставлена задача перекрыть число небуддийских сооружений в столице. Помимо знаменитого своеобразием и красотой Байона были построены другие великолепные храмы. Основное строительство шло в столице, откуда распространялся новый культ. Для «объясняющей» проповеди буддизма создавались средние и высшие школы, где спешно готовили массовые кадры образованных монахов.

Храм Байон

В целом все правление Джаявармана VII было временем успешных войн и ограбления завоеванных территорий. Это способствовало прочности экономического положения, что позволяло вести широчайшее строительство, не вызывавшее внутреннего напряжения. Такое же положение сохранялось и при его сыне – **Индравармане II** (1220–1243).

Упадок империи в XIII – первой половине XV в. Но к середине XIII в. наметился экономический кризис, связанный с истощением почв и водных ресурсов столичной области, понижением уровня воды в основной реке района. Все это вызвало упадок сельского хозяйства, начался постепенный уход крестьян из района столицы. Стал иссякать важнейший источник доходов и людских ресурсов.

При **Джаявармане VIII** (1243–1295) усиливаются шиваиты; буддизм отошел на второй план, хотя в столице и провинциях его влияние сохранялось. Но сам факт религиозной борьбы и противопоставления политики двора общим массовым тенденциям в стране привел к ослаблению империи. Положение в верхах также было беспокойным. Насколько можно судить, Джаяварман VIII пришел на трон (как и ушел с него) путем переворота: страна погрузилась в пучину религиозной борьбы, ослаблявшей империю.

Немалую роль в наметившемся упадке империи сыграло и то, что военные силы ее в 80-х гг. XIII в. были оттянуты на восток для отраже-

ния монгольского нашествия. Усилились центробежные тенденции на нехмерских окраинах. Началось вытеснение хмерских гарнизонов из тайских городов, возникло тайское государство *Сукхотаи*. Когда же во время борьбы с монголами в 1283–1287 гг. восстановило свою независимость монское государство *Лаво*, начавшийся распад империи стал очевиден. Тем не менее, блеск Камбужадеши по-прежнему поражал современников, и только прогрессирующее обеднение западного рисового очага подрывало экономику.

Надо заметить, что процессы упадка империй охватили в XIV–XV вв. весь Индокитай: *Паган* (совр. Бирму), *Шривиджайю* (Западную Индонезию и Малайю), век спустя – яванскую империю *Маджапахит*. Повсюду в Юго-Восточной Азии на месте полиэтнических империй в это время возникли меньшие по размерам, но более высокоразвитые по своей социальной организации моноэтничные государства. Одним из них и становится хмерский центр империи Камбуджадеша, с конца XIII в. уже называвшийся своим современным названием – *Камбоджа*.

Она оставалась богатым и процветающим государством. Жители столицы имели в услужении по нескольку «рабов». Власть монарха по-прежнему была сильной, а престиж его – высоким. Население страны исповедовало в основном буддизм; везде стояли изображения Будды. Образование также полностью находилось в руках буддийских монахов. Последние часто были государственными чиновниками. Сохранились имперский династический миф и культ девараджи в его буддийском варианте.

Начало 90-х годов XIII в. было временем отказа правящей верхушки от чреватых внутренними конфликтами реакционных экспериментов с реставрацией шиваизма, тем более что все развитие общества обуславливало дальнейшее распространение буддизма, и двор не мог длительное время идти против течения.

Монарх-шиваит **Джаяварман VIII** был свергнут своим зятем, главнокомандующим, правившим под именем **Шри Индравармана III**. Буддизм стал господствовать в стране, индуизм сохранился лишь в качестве одного из придворных культов. При Индравармане III официальным языком стал язык буддизма – *пали*, сменивший санскрит. При нем продолжалось развитие экономики и культуры, спокойным было внутреннее положение.

Но шиваитским кругам трудно было отказаться от вековой привычки властвовать. Когда в 1308 г. Шри Индраварман III ушел в монастырь, власть при неясных обстоятельствах перешла к **Индраджаяварману** (1308–1327), который предпринял последнюю попытку восстановить шиваизм как государственную религию. Он начал с разрушения буддийских храмов и преследования буддистов. Попытка продолжения этой полити-

ки **Джаяварманом IX** (1327–1336) привела к открытому возмущению. Он был свергнут и, судя по некоторым свидетельствам, убит. Политический центр империи был необратимо ослаблен этой борьбой, и вскоре империя Камбуджадеша начала распадаться.

После периода безвластия в 30-х годах XIV в. на троне оказался человек «из низов», ставший приблизительно в 1336 г. основателем новой династии. Это был **Чай** (1336–1340).

Во второй половине XIV – начале XV в. кхмерам вновь пришлось отражать частые нападения Сиам и Тьямпы. В 1432 г. сиамцы захватили и разграбили столицу – Ангкор. Могучая средневековая империя – Ангкорская Камбоджа – прекратила свое существование.

Культура. XI–XV вв. были периодом расцвета камбоджийской средневековой культуры. Ею кхмерский народ по праву гордится и поныне.

Господствующими религиями этого времени были брахманизм в двух его проявлениях – шиваизме и вишнуизме – и буддизм. Установился культ девараджа – «бога-короля», что нашло отражение во всем искусстве, и в частности в архитектуре.

Основным элементом кхмерской архитектуры в эту эпоху считается святилище, сооружавшееся в виде ступенчатой пирамиды, симметричной по отношению к осевой линии всего сооружения и увенчанное центральной башней, символизировавшей гору Меру – обитель богов. Этот архитектурный тип получил развитие в течение всего Ангкорского периода.

Большой интерес представляют эпиграфические памятники этого времени; их обнаружено уже свыше тысячи. Надписи составлялись на двух языках – санскрите и кхмерском. Языком двора, религии и науки стал санскрит. При королевском дворе всегда находились ученые, астрономы, врачи, архитекторы, развитие наук поощрялось. Одним из видных ученых того времени считался Садашива, занимавшийся механикой, астрологией, искусствами.

Многовековую традицию имеет и хореографическое искусство Камбоджи. Наибольшего расцвета кхмерский балет достиг в IX–X вв. В XII в. – в период расцвета Ангкорской империи – при храмах были тысячи танцовщиц. О распространении этого вида искусства можно судить по надписям на стелах, в которых содержатся сведения о танцевальных представлениях, различных музыкальных инструментах, а также по барельефам, где запечатлены сцены обучения танцу и многочисленные процессии музыкантов.

Большой популярностью в народе пользовались состязания борцов и боксеров, выступления циркачей.

Именно в эпоху средневековья сформировалась единая кхмерская культура, оказавшая уже в тот период (как и позднее) значительное влияние на соседние лаосские и тайские народы.

Храмовый комплекс Ангкор-Бат. XIII–XIV вв.

ТЯМПА (ТЪЯМПА, ЧАМПА)

Предыстория. Народ – *тямы* (чамы) и государство *Тямпа* неоднократно упоминалось в главах о Вьетнаме и Камбодже. Тямы – народ малайского происхождения, на восточном побережье Индокитая (совр. Южный Вьетнам) появились в I–II вв. н.э., возможно, переселившись с юга, с о. Борнео.

Самое раннее государственное образование на указанной территории – княжество *Линь*, основанное в конце II в. китайцами – переселенцами из находившейся в упадке империи Хань. В III–IV вв. индийские переселенцы повлияли на создание новой культуры, основанной индийских традициях. На базе санскрита возникла местная письменность – язык *тям*. По одной из надписей в 349–361 гг. там правил индуистский князь *Бхадраварман I* под именем бога Бхадресвара, который почитался и в средневековой Тямпе.

Известно, что во второй четверти VI в. правитель Линь Сабхуварман предпринял поход на север, в земли вьетов, но потерпел неудачу. В 605 г. Линь было разгромлено китайцами (династией Суй), которые вырезали войско Линь и захватили его столицу *Хьюэ*. В 620 г. жители разгромленного княжества признали себя подданными китайской династии Тан. Последний правитель Линь погиб в 756 г., а с 877 г. в китайских источниках впервые появляется название «Тямпа».

Башня в Мишоне

Развитию нового государственного образования способствовало участие в транзитной торговле между Китаем, с одной стороны, и Индией, Арабским халифатом и индонезийскими островами – с другой. Тямы контролировали торговые пути, промышляли и пиратством. Соседи, *кхмеры* на западе и *вьеты* на севере в VII–X вв. конкурентами еще не были.

Период наибольшего расцвета княжества пришелся на X в. В архитектуре тогда ощущалось сильное влияние Индии. От того времени сохранилось два храмовых комплекса: в Мишо-

Тямпа в XI в.

не и Понагаре. В X в. тямы – торговцы принесли на свои земли ислам, но массовой религией он стал лишь в XVI в.

Но уже со второй половины X в. отмечаются все нараставшие столкновения княжеств Тямпы с кхмерами и вьетами, которые постепенно привели ее к упадку. В 979 военный флот Тямпы был уничтожен штормом и спустя 3 года север ее был захвачен Дайвьетом. После столкновений 1021 и 1026 годов вьеты сумели захватить и южные земли; князья Тямпы согласились платить дань Дайвьету. В 1065 г. правитель Тямпы Рудраварман III восстал и был разгромлен вьетами, разорившими город. Князь попал в плен и заплатил выкуп собственными землями. За этим последовала пятнадцатилетняя смута в южных княжествах Тямпы, вновь объединённых в 1074 г. при князе **Харивармане IV**. Этот правитель установил мир с Дайвьетом, но спровоцировал нападение кхмеров. Дважды, в 1080 и в 1140-х гг., вторжения кхмеров ставили Тямпу на грань исчезновения; в 1177 г. воинственный князь Тямпы **Джая Индраварман IV**, договорившись о мире с вьетами, построил на Меконге речной флот и разгромил столицу кхмеров. В 1181 г. кхмеры изгнали захватчиков, а в 1190 г. сами захватили Тямпу и править ей поставили марионетного князя, который, однако, сумел подавить гражданскую войну и в итоге объявил себя независимым правителем. Он продержался до 1203 г., когда кхмеры, подавив сопротивление, присоединили этим земли к своему государству.

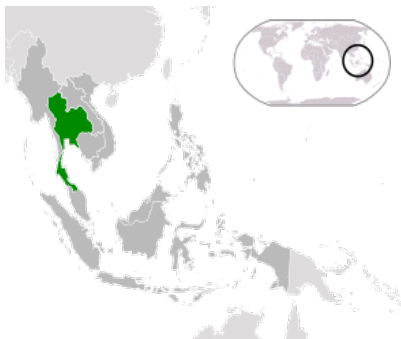

Комплекс в Понагаре

В 1282–1283 гг. южную Тямпу – *Виджайю* разгромили монголы Хубилая, Монголо-китайская армия переправилась в Тямпу морем, в обход сопротивлявшегося Дайвьета. После длительной осады Виджайя пала, но способные носить оружие тямы ушли в горы. Посланный против них отряд монголов был истреблен в засаде. В 1284 г. монголы вынуждены были заключить с **Индраварманом V** почетный мир и покинуть страну. Последним сильным правителем Тямпы был **Те Бонг Нга** (1360–1390). Объединив земли тямов, он совершил ряд успешных походов на Дайвьет, но в 1388 г. был разгромлен вьетнамцами. После войны середины XV в. в 1470–1471 гг. вьетнамцы, собрав мощную армию, подавили сопротивление тямов и уничтожили их государство – *Виджайю*. Результатом разгрома стала первая массовая эмиграция тямов, бежавших на Филиппины, острова Индонезии и Хайнань (остров на юге Китая, где превратились в этническую группу «уцзулы»). С тех пор земли Тямпы вошли в состав Вьетнамского государства.

Таким образом, самостоятельно тямы жили в I и началом II тыс. н.э. Затем большая их часть оказались под властью Вьетнама, меньшая – Камбоджи.

ЛАОС В XI–XV вв.

Место Лаоса в Юго-Восточной Азии

В первые века нашей эры долина Меконга и вся территория Лаоса была заселена пришедшими с востока тайскими народами, часть из которых к концу X в. продвинулась и в пределы современного Таиланда. Расселяясь в речных долинах, *таиязычные племена*, ядро которых составляли *лао* и *тхай*, вытесняли прежнее население – *монов* – в горы и основывали укрепленные поселения¹. Вокруг этих центров возникали небольшие ран-

негосударственные образования во главе с бывшими родоплеменными вождями. Но эти процессы шли медленно даже в сравнении с соседними землями.

Образование единого государства Лан Санг. К XIII в., несмотря на постоянные междоусобицы, на севере Лаоса довольно прочно утвердилось несколько княжеств. В середине XIV в. правитель одного из них – *Муонг-Сва* – по имени **Фа Нгум**, воспользовавшись ослаблением кхмерской империи (Камбуджадеша), в зависимости от которой долгое время находилось его княжество, отделился и повел борьбу за объединение лаосских территорий.

До этого Фа Нгум долгое время находился при дворе кхмерского правителя, получил духовное образование и воспринял буддийское учение *тхеравады*². Вернувшись на родину, он предпринял серию завоевательных походов, подчиняя одну за другой соседние области силой оружия или вынуждая их правителей присоединяться к Муонг-Сва. Население захваченных земель было обязано платить дань золотом, серебром, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, а также поставлять слонов и носильщиков для армии.

В 1351 г. Фа Нгум направил свои войска на восток, против Дайвьета, и присоединил к своему государству три горных района. К этому времени относится первое определение границ между лаосцами и вьетами,

¹ *Моны* и родственные им *кхмеры* – более раннее население региона, сменившее здесь древнее аустроазиатское население.

² Согласно этому учению, ставшему индокитайской формой буддизма, вместо учения о нирване основной стала идея накопления религиозных заслуг как пути к спасению. Эти заслуги, согласно тхераваде, сказывались на карме человека, на его будущих перерождениях. Тем самым данное учение не вело к уходу от жизненных реалий, а способствовало приспособлению индивидов к существовавшим порядкам.

основанное на этническом и географическом признаках. Приблизительная граница проходила по водоразделу между бассейнами рек Меконга и Красной.

После установления своего господства и над северной частью современного Лаоса Фа Нгум в 1353 г. объявил себя правителем государства **Лан Санг** («Страны миллионов слонов»). Почти все взрослое население Лан Санга, насчитывавшее в то время около полумиллиона человек, было втянуто в непрекращавшиеся военные действия. Вскоре были захвачены земли вокруг города Вьентьян, а также северо-восточные районы, принадлежавшие кхмерскому государству.

Всего за несколько лет лаосской экспансии было образовано огромное по размерам государство от р.Черной на востоке до р.Салуен на западе, от нынешних северных границ Лаоса до оз. Тонле-Сап.

В XIV–XV вв. государство Лан Санг являлось конгломератом народов, стоявших на различных ступенях социально-экономического развития. В удобных для рисоводства равнинах развивались феодальные отношения, тогда как у горных народов еще только начиналось социальное расслоение и преобладало подсечно-огневое земледелие.

Столицей Лан Санга был г. Муонг-Сва – центр одноименного княжества, располагавшийся на левом берегу Меконга у впадения р. Намкан. В начале XV в., когда из Камбоджи сюда была доставлена знаменитая золотая статуя Будды – Прабанг, город переименовали в Луанг-Прабанг.

Громадные военные и другие непроизводительные расходы разоряли население еще окончательно не упрочившегося государства, вызывали недовольство масс, чем воспользовались военачальники, в конце концов свергнувшие Фа Нгума.

В конце XIV – начале XV в. в Лан Санге установилась наследственная монархия с разветвленным чиновничьим аппаратом. Высшие посты в государстве принадлежали членам монаршей семьи, занимавшим должности министров и наместников. Самой крупной административной единицей был округ (муонг), низовой ячейкой – деревенская община.

По переписи 1376 г. население Лан Санга составляло около 2 млн жителей. Из этого числа выделялось около 300 тыс. мужчин из этнической общности *тхай*, стоявшей на более высоком уровне экономического, социального и культурного развития по сравнению с другими группами тибето-бирманского и мон-кхмерского населения. Тхай пользовались большими привилегиями, но зато на них лежала основная воинская обязанность перед государством. Поэтому король **Сам Сена Тхай** (1373–1416) присвоил себе титул «Владыки трехсот тысяч тай», хотя кроме них в стране насчитывалось еще 400 тыс. мужчин нетхайского происхождения. Буддийские монахи составляли особую категорию, ос-

вобожденную от уплаты налогов. Последнее обстоятельство служило основой для быстрого роста численности духовенства и увеличения богатств буддийской церкви.

В 1477 г. началась война между Лан Сангом и его восточным соседом – Дайвьетом. Пять вьетских отрядов, наступавших на Вьентьян, были встречены 200-тысячной лаосской армией. После ряда упорных сражений армия Лан Санга была рассеяна, монарх бежал и вьеты овладели городом. Однако победа, одержанная ценой больших потерь, и трудности контроля над завоеванными территориями вынудили вьетские войска уйти, и через несколько лет Лан Санг перестал платить дань агрессивным соседям.

Лаосская культура. Огромное воздействие на формирование национальной лаосской культуры оказал буддизм, впитавший в себя древние анимистические верования во вредоносных и добрых духов «пхи». В Лаосе были распространены местные формы буддизма его южной ветви. Буддийская церковь, став опорой правящих слоев лаосского государства, в свою очередь получала всевозможную поддержку его правителей. Уже позднее, в начале XVI в. монарх *Фотисара* запретил местные верования и приказал уничтожить небуддийские святыни. Тогда же и началось активное строительство буддийских храмов в Лаосе.

В XIV в. наряду с каноническими книгами, написанными на южноиндийском алфавите грантха, появляется лаосская письменность «тхам», которую поначалу использовали для записи священных текстов, а затем – и для фольклорных произведений, исполнявшихся сказителями на празднествах. Но сведения исторического характера, сохранившиеся об этом периоде, очень фрагментарны, и большая часть их посвящена описанию деяний правителей Лан Санга.

ТАИЛАНД (СИАМ) С XI ДО СЕРЕДИНЫ XVI в.

Становление государственности. *Тайцы* пришли на современную территорию Таиланда с севера, из Юго-Западного Китая¹. Миграция тайских народов в южном направлении усилилась с IX в. Постепенно проникая в долину р. Менам, они селились небольшими группами среди *монов* и *кхмеров*.

Моны и кхмеры – родственные племена, появившиеся в регионе незадолго до начала новой эры. У них, очевидно, под индийским и буддийским влиянием, в IV–VII вв. начали формироваться некие протогосударственные образования, что сопровождалось междоусобными конфликтами. Но пока моны и кхмеры выясняли таким образом отношения друг с другом, с севера волна за волной стали мигрировать на юг тайские племена.

Еще в VII в. они, возможно, смешавшиеся с тибето-бирманским населением, создали на территории современного Южного Китая (провинция Юньнань) *государство Наньчао*. Оно просуществовало в качестве независимого политического образования вплоть до нашествия монголов в XIII в. и оказало немалое воздействие как на успешную миграцию тайских племен на юг, так и на проникновение туда многих элементов китайской культуры и политического устройства. Мигрируя волнами на юг и смешиваясь с местным мон-кхмерским населением, тайские племена в XI–XII вв. стали явно преобладать на территории позднейшего Таиланда.

Оседание тайцев в районах, где уже шло образование государств, углубило процесс сословного расслоения в тайском обществе. Появляются небольшие города-государства тайцев в верховьях Менама и в долине Меконга.

Долина Менама в этот период находилась под контролем Ангорской Камбоджи. Тайские государства, возникшие в XII в., были вынуждены либо подчиниться кхмерам, либо воевать с ними. Однако борьба между Ангорской Камбоджей и бирманским государством Паган, ослабление Камбоджи в XIII в. позволили тайцам установить свое господство в долине Менама. В 1238 г. два тайских вождя разгромили армию кхмеров и заняли г. Сукотай – центр кхмерского влияния в северной части долины Менама. Здесь и было создано первое в Таиланде крупное независимое тайское государство.

Государство Сукотай достигло своего расцвета во второй половине XIII в., в правление **Рама Камхенга** (1277–1317). Захват монголами южнокитайских земель в середине XIII в. вызвал новую волну миграции

¹ *Таи* (свободные) – самоназвание народа. *Таиланд* – Страна свободных. *Сиам* – название Таиланда в XIV–XX вв. (до второй мировой войны).

тайцев в долину Менама. При этом дальнейшее ослабление и распад Ангкорской Камбоджи благоприятствовали расширению территории государства Сукотай в южном направлении. Тайцы дошли до устья Менама и проникли на Малаккский полуостров. Тайские войска появлялись даже в Тямпе. При Раме Камхенге вассальную зависимость от Сукотай признавали Луанг-Прабанг, моны Нижней Бирмы.

Надо заметить, что помимо Сукотай в бассейне Менама существовали и другие тайские государства.

Но возвышение государства Сукотай оказалось кратковременным. В первой половине XIV в. произошли восстания в присоединенных землях. Обострилась борьба за власть в самом Сукотай. Этим воспользовался правитель небольшого тайского государства *Утонг*, расположенного в южной части долины Менама. Он провозгласил свою независимость и основал в 1350 г. новую столицу – *Аютию*.

Борьба государства Аютия за объединение Сиам. Город Аютия расположился на острове у слияния рек Менам и Пасак, на пересечении важных торговых путей. Первоначально город был небольшим, стены его – глинобитными; все дома и даже двор правителя были сооружены из дерева.

Однако вскоре Аютия стала военным и политическим центром тайцев в борьбе против кхмеров, и это способствовало ее усилению. Уже при первом правителе нового государства, **Рама Тибоди I** (1350–1369), начинаются походы тайских войск в глубь кхмерской территории. Вмешавшись в борьбу за власть в Сукотай, Рама Тибоди I в 1354 г. добился официального признания независимости своего государства.

Государство Аютия (Сиам) стало самым сильным из всех тайских государств в долине Менама и выступило в роли объединителя тайских земель, создателя единого сиамского феодального государства. Войска Аютии совершают ряд опустошительных набегов на земли Сукотай. В 1378 г. Сукотай было вынуждено признать свою вассальную зависимость от Аютии. В конце XIV – начале XV в. сиамские армии неоднократно вторгались в соседние земли. При этом они впервые применили огнестрельное оружие – пушки.

Военное и политическое усиление Аютии продолжилось в XV в. Объединение тайских земель этим государством протекало в условиях ожесточенной борьбы с Камбоджей, Бирмой, лаосскими княжествами.

В 1432 г. сиамские войска захватили и разграбили кхмерскую столицу Ангкор. В 1438 г. вассальное государство Сукотай было присоединено к Аютии в качестве провинции. Сиам стремился установить свою гегемонию и на Малаккском полуострове: в середине XV в. сиамские войска не раз совершали походы против Малакки, но терпели неудачу.

В период правления **Трайлока** (1448–1488) и **Рама Тибоди II** (1491–1529) велись ожесточенные войны за гегемонию с соседями для

завершения объединения страны и за важные торговые пути. Войны эти шли с переменным успехом.

В начале XVI в. в Сиаме появляются португальцы. Первое португальское посольство прибыло в Аютию сразу же после захвата ими Малакки (1511 г.). Обмен посольствами между Аютией и Гоа – центром португальских владений в Индии привел к заключению сиамо-португальского торгового договора (1518 г.) и основанию португальской фактории в столице Сиама. Купцы-португальцы получили разрешение селиться и торговать в ряде городов страны. Правители Сиама стремились привлечь к себе на службу наемников-португальцев (различных военных специалистов: пушкарей, мушкетеров). В 1538 г. правитель (король, как его называли португальцы) **Прачан** (1534–1546) даже создал личную гвардию из 120 португальцев. Однако уже с середины XVI в. отношения между Сиамом и Португалией ухудшились, так как португальцы грабили сиамские суда, пытались захватить в свои руки морскую торговлю между Сиамом и другими азиатскими странами.

Таково было политическое развитие этой части Индокитая. Теперь обратимся к общественным и экономическим порядкам.

Социально-экономические отношения и государственное устройство Сиама в XI – середине XVI в. Как уже отмечалось, заселение тайцами к XI–XIII вв. всей долины Менама – территории, где уже существовали протогосударственные образования кхмеров и монов, – способствовало формированию государственной организации и у тайцев.

В XIII–XVI вв. в условиях существования независимых тайских государств – *Сукотаи* и *Аютии* – происходил процесс хозяйственного освоения земель в долине Менама тайскими крестьянами. Увеличилось количество пахотной земли. В нижнем течении Менама была создана ирригационная система. Появились города. В самой столице – Аютии – в середине XVI в. насчитывалось свыше 30 тыс. домов (предположительно около 150 тыс. жителей).

В XIII–XIV вв. в Сукотаи сформировалась типичная для Востока верховная собственность государства (в лице правителя) на всю землю. Монарх был крупнейшим земельным собственником и главой многочисленного личного войска. Сукотаи и окрестные районы были его личным владением; здесь же набиралась его армия.

В окружающих столицу землях правили наместники – наследственные правители, назначенные монархом (часто это были его братья или сыновья). В других районах государства правили местные тайские вожди, подчинившиеся правителю Сукотаи. Отдаленные вассальные земли управлялись местными монархами. Правители распределяли отдельные территории между своими родственниками и приближенными, выполнявшими функции военных и гражданских чиновников.

Эксплуатация покоренного населения первоначально осуществлялась в форме сбора дани. В дальнейшем все большую роль стала играть безвозмездная трудовая повинность, которую крестьянин должен был выполнять за право пользования землей. Местная знать, стремившаяся к укреплению своих прав над сидевшим на земле населением и в государственной службе, была заинтересована в сильной центральной власти и поддерживала монархов. На эту поддержку и опирались правители Сукотаи в борьбе за укрепление своей власти в регионе, что объективно вело к централизации.

В Аютии также существовала верховная государственная собственность на землю. Основную массу эксплуатируемых составляли тайские крестьяне-общинники и покоренное население. Рента взималась в виде государственной барщины и поземельного налога. Правители нового государства учли причины слабости Сукотаи, в которой большую роль играли местные элиты и, воспользовавшись китайским опытом, усилили роль власти верховного правителя как высшего и единственного распорядителя земли. Все землевладельцы являлись налогоплательщиками как держатели монаршей земли.

На этой основе в Аютии формировался феодальный государственный аппарат. При верховном правителе появляются четыре главных чиновника: первый возглавлял вооруженные силы, руководил охраной порядка; второй занимался дворцовыми делами, объявлял королевские указы и следил за их выполнением, имел высшую (после монарха) судебную власть; третий ведал сбором налогов, финансовыми делами; четвертый распределял среди чиновников пожалованную им за службу землю, а также ведал снабжением столицы и армии.

В XV в. в сиамском обществе сформировалась та структура феодальных порядков, которая с некоторыми изменениями просуществовала до XIX в.

Правителю Сиама принадлежала верховная собственность на всю землю в государстве. Формально каждый подданный короля мог владеть землей при условии несения им обязательной государственной службы. Для крестьянина эта служба означала выполнение барщины и внесение налогов, а для родственников правителей, их приближенных, семей местной знати и их окружения – выполнение военных или административно-фискальных (чиновничьих) функций.

За выполнение чиновничьей и военной службы давалось право на сбор ренты-налога с определенных земель, обрабатывавшихся зависимыми от государства крестьянами. Была установлена четкая система чиновничьих рангов – «сак тина» («знатность, выраженная числом полей»). Размеры получаемой в «кормление» земли определялись рангом в государственной чиновной иерархии. Чтобы ослабить сепаратизм

таких феодалов-чиновников, Трайлок и его преемники предоставляли им не один большой земельный надел, а множество разбросанных в разных районах мелких земельных участков с сидящими на них крестьянами. Чиновники же, наоборот, стремились получить в свое «условное владение» один компактный район.

Помимо крестьян-тайцев – подданных государства и потому формально лично свободных – существовали и крестьяне категории «кха» (покоренное тайцами местное население, жители соседних стран, угнанные в Сиам, и т. п.). Они имели личное хозяйство (дом, скот, приусадебный участок, различные сельскохозяйственные или ремесленные орудия, лодки, сети и т. п.), но шесть месяцев в году должны были выполнять безвозмездно трудовые повинности в пользу государства.

Присвоение феодальной ренты осуществлялось через государственный аппарат. Все податное население страны было приписано к военному или гражданскому ведомству. Глава военного ведомства («калахом») руководил вооруженными силами государства. Ему подчинялись главы различных родов войск: пехоты, кавалерии, боевых слонов, артиллерии, саперных частей. Глава гражданского ведомства («чакри») контролировал управление всей территории государства, был председателем совета при правителе. Чакри подчинялись руководители четырех гражданских ведомств: дворцового, земледелия, ведомства «пракланг» и ведомства «мыанг». Ведомство земледелия занималось сбором налогов, распределением среди феодалов-чиновников пожалованных им за службу земель, расчисткой джунглей и прорытием каналов. Ведомство пракланг первоначально являлось казначейством, которое хранило ценности, а также получаемые в качестве натуральной ренты рис и другие продукты. Ведомство мыанг управляло столицей и ее окрестностями.

В середине XV в. территория Сиам была разделена на провинции – внутренние и внешние: внутренние (центральный, земли монарха) управлялись чиновниками, подчинявшимися центральной администрации; внешние (уделы принцев) управлялись наместниками правителя. Власти на местах получили большую самостоятельность; налоги, в частности, собирали главы провинций через свой чиновничий аппарат, и лишь часть собранной суммы отсылалась в Аютию.

В 1518 г. была реорганизована сиамская военная система. Вводилась всеобщая перепись мужчин с 18 до 60 лет. Все мужчины, за исключением аристократов, монахов и рабов, были приписаны к военному или к гражданскому ведомству; отметкой о регистрации и о принадлежности к определенному ведомству служила татуировка на руке. Страна была разделена на военные округа и подокруга. Были опубликованы указы о подготовке ополченцев и о проведении военных учений на местах, написана книга о военной тактике и т. д. Система военной службы, созданная в Сиаме в этот период, существовала с небольшими изменениями вплоть до конца XIX в.

Культура тайцев. На формирование сиамской культуры оказали влияние более развитые цивилизации Индии, Китая и Камбоджи. В конце XIII в. в государстве Сукотаи была создана тайская письменность, в основу которой была положена письмо хмеров. Самый ранний из известных письменных памятников на тайском языке – стела Рамкамхенга (1292 г.), в которой восхваляются деяния этого правителя.

Стела Рамкамхенга

От моноов и кхмеров тайцы восприняли буддизм, ставший государственной религией в Сукотаи. Короли использовали единую религию как идеологическое орудие для удержания в повиновении населения своего разноразличного и многоплеменного государства. Правители Сукотаи поощряли сооружение буддийских храмов и святилищ-пагод, якобы сохранявших отпечатки ног Будды.

Значительного расцвета в XIII–XIV вв. достигла тайская скульптура, представленная в основном многочисленными статуями Будды из бронзы, гипса и камня. В эпоху Сукотаи зародилась тайская живопись (фрески на стенах храмов).

Распространение буддизма оказало большое влияние на формирование сиамской литературы. В литературе Сиам в XIV–XVI вв. преобладала религиозная поэзия. На тайский язык была переведена с санскрита поэма «Великая жизнь» («Махачат»), рассказывавшая о последней – в цепи его перевоплощений – жизни Будды, т. е. о той, которая предшествовала достижению им нирваны. Чтение этой поэмы вслух монахами для верующих превратилось фактически в религиозный обряд.

Индокитай

МАЛАЙЯ

Древнейшим населением Малайи были негроидные и аустро-меланезийские племена. То есть, очевидно, полуостров первоначально заселялся из Африки и с островов Тихого океана. В III–I тыс. до н.э. на нем оказались малайские племена, пришедшие из Юго-Западного Китая. Они принесли с собой культуры неолита и бронзы.

Уже накануне новой эры Малайя была подлинным «перекрестком Азии» благодаря своему чрезвычайно выгодному географическому положению у пролива, на морских путях из Индийского океана в Тихий и обратно, а также на полуострове, являющемся связующим звеном между землями материковой и островной Юго-Восточной Азии. Малайя и Малаккский пролив были местом, где скрещивались пути индийских, персидских, позднее и арабских купцов, с одной стороны, и китайских – с другой. Купцам было удобнее обменивать свои товары в промежуточных портах, каковыми были порты Малайи, чем проделывать длинное, опасное путешествие из Индии или еще более далеких Аравии и Персии в Китай или из Китая в эти страны. Регулярным плаваниям способствовали полугодовые муссоны: в июле торговые суда с Запада направлялись к Малайе и далее – в Индонезию и Китай, а в декабре отплывали обратно в Индию и Аравию.

В Малайе уже в начале новой эры возникали портовые города, служившие и перевалочной базой, и рынком. Через них распространялись и культурные влияния. Особо заметную роль играли здесь индийские купцы и вообще выходцы из Индии, включая представителей брахманских каст и буддийских монахов. Именно они создали в городских и портовых поселениях Малайи первоначальные общественные и государственные структуры. Это же относится, как о том будет идти речь далее, и к островам Индонезии. Индийская первооснова была ощутима долгие века и вплоть до исламизации явно преобладала.

Малайя привлекала купцов многих стран не только как район транзитной торговли, но и теми товарами, которые можно было из нее вывозить. Здесь добывали драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, олово, пряности (особенно перец, а позднее и доставляемые с Молуккских островов корицу и гвоздику), продукты тропического леса (ароматические вещества, ценные породы дерева) и др. В Малайю везли хлопчатобумажные ткани, металлические и керамические изделия, бусы и другие украшения; специфически китайскими предметами ввоза были шелк и фарфор.

Основной объем торговли, начиная с рубежа новой эры, приходился на долю купцов из Индии – преимущественно Южной. Закрытие кочевниками во II в. до н.э. – II в. н.э. торговых путей на север и северо-

восток Индии, запрет, наложенный римским императором Веспасианом на вывоз драгоценных металлов из империи в Индию (I в. н. э.), а также бурное распространение буддизма, не запрещавшего контакты с «нечистыми», т. е. внекастовыми жителями далеких стран, способствовали росту индийской торговли со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, в том числе и с Малайей.

В первые века новой эры в торговлю со странами Востока, лежавшими за Индией, включая Малайю и Индонезию, помимо индийцев, включились арабы юга Аравийского полуострова (йеменцы) и персы, а затем – и средиземноморские (в том числе греко-римские) купцы. В античном мире Малайя была известна под названиями *Золотой Херсонес* или *Хрисё* («*Золотая*»).

Прямых свидетельств того, что суда средиземноморских купцов проникали в то время далее южноиндийского мыса Коморин, пока нет. Очевидно, торговля с Юго-Восточной Азией шла через посредников. Большую роль в торговле и особенно в мореходстве островных районов Юго-Восточной Азии, в том числе и Малайи, играли местные жители, которые не только вели прибрежную торговлю и осуществляли каботажные перевозки, но и совершали дальние морские плавания. На западе они добирались до Индии, а на севере и северо-востоке были частыми гостями в портах Южного Китая. С середины I тыс. н. э. все более активную и самостоятельную роль в торговле на восток от Малайи начинают играть китайские купцы.

Первые малайские государства. К началу новой эры весь Малаккский полуостров с севера до крайней южной оконечности был заселен малайскоязычными племенами, сохранившими общинно-родовую структуру, а также более древними аборигенными племенами негро-австралоидного облика. Интенсивное развитие торговли сыграло значительную роль в разложении первобытных отношений и появлении государств. Усиление пиратства в проливе придало особое значение сухопутным связям через самое узкое место полуострова – перешеек *Кра*. В удобных местах здесь появлялись торговые фактории в основном индийские перераставшие в города. В них были кварталы, где селились также южноаравийские и персидские купцы.

Первые государства возникли в северной части полуострова (на кратчайшем пересечении торговых путей между Индией, совр. Кампучией и Китаем). Но источников о них, как и вообще о тогдашней истории Юго-Восточной Азии мало и сведения в них, зачастую, противоречивы.

В конце I–III в. на территории современной Малайи возник ряд мелких государственных образований. Их этническая принадлежность вызывает споры: не исключено, что большую роль в этих государствах играли и кхмеры.

Судя по ограниченным и нечетким данным, во всех названных образованиях сохранялись независимые общины. Но отмечены элементы

рабства, а также вассальные отношения с выраженными чертами деспотизма в наиболее развитых из них. Центрами такого образования были, как правило, портовые города, расположенные у устьев рек. Пределы таких сообществ обычно ограничивались близлежащей долиной. Основой их экономики были собственная и транзитная торговля, сосредоточенная в городе. Эти сообщества имели большое сходство с древнегреческими полисами. Города-порты были пунктами, где приезжие купцы закупали местные, экзотические для приезжих товары, в обмен предлагая продукцию западноазиатских стран и Китая.

Эти государственные образования постоянно соперничали между собой с переменным успехом. Неустойчивость торговых центров в Малайе – усиление одних и угасание ранее возвысившихся – объясняется, по-видимому, тем, что если очередной господин, стремясь обогатиться, повышал налоги, которые отпугивали купцов, те переносили свою активность туда, где можно было платить поменьше. В итоге старые города теряли свое значение и уступали место новым или возрождавшимся прежним торговым центрам.

Экономическое процветание городов, где поселились или где часто бывали торговцы из Индии, способствовало распространению там индийской культуры. Внутренние же районы полуострова продолжали жить прежней жизнью: там господствовало натуральное хозяйство с почти полным отсутствием ирригационного земледелия.

Малайя под властью Шривиджайи. С III в. до середины VI в.

малайские государства севера были вассалами хмеров. Затем некоторое время они были независимы. Но между ними шло постоянное соперничество, приводившее к временному поглощению одних другими.

С середины VIII в. вся южная половина полуострова попадает в вассальную зависимость от индонезийского государства *Шривиджайи*, центр которой был расположен на Восточной Суматре. Правители Шривиджайи, стремившиеся к установлению торговой монополии в Юго-Восточной Азии, понимали, что монополия не будет полной без обладания прибрежными портами Малайи и

торговыми путями на перешейке Кра. Особое значение получил в этот период город Кедах, ставший второй столицей Шривиджайи.

В Малайе, по-видимому, возникла своеобразная конфедерация городов-государств во главе со Шривиджайей, созданная, скорее всего принудительными мерами. Данью в этом союзе служила часть доходов от торговли. Шривиджайя осуществляла политический и торговый контроль, стремясь, прежде всего к защите торговой монополии. В этот период политическая и экономическая жизнь Малайи и Явы были тесно переплетены.

Вторжение войск Чолов. В третьей четверти XI в. в Малайю вторглись войска правителя южноиндийского царства *Чолов*, которое до того вело борьбу со Шривиджайей, стремясь сокрушить ее торговую гегемонию. После победы над Шривиджайей Чолы, по-видимому, заключили с ней мир и затем выступали от ее имени, чтобы подчинить ее же непокорных вассалов. Наиболее крупным было восстание в одном из вассальных княжеств Шривиджайи – *Кедах* (северо-запад Малайи) в 1068 г. В 1068–1069 гг. войска Чолов разбили Кедах, а также некоторые другие восставшие княжества, возвратив их Шривиджайе. Эти события знаменуют конец раннего средневековья в Малайе, отмеченного образованием большого числа торговых городов-государств.

Культура раннесредневековой Малайи. Культура жителей полуострова характеризовалась развитием местных самобытных основ при сильном влиянии Индии. В первые века новой эры в Малайю проник индуизм и буддизм хинаяны, а с VII в. – буддизм махаяны и шиваизм. Наиболее ранний, обнаруженный до сих пор в Малайе буддийский текст относится к IV в. В отличие от Камбоджи и Таиланда (Сиам), а отчасти и Индонезии (Явы), индийские влияния в Малайе не проникли далее береговой полосы – городских торговых центров.

Воздействие индийской, а позднее кхмерской и яванской культур коснулось, прежде всего, правящего сословия. Основная масса населения продолжала хранить древние традиции малайской культуры, лишь до некоторой степени подвергшейся влияниям извне. Наряду с малайским фольклором получили распространение сюжеты индийского эпоса, часто переработанные в соответствии с местными условиями. Сохранились эпиграфические памятники конца VII в. на древнемалайском языке, записанные индийским шрифтом; однако с VIII в. официальным придворным языком стал санскрит.

У древних малайцев было высоко развито ремесло, резьба по дереву, чеканка, плетение. О строительном искусстве древних малайцев свидетельствуют сохранившиеся руины буддийских и индуистских храмов, развалины стен, окружавших многочисленные в то время портовые города.

ИНДОНЕЗИЯ

Малайя всегда была тесно связана со всем островным миром Юго-Восточной Азии – достаточно напомнить, что его подчас называют Малайским архипелагом¹. Вероятно, в глубокой древности именно через Малайю на архипелаг проникли многие этнические группы, составившие затем основу населения Индонезии, и, прежде всего, основной – малайский – компонент.

Первые государства Индонезии. У народов Индонезийского архипелага процесс образования государств начался в разное время, и эта неравномерность их исторического развития – характерная черта истории Индонезии с древности и до новейшего времени.

Исторически наиболее развитыми и ранее других достигшими уровня цивилизации и государственности были тесно связанные между собой Суматра и Ява, географически представлявшие как бы единую узкую полосу островов, тянувшихся с северо-запада на юго-восток.

Образование государств началось в первые века новой эры. В середине I тысячелетия н.э. на архипелаге существовало, по сведениям китайских, индийских и античных источников, 7–10 государственных образований. Но, вероятно, их было не менее 20. Однако сведения о них, особенно об их социально-экономической истории, весьма скудны и часто нечетки. Даже о местоположении древних государств Индонезии известно мало. Познания авторов первой половины и середины I тыс. н.э. по географии и истории Юго-Восточной Азии были очень скудными. Древним авторам зачастую было неизвестно, что, например, Суматра и Ява – это два разных острова, не говоря уже о более точном разграничении других островов архипелага.

¹ В него входили п-ов Малакка, который греки называли *Солнечным полуостровом* и Индонезийские (Большие и Малые Зондские) о-ва.

Структурно первые государства были примерно однотипны. Существовали верховный правитель-вождь, его наместники и помощники, а также производители-общинники, платившие ренту-налог в казну. Возможно, что некоторые из государственных образований были типологически близки к малайским городам-государствам, возникавшим вокруг торговых портов. В идеологии и культуре господствовали индуизм, преимущественно в шиваистской форме, хотя встречались и вишнуисты, а также буддисты. Преобладала санскритская письменность. Индо-буддийским было монументальное храмовое искусство с соответствующей архитектурой и скульптурой.

Первым государством, о котором упоминают источники, было *Етяо* (в современной китайской транскрипции, *Яндие* – в соответствии с древним произношением). Наиболее вероятно, что Етяо – это Ява, хотя не исключено, что это – название всего архипелага. Отсюда в 132 г. н.э. было направлено посольство в Китай. По-видимому, именно это государство (или территория) было известно индийцам и, через них, в античном мире.

Гораздо достовернее сведения о более поздних государствах. На Яве в конце IV – VII в. существовало несколько десятков небольших государственных образований. На Суматре они появились с конца III в. На рубеже IV–V вв. возникло самостоятельное княжество на Восточном Калимантане. Вслед за этим княжеством государства возникли на Западном Калимантане, а также на Северном – *Бруней* (от него европейское название острова — Борнео). Лишь в восточных районах Индонезии процесс развития государств еще не начинался.

Характер первых государств. Основой производства, а тем самым и социально-экономической структуры первых индонезийских государств была община – *деса*. Она сохраняла почти полную автономию во внутренних делах. Община владела комплексом территорий – обработанными землями, пустошами, лесами, пастбищами, водами. Необходимость коллективного труда на земле сплачивала ее членов в процессе производства и препятствовала их выделению из общины.

Ремесло еще не вполне отделилось от земледелия. Существовало рабство домашнего типа, не ставшее, однако, основой социально-экономических отношений.

В условиях выделения землевладельческой аристократии и под влиянием соседей формировались общественные порядки феодального типа.

При этом в отдельных княжествах в процессе становления государственности возвышение правителей привело к их обожествлению. Это происходило в результате успешных завоеваний и при условии, что в таких обществах, еще сравнительно недавно стоявших на стадии общинно-родового строя, вождь и духовный глава совмещались в одном лице.

Государство персонифицировалось: складывалась деспотия восточного типа. Такой была, например, *Тарума* (запад о. Суматра). До наших дней там, на крупном валуне, сохранились отпечатки стоп с надписями на камне; одна из них гласит, что это отпечатки ступней «могущественного правителя, блестящего Пурнавармана, правителя Тарумы, отпечатки ступней которого подобны отпечаткам ступней Вишну» (одного из трех высших индуистских богов). Правитель-деспот назначал приближенных для сбора налогов, получал дань со своих вассалов. Как деспот, так и его наместники и вассалы эксплуатировали крестьянские общины – основу, на которой выстраивалась эта иерархия. Наместники, равно как и вассалы, стремились освободиться от влияния центральной власти и стать независимыми. В конечном счете, и в этом случае развитие шло к складыванию феодальной системы. Государства этого типа возникали в тех районах, где ирригация играла особенно большую роль.

Наконец, своеобразным и довольно распространенным типом ранних индонезийских государств были приморские портовые города-государства, напоминавшие греческие полисы и города Малакки. Основой их экономики была торговля, а территория обычно охватывала лишь сам город и ближайшие окрестности. С населением более удаленных, подвластных городу районов его жители вели торговлю. Иногда такие портовые города-государства перерастали в деспотические государства с обширной территорией – даже в империи (Шривиджайя¹). Но и при этом торговля всегда оставалась основой их экономики, так как земледелие было развито недостаточно, чтобы обеспечить даже внутренние потребности.

Во всех случаях верховным собственником земли было государство в лице своего правителя. Наместничества и временные пожалования не превращались в наследственные владения, а держатели не обладали законодательной, административной, судебной и исполнительной властью. Община распоряжалась своей землей и эксплуатировалась центральной властью как коллектив с помощью системы государственных налогов и повинностей. Крестьянство было основным эксплуатируемым сословием. Учитывая тенденцию развития этих государств, их можно назвать раннефеодальными.

Роль внешних влияний в ранней истории Малайского архипелага. Процесс образования государств в Индонезии был ускорен ростом как внутренней торговли – между островами архипелага, так внешней – с соседними странами. Торговля была преимущественно морской. Внутренние межостровные пути пролегли от восточного побережья Явы вплоть до Молуккских и Малых Зондских островов. Через Малаккский пролив, Яванское и Южно-Китайское моря еще до новой эры проходили торговые пути из Индии, а позднее – из стран Средиземноморья и Передней Азии к островам Индонезии и в Китай.

¹ В переводе с санскрита – *Победоносная*.

Предки современных индонезийцев были великолепными мореходами, они совершали плавания в самые отдаленные уголки архипелага за нужными товарами, добирались до других стран Южных морей, а также до Индии и далее на запад – до африканского побережья, где выходцы из Индонезии заселили Мадагаскар (по некоторым данным, уже в первые века новой эры).

О ранней торговле с Китаем, осуществлявшейся в первой половине I тыс. н.э. на индонезийских судах, свидетельствуют многочисленные находки на территории Индонезии керамики ханьского времени. Ряд находок указывает если не на прямые связи со Средиземноморьем, то на обширную торговлю через посредников. Стеклобрусные бусы средиземноморского происхождения, датируемые рубежом новой эры, найдены во многих районах Индонезии; в одном из дольменов на Яве, относящемся к III в. до н.э., найдены греческие бусы, датируемые VI в. до н.э.

Наиболее давние и прочные связи существовали между Индонезией и Индией, в первую очередь с Южной и Восточной. Контакты с высокоразвитыми соседними государствами, в том числе развитие обмена с ними, имели огромное значение для ускорения социально-экономического развития Индонезии. Новая, государственная идеология была воспринята из той страны, где она приобрела наиболее приемлемые для нарождающегося правящего сословия формы, – из Индии. Именно поэтому были восприняты индийские религии – буддизм и особенно индуизм (в его преимущественно шиваитской форме), а также элементы кастовой системы.

Возвышение государства Матарам. В конце первой четверти VIII в. на Центральной Яве возвысилось государство, которым правил **Санджайя**. Первоначально он был наместником небольшого удела *Матарам*, входившего в состав более крупного государства на Центральной Яве (возможно, Калинги). Постепенно Санджайя выдвинулся и стал основателем большого государства, получившего название *Матарам Первый* (в отличие от Матарам Второго, возникшего во второй половине XVI в.).

Правление Санджайи – время несомненного политического и культурного подъема Центральной Явы. Государь Матарам носил титул «ши-махараджа» и правил, опираясь на наместников. Монарх считался воплощением божества. Войска Санджайи покорили ряд государств Явы и не раз вторгались даже в материковую Камбоджу, на которую Матарам претендовал потому, что сын Санджайи был женат на камбоджийской принцессе. Одна из позднейших хроник сообщает также о походах на о-ва Бали, Суматру, и даже в Индию и Китай.

Около 770 г. на Центральной Яве утвердилось новая династия – **Шайлендра**¹. Эту династию основал внук Санджайи, который в борьбе

¹ На санскрите, что в переводе означает «правитель гор»; в индонезийском произношении Сайлендра.

за власть со своим братом-индуистом обратился к новой религии – буддизму. Первая половина правления Шайлендра – время расцвета государства. Основатель династии заключил союз с уже упоминавшимся государством Шривиджайя на Суматре.

Подъем и расцвет Шривиджайи (VII–X вв.). Буддийское государство Шривиджайя возникло на Восточной Суматре. Первое упоминание о ней, принадлежащее китайскому паломнику-буддисту И. Цзину, относится к 671 г.

Центр нового государства находился на территории современного Палембанга. В начале IX в. в Шривиджайе пришел к власти один из представителей династии Шайлендра, власть которой на Центральной Яве в то время клонилась к упадку. Нет убедительных свидетельств, подтверждающих существование в этот период единого государства, охватывавшего Суматру и Яву, однако тесные торговые и культурные контакты между суматранскими и яванскими Шайлендрами несомненны.

Выдвижению Шривиджайи способствовали выгодное географическое положение на побережье Малаккского и вблизи Зондского проливов, а также упадок к концу VI в. упоминавшейся выше *Фунани*, бывшей до того ведущей морской державой Юго-Восточной Азии, междоусобицы в яванских государствах. Шривиджайя завоевала основные суматранские государства (Малайю, Джамби и др.), подчинив, таким образом, наиболее развитые в то время районы Явы, острова, прилегающие к Юго-Восточной Суматре, Малакку и распространила свое влияние на материке вплоть до Тямпы (Чампы), а на архипелаге – на Западную Яву и Западный Калимантан, став мощной морской империей. На завоеванных территориях были основаны многочисленные торговые города. Древний малайский город Кедах на западном побережье острова, попавший в 695 г. в вассальную зависимость, стал второй столицей Шривиджайи.

Главной целью экспансии этой торговой империи было установление полного контроля над торговыми путями, а не собственно территориальные захваты. Основным источником доходов Шривиджайи была торговля, взимание торговых пошлин с многочисленных судов, проходивших через Малаккский пролив, а также эксплуатация населения, облагаемого налогами или данью. Среди товаров, вывозимых из Шривиджайи, были золото, олово, слоновая кость, продукты тропического леса: специи, камфора, ценные породы дерева и пр.

Около 992 г. Шривиджайя подверглась нападению яванских войск из Матарам. Этот конфликт был вызван соперничеством обоих государств из-за гегемонии на архипелаге и династических претензий Матарам на престол Шривиджайи. После ряда тяжелых неудач войска Шривиджайи около 1016 г. сумели нанести решительное поражение противнику. Шривиджайя не только восстановила свои прежние владения, но и

заняла ряд территорий Матарам. Однако успех был кратковременным. С запада наступал новый, более опасный враг – войска южноиндийского государства Чолов, которые в 1025 г. захватили часть владений Шривиджайи. Войска Чолов одно за другим опустошали богатейшие шривиджайские владения и портовые города по обоим берегам Малаккского пролива. Торговому и морскому могуществу Шривиджайи был нанесен непоправимый урон.

В истории Индонезии Шривиджайя является первым государством, которое объединило значительную часть архипелага в политическом и культурном отношении, а также установило широкие двусторонние торговые связи не только со странами Юго-Восточной Азии вплоть до Филиппин, но и с Цейлоном, Бенгалией и даже – через посредников – со странами Средиземноморья и Средней Азии. Три столетия (VIII–X вв.) Шривиджайя была признанным гегемоном в торговле и мореходстве Южных морей, ведущим культурным центром Юго-Восточной Азии и мировым центром буддизма.

Борьба Матарам за гегемонию на Яве и на архипелаге. В то время как на западе архипелага в IX в. Шривиджайя была бесспорным гегемоном, могущество ведущего яванского государства Матарам подорывалось разорением народных масс и экономическими неурядицами, вызванными войнами и бесконечными династийными раздорами, чрезмерными расходами на содержание двора раджи, огромным храмовым строительством. В довершение этого на центральные районы Явы обрушились стихийные бедствия: сильное вулканическое извержение, эпидемия чумы. Буддийская династия Шайлендра, правившая около ста лет, в 870 г. пала. К власти на Центральной и Восточной Яве снова вернулись потомки Санджайи, оставшиеся индуистами.

Государство по-прежнему именовалось Матарам, но его столица была перенесена в район нынешней деревни Прамбанан (к востоку от современной Джокьякарты). Согласно китайским известиям, Матарам вернул себе прежних вассалов на Яве, однако междоусобицы продолжались, и около 928 г. власть захватил **Синдок**, первый сановник государства, объявивший себя наследником правителей Матарам. В том же году он снова перенес столицу на восток Явы.

Династия Синдока правила на Центральной и Восточной Яве до 1222 г. Его наследники, стремясь укрепить свое положение династийными браками, породнились с раджами соседнего острова Бали.

Культура. Ко времени появления первых государств в наиболее развитых районах архипелага (Ява, некоторые районы Суматры) предки современных индонезийцев уже имели высокоразвитую земледельческую культуру на основе ирригации. Основной сельскохозяйственной культурой был рис, а на востоке архипелага – саго (крупя из ствола

пальмы) и клубнеплоды. Было распространено животноводство – разведение буйволов, быков, свиней, коз. Развитая техника судостроения и мореплавания позволяла индонезийцам совершать далекие плавания и заселить весь Малайский архипелаг, а затем – в начале или, во всяком случае, не позднее середины I тысячелетия н.э. – достигнуть Мадагаскара. Религией их был анимизм и культ предков.

В связи с начавшимся в наиболее развитых районах архипелага процессом выделения сословий особую роль в дальнейшем развитии индонезийской культуры сыграли влияния соседних стран, в первую очередь Индии, откуда были заимствованы многие формы новой идеологии, особенно религии (индуизм и буддизм), письменность, сюжеты индийского эпоса. Следы этих древних влияний сохранились и до наших дней.

Придворные первых индонезийских государей оказались одетыми в индийские одежды. Первые надписи периода Шривиджайи были на древнемалайском языке, но записаны санскритскими письменами. Однако вся дальнейшая история культуры Индонезии – это постепенное развертывание местных традиций, обогащенных синтезом с индийскими элементами и постепенным вытеснением последних вплоть до их полного исчезновения (как произошло, например, с санскритом), особенно после усиления контактов с мусульманской (с XIII в.), а затем европейской (с начала XVI в.) культурой.

Индонезийцы внесли существенный вклад в мировую цивилизацию. Район Юго-Восточной Азии, в который входит Индонезия, является родиной таких растений, как мускатный орех, гвоздика, рис, некоторые виды сахарного тростника, банан, многие виды фруктов, ряд лекарственных растений и т. д. Мировую известность как культурный центр получила Шривиджайя в пору своего расцвета (VIII–X вв.). После того как в Индии буддизм пришел в упадок, она стала центром буддийского учения. На Суматру стекались паломники из Индии и Китая.

Основные архитектурные памятники этого периода сохранились преимущественно на Яве. В период возвышения Матарам при Санджайе на Центральной Яве был сооружен комплекс индуистских храмов, о чем сообщает надпись 732 г. Величие Матарам при буддийской династии Шайлендра нашло выражение в серии великолепных памятников, таких, как чанди (храм) Мендуг, Севу и др. Но первое место среди них занимает Боробудур – грандиозный многоступенчатый храм Будды, заложенный в 772 г. Его высота – 42 м, сторона основания – 123 м. Восемь его галерей украшены 508 статуями Будды, 1460 барельефами, имеющими общую

Храм Мендуг

Боробудур

О развитии техники индонезийцев, а также о большой централизации власти говорит прорытие в Таруме оросительного канала длиной 15 км всего за 21 день, о чем сообщает древняя надпись, высеченная на камне.

Официальным и литературным языком Индонезии первоначально был санскрит, распространившийся в письменности со II в. н.э. В повседневном же общении распространены местные языки (древнеяванский, древнемалайский и др.). С X в. создаются произведения на древнеяванском литературном языке *кави*. В начале X в. были составлены яванское переложение «Рамаяны» и индонезийские редакции других произведений индийского эпоса, а также религиозных сочинений (преимущественно буддийских), переведены на кави индийские эпические и религиозные литературные произведения.

При дворах матарамских вельмож содержали поэтов, актеров, музыкантов. Устраивались представления знаменитого кукольно-теневого театра (ваянга), соединявшего различные виды творчества.

В конце X в. были впервые кодифицированы яванские законы.

длину 5 км. Боробудур – это буддийский микрокосм, рассказывающий о жизни Будды, а также показывающий типы жилищ, судов, одежды, повседневный быт древних яванцев. Для памятников древней Индонезии характерно удивительное слияние архитектуры и скульптуры, умелое использование особенностей местности. Безымянные строители храмов, не зная извести и цемента, плотно укладывали камень к камню, скрепляя их с помощью простого «замка» – пригоняя выступ одного блока к гнезду другого.

Будда из Боробудура

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В XI–XV вв.

Островная часть региона в своей истории и культуре первоначально была близка континентальным землям. Это – господство буддизма и индуизма в религиозных представлениях, преобладание индийского влияния в устройстве раннегосударственных образований.

Но с начала II тыс. островной мир стал сильно отличаться от континентального, ибо именно здесь быстрые темпы исламизации привели к почти полной победе мусульманской религии, что сказалось на культуре и образе жизни населения¹. Кроме того, именно острова с их субтропическими и тропическими продуктами, прежде всего пряностями, столь желанными для европейцев, в XVI в. оказались одними из первых объектов колонизаторских устремлений португальцев. Этот островной мир и был той самой «Индией» – *Островами Пряностей*, удобный путь, куда так стремились европейцы, совершая свои самые известные географические открытия, включая открытие Америки. Позднее эти земли именовали Голландской Индией; ее влияние слышится и в современном названии Индонезии.

Социально-экономическое развитие. На рубеже I–II тыс. на архипелаге происходили важные изменения. Постепенно завершалось изживание общинно-родовых порядков. Для наиболее передовых в социально-экономическом отношении районов современной Индонезии это означало укрепление феодальных отношений в условиях расцвета деспотических государств. Во главе таких государств стоял правитель (раджа, султан), обладавший всей полнотой власти и считавшийся владелькой земель и вод. Правящее сословие состояло из семей раджей, их приближенных, наместников областей с их аппаратом, военачальников, многочисленных чиновников разных рангов, высшего и среднего духовенства, отчасти деревенских старейшин. Все они – исключая раджей и членов их семей, а также деревенскую верхушку – получали за свою службу временные земельные пожалования.

Крестьяне по-прежнему оставались лично свободными и были привязаны к общине как традицией, так и естественной экономической необходимостью: они владели землей, которую получали от общины в силу принадлежности к ней. Существовало индивидуальное (или большесемейное) землевладение при общинной собственности на землю. Но верховным собственником земли оставалось государство в лице правителя. Крестьяне эксплуатировались государством через налоги и повинности, которыми облагались не отдельные семьи, а вся община в целом. При этом ремесло все более заметно стало отделяться от земледелия, что вело к нарушению самодостаточности общин.

¹ И ныне Индонезия по числу мусульман – более 200 млн – занимает первое место в мире.

К началу XI в. община постепенно подчинялась государственной власти через ее представителей – аристократию и бюрократию. Правящее сословие уже не мирилось с обладанием властью «по должности» и с ролью уполномоченного государства по сбору налогов. Знать и бюрократия, имевшие должностные пожалования (подобие «кормлений»), постепенно превращались в подлинных феодалов, добиваясь пожизненного пользования землей, а затем и наследственного владения ею. Земля, таким образом, становилась объектом присвоения со стороны нескольких субъектов: общины (как в лице всего крестьянского коллектива, т. е. собственно общины, так и в лице отдельных крестьян-землепользователей), феодала (в лице целой иерархии) при верховной собственности государства (государя).

В наиболее развитых государствах региона этот процесс оформился в XIV–XV вв.

С начала XI в. началось и перемещение политического и культурного центра Индонезии с запада на восток. Место Суматры в гегемонии на островах заняла Ява.

Государство Кедири (середина XI – начало XIII в.). Во второй четверти XI в. яванское государство смогло не только оправиться от поражения в войне со *Шривиджайей*, но и добиться серьезных политических успехов. Это произошло при махарадже **Аирлангге** (1019–1049).

Вспомним, что в 1016 г. Дхармавангши, его тесть, потерпел поражение на Суматре в борьбе с государством Шривиджая и погиб. 18-летний Аирлангга скрывался в монастыре, переживая годы смуты. Спустя 4 года он короновался в *Матараме* и при поддержке духовенства начал борьбу за воссоединение страны. Разгром, который к тому времени южноиндийские Чолы учинили в землях Шривиджайи, развязал руки этому честолюбивому и хитрому правителю. Ему удалось поделить с ослабленным правителем Шривиджайи сферы влияния на архипелаге. В итоге господство Матарамы было установлено к востоку от Зондского пролива. Эти успехи были закреплены браком со шривиджайской принцессой.

Централизаторская политика Аирлангги внутри страны обеспечивалась решительными мерами: упорядочивалась налоговая система, усилился контроль на дорогах, расширялись ирригационные системы. Развивалась и внешняя торговля. Гостями матарамских гаваней были купцы не только с соседних островов, но также из Индии и Китая.

Незадолго до смерти Аирлангга, не имевший прямого наследника, разделил свое государство между побочными сыновьями. Из возникших вследствие этого уделов в начале XII в. возвысилось княжество Кедири. В течение XII – начала XIII в. оно распространило свою власть на соседние острова – возникло новое яванское *государство Кедири*. Обширная внешняя торговля Кедири и рост доходов с нее побудили китайского

автора последней четверти XII в. в своем географическом сочинении поставить яванское государство по богатству на второе место после мусульманской «Арабии».

Государство Кедири просуществовало до 1222 г., когда во время переворота правящая династия была низвергнута, а государство стало называться Сингасари.

Государство Сингасари и обстановка в Западной Индонезии в XIII в. Ранняя история Сингасари отмечена острой борьбой за трон, дворцовой резней. Но к середине XIII в. новая династия укрепилась, найдя идеологическую опору в доктрине махараджи-божества (бхатары), ставшего символом объединения светской и духовной власти. Этому способствовало сращение буддийской и индуистской религий и подчинение деятельности духовенства интересам монархии.

При последнем сингасарском махарадже, бхатаре **Кертанагаре** (1268–1292), консолидация общеяванского государства в восточной и центральной частях острова уже сопровождалась борьбой за соседние земли. Кертанагара пытался как военной силой, так и идеологическими средствами создать под эгидой Явы своего рода конфедерацию государств. С этой целью отправлялись экспедиции на Западную Яву, Мадуру, Бали, Суматру и Калимантан. Стремясь утвердить свою власть, монарх провозгласил себя воплощенным Шива – Буддой. Все эти меры были отчасти продиктованы отношениями с монгольскими правителями Китая, пытавшимися установить господство над Юго-Восточной Азией. В ответ на неоднократные требования Хубилая признать сюзеренитет монгольской династии над Сингасари, яванцы жестоко надругались над послами Хубилая, отрезав им носы.

Важнейшей частью объединительной политики Кертанагары стала также яванская экспансия на Восточную Суматру и даже Малаккский полуостров.

Здесь в течение второй половины XII–XIII вв. власть *Шривиджайи* постепенно ослабевала. От морской империи отпадали вассальные территории. Страна все чаще прибегала к чисто пиратским методам извлечения доходов и поддержания власти на морях. Теснимая с севера агрессивным тайским государством (Сукотаи), а с юга яванцами, держава Шривиджайя вскоре распалась.

Но и положение межостровного объединения под эгидой государства Сингасари было непрочным. В 1293 г., когда военные силы яванского государства были отвлечены на исполнение далеко идущих внешнеполитических целей, столица Сингасари была захвачена войсками его вассала из княжества Кедири.

В том же году на северном побережье Явы высадились монгольские отряды. Но войскам Хубилая не удалось подчинить Сингасари. Один из

местных принцев – **Виджайя** – сумел втянуть их в местные усобицы, а затем изгнать. В результате в 1294 г. Виджайя короновался, а его укрепленный лагерь в местности *Маджапахит* стал столицей одноименного нового государства. Так окончилась эпоха Сингасари.

Во второй половине XIII – начале XIV в. завершается феодализация общинной верхушки, складывается среднее и мелкое феодальное землевладение вне общины: эти группы становятся основными получателями земель как от монарха, так и, с его санкции, от общин. Они – основные просители земли, к ним же перешло от общин «право на доходы с ремесленников и торговцев в общине». Новыми стали и формы эксплуатации, распространяется «право на доходы с земли и людей вместе», связанное с эксплуатацией конкретным феодалом коллективов крестьян.

Государство Маджапахит в XIV в. Это была эпоха становления и расцвета централизованной яванской деспотии и сложения на ее основе островной империи Маджапахит – крупнейшего в средневековой Индонезии государственного объединения.

Ведущей фигурой в аграрных отношениях в Яванской империи наряду с деревенской верхушкой и общинами становятся средние светские землевладельцы. Происходит это на фоне обострения конфликтов из-за земли между усиливающимися средними владельцами и подчиняемыми ими общинами. Эти землевладельцы чаще, чем общины, получают теперь иммунитеты. Формы владений духовенства сближаются с формами владения светских феодалов.

Но эти землевладельцы не становились собственниками – центральная власть прибегает не к раздачам, а к юридическому оформлению самостоятельно возникающих феодальных владений. Она дает не землю, а документ на владение ею на льготных основаниях, причем все чаще – с полным исключением из сферы обложения (нечто вроде налогового иммунитета). Такая практика, естественно, вела к нехватке земель, что, возможно, было одной из причин военной экспансии Маджапахита.

В 1330–1364 гг., когда государственный аппарат Маджапахита возглавлял главный министр *Гаджа Мада*, на смену непрочному объединению пришла имперская стратегия последовательной территориальной экспансии. С завоеванием Бали расширился круг земель, непосредственно управляемых чиновниками махараджи. Под контролем яванской администрации находились и северояванские портовые города. Завоевательные кампании следовали одна за другой и направлялись на запад, восток, север – вплоть до Южной Малайи. В княжествах, входивших в сферу влияния Маджапахита, правили родственники махараджи и ставленники яванского царского дома.

Всю социально-политическую систему Маджапахита пронизывала деспотическая власть монарха, обожествленного махараджи. Он – *«господин Маджапахита, царь царей яванской земли»*. Култ династических предков служил поддержанию священного статуса монарха и его семьи.

Исполнительская власть и государственный контроль на всех уровнях, вплоть до крестьянской общины, обеспечивались разветвленным бюрократическим аппаратом. Провинциальное управление строилось по образцу центрального и находилось под надзором чиновников двора. Организация и деятельность буддийского и индуистского духовенства были подчинены интересам светской власти.

Вторая половина XIV в. была направлена на удержание территорий на Малаккском полуострове и сохранение мирных отношений с минским Китаем.

Упадок Маджапахита. Государства Индонезии и Малайи в XV – начале XVI в. После смерти Гаджа Мады, в конце XIV – начале XV в., в результате неуклонного усиления крупного наследственного землевладения в Маджапахите, ослаблявшего центральную власть, назревает кризис. Он был отмечен кровавой войной за престолонаследие, расколовшей в 1401–1406 гг. территориальное ядро государства – Восточную Яву. К этому времени от островной империи отпали и крупные внешние владения.

Ослабление центральной власти в Маджапахите, наступившее в XV в., подрывало и позиции официальной индуистско-буддийской идеологии и культа царя-бога. Это происходило в обстановке нарастающего влияния ислама в ряде подвластных империи государств, становления мусульманских княжеств и султанатов там, где власть Яванского государства и буддийского Сиамы была ослаблена или не успела утвердиться. Это были районы Южной Малайи, Северной и Восточной Суматры, Южного и Северного Калимантана, порты Северной Явы.

Усиление около 1400 г. портового города Малакки и образование затем **Малаккского султаната** положили начало новому крупному государственному объединению. На протяжении последующего столетия оно стало ведущей политической силой в Западной Индонезии и Малайзии, захватив контроль над ближневосточной и китайской торговлей в Южных морях.

Удобное положение у входа в Малаккский пролив, гибкая торгово-пошлинная политика, поддержка мусульманского, прежде всего индийского и арабского, купечества – все это способствовало быстрому обогащению и росту нового малайского государства. В пору своего расцвета во второй половине XV в. Малаккский султанат, успешно соперничая с Сиамом, господствовал почти на всем полуострове.

С малаккской торговлей были тесно связаны северояванские порты, через которые поступало в султанат продовольствие, железные изделия, пряности. Могущественную и разноплеменную купеческую олигархию этих портов объединяла приверженность исламу, который явился идеологическим знаменем «священной войны» против слабеющего Маджапахита. В 1478 г. войсками одного из княжеств была штурмом взята столица Маджапахита.

В 1527–1528 гг. войска коалиции северояванских городов захватили последние области Маджапахита и покончили с остатками средневековой Яванской империи. Наступил период типичной феодальной раздробленности, осложнившийся появлением в регионе португальских мореплавателей и колонизаторов.

Яванская и Малайская культура в XI–XV вв. развивалась на местной, яванской и малайской традициях, испытывавших, однако, индуистские, буддийские, а затем и мусульманские влияния.

В эпоху гегемонии Кедири при дворе его правителей отмечено развитие классической древнеяванской поэзии. Создавались обширные поэмы – «словесные храмы». Большое развитие получил театр теней.

XIII–XIV вв., при Сингасари и Маджапахите, были временем расцвета самобытного позднеклассического стиля монументальной яванской архитектуры и пластики, строительства многих святилищ – культа предков династии. Синтез шиваизма, буддизма и местных верований получил отражение не только в зодчестве и изобразительном искусстве, но и в богатой литературе: это и религиозно-философские произведения, и местные повествовательные жанры, и своего рода придворная историография. Высокого развития достигли ремесла: выделка узорных батиковых тканей, металлообработка, ювелирное мастерство.

При Сингасари окончательно утвердился яванский язык, вытеснивший из литературы санскрит.

Вместе с дальнейшим ростом торгово-экономических и культурно-этнических связей росла и посредническая роль малайского языка и литературы, особенно в прибрежных районах. В этом немалую роль играло распространение исламизированной культуры, впитавшей арабо-мусульманские и персидские элементы. Именно ислам и малайский язык стали государственными в образованной в 1945 г. Республике Индонезия.

Храм эпохи Сингасари, XIII в.

Итак, мы рассмотрели бурную историю становления и развития средневековых обществ и государств в далеком от нас регионе – Юго-Восточной Азии. Благоприятные в целом природные условия – теплый и влажный климат, удобные морские связи способствовали там бурному росту населения и хозяйственному развитию. Сказывалось и влияние соседних древних монархий Индии и Китая, чьи активность, а, порой, и агрессивность выталкивали часть завоевываемых ими племен на земли Индокитая, население которого к началу новой эры еще не создало устойчивых государственных образований. В итоге, как это часто бывало на «варварской периферии», именно пришлые племена и становились катализаторами создания государств в регионе. А бурно растущее разнородное население способствовало той драматичной и запутанной, даже для историков, борьбе, которую мы проследили.

Но при всем многообразии этнокультурных особенностей и политических событий, весь регион, во-первых, пребывал в лоне буддийско-индуистского мировоззрения, и, во-вторых, воспринял традиционно восточный тип феодальных порядков – преобладание государственной собственности на землю, на которой основывались деспотические режимы.

Именно это общественное устройство, этот деспотизм замедляли поступательное развитие народов региона, которые, несмотря на высокие достижения в культуре, так и не вышли за рамки доиндустриальной цивилизации. Впрочем, это относится ко всему Востоку.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

ОСОБЕННОСТИ. Специфика африканской истории – крайняя неравномерность развития. Если на одних территориях в течение конца I – первой половины II тыс. сложились вполне оформленные государства, нередко весьма обширные, то в других землях сохранялись родоплеменные отношения. Государственность, за исключением северных, присредиземноморских земель (где она существовала с античных времен), в средние века распространялась только на территорию к северу и частично к югу от экватора, прежде всего в так называемом *Судане* (зоне между экватором и Северным тропиком).

Характерной особенностью африканской экономики было то, что по всему континенту земля не отчуждалась от ее владельца, даже при общинной организации. Поэтому и покоренные племена почти не обращались в рабство, а эксплуатировались взиманием налогов или дани. Возможно, это было связано с особенностями обработки земли в условиях жаркого климата и преобладания засушливых или переувлажненных земель, что требовало тщательной и длительной обработки каждого участка, пригодного для земледелия. Вообще, надо заметить, что к югу от Сахары сложились весьма суровые условия для человека: масса диких животных, ядовитых насекомых и пресмыкающихся, буйная растительность, готовая задушить каждый культурный росток, одуряющий зной и засухи, сменяющееся изобилием осадков и наводнений. Из-за жары здесь развелось много болезнетворных микробов. Все это предопределило рутинность африканского экономического развития, что вело к замедлению общественного прогресса.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО СУДАНА. Среди занятий населения преобладало земледелие. Кочевое скотоводство как основа существования было характерно лишь для немногих племен региона. Дело в том, что тропическая Африка была заражена мухой цеце – переносчицей сонной болезни, губительной для крупного рогатого скота. Менее уязвимы были козы, овцы, свиньи и верблюды¹.

Земледелие было в основном подсечным и переложным, чему способствовала малая плотность населения и, следовательно, наличие свободных земель. Периодические ливни (1–2 раза в год) с последующим сухим сезоном (кроме экваториальной зоны) требовали ирригации. Почвы Сахеля² и саванн бедны органикой, легко истощаются (бурные

¹ Сонной болезнью могут заразиться и люди. Без специального лечения она ведет к смерти.

² Сахель – берег (араб.). Здесь – берег пустыни – территория между южной кромкой Сахары и саванной.

ливни вымывают минеральные соли), а в сухой сезон растительность выгорает и не накапливает перегной. Плодородные аллювиальные почвы расположены только островками, в долинах рек. Нехватка домашних животных ограничивала возможность удобрять почву органикой. Мало-численность крупного рогатого скота делала невозможным применение тягловой силы. Все это позволяло обрабатывать почву только вручную – мотыгами с железными наконечниками и удобрять землю только золой от сжигания растительности. Плуга и колеса не знали.

Этими особенностями, вероятно, объясняется и специфическое место лошади у африканцев. Она была, прежде всего, престижным животным, которому отводилась важная роль в церемониях и ритуалах. Привозные лошади ценились очень дорого и находились в монопольном владении знати. Для нужд сельского хозяйства и для перевозки грузов лошадей, за немногими исключениями, практически не использовали. Мотыжное земледелие также не нуждалось в тягловых животных. Для перемещения грузов традиционно использовались носильщики, труд которых стоил во много раз дешевле, чем любая лошадь. Потому не было и повозок. В военном деле лошадей также использовали мало¹.

Опираясь на современные знания, можно сделать вывод, что преобладание мотыжного земледелия и неприменение тягловой силы при обработке почвы было вынужденным приспособлением к природным условиям и не обязательно свидетельствовало об отсталости земледелия в Тропической Африке. Но, тем не менее, это обстоятельство замедляло общее развитие населения.

Ремесло сложилось в общинах, где ремесленники занимали привилегированное положение и полностью обеспечивали своих соседей необходимыми изделиями. Прежде всего выделялись кузнецы, гончары, ткачи. Постепенно, с развитием городов, торговли и сложением городских центров, появляется и городское ремесло, обслуживавшее двор, армию, городских жителей. В XIV–XV вв. в наиболее развитых районах Западного Судана возникли объединения ремесленников одной или смежных профессий – подобие европейских цехов. Но как и на Азиатском Востоке, они не были самостоятельными и подчинялись властям.

В некоторых государствах Западного Судана в XV–XVI вв. стали складываться элементы мануфактурного производства. Но самобытное развитие африканского ремесла и его организационных форм было задержано, а во многих местах и прервано европейской колонизацией и работорговлей.

СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО СУДАНА. Для населения Сахеля была характерна древняя традиция обмена с северными кочевниками – бер-

¹ Кочакова Н. Б. Лошадь в истории и культурах африканских народов // Восток. 2002. № 6. С. 25–38.

берами. Торговали продуктами земледелия и скотоводства, солью и золотом. Торговля была «немой». Торговцы не видели друг друга. Обмен происходил на лесных полянах, куда одна сторона приносила свои товары и затем скрывалась в лесу. Затем другая сторона приходила, осматривала принесенное, оставляла свои товары соответствующей стоимости и уходила. Затем возвращались первые, и если их удовлетворяло предложение, забирали его, и сделка считалась состоявшейся. Обман случался редко (со стороны северных купцов).

Наиболее была развита транссахарская торговля золотом и солью. Россыпи золота были обнаружены в лесах Западного Судана, Верхнего Сенегала, в Гане, в бассейне Верхней Вольты. Соли в Сахеле и южнее почти не было. Ее добывали в Мавритании, оазисах Сахары, соляных озерах современных Замбии и в верховьях Нигера. Там даже дома строили из соляных блоков, покрытых верблюжьими шкурами. Южные племена Западного Судана – хауса, покупавшие сахарскую соль, знали 50 наименований ее сортов.

Именно здесь, на севере Западного Судана в VII–VIII вв. складываются крупные торговые центры, вокруг которых затем формировались и политические объединения.

Самым древним здесь было государство **Гана** или **Аукар**, первые сведения о котором относятся к VIII в. Этническая основа – народность *сонинке*. В IX в. правители Ганы упорно воевали с северными соседями – берберами за контроль над торговыми путями в Магриб. К началу X в. Гана достигла наибольшего могущества, которое опиралось на монопольный контроль за торговлей всего Западного Судана с севером, что способствовало экономическому процветанию. Однако во второй половине XI в. султан альморавидского (марокканского) государства Абу Бекр ибн-Омар подчинил Гану, обложил ее данью и взял под контроль золотые прииски страны. Правитель Ганы принял ислам. Спустя 20 лет в ходе восстания Абу Бекр был убит и марокканцы изгнаны. Но значение Ганы не было восстановлено. На ее сильно сократившихся границах выросли новые монархии.

В XII в. наибольшую активность проявило царство **Сосо**, которое в 1203 г. завоевало Гану и вскоре подчинило все торговые пути в регионе. Опасным соперником царства Сосо становится расположенное в центре Западного Судана Мали.

Возникновение государства **Мали** (Мандинг) относится к VIII в. Первоначально оно располагалось на Верхнем Нигере. Основную массу населения составили племена *малинке*. Активная торговля с арабскими купцами способствовала проникновению к XI в. в среду правящей элиты ислама. Начало экономического и политического расцвета Мали относится ко второй половине XII в. К середине XIII в. при видном пол-

ководце и государственном деятеле **Сундиата** была подчинена почти вся территория Сосо с районами золотодобычи и караванными путями. Устанавливается регулярный обмен с Магрибом и Египтом. Но разрастание государственной территории привело к росту сепаратизма на местах. В итоге со второй половины XIV в. Мали слабеет и начинает терять отдельные территории.

Активная внешняя политика мало затронула сельские общины. В них господствовало натуральное хозяйство. Наличие в общинах ремесленников основных специальностей не вызывало необходимости торговать с соседями. Поэтому местные рынки, хотя и были, но не играли особой роли.

Внешняя торговля велась прежде всего золотом, солью, рабами. Мали добилась монополии в торговле золотом с Северной Африкой. В этой торговле участвовали государи, аристократия, служилые люди. Золото обменивалось на ремесленные изделия арабов и, особенно, на соль, настолько необходимую, что она менялась на золото в соотношении по весу 1:2 (соли в Сахеле практически не было и ее доставляли из Сахары). Но золота добывали много, до 4,5–5 т в год, что полностью обеспечивало знать и не требовало особого нажима на крестьян.

Когда в 1324 г. правитель Мали Манса Муса отправился в Египет, он взял с собой в путешествие «8 тысяч придворных, 12 тысяч рабов, 100 верблюдов, каждый из которых нес по 140 килограммов золота». В итоге произошло обесценивание этого металла, а вслед за этим и валютный кризис, из которого Египет потом выбирался 12 лет.

Основной ячейкой общества была большая патриархальная семья. Несколько семей составляли общину. Равенства в общинах не было. Господствующий слой – старейшины патриархальных семей, ниже стояли главы малых семей, далее – рядовые члены общины – свободные крестьяне и ремесленники, еще ниже – рабы. Но рабство вечным не было. В каждом последующем поколении они обретали отдельные права вплоть до превращения в вольноотпущенников, которые даже занимали важные государственные посты. 5 дней в неделю рядовые общинники, рабы и вольноотпущенники совместно обрабатывали землю патриархальной семьи, а 2 дня трудились на выделенных им индивидуальных наделах – огородах. Участки распределяли главы больших семей – «владыки земли». В их же пользу отчуждалась часть урожая, продуктов от охоты и т.п. По сути, эти «владыки» были вождями с элементами феодальных господ. То есть здесь наблюдались своеобразные феодально-патриархальные отношения. Общины объединялись в роды, главы которых имели собственные военные отряды из рабов и других зависимых людей.

Государства Африки в средние века и раннее новое время

Верхушка господствующего сословия состояла из отмеченных глав патриархальных семей, входивших в правящий род. Ветвь клана, жившая компактно, составляла основу сельской общины. Несколько соседних общин объединялись в «союз». Кланов тоже заключали такие союзы. Состоять союзником богатого, многочисленного и знатного клана было весьма почетно. Самыми знатными являлись кланы *Конате* и *Кейта*, старшие ветви которых были потомками царей Мали. Все общество *мандинго* было строго и сложно иерархизировано. Внутри семьи каждый и каждая – свободнорожденный, сын свободного и невольницы, невольник, вольноотпущенник, клиент, средний сын младшей жены и т.д. – четко знали свое место в семейной иерархии, внутри сельской общины.

Нижестоящей группой правящего слоя были вожди подчиненных родов и племен, сохранившие, однако, внутреннюю автономию. Но появлялась военно-служилая прослойка из надзирателей, начальников рабской гвардии, вольноотпущенников на государственных должностях.

Они нередко получали от правителей землю, что позволяет в них видеть подобие дворянства (на стадии его зарождения). Но это, как и везде, вело к росту сепаратизма и в конце концов – к распаду Мали.

Другой причиной распада государства была отмеченная торговля золотом. Она покрывала нужды знати и не побуждала увеличивать доходы за счет развития других элементов хозяйства. В итоге богатство от обладания золотом привело к застою. Мали стали обгонять соседи.

С упадком Мали на восточных ее рубежах выросло региональное образование **Сонгай** (или Гао – по названию столицы). В XV в. Сонгай добилося независимости и создало свое государство на Среднем Нигере, все на тех же торговых путях. Но многочисленные завоевания вызвали восстания, особенно на покоренных землях Мали и к первой половине XVI в. Сонгай пришло к упадку. В положении правящего сословия в отличие от Мали значительную роль играли крупные поместья, на которых работали посаженные на землю рабы. Но положение потомков рабов (из военнопленных) в каждом последующем поколении смягчалось. Значительной в государстве была роль городов. В столице – Гао жило до 75 тыс. человек, а в отдельных ткацких мастерских Тимбукту работало более 50 человек.

К западу, в бассейне Верхней Вольты среди племен *моси* в XI в. сложилось несколько государственных образований со значительной ролью рабовладения в поместьях, что похоже на порядки в Сонгай. Некоторые из отмеченных государств просуществовали до прихода сюда французов в XIX в.

На крайнем западе Африки, в среднем и нижнем течении р.Сенегал в VIII в. сложилось государство **Текрур**. Созданное из разных этнических групп, оно отмечено постоянными столкновениями между входившими в его состав племенами. К межплеменной вражде в IX в. прибавились конфликты между сторонниками местных религий и появившимися мусульманами. Это обусловило постоянную смену династий.

Обширная территория к западу от оз.Чад, населенная племенами **хауса**, в VIII–X вв. покрывается сетью отдельных городов-государств со значительным рабовладельческим укладом. Рабы использовались в ремесле и сельском хозяйстве. Вплоть до XVI в. на указанных землях царила политическая раздробленность.

В VIII в. к востоку от оз.Чад возникло государство **Канем**, которое в XI–XII вв. подчиняет и некоторые племена группы хауса.

Древним центром африканской культуры было побережье Гвинейского залива, населенное племенами **йоруба**. Из государств на этой территории наиболее крупным было **Ойо**, основанное в IX–X вв. Во главе стоял монарх, ограниченный советом знати. Последний был высшим административным и судебным органом, выносил смертные приговоры,

в том числе и самому правителю. Перед нами своеобразная конституционная монархия с сильно развитой бюрократией. Ойо было связано торговлей с северными землями и имело от этого значительные доходы. В городах сложилось высокоразвитое ремесло, известны объединения типа цехов. Например, уже с XI в. в городе Ифе было налажено изготовление бус из цветного стекла.

К югу от рассмотренных государств Западного и Центрального Судана в XIII–XIV вв. появились похожие по устройству на государства Судана **Камерун** и **Конго**.

Обычаи. Большинство народов Западного Судана не создало своей письменности. Некоторые использовали элементы арабского письма. Религия преобладала языческая. Ислам по настоящему стал распространяться с XIII–XIV вв., а до сельского населения стал доходить с XVI в. Но и в мусульманское время, не говоря уже о более раннем, к монархам относились как к языческим жрецам. Считалось, что правитель в силу своего положения контролировал природу. От его здоровья, исполняемых им магических ритуалов зависело размножение подданных, животных и растений в его государстве. Он определял сроки сева и других работ.

Любопытные наблюдения над бытом африканцев сделали арабские путешественники. По сообщению Ибн Баттуты (XIV в.) они, более чем любой другой народ, выражают преданность и почтение своему государю. Например, в знак почтения перед ним снимают верхнюю одежду и остаются в лохмотьях, ползают на коленях, посыпают голову и спину песком и удивительно, как песок не попадает им в глаза. Он же отмечал практически полное отсутствие воров и грабителей, что делало безопасными дороги. Если же белый умирал среди них, то его имущество специальное доверенное лицо из местных хранило до прибытия родственников или других с родины умершего, что было важно для купцов. Но, сожалел путешественник, во дворе царя девочки и женщины ходят с открытыми лицами и нагими. Многие у них едят падаль – трупы собак и ослов. Есть случаи людоедства. Причем предпочтение отдается черным. Мясо белых считают незрелым. Вообще, пища малийцев, среди которых бывал Баттута, восторга у него не вызывала. Даже на парадный обед, сетовал он, подавалось лишь просо, мед и кислое молоко. Обычно же предпочитали рис. Он же подробно писал о «друзьях» мужчин и женщин, состоявших в браке, то есть о довольно свободных внебрачных связях и рассуждал, как это соотносится с мусульманской религиозностью жителей.

ЭФИОПИЯ. В Восточном Судане, в северной части Абиссинского плоскогорья существовало царство **Аксум**. Корни его уходят в середину I тыс. до н.э., когда пришельцы из Южной Аравии принесли в долину

Нила семитские языки. Это государство в начале своей истории было связано с греко-римским миром. Его расцвет приходится на IV в н.э., когда власть аксумских царей распространялась не только на большинство эфиопских земель, но и на южно-аравийское побережье (Йемен и южный Хиджаз – в V в.). Активные связи с Византией способствовали распространению христианства среди высших слоев общества около 333 г. В 510 г. иранцы во главе с Хосровом вытеснили Аксум из Аравии. В VIII в. начавшаяся арабская экспансия стала причиной постепенного упадка Аксума. Население было оттеснено от моря и постепенно переселялось на бесплодные внутренние земли Абиссинского плоскогорья. В XIII в. к власти приходит *Соломонова династия*, просуществовавшая до революции 1974 г.

Общественный строй средневековой Эфиопии был характерен преобладанием феодального уклада. Крестьяне, входившие в общину, считались держателями земли, верховным собственником которой был царь – **негус**. Он, а в период раздробленности правители областей на условиях несения службы имели право на землю вместе с сидевшими на ней крестьянами. Крепостного права не было, но землевладельцы могли требовать от крестьян работать на них каждый пятый день – своеобразная барщина. Рабство тоже было, но носило вспомогательный характер.

Как было показано, в рассмотренной части Тропической Африки, кроме Эфиопии, начало формирования государственных образований приходилось примерно на VIII в. Для социально-экономических отношений была характерна многоукладность. В зависимости от местных условий и стадий общественного развития превалировали рабовладельческие (более ранняя стадия) или раннефеодальные (более поздняя стадия) отношения. Но наличие во всем регионе значительного слоя крестьян-общинников способствовало развитию феодальных элементов как ведущей тенденции. Рассмотренный тип общественных отношений в целом более близок средневековым цивилизациям Востока. Но в отличие от них четко выраженных социальных групп – сословий здесь не было до XIX в. Происходило своеобразное вращение родового строя в государство, что и составило специфику африканской цивилизации.

При этом общим элементом региона было наличие прочной и разветвленной общинной организации, главенствующей на земле и, следовательно, в социальном устройстве основной массы населения – крестьян. Частная земельная собственность была неизвестна. Возникавшие государства сосуществовали с общинами.

Своеобразие этой цивилизации, вероятно (есть разные мнения), вызывалось тем, что господствующие слои здесь начали выделяться

не в силу появления избыточного продукта в рутинно развивавшемся земледелии, а в процессе борьбы за доходы от транзитной торговли, которая была наиболее активна в Западном Судане. Земледельческое население не нуждалось в предметах этой торговли и не участвовало в ней. Поэтому в деревне долго сохранялись родовой-общинные порядки, на которые сверху накладывалась определенным образом организованная власть родовой аристократии.

Государства здесь формировались без выделения социальных групп и частной собственности. Правящий слой – это не только сначала, но и долгое время, до прихода европейцев – большие семьи – кланы. Их главы становились вождями. Служилыми людьми при них оказывались сородичи, которым в силу родственных связей не платили за службу землей. Поэтому не возникала и частная земельная собственность. Низший правящий слой в общинах – главы семейств, которые становились одновременно как бы администраторами. В таких условиях, естественно, отделение правящего слоя от основной массы населения, превращение его в особое сословие, происходило очень медленно и во многих местах не завершилось и донине. Стадиально это – очень затянувшийся ранний этап становления феодализма, который в Европе, например, преодолевался за 100–150 лет.

Надо заметить, что феодализм в рассмотренной части Африки не признается теми исследователями, которые понимают под феодализмом только господство крупного феодального землевладения. Автор же данного пособия, напомним, считает феодальным обществом то, для которого характерен весь комплекс общественно-политических и экономических взаимосвязей средневековья (власть, основанная на личном господстве, существующая за счет различных видов ренты от сидящих на земле пользователей-крестьян). При таком понимании феодальным можно считать общество, жизнь которого определяется субъективными устремлениями землевладельческой знати, подчинявшей своей воле объективно существующие экономические и социальные законы. Несовпадение этих двух факторов, игнорирование феодальным сословием этих объективно существующих законов и привело, в конечном счете, к разложению феодальных порядков.

Эфиопия по происхождению и типологически близка ближневосточной модели.

ДОКОЛУМБОВА АМЕРИКА

Американский континент не входит в древнейшую человеческую ойкумену. Долгое время считалось, что первые люди появились там в промежутке от 20 до 12 тыс. лет тому назад (вероятнее всего из Азии). Однако в последние десятилетия появилось относительно много свидетельств обнаружения следов более раннего пребывания человека в Америке – с 50–40 тыс. лет назад. Современные исследования установили, что вся популяция коренных жителей Америки – от Аляски и Гренландии до юга Чили, имеет один и тот же генетический маркер. Кроме Америки такой маркер встречается только у чукчей и коряков, которые живут по другую сторону Берингова пролива. Вероятнее всего, народы северо-восточной Азии и американские индейцы имеют общего предка, что подтверждает гипотезу о заселении Американского континента из Сибири. Вместе с тем, среди исследователей есть и сторонники гипотезы о возможном проникновении в Америку негроидного населения из Африки через Полинезийские о-ва, т.е. через Тихий океан, или из Западной Сахары через Атлантику¹. Поскольку эти предположения опираются на некоторые находки примерно середины I тыс. до н.э., речь может идти о каких-то более поздних локальных миграциях.

В средние века основное население континента составляли племена охотников и собирателей и земледельцев. Судя по археологическим свидетельствам, некоторые из них создавали довольно населенные анклавы, как, например, поселение, существовавшее в течение нескольких столетий на берегу реки Миссисипи, у города Сент-Луис в США. В нем в начале II тыс. по разным оценкам в период расцвета проживало от шести до сорока тысяч человек. Со второй половины XII века город начал клониться к упадку и на рубеже XV в. был окончательно оставлен жителями. Причинами этого исследователи называют обычно экологические факторы: недостаток пищи из-за чрезмерной охоты, исчезновение лесов, наводнения, а также, возможно, из-за вторжения чужеземных народов или в результате внутреннего политического кризиса.

Но наиболее развитые общества Нового Света возникли южнее, где сложилось 2 наиболее развитых земледельческих центра: Мезоамерика (современные Мексика, Гватемала, Гондурас) и область Анд (Перу, Колумбия, север Чили). Жители этих мест достигли высокого уровня развития до появления в Америке испанцев в начале XVI в. Печальный парадокс состоит в том, что европейцы начали свою колонизаторскую деятельность именно с этих, самых развитых земель континента.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Отличительной чертой земледелия этих мест было отсутствие тягловой силы. Все сельскохозяйственные работы велись вручную и поэтому европейцам более напоминали огородничество

¹ См., напр.: *Гончарова Т. В.* Заселение Америки: час черного человека // Латинская Америка. 2006. № 7. С. 72–88. В 1947 г. норвежский путешественник Тур Хейердал для подтверждения возможности пересечения Тихого океана совершил плавание на аутентичном плоту.

Государства Доколумбовой Америки

вые охотники Америки долгое время не угрожали оседлому населению, что, кстати, не требовало, как в Старом Свете, консолидации земледельцев в союзы и государства. А ведь именно военная опасность ускоряла социальное развитие первобытных обществ, усиливала роль знати с ее потребностями к богатству и военным грабежам. Все это замедляло и развитие военной техники. Убийства и разбой в таких масштабах, которые принесли в Америку европейцы, до них там не были известны.

Небольшая плотность населения при наличии огромных земельных массивов давала простор экстенсивной экономике: по мере роста земледельческого населения осваивались новые места; интересы прежних жителей при этом не ущемлялись. Так же и охотники могли практически беспрепятственно передвигаться в поисках дичи, не угрожая земледельцам.

Среди земледельческого населения складываются 2 группы. Одни, населявшие лесные земли, обрабатывали их с помощью подсеки и периодически, из-за истощения почв должны были перемещаться и не создавали стабильных поселков на одном месте. В сухой же и открытой местности обилие минеральных веществ у самой поверхности почвы позволяло сохранять плодородие земли длительное время. В таких регионах сложилась вторая группа земледельцев, создавших стабильные очаги расселения, в которых сформировались довольно высокоразви-

(вспомним, впрочем, что так обрабатывали землю и в Тропической Африке). Приручены были только собаки, индюки, ламы. Последних использовали как вьючных животных, но они были способны переносить лишь до 24 кг на небольшие расстояния¹. Коров, овец, лошадей в Америку завезли испанцы.

Отсутствие тяглого скота препятствовало передвижению больших масс людей. Поэтому коче-

¹ Поэтому, кстати, не использовали и колеса. Хотя их, в принципе, знали, в чем свидетельствуют обнаруженные ритуальные круги.

тые культуры. Именно такие культуры и предпочитали завоевывать в XVI в. испанцы, ибо там был больший простор для наживы, чем у первобытных племен.

Еще одной особенностью хозяйства местного населения было то, что при общем высоком уровне ремесла, в том числе художественного, железа, как и гончарного круга, до прихода европейцев здесь не знали.

АЦТЕКИ. Их высокоразвитое общество сложилось в Центральной Мексике из родственных племен, первоначально кочевавших в западных землях этой страны.

В начале XV в. ацтеки обосновались на острове посреди оз.Тескоко. К середине XV в. там возник грандиозный племенной поселок (пуэблo) под названием *Мехико*. Затем началось разрастание влияния ацтеков на соседей. Покоренные племена были обязаны трудиться на завоевателей 20–30 дней в году. Жителей Мехико в начале XVI в. насчитывалось более 60 тыс. (по некоторым данным – 150–200 тыс.) человек.

Хозяйство и быт. Основу жизни ацтеков составляло возделывание кукурузы (маис) – самого питательного из злаков¹. Питались также бобовыми, тыквой, возделывали табак. Земледелие, по сути, было огородным, на искусственно орошаемых участках. Землю обрабатывали примитивными палками-копалками (*коа*). Маисовая пища постепенно освободила ацтекское общество от людоедства, сохранившегося, впрочем, в религиозном культе. Неразвитое скотоводство ограничивало пищевой рацион ацтеков (ели собак, индеек, диких птиц и мелких животных). Молочная пища практически отсутствовала, что отрицательно сказывалось на росте населения. Главным видом питания была *тортилья* – кукурузная лепешка до 30 см в диаметре. Трехлетнему ребенку давали в день половину лепешки, в 13 лет – 2 лепешки с добавлением бобов и дичи.

Торговля была исключительно натуральной – денег не существовало. Их обычно заменяли бобы какао, реже стержни перьев, наполненные золотым песком и тонкие медные ножи в виде серпов. Например, яйцо индейки стоило 3 зерна какао, кролик – 30 зерен. Наибольшей ценностью обладали нефрит и подобные ему камни.

При таких примитивных земледелии и торговле необычайно высокого уровня достигли ремесла. Ацтеки создали искусную ирригационную систему, чем выделялись среди соседних народов. Из кирпича-сырца они строили довольно высокие здания крепостного типа. Обрабатывали золото, серебро и медь, но лишь холодной ковкой. Однако железа не знали, потому применяли каменное оружие. Великолепные хлопчатобумажные ткани создавали лишь при помощи пряслица и веретена – станка тоже не знали. К нарядной одежде относились и платья из пестрых

¹ Здесь, кажется, была и родина кукурузы, которая стала культивироваться еще в V–IV тыс. до н.э.

птичьих перьев. Искусным гончарам не был известен, как отмечалось, гончарный круг. Без многих, известных в Старом Свете приспособлений, ацтекские ремесленники достигли большого мастерства в прикладном искусстве, образцами которого восхищались затем в Европе.

Весьма примитивным было пиктографическое (рисуночное) письмо, которое использовалось в основном для фиксации получаемой от покоренных народов дани.

Неразвитыми были и семейные отношения. Ко времени прихода испанцев (начало XVI в.) моногамии скорее всего не было – существовала парная семья. Но женщины, по некоторым данным, занимали более равноправное положение в семье, чем в Старом Свете. Как и обычно среди воинственных племен, мужчин у ацтеков было меньше и распространилась полигамия. Но первая по счету жена считалась старшей и только ее дети считались наследниками семейного имущества. Разрешалось иметь наложниц, существовала и проституция. Разводы разрешались лишь в исключительных случаях. Для мужчин таковыми считались: бесплодие жены, ее сварливость и пренебрежение домашними обязанностями; для женщин: если муж не содержит жену, бьет ее, не воспитывает детей. Разведенная могла выходить замуж по своему усмотрению, но вдова – только за брата покойного мужа или за другого члена его рода.

Женщины обладали имущественными правами, могли обращаться в суд. Девушкам предписывалось нравственное поведение. Добрачные связи порицались, замужние должны были хранить верность своим мужьям. Но для мужчин нарушением супружеской верности считались только связи с другими замужними женщинами. В иных случаях верность супруга не требовалась. Допускались браки между различными племенами.

Детей начинали воспитывать с третьего года жизни, когда их отнимали от груди. До восьми лет использовали только увещевания, затем разрешались и телесные наказания от прокалывания руки шипом агавы до оставления связанным и голым в грязи на всю ночь¹. Господство ручного труда позволяло рано включать детей в дела взрослых. Уже с четырех лет их начинали привлекать в хозяйство: мальчикам поручали приносить воду, девочек учили названиям домашних предметов. С 15 лет, иногда раньше, юноши учились в особых школах. Специально обучали будущих жрецов и жриц. В храмовых школах учили пению и истории. В других школах изучали календари, чтение, законы. Отдельные школы были для воинов, где учили историю, ритуалы, песни, танцы и практиковали тяжелый физический труд.

Брачный возраст у юношей наступал с 20 лет, у девочек – с 16 лет. Ритуал сватовства был очень сложен из-за приданного. Сразу после

¹ В горах, на высоте более 2 тыс. м, ночи, понятно, теплыми не были.

свадьбы утомленные молодые удалялись на 4 дня покаяния и поста и лишь после такого очищения завершали свое вступление в брак.

Мужчина достигал положения в племени своими заслугами перед обществом. В наибольшем почете были ловкие и удачливые воины, захватывавшие побольше пленных для жертвоприношений. С развитием экономики стало возможным достигать положения успехами в торговле и ремесле.

Общественные порядки. Религия и ее носители – жрецы – проникали во все сферы повседневной жизни. Однако религия не касалась вопросов морали и грешников не ожидало посмертное наказание.

Но гражданские наказания за уголовные преступления были суровы. Воровство нередко каралось смертью (в незначительных случаях – рабством). Убийство, даже раба, также влекло смерть, как и бунт, и предательство. Серьезным проступком считалось пьянство, за исключением участия в отдельных обрядах. За злоупотребление спиртным предусматривался целый спектр наказаний: от общественного порицания, бритья головы, изгнания, до казни побитием камнями или палками¹. Лишь для пожилых, имевших заслуги, делались исключения.

Существовало строгое деление на социальные группы. За ношение несоответствующей статусу одежды предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. Простолудин мог носить накидку ниже колен, только если на коленях были боевые шрамы. Никто, кроме вождей, не мог строить дома выше двух этажей.

Армия ацтеков состояла из всех мужчин, способных носить оружие, то есть представляла собой народное ополчение. Но по мере усложнения структуры общества оформлялась более четкая военная организация. Основной военной единицей была группа в 20 человек. Крупными соединениями командовали родовые вожди. Молодежь начинали обучать военному делу с 15 лет. В сражениях каждый новобранец шел за опытным воином. Главным наступательным оружием были деревянные дубины, унизанные острыми кусками обсидиана (кремня), а также дротики, которые бросали с помощью метательной дощечки. Использовали лук и стрелы, но предпочитали рукопашный бой. Защищали воинов плетеные щиты, покрытые кожей, а также стеганные хлопчатобумажные панцири, намоченные в особом рассоле. Эти панцири настолько хорошо защищали от дубин и дротиков

Ацтекские воины

группа в 20 человек. Крупными соединениями командовали родовые вожди. Молодежь начинали обучать военному делу с 15 лет. В сражениях каждый новобранец шел за опытным воином. Главным наступательным оружием были деревянные дубины, унизанные острыми кусками обсидиана (кремня), а также дротики, которые бросали с помощью метательной дощечки. Использовали лук и стрелы, но предпочитали рукопашный бой. Защищали воинов плетеные щиты, покрытые кожей, а также стеганные хлопчатобумажные панцири, намоченные в особом рассоле. Эти панцири настолько хорошо защищали от дубин и дротиков

¹ Кстати, при другом месте религии в обществе, совершенно аналогичный вид казни предусмотрен и мусульманским правом.

все тело, что испанцы предпочитали их тяжелым, особенно на жаре, рыцарским доспехам. Были у ацтеков и особые деревянные шлемы, больше служившие украшением, чем защитой. Каждый воин сам украшал свой «мундир», чаще всего перьями.

Отсутствие выючных животных и запрет питаться за счет местного населения (из-за опасения вызвать возмущение при общем дефиците продуктов) делали военные кампании кратковременными. Конфликт обычно решался одним сражением. По этим же причинам осадные операции были практически невозможными и специальные укрепления были редкими. Все это не создавало потребности в создании и совершенствовании специальной военной техники. Бой, обычно, состоял в стремлении одной толпы разгромить, а чаще обратить другую в бегство. После этого победители подбирали трофеи, забирали пленных, сжигали местный храм и, обложив побежденных данью, оставляли их в покое. В военной тактике практиковалось нападение небольших отрядов с последующим ложным бегством, которое заманивало противника в засады. Поскольку в рукопашной схватке урон обычно был невелик, потери учитывались по количеству пленных. А пленение начальников могло деморализовать целую армию. Понятно, что такой способ ведения войны был непригоден при столкновении с европейцами, за что ацтеки, как и другие индейцы поплатились в XVI в.

Вернемся к религии. Хотя, как отмечалось, в гражданско-правовые отношения она не вмешивалась, но роль в жизни ацтеков играла большую. Пантеон богов был значительным, ибо одухотворялись силы природы. Были и богини – жены богов и их подруги. Многие ритуалы отличались первобытной жестокостью. Так, при обряде, связанном с культом смены времен года, жрецы бога *Шипе*, символизирувавшие весну сменой «одежды земли», одевались в кожу, снятую с пленников. По мнению ацтеков, чтобы добиться благосклонности богов, надо их содержать в довольствии. А лучшим лакомством для богов считалось человеческое сердце. Так устанавливался порочный круг. Боги содействовали процветанию ацтеков, но за это те должны были кормить их человеческими сердцами. В соответствии с этим благополучие племени зависело от военных успехов, в ходе которых добывались искомые органы для жертвоприношений. Но победы тоже зависели от благосклонности богов, что требовало новых сердец и новых войн. То есть войны с целью добычи пленников для кровавых ритуалов дополня-

Жертвоприношение

ный круг. Боги содействовали процветанию ацтеков, но за это те должны были кормить их человеческими сердцами. В соответствии с этим благополучие племени зависело от военных успехов, в ходе которых добывались искомые органы для жертвоприношений. Но победы тоже зависели от благосклонности богов, что требовало новых сердец и новых войн. То есть войны с целью добычи пленников для кровавых ритуалов дополня-

Ацтекский аристократ жертвует собой ради своей страны. Хуан де Товар. 1585 г.

шей едой, и он всегда передвигался с окружением, в котором была охрана. Ему давали четырех божественных женщин для компании и сексуальной активности, чтобы питать космос энергией. Ближе к концу его увозили из города и поднимали на пирамиду, где и происходило жертвоприношение. Несмотря на то, что члены семьи бывали опечалены потерей близкого, жертвоприношение воспринималось как честь¹.

Рабов использовали для второстепенных обрядов. Еще реже при ритуалах, связанных с плодородием, умерщвляли женщин и детей. Иногда практиковалось и магическое людоедство, ибо считалось, что пожирающему человеческое мясо передавались добродетели съеденного. Кровопускание также было угодно богам и нередким было самоистязание, причем для занимавших более высокое положение посты и пытки были изощреннее.

При таком обилии крови число жертв не интересовало авторов исторических источников. Поэтому достоверные цифры привести нельзя. Но есть описание самого ритуала жертвоприношения, когда у опрокинутой спиной на алтарь жертвы кремневым ножом жрец разрезал живот, рукой ловко доставал сердце и его, еще трепещущее, жгли в специальной каменной вазе под песнопения².

Принесение человека в жертву

¹ См.: postnauka.ru/faq/70196.

² Надо заметить, что не одни ацтеки были носителями таких ритуалов. И все ли мы знаем о первобытных ритуалах в Старом Свете, в том числе и у европейцев? Ведь человеческие кости археологи находят, хотя и редко, не только в традиционных погребениях и не всегда в анатомическом порядке. А испанцы, шокированные описанными фактами, как раз и застали ацтеков на стадии перехода от первобытности к рабовладельческому обществу.

В целом характеризуя общественный строй ацтеков XV в., можно называть его позднеродовым, находящимся на стадии формирования условий и государства. Общество состояло из фратрий, распадавшихся на роды. Демократичность выборов военных вождей уже не была полной. Верховных вождей выбирали из одного рода. Другие члены этого рода составляли совет при вожде. То есть уже происходило обособление знати – власть становилась наследственной. Правящий род не платил налогов. Созданию такой структуры способствовали постоянные войны, которые вели ацтеки, что и превращало военного вождя в постоянное должностное лицо. Эти же войны стимулировали разложение родового строя: накапливалась добыча, в том числе и военнопленными. Значительная часть из них, правда, становилась жертвами вышеописанного кровавого ритуала, но хороших ремесленников и других ценных пленников обращали в домашних рабов или использовали на общинных работах. Были рабы и из соплеменников – преступники, иногда и рабы-должники, что свидетельствует о размывании родовых отношений социальным неравенством¹. То есть перед нами предгосударственная организация – *вождество*.

Землей распоряжался племенной совет, распределявший ее между родами, а внутри родов старейшины делили участки между главами семейств, оставляя земли для содержания вождя, служителей храмов, военных запасов и уплаты дани (у подчиненных племен). Дополнительные участки полагались отличившимся воинам. Участки обрабатывались коллективно, часто с помощью рабов и переходили по наследству сыновьям (при их отсутствии возвращались роду для передела).

Такая система была хороша при достатке земли. В долине Мехико из-за роста населения возникает малоземелье и начинается обеднение рядовых общинников. В таких условиях происходит выделение привилегированных слоев (знати, жрецов), что приводит к обострению конфликтов ацтеков с соседями из-за земли и усилению социальных противоречий внутри самих ацтеков. Так в XV в. ацтекское общество подходит к формированию государственности. Такая, по европейским меркам, варварская государственность просуществовала до начала XVI в., пока испанцы под предводительством Э. Кортеса в 1519–1521 гг. не разрушили ее. Традиции общественного контроля за землей сближают рассмотренное ацтекское общество со средневековыми цивилизациями Востока.

МАЙЯ. Современный народ майя проживает в основном на территории мексиканского п-ва Юкатан и в Северной Гватемале. Их предки – ранние земледельцы – пришли сюда еще во II тыс. до н.э. К концу I тыс. до н.э. здесь сложился густонаселенный земледельческий оазис. С начала новой эры у майя зарождаются социальная дифференциация и

¹ В рабы могли продавать и нерадивых детей, что свидетельствует об определенном изменении психологии людей. Но отношение к рабам было еще патриархальным.

элементы государственности. С середины III в. отмечены первые цари и династии. Наибольшее количество монументальных сооружений, свидетельствующих о богатстве и возможностях общества, относятся к VIII–IX вв. При этом недостаток источников не позволяет четко понять систему управления у майя в I тыс. н.э.: либо было централизованное вождество, постепенно перераставшее в государство, либо существовало объединение многих (до 70) локальных автономных центров типа городов-государств¹.

Экономика и общественный строй. Первое тыс. н.э., до IX в., считается классической эпохой истории народа, временем его наибольшего расцвета. Существовало подсечно-огневое и мотыжное земледелие. Более совершенные пахотные орудия не появились не только из-за вышеуказанного отсутствия тягловой силы, но также из-за непрочности почвенного слоя, легко смываемого ливнями (что напоминает Тропическую Африку). Урожаи, однако, снимали большие благодаря качественной ручной (мотыжной) обработке земли и наличию высокоточного, сложного земледельческого календаря. Благоприятствовала и природа. Плодородие почвы восстанавливалось за 4–6 лет. У опытных земледельцев более 150 дней могли быть свободными от полевых работ и использовались для других занятий².

Путем селекции были выведены высокоурожайные сорта кукурузы, тыквы, бобовых. В дополнение к основным полям были и приусадебные участки с огородами и фруктовыми деревьями. Выявлены следы и более высокой агрокультуры: орошаемое земледелие с террасными полями. Разводили майя, как и ацтеки, ламу, птицу, занимались охотой, рыболовством, пчеловодством. Жили крестьяне обычно в хижинах из лиан и пальмовых листьев.

Майя создали своеобразную высокоразвитую и урбанизированную культуру. Существовали многочисленные города с богатой каменной архитектурой, со знаменитыми ступенчатыми пирамидами, стадионами, обсерваториями, святилищами³. Во дворцах были бани, туалеты, канализация. Большого расцвета достигли резьба по камню, скульптура. Но с металлургией было похуже: собственного сырья не было и все металлические изделия завозили.

¹ Подробнее см.: Сафронов А. В. Историческая география древних майя: традиционный подход и ГИС-метод // Российская археология. 2012. № 2. С. 97–107.

² Экономия времени достигалась и тем, что часто в одну лунку высаживали семена разных культур, вызревавших в различное время. Все это позволяло настолько рационально распределять сельскохозяйственные работы, что когда в 1950 г. умер последний из майя, помнивший старый календарь, у современного народа возник голод. Кстати, начинался этот календарь, в переводе на наш отсчет – с 11 августа 3114 г до н.э. Но, скорее, это некая магическая дата, ибо никаких событий на протяжении последующих 2,5 тыс. лет не обозначено [Даймонд Д. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2008. С. 219].

³ Раскопано уже более 100 городов.

С IX в. отмечается быстро прогрессирующий упадок майя. Связывают его преимущественно экологическим коллапсом. Быстрый рост населения в предшествовавшие столетия, чему способствовал отмеченный прогресс в агрокультуре, привел к перенаселенности: насчитывалось более 10 млн человек. Интенсивная экс-

Ступенчатая пирамида

плуатация тонкого плодородного почвенного слоя привела к его деградации, падению урожайности, в том числе основного продукта – маиса. Попытки вовлечь в оборот земли склонов вызвали уничтожение естественной растительности на них и оползни. Это происходило в условиях участвовавших засух, которые поразили наиболее населенные территории. Много дерева сжигалось при производстве больших объемов извести, необходимой для грандиозных строительных работ. Недавние исследования констатировали, что в более поздних постройках использовалось дерево худшего качества. Засухи, кстати, могли вызываться не только циклическими колебаниями климата, но быть и следствием подсеки, сводившей леса и отмеченных массовых заготовок древесины для производства извести.

В таких условиях активизировалась борьбы за ресурсы – усилились усобицы¹. В том же IX в. майя были разгромлены *тольтеками* – племенами, родственными майя по языку, но находившимися на более низком уровне развития. В X в. было создано майя-тольтекское государство на Юкатане. Но по культуре оно не достигло предшествовавшего уровня, хотя земледелие и ремесла оставались высокоразвитыми. В итоге большинство богатых и благоустроенных городов было покинуто и постепенно разрушилось. Сохранились лишь некоторые центры на севере п-ва Юкатан, менее, вероятно, затронутом засухой и аграрной деградацией, как, например, город Чичен Ица, развалины которого предстали миру после расчистки от джунглей.

Расцвет города пришелся на X–XI вв., когда он стал центром господства тольтеков. Но вскоре новое объединение распалось на ряд враждовавших между собой территорий. В конце XII в. после разгрома в ходе усиливавшихся усобиц, город пришел в упадок и захватившие Юкатан в 30-е гг. XVI в. испанцы застали его разрушенным в окружении индейских деревень, жители которых считали развалины этого города сакральными. В 1541–1546 гг. погрязшие в усобицах мелкие майя-тольтекские государства были завоеваны испанцами².

¹ inosmi.ru/science/20180205/241354884; ecoteco.ru/id1207/. А так же: *Даймонд Д.* Ук. соч., С. 204–234.

² Но как этническая общность майя сохранились. Теперь их насчитывается около 6 млн.

Чичен Ица

Общественный строй характерен сочетанием родовых отношений с рабством и был близок ацтекскому, но с большей ролью общины и коллективным регулированием землепользования¹.

Особенности повседневной жизни и религия. С точки зрения иноземцев внешний вид майя был весьма специфичен. Признаком красоты считалось косоглазие и детям к волосам подвешивали кусок свисавшего на лоб пластыря, мешавшего смотреть. Прокалывали отверстия в мочках ушей, в носу и над губой. Для придания благородства деформировали черепа (младенцам дощечками сдавливали головы). У женщин подпиливали зубы (заостряли, как у пилы). Проблему бриться решали просто – юношам прижигали лицо горячим полотенцем и борода не росла. Но зато волосы на голове у мужчин должны были быть длинными – брили головы только в наказание. Тела татуировали. Среди особенностей в обычаях исследователи отмечают, что майя признавали подростковый гомосексуализм².

Питание майя отличалось в зависимости от социального положения. Члены царских семей ели только наиболее престижных животных (ягуаров, крокодилов), представители средних слоев употребляли в пищу наибольшее число различных видов, а бедняки питались в основном рыбой и моллюсками из местных рек и из моря. В итоге разнообразие рациона среднего и низшего слоев было даже заметно выше, чем у элиты. Зато престижных зверей доставляли из далекой Южной Америки.

Наказания у майя отличались жестокостью. Казнь за убийство и супружескую неверность (если муж не прощал) производилась путем вытягивания кишок через пупок. Виновных аристократов клеймили.

Специфичными были медицинские представления майя. Они считали, что болезни возникают от непослушания, невыполнения ритуалов, табу, вмешательства злых духов. Но тысячелетние традиции жертвопри-

¹ Он напоминал шумерское или раннеегипетское общества.

² Тэннехилл Р. Секс в истории. М., 1995. С. 220.

ношений с расчленениями людей способствовали накоплению знаний анатомии и функций различных органов человека. Однако начиналось лечение приглашением знахаря, который для изгнания злых духов устраивал сеанс гипноза с использованием погремушек, перьев, благовоний и ритуальных танцев. Затем производились вполне рациональные процедуры: кровопускания, массажи, примочки, применялись настои из трав, фруктов, жира некоторых птиц, экскрементов игуаны (летучей мыши). В принципе, средневековая европейская медицина была не лучше. Но по сравнению с архитектурой и астрономией (календарем) медицина у майя не была сильным местом. Так, дизентерию лечили «коктейлем» из сока каучукового дерева, перемолотых грибов со стеблями молочая, проваренными полчаса вместе с экскрементами собаки и тапира. Очевидно, что после этого лекарства болезнь уходила вместе с больным. Большую роль в медицине майя, как и ацтеков, играло внушение. Знахари часто для успокоения больного давали бесполезные средства, но производившие сильное впечатление – орлиные крылья, копну волос¹. У майя была и стоматология: часто археологи находят челюсти с нефритовыми пломбами, хотя скорее их ставили в косметических целях (инкрустации), как и вышеотмеченное подпиливание зубов в виде частокола. И у ацтеков, и у майя были описания тысяч растений с рецептами для целебного применения, многие из которых – весьма полезные.

Религия майя, как и у ацтеков, была анимистической. Отражением социального неравенства были различия в пантеоне богов у знатных и простых людей. Кровавые ритуалы у майя тоже известны (хотя и не так детально, как у ацтеков). Существует предположение, что эти ритуалы были занесены тольтеками в IX–X вв. Главным жертвенным местом с X в. был глубокий колодец, существовавший с VI в. у наиболее крупного города *Чичен-Ица*. В этот колодец (*сенот*) бросали предварительно вымытых тут же в специальной бане приносимых в жертву рабов (детей, мужчин, реже – женщин). Вслед за ними сбрасывали украшения. От испанцев распространилось свидетельство о том, что в колодец ежегодно бросали только девушек – невест бога. Но современные исследования доказали, что, хотя ритуал человеческих жертвоприношений существовал, останков девушек там почти не обнаружили. Судя по расположению костей, жертвы были убиты и расчленены. Шейные позвонки несут следы ударов топором. На черепах найдены следы незаживших при жизни переломов, свидетельствующие об ударах дубиной. Среди захороненных было определено 13 мужчин и две женщины в возрасте от 18 до 42 лет. Анализ зубов и костей показал, что некоторые из умерших страдали от недоедания и потеряли несколько зубов из-за кариеса.

Вообще, погребальный и жертвенный ритуал майя, как и ацтеков, был весьма своеобразен и сильно удивил пришедших в XVI в. испанцев. У майя не нашли некрополей. Хоронили обычно в жилищах, под

¹ В современной медицине это называется «плацебо».

полом, или во дворах усадеб. Почетной, особенно для знатного, считалась смерть на жертвеннике. А поскольку жертвы приносились обычно пленными, то и само пленение тоже считалось как бы избранностью. Описывались случаи, когда пленного отпускали прощаться с родней под честное слово, и он возвращался для последующего принесения в жертву¹. Организация ритуала жертвоприношения у майя сходна с ацтекской: найдены следы обезглавливания с последующим удалением сердца².

ИНКИ. В период своего расцвета империя инков в XV в. охватывала почти 1 млн кв. км на территории современных Перу, Боливии, Колумбии, Эквадора, севера Чили и Аргентины³. Столицей был город *Куско*, расположенный в долине юго-восточного Перу. Первые люди появились там во II тыс. до н.э. и представляли собой скотоводческие и земледельческие племена. Уже со второй половины I тыс. до н.э. и в течение всего I тыс. н.э. в Центральном Андах на южном и центральном побережье современного Перу существовали обширные племенные объединения – вождества – с развитой аристократией, о чем свидетельствуют находки так называемых «царских» гробниц доинкской культуры *Уари* (VI–XI в. н.э.)⁴.

На рубеже I–II тыс. н.э. в эти места переселились отсталые скотоводы – *инки*. Подчинив местные племена, они восприняли их культуру и постепенно смешались с ними, хотя и сохранили существенные привилегии. В 1438 г. правитель инков **Пачакути** победил соседей и создал единое государство с монархической властью. Сложилась своеобразная деспотия наподобие древнеегипетской, но со значительным своеобразием. Завоеватели – инки превратились в наследственную аристократию, освобожденную от трудового налога, и, практикуя полигамию, они быстро увеличили свою численность. В начале XV в. насчитывалось 15–16 млн инков.

Хозяйство и общественные порядки. Земля была в государственной собственности. Участки ежегодно перераспределяли, чтобы к ним «не привыкали». Каждый житель получал участок для проживания семьи (женщинам полагалась половина участка). Средний надел равнялся 2700 кв.м. Семейные участки находились в собственности общины. Если участок не обрабатывался, его отбирали, а семью, которой он был отдан, изгоняли. Общинники, в счет уплаты податей, обрабатывали участки царя, знати, жрецов, а также земли, урожай с которых шел в государственные запасы, размеры которых поразили испанцев. Одного только маиса было накоплено на 10 лет вперед.

Землю обрабатывали палкой с бронзовым острием. Мужчины делали борозды, вслед за ними женщины на коленях специальными мо-

¹ polit.ru/article/2011/08/17/belyaev/

² inosmi.ru/science/20190216/244585816.

³ Инки – солнце на яз. кечуа.

⁴ korrespondent.net/tech/science/1575360-v-peru-obnaruzhena-grobnica-caric-period

тыгами разбивали комья земли. Воспринималось это как мистическая роковая борьба человека с землей и сопровождалось религиозными гимнами. Из животных прежде всего разводили лам (по 10 на семью, но принадлежали они общине). Высокого уровня инки добились в селекции растений. Они культивировали десятки сортов картофеля и томатов.

Значительного уровня достигло ремесло. Обработывали бронзу, серебро, золото. Производили высокохудожественные керамические изделия и ткани. Строили сложные ирригационные сооружения и великолепные дороги с ограждениями у обрывов, по которым, однако, из-за отсутствия вьючных животных передвигались лишь пешие путники. Знать, естественно, переносили на носилках. Но дороги помогали осуществлению весьма налаженной связи. В каждой деревне проживали специально назначенные гонцы, оперативно, бегом передававшие сообщения в соседнее поселение следующему гонцу, что обеспечивало быструю передачу информации, зафиксированной в узелковом письме¹. За день сообщения передавали на 240 км. Дороги были уложены ровными плитами, имели деревянные обочины с обложенными камнями канавами. Умели инки строить и многоэтажные дома.

Основной социально-экономической ячейкой, как и у других индейских обществ, была соседская община (*айлью*). Частной собственности у инков не было, но была корпоративная (собственность родовых групп – кланов). Постепенное истощение земельного фонда вело в таких условиях к государственному вмешательству, особенно в аграрную деятельность: власти определяли, что и когда сеять, убирать и т.п. Все собранное и произведенное свозилось в государственные хранилища и распределялось в соответствии с занимаемым в обществе положением (сначала знать – себе, затем остальным). Торговли по сути не было. Такая распределительная экономика предполагала жесткий контроль за трудовой деятельностью (была трудовая повинность для общинников), за местом проживания, хотя официального крепостного права не было. Власти на местах вмешивались и в семейную жизнь рядового населения. Даже выбор невест для рядовых общинников осуществлялся специальными чиновниками. Для стимулирования труда в таких условиях практиковались соревнования между общинами в сельскохозяйственных работах, которые обычно открывал и освящал правитель. В качестве поощрения применялось награждение напитками (особо распределялось кукурузное пиво), давалось право участвовать в церемониях и другие

¹ Узелковое письмо – кипу – напоминает недавние перфокарты (которые использовались в первых компьютерах). Но знали у инков этот способ письма немногие, ибо учились ему специально и учеба была долгой. Что, кстати, обеспечивало ограниченный доступ к информации [Пакуц Н. В. Новая книга об инках // Латинская Америка. 2010. № 2. С. 98–99].

моральные стимулы¹. Большим почетом окружали семьи, в которых росли девочки для жертвоприношений при коронации Верховного Инки.

Обычаи. И для инков были характерны кровавые ритуалы. При коронации Инки приносились в жертву 200 детей примерно десятилетнего возраста с безупречно чистой кожей, без родинок (их перед ритуалом опаивали алкоголем и напитком из листьев *коки*). Считалось, что эти жертвы продляют жизнь монарха.

В 1999 г. в храме недалеко от вершины вулкана на высоте более 6 тысяч метров над уровнем моря были обнаружены мумифицированные останки трех детей. Старшей девочке было 13 лет, двум другим – мальчику и девочке – около четырех или пяти лет. Находки относятся к XV в. Хорошо сохранившиеся останки девочки свидетельствуют, что о ней заботились: хорошо кормили, у нее были ухоженные волосы, красивая одежда. Перед жертвоприношением, примерно за два месяца, ей давали много алкоголя и коки, и она умерла, по-видимому, «*тихо и безболезненно*», как считает исследователь данной находки².

К середине XV в. относятся и недавно обнаруженные на северном побережье Перу следы массового жертвоприношения, в ходе которого были убиты более 140 детей и трое взрослых. Предполагается, что все они были убиты в ходе одного ритуала, вероятно, в течение одного дня. На всех останках обнаружено горизонтальное рассечение грудины, а часто – также раздвинутые грудные ребра. То есть жертвам нанесли режущий удар в грудную клетку, а потом, вероятно, извлекли сердце³.

Вообще, религиозные обряды, обожествлявшие Верховного Инку, были беспрецедентны. Он считался центром Вселенной. При нем находилось до 1500 девственниц, обреченных с 8 лет общаться только между собой и с женой Инки. За лишение девственности с их согласия несчастных закапывали живьем, соучастников – вешали, заодно убивая всю их семью, слуг, родственников и соседей, а также скот; селение преступника разрушали и засыпали камнями.

Смертная казнь у инков осуществлялась: побитием камнями, подвешиванием вниз головой, сбрасыванием со скалы, запиранием в клетке с ядовитыми змеями или хищниками. Нерадивых чиновников наказывали, сажая под обрывом и сбрасывая на них с высоты 1 м огромный камень (если выживали – их счастье). За проступки малолетних детей наказывали отцов. Тюремного заключения не было. Войны велись со страшной жестокостью. Когда последний (перед приходом испанцев) Верховный Инка – **Атауальпа** – победил противника, всех 80 потомков побежденного, в том числе детей, повесили или посадили на колья. Та же участь постигла и его многочисленных жен, причем беременных привязывали к

¹ С легкой руки французского историка 50-х гг. XX в. Луи Бодена такой строй инков часто называют социалистическим или коммунистическим.

² infoniac.ru/news/Detei-inkov-prinosili-v-zhertvu-nakachivaya-ih-alkogolem-i-kokoi.html?PAGEN_2=6&bxajaxid=ebfef794ae80709d711571fdeb8f698

³ polit.ru/news/2019/03/07/ps_huanchaquito_las_llamas/

столбам и вырезали младенцев. Часто кожу врагов натягивали на барабаны, из их костей делали флейты. Впрочем, незадолго до этого в войне инков с племенами араукан (в землях совр. Эквадора) последние, обороняясь от инков, перебили всех взятых в боях пленных.

Гибель империи. Описанная распределительная система не способствовала процветанию инкского государства. К появлению испанцев – в 30-е гг. XVI в. – империя оказалась ослабленной. В условиях усталости общества от деспотизма и роста сепаратистских тенденций пленение испанцами (во главе с *Ф. Писарро*) последнего Верховного Инки привело к развалу государства. Созданный тоталитарным режимом обширный административный аппарат, привыкший только исполнять приказы, после уничтожения правящей верхушки оказался парализованным, не способным организовать сопротивление. Когда в 1532 г. Писарро захватил в плен *Атауальпу*, разграбил богатства храмов, взяв выкуп, вероломно казнил пленника, никто не восстал. Для инков Атауальпа был тиран, для подчиненных им других индейцев – отпрыск угнетателей-инков. Когда же его преемник – *Манко Капак* призвал индейцев к освободительной войне, за ним пошли только немногие, для разгрома которых было достаточно нескольких сотен испанцев в 1535 г.

Кстати, отсюда же причина поразительной пассивности и населения других американских государств, которые сравнительно легко захватывали испанцы. Серьезное сопротивление оказали более сплоченные первобытные племена, еще не раздиравшиеся социальными противоречиями. Все это наслوилось на более совершенное оружие и военную тактику **конкистадоров**¹.

Выводы. Давая оценку доколумбовым обществам Америки, следует отметить в них причудливую (с точки зрения европейцев) смесь первобытных и раннегосударственных структур и обычаев. От первобытности, во многом – строгая регламентация жизни (от традиции, табу). Например, у ацтеков за лишний шаг в ритуальном танце полагалась смерть. Безусловное подчинение общинным распорядкам переносилось на такое же подчинение правителям. Труд (у инков) воспринимался как долг по отношению к власти, принудительный труд облагораживался старинными ритуалами. То есть эти общества так и не вышли за пределы первобытной ментальности. Консерватизм преобладал над способностью к новациям.

Вышеизложенное позволяет рассматривать данные общества как локальные варианты единой цивилизации, типологически близкой восточным. И быстрое затем подчинение испанцам – все те же традиции

¹ Завоевателей – исп.

беспрекословного подчинения старшим. Колонизаторы вскоре поняли, что достаточно захватить деспота и сопротивление блокировалось.

Эти общества были построены на совершенно иных духовных началах, чем западноевропейская цивилизация с ее культом индивидуализма, техники и линейного исторического времени. Для древнеамериканских обществ характерна циклическая трактовка развития мира, упор на чувственное в противовес рациональному, глубокий символизм. В наше время все это отразилось в очень своеобразной, по силе проникновения в духовный мир человека, латиноамериканской литературе и искусстве¹.

¹ *Васюк Г. В., Кручковский Т. Т. Древнейшие цивилизации Латинской Америки. Учебное пособие. Гродно, 1998. С. 103.*

СПЕЦИФИКА АЗИАТСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ. Основной специфической чертой развития Азии в доиндустриальное время была крайняя зависимость от природной среды. Это же относится и к другим неевропейским регионам: Африке и Америке. Поэтому, прежде всего, обратимся к ее географическим условиям.

Для большей части азиатского континента, и прежде всего это относится к очагам древнейших цивилизаций, характерна значительная удаленность от морского побережья. Береговая линия при этом мало изрезана, что затрудняло мореплавание и связи между различными регионами. Если в Европе 1 км берега приходится примерно на 30 кв. км суши, то в Азии – на 60 кв. км. Пригодные для проживания земли чередуются с пустынями и горными системами. В итоге на Востоке сложились довольно изолированные территории.

Достижения древних цивилизаций поэтому почти не воспринимались многочисленными континентальными племенами, на землях большинства из которых было возможно лишь скотоводство. А кочевое хозяйство от природы агрессивно, ибо оно – экстенсивное, рассчитанное на постоянный поиск новых пастбищ, так как в естественных условиях кормовая база восстанавливается медленнее, чем растет поголовье скота. Отсюда и враждебность к земледельцам, в которых кочевники видели препятствие к расширению своих угодий. Организация же кочевого быта с его подвижностью, отсутствием привязанности к определенному месту в сочетании с физической выносливостью, навыками всадников и постоянной готовностью к силовому отпору делали номадов потенциально сильнее земледельцев в военных столкновениях. И даже если земледельцы, в конечном счете, одерживали победы, им потом приходилось затрачивать огромные усилия на восстановление своих поселений и ирригационных систем.

Ирригация же на Востоке была крайне важна. При жарком климате и обилии солнечных дней водный режим был крайне неуравновешенным. Плодороднейшие долины крупнейших рек Востока страдали от периодической смены паводков засухами. Устойчивое земледелие было возможно лишь при наличии сложной системы по накоплению, отводу и сбережению воды. Это требовало огромных затрат времени и сил, что вело к усилению роли государства и централизованных прав на землю. Централизация была необходима и для оперативного отпора кочевникам, а также для восстановления разрушенного (хотя это удавалось не всегда). В итоге значительные ресурсы приходилось тратить нерационально, что замедляло развитие Востока¹.

¹ Зависимость от природы не прощала и экологических ошибок. Например, интенсивное орошение уже в IX в. привело к засолению Месопотамии и заболачиванию многих ее районов.

В Европе же, чем дальше на запад, тем природа в конечном счете была благосклоннее к человеку. Не очень плодородная в целом земля при умеренном климате и устойчивом водном режиме давала пусть небогатый, зато стабильный урожай и не требовала значительных коллективных усилий для земледелия. Равнинный рельеф с изрезанной береговой линией и развитой водной сетью способствовал установлению связей между народами. Отсутствие непосредственного контакта с кочевниками не требовало усиленной политической консолидации.

С другой стороны, жаркий и солнечный климат Востока не стимулировал прогресса в агрикультуре. В долине Нила, например, уже в древности снимали до трех урожаев в год¹. Так же не было нужды в теплой одежде и обогреве жилищ. Это способствовало более высоким поборам с крестьян и затрудняло накопление собственности у трудящихся. Природа Востока требовала лишь ее понимания и сохранения. Отсюда – консерватизм, вера в мудрость предков, стремление ничего не менять, что, естественно, вело к застою и даже порой к деградации².

Историческое развитие Востока в древности и, особенно, в средние века отличалось от европейского. Прежде всего, само понятие *средние века* в истории Востока имеет иное значение и иную хронологию, чем в Европе.

Если в Европе переход к феодализму довольно четко очерчивается второй половиной I – началом II тыс. н.э., то на Востоке время такого перехода весьма неопределенно. Если рассматривать средневековье как эпоху становления и господства феодальных отношений, как и древнюю историю считать эпохой рабовладения, то к Востоку это отнести трудно. И в древности, как отмечалось, там так же существовало крестьянское сословие с мелким земледелием, общинами на государственных или господских землях, и в средние века там сохранялся рабовладельческий уклад в разных формах, а частновладельческий феодализм не получил такого распространения, как в Европе.

Средневековье от древности на Востоке если и можно отличить, то по иным признакам: складыванию новых религий, повсеместной гибели старых государств и появлению новых. То есть для Востока понятия *средние века* и *феодализм* не тождественны.

А если сопоставить генезис восточного феодализма со схемой синтеза в Европе, то на Востоке был синтез развитых земледельческих обществ с первобытной или раннегосударственной (чаще кочевой) пе-

¹ Можно заметить, что на Востоке цивилизации сложились к югу от 40° северной широты, тогда как в Европе – в полосе 45–55°, то есть там, где на Востоке земледелия не знали.

² Например, урожайность в некоторых местах Индии в середине XIX в. была почти в 2 раза ниже, чем в XVI в.

риферией, что отнимало значительные силы, усиливало роль центральной власти – государства и сдерживало общее развитие. Отсюда, при более раннем, чем в Европе, начале складывания феодализма – его замедленное развитие.

Что же такое восточный феодализм? Поскольку на Востоке не сложилось предпосылок для формирования частной земельной собственности, феодализм здесь – форма централизованного управления обществом на основе единой – государственной формы собственности на землю (власть – собственность), централизованного сбора ренты и централизованного же ее распределения. Верность подданных гарантировалась не дарообменом, как на Западе, (сеньор вассалу – землю, тот – верную службу), а отсутствием у подданных гарантированных прав на обладание землей – основного источника существования.

В силу рассмотренных особенностей власть государя на Востоке стала всеобщей, опиралась только на традицию и не нуждалась в правовом оформлении. Она – выше права, имела мистическое происхождение, не требовала доказательств. Отсюда – гипертрофия государственной собственности и вообще власти государства¹. А все непричастные к власти – безликая масса подданных. Даже если среди них возвышались имущественные или социальные группы, по отношению к власти они – все равно рабы. Ибо у них не было никакой правовой защиты от произвола власти. Лишь традиционные объединения – касты, общины, кланы – как-то защищали. Отсюда их прочность и консерватизм.

Конечно, с развитием хозяйства, рыночных связей, частная собственность появлялась. Особенно к ней стремилась знать, пытаясь приватизировать права на землю. Но даже аристократия не могла подняться над произволом центральной, государственной власти, хотя периодически ослабляла правителей. Юридически, законом частная собственность не была защищена.

История каждой из вышерассмотренных стран наглядно демонстрировала, как с ослаблением государства из-за стремления знати оградить себя от произвола власти, усиливается произвол по отношению к труженикам. Они, естественно, считали виновными в этом частных землевладельцев, своих непосредственных эксплуататоров, которые своим сепаратизмом ослабляли центральную власть. В итоге «простой народ» обычно поддерживал очередного соискателя верховной власти, который, как правило, обещал порядок в управлении и уравнивание всех подданных в правах (то есть, по сути, обещал вернуться к нарушенной

¹ Такие государства называют этатистскими – (от фр. *État* — «государство»). См., напр.: *Нефедов С. А.* Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток. 2003. № 3. С. 5–22.

норме – всем быть рабами власти). В результате такой поддержки вновь усиливалась верховная власть и ослабевала частная. Иными словами, происходил передел собственности в пользу государства (монарха и его чиновников). Затем – новая хозяйственная стабилизация – новый рост частной собственности знати и усиление ее сепаратизма – ослабление государства – недовольство простого народа и... так по кругу. Что и было характерно для Востока – цикличное развитие как закономерность его исторической судьбы (естественно, с некоторым прогрессом в хозяйстве и культуре). Но в этом – и источник стабильности Востока.

Почему же на Востоке не сложилась подлинная, гарантированная правом частная собственность на землю? В силу рассмотренных географических условий государственная организация возникла здесь до начала формирования частных прав на земельные наделы. Государство стало гипертрофированной всеобщей общиной¹. Но такая огромная община не могла каждодневно воздействовать на своего главу, как на старейшину в деревне. Патриарх отдалялся от народа, был вынужден прибегать к помощи слуг. Но ничем, кроме традиции, такой патриарх не был ограничен. Окруженный слугами, отдаленный и отделенный от народа, правитель отрывался и от традиций. В итоге – деспотия.

Конечно, писанные законы были. Но наличие юридических кодексов сути не меняло. При монопольном праве властей на собственность власть сама себя же и контролировала. Естественно – слаб человек – законы могли и не соблюдаться.

Частная собственность на землю, которая все же формировалась из монарших дарений, пожалований, таким образом, складывалась только в среде приближенных к власти, то есть у высшей прослойки господствующего сословия, причем сверху, как дополнение к правам на сбор налога. Собственность же остальных была редкой, неполной, подверженной произволу, что отрицательно влияло на хозяйственную инициативу и тоже вело к застою.

Важен и моральный фактор – отсутствие гарантий прав личности. Даже знать подвергалась телесным наказаниям. Еще Конфуций писал: *«Народ не в состоянии понять правильный путь, его следует заставить идти по нему»*. Отсюда насилие, даже террор, ибо нужен страх. Без постоянного страха деспотический режим распадается (Ш. Монте-

¹ В Китае, однако, серия земельных реформ постепенно, как было показано выше, разрушила общину в деревне. Но сложилась как бы единая община на государственных землях, где была введена надельная система для всех подданных: по сути – единая общегосударственная община с уравнительным землепользованием. То есть надельная система воссоздавала всю ту же передельную крестьянскую общину, но в общегосударственном масштабе.

ские). *«Отсутствие частной собственности поддерживало систему беззакония азиатских деспотий, когда правил не закон, а чиновник»*¹.

Все рассмотренное отразилось и на духовной сфере – религии и культуре. Во всех восточных религиях велика роль магии, мистики. Ибо в таком мире маленький человек бессилен и перед стихией, и перед бюрократией. Государство воспринималось как нечто абстрактное и непостижимое, почти сверхъестественное, в котором нельзя что-либо отстаивать, а надо беспрекословно подчиняться, как божеству.

Таким образом, основа специфики Востока – гипертрофия государственности. Но, естественно, на таких огромных территориях с богатейшей историей, существовали региональные различия, модели.

Следует заметить, что по восточному пути пошло подавляющее большинство древних и средневековых народов. Это – генеральное направление развития на Земле, ибо оно естественно выросло из первобытнообщинных порядков. Для западного же пути развития нужно было уникальное стечение обстоятельств в античном Средиземноморье.

Генезис восточного пути – выделение власти не из имущественных прав, а из патриархальных традиций подчинения главе общины, который распоряжался общим имуществом и распределял его. Прочность власти зависела от умения удачно распоряжаться общим достоянием. Так была заложена основа административно-командной системы Востока, при которой собственность является лишь приложением к власти. Но, как показывает исторический опыт, быстрее развивается и динамичнее накапливает потенциал для благосостояния лишь то общество, которое воспроизводит западноевропейскую модель развития². Очевидно, опора на права личности, в том числе (и прежде всего) на имущественные, более всего соответствует человеческой природе. Доказательство этому – дальнейшее развитие европейских, азиатских и близких к ним цивилизаций в развитом и позднем средневековье.

Именно в первой половине II тыс. начинает проявляться несовпадение темпов развития Европы и Востока, что имело для последнего весьма трагичные последствия в виде колониального или полуколониального подчинения. Это еще более затормозило развитие огромного региона, в несколько раз превышавшего по размерам и ресурсам обогнавшую его Европу, точнее ее западную часть.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. Все познается в сравнении. В новую эру, как уже отмечалось, Восток вошел не только

¹ Непомнин О. Е. Ук. соч. С. 457.

² Успехи современных «восточных тигров» (Японии, Китая, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура) связаны или с давними традициями существования частой земельной собственности (Япония), или восприятием западных норм гарантий собственности уже в наше время.

с огромным опытом исторического развития, накопленным с древности, но и уровнем, опережавшим тогда цивилизованную Европу – античное общество¹. В течение I тыс. на Востоке отмечен даже скачек в развитии². Общее отставание в экономических показателях Запада от Востока в XI в. – примерно в 2 раза. Причины: накопленный на Востоке с древности опыт, грамотность, общая культура. Однако именно в рассматриваемое время, в первую половину II тыс., те социокультурные системы, которые теперь принято называть цивилизациями, достигли на Востоке потолка в своем развитии. Они оказались неспособными обеспечить растущие потребности увеличивавшегося населения. В итоге среднедушевой продукт не только не рос, но даже несколько сократился. К этому следует добавить и отсутствие технологического прогресса. Технические новации если и появлялись, то не внедрялись в производство. То есть наступил застой (стагнация), причины которой были заложены рассмотренной выше спецификой Востока.

Эти особенности породили нестабильность развития практически всех восточных цивилизаций и их неспособность уже в Новое время противостоять быстро растущим возможностям Западной Европы.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. Зависимость от налаженной ирригационной системы и соседство с агрессивным кочевым миром если не вело к разрушению цивилизаций Востока, то настолько их ослабляло и дезорганизовывало, что народы, испытывавшие набеги и периоды подчиненности, после освобождения от завоевателей обычно вынуждены были все начинать с начала.

Вспомним. Персидское государство первой половины I тыс. и отчасти Византию в VII–VIII вв. разрушили арабы. Их, в свою очередь, в XI в. разгромили турки-сельджуки. Их же в XIII в., а заодно опять Персию,

¹ Например, по среднегодовым доходам на 1 человека ханьский Китай несколько опережал Рим эпохи принципата: в Китае этот доход составлял в пересчете на цены 1980 г. 340–400 долларов, а в Риме – 300–400 долл. (то есть низы китайского общества жили лучше рядовых свободных римлян). Урожайность зерновых в Китае составляла 8–10 ц/га, в Риме – 6–8 ц/га. Уровень урбанизации (наличие городских поселений с населением свыше 5 тыс. жителей) в Китае – 11–12% всех поселений, в Риме – 9–10%, продолжительность жизни: в Китае – 24–28 лет, в Риме – 22–26 лет [Мельянцева В. А. Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 3; Мельянцева В. А. Восток и Запад во II тысячелетии: экономика, история и современность. М. 1996].

² В Китае, например, к концу I тыс. сбор зерновых вырос в 1,5 раза при росте урожайности до 14–16 ц/га, что превышало тогдашний европейский уровень в 4–5 раз. Железа в Китае в XI в. производилось по 1,5 кг в год на человека. В Европе этот уровень был достигнут лишь в середине XVI в. Темпы роста денежного дохода в Китае за вторую половину I тыс. (в 2 раза) соответствовали темпам, отмеченным в Голландии и Англии в XVI–XVIII вв., то есть когда там интенсивно «строили капитализм». В XI в. средние денежные доходы в Китае составили 600–700 долл. на человека в год, в Индии – 550–600 долл., в Египте – 470–530 долл., что было в 1,5–2 раза выше, чем в Западной Европе (См. там же).

а также Киевскую Русь и ряд других государств разгромили и опустошили монголы. В Малой Азии на рубеже XIII–XIV вв. – новая волна – турки-османы. А в XIV в. – Тимур и – новые опустошения. То же происходило и на Дальнем Востоке: на Китай IV–VI вв. нападали сяньбины, в X в. – кидани, в XIII в. – все те же монголы. Такие же волны накатывались и на Индию с середины I до середины II тыс.

Конфронтация с кочевниками вызывала на Востоке такой уровень военных расходов, который в Европе не знали¹. Как это влияло на экономический и жизненный уровень – понятно. Каждое завоевание – это не только гибель людей и хозяйственное разорение. Происходили смены правящих слоев, раздачи прав, земель новым господам, которые по новому организовывали государственные структуры (финансы, законы и т.д.). И так продолжалось не один раз. Например, турки-сельджуки и турки-османы дважды за несколько столетий на одной территории и фактическим одним этносом начинали сначала; и этот разрыв в три века сохранился до XX в. Ведь в XIV в. османам пришлось вновь создавать служилое сословие со специфическими формами землевладения, восстанавливать то, что уже существовало при арабах и сельджуках (икта, мюльк и др.). В Индии с VI в. система пожалований стала разлагаться и усиливалась частная собственность, которая начала играть весьма существенную роль к XIII в. Но затем мусульмане в Северной Индии все вернули к икта. Когда эта система под влиянием частнособственнических устремлений служилого сословия в Делийском султанате вновь стала разлагаться, монголы в конце XIV в. и начале XVI в. вновь все вернули на круги своя. В Японии, защищенной морями, всего этого не было и она развивалась, в итоге, динамичнее: с XI–XII вв. распространилась система поместного землевладения – сёэн, в XVII в. был установлен абсолютизм, в 1868 г. уже произошла первая в Азии буржуазная революция.

Как видно, природно-демографические факторы были тесно связаны с внешними. Сохранение коллективной земельной собственности вело, как уже выяснилось, к деспотизму, когда жизнь целого общества зависела от мудрости (или глупости), других добродетелей или пороков какого-либо правителя. Хозяйственная самостоятельность не поощрялась. Отсюда – приниженная роль генераторов экономического развития в средние века – городов. Это было связано с несколькими факторами.

На Востоке ремесло имело очень древние корни. Но оно выросло, прежде всего, как производство для нужд знати. В Европе же специали-

¹ Культовые и военные расходы на Востоке достигали в средние века до 15–25% валового национального продукта, в Западной Европе – 5–10% [Мельянцева В. А. Ук. соч.].

зированное ремесло возникло относительно поздно, но для нужд самой экономики, для нужд производства и всего населения. Отсюда – самостоятельность ремесла в Европе, необходимая для общественного прогресса в целом. На Востоке же города остались включенными в систему государственной бюрократической власти с мелочным контролем и регламентацией экономической жизни, что подавляло хозяйственную инициативу.

Более того, накапливаемые в городах, особенно в торговле, огромные средства из-за подчиненности горожан изымались властями из оборота и тратились на содержание многочисленной армии (и военных, и чиновников). Обширные ресурсы и право бесконтрольно ими распоряжаться в условиях деспотической власти развращали правителей – неисчислимые суммы уходили в роскошь, сокровища, гаремы, то есть попросту транжирились и проедались. Поэтому ростки капитализма в виде мануфактур и рынков не достигали зрелости как уклада до появления европейцев (колонизаторов).

То есть на Востоке город до появления там европейцев оставался средневековым. И это имело самые отрицательные последствия. На Ближнем Востоке технологический упадок был замечен уже в XII–XIII вв. (во время крестовых походов). В Китае количество изобретений сокращалось с XIV в.¹ Такое замедление развития до поры компенсировалось ростом населения, которое количеством заменяло энерговооруженность. В этом проявлялась и незаинтересованность властей в хозяйственном развитии (им хватало) и простых людей (из-за увеличения поборов при дополнительных доходах, то есть: больше сделаешь – больше отберут). Но такой подход вел к деградации основного источника жизни на Востоке – сельского хозяйства². Уровень урбанизации Западной Европы в XI–XVIII вв. вырос с 8–9% до 11–13%, а в Китае – уменьшился с 10–14% до 6–8%. На Ближнем Востоке количество крупных городов увеличилось, но сократилось общее число городов. На Востоке практически не отмечено роста продолжительности жизни, снижался уровень грамотности.

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. Религии Востока консервировали пассивность. Если в Западной Европе католицизм «со скрипом»,

¹ Производство железа там с примерно 1,5 кг на человека в год в XI в. уменьшилось к середине XVII в. до 0,8–1,2 кг. Энерговооруженность в XIII в. в Китае уступала западноевропейской в 2,5–3 раза, а в XVI в. – уже в 4–5 раз. В итоге доля накопления в национальном доходе, например, Индии XVI–XVII вв. стала меньше, чем в Риме I в. и Западной Европе XI–XIII вв. (0,8% против 3–5% национального продукта) [Мельянцева В. А. Ук. соч.].

² В Египте отмечено сокращение посевных площадей на душу населения – с 0,5 до 0,3 га. В Китае – с 0,4 га в XI в. (на человека) до 0,2 га в XVIII–XIX вв. То же происходило и с орошаемыми землями (См. там же).

но все же подстраивался к общественному развитию, а в XV–XVI вв. дополнился более соответствующим капиталистической идеологии протестантизмом, то на Востоке все древние и средневековые религии практически сохранились в неизменности. Индуизм консервировал кастовый строй, мешавший развитию товарно-денежных отношений. Буддизм уводил от реальности в область духовных абстракций и был против проявления жизненной активности.

Ислам, который поначалу способствовал прогрессу арабов, их включению в круг мировых цивилизаций, постепенно стал тормозом в общественном развитии из-за, во-первых, объединения светской и духовной власти в единое целое, сочетания монархии и теократии. В конечном счете ислам стал господствовать в светской жизни, чем воспрепятствовал прогрессу в науке и технике, особенно там, где нужны были заимствования из немусульманского мира (книгопечатание появилось у мусульман только в XVIII в.). Господство шариата привело к отсутствию женского образования в исламском обществе. Неграмотные, приниженные женщины мало что могли дать своим детям. Знаменитый индийский деятель первой половины XX в. М. Ганди говорил: *«Обучая мужчину, вы обучаете человека, обучая женщину – вы обучаете целую семью»*. В итоге из религии, стимулировавшей образование в раннем средневековье, ислам постепенно стал способствовать росту неграмотности в мусульманском мире к новому времени.

Во-вторых, ислам застрял на первой стадии ленной системы землевладения (с временным пользованием землей без права частной собственности). Это произошло из-за консервации патриархального обычного права в мусульманском кодексе, исламском праве (земля принадлежит Аллаху). От имени Аллаха землей распоряжается правитель. Так же по исламскому праву государство в лице правителя распоряжалось и движимостью правоверных. Отсюда – произвол, припрятывание имущества, невозможность пустить его в дело. Не случайно это заметно даже в восточных сказках: купцы, ремесленники всегда у них прибегают, ходят чуть ли не в лохмотьях, заискивают перед всемогущими вельможами. Ислам запрещал ростовщичество (христианство лишь осуждало его). В результате ростовщики были, но в подполье (брали деньги как бы за услуги, заключали фиктивные сделки купли–продажи). Это тормозило рынок, рождало теневую, то есть подпольную экономику (не платившую налогов), с коррупцией и уголовщиной. Взятка, которая «очеловечивала» связи и знакомства, выступавшие гарантией преданности патрону, была эффективным средством достижения цели. Она прочно вошла в привычки людей. Например, в администрации турок-османов при финансовом ведомстве в XVII в. одно время даже существовала «бухгал-

терия взяток», которая учитывала взятки, полученные должностными лицами и отчисляла определенную долю в казну¹.

В-третьих, для ислама был характерен фатализм: все определено Аллахом. Отсюда – покорность судьбе, подрыв предприимчивости, инертность, которые сменили раннесредневековую активность арабов².

Таковы причины и результаты замедления темпов развития, застоя (стагнации) Востока. Процессы эти, как было показано, происходили в средние века. Причем, учитывая территориальное и людское соотношение восточных и западноевропейской цивилизаций, можно считать, что не Восток отстал от Европы, а несколько западных стран совершили рывок в своем развитии. Впрочем, сути дела это не меняет. В дальнейшем, в том числе и в наше время мир пожинает плоды разных темпов развития Востока и Запада многими современными проблемами.

¹ Олюнин С. В. Османская модель традиционного общества // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур. Витебск. 2003. С. 280.

² Еремеев Д. Е. Почему Восток отстал от Запада? // Азия и Африка сегодня. 1989. №№ 7, 9, 11.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аграрные вопросы и крестьяне в Тропической Африке. М. 1964.
- Али Т.** Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М. 2006.
- Алаев Л.Б.** Сельская община в Северной Индии. М. 1981.
- Алаев Л.В.** Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. 1987. № 3.
- Алаев Л.Б.** Община в его жизни. М. 2000.
- Алаев Л.Б.** Средневековая Индия. СПб. 2003.
- Александров Ю.Г.** О формационной специфике докапиталистических восточных обществ // Народы Азии и Африки. 1987. № 3.
- Али Т.** Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М. 2006
- Археология Центральной Африки. М.1988.
- Ацтеки: империя крови и величия. М. 1997.
- Ацтеки: империя крови и величия. М. 1997.
- Ашрафян К.З.** Феодализм в Индии. М. 1977.
- Ашрафян К.З.** Средневековый город Индии XIII–XVIII вв. М. 1983.
- Ашрафян К.З.** Феодализм в Индии. Особенности и этапы развития. М. 1977.
- Бартольд В.В.** Культура мусульман // Соч. T.VI. М. 1966.
- Беляев Е.А.** Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М.1965.
- Березкин Ю.Е.** Инки. М. 1991.
- Бокщанин А.А.** Особенности развития феодальных отношений в Китае / Типология развития феодализма в странах Востока. М.1975.
- Бокщанин А.А.** Основные этапы развития городов в средневековом Китае // Зарубежный Восток. М. 1990.
- Бокщанин А.А.** Очерк истории государственных институтов Китайской империи // Феномен восточного феодализма. М. 1993.
- Бокщанин А.А.** Общество и государство в Китае // Восток. 2004. № 4.
- Большаков О.Г.** История халифата. Тт. 1–2. М. 1989–1993.
- Борисов В.М.** Арабское средневековье и ислам. М. 1968.
- Бютнер Т.** История Африки с древнейших времен. М. 1981.
- Вайян Дж.** История ацтеков. М. 1949.
- Ваккури Ю.** Цивилизации долины Нигера: легенды и золото. М. 1988.
- Ванина Е.Ю.** Власть и народ: политические воззрения средневековых индийцев // Московское востоковедение. М. 1997.
- Васильев Л.С.** Рабовладение и феодализм в древнем Китае // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М. 1966.
- Васильев Л.С.** Культы, религиозные традиции в Китае. М. 1970.
- Васильев Л.С.** Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М. 1976.

- Васильев Л.С.** История Востока. Т.1. М. 1994.
- Васильев Л.С.** История Востока. Т.1. М. 2001.
- Васильев Л.** Анатомия ислама // Новое время. 2005. № 27.
- Васюк Г.В., Кручковский Т.Т.** Древнейшие цивилизации Латинской Америки. Учебное пособие. Гродно. 1998.
- Викторова Л.Л.** Монголы. М. 1980.
- Воробьев М.В.** Государство и общественное производство в Японии до середины VII в. // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М. 1989.
- Воронель А.** Эдипов комплекс исламизма // Новое время. 2005. № 29.
- Всемирная история. Т. III. М. 1957.
- Галич М.** История доколумбовых цивилизаций. М. 1990.
- Гойтейн Ш.Д.** Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков. М. 2001.
- Головачёва Л. И.** Конфуцианство и современная цивилизация // Восток. 2005. № 3.
- Горненский И.** Тайны империи Чингисхана. М. 2004.
- Государство в докапиталистических обществах Азии. М. 1987.
- Грановский Т.Н.** Лекции по истории средневековья. М. 1986.
- Гуляев В.И.** Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М. 1983.
- Гусейнов Ч.** Авраамистические наивности, или во исполнение внутреннего наказа // Вестник Европы. 2006. Т.XVII.
- Дао и даосизм к Китаю. М. 1982.
- Дискуссионные проблемы средневековой Японии. М. 1991.
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л.** Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. 2012. № 3. С. 5–19.
- Доманин А.** Крестовые походы. М. 2003.
- Драгунский Д.** Молитва побежденных // Новое время. 2006. № 39.
- Дьяконов И.М.** Путь истории. М. 1994.
- Елисеефф В., Елисеефф Д.** Японская цивилизация. Екатеринбург. 2006.
- Емельянова Н. М.** Фархад Дафтари. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины // Восток. 2004. № 3.
- Еремеев Д.Е.** Этногенез турок. М. 1971.
- Еремеев Д.Е.** Почему Восток отстал от Запада? // Азия и Африка сегодня. 1989. № 7.
- Живая история Востока. М. 1998.
- Журавский А.В.** Бог и человек в исламе и христианстве // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. М. 1992.
- Зарин В.А.** Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. М. 1991.
- Идеалы самураев. СПб. 1999.
- Из истории африканского средневековья. М. 1986.
- Илюшечкин В.П.** О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987. № 3.
- Илюшечкин В.П.** Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае // Сословная организация в Китае. М. 1981.

- Искендеров А.А.** Тоётоми Хидэёси. М. 1984.
- Искендеров А.А.** Происхождение японского народа // Вопросы истории. 2011. № 11.
- История Востока. Т.I. М. 1995.
- История Востока. Т.II. Восток в средние века. М.1999.
- История Индии в средние века. М. 1968.
- История Ирана. М. 1977.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. Л. 1974.
- История Китая. Мн. 2004.
- История стран Азии и Африки в средние века. М. 1968.
- История стран Азии и Африки в средние века. Под ред. Ф.М. Ацамба и др. Для студентов исторических факультетов университетов. Ч.1–2. М. 1987.
- История стран зарубежной Азии и Африки в средние века. М. 1970.
- История Тропической Африки. М. 1984.
- Каплан Ф.** Толерантность и истина // Вестник Европы. 2006. Т. XVII.
- Киселев Г.С.** Хауса. М.1981.
- Киселев Г.С.** Доколониальная Африка. М. 1985.
- Китай: традиции и современность. М. 1976.
- Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М. 1986.
- Климович Л.И.** Ислам. 1965.
- Кобзев А.И.** Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4.
- Конрад Н.И.** Запад и Восток. 1966.
- Конфуцианство в Китае. М.1982.
- Кочакова Н.Б.** Города-государства йоруба. М.1968.
- Кравцова М.Е.** История культуры Китая. СПб. 1999.
- Крадин Н.Н.** Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград. 2006.
- Крадин Н.Н.** Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // Вопросы истории. 2010. № 5.
- Кривов М.В.** Византия и арабы в раннем средневековье. СПб. 2002.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.** Китайский этнос в средние века. М. 1984.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.** Этническая история Китая на рубеже средневековья и нового времени. М. 1987.
- Куббель Л.Е.** Сонгайская держава. М. 1974.
- Куббель Л.Е.** «Страна золота» – века, культура, государства. М. 1990.
- Кузнецов А.В.** Жизнь до рождения: история в средневековой арабомусульманской системе знаний // Одиссей: Человек в истории. № 1. 2012.
- Кульпин Э.С.** Человек и природа на Дальнем Востоке // Серия Социально-естественная история»
- Кязимов А.П.** О переводах Корана // Вопросы истории. 2003. № 1.
- Лаумулин М.Т.** Развитие востоковедения во Франции и изучение Центральной Азии // Восток. 2000. № 3.
- Ли Ги Бэк.** История Кореи: новая трактовка. М. 2000.

- Лобе М.** Трагедия ордена тамплиеров. СПб. 2003.
- Ломбар Д.** Императорский Китай. М. 2004.
- Луцицкая С.И.** Христианско-мусульманская полемика по поводу изобретений в эпоху крестовых походов // Одиссей. 2006.
- Лэмб Г.** Тамерлан. Правитель и полководец. М. 2003.
- Ляо Шумин.** В чем специфика китайской культуры? // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.
- Магидович И.П.** Очерки истории географических открытий. М. 1957 или 1982.
- Максимов Ю.** Религия креста и религия полумесяца. Христианство и ислам. М. 2004.
- Малявин В.В.** Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // Социальная организация в Китае. М. 1981.
- Малявин В.В.** Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М. 2000.
- Малявин В.В.** Китайская цивилизация. М. 2002.
- Медведев Е.М.** Очерки истории Индии до XIII в. М. 1990.
- Мельянцева В.А.** Восток и Запад во II тысячелетии: уровни, темпы и факторы экономического развития // Восток. 1991. № 6.
- Мельянцева В.А.** Восток и Запад во II тысячелетии: экономика, история и современность. М. 1996.
- Мещеряков А.Н.** Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987.
- Мещеряков А.Н., Грачёв М.В.** История древней Японии. М. 2010.
- Мишин Д.Е.** Политическая власть в мусульманской Испании (период эмирата, халифата и раздробленности, 756 г. – конец XI в.) // Восток. 2005. № 5.
- Мишин Д.Е.** Халифат в мусульманской Испании (период альморавидов и альмохадов: конец XI – первая треть XIII в.) // Восток. 2005. № 6.
- Мокир Дж.** Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс М. 2014.
- Мугрузин А.С.** Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М. 1986.
- Мусави Лари С.М.** Западная цивилизация глазами мусульманина. Баку. 1994.
- Мэн Д.** Чингисхан. М. 2006.
- Негря Л.В.** Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М. 1981.
- Непомнин О.Е.** Иерархия владельческих прав на землю в традиционном Китае // Частная собственность на Востоке. М. 1998.
- Нестерова Е. Р.** Представления о роли хана и характере верховной власти у монголов в начале XIII в. // Восток 2016. № 3.
- Никифоров В.Н.** Восток и всемирная история. М. 1975.
- Новичев А.Д.** История Турции. Л. Т. 1. 1963.

- Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М. 1966.
- Общество и государство в Китае. Вып. 1. М. 1971.
- Община в Африке. М. 1978.
- Орешкова С.Ф.** Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб. 1999. С. 474–494.
- Османская империя. М. 1990.
- Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М. 1982.
- Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 1. М. 2002.
- Очерки экономической и социальной истории Индии. М. 1973.
- Паниккар К.М.** Очерк истории Индии. М. 1961.
- Пасков С.С.** Япония в раннее средневековье. М. 1987.
- Переломов Л.С.** Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. 1981.
- Поластрон Л.** Книги в огне, история бесконечного уничтожения библиотек. М. 2007.
- Померанц Г.** Ислам Орианы Фаллачи и ислам Петера Воре // Вестник Европы. 2006. № 18.
- Путешествие Колумба. М. 1961.
- Рабство в странах Востока в средние века. М. 1986.
- Рашковский Е. Б.** Ислам: от племенных обществ – к постиндустриальной эпохе // Восток. 2001. № 1.
- Рид П.П.** Тамплиеры. М. 2005.
- Рыер Я.Р.** Да сучаснага разумення паняцця “феадалізм” // Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 1. С. 5–13.
- Риер Я.Г.** Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: генезис и особенности. Могилев. 2016.
- Россман В.** Китайский капитализм // Вестник Европы. 2004–2005 Т. XIII–XIV.
- Рус А.** Народ майя. М. 1986.
- Рыбаков В. М.** Уголовные законы династии Тан о дисциплине чиновничества // Восток. 2009. № 1.
- Рыбаков В. М.** Предписывающие законы династии Тан об отпусках чиновничества // Восток. 2009. № 3.
- Рыбаков В.М.** Танские законы о нанесении имущественного ущерба // Восток. 2015. № 2.
- Сагадеев А. В.** Гуманизм в классической мусульманской мысли // Историческая психология и социология истории. 2009. т. 2. № 1
- Сато Хироаки.** Самураи. История и легенды. СПб. 1999.
- Селезнёв Ю. В.** Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2.
- Семенникова Л.И.** Цивилизации в истории человечества. Брянск. 1998.
- Симбирцева Т.М.** История Кореи и России в российских и корейских учебниках // Восток 2004. № 6.

- Скрынникова Т.Д.** Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000.
- Скрынникова Т.Д.** Монгольское кочевое общество периода империи // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград. 2006.
- Смагина Е.Б.** Манихейская христология // Восток. 2010. № 2.
- Социальная организация в Китае. М. 1981.
- Социальная структура доколониальной Африки. М. 1970.
- Стингл М.** Государство инков. М. 1986.
- Строева Л.В.** Государство исмаилитов в Иране. М. 1978.
- Султанов Т.И.** Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М. 2006.
- Тверитинова А.С.** Страны Востока в средневековье // Средние века. 1971. Вып. 34.
- Тернбулл К.** Человек в Африке. М. 1981.
- Типология развитого феодализма в странах Востока. М. 1975.
- Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М. 1982.
- Тихонов В.М.** История Кореи. Т.1. М. 2003.
- Толстогузов А.А.** Очерки истории Японии VII–XIV вв. М. 1995.
- Узловые проблемы истории Индии М. 1981.
- Ундасынов И.Н.** Джучи-хан // Вопросы истории. 2008. № 9.
- Ушаков В. Д.** О переводе Корана: вопросы теории и практики (на основе опыта автора) // Восток. 2006. № 3.
- Фадеева И.Л.** Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М. 2001.
- Феномен восточного деспотизма. М. 1993.
- Фильштинский И.М.** История арабов и Халифата (750–1517 гг.). М. 1999.
- Форвард М.** Мухаммад. М. 2002.
- Хазанов А.** Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник еврейского университета в Москве. М. 1994. № 1(15).
- Цивилизации. Вып. 2. М. 1993.
- Шарма Р.Ш.** Переход от древности к средневековью в Индии // Вопросы истории. 1993. № 3.
- Эволюция восточных обществ. М. 1984.
- Эрнст К.** Суфизм. М. 2002.
- Якубовский А.Ю.** Государство Тимура // История Узбекской ССР. Т. 1. Кн.1. Ташкент. 1955.
- Wittfogel K.A.** Oriental Despotism. Yale university Press. Massachusetts. 1957.
- bbc.co.uk/russian/society/2015/01/150116_muhammad_images_controversy_gch
- centrasia.ru/newsA.php?st=1416549240
- delfi.lv/showtime/news/culturepark/local/ya-b-sprosil-u-putina-igor-guberman-pro-vremena-besplodno-glagolyaschih-gladiatorov.d?id=49550711&aIl=true

echo.msk.ru/programs/vsetak/1669496-echo/
echo.msk.ru/programs/vsetak/982544-echo/
inosmi.ru/asia/20130916/213011801.html
inosmi.ru/religion/20160510/236458080.html
inosmi.ru/social/20160130/235220190.html
inosmi.ru/social/20160313/235666089.html
inosmi.ru/social/20171126/240851740.html
inosmi.ru/social/20180110/241151515.html
inosmi.ru/social/20180110/241151515.html
inosmi.ru/world/20120726/195541595.html
inosmi.ru/world/20131109/214621475.html.
inosmi.ru/world/20140706/221474344.html
inosmi.ru/world/20141115/224254936.html
inosmi.ru/world/20150206/226069342.html
inosmi.ru/world/20150226/226498223.html
inosmi.ru/world/20150928/230496209.html
inosmi.ru/asia/20120413/190417128.html
ng.ru/ideas/2014-11-21/5_chaos.html
polit.ru/article/2006/09/19/sjukijaynen/
polit.ru/article/2011/06/14/yemen1/
polit.ru/article/2013/03/21/islam/
polit.ru/article/2013/03/21/islam/
polit.ru/article/2013/04/30/kuraev/
polit.ru/article/2015/01/24/fundamentalism/
polit.ru/article/2016/08/27/chalisova_lecture/
postnauka.ru/faq/60977
polit.ru/article/2012/11/20/ps_arabs_siria_wisdom/].
svoboda.org/a/24196252.html
svoboda.org/a/25668061.html
zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-01/sexualitaet-islam-erotik-vor-
moderne-entwicklung

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Век	Ближний Восток	Иран и Средняя Азия	Индия	Китай	Япония	Монгольское государство	Корея	Вьетнам	Бирма (Мьянма)	Лаос	Сиам (Таиланд)	Кампучия	Малайя	Индонезия
II								Создание государства Тямпа					Первые государства	
III				Гибель династии Хань (202). Создание империи Цзинь (265). Возникновение надельной системы (280)			Первые государства						Под властью кхмеров	Первые государства
IV		Возникновение маввхейства в Иране	Создание государства Гуптов (320)						Государство Шрикшетра (IV-X)					
V				Гибель империи Цзинь (420).										
VI		Правление Хосрова I Анауширвана в Иране (531-579)	Распад государства Гуптов (начало века)	Возникновение империи Суй (581)				Вьетская династия Ранних Ли (541-603)				Государство Ишанапуры		
VII	Выступление Мухаммада (610). Бегство мусульман в Йедро (622)		Правление Харша Вардхана (606-647)	Гибель империи Суй и возникновение империи Тан (618)	Начало «переворота Таика» (конец века).		Первое политическое объединение Кореи		Монское государство Давравати					Государство Шривиджайя на Суматре (VII-X)
VIII	Создание Дамасского халифата (772)				Возникновение самурайства и поместий - сёэн			Вьетская династия Ранних Ли (541-603)	Государство Наньмао. Араканское государство			Возникновение Государства Камбоджа-деша	Под властью Шривиджайи	Государство Матарам на Яве

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
АРАБЫ	6
ИРАН	41
ТУРЦИЯ	59
КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	75
ИНДИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	120
ИНДИЯ в первой половине II тыс.	132
КИТАЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	146
КИТАЙ в первой половине II тыс.	172
КОРЕЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	203
КОРЕЯ В X–XV вв.	214
ЯПОНИЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	238
ЯПОНИЯ В XIII–XV вв.	249
МОНГОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО	263
ВТОРАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ	294
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ в I тысячелетии н.э.	301
ВЬЕТНАМ. ВЬЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО в I тыс. н.э.	303
ВЬЕТНАМ в первой половине II тысячелетия	309
МЬАНМА (БИРМА). ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БИРМЫ	326
МЬАНМА (БИРМА) В XI – СЕРЕДИНЕ XVI в.	333
КАМБОДЖА	337
АНГКОРСКАЯ КАМБОДЖА (КАМБУДЖАДЕША)	342
ТЯМПА (ТЪЯМПА, ЧАМПА)	351
ЛАОС В XI–XV вв.	353
ТАИЛАНД (СИАМ) С XI ДО СЕРЕДИНЫ XVI в.	356
МАЛАЙЯ	362
ИНДОНЕЗИЯ	366
ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В XI–XV вв.	374
ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА	381
ДОКОЛУМБОВА АМЕРИКА	390
СПЕЦИФИКА АЗИАТСКОГО ФЕОДАЛИЗМА	407
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	417
СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	424